

Лун ЖАКОЛИО

Луи
ЖАКОЛЛО

Louis JACOLLIOT

Собрание
сочинений
в четырех томах

«ТЕРРА» - «TERRA»

МОСКВА

1993

Луи ЖАКОЛЦО

Собрание
сочинений

Том 4

«ТЕРРА» - «TERRA»

МОСКВА

1993

ББК 84.4 Фр
Ж 23

Составление *М. Секей*
Внешнее оформление *Ф. Барбышева*
Иллюстрации *Г. Кателли*

Подготовка оригинал-макета и оформления
осуществлены МП ТОО «Астра»

Жаколио Л.

Ж 23 Собрание сочинений. В 4-х т. Т. 4. Пожиратели огня/ Пер. с франц. — М.: ТЕРРА, 1993. — 528 с.: ил.

ISBN 5-85255-313-1 (т. 4)

ISBN 5-85255-309-3

В четвертый том Собрания сочинений известного французского мастера приключенческого жанра Луи Жаколио (1837—1890) входит роман «Пожиратели огня».

Ж 4703010100-069 Подписное
А30(03)-93

ББК 84.4 Фр

ISBN 5-85255-313-1 (т. 4)

ISBN 5-85255-309-3

© Издательский центр «ТЕРРА», 1993

ПОЖИРАТЕЛИ ОГНЯ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Роковое кольцо

I

Оливье Лорагю д'Антрэг. — Полковник Иванович —
Таинственная записка. — Галлюцинации. — Тайный
трибунал. — Отъезд в Париж.

В КОНЦЕ АПРЕЛЯ В ДОМЕ, ЗАНИМАЕМОМ атташе французского посольства графом Оливье д'Антрэгом, был большой съезд: молодой граф давал прощальный холостой обед своим друзьям, так как на другой день должна была состояться его свадьба с прелестной дочерью генерала Васильчикова. Собрался весь цвет блестящей петербургской молодежи.

В конце обеда, за шампанским, начались тосты. Последний был провозглашен отставным казачьим полковником Ивановичем...

— Я пью, господа, за здоровье счастливейшего человека, которого когда-либо знал, — проговорил он, глядя на жениха, — и да ниспошлет ему Бог дальнейшей удачи во всех делах!

Если бы кто-нибудь обратил внимание на тон говорившего, то был бы поражен усмешкой и загадочным взглядом, которыми сопровождалось это доброе пожелание. Но никому до таких тонкостей не было дела, и все усердно пили вино, радушно разливаемое хозяином.

Да и действительно, молодой граф Лорагю мог считаться ба-ловнем судьбы. Владелец хорошего состояния, аристократ по рождению, он едва ли достиг двадцати шести лет; здоровый, хорошо сложенный, сильный и ловкий, имевший привлекательную внешность и одаренный прекрасным характером, Оливье всегда был украшением кружка знакомых, в котором он вращался.

Немудрено, что он быстро пленил сердце дочери генерала, гордой и непобедимой доселе красавицы.

Когда все гости разъехались, молодой граф поспешил в дом своей невесты. Молодая княжна Васильчикова была одной из красивейших девушек Петербурга и чуть ли не первой по уму, образованию и душевным качествам при петербургском дворе. Она являлась олицетворением мечты любого молодого человека, намеревающегося избрать себе подругу жизни. Но из всех своих многочисленных поклонников княжна предпочла молодого графа Оливье д'Антрэга, а ее отец, представив дочери свободу выбора, не противился ее желанию стать женой молодого дипломата.

Последний вернулся домой в этот вечер сильно озабоченный, так как его невеста показалась ему менее веселой и беспечной, нежели обыкновенно. Какое-то облачко легло на ее лицо, и он напрасно старался развеять его, развеселить ее своими шутками, дружеским разговором и мечтами о близком счастье и предстоящем браке.

Войдя в свою спальню, Оливье заметил на маленьком столике у кровати запечатанный конверт; сердце его забилося под влиянием какого-то тревожного предчувствия, когда он дрожащей рукой разорвал конверт, и взгляд его упал на большой лист бумаги, украшенный необычного вида печатью, в центре которой ясно выступали два скрещенных кинжала. Письмо содержало всего несколько слов, написанных печатными буквами, очевидно, для того, чтобы замаскировать почерк:

*Французский коршун еще не держит в своих когтях
русскую голубицу.*

Невидимые

Эта фраза, очевидно, относилась к его будущей свадьбе.

Как конверт попал к нему в комнату? Кто и с какой целью хотел помешать ему жениться? Эти вопросы вереницей прошли в голове графа. Но сколько он ни напрягал свою память, никак не мог разгадать этой тайны. Чтобы получить какие-нибудь сведения, граф звонком вызвал своего слугу.

Лоран тотчас явился на зов.

— Кто принес это письмо? — спросил его граф.

— Никто не приходил к нам с вашего отъезда после обеда.

— Ты твердо уверен в этом?

— Так же твердо, как в том, что теперь очень поздно и что графу пора спать!

— Хорошо, Лоран, оставь меня!

Затем, оставшись наедине с собой, Лорагю снова задумался о мистификации, которой неожиданно подвергся.

При других обстоятельствах он, быть может, не придавал бы этой записке особого значения, но в сочетании со странным невеселым настроением его невесты она приобретала какой-то таинственный, недобрый смысл.

Кто, в самом деле, мог положить ее сюда, в его спальню, и сделать это, не будучи замеченным? Конечно, существовали разные тайные общества, прибегавшие к подобным приемам угроз, но он не имел с ними ничего общего и не мог даже предполагать, что навлек на себя чье-либо неудовольствие или гнев.

Рассмотрев вопрос со всех сторон, граф пришел наконец к заключению, что то была просто шутка со стороны кого-нибудь из его друзей, бывших у него на обеде. Спальня находилась рядом с курительной комнатой, и ничего не могло быть легче, чем незаметно подбросить записку на его столик.

Мысль заподозрить Лорана ни на одну минуту не приходила ему в голову. Этот верный слуга вполне заслуживал безграничного доверия своего господина. Еще его отец, дед и прадед служили семье д'Антрэга и считались как бы ее членами; бесконечная преданность Лорана молодому человеку не позволила бы ему принять участия в шутке, которая хотя бы на минуту могла встревожить молодого графа. Прежде чем поступить на службу к Оливье д'Антрэгу, Лоран служил в кирасирах, где усвоил чисто военное прямотушение и строгое исполнение своих обязанностей. Что же касается подкупа или каких-либо других способов воздействия на него, то об этом нечего было и думать: его неподкупность и честность были вне всякого сомнения; также нельзя было подействовать на него и силой, так как человек этот обладал геркулесовым телосложением. В бытность свою на военной службе он не раз, ради забавы, схватывал сзади телегу за задние колеса, и пара дюжих упряжных лошадей не могла сдвинуть ее с места. Когда он уезжал в Россию, сопровождая молодого графа, старый маркиз сказал ему:

— Лоран, я поручаю тебе моего сына; помни, что это последний из д'Антрэгов!

И верный слуга всегда помнил это, не спуская глаз с молодого графа.

Таким образом, последнее предположение Оливье было наиболее вероятным: в числе его гостей находилось много молодых людей в том возрасте, когда шутки еще простительны; и эта записка, так сильно встревожившая его в первый момент, в сущности, не выходила за дозволенные пределы шутки.

Несколько успокоенный этими рассуждениями, граф почувствовал некоторое облегчение; тем не менее пережитое волнение отозвалось на нем: он ощущал известное возбуждение и томи-

тельную сухость во рту. Подле него на столике стояли графин с водой, вазочка с сахарным песком и флакон флердоранжа. Он протянул руку к графину, приготовил себе питье и стал пить его большими глотками с видимым наслаждением. Утолив свою жажду, граф, полулежа на диване, предавался мечтам, которые унесли его далеко от действительности, и вскоре, сам того не замечая, погрузился в легкую дремоту; но едва он задремал, как с ним стало происходить что-то странное: голова его отяжелела, руки и ноги как будто налились свинцом, а силу воли точно сковало железным кольцом. В этот момент ему показалось, что одна стена его спальни раздвинулась и из нее вышли четыре человека. Они приблизились к нему, надели ему повязку на глаза и подняли его на воздух. Графу казалось, что его куда-то несут.

Наконец это чувство беспомощности прошло. Граф очнулся, открыл глаза и увидел себя в совершенно незнакомой комнате. Он вскочил на ноги и тут только заметил, что он не один: в нише, совершенно защищенной от света, была видна тень сидящего человека.

— Граф Лорагю, — послышался из ниши голос, — вас привели сюда, чтобы вы сейчас дали торжественное слово формально отказаться от руки вашей невесты.

Несколько минут граф, пораженный всем происходящим, молчал, а затем, справившись со своим волнением, спросил, стараясь придать словам как можно более насмешливый тон:

— Ради чего я должен это сделать? Ради того, может быть, чтобы на ней мог жениться один из мошенников вашей шайки и воспользоваться ее богатством?

— Вы угадали, граф, вы избавили нас от труда вам разъяснять. Мы не можем упустить богатство дочери князя и добровольно отказаться от вашей невесты.

— А если я не откажусь? — спросил граф.

— Вы откажетесь, мы вам дадим срок подумать три месяца, и благоразумие подскажет вам последовать нашему совету.

— Так я могу вас уверить, что вы не получите моего отказа, — вскричал граф, — ни теперь, ни завтра, ни через три месяца. Неужели вы думаете, что граф Лорагю струсит перед какими-то шантажистами?

— Все это слишком сильные выражения, молодой человек. Могу вас уверить, что обстоятельства заставят вас отказаться, но мы надеялись сделать это теперь и полюбовно. Как знаете, в таком случае!

— Напрасно вы рассчитывали на это! Вот все, что я могу вам сказать! Делайте, что хотите, но я никогда не откажусь от своей невесты!

— В таком случае это будет борьба не на жизнь, а на смерть, борьба без пощады, помните это!

— Я принимаю вызов! Борьба так борьба! — воскликнул молодой граф.

— Вы будете побеждены!

— Пусть так, но я не сдамся без сопротивления.

— Я хочу все-таки предупредить вас, что каково бы ни было ваше решение, нами приняты меры, и ваш брак не состоится.

— И это вы воспрепятствуете ему?

— Да, мы! Вы поступили бы благоразумнее, если бы добровольно покорились неизбежному, иначе вам придется исчезнуть!

— На это я готов!

— Но ваш час еще не настал. Верховный Совет дает вам три месяца на размышление. Если до истечения этого срока вы не подчинитесь нашим требованиям, то получите извещение о своем приговоре!

— Смертном, не так ли?

— Да, это единственное средство заставить исчезнуть человека, который мешает нам, и никакая власть в мире не может вас спасти от приговора Верховного Совета!

— Я удивляюсь только, почему, если вы можете помешать моему браку, вы так упорно добиваетесь моего отказа?

— Это тайна, и я ничего не могу сообщить вам об этом. Теперь нам нечего больше сказать вам, и вы будете оправлены обратно в вашу спальню точно так же, как были доставлены сюда. Будьте любезны, позвольте завязать вам глаза!

— А если бы я вздумал не позволить?

— Нам пришлось бы употребить силу.

— В таком случае пусть будет, как вы желаете! — сказал Оливье.

Но в тот момент, когда ему собирались завязать глаза, он вдруг вырвался из рук окружающих его людей и, подойдя к столу, за которым заседал таинственный ареопаг, громким и уверенным голосом произнес, обращаясь к председательствующему:

— Полковник Иванович, мы еще с вами увидимся и поговорим!

— Я — не полковник Иванович! — возразил совершенно спокойным и ровным голосом тот, к кому были обращены эти слова.

— Так сбросьте маску! — крикнул Оливье.

— Я не властен в своих поступках, но чтобы ты не мог усомниться в правдивости моих слов, я испрошу разрешения открыть перед тобой мое лицо.

С этими словами председательствующий поднялся со своего кресла; остальные последовали его примеру и, собравшись в куч-

ку, некоторое время довольно оживленно совещались между собой. Затем все заняли свои прежние места.

— Граф Лорагю д'Антрэг, дайте мне слово дворянина в том, что никогда, нигде, ни при каких обстоятельствах, даже и ради спасения вашей жизни, не признаете меня в случае, если мы с вами когда-нибудь встретимся!

— Что вы понимаете под этим? Что, встречаясь с вами вне этих четырех стен и зная, что вы принадлежите к преследующему меня тайному обществу, я должен, в силу данного слова, отказаться от справедливой мести по отношению к вам?

— Нет, я только требую от вас, чтобы вы ни перед кем не выказывали, что знаете меня; что касается вашей мести, то я ее не боюсь, и вы вольны поступать, как вам угодно!

В последних словах говорившего слышалось столько пренебрежения, что кровь бросилась в голову молодому графу.

— Даю вам слово выполнить то, что вы требуете. Но со своей стороны объявляю, что если действительно, как вы говорите, мой брак не состоится, я ставлю на карту против вас и все свое состояние, все свои силы и все свое мужество! До последнего моего издыхания у меня не будет иной задачи в жизни, иной цели, как только мстить!

Резкий злобный смех был ответом на слова Оливье, после чего неизвестный председатель медленно приподнял свою маску, и глазам молодого графа представилось старчески бледное лицо, обрамленное густой, серебристой, как иней бородой. Оливье д'Антрэг жадно впился глазами в это лицо, наполовину скрытое чересчур густой бородой, стараясь запечатлеть в своей памяти его черты. Но в этом лице не было ничего характерного, ничего выражающего недюжинную силу, ум или энергию; оно скорее напоминало собой восковую маску, обрамленную театральной окладистой бородой, нечто, скорее напоминавшее «ряженого», чем живого человека в его естественном виде.

Но прежде, чем молодой граф успел взвесить и сопоставить все эти впечатления, неизвестный уже снова надел маску, лампа погасла, и вся зала вместе с присутствующими погрузилась во мрак.

На графа снова надели повязку, затем подняли на воздух и понесли. Вероятно, в повязке заключалось что-нибудь наркотическое, потому что молодой человек снова впал в забытие, а когда проснулся, то уже было около двенадцати часов ночи.

— Это был сон, кошмар! — уверял себя Лорагю.

Однако мелочи и подробности всего происшедшего убеждали его в противном. Прежде всего граф вскочил с дивана и исследовал ту стену, которая казалась ему раздвинувшейся этой

ночью, но не обнаружил ни малейшего признака какого бы то ни было механизма.

— Да, наконец, соседний дом принадлежит князю Барятинскому, этому блестящему джентльмену, — думал граф. — Во всяком случае мошенники и шантажисты не могут заседать у него в доме.

Эта мысль показалась ему до того дикой, что он улыбнулся и в конце концов приписал все происшедшее галлюцинации, вызванной странной запиской, которую он нашел на своем столе в спальне.

Позвав Лорана, Оливье приказал разбудить себя в девять часов, так как он должен был рано явиться во французское посольство и оттуда вместе с посланником, предложившим ему заменить отсутствующего отца во время брачной церемонии, отправиться прямо в церковь.

После ухода Лорана граф разделся и лег спать. Спустя несколько часов легкий стук в дверь разбудил его.

— Кто там? — спросил Оливье.

— Это я, Лоран! Сейчас прибыл нарочный от французского посла; вас просят немедленно прибыть туда!

В одну минуту молодой человек оделся, вскочил в экипаж и помчался к своему начальнику. Тот встретил его словами:

— Будьте тверды, мой юный друг, я имею сообщить вам нечто чрезвычайно важное, иначе я не стал бы беспокоить вас в такое неурочное время!

— Я на все готов, г-н посланник, говорите, я слушаю!..

— Так вот, сегодня ночью князь Васильчиков, ваш будущий тесть, был увезен в Сибирь, а его дочь, ваша невеста, отправлена в монастырь!

— В Сибирь... в монастырь! — пробормотал молодой граф, после некоторого молчания и готов был уже сообщить о странном предостережении, полученном им в таинственной записке, но удержался, подумав, что это может оказаться пагубным для него и для его близких а потому, умолчав обо всем, что его смущало в данный момент, молодой человек, собравшись с силами и подавив свое волнение, обратился к своему начальнику с просьбой сообщить ему причины случившегося, если только они ему известны.

— Говорят разное, — ответил посланник, — но докопаться до истины очень трудно. Будьте только осторожны, Бога ради, не допускайте какой-нибудь опрометчивости. Если позволите дать вам добрый совет, то уезжайте скорее отсюда. Я охотно дам вам отпуск, и вы можете немедленно выехать в Париж.

— Я подумаю о вашем любезном предложении и, быть может, воспользуюсь им!

— Да, но у вас нет времени на размышление; вам необходимо сегодня же покинуть Петербург и через двадцать четыре часа переехать границу!

— Так значит, это приказание, а не совет? Ваше превосходительство настаивает на моем немедленном отъезде?

— Да, мой друг, для вашего же блага, и если хотите, я скажу вам, что сам получил предписание от высших властей выдать вам немедленно ваши бумаги, хотя мне достоверно известно, что в высших сферах к вам по-прежнему очень расположены. Опасаются только какого-нибудь необдуманного поступка с вашей стороны под влиянием постигших вас огорчений, поступка, который мог бы иметь самые пагубные для вас и для ваших друзей последствия. Поезжайте с Богом и верьте мне: ваше отсутствие и время больше сделают для осуществления ваших планов, чем все, что вы могли бы предпринять в настоящее время.

— Да, но уехать так, не повидав ее, не услышав от нее ни единого слова утешения, не проникнув в эту ужасную тайну...

— Что же делать?! Отданы строжайшие предписания; вы никаким образом не можете видеть ее!

— Ладно, я покорюсь! Когда я должен выехать из Петербурга?

— Через два часа!

— Но это невозможно: я не успею собраться!

— Оставьте в том виде, как есть, и дом, и штат прислуги, словом, все, как будто вы уезжаете на самое короткое время. Я твердо уверен, что ваше отсутствие не будет продолжительным!

— Будем надеяться! — со вздохом сказал граф, стараясь подавить свое горе и отчаяние, — теперь позвольте мне откланяться!

С этими словами он простился со своим начальником и поехал домой.

— Пусть так, — мысленно решил он, садясь в карету, — я уеду, но вернусь свободный... и тогда!

Возвратясь к себе, Оливье позвал Лорана и сказал ему:

— Лоран, неожиданные обстоятельства вынуждают меня отсрочить мою свадьбу на некоторое время. Через два часа мы уезжаем в Париж по делам службы. Я не беру ничего из своих вещей, кроме самого необходимого; позаботься, чтобы к назначенному времени все было готово!

Верный слуга, привыкший к такого рода неожиданностям, хотя и озадаченный внезапной отсрочкой предстоящего брака, без возражений принял за сборы в дорогу.

Оливье д'Антрэг прошел в свою спальню, чтобы захватить с собой те предметы, которыми он особенно дорожил и которые не хотел оставить, и остановился, как вкопанный: на камине лежал точно такой же конверт, как накануне на ночном столике. Схватив этот конверт, он дрожащей рукой разорвал его и прочел содержание записки:

Помни, что через три месяца один из наших явится к тебе за ответом в Париж.

Невидимые

В первый момент молодой граф вынужден был прислониться к камину, чтобы не упасть: до того сильно было его потрясение, но вскоре он овладел собой.

— О, я знал, что то не был сон! Я в этом был уверен! — сказал он. — Но как могли эти люди унести меня из спальни без малейшего сопротивления с моей стороны?

Тут ему вдруг вспомнился стакан сахарной воды с флердоранжем, выпитый им перед тем, как он задремал. Недолго думая, он подошел к столику и, захватив из стоявшей на нем вазочки часть сахара и флакон с флердоранжем, сунул их в свой чемодан, а также взял немного воды из графина, которую он отлил в небольшой пузырек, решив в Париже, на свободе, сделать анализ всех этих веществ. Затем он стал торопить Лорана, спеша покинуть эти места, где в течение одной ночи разбиты были все его надежды на счастье. Он собирал самые необходимые свои документы, бумаги и кое-какие сувениры, особенно дорогие ему, когда Лоран уведомил его о приходе какого-то незнакомого человека, настоятельно желавшего видеть графа.

Каково же было удивление молодого графа, когда он узнал в этом человеке доверенного слугу князя Васильчикова.

— Что такое случилось у вас, Сергей? — спросил он вне себя от волнения. — Быть может, ты сумеешь объяснить мне это? Я ничего не знаю, ничего не понимаю!

— Мы также ничего не знаем, ваше сиятельство, — ответил пришедший. — Сегодня ночью княжна призвала мою жену и сказала ей, чего она требует от меня. Она поручила мне передать вам вот это кольцо, подобное тем, какие носят восточные власти. Княжна просила также передать следующие слова: «Пусть граф д'Антрэг продолжает верить в меня и не дает воли своему отчаянию. Если ровно через два года, в это самое время и в этот самый день, он не свидится вновь со мной, то пусть надавит на камень в этом перстне, и тогда он узнает, чего я жду от его

преданности и от его любви ко мне!» Вот и все, что мне было поручено передать вам, граф! Бедная княжна не имела даже пяти минут в своем распоряжении, когда ей было доставлено приказание немедленно отправиться в монастырь; ей даже не дали времени проститься с отцом.

Молодой человек отвернулся на мгновение, чтобы стереть украдкой слезу, наворачнувшуюся ему на глаза; когда он обернулся, Сергея уже не было в комнате.

Час спустя Оливье Лорагю д'Антрэг сидел, удобно расположившись в спальном вагоне, и мчался на всех парах к немецкой границе. Он не бежал от грозившей ему опасности, а только, покоряясь своей участи и силе обстоятельств, уезжал в изгнание под благовидным предлогом отпуска.

II

Прогулка в Булонском лесу. — Посланец Невидимых. — «Помните, что это борьба не на жизнь, а на смерть». — Состязание. — Князь Урусов. — Ограбление.

РОШЛО ТРИ МЕСЯЦА ПОСЛЕ ОПИСАННЫХ событий. Граф Оливье Лорагю все это время жил со своим отцом в родовом особняке на улице св. Доминика, в одном из самых уединенных кварталов шумного Парижа. Почти отрешившись от светской суеты, молодой человек вел затворническую жизнь, и друзья видели его только изредка в залах жокей-клуба и на скачках. Верховая езда и спорт были страстью графа, которую он унаследовал от целого ряда поколений.

Пятнадцатого июля, спустя три месяца после отъезда из Петербурга, Оливье Лорагю, сидя на своем любимом коне Баярде, объезжал Булонский лес. Это был час встреч; аллеи парка пестрели множеством всадников и амазонок парижского света и полусвета, и графу ничего не оставалось, как свернуть в одну из темных и одиноких аллей. Отпустив поводья, молодой человек мечтал о далеком и все-таки милом Петербурге, о бедной девушке, которую окутала какая-то роковая тайна. В эту минуту ему хотелось снова вернуться в Россию и отправиться на поиски невесты и ее отца.

— Граф Лорагю, если не ошибаюсь! — раздался голос за спиной молодого человека.

Граф обернулся и увидел подъехавшего к нему элегантного джентльмена на красивом коне.

— С кем имею честь говорить, милостивый государь? — спросил граф, оглядывая с любопытством и недоверием молодого и очень изящного джентльмена.

— Быть может, ночь накануне вашего отъезда из Петербурга, граф, напомнит вам и объяснит нашу встречу! — отвечал незнакомец.

Эта новость до такой степени была неожиданна для графа, что он вздрогнул и дернул лошадь в сторону.

— О, не бойтесь, граф, — с улыбкой остановил его незнакомец, — ваша жизнь вне опасности.

Эта фраза была сказана так едко и обидно, что Лораго поднял Баярда на дыбы и бросился на оскорбителя.

— Ни с места! — крикнул тот и направил на графа дуло пистолета.

— Я забыл, — сказал граф, — что мошенники играют только с верными картами. Что же вам нужно от меня? Неужели вы не оставите меня в покое и в Париже?

— Оставим сейчас же после того, как вы дадите формальное отречения от руки вашей невесты.

— Я сказал уже однажды, что вы его не получите!

— Вы его дадите, граф; благоразумие прикажет вам это! Поймите, что с этого момента вы являетесь для нас препятствием, которое должно быть устранено, — как и когда, об этом мне ничего не известно. Удовольствуется ли Совет тем, что доведет вас до полного бессилия или же решит покончить с вами раз и навсегда, — это будет зависеть, главным образом, от вас самих, от того, что вы намерены делать и как будете себя держать в будущем! Я же лично, могу вас уверить, не питаю к вам никаких враждебных чувств и вплоть до вчерашнего дня не только не знал вас, но даже не подозревал о вашем существовании!

Слова эти были произнесены незнакомцем мягким, почти растроганным голосом. Это внушило молодому графу мысль постараться разузнать от него что-нибудь о своих друзьях.

— Как вижу, вы, милостивый государь, принадлежите к кругу тех людей, у которых порядочность и воспитанность являются наследственными, — заметил он. — Так скажите же мне, почему вы принимаете на себя роль исполнителя чужой воли по отношению к человеку, который никогда не сделал ничего, чтобы заслужить ваше недоброжелательство?

— Этого вы никогда не поймете... И я ничего не могу сказать! Прощайте, мое поручение исполнено; — мне остается теперь добавить еще только одно: если мы встретимся с вами где-нибудь в обществе, в театре или на гулянье, и вы узнаете меня, то я прошу вас, в ваших же интересах, не подавать вида, что вы меня узнали!

— На это я должен вам сказать, что если мне представится случай встретиться с вами, то я не буду слушать иного голоса, кроме голоса моей личной безопасности, и поступлю так, как мне подскажет мое чувство самосохранения.

— Как вам будет угодно — это было просто предостережение! — сказал незнакомец.

— В таком случае я также считаю нужным предостеречь вас, что по отношению к таким врагам, которые действуют тайно и под личиной, я считаю все средства борьбы законными. Вы вызвали меня на борьбу, борьбу дикарей, и я готов поддерживать ее и бороться с вами тем же оружием; для начала, так как мне во всяком случае необходимо знать, с кем я имею дело, я предупреждаю, что не отстану от вас ни на шаг до тех пор, пока не сумею открыть вашего имени: скакун у меня бодрый, и вам едва ли удастся уйти от меня!

Звонкий пренебрежительный смех был ответом на эти слова графа.

— О, граф, вы делаете мне слишком много чести! — насмешливо сказал незнакомец, потрепав по шее своего коня.

Оба всадника пустили лошадей рысью. Они пересекли главную аллею и углубились в маленькую, узкую и к тому же запрещенную для лошадей. Незнакомец как будто нарочно туда направился, потому что в конце аллеи был барьер. Достигнув его, он даже не пришпорил коня, который прекрасно взял барьер. Баярд одолел его гораздо тяжелее и начал немного отставать. Граф пришпорил его и снова выровнялся. Тогда началась борьба, продолжавшаяся минут двадцать. Баярд, не знавший соперников в быстром беге, тем не менее начал отставать на несколько корпусов от коня незнакомца.

Эта скачка привела всадников к озеру. Незнакомец слегка дал шпоры своему коню, и тот, с размаху бросившись в воду, поплыл с легкостью утки. Напрасно граф пришпоривал и даже хлестал своего Баярда: конь пугливо фыркал, бил задом, к великому удовольствию собравшегося народа, а в воду все-таки не пошел.

Граф был побежден, сконфужен, уничтожен. Он повернул лошадь домой, и в это время до его слуха донесся отдаленный крик с того берега:

— До скорого свидания, граф!

Приехав домой вне себя от злобы, Лорагю тотчас пошел в кабинет отца, чтобы рассказать ему о своем приключении и спросить совета. Старого графа не было дома, и зная, что его легче всего застать в клубе, молодой человек отправился туда. Действительно, почтенный аристократ восседал в игровой ком-

нате клуба. Граф подошел к нему и только начал рассказывать о своем поражении, как онемел от изумления: за одним из столов сидел его утренний незнакомец и преспокойно играл в карты с генералом Буало. Поборов свое волнение, граф обстоятельно описал отцу свое приключение.

— Так это, значит, продолжение твоей истории в России? — спросил отец.

— Да, и что всего интереснее, виновник моего утреннего поражения находится здесь, в клубе.

— В клубе? Ты с ума сошел.

— Это так же верно, как то, что я вас люблю и уважаю, отец.

— Где же он? Не мучь меня, покажи.

— Партнер генерала Буало.

— На этот раз я окончательно прихожу к выводу, что ты болен, — сказал старик. — Да знаешь ли ты, кто это такой?

— Нет, не знаю.

— Это князь Урусов, один из самых веселых и милейших иностранцев, которых я видел когда-нибудь в Париже. Чтобы рассеять все твои сомнения, пойдем, я тебя познакомлю с ним.

Старик потащил сына и представил его князю.

— Очень рад познакомиться, — сказал князь и вслед за этой банальной фразой сумел завязать чрезвычайно интересный разговор, продолжавшийся очень долго.

Он говорил как умный, сведущий и бывалый человек, владея в совершенстве французским языком.

«Он, он», — думал граф, слушая князя но минуту спустя ему уже казалось, что он ошибается.

Вечер прошел незаметно. Молодые люди поужинали вместе, и так как старик уехал, то князь предложил графу подвезти его.

— Мы почти соседи, — говорил он, — вам грешно будет отказать мне!

Граф сел, и пара кровных английских лошадей помчала карету.

Выходя, граф поблагодарил князя за приятно проведенный вечер и затем собственноручно захлопнул дверь кареты. Вдруг стекло двери опустилось, и князь тихо сказал:

— Помните, граф: завтра вечером будет уже поздно, откажитесь лучше теперь.

— А, так значит, это...

Граф бросился было к нему но карета уже умчалась.

Когда граф рассказал отцу завершение своего знакомства с князем, старик призадумался. Ему казалось, что сын его окончательно сошел с ума. Он посоветовался с доктором и через не-

сколько дней собрался в поездку в Италию. Под предлогом, что ему скучно одному, он увез с собой и сына.

Прошло два месяца. Графы Лорагю вернулись домой. Особенно был разграблен, а касса взломана. На дне ее было письмо:

Мы вынуждены разорить вас, чтобы лишить вас возможности действовать. Ваше состояние будет возвращено вам в тот день, когда вы окончательно откажетесь навсегда от руки вашей невесты, княжны Васильчиковой.

Невидимые

III

Австралийский буш*. — Лесные бродяги. — Каторжники и искатели золота. — Тидана, пробивающий головы.

ЖНОЕ СОЛНЦЕ БЫЛО БЛИЗКО К ЗАКАТУ. Тропический лес нахмурился и потемнел, а трое запоздалых путешественников приютились под деревом у пылающего огня, на котором жарилось филе кенгуру, распространяя вокруг аппетитный запах, который более всего дразнил прекрасного черного пса, прохажива-

ющегося вокруг огня.

Время от времени один из путешественников отходил от костра и, пробравшись через кустарник на опушку, осматривал окрестности через бинокль, после чего все трое совещались. Предосторожность эта была не лишней, так как в то время, к которому относится наш рассказ, австралийский материк наводнили беглые каторжники, которые для честного человека были страшнее дикарей. В то время в этой части света едва ли насчитывалось сто тысяч жителей; но ни в одном человеческом обществе не было столько преступных элементов, как здесь, столько зла, вражды и коварства, порожденных английскими колониями преступников.

Цивилизованное население Австралии делилось на две категории, а именно, на переселенцев, людей более или менее порядочных, явившихся сюда с целью наживы, и на каторжников,

* Б у ш — австралийские кустарники и леса. — *Примеч.*
перес.

которые в свою очередь подразделялись на каторжников, отбывающих наказание, и каторжников, отбывших срок наказания и отпущенных на волю; они быстро превращались в лесных бродяг, *бушрейнджеров*, как их называли. Последние переходят в дикое состояние и живут хуже самих дикарей, не признавая ни чести, ни закона, промысля грабежом и охотой; а так как эти занятия обеспечивают им средства к существованию, то они предпочитают грабить фермы, а не работать на них или заводить новые. Стуземцами они обычно живут довольно дружно, поставляя им ром, коньяк, джин и другие спиртные напитки. Но горе скваттеру или путешественнику, прибывшему сюда с честными намерениями — возделывать землю и завести хозяйство, если он натолкнется в пути на этих людей! Не задумываясь, они убьют и ограбят его, тем более, что такие преступления в Австралии в то время всегда оставались безнаказанными.

Количество этих мародеров или лесных бродяг было тогда так велико, что двое европейцев при встрече обычно разговаривали друг с другом не иначе, как держа ружье на взводе, так как нельзя было ни при каких обстоятельствах поручиться за свою безопасность или предугадать намерения собеседника.

В числе этих бушрейнджеров были, конечно, и порядочные, честные люди, но это были лишь редкие исключения, относившиеся к канадцам, жившим жизнью трапперов, то есть охотой на кенгуру и опоссумов, мясо которых они употребляли в пищу, а кожи продавали колонистам — поселенцам, изготовлявшим из них сбрую, гетры, шапки, куртки и всевозможные необходимые в их обиходе предметы. Также охотятся они и на черных лебедей, которыми изобилует Австралия. Эти птицы дают им вкусную пищу, а пух представляет собой предмет торговли, всегда находящий покупателя. Кроме того, этих трапперов часто нанимали владельцы золотых приисков из Сиднея для провозки золота, а также и переселенцы для сопровождения транспорта товаров, клади или сельских продуктов во время пути к месту назначения с целью охраны от грабителей, особенно если местом назначения являлся какой-нибудь отдаленный пункт. Другие лесные бродяги, то есть настоящие бушрейнджеры, жившие только разбоем и грабежом, ненавидели канадцев и, не стеснясь, пристреливали их всякий раз, когда им представлялся случай сделать это, но вместе с тем они боялись их, потому что канадцы были люди рослые, сильные, смелые и решительные и в совершенстве владели и ружьем, и ножом.

Их нанимали также, за известное вознаграждение, в качестве проводников как единичные путешественники, так и целые караваны скваттеров-дровосеков или фермеров, так как во мно-

гих случаях присутствия одного такого канадца-траппера было достаточно для того, чтобы держать на расстоянии целые шайки дикарей или лесных бродяг. И те, и другие прекрасно знали, что ни один канадец не поленится пройти четыреста и даже пятьсот миль, чтобы собраться группой в двадцать-тридцать человек и беспощадно отомстить за смерть одного из своих, если только можно напасть на след убийц.

Нет числа тем преступлениям, которые были отомщены или предотвращены этими австралийскими трапперами в те годы, когда еще не существовало ни настоящих властей, ни полиции, ни суда в этой обширной стране, кроме, быть может, только двух больших центров, Сиднея и Мельбурна.

Отбывшие срок наказания преступники в свою очередь разделялись на две категории: на «чистых» и «нечистых», в зависимости от новых приговоров, которые им выносили за преступления, совершенные во время отбывания ими наказания в месте ссылки.

Нечего и говорить, что представители этих категорий ненавидели и даже презирали друг друга, так как с их точки зрения между ними существовала громадная разница. Так, например, тот, кто не подвергался никакому наказанию, кроме приговора суда, произнесенного над ним в Англии, непременно считал себя стоящим неизмеримо выше других каторжников. Такие люди считали даже особым преимуществом свою ничем не запятнанную в Австралии репутацию: до того редки были случаи, чтобы кто-нибудь из каторжников не оказывался виновным и здесь, на месте ссылки, в целом ряде всевозможных преступлений и не подвергался целому ряду взысканий во время отбывания им срока наказания.

В Европе какими-то судьбами держалось убеждение, будто эти ссыльные преступники становятся по прошествии некоторого времени образцами добродетели и будто Австралия стала тем, что она есть, только благодаря им, и приписывали это благодетельному влиянию английской системы наказаний. Однако все это — жестокое заблуждение, которое даже местные статистики, с неопровержимыми данными в руках, полностью отрицают.

Число преступников, превратившихся с течением времени в мирных и трудолюбивых граждан, до такой степени незначительно, что о них не стоит даже и говорить, и по отношению к числу преступников, которые, отбыв срок наказания, превратились в самых отчаянных негодяев и злодеев, в закоренелых преступников и развратников, продолжавших идти по пути порока, является положительно каплей в море. Большинство из них, получив свободу, совершали целый ряд преступлений и избегали новых наказаний лишь тем, что бежали в буш и скрывались там,

где могли, в течение долгих лет, давая волю своим преступным наклонностям, неуловимые и недоступные закону.

Канадцы-трапперы часто преследовали их и, верша суд Линча, прямо-таки охотились за ними, стараясь очистить страну от этой язвы. Мы, конечно, вызовем всеобщее удивление, утверждая, что Австралия ничем не обязана Англии — ни своим расцветом, ни своей культурой, ни своим прогрессом, что, напротив, Англия делала все, что могла, чтобы парализовать политический рост и развитие этой страны, и современные австралийцы утверждают, что Англия опасалась основать крупную и могущественную колонию, которая, подобно североамериканским Соединенным Штатам, могла бы отделиться от нее.

Как бы то ни было, но, начиная с 1877 года, Великобритания стала отказывать в субсидиях эмигрантам, переселяющимся в Австралию, тогда как переселяющимся в другие ее колонии продолжала оказывать поддержку. Мало того, она стала продавать землю в Австралии только очень большими участками, чтобы они были доступны только людям богатым, а бесплатные колонии совершенно уничтожила даже и для тех, кто мог считать это своим неотъемлемым правом, — для отставных военных и моряков.

Такая политика могла, конечно, только уменьшить число честных работников-хлебопашцев и других порядочных людей, переселяющихся в Австралию. Кроме того, следует еще заметить, что из громадного числа ссыльных лишь очень немногие принадлежали к земледельческому классу; большинство же составляли представители городского населения фабричные, ремесленники, не имевшие ничего общего с землей и только по принуждению работавшие над расчисткой и разработкой казенных участков; отбыв срок наказания, они тотчас же бежали сначала в города, где совершали новые преступления, а затем скрывались в буше, увеличивая собой полчища лесных бродяг и грабителей.

Только золотым приискам обязана Австралия своим быстрым ростом и развитием. Приманка, какой служил драгоценный металл, привлекла сюда тысячи людей, тысячи рабочих рук, и необходимость для каждого охраны его личных интересов естественно породила известные строгие порядки и законы; образовалось общество, и жизнь вошла в обычную колею.

Но в то время, о котором мы говорим, в Европу только что были посланы первые образцы золота; приток настоящих рабочих еще не начался, а слухи о золоте только еще более развратили бушрейнджеров и всякого рода низких авантюристов, которые еще более осмелели, почуяв новую добычу. А потому ни одна

группа людей, даже и более многочисленная, чем та, о которой мы упомянули в начале этой главы, не решилась бы расположиться лагерем в дебрях буша без соблюдения всевозможных предосторожностей.

С первого взгляда все собравшиеся у костра люди, казалось, принадлежали к одному классу общества и стояли на одной ступени общественного положения. Все трое были одеты в толстые куртки из грубого сукна и тяжелые американские сапоги и вооружены, кроме дальнобойных ружей, громадными охотничьими ножами и только что изобретенными Кольтом револьверами, оружием еще чрезвычайно редким и невиданным в ту пору в Австралии, позволявшим им с успехом отстаивать себя против врагов, численностью раз в пять превышавших их.

При более близком знакомстве, однако, стало ясно, что эти трое спутников, в сущности, не имели между собой ничего общего. Один из них, который, по-видимому, всем распоряжался, но, как видно, лишь в силу своего большего знакомства с этой страной, был рослый красивый канадец Дик Лефошер, образцовый стрелок, убивавший на лету ласточку на расстоянии восьмидесяти шагов; его одинаково уважали и ненавидели все лесные разбойники, бродяги, придорожные грабители, которыми кишел тогда австралийский буш.

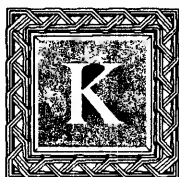
Название «австралийский буш» соответствует, в сущности, названию индийских джунглей или американских прерий и пампасов; это громадная территория, населенная только бродягами, кочующими с места на место, да кое-где дикарями-туземцами.

Охотясь и рыбача или сопровождая то караваны товаров, то путешественников в течение целых десяти лет, Дик Лефошер изучил буш во всех направлениях; все лесные бродяги, все мародеры, а также фермеры знали его под именем траппера Дика, а все туземцы и дикари — под именем Тинирдана или, иначе говоря, «Тиданы, пробивающего головы», потому что пули Дика всегда пробивали голову его врагу, так как стрелял он без промаха и целил всегда в голову. Кроме того, туземцы его знали и потому, что он был усыновлен великим вождем племени нагарнуков, наиболее могущественных и многочисленных во всей стране. В силу этого он считался как бы ближайшим родственником каждого нагарнука, и это давало ему то преимущество, что в случае открытой вражды все нагарнуки до единого становились на его сторону точно так же, как и в случае войны или враждебных действий между туземными племенами он был обязан встать в ряды защитников усыновившего его племени.

И в Сиднее, и в Мельбурне не было ни одного крупного торговца или банкира, который бы не знал Дика и не счел за особое счастье поручить ему свой транспорт или караван. Среди этих людей он был известен под именем Честного Дика, вполне им заслуженным.

IV

Мельбурн — Залежи золота. — Встреча в «Восточной гостинице». — Новые друзья.

ОГДА БЫЛИ НАЙДЕНЫ ПЕРВЫЕ ОБРАЗЦЫ золота, значение Дика возросло еще более, так как он однажды похвастал, что знает место, где столько золотоносной породы, камней и даже самородков величиной с его кулак, что если бы он захотел, то наполнил бы ими целый вагон.

С этого момента ему стали делать самые блестящие, самые заманчивые предложения, но он отклонял их все одно за другим, и вскоре люди начали думать, что Дик просто подшутил над ними. В сущности же дело обстояло совсем не так: у него был свой план, которым он ни с кем пока не делился.

Было ли это на самом деле золото? Залежи его были до того громадны, что Дик сам боялся поверить в возможность существования такого несметного богатства. Но так как необходимо было прежде всего выяснить этот вопрос, то он решил подыскать себе двух честных и добросовестных товарищей, из которых хотя бы один был достаточно сведущим в горном деле, чтобы не ошибиться в определении металла; подыскав их, он предполагал отправиться к тому месту, где видел залежи, и затем обсудить, как использовать свою находку. Желтого металла там было так много, что он охотно готов был поделиться со своими товарищами: золота там хватило бы на всех.

Подыскать себе двух надежных товарищей он хотел еще и по другой причине: с тех пор, как он проговорился о своей находке, Дик не мог сделать ни шагу без того, чтобы за ним не следовали по пятам целые отряды лесных бродяг или иных искателей приключений с видимым намерением разузнать его тайну. Два хорошо вооруженных опытных стрелка могли бы помочь ему сбить со следа этих мародеров, а в крайнем случае и отбиться от них. Один человек, как бы ловок и опытен он ни был, всегда может легко попасть в ловушку, особенно если те, кто ее расставляет, тоже хитры, ловки и, главное, многочисленны.

Однако найти двух таких товарищей было не так легко; людей честных, мужественных, решительных и, кроме того, образованных и сведущих в минералогии, людей, которым можно было бы безнаказанно доверить столь важную тайну, и в Сиднее, и в Мельбурне было немного.

Но Дик был очень терпелив; он не спешил обогатиться и потому решил ждать, пока случай не столкнет его именно с такими людьми, каких он искал. А в ожидании этого случая он продолжал жить своей прежней жизнью скромного траппера.

В тот момент, когда мы его встречаем у костра, неподалеку от Красной реки, он, очевидно, уже нашел желанных товарищей в лице тех двух мужчин, с которыми он теперь расположился у огня. Вероятно, все трое направлялись теперь к тому месту, где Дик нашел залежи драгоценного металла, так как тот, кто вздумал бы следовать за ними с самого момента их отправления из Мельбурна, несомненно заметил бы, что они путешествовали с величайшими предосторожностями и только ночью, а днем скрывались в самых укромных тайниках буша.

Тот из двух товарищей Дика, который сейчас сидел ближе всех к огню и отличался благородными чертами лица, свободной грацией и изяществом манер, был, несомненно, француз; это было видно с первого взгляда. Немного выше среднего роста, стройный, сильный, хорошо сложенный, ловкий и выносливый, с коротко стриженными черными волосами и небольшими усиками, закрученными кверху, он походил на офицера, прикомандированного к какой-нибудь кругосветной экспедиции. Но мы можем сказать, что он не был офицером и никогда не служил в армии.

Дик называл его просто Оливье, в то время как тот звал его Диком, третий же их товарищ относился к молодому французу с известной почтительностью, отличавшей в нем слугу; звали его Лоран. Это был человек воинственного вида, плотный, крепкого телосложения, не столь могучий с виду, как рослый канадец, но по силе мускулов едва ли уступавший ему. Словом, Дик не мог бы подобрать себе более подходящего и надежного, в случае нападения, товарища, чем этот Лоран. При рукопашной схватке они вдвоем могли бы без особого труда управиться с дюжиной противников.

Граф Оливье д'Антрэг прибыл месяца три тому назад в Австралию со своим верным слугой Лораном на пакетботе, отправляющемся из Ливерпуля в Мельбурн, и остановился в «Восточной гостинице» на Ярра-стрит, единственной тогда в Мельбурне перворазрядной гостинице, куда съезжались все окрестные фермеры, и скваттеры, занимающиеся животноводством, и торговые люди. Здесь улаживались все коммерческие дела, устанавливались цены на товары и продукты, проводились торговые опера-

ции; здесь же была и биржа, на которой котировались разные ценные бумаги, и дельцы-биржевики играли на повышение и понижение. При этом нередко человек, не имеющий ни одной пяди земли и не могущий назвать своим ни одного куля зерна и ни одной охапки сена, покупал или продавал, в счет будущего урожая, сто тысяч кулей зерна или несколько тысяч пудов сена, и все это — в расчете на повышение или понижение цен. Эти фиктивные купли и продажи положительно разоряли настоящих хозяев, порождая целые толпы спекулянтов.

В силу всего сказанного выше «Восточная гостиница» на Ярра-стрит представляла собой весьма и весьма оживленный центр, где можно было встретить самых разнообразных людей. Здесь же образовалось и несколько обществ для добывания золота, возникших на основе немногих образцов, доставленных лесными бродягами или трапперами.

Нечего и говорить, что здесь каждый вечер собирались по этому вопросу целые толпы людей, обсуждавших различные предприятия по разработке золотоносных участков.

Оливье, также приехавший в Австралию с целью обогатиться на приисках, не пропускал ни одного из этих собраний, внимательно прислушиваясь ко всему что здесь говорилось. Кроме небольших остатков своего бывшего состояния, он обладал еще достаточными сведениями по минералогии и металлургии для того, чтобы руководить очисткой кварца. Но так как он недостаточно хорошо владел английским языком, то ему трудно было объясняться на собраниях. Однажды, будучи приглашенным как европейский инженер-специалист высказать свои взгляды перед всем собранием, он осведомился, нет ли здесь кого-нибудь, говорящего по-французски настолько, чтобы служить ему переводчиком в случае надобности, и так как в числе присутствующих находился Дик, то он и вызвался исполнить эту роль. Честный, прямодушный и знающий свое дело Оливье сразу приобрел всеобщее расположение. Как-то раз он выступал после одного приезжего немца, выдававшего себя за знаменитого профессора. Господин Путткамер вместо того, чтобы ознакомить малообразованных трапперов с внешними признаками нахождения золота и дать элементарные сведения по минералогии, углубился в непонятные и головоломные тонкости и дошел даже до того, что стал утверждать, будто золото — германский металл, ибо любимый народный герой Барбаросса имел золотистую бороду, а любимый напиток немцев пиво, — золотого цвета.

Когда профессор кончил, трапперы очнулись и, убедившись, что ровно ничего не поняли из всей этой галиматши, начали шикать. Оливье Лораго взошел на трибуну и спокойно, понят-

ным языком, возместил пробелы лекции ученого. Благодарные трапперы проводили его аплодисментами.

С этого вечера и завязалось знакомство между Диком и Оливье. Судя по тому, что говорил молодой человек, умный траппер понял, что молодой француз помимо основательных научных знаний обладает еще и достаточной дозой практической смекалки и, поскольку он произвел благоприятное впечатление на всех и на Дика в том числе, последний пришел к выводу, что Оливье — как раз тот товарищ, какого он себе искал, и потому решил при первом удобном случае открыться ему и предложить стать его компаньоном.

Чтобы разузнать ближе, с кем он имеет дело, Дик решил вызвать молодого человека на откровенность и узнать, что именно привело его сюда. С этой целью однажды, сидя на террасе особняка, он рассказал своему новому знакомцу всю свою жизнь с самого раннего детства, когда, еще совсем ребенком, он охотился с отцом, также траппером, в лесах Канады, затем, оставшись один на свете, захотел повидать иные страны, добрался до Сан-Франциско, потом на небольшом судне плывал несколько лет между островами Океании и наконец добрался до Австралии, где и зажил своей прежней жизнью траппера.

— Присоединив к этому вашему главному занятию попутно и золотоискательство, — добавил Оливье, — по крайней мере, я так слышал здесь: вы нашли где-то большую залежь золота, но держите вашу находку в тайне.

— Я действительно нашел золото, но я его не искал, — отвечал Дик, — это произошло совершенно случайно; я никогда не думал искать золото!

— Ну, а что касается меня, то я приехал сюда именно для того, чтобы найти золото, — заметил Оливье и затем, не входя в излишние подробности, рассказал своему собеседнику о том, что поклялся вернуть себе и любимой девушке счастье, которое бессердечные враги вырвали из их рук; что для этого ему нужно много, много денег, чтобы путем подкупов и наград восторжествовать над своими могущественными и сильными врагами. Он рассказал, что был очень богат, но враги разорили его, чтобы лишить его возможности бороться с ними. Теперь ему необходимо было прежде всего вернуть себе состояние, и, чтобы подготовиться к деятельности золотоискателя, он нарочно посещал лекции в парижской Горной школе, изучая теорию и практику приискового дела. Затем он сообщил Дик, что запасся всеми необходимыми орудиями лучшего качества для разработки руды, химическими веществами для ее очистки и ящиком, вмещающим дюжину револьверов, этого вновь изобретенного усовершенствованного оружия.

— Теперь мне остается только найти подходящий участок, чтобы приступить к его разработке, — закончил Оливье. — Но это, конечно, не так легко, и до сих пор я положительно ничего не имею даже в виду. Вероятно, придется немало поискать.

— Ну, искать вам недолго придется, — весело возразил Дик, — в этом я могу помочь вам: я все здешние места хорошо знаю!

— Неужели вы согласитесь указать мне!..

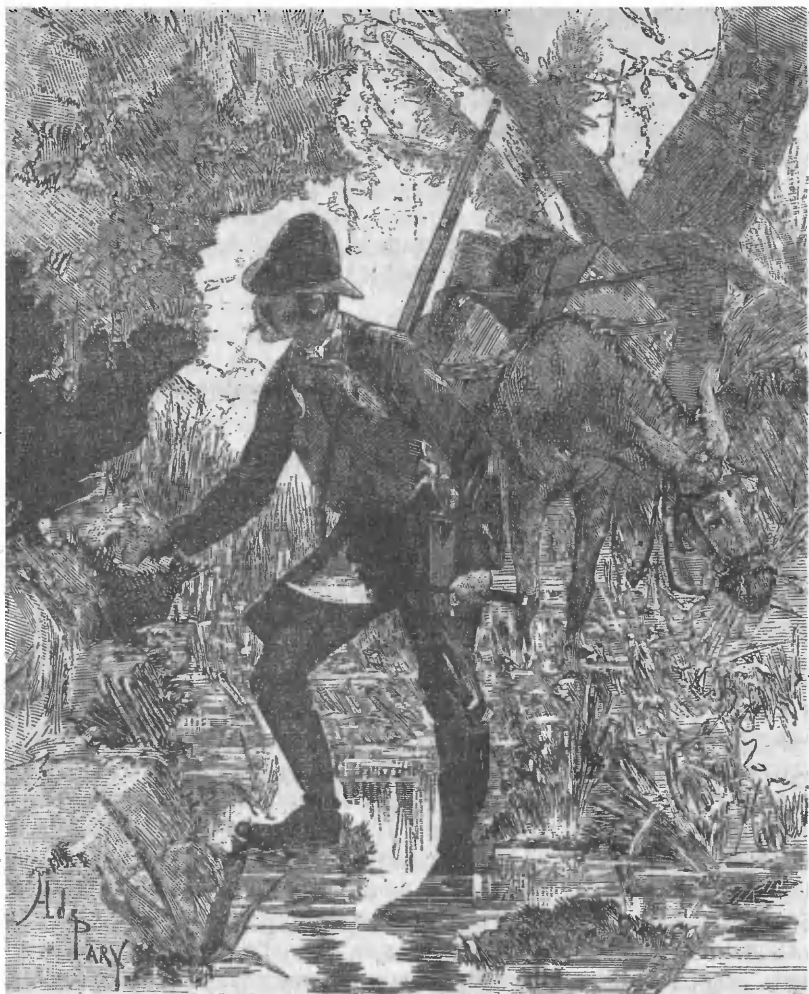
— Больше даже, чем указать... Но я не хочу обольщать вас напрасными надеждами, а лучше расскажу вам все, как есть, и вы сами увидите, дело я вам говорю или нет.

V

Рассказ Дика. — Золотой грот. — Прииск самородков золота. — Уговор. — Шпион.

ОД ТОМУ НАЗАД, — НАЧАЛ ДИК, — ОДИН негоциант из Мельбурна предложил мне отвезти значительную сумму денег фермеру, жившему далеко на юге. Я, разумеется, согласился и отказался от спутников, которых мне прочил негоциант. «Возить с собой деньги, — сказал я ему, — вещь не совсем приятная и спокойная. Если я отправлюсь во главе целого отряда, то непременно навлеку подозрение беглых каторжников или других бандитов. Между тем если я буду один, то меня сочтут простым охотником и оставят в покое». Негоциант согласился с моими доводами, и я расстался с ним. На другой день, ночью, он привез мне в своей карете золото, которое я при нем запрятал в глубину своего ящика, прикрыв его провизией. Шестьдесят дней я пробыл в дороге, и ни одна случайность не нарушила моего спокойствия. Только двадцать дней отделяли меня от цели путешествия. Однажды с восходом солнца я оседлал своего мула и двинулся в путь. Переходя через ручей, животное поскользнулось и взрыло своими копытами песок со дна. Я нечаянно нагнулся над водой и заметил, что она имеет странный золотистый оттенок. «Неужели это золото?» — мелькнуло у меня в голове, но я сам с недоверием отнесся к этому предположению, так как ничего не слышал о существовании золота в Австралии, хотя меди добывалось повсюду большое количество. Взрыв в нескольких местах песок, я убедился, что металлические крупинки рассеяны в изобилии. Следуя далее вверх по ручью, я видел, как он постепенно суживался и в конце концов исчез в скале. Тогда, вооруженный своим топором, я начал работать им, чтобы расширить отверстие, дававшее начало ручью. Через четверть часа упорного труда мне

удалось отломить целую глыбу. Неожиданное зрелище представилось моим глазам: образовавшийся вход осветил внутренность небольшого грота, залитого желтоватым блеском. Сомнения больше быть не могло: это было золото, потому что только благородный металл не почернел бы в воде. Лихорадка стала бить меня, и, признаюсь, я первый раз в жизни растерялся. Что делать? Уйти — значит оставить сокровище мародерам; оставаться —

значит без цели подвергать себя опасности, так как одному справиться с добычей нельзя. Рассудив хорошенько, я решил продолжать свой путь, исполнить поручение и затем вернуться для разработки рудника. Скрыв как можно лучше свои следы и розыски, заделав снова отверстие, я пустился в дальнейший путь.

— Разумеется, захватив образец золота? — спросил Лораго, с лихорадочным интересом следивший за рассказчиком.

— Да, конечно. Но беда в том, что этот образец пропал у меня в Мельбурне, где я хотел отдать его на исследование.

— Вы подозреваете кого-нибудь в краже? — спросил с беспокойством Лораго.

— Не знаю. Очень может быть. Конечно, лучше, если бы он затерялся, потому что порода камня в умелых руках может облегчить обследование местности.

— В чем же теперь состоит ваша задача, Дик?

— В том, чтобы, пригласив вас, господин Оливье, и Лорана, отправиться немедленно для отыскания Золотого грота. Там золота хватит для нас всех с излишком.

— Вы великодушны, Дик! — вскричал Оливье, пожимая руку трашеру, который поделился с ним своим драгоценным секретом.

Этот разговор происходил в гостинице, за день до того, как новые друзья пустились в путь. Когда они вышли на улицу, чтобы пройтись по набережной, уже было темно. Они не заметили, что какой-то человек, подслушивавший их разговор, крался за ними и затем, свистнув, присоединился к шайке оборванцев, исчезнувшей в глубине улицы Ярра-стрит. Черный пес Оливье чуял что-то недоброе в воздухе и злобно ворчал.

VI

Отправление. — На страже.

А ДРУГОЙ ДЕНЬ, КАК МЫ ЗНАЕМ, ПУТНИКИ двинулись на поиск Золотого грота, как окрестил россыпь Дик. Когда мы встретились с ними, они уже прошли две трети пути, двигаясь вперед с невероятными предосторожностями. Впрочем, с самого начала путешествия не произошло ровно ничего такого, что могло укрепить подозрения канадца. Тем не менее, в тот день, когда мы с читателями встретили путников, собравшихся у огня, чтобы ужинать, Дик был далеко не спокоен.

— Пойдем, Блэк, со мной, — свистал он беспрестанно собаке и, вскидывая свою винтовку, отправлялся для обозрения окрест-

ности; и умный пес, точно благодаря за оказанную ему честь, усердно обнюхивал все кусты.

Так как местность, которой достигли путники, изобиловала дичью и водой, а следовательно, стоянка на несколько дней была обеспечена, Дик предложил друзьям отпустить его на экскурсию.

— Здесь поблизости обитает усыновившее меня племя на-гарнуков. Я пойду и попрошу у вождя полдюжины здоровых ребят, которые пригодятся нам в случае атаки.

План был одобрен, и искатели золота уселись вокруг огня, чтобы отведать наконец филе кенгуру, для которого канадец ухитрился приготовить гарнир из диких корней.

После ужина ночь была разделена по-морскому на три вахты, и друзья дали слово друг другу не дремать. Лоран первый начал свою службу. Когда Оливье и Дик улеглись у костра, он снова погрузил все вещи на мула, чтобы быть готовым при первых признаках тревоги.

Луна еще не взошла, и вокруг царствовала глубокая, молчаливая и таинственная австралийская ночь. Северные страны обладают множеством птиц, которые поют свои бесконечные песни после захода солнца; это пение соединяется с ревом диких зверей и с кваканьем лягушек, и получается грандиозный концерт природы, который гонит тишину и мрак. Напротив, ночь в австралийском буше тиха, мрачна и безмолвна: ни крики, ни пение, ни шелест деревьев не нарушают покровы гробовой тишины.

Оставшись наедине в этой мрачной обстановке, Лоран почувствовал, как в душу его стало забираться незнакомое доселе жуткое чувство. Ему казалось, что силы его оставляют, что у него начинаются галлюцинации, и он скоро потеряет сознание.

VII

Тревога. — Крик австралийской совы. — На разведке. — Черный Орел. — Лесовики. — Джон Джильпинг, эсквайр. — Пасифик.

Е ПРОБЫВ НА СТРАЖЕ И ОДНОГО ЧАСА, Лоран начал ждать, чтобы поскорее настало утро. Он стоял, прислонившись к дереву, и не решался будить своего господина, который должен был сменить его в карауле. Раздумывая о тех странных и таинственных приключениях, которые забросили его и Оливье чуть не на край света, он не обратил ни малейшего внимания на раздавшийся вдруг в тишине ночи жалобный крик гопо, австралий-

ской совы. Но вот крик повторился снова, и на этот раз канадец пробудился от своего крепкого сна.

— Ты слышал, Лоран? — спросил он, тихонько подымаясь с лужа из листьев, чтобы не разбудить Оливье.

— Слышал; это, кажется, сова.

— Очень похоже, но только это не настоящая сова. Я уверен, что это перекликаются бандиты, лесовики. Они следят за нами, и очень может быть...

— Неужели вы хотите сказать, что они напали на наш след?

— Утверждать этого я не могу, но очень вероятно. Наш поспешный уход из Мельбурна непременно обратил на себя внимание разбойников, и они наверное пустили в ход все свои средства, чтобы выследить нас.

Крик совы послышался в третий раз и уже гораздо ближе.

— Теперь я окончательно уверен, что это человек! — сказал Дик.

— Как вы это узнали?

— Этого нельзя объяснить. Чтобы это понять, нужно провести столько же времени в австралийских лесах, сколько я, одним словом, по тысяче признаков, неуловимых для неопытного уха. Впрочем, я могу убедиться на опыте. Оставайтесь тут, а я пойду на разведку.

— Но вас могут поймать...

— Я недалеко отойду.

— Не разбудить ли господина?

— Не нужно. Пускай себе спит.

Канадец осторожно пробрался в кусты. Не прошло минуты, как Лоран с удивлением услышал новый крик гопо так близко от себя, что, подняв голову, стал вглядываться в темноту, надеясь увидеть птицу. Через несколько секунд послышался издали в ответ точно такой же крик, и тогда Лоран понял, что первый крик принадлежал Дикю.

Началось непрерывное перекликанье между канадцем и неизвестным человеком, который отвечал Дикю, как верное эхо. Этот человек, очевидно, приближался к привалу наших друзей.

Из-за леса выглянула луна, только что появившаяся на горизонте, и бледным светом озарила окрестность.

Траппер, продолжая подражать совиному крику, понемногу отступал назад к своим товарищам, стараясь завлечь незнакомца под выстрелы трех винтовок.

— Разбудите своего господина! — сказал он Лорану.

Но тот уже сам проснулся и вскочил на ноги.

— Что тут такое? — спросил он, видя, что Лоран и канадец взводят курки.

Ему не успели ответить. Из соседних кустов выскочила чья-то тень и бросилась прямо к пионерам*. При свете луны можно было разглядеть неожиданного посетителя. То был пестро тату-

* Человек, прокладывающий новые пути в какой-либо сфере.

ированный и с ног до головы вооруженный воин-австралиец. Он смело приближался к привалу, не боясь направленных на него винтовок. Оливье и Лоран прицелились, но дикарь сделал еще прыжок и крикнул:

— Иора, Тидана! (Здравствуй, друг).

Дик узнал австралийца, поспешно отвел ружья товарищей и ответил:

— Иора, Виллиго!

Он подал дикарю руку, которую тот дружески пожал, и представил Виллиго товарищам как своего названного брата и одного из вождей племени нагарнуков по прозвищу Черный Орел. Затем он сказал Виллиго несколько слов на туземном языке. Дикарь живо обернулся и подал им руку. Когда те протянули ему свои, Виллиго приложил их сначала ко лбу, потом к сердцу; это означало, что знакомство состоялось. Оливье и Лоран приняты были в число друзей нагарнукского племени.

Канадец горел нетерпением расспросить дикаря, зачем он прибежал к нему, но этикет требовал, чтобы Дик сначала осведомился о здоровье родных Виллиго и обо всем племени. Лишь после этой формальности он решился заговорить о том, что его интересовало.

Виллиго рассказал ему, что, находясь в состоянии войны с соседним племенем — дундарупов, он отправился со своими воинами на рекогносцировку. Дорогой ему встретился какой-то бродячий европеец, которого он принял за шпиона враждебного племени и потому велел своим воинам связать его и взять с собой. Ведя его в свою деревню, Виллиго повстречался с толпой человек в десять лесовиков, которые, видимо, отыскивали чей-то след. Желая узнать, чей именно след они отыскивают, названный брат Дика оставил пленника под охраной двух своих воинов, а сам, скрываясь в высокой траве, пополз за лесовиками, чтобы подслушать их разговор. Каково же было его удивление, когда он услышал, что лесовики отыскивают след его брата Тиданы, что они хотят выследить его до того места, где скрыт огромный клад. Тогда Виллиго поспешно вернулся к своим воинам, чтобы с ними вместе идти к Тидане и предупредить его об опасности. Посоветовавшись с ними, он влез на высокое эвкалиптовое дерево, чтобы окинуть взором всю окрестность. Вдали он заметил, что в одном месте горизонт как будто неясен, и заключил, что это и должен быть привал Тиданы, где разожжен костер, от которого стелется облако дыма. Дождавшись ночи, он приблизился к привалу, подавая своему брату сигналы криком совы.

Известие о лесовиках не удивило канадца. Он был готов к этому. Горячо поблагодарив своего названного брата, он спросил, какие с ним воины и где он их оставил.

— Это молодые воины Коанук и Нирроба, — отвечал Виллиго. — Они ждут внизу, у реки. Я сказал им, что подам сигнал, когда понадобится.

— Ну, так позови их. Мне нужно повидать и допросить пленника.

Австралиец издал двукратный резкий крик. Такой же крик послышался в ответ через несколько секунд. Дикари поняли и пошли к привалу.

Канадец в кратких словах передал друзьям содержание своего разговора с Виллиго. После непродолжительного совещания они условились как можно скорее идти к нагарнукам и, взяв там человек двенадцать самых храбрых воинов, постараться сбить лесовиков со своего следа, так как их ни в коем случае не следовало допускать до россыпи.

Между тем подошли и воины Виллиго, которые привели с собой пленного. Полный месяц освещал теперь, как днем, маленькую поляну, на которой расположились наши пионеры. В Европе не имеют понятия о том, как ярко светит луна в южных широтах. При ее свете там можно совершенно ясно видеть предметы, почти как среди белого дня.

По приказанию Виллиго Коанук и Нирроба стали на часы немного впереди привала, а сам Виллиго принялся распутывать пленного.

Предполагаемый шпион, услышав звуки европейской речи, страшно заволновался и начал мотать головой и шевелиться, насколько позволяли путы. По костюму и по наружности это был совершенный англичанин; карманы его были набиты какими-то лондонскими брошюрками; оружия при нем не было никакого, кроме палки, а весь багаж состоял из небольшой сумки через плечо.

— Это какой-нибудь проповедник из Евангелического общества! — сказал, улыбаясь, Оливье.

Боясь, что он будет кричать и тем привлечет лесовиков, пленному развязали сначала глаза и руки; тогда он указал рукой на рот, давая этим знать, что желает говорить.

— Это дело другое, сэр, — сказал англичанину Дик. — Мы несколько не виноваты в вашем плене. И если вы будете кричать, то повредите нам. Дайте нам слово не шуметь, тогда мы развяжем нам рот.

Англичанин кивнул головой в знак согласия.

Виллиго развязал пленнику рот. Несчастный вздохнул с облегчением.

— Уверю вас, сэр, — сказал Оливье, — что мы тут ни при чем. Вас дикари приняли за шпиона.

— О!.. С кем имею честь говорить? — с уморительной важностью спросил англичанин.

— Меня зовут Оливье, а это мои друзья, Дик и Лоран.

— Очень хорошо. А я — Джон Уильям Джильпинг, эсквайр, член отделения геологии, минералогии и ботаники Лондонского Королевского общества.

Оливье и его товарищи поклонились, а англичанин продолжал:

— Я был послан от ботанического отделения для изучения австралийской флоры. Я, кроме того, член миссионерского Евангелического общества и потому хотел на пути проповедовать. Согласитесь, что со мной очень дурно поступили.

— Вы напрасно путешествуете один.

— Со мной были два проводника, которых я нанял в Мельбурне, но они ушли от меня с полдороги, и я продолжал путь с одним Пасификом.

— Но дикари нашли вас, кажется, одного. Где же был Пасифик?

— О, я привязал его к дереву, а сам занялся собиранием растений, когда они, негодяи, набросились на меня.

— Вы привязали своего спутника к дереву?

— Пасифик вовсе не спутник, это просто мой осел. Где-то он теперь? Я боюсь, что его украдут. Пропадет мой багаж и сумка с книгами.

Едва он это сказал, как где-то не очень далеко раздался ужаснейший ослиный рев.

— Ах, черт возьми! — вскричал канадец. — Этот осел привлечет, пожалуй, лесовиков! Виллиго, пойдй поймай его и заставь замолчать во что бы то ни стало.

Виллиго моментально скрылся и через некоторое время вернулся на привал, ведя на поводу осла к величайшей радости англичанина. Во время отсутствия хозяина осел отвязался и пошел бродить по луку. Тут его и нашел Виллиго. Джон Джильпинг, убедившись в целостности своего багажа и брошюр, загнул благодарственную песню.

— Что нам делать с этим чудаком и его длинноухим спутником? — на ухо спросил Оливье канадца.

— А я и сам не знаю! — отвечал тот. — Оставлять его одного нельзя, потому что его застрелит первый встречный лесовик, польстившись на его осла. С другой стороны, и дикари встретят

его не лучше, чем Виллиго. Предложим ему идти с нами к нагарнукам, а оттуда, взяв себе проводников, возвратиться в Мельбурн. Впрочем, лучше спросить его самого, что он хочет делать, и если он пожелает с нами расстаться, то не надо его удерживать. Он нас только стеснит.

Англичанин, разумеется, принял предложение пионеров и остался при них, настояв, чтобы Виллиго возвратил ему отнятую при взятии в плен палку и сумку.

VIII

Дундарупы. — Схватка. — Ружье Тиданы. — Окружены врагами.

НОВА НАГАРНУКСКИЙ ВОЖДЬ ИЗДАЛ резкий крик, призывая к себе двух своих воинов. Захрустели сухие листья и валежник, и появился Коанук, один, без товарища.

— Где же Нирроба? — спросил Виллиго.

— Он пошел к привалу лесовиков, чтобы выследить их.

— Как он смел? Ведь я же говорил вам не уходить далеко?

Коанук вместо ответа показал вождю на свое окровавленное копьё.

— Что же случилось?

— За нами шпионил дундаруп. Коанук пронзил его своим копьём. Он упал без стога. Тогда Нирроба сказал Коануку: «Стой здесь, а я пойду к их лагерю». И Нирроба ушел.

— Что же мы не двигаемся? — спросил, подходя, Дик.

— Коанук убил шпиона, — отвечал Виллиго, — а Нирроба ушел к их лагерю. Нужно подождать Нирробу.

Пришлось подождать некоторое время. Наконец на поляну выбежал Нирроба, громко выкрикивая сигнал тревоги.

— Что случилось? — спросил канадец.

— Нирроба очень молод, — заметил Виллиго. — Он очень горяч. Пусть он сначала успокоится.

— Мы с Коануком были убеждены, что лесовики вошли в союз с дундарупами. Так и вышло. Лесовиков десять человек, а дундарупов двести. Они собираются идти против нас, окружить и взять в плен.

— Нужно сейчас же отправиться в путь! — вскричал канадец.

— Так, — холодно заметил Виллиго. — А куда же мой брат думает идти?

— Как куда? В твою деревню. Ведь мы же решили!

— До нашей деревни два дня пути. Нас успеют десять раз убить, прежде чем мы до нее доберемся.

— Так что же нам делать? Не можем же мы оставаться здесь! Переговорив с Виллиго, канадец обратился к путешественникам.

— Вождь требует, — сказал он, — чтобы вы оставались здесь, пока он сходит сам и узнает точное число врагов. Главное же, он хочет разведать их намерения. С вами останутся Нирроба и Ко-анук.

— А вы сами?

— Я пойду с Виллиго. Ум хорошо, а два лучше, да, наконец, и моя винтовка не будет лишней. Впрочем, мы недолго проходим. Вернемся скоро.

Виллиго полагал, что лесовики встретились с дундарупами случайно. Общих интересов у них, по его мнению, не могло быть, и они наверное скоро разойдутся в разные стороны. Но во всяком случае следовало хорошенько ознакомиться с ближайшими намерениями этих случайных союзников.

Итак, названные братья бесшумно скользнули в кусты. Оливье и Лоран остались одни с Джоном Джильпингом и двумя нагарнукскими воинами, которые на досуге занялись подновлением своей яркой татуировки, для чего у каждого воина во время похода всегда имеется в запасе рог с красками. Солнце взошло уже давно, наводняя золотыми лучами широкую равнину, покрытую кустами желтой сирени, этого сугубо австралийского растения. Кроме них на равнине пестрели и другие яркие цветы, образуя вместе с зеленью роскошный пестрый ковер, отливавший нежным бархатом.

Не зная, куда деваться от тоски ожидания, Оливье и Лоран вышли на край опушки, где под защитой деревьев можно было обозревать всю долину; но вскоре приставленные к ним воины позвали их назад, энергичными жестами выговаривая им за неосторожность.

Джон Джильпинг тем временем напевал себе под нос псалмы царя Давида.

Так прошло два часа самого томительного ожидания.

Временами нашим путешественникам слышались вдали как будто крики и выстрелы; но на все их вопросы туземцы отвечали лишь знаками, что они не понимают их, и, в свою очередь, знаками же успокаивали их, чтобы они ничего не боялись под защитой храбрых нагарнукских воинов.

Тем не менее эти отдаленные глухие звуки сильно смущали пионеров. Оливье и Лоран не были трусами, но эта тягостная неизвестность, эта отдаленная угроза невольно как-то действовали на нервы, тем более, что нашим друзьям приходилось вол-

новаться уже от одного мучительного ожидания. Им гораздо приятнее было бы подвергнуться открытому нападению, увидеть врага прямо в лицо и сразиться с ним в решительном бою, чем отсиживаться в скучной засаде.

Время от времени дикари ложились на траву и прикладывались к земле ухом. Вставая на ноги, они всякий раз встречали безмолвно-вопросительный взгляд путешественников, но отвечали на него только улыбкой.

Они обращались с европейцами совершенно как с детьми, точно боясь их напугать и не желая тревожить.

Эти улыбки татуированных физиономий больше походили на скверные гримасы, чем на улыбки, так что не будь Оливье непоколебимо уверен в преданности молодых воинов, он, вероятно, отнесся бы к ним не так спокойно.

Зато бедному Джону Джильпингу при виде некрасивых улыбающихся лиц Нирробы и Коанука делалось совсем жутко, и он бормотал про себя с усиленным жаром библейский текст: «Не заключайте союза с неверными, ибо что общего между вами?»

Произнося эти слова, он искоса поглядывал на австралийцев, которые в конце концов решили, что он колдун и произносит заклинания.

Одно время сцена дошла до высшей степени комизма. Джон Джильпинг вдруг вспомнил, что сегодня воскресенье, и решил, что нужно достойно справить праздник. С ним был толстый английский псалтырь с нотами для пения и игры на церковном органе. Вытащив книгу из сумки, он положил ее на спину своему ослу, достал из багажа великолепный кларнет и, встав перед этим удивительным попитром, начал наигрывать псалом.

Дикари, услышав торжественные звуки, пришли в ужас и бросились ничком на траву, крича:

— Кораджи!.. Кораджи!.. (Колдун! Колдун!)

Несчастные не на шутку вообразили, что белый колдун произносит против них заклинание. Все сверхъестественное имеет такую власть над умом и чувствами первобытных людей, что те же самые сыны природы, которые за минуту перед тем не дрогнули бы в преддверии самых ужасных физических пыток, теперь тряслись, как дети, от безобидных звуков кларнета.

Оливье, спрятавшийся за куст, чтобы своим смехом не сконфузить и не обидеть наивного англичанина, счел своим долгом, в интересах общей безопасности, вмешаться в это дело и избавить бедных нагарнуков от страха, который мог им помешать обратить внимание на сигналы Виллиго.

Подходя к Джону Джильпингу, он объяснил ему на английском языке, что звуки его инструмента могут открыть их убежище и привлечь врагов, что во всякое другое время такое благочестие-

вое дело вполне заслуживало бы похвалы, но при данных обстоятельствах оно нарушает распоряжение канадца, который, уходя, пуще всего наказывал не шуметь. Дундарупы и лесовики близко; они могут прийти на звуки музыки и забрать в плен всю компанию.

Член Евангелического общества повиновался очень охотно, но австралийцы оправились от испуга и заняли свое место на часах не прежде, чем убедились, что книга и кларнет снова упакованы в багаж религиозным, но наивным англичанином, которого не менее наивные дикари так искренне приняли за опасного колдуна.

В поступке Джона Джильпинга не следует видеть что-нибудь особенное или проявление свойственного англичанам на чужбине оригинальничания. Нет, туземцы почти всех островов Полинезии и Австралии питают природное пристрастие к музыке, пристрастие, которое Лондонское Евангелическое общество сумело использовать для успеха своей пропаганды. Вот почему с давних пор все распространители миссионерских брошюр и священников книг, отправленные Англией в эти страны, всегда снабжаются каким-нибудь музыкальным инструментом, предназначенным для того, чтобы собирать толпы слушателей.

Когда миссионерское судно совершает свое плавание, то заходит по пути на каждый остров и оставляет там, в зависимости от численности населения, двух или трех распространителей миссионерских брошюр. Едва сойдя на берег, эти господа направляются в первое попавшееся селение туземцев, и в то время, как один из членов Евангелического общества наигрывает что-нибудь на своем музыкальном инструменте, терзая какую-нибудь шарманку или безбожно надсаживая тромбон, другие его товарищи раздают толпе Библии, напечатанные на их родном языке.

Не смейтесь! В этом громадная сила, и Англия пользуется этим средством для расширения своих колоний, простирая, подобно громадному полипу, свои длинные щупальца, вооруженные присосками, по всей поверхности земного шара. Вслед за скромными распространителями Библии и миссионерских брошюр прибывают миссионеры и строят храмы, вокруг которых немного спустя группируются десять, двадцать или тридцать торговых контор, складов, торговых учреждений, — и вот вся внутренняя и внешняя торговля данного острова монополизирована в руках Джона Буля*.

* Дж о н Б у л ь — традиционное ироническое прозвище английского буржуа.

Малоразвитыми народами можно управлять только посредством религии; вот почему Англия и в Африке, и в Австралии, и всюду, где она решила водвориться, прежде чем отправлять туда свои тюки с товарами, предварительно посылает распространителей Библии.

Нагарнукские воины хотя и пришедшие в себя после первого момента неопишемого волнения и смущения, все же продолжали недоверчиво поглядывать на бедного мистера Джильпинга, который и не подозревал о том впечатлении, которое он произвел на своих слушателей. Видя, что туземцы при первых звуках его инструмента кинулись лицом на землю, почтенный член Лондонского Евангелического общества счел это признаком их религиозного благоговения, что разом изменило его мнение о них, и он собирался уже приступить к раздаче миссионерских брошюр, как вдруг вдали послышались крики: «Ага! Ага!» (Тревога! Тревога!). Почти вслед затем на опушке появился канадец и объявил, что за ним гонятся по пятам человек тридцать дундарупов.

Вдали по равнине бежали татуированные дикари, преследуя убежавшего от них Виллиго.

Европейцы, с Диком во главе, выдвинулись вперед и втроем открыли по дундарупам огонь из многозарядных винтовок Кольта. Дикари остановились, потеряв человек пятнадцать убитыми и ранеными, а ружья-револьверы продолжали свое смертоносное действие. Тогда дундарупы, подхватив своих убитых и раненых, ударились в бегство, преследуемые громкими криками нагарнуков.

Все это произошло в несколько минут. Дик и Виллиго нарочно заманили дундарупов в засаду притворным бегством, чтобы подвести их под выстрелы винтовок. Во время этого бегства над Виллиго и Диком летали тучи стрел, но ни одна, по счастью, не задела их.

Урок дикарям был дан хороший, и пионеры решили воспользоваться временем их замешательства, чтобы поскорее улизнуть от опасности. Весь небольшой отряд немедленно снялся с привала и двинулся к берегу Красной реки, протекавшей неподалеку.

Реку они без труда перешли вброд и вышли на широкую, местами холмистую и усеянную рощицами долину. Отсюда было уже недалеко до нагарнукских поселков.

Не успели, однако, пройти они и двухсот метров, как их вдруг окружили несколько сот дикарей, которые, держась на почтительном расстоянии, вдруг закружились в диком воинственном танце.

Канадец немедленно приложился и выстрелил. Один из дикарей подскочил и упал мертвый. Дундарупы подались немного назад, думая, что их уже не достанут выстрелы из винтовок, и снова принялись за прерванный танец. Европейцы продолжали идти вперед, невзирая на то, что они были окружены кольцом, которое двигалось вместе с ними, не расширяясь, но и не суживаясь. Несмотря на свою многочисленность дундарупы побаивались усовершенствованных винтовок.

— Уж не задумали ли они извести нас голодом? — заметил Оливье, следивший за врагами с некоторым любопытством. — Они, право, смотрят на нас как на осажденный город.

— Нет, они, наверное, не станут так долго дожидаться для того, чтобы сыграть с нами какую-нибудь скверную шутку, — ответил Дик, — и в эту же ночь, если нам не удастся уйти от них, ползком подкрадутся, чтобы напасть враспloh, во мраке ночи; я должен вам сказать, хотя мне и не хочется нагонять на вас преждевременно страх, что, право, не знаю, как нам удастся избавиться от них!

— Что ж, мы во всяком случае дорого продадим им наши шкуры! — заметил Оливье.

— О, до этого, пожалуй, не дойдет! — проговорил Дик. — Я хотел только сказать, что нам грозит серьезная опасность в случае ночного нападения. Но, в сущности, это ловушка слишком простая, чтобы Виллиго не нашел средств обойти ее. Ну, что ты скажешь, вождь? Каково наше положение?

— Дундарупы более трусливы, чем жалкий опоссум, который прячется в дуплах деревьев. Они держатся на значительном расстоянии, потому что боятся ружей белых людей. Это несомненно! — сказал австралиец с самодовольной усмешкой.

— Да, но тем не менее они окружили нас сплошным кольцом копий и стрел!

— С каких это пор жалкий ночной гопо, который только и умеет, что выть среди ночи, может рассчитывать заманить в западню воинов? Перед закатом солнца мы будем уже на пути к землям моего племени, и тогда я вернусь во главе моих воинов, и кровь дундарупов окрасит листья деревьев леса и траву лугов!

Маленькая горсточка друзей стала двигаться вперед, невзирая на то, что она была окружена со всех сторон кольцом врагов, следовавших за ними на расстоянии трех-четырех метров, которое они считали, очевидно, достаточным, чтобы обезопасить себя от ружей европейцев.

Вдруг Виллиго, который предводительствовал своими друзьями, тщательно исследовав местность, приказал остановиться в нескольких шагах от густой заросли кустов австралийской си-

рени, заросли столь густой, что человек не мог бы пробраться сквозь нее, не пустив в ход топора. Такие заросли довольно обычны для этих равнин, где они несколько нарушают однообразие местности. Но все-таки здесь едва могло укрыться шесть-семь человек; никто не думал, что Виллиго найдет нужным временно раскинуть лагерь в этом месте.

Необходимо, однако, было принять какое-нибудь решение; нельзя было продолжать продвигаться вперед, посреди кольца неприятелей, которые каждую минуту могли накинуться на маленький отряд и уничтожить его, пользуясь своей многочисленности.

Такой печальный исход казался до того неизбежным, что Оливье мысленно решил проститься с жизнью.

— Кажется, мой бедный Лоран, мы не увидим с тобой больше Франции!

— Что же, на все Божья воля, граф! Во всяком случае мы перебьем немало этих черномазых чертей прежде, чем простимся с жизнью! — отвечал бравый слуга.

Перед тем как отдать распоряжение остановиться, Виллиго трижды огласил воздух своим вызывающим и грозным боевым криком «Вагх! Вагх! Вагх!», который тотчас же был подхвачен и его молодыми воинами. Дундарупы отвечали на него своим воинственным криком, и в течение нескольких минут только и слышались эти своеобразные возгласы и завывания дикарей, столь грозные и страшные, что могли бы нагнать страх и на самых смелых. Затем дундарупы принялись плясать и петь, сопровождая все это самыми вызывающими жестами и гримасами, но не отваживаясь подойти ближе.

Выведенный из терпения канадец не выдержал и воскликнул: «Пусть же не говорят, что я позволил этим ребятам смеяться над нами и не проучил их за это!». И, пробравшись позади своих товарищей, он незаметно присел и пополз, крадучись в высокой траве, по направлению к дундарупам.

Сначала можно было без труда проследить за направлением его движения по колыханию трав на пути, но по мере того, как он удалялся, движение трав становилось похожим на колыхание их от ветра, подувшего с востока, так что его товарищи полагали, что он остается на месте, между тем как он продолжал продвигаться вперед.

Прошло еще несколько минут. Дундарупы продолжали плясать и кривляться, сопровождая свои движения разными выкриками, и ветер время от времени доносил до слуха Виллиго самые грубые оскорбления, какими только можно было уязвить самолюбие австралийского туземца.

Доблестный вождь с величайшим трудом сдерживал свое бешенство. Ах, если бы у него было здесь хотя бы пятьдесят человек его воинов, как бы он показал им! Как бы он заставил бежать этих горланов, которые не осмеливались даже напасть на него одного! Не будь здесь его друзей белых, жизнь которых была поручена ему, он не задумываясь кинулся бы в самую их чашу со своими двумя юными воинами Коануком и Нирробой и

показал им, как умеет умирать воин нагарнуков. Он перебил бы десятки этих подлых трусов прежде, чем погибнуть, а затем радостно затянул бы песнь смерти, стоя у стода пыток, гордый и надменный, как победитель.

Среди этого воя и воинственных криков дикарей почтенный Джон Джильпинг вдруг затянул своим гнусавым монотонным голосом Семнадцатый псалом Давида, сохраняя при этом полное спокойствие как будто он пел где-нибудь в церкви у себя на родине.

Вдруг из высокой травы поднялась, словно выросла из земли, высокая мощная фигура канадца; в тот же момент грянул выстрел, и вождь дундарупов, сраженный насмерть, упал лицом вперед на землю за то, что неосторожно выдвинулся несколько вперед, желая поддразнить своих врагов. Смерть вождя страшно поразила дундарупов, и песня торжества и издевательства разом уступила место одному общему крику ужаса и недоумения. Имя Тиданы, пробивающего головы, разом облетело всех.

Действительно, пуля канадца прошла и на этот раз между бровями вождя, пробив ему череп.

Вслед за первым моментом ужаса и недоумения последовали крики ярости и жажды мщения! Дикари подняли труп своего убитого вождя и отнесли его на небольшой пригорок, вокруг которого все собрались и стали держать совет: это было очевидно по оживленным прениям и возбужденным голосам. Более молодые настаивали на немедленном нападении, чтобы отомстить за убитого и разом уничтожить и нагарнуков, и их белых друзей. Но более старые стояли, видимо, за соблюдение необходимой осторожности и разумный образ действий. Не подлежало сомнению, что, решив пожертвовать тридцатью своими воинами, дундарупы в несколько минут могли бы уничтожить своих врагов. Но такое решение вопроса, над которым ни минуты не задумались бы европейские военачальники, было совершенно противно традициям австралийских племен, хотя их нельзя упрекнуть в трусости или недостатке мужества. Так, например, никогда не было видано, несмотря на страшные, ужасные пытки, неизбежно ожидающие воинов в случае неудачи, чтобы хоть один из них, попав в плен, старался спасти свою жизнь каким-нибудь неблагородным поступком — изменой своему племени или отречением от него. Война в глазах туземцев — это скорее всего борьба, соревнование в хитрости, ловкости и умении провести друг друга, причем каждый старается спасти свою жизнь и жизнь своих одноплеменников, чтобы тем самым досадить врагу и уничтожить как можно больше неприятелей.

Благодаря такому взгляду на войну туземцы прежде всего тщательно вычисляют выгоды, которые им может даровать победа, и всякий раз, когда, по их расчетам, что называется, «овчинка выделки не стоит», иначе говоря, победа обойдется дорожке того, что она может дать, и им придется потерять больше людей, чем убить или захватить в плен, они отказываются от такой победы. Таковы, в сущности, чрезвычайно разумные традиции страны.

IX

Скальпы. — Австралийские туземцы и их войны. — Столб пыток. — Хитрости туземцев. — Отравленные источники. — Обмен крови, или кровный союз.

туземцы Австралии точно так же, как краснокожие Америки, снимают скальпы с убитых врагов и уносят их в родные деревни в качестве славных трофеев войны. Но этого недостаточно: они, кроме того, должны еще привести с собой и всех своих убитых, чтобы семьи тех могли должным образом оплакать их и воздать надлежащие почести во время погребения. Если бы число убитых воинов оказалось превышающим число кровавых трофеев, снятых с неприятеля, отряд, вернувшийся с таким уроном, считался бы даже своими единоплеменниками потерпевшим страшное поражение, хотя бы в действительности он и одержал блестящую победу и обратил в бегство всех своих врагов. Такой отряд должен был бы подвергнуться поруганию и издевательствам женщин и детей при своем возвращении в родное селение. А родственники убитых стали бы преследовать их неустанными проклятиями, издевательствами и насмешками, обвиняя их в том, что они бежали, как трусы, с поля сражения, не отомстив за своих павших на поле брани братьев.

Уже из одного этого видно, что мы очень заблуждаемся, полагая, что дикари сражаются враспынную, без всякого определенного порядка. У австралийцев война ведется согласно строго установленным правилам и традициям, укоренившимся законам и требованиям, которые не осмелится нарушить ни один вождь, не возбудив всеобщего негодования со стороны своего племени.

Если же нарушение традиций и обычаев войны было бы слишком явным и повлекло бы за собой неудачу или несчастье, то предводители, которые одни только ответственны за все, ввиду беспрекословного повиновения им подчиненных во время вой-

ны, предаются на волю семей погибших на войне воинов. А эти женщины и дети, привязав недостойных вождей к столбу пыток, предают их самой страшной смерти путем ужаснейших пыток, какие они только могут придумать. Прежде чем нанести им последний смертельный удар, их мучители вырывают у них куски мяса, клочья волос, жгут их тело смоляными факелами, отрезают куски тела осколками кремня, словом, относятся к ним даже хуже, чем к военнопленным.

Почти не меньшим позором считается для вождей, вернувшись с войны, не принести с собой всех своих погибших воинов. Даже самая блестящая победа не может возместить этого позора; можно даже сказать, что такая победа почти не считается победой с точки зрения туземцев, так как принести с собой всех своих убитых — это первое доказательство победы в глазах как своих единоплеменников, так и врагов.

Так как все эти туземные племена ведут полукочевой образ жизни, то они не имеют представления о завоевательных войнах; также не имеют они понятия о возможности обложения данью или военной контрибуцией побежденного племени. Войны их возгораются по самым разнообразным мотивам, в большинстве случаев совершенно незначущим; и самым блестящим доказательством своего торжества над врагом, доказательством того, что враг был обращен в бегство, является то, что победители имели возможность подобрать с поля битвы всех своих раненых и убитых и помешать врагам сделать то же по отношению к своим.

Ввиду всего этого вожди, на которых всецело падает ответственность за любую неудачу, обычно действуют крайне осмотрительно, тогда как юные воины, которые считаются не получившими боевого крещения до тех пор, пока не принесли по меньшей мере один скальп врага, всегда рвутся в бой, желая добыть почетный трофей и покрыть себя славой настоящего воина, даже если это могло стоить позора и поругания их вождей и кровавого поражения.

Вот эти-то взгляды туземцев и могут служить объяснением того каким образом маленькие отряды хорошо вооруженных европейцев, численностью в пять человек, могут пройти из конца в конец австралийский материк, выдержать десятки схваток и столкновений с туземцами и все же не быть уничтоженными или перебитыми ими. Как только австралийцам становилось ясно, что эти пять-шесть пришельцев держали в своих руках, благодаря своему усовершенствованному оружию, жизнь нескольких десятков из них, можно было быть уверенным, что ни одно туземное племя не согласится пожертвовать таким числом своих вои-

нов, числом, превышающим в несколько раз число их врагов, ради удовольствия покончить с ними. Но это еще не значило, что с этого момента европейцы могли считать себя вне опасности. Нет, вместо открытой войны и явных нападений начинались тайные козни — засады, ловушки и предательства. Горе неосторожным, которые вздумали бы расположиться на ночлег, не расставив достаточного числа бдительных часовых: прежде чем они успели бы очнуться, всех их перерезали бы, как глупых цыплят, неслышно подкравшиеся дикари. Поэтому в австралийском буше приходится есть, спать, совершать переходы и стеречь имущество и товарищей не иначе, как с ружьем наготове и револьвером у пояса. Мельчайшая оплошность — и все неминуемо погибнут.

Однажды был такой случай: после первой схватки, в которой европейцы перебили от двадцати пяти до тридцати туземцев, пионеры могли в течение многих месяцев безбоязненно странствовать по австралийскому бушу, не опасаясь увидеть ни одного туземца. Не видя перед собой никакой опасности, успокоенные полной тишиной и бесплодием австралийской пустыни, европейцы были не столь осмотрительны и осторожны, как вначале.

Только этого и ждали туземцы, и в первый же раз, когда усталые путники расположились на ночлег без соблюдения обычных предосторожностей, ни один из них не дожил до утра: все они были беспощадно зарезаны в ту же ночь неслышно подстерегавшими их туземцами.

Ничто не может сравниться с терпением австралийцев, даже американские краснокожие в этом отношении далеко уступают им: индейцы часто нападают в открытую, мало заботясь об опасности и о своем самосохранении; австралиец же будет месяцами следовать за вами по пятам, на расстоянии десяти метров, спать, когда вы спите, шагать за вами следом, когда вы делаете переход, и все время не спускать с вас глаз, прислушиваясь к каждому вашему движению и вздоху, питаясь чаще всего остатками вашей пищи, обыскивая ваши стоянки до того момента, когда какая-нибудь случайная неосторожность предаст вас в его руки.

Хотя Австралия не знает недостатка в больших и прекрасных реках, но ручьев и мелких речонок здесь сравнительно мало. На этом материке совершенно своеобразные гидрологические условия. Здесь, почти повсеместно, много подземных вод, и стоит в любом месте прорыть землю на каких-нибудь полметра, чтобы встретить прекрасную воду. Этим объясняется то, что почти каждая ложбинка, окруженная небольшими холмами или пригорками, имеет один или несколько ключей, представляющих собой ряд опрокинутых конусов глубиной в два-три фута, то есть род воронок, наполняющихся водой снизу.

Эти ключи, встречающиеся на каждом шагу, являются спасением как для туземцев, так и для путешественников: их всегда холодная вода, прозрачная и светлая, как кристалл, отличается превосходнейшим вкусом и лучше всего утоляет мучительную жажду, томящую людей в этих местах. Но горе тому, кому вздумается напиться этой воды без соблюдения необходимых предосторожностей! Туземцы, преследуя намеченную жертву, нередко обгоняют злополучного путника и отравляют по пути все ключи листьями, корнями и цветами ядовитых растений, свойства которых им хорошо известны, и которые, сами по себе помимо злого умысла, представляют постоянную грозную опасность для неопытного путешественника, встречаясь положительно на каждом шагу в дебрях австралийского буша. Едва только неосторожный отведаст этой прекрасной на вкус, студеной воды, как им овладевает мучительная, неутолимая жажда; он пьет все больше и больше и с каждым глотком вливает в себя смертельную отраву; вскоре его охватывает дрожь, затем наступают бессознательное состояние и бред; в бреду ему кажется, что над ним склоняется чудовище, безобразно размалеванное, подползает к нему, глядит сквозь листву кустов и вдруг вытягивается в рост человека. Умиравший думает, что это плод его больного воображения, отвратительный кошмар; он хочет кричать, звать на помощь, но чудовище накидывается на несчастного беззащитного путника и душит его или, схватив одной рукой за волосы, перерезает ему ножом горло и затем завладевает его скальпом.

Кроме того, часто, даже очень часто, случается, что эти ключи отравляют случайно попавшие в него листья и цветы ядовитых растений, и тогда несчастный, отведавший этой отравленной воды, умирает сам в жесточайших мучениях. Существует только одно средство безнаказанно пользоваться этой чудесной ключевой водой: предварительно основательно очистить самый приемник, то есть воронку, вмещающую эту воду. Для этого прежде всего вычерпывают всю воду, что занимает немного времени, так как эта воронка в большинстве случаев невелика и неглубока. Затем тщательно вычищают все листья, корни и всякую зелень, встречающуюся по краям или на дне воронки, после чего вода мало-помалу начинает снова наполнять снизу воронку; тогда этой водой и эвкалиптовыми листьями основательно вычищают воронку и снова вычерпывают воду, проделывая эту операцию вторично для большей безопасности; после вторичного обмывания и протирания эвкалиптовыми листьями можно уже безнаказанно пить воду из ключа.

Ввиду такого громадного числа разных опасностей, подстерегающих здесь чужестранца на каждом шагу и происходящих

главным образом от недоброжелательства и враждебности туземцев, есть только один способ жить среди дебрей австралийского буша если не в полной безопасности, то хотя бы относительно безопасно — это постоянно иметь при себе одну или двух хорошо выдрессированных собак, приученных никогда не отходить ни на шаг от своего хозяина, чтобы их не убили невидимые враги, а также одного или двух преданных туземцев. Собаки всегда извещают своим глухим рычанием о присутствии поблизости нежелательных людей, а туземцы одни только способны предугадать и предотвратить коварные замыслы своих соплеменников. Но чтобы обеспечить себе преданность австралийца, недостаточно подкупить его дарами, держать его у себя на постоянном жалованье или прельщать его постоянно обещаниями новых щедрот: австралиец всегда нарушает по отношению к европейцу и данное обещание, и всякое обязательство; при случае он, не задумываясь, бросит вас среди пустыни, предварительно ограбив, и даже поможет вашим врагам зарезать вас, если представится случай. Такой образ действия не считается постыдным и предательским по отношению к чужестранцу. Нет, единственный способ привязать к себе австралийца так, чтобы он был предан вам до самой смерти, — это произвести с ним обмен крови, то есть вступить с ним в кровный союз, или, что то же, «побрататься».

Это исконный австралийский обычай, существующий здесь с незапамятных времен, спас жизнь большинству скваттеров, которые одними из первых рискнули переселиться в Австралию.

Обычай этот состоит в следующем: когда европеец и какой-нибудь туземец придут к соглашению «побрататься» между собой и произвести «обмен крови», то туземец уводит своего приятеля к своим единоплеменникам, в свою родную деревню, и церемония происходит между европейцем и отцом туземца, согласившегося побрататься с ним. Оба они, вооружившись шипом акации, делают себе довольно глубокий укол на руке выше локтя и затем переплетают между собой эти руки так, чтобы оба укола пришлось непосредственно один на другом и чтобы кровь из раны одного смешивалась с кровью другого; затем каждый из двух прикладывает свой рот к ране другого и высасывает из нее несколько капель крови, которую и проглатывает. После этого европеец становится членом семьи туземца, отец его побратима становится его отцом, мать — его матерью, их дети его братьями и сестрами, словом, он в полном значении этого слова становится приемным сыном этой семьи и не только этой семьи, но и всего племени.

И не было случая, чтобы австралиец когда-нибудь погрешил против этого обета или изменил своему приемному брату в минуту опасности. Такой союз считается священным у всех австралийских племен.

Этот обряд был некогда совершен и над отцом Виллиго и канадцем, и теперь этот кровавый союз Дика с Виллиго являлся главной силой и главным оплотом наших путешественников против осаждающих их дундарупов; теперь они могли быть вполне уверены в преданности им нагарнукского вождя и его двух воинов, не опасаясь возможной измены с их стороны. От них теперь только и можно было ожидать спасения, так как они одни знали все военные хитрости и предательские штуки, на которые способны были туземцы. Кроме того, и вышеупомянутый обычай, равносильный закону среди австралийских племен, — не нападать, то есть не вступать в бой даже с самым незначительным по численности отрядом, если это нападение требовало многих жертв, также играл немалую роль в том, что наши путники до сего времени еще не расстались с жизнью.

После долгого и бурного совещания, очевидно, мнение старейших дундарупов восторжествовало, и решено было только оцеплять противников, чтобы помешать им уйти, а нападение отложить до наступления следующей ночи, когда окружающий мрак не позволит европейцам видеть, куда стрелять.

Круг осаждающих плотным кольцом окружал маленький отряд со всех сторон; куда ни глянь — мелькали черные курчавые головы дундарупов, и казалось совершенно невозможным, несмотря на всю опытность и хитрость Виллиго, чтобы ему удалось вызволить своих друзей из ловушки, в которой они очутились.

Оливье, осмелившийся высказать вслух эту мысль, получил от Дика следующий ответ:

— Я глубоко убежден, что Виллиго как-нибудь вызволит нас, но как, этого сказать не могу; в настоящее время нам остается только положиться на него и ждать!

Таким образом, даже канадец — знаменитый Тидана, пробивающий головы, которого боялись дундарупы и все другие племена туземцев, равно как и лесные бродяги, и тот не знал, каким образом прорвать эту цепь туземцев, окружающих их со всех сторон.

— Меня смущает только одно, — заметил Дик по некотором размышлении. — Для меня совершенно ясно, что эти черномазые черти направлены на нас лесовиками с целью взять нас живьем. Между тем с сегодняшнего утра дундарупы ищут случая истребить нас!..

— Или же захватить нас в плен! — заметил Оливье.

— Одно другого стоит: захватив нас, они несомненно привяжут нас к столбу пыток; туземцы никогда не оставляют пленных в живых, так как при кочевом образе жизни пленных не возможно устеречь; они непременно сбегут, а каждый беглый пленник — лишний непримиримый враг. Теперь я вот чего не могу понять: если лесовики следят за нами, желая выведать нашу тайну о месте нахождения прииска, то зачем они натравили на нас этих черномазых? Ведь они меня достаточно знают, чтобы быть уверенными, что даже и у столба пыток я не выдам им своего секрета.

— Но, быть может, дундарупы преследуют нас против их воли.

— Нет, не думайте этого, мой юный друг!

— Вы видите, однако, Дик, что лесовики не показываются, тогда как им было бы так легко сравнять шансы туземцев; их, по словам Виллиго, человек десять, а нас ведь только четверо, хотя и с огнестрельным оружием!

— Да, но у нас шестиствольные револьверы, а у них простые одноствольные ружья!

— Это так, но на их стороне несколько сот дундарупов; это, кажется, с лихвой уравнивает силы!

— Не в такой мере, как вы это думаете! Туземцы потеряли уже достаточно народа и теперь ни за что на свете не согласятся при свете дня двинуться на нас! Они будут опозорены, если пожертвуют еще пятнадцатью человеками для того, чтобы овладеть нами. С другой стороны, теперь, когда нами пролита их кровь, когда нами убит их вождь, они не посмеют вернуться к своим, не отомстив за своих убитых, а потому, несомненно, делают все возможное для достижения своей цели. Но вот чего я не могу понять: каким образом этот отряд, который, несомненно, представляет собой или авангард главной армии дундарупов, выступившей в поход против нагарнуков, или же отдельный корпус, откомандированный с какой-нибудь определенной целью, мог уклониться в сторону и, пренебрегая своей миссией, преследовать нас, когда мы решительно ничем не вызвали их неудовольствия!

— Ну, а присутствие среди нас Виллиго разве не может служить достаточным оправданием их действий? Поимка такого великого вождя нагарнуков — завидный подвиг!

— Вы были бы правы, Оливье, если бы Виллиго был с нами с самого начала, но припомните, что ведь он присоединился к нам только после того, как ему удалось случайно узнать, что отряд дундарупов, соединившихся с лесовиками, преследует нас. Как видите, мое недоумение ничуть не уменьшается, и вплоть до завтрашнего утра я буду говорить, что не могу объяснить себе роль

лесовиков. Их дело было, скрываясь насколько возможно, проследить нас до самого прииска, а затем перебить в открытом бою или подстроить нам западню, чтобы всецело завладеть прииском. Вместо этого, они действуют так, как будто ищут отмщения, словно для них важно перебить нас, не принимая в этом убийстве явного участия, не обнаруживая своей личности. Это что-то странное! Разбирайтесь в этом, как знаете, но что касается меня, то я положительно перестаю понимать наших лесовиков! Как, они хотят заставить убить нас и допустить, чтобы мы унесли с собой в могилу нашу тайну, могущую дать им несметные богатства?! Между тем каждый из них готов десять раз рисковать жизнью из-за каких-нибудь жалких грошей! Нет, воля ваша, это что-то невероятное! Здесь кроется какая-то тайна, которую мы, вероятно, раскроем впоследствии, если только останемся живы! Если бы у меня были враги, которые искали бы моей гибели, то я готов поручиться чем угодно, что скорее таковые найдутся здесь, среди этих лесных бродяг буша, чем на улицах Сиднея или Мельбурна! — сказал Дик после некоторого раздумья.

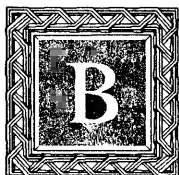
При этом Оливье невольно вздрогнул: перед ним пронеслись, как во сне, различные минуты его жизни и последние события, предшествовавшие его отъезду из Франции.

— А если это... — начал он. — Но нет, это бред расстроенного воображения... Нет, этого не может быть!..

— Ничто, милый мой Оливье, нельзя считать невозможным в нашем буше, если только дело идет о мести! — проговорил канадец, полагая, что молодой француз возражает на его последние слова. — Вы сами знаете, что мы находимся в стране, где нет ни чести, ни совести, ни справедливости, ни законов; здесь грубая сила царит полновластно, помните это!

Х

Страшное оскорбление. — Воинственный гимн. — Джон Джильпинг играет «Боже, храни королеву». — Кораджи. — Страх и трепет нагарнуков. — Австралийские сувениры. — Кра-фенуа. — Бегство.

В ДРУГ КРИКИ И ШУМ В ДУНДАРУПСКОМ лагере заметно усилились. Видя, что европейцы не отвечают на их вызов, туземцы придумали новое средство поддразнить врага. Воткнув в землю свои копыя, они взялись за руки и начали плясать спиной к неприятелю, что привело Виллиго в неопишемую ярость. Такое положение дикарей было в высшей степени оскорбительно для

чести вождя: оно означало, что дикари считают его трусом и не ставят ни во что.

Дундарупы знали, что делали. Они надеялись, что нагарнукский вождь не вытерпит и сделает какую-нибудь неосторожность. И действительно, Виллиго с трудом удерживался, чтобы не кинуться на врагов; однако он все-таки удержался и отвел душу только тем, что произнес страшную клятву испепелить жилища дундарупов, истребить их жен, детей и стариков, одним словом, всячески отомстить им за оскорбление, нанесенное в его лице всему племени нагарнуков.

Потрясая оружием, с пылающими глазами и пеной у рта, он запел вместе с двумя своими воинами песню, в которой оскорблялись дундарупы:

— Ваг!.. Ваг!.. Дундарупы трусы: они прячутся, как опоссумы, когда слышат голос воина. Они бегут от нагарнуков, когда те наступают на них, потрясая копьями и бумерангами!

— Ваг!.. Ваг!.. Дундарупы трусы, — подпевали вождю молодые воины Нирроба и Коанук.

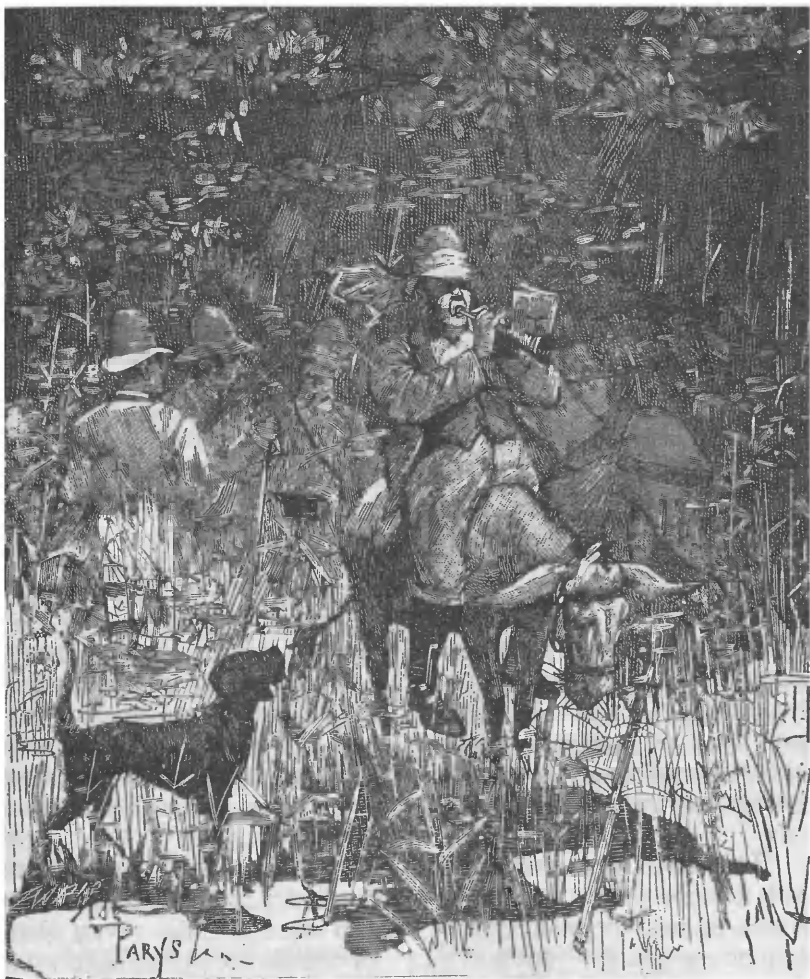
В этом роде было пропето несколько куплетов с подобным же припевом. Песня продолжалась с час и под конец три нагарнукских воина дошли до крайней степени воинственного задора. Глаза их горели, руки выделяли энергичные жесты. Экстаз сообщился даже европейцам, так что и те начали показывать кулаки дундарупам. Джон Джильпинг тоже позабыл свою роль мирного проповедника и, взобравшись на своего Пасифика, чтобы его лучше было видно, начал осыпать дундарупов всевозможной бранью, называя их нечестивцами, демонами, детьми Вельзевула и пр.

Под конец на него нашло как бы вдохновение свыше. Он взял свой кларнет и резко, пронзительно заиграл британский гимн «Боже, храни королеву». Едва только эти странные звуки долетели до лагеря дундарупов, как там сейчас же произошло невообразимое смятение. Вид проповедника, дующего в трубу и сидящего на невиданном к Австралии длинноухом животном, произвел на туземцев действие совершенно неожиданное. Подобно Нирробе и Коануку, дундарупы упали на землю и завопили:

— Кораджи!.. Кораджи!.. (Колдун!.. Колдун!..)

В одну минуту ни единого туземца не стало видно в густой траве.

Европейцам сейчас же пришлось в голову воспользоваться этой минутой, чтобы улизнуть, и они обратились к Виллиго, чтобы поговорить с ним об этом. Виллиго не было: он и его воины точно также лежали пластом, уткнувшись носом в траву.

Оливье и Лоран не могли удержаться от улыбки, а Дик только плечами пожал. Канадцу было досадно за друга и совестно за его суеверие. Он подошел к вождю, взял его за плечи и поднял на ноги, как малого ребенка.

— Не стыдно ли тебе, вождь? — сказал он. — Не стыдно вам всем? Ну какой же он колдун? Ну, разве сдался бы он вчера в плен, если бы это было так?

Последний аргумент подействовал на Виллиго, тем более, что Дик от него подошел к Джону Джильпингу и потребовал, чтобы тот прекратил свою музыку, потому что дикари принимают его за колдуна.

— За колдуна!.. Боже мой! — в смущении воскликнул член Евангелического общества, с сокрушением воздевая к небу руки, однако музыку прекратил.

Дундарупы, полежав в траве, выглянули снова и, убедившись, что колдун против них ничего не предпринимает, стали еще смелее и задорнее прежнего. Таким образом смешной случай с Джоном Джильпингом не внес никакой перемены в относительное положение обоих лагерей. Теперь даже Дик начал сомневаться, удастся ли его названому брату вывести пионеров из опасных тисков. Это сомнение проскользнуло у него как-то в разговоре. Виллиго улыбнулся и сказал:

— Брат мой, отчего ты мне не доверяешь?

— Я доверяю, но мои товарищи беспокоятся, и я не знаю, чем их успокоить!

— Так скажи им, что мы будем далеко отсюда до захода солнца.

— Как, несмотря на дундарупов?

— Несмотря на них. Мы уйдем тихонько, и они не успеют нас хватиться.

— Не понимаю, ты сам, должно быть, кораджи.

— Дундарупы — глупые воины.. Здесь неподалеку есть кра-фенуа (трещина в земле), прикрытая ползучими растениями. Хочешь, взгляни сам!

Слово *кра-фенуа* требует объяснения.

В Австралии сохранилось множество следов различных геологических процессов и, между прочим, много трещин и расселин в земной коре, появившихся, вероятно, от взрыва газов. Эти трещины на поверхности земли имеют обычно очень небольшие отверстия, но по мере углубления в землю расширяются и образуют иногда довольно удобные подземные ходы. Глубина их достигает иногда пятнадцати-двадцати метров, ширина — восьми-десяти метров, а длина доходит иногда до нескольких миль.

Но мы не советуем неопытному путешественнику углубляться в подобные ходы, не зная хорошо свойств каждого из них в отдельности. Может случиться так, что человек, вступивший в кра-фенуа через узкое отверстие, сначала идет благополучно, но потом вдруг нога его обрывается, и он стремглав летит в неведомую бездну. Нужно спускаться в глубину трещины осторожно по веревке, привязанной к дереву на земле, и быть каждую минуту наготове схватиться за нее при малейшем неверном шаге.

Через такую кра-фену Виллиго и собирался вывести европейцев из отчаянного положения.

Для исполнения своего плана нагарнуковский вождь выбрал время, когда дундарупы станут обедать, потому что тогда их внимание будет сильно отвлечено гастрономическими наслаждениями.

Канадец отправился с Виллиго смотреть трещину и вернулся назад сияющий и довольный. План действия был живо разработан и сообщен европейцам. Даже осла проповедника и мула Дика можно было взять с собой, отправив их предварительно в кра-фену с Коануком и Нирробой. Молодые воины, сведя животных в трещину и привязав их там где-нибудь, должны были вернуться назад и снова присоединиться к остальной компании.

Мистер Джон Джильпинг не без колебания расстался со своим ослом. Сойдя с него, он нежно обнял его за шею и долго ласкал, как будто прощался с ним навсегда, а потом, когда осла повели, долго глядел ему вслед со слезами на глазах.

Через несколько минут оба воина скрылись вместе с ослом и мулом, не замеченные дундарупами.

Канадец высек огонь и зажег большой костер из сухих листьев и ветвей. Пламя весело разгорелось, давая знать осаждающим, что осажденные преспокойно собираются обедать, не заботясь о своем опасном положении.

Между обоими лагерями установилось как бы безмолвное перемирие на время обеда. Для дикаря нет выше наслаждения, чем еда. Его обжорство достигает невероятных размеров. Ему мало утолить голод, он должен так наесться, чтобы дышать было трудно, а не только двигаться или говорить. По этому поводу у австралийских дикарей существует весьма характерная поговорка: на-кра-гура-пена, то есть счастлив тот, у кого живот расперло от пищи. Буквально: на — желудок, кра — распоротый, расколотый, гура — деепричастие от глагола «есть», пена — счастливый.

Такое перемирие между двумя враждующими армиями весьма обычно. Боюют-воюют, а потом вдруг сядут обедать друг против друга, и никогда не случается, чтобы военные действия возобновились ранее обоюдного насыщения.

Поэтому Виллиго знал, что делал, когда выбрал для бегства обеденное время. Дундарупы полностью погрузились в приготовление пищи и оставили лишь нескольких часовых для наблюдения за осажденными. Они настолько увлеклись, что даже не заметили ухода молодых нагарнуков. Последние вскоре вернулись и доложили вождю, что мул и осел спрятаны в надежном месте.

До сих пор против европейцев и их союзников действовали одни дундарупы. Лесовиков не было видно. Те не показывались, предпочитая, должно быть, действовать тайно, и это чрезвычайно тревожило канадца. Он знал, что тайный враг еще хуже и опаснее явного, от которого все-таки можно уберечься.

Но ему было невдомек, что не он служит предметом их злобы, что не его они преследуют, что не его гибель ими решена и подписана.

XI

Кра-фенуа. — В недрах земли.

СОЛНЦЕ СТОЯЛО В ЗЕНИТЕ. ТО БЫЛ ЧАС, когда все на суше спит: цветы устало склоняют свои чашечки на ослабевших стебельках, перестав издавать свой нежный, одуряющий аромат; крикливые попугайчики смолкают и стараются укрыться в прохладной тени широколистных папоротников. Пушистые кенгуру тоже отдыхают в самой глухой чаще леса, а робкие, трусливые опоссумы еще раньше успели спрятаться в этих укромных местечках; только панцирные ящерицы виднеются кое-где. Дундарупы расположились вокруг своих костров, и из-за высокой травы их совсем не видно, да и сами они перестали видеть осажденных. Лишь по временам кто-нибудь из воинов выставлял голову и, убедившись, что в лагере пионеров тихо, снова скрывался в траве.

Виллиго подал знак. Европейцам предстояло идти вперед, а австралийцы хотели идти после, когда выяснится, заметили ли кто-нибудь дундарупы или нет.

До рощицы, где находилось отверстие кра-фенуа, было не более десяти метров, но добираться до нее приходилось ползком, чтобы не слишком колыхалась трава.

Траппер пополз с ловкостью дикаря, за ним тоже довольно удачно поползли французы, но бедный Джон Джильпинг никак не мог справиться со своей задачей из-за своего обширного брюшка. Он беспомощно ерзал руками и ногами, почти не двигаясь с места, точно несчастная черепаха. Видя это, Виллиго подкрался к англичанину, лег рядом с ним в траву и знаком предложил ему взобраться к нему на спину. Бедный проповедник, не понимая, чего от него требуют, положительно обмер от страха; но, к счастью, Дик в это время обернулся назад и увидел всю сцену. Он успокоил англичанина, объяснив ему, что нужно делать, и Виллиго быстро пополз по траве, таща на себе дород-

ного «эсквайра»... Вскоре вся компания дотащилась до рощи, где Виллиго собрался их на время покинуть.

— Спускайтесь поскорее в кра-фенуа! — сказал он.

— Как? Разве тебя ждать не нужно? — спросил Дик.

— Нет, я вас догоню! Нужно сделать так, чтобы дундаруны как можно дольше не замечали нашего отсутствия.

Тогда Дик раздвинул кусты и обнаружил отверстие, все поросшее мхом. Оливье и Лоран спустились первые, за ними, бормоча приличествующие случаю тексты, боязливо спустился англичанин, подхваченный внизу сильными руками Лорана, и, наконец, Дик, в несколько прыжков догнавший ушедших вперед товарищей. Сделав несколько шагов по траншее, путешественники наткнулись на осла и мула, мирно лежавших рядышком поперек дороги. Дно траншеи было ровное, гладкое, точно хорошая грунтовая дорога. Сверху над головами путников в достаточном количестве проникали в трещину солнечные лучи, пронизывая густую зелень, закрывавшую верхнее отверстие. Беглецы быстро шли вперед, скрываясь от опасности.

Спустя минут десять после спуска в трещину позади европейцев раздался легкий шорох листьев; они обернулись назад и увидели перед собой Коанука.

— Так скоро? — сказал Дик. — Что случилось?

— Вождь забыл сказать своему белому брату, что на пути ему встретятся три источника; так пусть он идет по той дороге, которая начинается напротив третьего источника. Это подлинные слова вождя.

— Хорошо, понимаю. Ты останешься с нами?

— Виллиго ничего об этом не сказал.

— Так возвращайся к нему и скажи, что мы ждем его с нетерпением.

Воин поклонился и бегом пустился назад.

Маленький отряд продвигался очень быстро. Чтобы тяжелый на подъем Джильпинг не задерживал остальных, ему позволили сесть на осла, которого Дик повел на поводу. Трещина постепенно углублялась, и в ней становилось все темнее и темнее. Пришлось зажечь фонарь. Хотя последний освещал подземную галерею на достаточное расстояние, тем не менее европейцам под конец сделалось несколько жутко идти по неведомому подземелью, не зная, где оно кончается и куда ведет. Мрачные мысли овладевали понемногу не только французами, но и более привычным к опасностям Диком, а Джон Джильпинг перешел с Псалтыри на Апокалипсис и стал бормотать таинственные тексты из него.

Чем дальше они шли, тем тревожнее становился канадец. Его беспокоило, во-первых, то, что дно трещины шло хотя и с незначительным, но заметным уклоном, все больше и больше удаляясь от почвы; во-вторых, его беспокоило, что Виллиго со своими товарищами что-то долго не показывался в трещине, и, наконец, его смущало последнее предостережение нагарнука. Это предостережение указывало на возможность заблудиться, что было очень неприятно и даже опасно.

Времени прошло с добрый час. Трещина стала суживаться, хотя идти еще не было тесно. Уклон сделался круче. Осел, везший Джильпинга, стал спотыкаться и скользить на каждом шагу, так что пришлось его взять под уздцы, а британец вынужден был слезть и снова идти пешком.

Но, спустившись с крутого уклона, беглецы невольно вскрикнули от восторга. Они очутились посреди обширной, полукруглой пещеры, раскинувшейся метров на триста или четырехста и перекрытой великолепным сталактитовым сводом. В самом центре пещеры, на расстоянии нескольких метров друг от друга, били из почвы три горных источника, шипение и плеск которых были единственным шумом, нарушавшим глубокую окрестную тишину.

Свет фонаря, тысячу раз отраженный прозрачным хрусталем сталактитов, водяными столбами и брызгами гейзеров, довершал фантастическую прелесть картины.

Даже Джон Джильпинг расчувствовался и, улыбаясь, запел Девятнадцатый псалом. Потом, не помня себя от восторга, англичанин опять развернул свою книгу с нотами, положил ее на спину осла, достал кларнет и затрубил этот же самый псалом при свете фонаря, который Лоран услужливо поднес к нотам.

Затем, кончив псалом, он заиграл «Правь, Британия»*. Неизвестно, долго ли бы еще услаждал англичанин свой собственный слух, если бы к нему не подошел Дик и не потребовал прекращения музыки. Как и в первый раз, англичанин послушно спрятал свою трубу в футляр, не говоря ни слова.

* «П р а в ь , Б р и т а н и я» — английская патриотическая песня, сложенная в пору владычества Англии на морях.

ХП

Лабиринты кра-фенуа. — Обед. — Отец Дика и дед Оливье. — Дружественная беседа.

ОСЛЕ ПЕРВЫХ МИНУТ ВОСТОРГА КАНАДЕЦ вспомнил предостережение Виллиго. У основания пещерного свода виднелось множество трещин, чрезвычайно похожих одна на другую. Которая же из них служила продолжением кра-фенуа?

Виллиго велел выбрать то отверстие, которое находилось напротив третьего источника. Но который же из гейзеров был третьим? Это зависело от того, с какой стороны считать, справа или слева. Недоумение разрешил Оливье. Он заметил Дику:

— Мы обычно читаем слева направо и точно таким же способом считаем предметы. Скажите, как в подобном случае поступают дикари?

— Затрудняюсь вам ответить, — сказал Дик. — Признаться, я никогда не обращал на это внимания.

— А между тем это очень важно знать.

— По-моему, Виллиго считал первым фонтаном просто тот, который поближе ко входу.

— Значит, справа налево?

— Да. Я в этом уверен. Но, знаете, я теперь обнаружил новое затруднение. Если считать третьим последний гейзер, то ведь напротив него, взгляните сами, два отверстия. Которое же нам выбрать?

— Я предлагаю решить этот вопрос на основании ваших же рассуждений. Первое отверстие, как ближайшее, вероятно, и есть то, на которое хотел указать Виллиго.

Дик согласился с доводом Оливье. Решено было выбрать правую расселину, но сначала сделать небольшой привал и пообедать, тем более, что тем временем мог подойти и Виллиго с товарищами. В последнем случае недоумение разрешалось само собой.

Мула развьючили, достали скромную закуску, состоявшую из соленых мясных консервов и сухарей, и пир начался. Оказалось что им не хватает питья; в багаже пионеров и англичанина имелось несколько бутылок джину и виски, но ведь этим нельзя было утолить жажду.

Канадец предложил попробовать воду гейзеров.

— Теплую-то! — с гримасой возразил Оливье.

— Прибавьте в нее коньячку, и выйдет грог, — со смехом сказал Дик. — Все же лучше, чем ничего. Наконец, воде можно дать остыть... Подождите!

Канадец встал, захватил с собой жестяную кружку и направился к ближайшему источнику. Подставив под падающую струю кружку, он набрал воды и попробовал ее на вкус.

— Ничем не отдает и не очень горяча! — объявил он. — Право, мне кажется, можно напиться.

На сталактитовом дне пещеры имелось несколько углублений, в которых собиралась вода, лившаяся из гейзеров. Вода в этих ямках была чистая и с виду совершенно пригодная для питья. Путники с наслаждением утолили жажду, возбужденную быстрой ходьбой и соленой закуской.

Между тем Виллиго все еще не приходил. Друзья начали беспокоиться.

— Что-нибудь важное его задержало, — задумчиво произнес канадец. — Я знаю Виллиго: он без надобности мешкать не станет. Мы ждем его уже больше часа. Боюсь, что случилось несчастье. Дундарупы, наверное, заметили наше бегство, кинулись всей толпой на Виллиго и его воинов и убили их...

— О, они, наверное, бросились бы в кра-фенуа. Долго ли им добежать до нее? — возразил Оливье.

— Вы не знаете нагарнукского вождя. Утром он сдерживался, когда дундарупы его дразнили, но потом терпение у него могло лопнуть...

— И вы боитесь, что он кинулся в бой, втроем против целой толпы?

— Нет, я этого не думаю, но вот что могло случиться. Вождю могла прийти в голову фантазия отплатить им той же монетой, танцуя к ним спиной, и в это время к нему могли подкрасться сзади...

— Это было бы ужасным несчастьем...

Оливье не договорил. Его отвлекло ворчание его черной собаки.

— Что с тобой, Блэк? — спросил он, подходя к своему верному псу.

Умная собака поглядела на хозяина и усиленно потянула в себя воздух чутким носом, но потом успокоилась и легла.

— Должно быть, это Виллиго, — сказал Дик, делая несколько шагов по траншее и прислушиваясь.

Кругом все было тихо.

— Ложная тревога, — заметил он, возвращаясь в пещеру. — И у собак бывают капризы.

Но тут, словно желая доказать Дикю, что он ошибается, собака встала и, ворча, прошла по подземелью.

— Что с ней? Должно быть, ей не нравится в подземелье, — предположил Оливье. — Иначе как же это объяснить?

— Не нравится в подземелье, — протяжно повторил канадец. — Очень может быть. В таком случае я ей вполне сочувствую. Мне здесь тоже не по себе.

— А меня так эти своды просто давят, гнетут! — вскричал Оливье. — Скажите, долго ли мы здесь будем еще сидеть?.. Впрочем, как вы решите, так и будет.

— Подождем еще полчаса. Если к тому времени Виллиго не подойдет, то мы будем знать, что с ним случилось несчастье. Тогда и решим, что нам делать.

— Хорошо, — согласился Оливье, — а эти полчаса я употреблю на отдых. Спать хочется ужасно...

...Прошло полчаса. Дик подозвал Лорана, чтобы тот разбудил своего господина. Лицо преданного слуги было расстроено и заплакано, что не могло укрыться от канадца.

— Что с вами, Лоран? — спросил он. — Давно я смотрю на вас и вижу, что у вас что-то тяжелое на душе.

— Ах, сударь, — отвечал старый слуга, указывая на безмятежно спящего Оливье, — ведь я мальчиком носил его на руках... Ведь он мой воспитанник... Каково же мне видеть его в таком положении... Вы подумайте только: ведь он последний потомок графов Лорагю д'Антрэгов!..

— Лорагю д'Антрэг? Что вы говорите? — вскричал Дик так, что своды пещеры дрогнули.

— Последний из этой фамилии...

— И вы мне не сказали этого раньше!.. И он скрыл от меня свое имя! — продолжал восклицать канадец. — Он назвал себя просто господином Оливье... Я знал, слышал, что он разорившийся аристократ; я и сам, наконец, догадывался об этом, но мне и в голову не приходило, что он Лорагю д'Антрэг... Ах, зачем, зачем он так сделал! А с вашей стороны, Лоран, это просто грешно!

— Он сам мне не велел, как же я мог послушаться? — оправдывался верный слуга.

— Слушайте же, что я вам расскажу. В 1780 году, во время войны за независимость Северной Америки, мой отец, родом француз, как и все канадцы, записался в отряд Лафайета, командира французских вспомогательных войск. Он дослужился до капитана в полку, которым командовал полковник Лорагю д'Антрэг.

— Это был дедушка моего господина!

— Однажды мой отец попался в плен во время аванпостной стычки. Так как он был канадец и английский подданный, то

англичане признали его изменником и приговорили к смерти. Узнав об этом, полковник Лорагю решился во что бы то ни стало спасти своего офицера. Действуя без разрешения своего начальства, рискуя, помимо опасности предприятия, навлечь этим на себя неприятность, полковник самовольно выступил со своим полком в поход, напал ночью на лагерь того английского отряда, при котором содержался под арестом мой отец, разбил его и освободил узника... Впоследствии мой отец постоянно говорил мне: «Дик, если ты встретишь кого-нибудь из Лорагю, помни, что я обязан жизнью одному из них». Если бы я знал, что фамилия вашего господина Лорагю, я не пустил бы его в такое рискованное путешествие, я выписал бы из Канады целую толпу своих друзей, бегунов по лесам, и с ними мы разом раскопали бы прииск...

— Ах, как мне теперь жаль!.. Но вы еще не знаете всего!.. — воскликнул Лоран и тут же рассказал Дикю все таинственные приключения своего господина.

Странная догадка мелькнула в уме канадца.

— О, теперь я понимаю, кого преследуют — вскричал он. — До сих пор я никак не мог себе объяснить, чего нужно лесовикам, но теперь это для меня ясно... Враги графа проникли в Австралию; они следят, они охотятся за ним. Но ничего, Лоран, не бойтесь. Мы все уладим. Если графу нужно золото, оно будет у него; нужны ему отважные телохранители — я только клич кликну — и они к нему явятся защищать и оберегать его от всяких покушений.

— Как мне вас благодарить!.. — заговорил было Лоран.

— Нечего меня благодарить. Я только плачу семейный долг. А графа все-таки нужно предупредить, что мне все известно. Я сделаю это сам. Поверьте, он на вас сердиться за откровенность не станет...

ХІІІ

Пробуждение Джильпинга. — Сын и внук героя Независимости. — Заблудились. — Взрыв в недрах земли.

ОЛИВЬЕ ПРОСНУЛСЯ СВЕЖИМ И БОДРЫМ, с новым запасом сил и энергии. Зато пробуждение Джона Джильпинга было весьма умиротворительным. Выпив за обедом не в меру крепких напитков, он спал так крепко, что Дик насилиу его добудился; проснувшись, он с тупой злобой взглянул на канадца и, приняв его, должно быть, за нечистого духа, воскликнул:

— *Vade retro, satanas* (изыди, сатана)!

Когда Дик объяснил проповеднику, что нужно сниматься с привала как можно скорее, англичанин начал тереть себе глаза и бормотать что-то под нос, так что Дик принужден был ему заметить:

— Как вам угодно, мистер Джильпинг, но мы вас ждать не можем. Даем вам еще пять минут; если вы не будете к этому времени готовы в путь, то не прогневайтесь. Мы уедем без вас!

— Ужасные эгоисты эти англичане, — сказал Дик, отходя от проповедника. — Они воображают, что весь мир создан только для них.

Это вызванное досадой замечание было как нельзя более справедливо.

Действительно, бездушный эгоизм своекорыстие и крайняя недобросовестность в отношении к другим, составляют отличительную черту британского характера. Это народ, способный бомбардировать в период мирного затишья Копенгаген, воевать с китайцами за их нежелание отравляться опиумом, обратить в пепел Александрию только для того, чтобы повредить иностранной торговле, и вообще способный в международных отношениях на всякое предательство.

Но стоит только в разговоре с англичанином повысить тон, как он сейчас же делается милым и податливым, особенно если убедится, что за этим повышенным тоном скрываются сила и серьезная решимость не уступать.

Так было и с Джоном Джильпингом. После слов Дика он сейчас же вскочил и живо собрался в дорогу.

Посоветовавшись еще раз между собой, Дик и Оливье окончательно решили выйти из пещеры через тот выход, который располагался напротив третьего источника. Проход был довольно широкий с хорошим, ровным дном, по которому было очень легко идти.

Впереди двигались Оливье и Дик с мулом, за ними следовал Джильпинг с Пасификом, замыкал шествие Лоран.

Шли они довольно долго и вполне благополучно; только охмелевший англичанин спотыкался на каждом шагу и ворчал. Вместе с тем Оливье заметил какую-то странную перемену в обращении Дика. Канадец, говоря с Оливье, почему-то стал держать себя необыкновенно почтительно и кланялся чуть не при каждом слове.

— Что с вами, Дик? — заметил ему наконец Оливье, потеряв терпение. — Я замечаю в вас какую-то церемонность. Это меня пугает!

— Нет, ничего, это вам только так кажется... — ответил канадец и чуть не прибавил: «Ваше сиятельство», но вовремя удержался.

Помолчав с минуту, он продолжал:

— Были вы когда-нибудь в Америке, г-н Оливье?

— Нет, никогда не бывал, но заочно питаю большую симпатию к этой стране. Мне бы очень хотелось посетить ее, потому что, надо сказать, мой дед участвовал в войне за Независимость Соединенных Штатов, он служил под начальством Лафайета.

— Вот совпадение! — воскликнул Дик. — Мой отец тоже служил в его корпусе. Он был ротным командиром в Пенсильванском полку.

— В Пенсильванском! — проговорил Оливье, интересуясь все сильнее и сильнее.

— Да. Мой отец рассказывал, что он попал в плен, и его хотели повесить, но командир полка выручил его, завязав с англичанами битву под Йорктауном...

— А как звали этого командира?

— Маркиз Лорагю д'Антрэг.

— Это мой... — начал было Оливье и закусил себе губы.

— Договаривайте, граф, я все знаю: это — ваш дед, а я — сын спасенного им капитана Лефошера, готовый отдать за вас последнюю каплю крови.

— Вы знаете?.. Что вы знаете?

— Все ваши приключения и в России, и в Париже, все причины, побудившие вас уехать в Австралию...

— Ах, Лоран! Лоран! Ведь я же просил тебя не болтать! — с упреком обратился граф к своему слуге.

— Простите меня, граф, — оправдывался, подбегая, Лоран, — это случилось как-то нечаянно. Мне сделалось очень грустно, а господин Дик выказал такое сочувствие...

— Не браните его, граф, — вступился Дик. — Вы спали; бедный Лоран плакал. Мы разговорились и открыли друг другу душу. Право, это очень хорошо, что я знаю. Я только жалею, что не знал этого раньше! Я пригласил бы своих канадских товарищей, и мы уже давно были бы на приiske.

Оливье дружески сжимал руки старого канадца; по его загорелому лицу текли горячие слезы умиления.

— Это моя вина! Как я не сообразил, что вы совсем не похожи на заурядного авантюриста, который ищет золото ради золота... Но не все еще пропало. Я еще успею поправить дело. Только бы откуда выбраться поскорее...

Между тем путники продолжали идти по подземелью, свод которого постепенно понижался, так что даже Джон Джилпинг вынужден был слезть со своего осла, на которого он уселся за некоторое время перед тем, и продолжал путь пешком. Вместе

с тем дорога шла не вверх, а вниз, так что в конце концов у Дика зародилось беспокойство, которым он решил поделиться Оливье.

— Не посоветоваться ли нам с англичанином? — предложил граф.

— С пьяницей-то с этим! Ну, что от него можно ждать путного? — возразил Дик.

— Вы не смотрите, что он любит выпить. Все англичане более или менее таковы, а между тем всякий согласится, что они дельные люди. Ведь Джильпинг — геолог, он наверное знает толк в интересующем нас деле.

Когда к англичанину обратились за советом, он внимательно оглядел почву и объявил, что, по его мнению, трещина, в которой они находятся, представляет собой результат извержения вулкана; что подземный ход может продолжаться до бесконечности, что нет основания полагать, чтобы он имел где-нибудь отверстие на земной поверхности.

— Я давно уже видел, что дело неладно, — закончил свое заключение англичанин, — но думал, что вы хорошо знаете дорогу, и молчал. Теперь, когда вы меня спросили, я должен вам посоветовать как можно скорее возвращаться назад. Мой геологический опыт предупреждает меня, что где-нибудь отсюда выходит нефтяное озеро, в которое мы можем совершенно неожиданно провалиться. Я даже положительно слышу запах нефти...

Не успел Джильпинг договорить, как раздался ужасный взрыв, потрясший своды и опрокинувший на землю всех путешественников. Фонарь выпал из рук Лорана и потух.

Когда прошли первые минуты ошеломления, путешественники встали на ноги. Оказалось, что никто не пострадал. Лоран поспешил высечь огонь и зажечь фонарь.

Когда темное подземелье осветилось, все разом воскликнули:

— Что это такое?

— Мистер Джильпинг, — спросил Оливье, — как вы думаете, не взрыв ли это каких-нибудь газов?

— Совсем нет, — авторитетно возразил геолог. — Сотни и тысячи лет прошли с тех пор, как все здесь смолкло и замерло в гробовой тишине. Эти вулканические извержения принадлежат вторичному периоду; и эти внутренние излияния лавы, эти ее потоки пришли сюда издалека, так как в Австралии нет ни малейших признаков вулканов. Есть основание предполагать, что эта лава нашла свой выход лишь в океан, чем и объясняется невероятное количество скал и островов у восточных берегов Австралии.

— Так вы полагаете, что эти подземные ходы могут тянуться на протяжении нескольких сот миль, вплоть до самого моря?

— В этом нет ничего невероятного! Земная кора тверда и плотна только на поверхности; а по мере того, как мы опускаемся на значительную глубину, в ней все больше встречается пустот, образовавшихся вследствие сжатия газов и водяных паров в момент охлаждения расплавленной массы. Кроме того, если бы это был взрыв подземных газов, то все мы непременно бы задохнулись. Затем, обратите внимание, порыв ветра, опрокинувший нас всех, пронесся не из глубины недр земли, а из длинного хода, которым мы шли!

— Это правда! — воскликнул канадец. — Я тоже это заметил!

— Что касается меня, — продолжал Джильпинг, — то я твердо убежден, что этот взрыв — дело человеческих рук, произведен с помощью нескольких фунтов пороха, взорванного на некотором расстоянии от нас, под сводами этого подземного хода, вероятно, с целью лишить нас возможности вернуться обратно на поверхность земли!

Произнесенные невозмутимо спокойным тоном, эти слова англичанина словно громом поразили его спутников. Несмотря на свое несомненное мужество, Оливье с легкой дрожью в голосе спросил:

— Вы уверены, что не ошибаетесь?

— Вполне уверен, да и запах пороха уже постепенно доходит до нас. Разве вы не слышите?

Действительно, запах пороха ясно чувствовался в воздухе; теперь уже не могло больше быть сомнения.

— Значит, мы погибли?! — воскликнул Оливье.

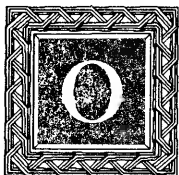
— Это еще неизвестно; я утверждаю только, что был произведен взрыв в подземелье, и нам теперь остается обсудить, что делать!

— Но кому это могло быть нужно? — воскликнул Оливье.

— Кому?! — повторил удивленно канадец. — Неужели вы не догадываетесь? Те, кто преследовал вас и в Петербурге, и в Париже, последовали за вами и в Австралию и с самого момента нашего отправления из Мельбурна идут по нашему следу, вместе с лесовиками, которые, очевидно, у них на жалованье. Это они натравили на нас дундарупов, рассчитывая убить нас, оставаясь сами в стороне, а когда это не удалось, они прибегли к последнему средству — к взрыву! Кажется, это достаточно ясно!

XIV

Невидимые. — Обсуждение. — Непреодолимые препятствия — Обвал

ОЛИВЬЕ НЕ СРАЗУ СОГЛАСИЛСЯ С КАНАДЦЕМ; он никак не мог допустить, чтобы враги его были до такой степени могущественными. Но потом, припомнив все события, сопровождавшие его путешествие по Австралии, сопоставил их с парижскими и петербургскими происшествиями и невольно пришел к убеждению, что старый Дик прав.

Горько было молодому человеку сознавать, что он побежден, что враги восторжествовали над ним.

— Неужели мы умрем в этом подземелье!? — вскричал он в невыразимом отчаянии.

— Успокойтесь, граф, еще не все пропало, — уговаривал его Дик. — Нет такого положения, из которого бы не было выхода. Я не теряю надежды вырваться отсюда и употреблю все усилия, чтобы вас спасти. Я вечно помню завет отца, который постоянно твердил мне: «Дик, если кому-нибудь из Лораго д'Антрэгов понадобится твоя жизнь, отдай ее, не колеблясь».

Оливье, обливаясь слезами, молча обнял своего друга. Лоран тоже протянул графу руки и сказал с чувством:

— Возьмите и мою жизнь, граф! Я с радостью пожертвую ею ради вас!

Эта сцена тронула даже толстокожего Джона Джильпинга. Он смотрел на трех друзей во все глаза и посапывал носом, бормоча про себя:

— Кажется они люди порядочные, джентльмены. А я-то принимал их за беглых каторжников! Надо им помочь, тем более, что я и сам не имею ни малейшего желания погибать так нелепо!

Случайно расслышав эти слова, Дик сказал вполголоса своим друзьям:

— Я готов переменить свое мнение об этом англичанине. Он, оказывается, вовсе не такая скотина, какой я его считал!

Он подошел к англичанину и молча протянул ему руку, которую тот пожал. Лед был сломан. Оливье и Лоран тоже подошли к Джону Джильпингу и обменялись рукопожатиями, что свидетельствовало о заключении дружеского союза. Заметим, что геолог-проповедник пожал руку Дик и Лорану с гораздо большей сдержанностью, чем графу Лораго, который сказал ему свое настоящее имя. Но это различие нисколько не укололо искренних друзей графа.

Не прошло и десяти минут с момента взрыва, как произошел феномен, явившийся естественным следствием взрыва и предвиденный Джоном Джильпингом.

Как уже было сказано, сильный запах пороха распространился в подземелье в той его части, где теперь находились путешественники; мало-помалу образовалось густое облако, охватившее всю подземную галерею с тем более упорной медлительностью, что в этом подземелье не было ни малейшего движения воздуха; последнее являлось несомненным доказательством того что впереди ход был завален земляным обвалом. Теперь пороховой дым распространялся только за счет расширения и должен был в конце концов рассеяться вследствие охлаждения газов и поглощения их почвой. Вскоре он до того сгустился в той части подземелья, где находились несчастные, что дышать стало тяжело, и даже их фонарь, за отсутствием притока свежего воздуха, ежеминутно грозил погаснуть, а сами они рисковали задохнуться.

Наконец по прошествии ужасного получаса давление, ощущаемое в груди, стало постепенно ослабевать, а свет фонаря становиться все ярче. Но, быть может, еще более страшная смерть ожидала их, мучительная смерть от голода? Однако человека никогда не покидает надежда на спасение, даже и в самые ужасные моменты, а потому беглецы почувствовали себя теперь чуть ли не счастливыми, хотя в действительности положение их почти не улучшилось.

Расположившись на обломке скалы, наши приятели принялись обсуждать свое положение. Решено было немедленно двинуться к месту взрыва и освидетельствовать состояние обвала. Мул был нагружен всеми необходимыми орудиями для производства раскопок, и в сердцах несчастных людей шевельнулась надежда, что, быть может, обвал не столь серьезен, чтобы четверо энергичных людей не могли проложить себе путь при усердной работе в течение нескольких часов или даже нескольких дней.

При проверке съестных припасов оказалось, что их могло хватить дней на десять, не считая нескольких десятков фунтов сухарей, которые решено было предоставить обоим животным; с последними постановлено было прикончить только в самом крайнем случае.

Им не грозили также муки жажды, так как, не считая пяти или шести ящиков бренди, находившихся в запасах почтенного мистера Джильпинга, свежая, чистая вода светлыми, тонкими струйками сбегала со сводов подземелья, и ее можно было собирать в сосуды для питья.

Оба животных тотчас получили свой рацион сухарей и были напоены досыта водой, а наши друзья, закусив мясными консервами и знаменитым честерским сыром, пустились в обратный путь.

Не прошло четверти часа, как раздался новый взрыв, слабее первого.

— Негодяи! — вскричал Джильпинг. — Они решили погубить нас во что бы то ни стало. Они взорвали почву в другом месте, чтобы образовался не один обвал, а целых два.

— Все равно, идемте вперед! Будь что будет! — отвечал Оливье.

И друзья продолжали путь.

Это новое доказательство беспощадности невидимых врагов графа только возбудило энергию и решимость четверых спутников преодолеть во что бы то ни стало все воздвигаемые на их пути препятствия. Правда, Оливье боролся за себя, за свои собственные интересы, и это было естественно. Лоран и Дик готовы были бороться до последнего издыхания, один — за своего обожаемого господина, порученного его попечению, другой — за внука спасителя его отца. Но Джон Джильпинг, совершенно случайно попавший в эту передрыгу, не имевший никакого интереса в этой страшной драме, положительно был героем. Он примирился с данным трагическим положением с холодным стоицизмом настоящего англичанина. Не следует, однако, приписывать эти чувства его благородной, рыцарски великодушной натуре, так как, предоставь ему выбор, он, вероятно, не шевельнул бы пальцем для спасения Оливье и ни за что на свете не вмешался бы в историю, которая его не касалась. Нет, им руководила мысль о британском престиже, о чести британского имени перед лицом двух французов и канадца, которых он в душе считал неизмеримо ниже себя только потому, что они не имели чести быть природными британцами.

Ему казалось, что британский лев и галльский петух стоят лицом к лицу в данный момент, что британский флаг вьется у него над самой головой и что целая Англия с гордостью взирает на него, требуя, чтобы он не посрамил английского имени. Этот забавный псалмопевец и проповедник, этот член Евангелического общества черпал в сознании, что он англичанин, ту силу и смелость, какую другие черпают только в своих высоких душевных качествах.

И почти все англичане таковы. Этим объясняется, что эти грубые, себялюбивые эгоисты, эти лицемеры, мистики и пьяницы при случае проявляют примеры истинного героизма и мужества,

побудительные причины которого всегда чисто национальные — английские, а не общечеловеческие.

Для всякого истинного англичанина человечество начинается и кончается там, где начинается и кончается Англия; все остальные народы, по их мнению, — люди низших рас, которых Англия вправе эксплуатировать, кромсать на куски, давить и угнетать по своему усмотрению.

Англия никогда не жертвовала собой ради другого народа, и ни один англичанин никогда не пожертвовал собой ради другого человека; этот свирепый, черствый эгоизм — сила, которая ломает все на своем пути.

После двухчасовой ходьбы наши пионеры дошли до первого обвала.

Действие взрыва было ужасно. Стены и своды подземелья были буквально разрушены, и громадные их обломки совершенно завалили проход. Джон Джильпинг осмотрел это разрушение с видом знатока и покачал головой, говоря:

— Здесь не пройдешь!

— Так что же нам делать? Неужели умирать? — спросил Оливье.

— Я этого не говорю... Но посмотрите, какой ужасный взрыв! Нам нужно посоветоваться. Пусть каждый выскажет свое мнение.

— Первым, по обычаю, — сказал Оливье. — Поэтому я прямо говорю: я не вижу никакого средства!

— Ваше мнение, мистер Лоран?

— Я... я одного мнения с графом.

— Ваше, мистер Дик?

— О, у меня одна надежда на Виллиго. Он догадается и выведет нас как-нибудь отсюда. Он созовет своих воинов и отроет нас.

— Ну, а если Виллиго убит? — спросил Оливье.

— Я не допускаю этого, — отвечал Дик. — Я уверен, что он спасется, если уже не спасся. Ведь против него действуют только дундарупы.

— Но как же нагарнуки нас отроют?

— Не знаю как, но уверен, что сумеют.

— А сколько, по-вашему, понадобится на это времени?

— Не знаю.

— Если несколько недель, то что мы будем делать?

— У нас провизии достанет на десять дней. Убавим порции наполовину, вот мы и обеспечены на двадцать. Только уж животными придется пожертвовать.

— А мой верный пес?! — вскричал Оливье. — Бедный Блэк!

— Успокойтесь, граф, — обратился к нему Дик. — Я уверен, что до этого не дойдет. Избавление придет гораздо раньше. Что-то говорит мне, что наш последний час еще не настал! Таково мое внутреннее убеждение, и я ему верю!

XV

Мнение Джильпинга. — Безвозвратно погибли. —
Возвращение Блэка. — Последние испытания. —
Дик не возвращается!

РИШЛА ОЧЕРЕДЬ ДЖОНА ДЖИЛЬПИНГА сказать свое мнение.

Во время разговора Оливье с Диком он что-то сосредоточенно обдумывал, потом встал, попросил у Лорана на время фонарь и прошелся несколько раз по подземелью. Кончив осмотр, он подошел к графу и сказал, улыбаясь:

— Теперь моя очередь, граф, высказать то, что я думаю! — Затем он продолжал, возвышая голос и обращаясь ко всем:

— Я полагаю, джентльмены, что нам не понадобится помощь нагарнуков: мы гораздо раньше выберемся на свет!

Все три пионера недоверчиво взглянули на проповедника и потом переглянулись между собой, как бы спрашивая друг друга, в своем ли он уме. Англичанин заметил произведенное им впечатление и сказал:

— Я сейчас вам все объясню! — и поделимся с ними результатами своих наблюдений.

Дело в том, что он заметил в стенах прохода множество трещин, которые вели в какие-то боковые ходы, по всей вероятности составлявшие разветвление главного и сообщавшиеся между собой. Углубившись в эти ходы, можно было дойти до пещеры, в которой путники отдыхали утром. Последнее было тем вероятнее, что в пещере Джильпинг заметил, кроме трех главных, еще несколько меньших отверстий.

Внимательно выслушав заключение геолога, Оливье сказал:

— Следовательно, мистер Джильпинг, если замеченные вами боковые ходы сходятся в пещере, то вы полагаете, что мы спасены?

— Именно так, граф!

— Следовательно, мы вполне можем считать вас своим спасителем.

— Не меня, не меня... Это все наука; лишь ею руководился я при своих выводах; только она одна и могла нам здесь помочь.

— Пусть так, мистер Джильпинг, но вы здесь ее представитель, через вас она нас спасает! Примите же нашу сердечную благодарность!

Лоран и Дик молчали, с нескрываемым восторгом глядя на англичанина.

Джон Джильпинг, видимо, наслаждался своим торжеством. В упоении он затыкнул псалом, потом, не удовольствовавшись пением, достал кларнет и начал играть. Звуки гулко раздавались под темными сводами, и на этот раз фигура проповедника была уже не смешна, а только оригинальна.

Впрочем, великое и смешное постоянно присутствуют во всяком англичанине.

В то время как Оливье с некоторым недоумением смотрел на своего необычного спутника, до его слуха донесся странный шум, как бы далекий собачий лай.

— Слышите! Слышите! — сказал он, побледнев, Дику и Лорану, стоявшим подле него.

Дик внимательно прислушался.

— Как будто собака идет по следу!.. — заметил он.

Все стали напряженно прислушиваться, даже Джон Джильпинг прекратил свою музыку и пение. Звуки точно замирали, то доносились как будто откуда-то сверху.

— Это, несомненно, собачий лай! — подтвердил свое первое предположение канадец, привыкший во время своей бродячей жизни лучше других различать звуки.

— Это Блэк! Мой любимый пес! — воскликнул Оливье. — Я узнаю его голос: его, как и нас, засыпало в этом подземном ходе, и, вероятно, он очутился как раз между двумя обвалами и теперь старается вернуться к нам!

Лай заметно приближался; теперь уже не оставалось никакого сомнения в его принадлежности. Не имея возможности вернуться обратно тем же путем, каким оно удалилось от своего господина, умное животное возвращалось по одной из побочных трещин. Теперь оставалось только узнать, удастся ли Блэку добраться до них. Если да, то спасение несомненно, и предположение англичанина, что все эти трещины выходят к большой пещере, где находятся гейзеры, бесспорно подтвердится.

Теперь же лай слышался так близко, что через каких-нибудь две минуты, если на пути не встретится какого-либо препятствия, собака бросится к ногам своего господина.

В этот момент Оливье схватил золотой свисток, висевший у него на цепочке, и дал три свистка, которыми он обычно призывал Блэка.

Громкий, радостный лай был ответом на этот призыв, и почти в тот же момент умное животное одним прыжком очутилось подле своего господина, мокрое, грязное, с всклокоченной шерстью, выскочив из той самой трещины, которую всего за несколько минут до того осматривал Джон Джильпинг.

— Блэк! Блэк! Мой любимый, хороший пес! — восклицал Оливье, не помня себя от радости, и собака уже не лаяла теперь, а визжала от счастья, извиваясь вокруг него.

Возвращению Блэка радовался не только его хозяин, но и все остальные почувствовали облегчение при виде вернувшейся собаки, так как ее появление было несомненным доказательством того, что они спасены от почти неизбежной, как им казалось, смерти в этом подземелье.

Довольный результатом своих предположений и успокоенный относительно грозящей ему и его товарищам участи, Джон Джильпинг предложил прежде всего закусить.

Достав свои лучшие консервы, он на славу угостил приятелей, не забыв, разумеется и себя, при чем совершил при этом обильное возлияние виски и джина. Наевшись и напившись, он грузно растянулся возле своего осла, предавшись приятным грезам.

Около часа спал англичанин, и пионеры с нетерпением ждали, скоро ли он проснется. Наконец желанное событие произошло, и мистер Джильпинг поднялся со своего ложа.

— Мистер Джильпинг, — сейчас же обратился к нему Дик, — я думаю, что животных нужно оставить пока здесь. Они едва ли пройдут по трещине.

— Совершенно верно, — согласился с ним Джильпинг, — но и мы сами не через всякую трещину пройдем... Нужно сначала исследовать ширину всех этих боковых ходов и выбрать тот из них, который окажется просторнее.

Это мнение было так убедительно, что все приняли его без возражений.

Теперь оставалось только приготовиться в путь. Из багажа было взято лишь самое необходимое, мула и осла привязали в пещере и принялись выбирать новую трещину.

Внимание друзей остановилось на ближайшем отверстии, хотя англичанин сомневался, чтобы оно было более проходимым, чем другие.

Дик пошел осмотреть проход, чтобы исследовать, насколько он действительно удобен.

Прошло около часа, а канадец не возвращался. Оливье начал беспокоиться. Вдруг Блэк заворчал, залаял и кинулся по следу Дика. Пионеры подождали, не подаст ли собака голоса, но не расслышали никакого звука.

— Тут что-то не так! — заметил Оливье англичанину. — Как вы находите, мистер Джильпинг?

— Я с вами согласен и, откровенно говоря, допускаю возможность несчастья.

— Не пойти ли мне?..

— О, нет, подождите... Я требую, чтобы вы подождали еще десять минут, и тогда я скажу, что нужно делать.

XVI

На помощь Дикю. — Уход Лорана. — Застрел в туннеле.

Е ПРОШЛО И ДЕСЯТИ МИНУТ, КАК БЛЭК вернулся в пещеру, неся в зубах какой-то лоскуток.

То был лоскуток от куртки Дика.

— Дик! Он умер, умер из-за нас! — вскричал Оливье и зарыдал, как женщина.

Молодой человек хотел сейчас же броситься на поиски, но англичанин властно остановил его и сказал, что должен идти Лоран. Преданный слуга взял фонарь и бесстрашно углубился в темный и опасный проход. Долго он шел под низким сводом, согнув спину и задыхаясь от недостатка воздуха в узком ущелье. Через некоторое время ему наконец послышался какой-то отдаленный гул, но так как у него шумело в ушах, то он подумал, что ему только так кажется. Однако еще через несколько минут он убедился, что гул действительно слышен.

— Эй! Дик! Ау! — крикнул он наудачу.

— Ау, Лоран! — было ответом. — Это вы?

— Да я. Я иду к вам на помощь. Что с вами случилось? Где вы?

— Здесь, в туннеле, впереди вас. Я застрел в таком узком месте, что не могу выбраться ни вперед, ни взад. Блэк подбегал сюда, вы это знаете? Он, бедняжка, пробовал меня вытащить за куртку и только оторвал от нее лоскуток. Сказать по правде, я вас ждал!

— Граф хотел сам идти, но мы с англичанином его не пустили. Как он плачет из-за вас!

— Славный он человек, наш граф!

Лоран хотел что-то сказать, но так и остался с открытым ртом, изумленный неожиданностью: по голосу он думал, что Дик находится от него довольно далеко, а тут вдруг он в двух шагах от себя увидел его ноги.

— Вот как! Вы здесь! — вымолвил он наконец. — Я никак не ожидал, что вы от меня так близко!

— Это понятно: мои ноги в туннеле, а верхняя часть туловища находится вне туннеля, который выходит в довольно широкое углубление. Оттого мой голос так и глух... Однако нужно мне помочь!

— Что же мне делать?

— Если вы достаточно сильны, то вталкивайте мои ноги вперед, в отверстие, где я завяз. Оно дальше довольно широко, и я уверен, что через него можно дойти до пещеры с тремя гейзерами. Я слышу отсюда шум падающей воды... Только вот что: если я пролезу, то вы с графом и подавно, потому что вы оба тоньше меня; но как же быть с мистером Джильпингом?..

— Ну, он и до этого-то места не доползет...

— Тогда нечего об этом говорить. Тащите меня назад!

Лоран сильными руками обхватил ноги Дика, поднатужился и вытащил его назад.

— Вы очень сильны! — сказал Дик. — Благодарю вас. Теперь давайте отступать.

Возвращение было трудным. Приблизившись к месту, где их ждали друзья, Дик и Лоран стали кричать и стучать в стены туннеля, чтобы поскорее известить о своем благополучном возвращении.

Присоединившись к друзьям, Дик подробно изложил результаты своей рекогносцировки. Выслушав все, англичанин хладнокровно заметил:

— Так что же? Отлично. Выход найден. Я советую вам воспользоваться им!

— Но ведь я же сказал, что этот выход для вас... слишком узок, не в обиду будь вам сказано!

— Вы можете идти втроем, а я поищу другой выход.

— Ни за что! — с живостью вскричал Оливье.

Дик и Лоран с не меньшим жаром подхватили восклицание графа.

Англичанин снова был тронут.

— Спасибо! — сказал он с чувством. — Спасибо, друзья мои!

Известно, что англичанин никогда никого по-пустому не назовет другом.

После небольшого отдыха исследования возобновились. На этот раз было условлено довериться только одному Джильпингу и не предпринимать без него никаких действий.

— С этого следовало бы и начать, — заметил Оливье, — тогда мы не потеряли бы даром времени, а вы, друзья мои, оба не пережили бы таких скверных минут...

Дик ничего не ответил на этот дружески-ласковый упрек; но когда Оливье заговорил с англичанином, траппер наклонился к уху Лорана и сказал:

— Скажите, Лоран, вы тоже недовольны нашим путешествием?

Тот взглянул канадцу прямо в глаза и понял его мысль.

— Я вас понимаю, Дик, — отвечал он также тихо трапперу, указывая глазами на графа, — если другого выхода не найдем, то...

Он не договорил и замолчал. Собеседники и без лишних слов поняли друг друга.

Джиллингбг принялся снова исследовать трещины. После долгого осмотра он выбрал наконец одну, говоря:

— Если эта широкая трещина не выведет нас отсюда куда-нибудь в хорошее место, то, значит, вся моя наука вздор и природа сама перевернула все свои законы. В путь, господа! Менее чем через час мы придем в пещеру.

Доверяясь предсказанию, путники вступили в проход, который был настолько широк, что позволял им идти всем в ряд.

Этот широкий проход представлял настоящую находку для ученого. Геологические редкости встречались на каждом шагу. Джон Джиллингбг не переставал издавать восторженные восклицания и сыпал всевозможными научными терминами; разумеется, его объяснения с интересом слушал только один Оливье.

— Вся история строения земного шара, как в книге, написана здесь, на этих стенах!

— Какая превосходная наука геология! — воскликнул Оливье.

— Да! Это первейшая из всех наук, требующая, кроме того, основательного знания и всех других естественных наук. Посмотрите, — продолжал он рассказывать, приближая свой фонарь к одной громадной глыбе, которая казалось как бы составленной из множества частей разнородных каменных пород, — видите этот отгиск, напоминающий собой отгиск бородки пера, в глыбе камня? Это могила некогда живого существа, тело которого оставило свой отпечаток на этом камне, и вот по прошествии десятков веков мы еще видим его точный отгиск на известняке; научное название этого животного «траптолит». А вот тут, немного подальше, «эвкрина», род морской звезды, прикрепленной длинным стеблем к почве; странное существо, полуживотное, полурастение, представляющее собой переходную ступень от одного царства к другому!

— А это что за черная блестящая масса, несколько выдающаяся вперед? — спросил Оливье. — Можно подумать, что это глыба каменного угля!

— Вы не ошиблись! Это действительно пласт антрацита, образовавшийся из растительных отложений! — И, говоря это, геолог отколол кусок черного пласта. — Вот смотрите, — продолжал он, указывая на различные слои раскола, — видите! Вот это — папоротники, а это — лепидодендроны... Геологический, или, вернее, вулканический переворот застиг этот пласт антрацита в самый период его создания. Таким образом этот лист папоротника, попавший сюда еще живым, под постоянным давлением на него двух пластов известняка, с течением времени переродился из живой растительной материи в минерал, то есть в антрацит, пропитываясь постепенно субстанцией сдавливающих каменистых слоев. Точно таким же образом мы видим и рыб, превращенных в известняк. Это изменение или перерождение субстанции под влиянием среды и силы давления мы, геологи, и называем «метаморфизмом». Ах, какой великолепный доклад я мог бы сделать обо всем этом по возвращении в Европу! Но я замечаю, однако, что задерживаю вас, заставляя терять драгоценное время! Идемте и не станем более любоваться всеми чудесами этого подземного геологического музея!

— О, я еще когда-нибудь вернусь сюда, — бормотал про себя англичанин, — и пробуду здесь полторы-две недели один; необходимо узнать, каких пределов достигают эти подземные пещеры!

Но, несмотря на сильное искушение, мистер Джильпинг не стал более увлекаться интересовавшими его образцами геологических слоев и бодро пошел впереди во главе своего маленького отряда.

Так прошло более часа. Путники продолжали идти, но пещеры все еще не было. Однако они нисколько не приходили в отчаяние, потому что безусловно доверяли расчету Джильпинга, который сказал, что проход должен непременно вести в пещеру. В последнее время для них всякое слово ученого геолога сделалось свято. Тот факт, что пещера еще не показывалась, они объясняли весьма правдоподобным предположением, что туннель идет не по прямой линии, а с изворотами. Энергия путников не ослабевала, и они бодро шли вперед.

Пришлось, однако, сделать привал. Путники не спали уже несколько ночей. Оливье насилу держался на ногах, хотя крепился и шел, не подавая вида, что выбивается из сил. Дик заметил, что граф устал до изнеможения, и предложил отдохнуть, говоря, что не может идти от усталости.

— Спасибо, Дик, — заметил ему граф. — Это вы нарочно взяли на себя инициативу, чтобы не вынуждать меня стыдиться своей слабости.

— Извините, граф, я действительно очень устал. Это стояние в трубе, покуда меня не вытащил Лоран, меня чрезвычайно утомило. Я с таким удовольствием поужинаю и лягу спать...

— Ну, ну, хорошо...

Путники остановились. Едва Оливье опустил на землю, как сейчас же заснул сном праведника, позабыв даже закусить. Мистер Джильпинг не упустил перед сном основательно подкрепиться и выпить стаканчика три бренди.

XVII

Непреодолимый сон. — Грозное привидение. — Предотвращенная опасность. — Ужасное положение. — Всеобщее отчаяние и безнадежность.

АКУСИВ НА НОЧЬ, КАНАДЕЦ И ЛОРАН закурили свои трубки и расположились немного поодаль от своих спящих товарищей, чтобы не мешать им своей беседой.

— Бедняжка! — проговорил старый траппер. — Как я упрекаю себя за недосмотр!..

— На свою беду мы встретились с этим толстяком! — продолжал сетовать Дик. — Без него мы отлично выбрались бы отсюда.

— Ну, будет, Дик, будет, — возразил Лоран. — Кто мог это предвидеть? Знаете что, Дик? У меня есть предчувствие, что мы отсюда никогда не выберемся.

— Нет, я так далеко не захожу, но думаю, что этот ученый причинит нам еще порядочно хлопот. И охота графу слушать его!.. Ну да мы еще посмотрим, чья возьмет.

— Право, я все более и более убеждаюсь, что он подосланный шпион!

— Если это так, то ему самому несдобровать. Живым он от нас не уйдет ни в коем случае. Только я все таки не думаю, чтобы вы были правы, Лоран, хотя присматривать за ним следует.

А бедный Джильпинг спал сном невинности, не чувствуя, какое страшное подозрение возводится на него.

Дик и Лоран тоже порядком утомились и потому недолго боролись с настоятельной потребностью отдохнуть. Они легли рядом и заснули как убитые.

В эту минуту из соседнего углубления высунулась татуированная голова дикаря. Держась в тени, чтобы на него не упал свет от фонаря, дикарь осмотрел спящих и крадучись направился в их сторону. Он был совершенно гол и держал во рту нож.

Что ему было нужно? Неужели он собирался заколоть спящих одного за другим? Нет, это было бы слишком рискованно.

Близко прижимаясь к стене, дикарь дошел до Лорана и протянул руку к его фонарю, но вдруг отдернул ее, подумал немного и повернул назад. Вскоре он снова исчез в том самом углублении, из которого появился.

Все это произошло тихо и быстро.

Скорее всего, он хотел украсть у путешественников фонарь, но, убедившись, что у них у каждого есть по фонарю, хотя зажжен был только один фонарь Лорана, отказался от своего намерения и поспешил убраться.

Едва дикарь скрылся, как проснулся Оливье. Он не привык спать на жестком, и потому короткий отдых на голой земле нисколько не подкрепил, а скорее еще больше утомил его. Один за другим проснулись и его спутники. В путь они тронулись с довольно мрачным видом. Англичанин шел задумчивый и молчаливый; Лоран все думал о своем господине, который насилу передвигал ноги; один только неутомимый траппер был бодр и свеж, как всегда.

Компас Джильпинга хотя и не показывал, чтобы путешественники удалились в противоположную сторону от пещеры, однако по положению его стрелки следовало заключить, что туннель, по которому они шли, описывает около пещеры круговую линию. Во всяком случае этот ход в конце концов должен был привести к пещере, и потому достижение цели было, по расчету Джильпинга, лишь вопросом времени.

Подбадриваемые этой надеждой, друзья все шли и шли вперед. Наконец Дик вышел из терпения и заявил таким твердым тоном, какого Оливье еще от него не слышал.

— Господа, наука вещь хорошая, но ведь она не всесильна. Я полагаю, что нам следует снова обсудить положение и решить большинством голосов, что дальше делать.

— Зачем такая торжественность, Дик? — возразил Оливье. — Пусть каждый выскажет свое мнение, и довольно.

— Нет, граф, уж позвольте мне настоять на своем! — отвечал канадец с почтительной твердостью.

Лоран горел нетерпением поддержать траппера. Оливье сам подал ему к этому повод, спросив его:

— А ты что на это скажешь, Лоран?

— О, я вполне разделяю мнение Дика, граф! — отвечал слуга.

— Да у вас точно заговор! — засмеялся Оливье, сам не подозревая, насколько верно он угадал.

— Отчего бы не сделать так, как он хочет? — вступился Джон Джильпинг. — Только как же нам поступить, если голоса разделятся поровну?

— Кинуть жребий, — отвечал Дик, — а предварительно дать клятву подчиниться решению.

— Опять, Дик, зачем такая торжественность?

— О, граф, не препятствуйте мне! Я, ей-богу, хлопочу больше о вас.

— Вижу, вижу, что все вы хотите спасти меня во что бы то ни стало.

— Но с вами спасаемся и мы!

— Хорошо, Дик. Я, граф Оливье д'Антрэг, присягаю и клянусь подчиниться решению большинства или жребия, не предъявляя никаких возражений. Довольны ли вы?

— Да, граф.

И они пожали друг другу руки. Затем точно такую же клятву произнесли и остальные путешественники.

Совещание открылось.

— Я, — заявил Джон Джильпинг, — остаюсь при своем прежнем мнении, что нужно идти вперед по тому же туннелю, где мы находимся.

— Я согласен с мистером Джильпингом! — сказал Оливье.

— Мне нечего сказать, — заявил Лоран. — Я ничего не знаю.

— А я вот что предлагаю вам, — заговорил Дик. — По-моему, идти дальше бесполезно. Я убежден, что туннель, по которому мы идем, представляет собой круг, описанный около пещеры как около центра. Идя этим путем, мы никогда не дойдем до пещеры. По-моему, нам следует вернуться назад и пойти по тому ходу, где я завяз.

— Но, Дик...

— С вашего позволения, граф, я предвижу ваше возражение. Но дайте мне договорить... Мы втроем, то есть вы, я и Лоран, оказывая друг другу помощь, можем пролезть через узкий проход. Остается мистер Джильпинг... Не думайте, граф, что я собираюсь покинуть его на произвол судьбы. Я не способен на такой поступок. Но ведь мистер Джильпинг, как вы, я думаю, сами слышали, так прельстился красотою кра-фенуа, что изъявил согласие посетить ее еще раз и побыть в ней подольше. Поэтому для него не будет большим лишением пробыть в ней одному несколько лишних часов после нашего ухода. Выйдя на свет божий, мы отыщем Виллиго, который поможет нам вывести мистера Джильпинга из-под земли другим, более удобным для него ходом. Вот мое мнение, граф. Я долго его обдумывал и пришел к убеждению, что это самый лучший путь.

— Я принимаю ваш план без малейшего возражения, — поспешил заявить Джиллинг. — Мне даже приятно побыть здесь одному.

— Принимаю!.. Принимаю и я! — вскричал Лоран.

— Вам остается только подчиниться, граф, — обратился канадец к Оливье с довольной улыбкой. — Против вас большинство.

— Это нехорошо, Дик, — упрекнул его граф. — Это ловушка с вашей стороны. Но я попался, и делать нечего!

Итак, вопрос был решен окончательно. Но бедные путники еще не знали, что трещина, в которую проникли Дик и Лоран, была слишком узка для прохода, и что все другие, подобные ей трещины, тоже не могли служить дорогой, хотя и сообщались с подземной пещерой. Если бы они это знали, то, вероятно, при всем своем мужестве упали бы духом.

Но кто же, в самом деле, был виновником всех этих бед?

Все те же враги графа, Невидимые. От них в Австралию был послан лазутчик, чтобы следить за графом Оливье, и этот лазутчик не имел права возвращаться в Петербург, не привезя с собой неопровержимых доказательств смерти графа.

Этот самый лазутчик и организовал экспедицию лесовиков, которые под его руководством выслеживали Оливье и его товарищей с самого момента их отправления из Мельбурна. Почему только он так тщательно скрывался от Оливье, станет понятно читателю, когда он узнает, что это был не кто иной, как полковник Иванович, который на вечере накануне назначенного дня свадьбы молодого графа произнес за его столом такой странный и многозначительный тост. В буше маленький отряд лазутчика случайно столкнулся с дундарупами, находившимися на тропе войны с нагарнуками, и Ивановичу удалось заручиться их содействием, обещав им, в свою очередь, свое содействие против их врагов. Это ему удалось тем легче, что дундарупы знали о присутствии канадца в числе тех белых людей, которых преследовал Иванович, и, зная о его кровном родстве с нагарнуками, были уверены, что Дик, пробивающий головы, и его приятели европейцы спешили на помощь к их врагам.

Вопреки тому, что думал Виллиго, среди дундарупов находился один воин, который, будучи принужден скрываться в течение нескольких месяцев от своих личных врагов, поклявшихся отомстить ему за что-то, целых три или четыре месяца скитался в этой самой кра-фенуа, и потому не только знал о ее существовании, но успел изучить все ее подземные ходы во всех направлениях.

Кроме того, предположения канадца относительно Виллиго также оправдались с удивительной точностью. Едва только гор-

дый нагарнукский вождь счел своих друзей в полной безопасности в недрах земли, как не мог более удержаться от желания отплатить своим врагам за их издевательства и оскорбления той же монетой. Вместе со своими двумя юными воинами он принялся также отплясывать свой военный танец, воткнув свои копыя в землю, и вошел в такой экстаз, так увлекся своими ответными поношениями врага и издевательствами над ними, что не заметил, как отряд дундарупов, прокравшись через кусты, отрезал ему путь в кра-фенуа.

В тот момент, когда юный Коанук выбирался из трещины, исполнив поручение Виллиго, он чуть было не попал в руки дундарупов, засевших у самого входа в подземелье, и только благодаря своей необычайной ловкости и хитрости ему удалось уйти от них.

Окруженный со всех сторон, Виллиго мог только кинуться в кусты вместе со своими двумя воинами, условившись встретиться с ними в своем селении; все трое бросились врассыпную и точно провалились сквозь землю.

Долго искали их дундарупы по всем направлениям и немало были удивлены, когда в конце концов им пришлось убедиться, что нагарнукский вождь и его двое воинов бесследно исчезли.

Тогда лазутчик Невидимых спустился с горстью лесовиков и десятком туземцев в кра-фенуа под предводительством того самого дундарупа, который знал эти подземелья; звали его Вилль-Менах (старый кенгуру). Остальные туземцы и несколько человек лесовиков расположились у входа в кра-фенуа, чтобы встретить беглецов перекрестным огнем.

Затем Ивановичу пришла мысль запереть им выход посредством взрыва туннеля в двух местах, рассчитывая схоронить свои жертвы живыми в этом подземелье. Но из полученных им от Вилль-Менаха донесений, он узнал, что есть еще другой выход, но что Оливье и его товарищи все равно не найдут его среди сотен подобных ему трещин и ходов, и, желая насладиться всеми мучительными перипетиями их гибели, этот жестокосердый человек прежде, чем взорвать и второй ход, спустился в подземелье сам, желая, кроме того, завладеть письмами и документами молодого графа, которые были ему необходимы как несомненные доказательства смерти последнего.

Дундарупы и лесовики остались в большой пещере, чтобы наблюдать за всеми выходами, а Иванович, руководимый Вилль-Менахом, спустился в подземные ходы галереи и туннели; захватить с собой еще несколько человек было бы опасно, так как Иванович ни за что на свете не хотел быть узнанным или вступить в рукопашную схватку с молодым графом, тем более, что он

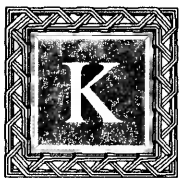
не был уверен ни в дундарупах, ни в лесовиках: и те, и другие испытывали неимоверный страх и почтительный ужас перед гигантом-канадцем.

Когда наши путешественники, утомленные своими бесплодными поисками выхода, легли отдохнуть, ловкий Вилль-Менах наконец напал на их след и по приказанию Ивановича подкрался к их лагерю с целью похитить у них фонарь и тем самым лишить их возможности освещать свой путь. Но, убедившись, что у путешественников не один фонарь на всех, а у каждого свой, рассудительный дикарь поспешил вернуться обратно, не тронув ничего из имущества наших друзей.

Таково было взаимное положение враждующих сторон в тот момент, когда канадец принудил своих спутников согласиться с его планом. Что же касается Виллиго и его двух воинов, то мы сейчас увидим, как они воспользовались этим временем.

XVIII

Расследование Дика. — На страже. — Совет лесовиков. — Возвращение Черного Орла. — Выступление из кра-фенуа. — Наконец-то спасены!

КАК БЫЛО УСЛОВЛЕНО, ДИК ВЗЯЛ ФОНАРЬ и пошел осматривать отверстия. Вскоре он вернулся назад без всякого успеха; трещины оказались слишком незначительны, и пройти по ним не было возможности. Однако Дик не упал от этого духом: он был готов к подобному результату, так как давно уже успел потерять веру в научное всемогущество Джильпинга.

Оставалось возвратиться назад и выполнить вторую часть программы. Но ввиду слабости графа д'Антрэга Дик потребовал, чтобы это исполнение было отложено до другого дня. Конечно, если бы канадец знал о близости врагов, об их присутствии в подземелье, то не подлежит сомнению, что вместо того, чтобы настаивать на отдыхе, он бы, наоборот, скомандовал немедленно двинуться в путь. Пусть даже из-за крайнего утомления и слабости графа они не могли двигаться быстро, все же на ходу и с ружьем наготове борьба была бы равная, особенно, если принять во внимание непреодолимый ужас, который он внушал как туземцам, так и лесовикам. Но именно зная это, Дик был далек от мысли, что лазутчик Невидимых мог пробраться сюда в подземелье, да и кто указал бы ему дорогу? Разве Виллиго не говорил ему, что дундарупы не подозревают о существовании этого кра-фенуа; кроме того, уже одни произведенные врагами взрывы

свидетельствовали о том, что они не могли преследовать их далее.

Было около десяти часов вечера. То был третий день блуждания наших путников по подземелью. Три друга Дика улеглись спать и заснули сном праведников. Он один остался бодрствовать.

А в это время в пещере проходило совещание между лазутчиком Невидимых и лесовиками, его случайными союзниками.

— Нас одиннадцать человек, почти трое на одного, неужели вы все еще боитесь? — убеждал лесовиков лазутчик.

— Мои товарищи не согласятся напасть на Дика, даже если нас будет четверо на одного! — возразил старший из лесовиков, беглый каторжник.

Лазутчик внимательно поглядел на бандитов и подождал, что они скажут. Но те молчали. Тогда он убедился, что старый каторжник знает, что говорит.

— А между тем мне необходима смерть графа д'Антрэга. Только при этом условии я заплачу вам за труды.

— Хорошо. Но в таком случае нам нужно подкрасться к ним как можно тише. Для этого нужно пригласить в проводники какого-нибудь дундарупа, знающего кра-фенуа. Нужно позвать Вилль-Менаха.

— Приглашайте, кого хотите, но знайте, что вы не получите ни цента, если граф не будет убит!..

Тем временем Дик печально сидел около спящих товарищей и все думал. Тяжелые предчувствия теснили ему грудь, а в душе вставали воспоминания минувшего отрочества, проведенного на берегах Великих Озер (в Северной Америке), где отец его охотился на бобров и бизонов. Вдруг он встрепенулся. Вдали ему послышался как будто крик гопо... Неужели?.. Но нет, не может этого быть.

Он подождал, прислушиваясь к малейшему шороху. Ничего. Только дыхание спящих товарищей нарушало тоскливую тишину подземелья.

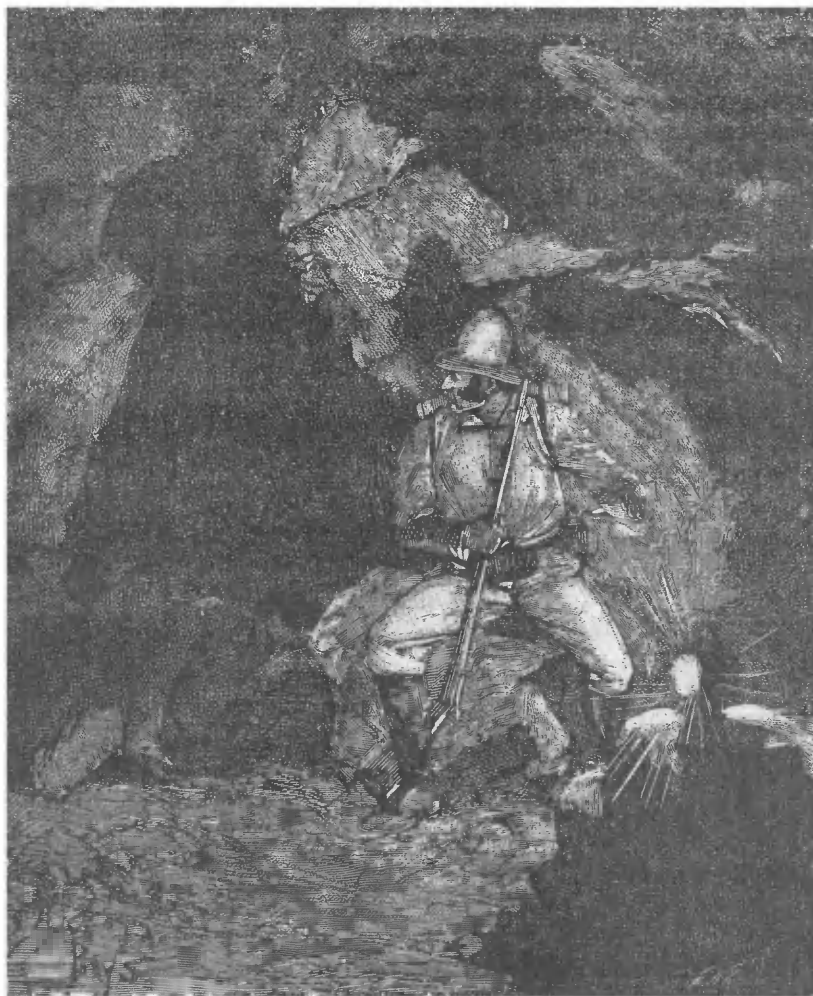
Вдруг вдоль левой стены подземелья скользнула чья-то тень и направилась к Дику. Канадец моментально схватил винтовку, но в ту же минуту услышал знакомое слово, произнесенное громким шепотом:

— Ваг!

То был военный клич и вместе с тем лозунг нагарнуков.

Канадец опустил ружье. Перед ним стоял Виллиго.

— Это ты?! — вскричал Дик с лихорадочной радостью. — Я не ожидал тебя.

— Мой белый брат начал выживать из ума! — наставительно заметил воин. — Разве нагарнуки покидают когда-нибудь своих друзей в беде?

— Но я думал, что тебя убили дундарупы!

— Что могут сделать орлу трусливые опоссумы?

— Уже три дня мы...

— Тише! Довольно. Нужно идти. Враги близко. Они идут.

Лоран и Джильпинг, разбуженные приходом дикаря, разом вскочили на ноги. Канадец бросился будить Оливье, встряхнул его раз, другой, но граф не просыпался.

— Ну, что же делать, я его понесу! Только это нас, пожалуй, задержит.

— Тише, мой брат! — заметил Виллиго. — Не так важно то, чтобы идти скорее, как то, чтобы не шуметь. Ступайте за мной и потушите даже фонарь. Я хорошо знаю дорогу твердо!

Дикарь пошел вперед, за ним Дик с графом на руках, сзади Лоран и Джильпинг. Несмотря на темноту, Виллиго уверенно вел их по непроходимому лабиринту. Он шел, держась за стены, по счету выбирая трещины, в которые нужно было поворачивать, считая углы и закоулки извилистого хода.

Через полчаса ходьбы нагарнук остановился.

— Теперь вы можете зажечь фонарь! Здесь на нас никто не посмеет напасть.

Лоран поспешил воспользоваться разрешением Виллиго, и бледный свет озарил прихотливые узоры подземелья.

Дик осторожно положил на землю свою драгоценную ношу.

— Где мы? — спросил Оливье, открывая глаза.

— Мы спасены, дорогой граф, нас спас Виллиго!

— А как же я сюда попал?

— Вы спали. Мы вас несли...

— Несли!.. — вскричал граф, конфузясь и краснея. — Как вам не стыдно! Вы обращаетесь со мной, как с барышней! — и он хотел привстать, но не мог: ноги все еще отказывались служить ему.

— Спасибо, Дик! Я не знаю, как и благодарить вас. Скажите, чем мне вам отплатить?

— О, граф, полноте! Я счастлив уже тем, что мог оказать вам услугу!

Оливье со слезами на глазах кинулся в объятия своему другу. Все были взволнованы и тем, что спаслись, и этой трогательной сценой. Долго никто не мог вымолвить ни слова. Наконец канадец произнес:

— Дорогой Виллиго! Тебя-то мы и позабыли поблагодарить, а ведь мы всем тебе обязаны.

Дикарь сделал величественный жест и сказал, указывая на графа:

— Молод еще, слаб! Он не может идти. Я схожу и приведу для него животных!

— Бедный Пасифик! — вздохнул при этом англичанин.

— Да разве ты знаешь, где мы оставили животных? — спросил Дик.

Виллиго презрительно улыбнулся.

— Я обнаружил ваши следы всюду, где вы прошли! — сказал он.

— Мой брат искусный вождь! Не проводить ли кому-нибудь из нас тебя с фонарем?

— У меня есть глаза. Фонарь белых мне не нужен! — с этими словами Виллиго исчез в темноте, как призрак.

Дикарь отыскал своих друзей благодаря своему замечательному инстинкту. Прорвавшись хитростью сквозь тесный круг осаждавших его дундарупов, он сейчас же сообразил, что белые подвергаются страшной опасности. По многим признакам для него стало ясно, что дундарупы знают кра-фенуа и могут провести по ней лесовиков. Поэтому он решил как можно скорее догнать своих друзей и вывести их из подземелья через один из бесчисленных известных ему ходов. Дойдя до пещеры, он застал в ней совещание лесовиков. Подслушав, что они говорили, он пустился дальше. Одним словом, он спас не только своих друзей, но даже принадлежащих им мула и осла, с которыми и явился не более четверти часа спустя после своего ухода.

— Теперь, — сказал он Дику, — нужно скорее идти. Дундарупы убедились, что им нас не поймать, и прекратили преследование!

Оливье посадили на мула и двинулись в путь. Воздух в подземелье становился все более свежим, с каждой минутой сказывалась близость земной поверхности.

Наконец перед одним довольно крутым подъемом Виллиго остановился и сказал своим друзьям:

— Посмотрите!

Все подняли головы, взглянули вверх и с восторгом увидели над собой видневшийся из отверстия клочок темно-голубого неба, сиявшего звездами.

— А далеко еще до выхода? — спросил канадец.

— Еще часа два ходьбы, но дело в том, что выход стерегут дундарупы. Нужно выйти из кра-фенуа в том самом месте, где мы находимся.

— Мы-то выйдем, мы можем вылезти по веревке, но животные как?

— Мы и для них проложим дорогу!

Приготовили веревочную лестницу. Дик сел на мула, Виллиго вскочил на плечи Дика, вылез из трещины и укрепил лестницу на краю отверстия. Беглецы один за другим выбрались из подземелья, которое едва не сделалось для них могилой.

Выйдя на свет, Джилльпинг первым делом достал из кармана кларнет и, глядя на сиявшее перед ним созвездие Южного Креста, заиграл благодарственный псалом.

Но увы! Дик опять остановил музыкальные упражнения англичанина, пояснив ему, что звуки кларнета могут привлечь дундарупов.

Вооружившись железными щупами, Виллиго, Лоран и Дик очень быстро расширили отверстие и сделали довольно отлогий подъем, по которому и вывели из трещины животных.

Было два часа утра. Стояла чудная лунная ночь. Луна уже склонялась к горизонту, бросая серебристый свет на высокую траву и кусты. Жадно вдыхая в себя живительный воздух, беглецы тихо прокрадывались по безмолвной широкой равнине.

XIX

Отправление в страну нагарнуков. — *Urtica australis*. — Западня — Пленники.

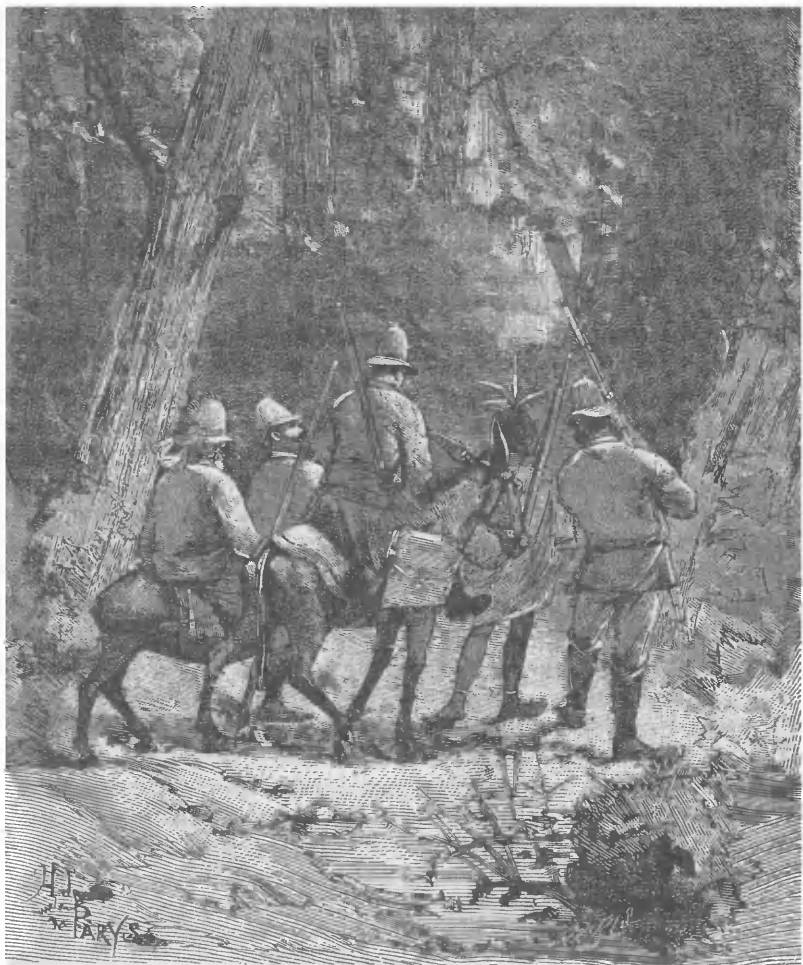

МАЛЕНЬКИЙ КАРАВАН ПОД ПРЕДВОДИТЕЛЬСТВОМ Виллиго направился прямо в земли нагарнуков, что в переводе значит «Пожиратели огня». Так называлось это племя потому, что эмблемой его служила горящая головня, и жрецы или колдуны племени обязаны были поддерживать священный огонь. Всякий нагарнуковский юноша, подвергаясь испытанию на звание мужа, воина, полноправного гражданина, в числе других задач должен был исполнить следующее: взять в рот кусок от зажженной священной головни и пробежать с ним определенное пространство, не потушив огня. Если это ему не удавалось, то юноша оставался еще год в разряде неполноправных, даже если он вполне удовлетворял всем прочим условиям для перехода в разряд мужей.

Беглецы в молчании следовали за Виллиго, который несколько раз просил их вести себя тише. Он, очевидно, был чем-то встревожен.

Впрочем, утро настало без всяких приключений. Характер местности, по которой шли наши пионеры, изменился. Вместо ровной травянистой степи показались холмистые возвышения; ковыль и кусты сменились густым лесом эвкалиптов, казуарин, капустных и фиговых пальм и других австралийских деревьев. Открывшийся пейзаж был настолько прелестен, что усталые путники невольно забыли свои страдания. Даже Виллиго, казалось, с удовольствием поглядывал вокруг себя.

Вдруг Лоран, шедший несколько поодаль от товарищей, громко вскрикнул и тяжело упал на зеленый мшистый ковер луга. Оливье и канадец кинулись к нему на помощь.

— Ви-вага! Ви-вага! — крикнул Виллиго, тоже подбегая к несчастному Лорану.

Он торопливо обнажил ему руку до плеча и начал крепко тереть ее пучком захваченной травы.

Оливье подумал, что Лорана укусила змея, и сообщил свою догадку канадцу, но Дик сейчас же его успокоил.

— Исходите хоть всю Австралию, — сказал он, — и нигде вы не встретите ни одной ядовитой змеи. Лоран просто обжегся «ви-вагой», австралийской крапивой. Опасности нет никакой, и Виллиго сейчас его вылечит; вы сами увидите.

— Это *urtica australis*! — сказал Джильпинг, рассматривая лист растения, причинившего такую неприятность.

Все столпились около раненого, которому Виллиго продолжал тереть плечо. С Лорана градом катился пот. Лицо его посинело, как у мертвеца.

Прошло с полчаса. Понемногу лицо раненого начало принимать более естественный оттенок; он стал заметно приходить в себя. Вскоре миновала всякая опасность.

Отдышавшись, Лоран рассказал, как было дело. Проходя мимо одного дерева, он задел рукой за один из его листков и сразу упал, почувствовав во всем организме сотрясение, как от электричества. Дальше он ничего не помнил и, очнувшись, первым увидел около себя Виллиго, который растирал ему руку.

— Да, — сказал канадец, — если бы не возждь, вы бы так и не встали. Вас спасли его быстрота и сообразительность!

— Но что же это за дерево? — спросил Оливье, глядя, как Виллиго доканчивал лечение, поливая Лорану грудь и плечи водой, взятой из ближайшего источника.

— Туземцы, — отвечал канадец, — называют его «ви-вага» или «птичье дерево», потому что на него может безнаказанно садиться только одна птица очень странной породы. Ученые, кажется, называют его австралийской крапивой.

— *Urtica australis*! — повторил Джильпинг, утвердительно кивая головой.

— Как вам угодно, мистер Джильпинг, — продолжал Дик, — только я совершенно не понимаю, как можно называть крапивой дерево, достигающее иногда семи или восьми метров в обхвате. Как же это — дерево и вдруг «крапива»?!

— Да, но оно по многим признакам принадлежит к одному семейству с обыкновенной крапивой. Представители этого семейства у нас в Европе суть мелкие растения с травянистым стеблем, а в других частях света вырастают в большие деревья. Укол крапивы в Европе вызывает лишь мимолетную боль, а укол *urtica australis* убивает человека. Что же в этом странного?

— Где мне спорить с учеными?! — ограничился замечанием Дик.

— Какой травой Виллиго лечил Лорана? — поинтересовался Оливье.

— Очень простой травой, растущей у корня этого самого дерева!

— Неужели она растет подле каждого «ви-вага»?

— Да, она только там и растет; природа, должно быть, хотела поместить лекарство поближе к недугу.

Приключение с Лораном и последовавшая за ним небольшая лекция по ботанике дорого обошлись путешественникам.

Пустившись бежать к раненому, они побросали на землю свои винтовки; даже осторожный Виллиго, чтобы удобнее было натирать Лорана, сложил с себя оружие и остался только при одном бумеранге, который был страшен на расстоянии, но не в рукопашном бою.

Стоя около Лорана и увлекшись разговором, европейцы не заметили, как к ним подкрались дундарупы и окружили их. Со всех сторон послышался громкий вой, гулко прокатившийся под зелеными сводами леса. Виллиго, канадец и прочие кинулись к винтовкам, но увь! Они уже были захвачены дундарупами. Та-туированные чудовища обступили их, грозя своими копьями и отравленными стрелами.

Соппротивление было бесполезно. Друзья поняли это с первого взгляда. Конечно, канадец мог смело рассчитывать на то, что ему удастся кулаком убить с дюжину дикарей, но в конце концов он все-таки пал бы, пораженный ядовитыми стрелами. Будь он один, он, несмотря даже на это, не сдался бы без боя, но с ним был граф Лорагю, хотел которого он желал спасти во что бы то ни стало.

Даже Виллиго, видя себя окруженным, презрительно сложил на груди руки и не сделал ни малейшей попытки избавиться от плена.

Дик подошел к Оливье и торопливо сказал ему:

— Ради Бога, граф, не сопротивляйтесь. У них отравленные стрелы. Лучше потом убежим от них.

Только Джильпинг вел себя, как бесноватый. Он ругался и кричал:

— Не смейте трогать английского подданного! Горе вам, если вы осмелитесь! За это правительство дорого заставит вас заплатить!

По десятку дундарупов кинулось на каждого из товарищей Джильпинга, и в одну минуту все четверо были крепко связаны веревками, но так, чтобы они могли идти.

— Негодяи! — гремел неугомонный англичанин. — Как вы смеее с нами так обращаться?

Не имея другого оружия, он вытащил свой кларнет и отчаянно отмахивался им. Дундарупы, держась в стороне от Джильпинга, кричали:

— Кораджи! Кораджи! Кораджи паппа! Белый колдун!

Так они его и не взяли, остальных же пленников увели. Джильпинг остался один в обществе мула и осла. Блэк, разумеется, последовал за своим пленным хозяином.

— Что, не посмели? — кричал торжествующий Джильпинг. — Побоялись поднять руку на британского подданного? Но постойте, я вас догоню и заставлю освободить моих друзей...

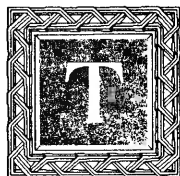
Отъехав немного, он снял шляпу и, сидя на осле, торжественно проиграл «Боже, храни королеву»...

В конце концов Джильпинг кончил тем, что поехал в противоположную от дундарупов сторону.

А мул, оставшись один, постоял несколько минут в раздумье, куда ему идти, и кончил тем, что пошел за Блэком, который следовал за пленниками издали, так как дундарупы его прогнали, пригрозив бумерангом.

XX

Австралийские племена. — Нравы и обычаи. — Верования и суеверия. — Столб пыток.

РУДНО ОПИСАТЬ РАДОСТЬ, КОТОРУЮ испытывали дундарупы, разом завладев двумя такими врагами, как Виллиго и канадец, и потому они шли теперь ускоренным маршем в свою главную деревню, чтобы похвастать блестящей победой, не стоившей им ни одной человеческой жизни, ни одной жертвы.

Пленники же отлично знали, что их ожидало в случае, если помощь не успеет подоспеть вовремя, если друзья не смогут освободить их раньше, чем наступит роковой час казни.

После того, как любопытство женщин, детей и всех тех, кто знал этих двух пленников только понаслышке, будет удовлетворено, после того, как все вволю наглядятся на них, осмотрят и ощупают их со всех сторон, их привяжут к столбу пыток и в конце концов умертвят, применив самые ужасные пытки, какие только в состоянии придумать мстительный и жестокий ум.

Длительность пытки соразмеряется со степенью уважения, внушаемого побежденным врагом своей смелостью и мужеством.

В то время численность туземцев в Австралии составляла до полумиллиона человек, разбросанных на всем протяжении австралийской территории в виде многочисленных мелких племен, насчитывающих от пятисот до шестисот воинов, что с женщинами, старцами и детьми составляло от трех до четырех тысяч душ в каждом племени.

Хотя все эти племена были, несомненно, одного происхождения, их все же нельзя назвать одинаково уродливыми и безобразными. Так, например, три главнейших племени, живущих в восточной части Австралии, — нагарнуков, дундарупов и нирбоа — не походят на тех австралийских туземцев, какими их обычно любят изображать. Как мужчины, так и женщины этих имеют средний рост, прекрасно сложены, некоторые даже довольно стройны и вообще представляют собою тип, далеко не отталкивающий. Это, вероятно, объясняется тем, что они живут в лучшей части страны, наиболее плодородной и изобилующей разной дичью и плодами, а следовательно, хорошо и вкусно питаются, тогда как дикари Нового Уэльса, южной части Австралии, бродящие вдоль песчаного бесплодного побережья, где они с трудом находят себе пищу, несомненно вырождаются под влиянием неблагоприятных условий жизни. Эти несчастные дикари действительно омерзительны и стоят в своем умственном развитии ненамного выше животных, поэтому попытки привить им некоторые блага цивилизации всегда оставались бесплодными. Даже если их взять в самом раннем возрасте и с величайшей заботливостью воспитывать в течение нескольких лет, обращаясь как можно ласковее и бережнее, все же они воспользуются первым случаем, чтобы сбежать, сбросить с себя всякую одежду и вернуться в свои леса.

Кусок полуразложившегося тюленьего мяса, поджаренные, а часто и живые ящерицы, попугаи и опоссумы, которых они ловят в силки, являются для них лакомыми блюдами. Прибрежные жители питаются исключительно одной рыбой, которую они бьют примитивной острогой, а в лесах они лазают по деревьям и ловят белок, летучих мышей, вампиров, опосsumов и других животных.

Кенгуру, встречающийся в таком изобилии в восточной части Австралии, является здесь редким блюдом, ради которого местные жители устраивают настоящий пир.

Питаются они также, когда их одолевает голод, и кореньями разных папоротников, и пауками, и гусеницами, и личинками белых червей, а также древесной корой и особого рода глиной, которая хотя и не насыщает их, но создает иллюзию сытого желудка.

При таких тяжелых условиях эти несчастные худеют до того, что начинают походить на скелеты, обтянутые кожей, и становятся невероятно жалкими и вместе с тем отвратительными. Они ведут бродячий образ жизни, но постоянно толкуются в одной и той же прибрежной полосе, никогда не углубляясь внутрь материка.

Они не имеют иного никакого оружия, кроме жалких копий с наконечниками из железного дерева; единственная и вечная их забота — это забота о пропитании. Едва насытившись, они уже начинают готовить припасы для нового приготовления пищи. Каждое из этих племен имеет свое наречие, но имеет никаких религиозных верований; у них нет даже представления о какой-либо высшей силе, которой они, по примеру африканских дикарей, приписывали бы все непонятные для них явления. Они приписывают все несчастья — голод, мор, засуху и даже смерть — луне, которая в их представлении есть жилище мертвецов. Мертвецы внушают им невероятный страх; они думают, что по ночам эти умершие спускаются с луны, чтобы мучить живых. Кораджи или колдуны, по их мнению, обладают властью призывать или отгонять каракулов, то есть выходцев с того света, а также насылать на людей смерть и всяческие беды и невзгоды.

По их понятиям болезни, смерть и всевозможные несчастные случаи — не естественные явления жизни, а напасть, навлекаемая колдунами. А потому последним живется сравнительно легко благодаря всякого рода приношениям и дарам, которые каждый туземец считает себя обязанным приносить им из опасения навлечь на себя и своих близких всевозможные беды и злоключения.

В сущности, такова участь всех первобытных народов; везде и всюду колдуны жили за счет внушаемого ими страха, эксплуатируя простодушных и наивных людей, легковверных и боязливых; это своего рода власть сильного над слабым, свойственная всему человечеству.

Но три упомянутых нами племени стоят на значительно более высокой ступени развития, возможно только потому, что условия их жизни легче и лучше, что у них есть в избытке всякая дичь и разнообразные плоды. Это сказалось на физическом развитии представителей этих племен: их формы и строение тела заметно правильнее и приятнее, чем у папуасов Меланезии, мало чем отличающихся по своему телосложению от обезьян.

По своему характеру эти австралийские дикари довольно близки к американским краснокожим: тот же бродячий или кочевой образ жизни, те же междоусобные войны, та же охота и рыбная ловля, даже те же скальпы как трофеи войны и та же беспощадная жестокость к пленникам, тот же суеверный страх перед колдунами и та же неподатливость к принятию цивилизации.

Они так же не ассимилируются, а быстро исчезают, уступая натиску белых людей. Поэтому особенно ценно ознакомиться поближе с этими представителями вымирающих племен, кото-

рых вскоре совсем не останется на земном шаре. Мы хотим, кроме того, доказать нашим правдивым рассказом, что племена австралийцев, населявшие центральную часть Австралии, были не похожи на жалких обитателей прибрежной части этой страны, что они стояли уже на известной степени развития, руководствовались известными, твердо установленными обычаями, традициями и узаконенными постановлениями, словом, имели свою нарождающуюся цивилизацию. Этим племенам были также не чужды великодушие, благородство, признательность, даже известное рыцарское чувство и чувство поэзии, которые ставили их, конечно, неизмеримо выше их ближайших сородичей, дикарей Меланезии.

Так, например, нельзя читать без удивления нижеследующие стихи, которые обычно пели по вечерам, танцуя на луту, молодые девушки и юноши награнукского племени:

Джелало лиа лана?
Мангада, мангада!
Джелало иульс лана?
Вугада! Вугада!
Ката гаро!
Манга!
Гваб-ба рино
Роола.
Яр диг бо,
Манга!
Гваб-ба рино
Роола!
Ката гаро!
Манга!

(Пойдем ли мы плясать?
Пойдем, пойдем!
Пойдем ли мы плясать и петь?
Идем! Идем!
Красавица в лесу!
Пойдем!
Цветы и поцелуй там
Найдем!
Если сердце есть в тебе
Идем!
Цветы и поцелуй там
Найдем!
Красавица в лесу!
Пойдем!)

Разве это не поэтично? И племена, где распевают такие песни, конечно, не могли быть омерзительными дикарями, мало чем отличающимися от животных.

В этой песне слышится что-то нежное, красивое, как бы отголосок нравов, не лишенных известной утонченности, и чувств, не чуждых поэзии. Но европейцы, ворвавшись в их жизнь в лице беглых каторжников, преступников и авантюристов и дав волю своим худшим инстинктам и наклонностям, поспешили эксплуатировать честность, доверчивость и добросовестность этих дикарей, проявили к ним жестокость и несправедливость и вместо цивилизации привили им свои отвратительные пороки и.

При первом появлении европейцев в центральной части Австралии туземцы сложили о них следующую красивую легенду: поскольку они не видели судов, на которых прибыли эти белые люди, они решили, что те спустились к ним с Луны, чему придавал известное правдоподобие и самый цвет кожи незнакомцев. Луна же, по мнению этих туземцев, представляет собой жилище умерших воинов, нечто вроде австралийской Валгаллы*. Поэтому они приняли их за своих давно умерших предков, вернувшихся на землю после того, как им удалось похитить тайну громов небесных в виде усовершенствованного огнестрельного оружия. В силу этой легенды туземцы вначале смотрели на европейцев с благоговейным трепетом и относились к ним, как к божествам.

Какое громадное влияние на умы пораженных туземцев могли бы оказать с помощью этого наивного и поэтического сказания честные порядочные и добронамеренные европейцы! В ту пору австралийцы с радостью подчинились бы их требованиям и были бы самыми деятельными пособниками при разработке почвы, корчевании лесов, охране стад, стали бы работниками на фермах, словом, рабочей силой, с помощью которой без труда можно было бы преобразовать всю страну и ее население.

Но вместо этого отбросы английского общества, воспользовавшись полной безнаказанностью, начали совершать насилия, грабежи и даже убийства. Не осмеливаясь оказывать сопротивление завоевателям несчастные туземцы бежали в самые непроходимые дебри, скрываясь от жестокости и издевательств белых людей. Но когда однажды в схватке один из туземцев случайно убил англичанина и для них стало ясно, что белые люди также

* В а л г а л л а (В а л ь х а л л а) — в скандинавской мифологии дворец бога войны Одина, куда попадают после смерти павшие в битве воины и где они продолжают прежнюю героическую жизнь.

могут умереть, престиж европейцев сразу упал. Австралийцы осмелели, и началось взаимное истребление, одинаково ожесточенное и беспощадное с обеих сторон.

Позднее, когда явились честные колонизаторы с самыми благими намерениями и хотели исправить содеянное зло, было уже поздно: туземцы изверились в европейцах и видели в них беспощадных и жестоких врагов, а потому поджигали фермы, угоняли и истребляли стада, избивали скваттеров и их семьи.

Тогда пришлось организовать экспедиции для защиты поселенцев, и началась настоящая резня, настоящая охота за темнокожими, причем беспощадно избивали старцев, женщин и детей во имя бесчеловечного закона, придуманного бессердечными и бессовестными людьми, закона, который гласит, что люди, не принимающие чуждую цивилизацию, должны или ассимилироваться, или исчезнуть, и что краснокожие уроженцы Америки и темнокожие австралийцы должны уступить место белой расе.

Закон истребления и избияния слабейшего сильнейшим является, говорят, результатом борьбы за существование, и этот умилительный закон даровала нам Англия; в силу его она угнетает Ирландию, избивает сипаев*, новозеландцев и австралийцев и кричит: «Дорогу британскому спруту», потому что весь мир недостаточно велик для его щупальцев.

В отместку за жестокость, туземцы в свою очередь не щадили попадавших в их руки европейцев, однако оказывали им такую же честь, как и своим воинам, и привязывали их к столбу пыток, давая им этим возможность продемонстрировать свое мужество.

Именно в этой области Центральной Австралии, где живут нагарнуки, дундарупы и нирбоа, встречаются великолепные леса казуариновых деревьев, *colidris spiralis* и других разновидностей эвкалиптов, и всевозможных иных видов деревьев. Здесь же растут в диком состоянии многочисленные виды съедобных растений, например, капустные пальмы, таро, бананы и др. Флора здесь также отличается необычайным богатством, а потому остается только пожалеть, что первые европейцы не сумели воспользоваться добрым расположением туземцев для колонизации этой прекрасной, богатой страны и развили в них только инстинкт кровожадности и всякие пороки.

* С и п а и — наемные солдаты в Индии, вербовавшиеся в английскую и французскую колониальные армии из местных жителей с середины XVIII в. по 1947 г.

Таким образом канадец и его спутники очутились в руках людей, не знающих ни жалости, ни пощады и озлобленных недавними экспедициями, предпринятыми против них сиднейским правительством. Племя дундарупов особенно славилось своим пристрастием к грабежам и убийствам; они почти исключительно жили хищением стад и другого имущества фермеров и, быть может, потому больше всего с дундарупами сходились лесовики, всегдашние участники грабежей и постоянные, напарники дундарупов в экспедициях такого рода. Преследуемые наравне с дикарями, эти лесные бродяги сделались, с течением времени, из бывших врагов превратились в естественных союзников и жили в мире с туземцами. Что же касается нагарнуков, то живя в местности, изобилующей дичью, рыбой и разнообразными плодами, они занимались почти исключительно только охотой и рыбной ловлей и не имели надобности грабить фермы или нападать на торговые караваны, а потому пользовались репутацией наиболее миролюбивого племени, которому многие скваттеры и колонисты, пасшие свои стада по соседству с ними, поручали даже охрану своего имущества и скота.

Дундарупы почти постоянно враждовали с нагарнуками и потому охотно дружили со всякими лесными бродягами, рассчитывая на их помощь и содействие против нагарнуков.

Для дундарупов пленение канадца и Виллиго было необычайным, можно сказать, почти невероятным счастьем: эти двое всегда поспевали первыми на защиту каждой осажденной грабителями фермы, и много раз такие попытки оканчивались ничем, потому что нагарнуковский вождь и его приемный брат отбивали нападение.

Почти всем скваттерам и фермерам, обитавшим в четырех или пяти сотнях миль от Сиднея или Мельбурна, ежедневно требовались большие транспорты товаров и припасов, и тогда целые караваны повозок, по двадцать и более, отправлялись из Сиднея и Мельбурна на фермы под конвоем достаточного числа смелых и решительных людей, способных в случае надобности отстоять караван от нападения. Обратный этот караван, сдав по принадлежности требуемые товары, возвращался нагруженный сельскохозяйственными продуктами, которые в свою очередь находили сбыт в городах.

Когда фермы наполнялись запасами, утварью и инвентарем, аппетиты грабителей разгорались с особенной яростью, и горю тому хозяину, который не озаботился обнести свои строения достаточно высокой и крепкой стеной, которая могла бы предохранить его от грабежа и поджога! Ввиду этого все австралийские фермы строились на манер крепостей и окружались канавами и

крепкими стенами, снабжались непременно высокой сторожевой башней, откуда в случае нападения давали знать громкими звуками призывного рога, и тогда люди с окрестных ферм, а чаще всего Виллиго или Дик со своими молодцами спешили на помощь осажденным.

Благодаря вмешательству этих двух героев подобного рода разбойничьи нападения удавались все реже и реже или обходились разбойникам так дорого, что они надолго зарекались повторять свои попытки.

Поэтому поимка Виллиго явилась настоящим торжеством для дундарупов, а пленение канадца — не меньшим торжеством для лесовиков, которые в одинаковой мере боялись и ненавидели его как своего злейшего врага.

Канадец, зная, какая участь уготована ему в случае, если какое-нибудь чудо не вырвет его из рук врагов, спокойно мирился с предстоящими муками, уверенный, что рано или поздно ему не избежать этого, и потому, не все ли равно немного раньше или немного позже? Но он не мог без волнения думать что подобная участь ожидает и молодого графа, и потому все время строил всевозможные планы бегства или спасения хотя бы только его одного.

Нагарнукский вождь шел гордо и уверенно, как победитель, вызываясь глядя на своих врагов, и в своей экзальтации охотно запел бы сейчас свою предсмертную песню, чтобы показать этим подлым дундарупам, которых он презирал до глубины души, как умеют умирать воины его племени.

Главная гордость всех туземцев, глубоко презирающих жизнь, состоит в том, чтобы достойно умереть, и когда воина привязывают к столбу пыток, его малодушие ложится позором на все его племя, тогда как мужество и стойкость покрывают его новой славой и создают ему еще лучшую репутацию.

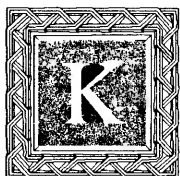
Поэтому стоицизм, с каким военнопленные переносят самые страшные мучения, граничит с невероятным. Известны случаи, когда такой страдалец в течение нескольких дней кряду смеялся и пел, в то время как женщины и дети беспрерывно поджаривали его тело горячими головнями, вырывали у него ногти, отрезали заостренными кремнями одну за другой все фаланги пальцев на руках и ногах. А когда раненый готов был лишиться чувств от непомерной потери крови, его раны прижигали раскаленными докрасна камнями, так что мясо, шипя, запекалось и кровотечение останавливалось. Наконец, под вечер второго или третьего дня, смотря по желанию мучителей, но непременно в самый момент окончательного заката солнца, когда заканчивалась эта кровавая оргия и тело жертвы обычно представляло собой уже

почти бесформенный, окровавленный торс, все еще сохраняющий остатки жизни, так как мучительницы время тщательно оберегают повредить какой-нибудь из жизненно важных органов и тем самым причинить преждевременную смерть, несчастного добивали.

Не странно ли, что этот страшный обычай подвергать мучениям у столба пыток встречается почти у всех народов? Он еще и сейчас распространен среди некоторых племен американских краснокожих и в Австралии и исчезнет разве только вместе с последним аборигеном. У туземцев Новой Гвинеи он также практикуется, равно как и у прежних полинезийцев. А в наше время китайцы, именующие европейцев варварами, подвергают своих пленных ужаснейшим пыткам.

XXI

Ночь в плену. — Человек в маске. — Оргия дундарупов. — Приготовления к пытке. — Спасены неожиданными друзьями.

АНАДЕЦ ХОРОШО ЗНАЛ, ЧТО ЕГО ЖДЕТ, но уже давно примирился с этой участью. Он уже однажды был привязан к этому столбу у нирбоа и был обязан своей жизнью все тому же Виллиго, который подоспел как раз вовремя с сотней своих воинов. С того времени он запасся у одного знакомого аптекаря двумя маленькими

пузырьками сильнодействующего яда, с которым никогда не расставался. В крайнем случае благодаря этому снадобью он мог разом проститься с жизнью, безболезненно и легко. На этот раз он решил в случае надобности поделиться своим запасом с молодым графом и Лораном а потому шел весело и бодро, как на прогулке.

Французы же совсем не подозревали о грозившей им участи; конечно, они понимали, что их жизни грозила опасность, знали, что благодаря вмешательству невидимых врагов их не пощадят, но им даже в голову не приходило, что эти подкупленные дундарупы могут обращаться с ними, как со своими военнопленными.

Надменный вызывающий вид Виллиго и небрежная безучастность Дика также немало способствовали их успокоению. Старый траппер пользовался каждым случаем, чтобы поддержать их мужество и словом и взглядом обнадежить их, хотя внутренне он говорил себе:

— Если Коанук или Нирроба не придут вовремя с достаточным числом воинов, то мы погибли!

Дундарупы не опасались этого. Главные их силы на землю нагарнуков, которые, разумеется, все усилия должны были употребить для отражения нашествия. Поэтому отряд, ведущий пленников, мог вполне считать себя вне всякой опасности.

Вскоре показалась и деревня. Население встретило некогда грозных, Дика и Виллиго, с криками злобного торжества. Беглые каторжники и их вождь, лазутчик Невидимых, пришли в деревню раньше и успели распространить радостную весть.

Женщины, старики, дети осыпали пленников бранью и насмешками. Виллиго равнодушно и спокойно переносил невзгоду; Дик возбуждал всеобщее удивление своим громадным ростом. Бандиты держались поодаль, словно стыдясь своего союза со свирепыми дикарями.

В числе негодяев находился один человек с маской на лице. Канадец и его спутник переглянулись между собой.

— Кто бы это мог быть? — подумал каждый из них, и у каждого пробежала в голове одна и та же мысль.

До сих пор у пленников связаны были только руки, теперь им связали также и ноги и бросили их всех в одну хижину. Последние часы перед казнью им позволили провести всем вместе.

— Вот и конец драмы! — сказал Оливье, когда дверь хижины захлопнулась.

То были первые слова, которыми обменялись пленники после привода их в деревню дундарупов.

— Простите меня, граф, — пролепетал упавшим голосом Лоран. — Этого не случилось бы, если бы не глупое приключение со мной. Оно вас задержало...

— Пустяки, Лоран, я не хочу этого слышать. Если бы я не затащил тебя в Австралию, жил бы ты себе преспокойно дома. Во всем виноват я а не ты; я это знаю и чувствую. Что вы скажете, Дик?

— Скажу, что, по моему убеждению, Коанук явится сюда раньше двух часов.

Но канадец сам себя обманывал. Слишком слаба и ничтожна была у него эта надежда на нагарнуков, хотя, с другой стороны, можно было быть уверенным, что они сочтут долгом чести употребить все усилия, чтобы спасти Виллиго, его названного брата и обоих товарищей последнего.

Виллиго ничего не говорил. Он сидел в углу и напевал себе под нос унылую песню. Он готовился спеть ее, когда будет умирать в мучениях.

Вдруг среди ночной тишины раздался голос, заставивший пленников вздрогнуть.

— Граф Лорагю д'Антрэг, — сказал этот голос, — видите ли вы теперь, сколь бесполезно бороться с Невидимыми? Вы теперь окончательно в нашей власти. От вас зависит спасти свою жизнь и жизнь ваших товарищей. Вы знаете, на каких условиях... Завтра на рассвете я приду к вам за последним ответом. Ваша участь в ваших собственных руках!

— Не отвечайте, молчите, — поспешно шепнул графу старый траппер и продолжал громким звучным голосом: — Слушайте, вы, человек в маске! Я, Дик Лефошер, канадец, объявляю войну не на живот, а на смерть всем вашим Невидимым, этой трусливой, поганой орде, которая умеет наносить удары лишь из-за угла.

Ответом на это был ехидный, шипящий смех. Оливье стал припоминать, где он слышал этот смех, но никак не мог вспомнить.

Затем все стихло, только в деревне звенели песни дундарупов, которые на радости перепили туземного хмельного напитка и орали во все горло воинственные песни, предвкушая зрелище казни пленников.

Виллиго тоже пел вполголоса, прославляя свое храброе племя и подвиги предков.

Оливье под конец заснул, положив голову Лорану на колени. Усталость взяла наконец свое. Верный слуга графа тоже погрузился в дремоту. Бодрствовать остался один Дик.

Он все думал и думал о средствах к спасению.

Услышав пение туземцев, сопровождаемое топотом пляски, Дик почувствовал неизъяснимую радость. Он понял, что дундарупы сильно перепились и после оргии наверняка будут крепко спать.

У него зародился в голове план. Правда, он считал, что его не скоро можно будет привести в исполнение но пришел к убеждению, что вообще этот смелый план исполним.

Только бы поскорее перепились дундарупы, поскорее бы завалились спать! Со стороны пленников они не опасались ни малейшей попытки к бегству. Разве пленники не были крепко связаны кенгуровыми ремнями, разве не были отобраны у них ружья?

На этой уверенности дикарей и строил канадец свой план.

Желая посмотреть, что делается у дундарупов, Дик осторожно подполз к двери хижины.

Дикари и бандиты плясали в безобразно-пьяном виде. Они уже доплясывали, из последних сил; многие из пирующих уже лежали на земле в глубоком сне. Хижину караулили только два молодых воина с пиками; недалеко прохаживался замаскированный человек с винтовкой за плечами. Видя, что нельзя до-

биться никакого толку от своих ошалевших союзников, он решил караулить пленников сам.

Канадец улыбнулся, обрадовавшись тому, что ему удалось увидеть, и стал спокойно дожидаться удобной минуты.

Вдруг он услышал слабый шорох в стене хижины с противоположной от часовых стороны. Он сделал усилие, потянулся и разом разорвал ремни, опутывавшие его тело. Освободившись, он встал и осторожно пошел по хижине, но споткнулся о кого-то из лежавших.

— Кто это? — тихо спросил он.

— Это я, я! — отвечал ему Виллиго, который тоже услышал шорох и, связанный, пополз к стене, извиваясь как змея.

Канадец поспешил развязать дикаря, и оба они, не обменявшись больше ни словом, приблизились к непрочной глиняной стене.

Шорох не прекращался. Очевидно было, что кто-то хотел осторожно обратить на себя внимание пленников.

Решив, что во всяком случае враги не стали бы так действовать, Дик стукнул два раза в стену.

Шорох прекратился, вместо него послышались два ответных удара в стену. Сомнения не было: к пленникам прибыла помощь, но кто бы это мог быть?

Вскоре раздался странный звук, как будто кто-то стал бурить стену, и на землю посыпались комки глины. Появилось отверстие, сквозь которое пленники увидели сероватый сумрак ночи.

— Кто там? — спросил канадец, наклоняясь к отверстию.

— Это я! — отвечал знакомый голос англичанина Джона Джильпинга.

Дик насилу удержался, чтобы не вскрикнуть от удивления.

— Вы! Вы один! — сказал он вполголоса.

— Да, совершенно один, со мной только бедный Пасифик, да мул, да собака. Они и привели меня сюда. Но я вам расскажу об этом после, а теперь некогда.

— Да, вы нам расскажете это после, — отвечал Дик, — а теперь я вам скажу только то, что вы честный и храбрый человек, мистер Джильпинг.

— Да нет же, право, нет. Говорят вам, что это не я, а Пасифик, да мул, да собака... Но об этом после. Я боюсь, как бы дундарупы, которые пляшут около костра... Надо сначала вооружиться.

— Увы! У нас отобраны все винтовки!

— Вот вам другие. Только берите скорее, а потом мы увеличим дыру.

— Как, мистер Джильпинг, вы решились...

— Да ведь это было нетрудно. Я знал, что в багаже мула есть оружие и заряды. Я взял оттуда четыре винтовки для вас и одну для себя да столько же револьверов... Берите же скорее, вооружайтесь.

— Мистер Джильпинг, вы молодец.

— О, вовсе нет. Я только воспользовался нетрезвостью дикарей... Вот вам патроны, а вот и револьверы. Кажется, довольно.

— Как вас благодарить, мистер Джильпинг?

— О, не меня, не меня... Ведь я же говорю вам, что это все Пасифик с мулом и вашим Блэком... Это очень оригинально...

Во время этого разговора англичанин передавал Дикю через отверстие ружья и револьверы. Виллиго с догадливостью дикаря подполз к двери и стал наблюдать, что делается на улице.

Оргия разгоралась. На красном фоне пылающего костра выделялись черные тени пляшущих дундарупов и бандитов. Пение тоже продолжалось. Замаскированный человек продолжал прохаживаться один с ружьем за плечами. Оливье и Лоран, разбуженные Диком, с нескрываемой радостью встретили весть об освобождении. Благодаря мужеству и хладнокровию Джильпинга все пленники были снабжены оружием. Теперь они могли с успехом защищать свою жизнь и свободу от пьяной толпы.

Вооружившись с ног до головы, друзья устроили совет. В сущности, думать было не о чем; следовало только выйти потихоньку из хижины и оставить деревню. Наутро дундарупы нашли бы хижину пустой.

Но не того хотели Виллиго и канадец: им хотелось задать негодяям хороший урок. В успехе они не сомневались, имея столь прекрасное вооружение. Наконец, следовало принять в расчет и чрезвычайное изумление ошалелых дикарей и бандитов, когда они вдруг увидят перед собой свободных и вооруженных пленников.

Эти соображения Дика были приняты всеми единогласно.

— Поблагодарите же мистера Джильпинга, — заметил Дик, — ведь это он нас выручил!

— О, дорогой мистер Дик, — возразил англичанин. — Я очень рад это слышать от вас, но не забывайте также и Пасифика с мулом и Блэком. Когда вас увели дундарупы, я хотел погнать Пасифика к тем горам, где, по вашим словам, находилась деревня нагарнуков. Я хотел известить ваших союзников о случившейся с вами неприятности. Но мой Пасифик — не знаю, что с ним сделалось, — ни за что не хотел идти, а повернул в ту сторону, куда шел ваш мул, следовавший в свою очередь за Блэком, который издали бежал за дундарупами. Так мы и потащились друг за другом и дошли до деревни. Тут я решил наконец обуздать

животных и начал с того, что привязал Блэка к дереву в роще; мул и осел спокойно поместились около него, но я для пущей важности тоже привязал их к дереву. Потом я стал дожидаться ночи и поужинал. Хороший сыр у меня, право; я в первый раз еще попробовал от этого куска, как привез, и очень доволен... Когда наступила ночь, я достал из багажа ружья и заряды... Остальное

вы знаете. Теперь вы видите сами, что Пасифик, мул и Блэк играли во всем этом главную роль.

Когда англичанин кончил рассказ, стало светать, и дундарупы с пьяными криками нестройной, безоружной толпой кинулись к хижине. За ними спешили бандиты, едва держась на ногах от опьянения.

Замаскированный человек кинулся загородить им дорогу. Вероятно, он хотел исполнить данное накануне обещание.

Но он не успел. Мгновенно сцена изменилась. Дверь хижины с треском вылетела вон, и на пороге показались пять человек пленников, вооруженных винтовками.

Открылся беглый огонь, в короткое время произведший огромное опустошение в рядах дикарей.

Ужас и удивление охватили дундарупов и бандитов. Постояв немного на месте, нестройная толпа отхлынула от хижины и бросилась, кто куда. Страшные винтовки безжалостно истребляли бегущих.

При первых выстрелах европейцев замаскированный человек бросился в сторону и скрылся в густой траве. Европейцы проискали его потом весь день до вечера, но не нашли.

Вечером поселок дундарупов горел со всех четырех концов, а Виллиго, глядя на пожар, отплясывал военный танец.

Спустя пять дней маленький караван вступил на Лебяжий прииск, цель похода Оливье Лорагю. Канадец показал своим ослепленным товарищам груды золота, веками накопленного в этом месте.

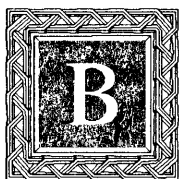
— Вот, — сказал Дик графу, — вот вам могущество и мщение. На земле нет ничего, что устояло бы против этого сверкающего божества!

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

В дебрях Австралии

I

Праздник в Мельбурне. — Боксеры. — Том Пауэлл, чемпион Австралии и Англии, и Джеймс Тайлер, чемпион Америки.

ВМЕЛЬБУРНЕ, ГЛАВНОМ ГОРОДЕ ШТАТА Виктория, шли приготовления к празднествам по случаю дарования колонии права на автономию. Основанная всего за пятнадцать лет перед тем, столица Виктории благодаря приливу эмигрантов разрослась в огромный город, который далеко оставил за собой по богатству и числу жителей даже Сидней, возникший в самом начале австралийской колонизации.

Такой быстрый рост города обусловлен открытием в штате Виктория богатейших золотых приисков. Мельбурн обстроился и украсился с замечательной быстротой. Биржа, банки, газеты, журналы, школы, театры возникли в нем, как по волшебству, и в короткое время он почти сравнялся по значению с такими городами, как Бомбей, Калькутта, Шанхай и Гонконг.

Ссылнопоселенцы, составлявшие прежде ядро населения, растворились в массе пришлых авантюристов, которые были несколько не лучше их, но только по счастливой случайности успели скрыть кое-какие свои грехи и грешки на родине и переселились из метрополии не за казенный, а за собственный счет.

Оба класса быстро слились друг с другом, потому что большинство ссыльных занялось торговлей и промыслами, более или менее честно добывая средства к жизни. Аристократию колонии составили лица безупречные, не привлекавшиеся к суду, и с ними стремились породниться посредством брачных союзов те из лиц

помянутого выше класса, которым удавалось занять более или менее видное положение в обществе.

Заметив быстрый прогресс колонии, английское правительство поспешило даровать им самоуправление, чтобы не лишиться ее, как лишилось за три четверти века перед тем колонии Северной Америки.

Итак, Австралия получила self government*. Управление вверялось отныне местному парламенту, состоящему из двух палат, верхней и нижней, с ответственными министрами и представителем короны, лордом генерал-губернатором.

Мера была очень искусная, дальновидная. Отказываясь от непосредственного управления колонией, Англия сохраняла над ней все свои верховные права как над неотъемлемой частью монархии.

Первым актом вновь созданного парламента было дарование всеобщей амнистии, с предоставлением всех гражданских прав тем из ссыльных, которые не совершили никакого проступка по вступлении их на австралийскую землю. Вместе с тем были уничтожены в архивах и канцеляриях присутственных мест все документы, касавшиеся прошлого ссыльных. Второй мерой был единогласно принятый обеими палатами билль о празднестве в честь самоуправления.

Программа праздника, разработанная новоиспеченным мельбурнским лорд-мэром вместе с олдерменами, была опубликована ко всеобщему сведению и вызвала всеобщий восторг. День должен был начаться приветственной пальбой из пушек, затем следовал прием генерал-губернатором парламентской и иных депутатий с речами и поздравлениями; далее перед властями должны были продефилировать представители всех британских колоний в национальных костюмах, и, наконец, стоящая в гавани эскадра должна была дать показательное морское сражение.

Остаток дня предполагалось посвятить всевозможным видам спорта и закончить праздник блистательным фейерверком, гала-представлением в городском театре и роскошным балом у генерал-губернатора.

Но гвоздем предстоящего праздника должен был стать ожидавшийся боксерский поединок знаменитого силача Тома Пауэлла.

Том Пауэлл был ссыльный. За свои успехи в боксе он в Англии был прозван «королем боксеров»; в единоборстве ему удалось убить человек двенадцать, но английские присяжные постоянно

* Самоуправление (англ.).

оправдывали его, вынося всякий раз вердикт об *accidental death* — случайной смерти. Наконец в одной ссоре он так хватил своего противника, вызванного им на бой, что тот в одну минуту испустил дух. Присяжные вынесли наконец королю боксеров обвинительный приговор, и Том Пауэлл был переселен на казенный счет в Австралию. Этот самый силач и расклеил по всем мельбурнским улицам афиши, вызывая на бой всех желающих помериться с ним силами.

Разумеется, городская управа единогласно ассигновала четыре тысячи фунтов стерлингов на премию победителю.

Вызвалось и записалось три борца: один негр, уроженец Новой Гвинеи, замечательный силач, известный в Мельбурне под именем Сэм, один ирландец по имени Майкл О'Келли, тоже считавшийся атлетом, и, наконец, боксер-профессионал, американец Джеймс Тайлер.

Шум прошел по всему Мельбурну; заключались многочисленные пари; большинство держало, впрочем, двадцать против одного за Пауэлла, и только американцы одинаково ставили на Тайлера и Пауэлла, руководствуясь национальной амбицией.

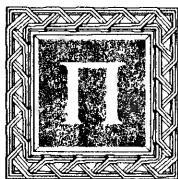
Газеты были заполнены сообщениями по поводу предстоящих торжеств. Подвиги Пауэлла и Тайлера описывались и разбирались со всеми подробностями, взвешивались относительные силы двух будущих противников и высказывались соображения о том, кто из них победит.

Город разделился на две партии, на «пауэлистов» и «тайлеристов». Много буянов успело еще за двое суток до праздника подражаться между собой из-за трудно разрешимого вопроса: который из двух бойцов победит?

Между тем незаметно подкрался и нетерпеливо ожидаемый всеми день.

II

Искатели золота. — Проспекты Лебяжьего прииска.
— Возвращение в Мельбурн. — Концессия. — Путешествие Лорана. — Сыщик и барон.

ОД ВЕЧЕР, НАКАНУНЕ ПРАЗДНИКА В Мельбурне, в город вступили три путешественника, ехавшие верхом на малорослых, но сильных и быстрых новогвинейских мустангах. Они направлялись к «Восточной гостинице» на улице Ярра-стрит.

В этих путешественниках, несмотря на значительную перемену в их костюмах, можно было с первого же взгляда узнать графа Лораго, Дика и Виллиго, нагарнукского

вождя. Все они ехали из Сиднея, столицы Нового Южного Уэльса, где провели некоторое время, занимаясь делами, о которых мы не замедлим сообщить читателю.

Оливье был одет с изысканным изяществом и вместе с тем простотой, свойственной хорошему вкусу. На канадце был полный костюм австралийского скваттера, целиком сшитый из голубого бумажного бархата. Виллиго остался в прежнем своем первобытном костюме, согласившись только для города надеть на себя какую-то пеструю накидку, да и то лишь после усиленных просьб со стороны своих друзей.

Умный Блэк, не отстававший от своего господина, с гордостью щеголял в красивом серебряном ошейнике, который ярко блестел на его черной шерсти.

Путешественники ехали в Мельбурн, разумеется, не на праздник; их побуждали приехать туда различные важные происшествия, случившиеся с ними после прибытия на Лебяжий прииск.

Прииск оказался таким богатым, что превзошел самые смелые ожидания. Огромные самородки встречались на каждом шагу, стоило только немного копнуть землю. Золотоносная почва сулила несметную добычу. Специалист-геолог Джон Джильпинг, рассмотрев найденные образцы золота, объявил, что это золото самое чистое, какое только может быть. Оставалось только собрать богатую жатву.

Затем наши друзья посовещались между собой, как им поступать дальше. Инструменты, привезенные на спине мула, они старательно зарыли в яму под большим эвкалиптовым деревом, а все золото, которое им удалось добыть во время предварительного исследования прииска, навьючили на мула и осла, тщательно замаскировав этот ценный багаж.

Разумеется, золото, навьюченное на Пасифика, было подарено Джону Джильпингу, который, впрочем, и не отказывался от этого подарка. На радостях чужак-англичанин и тут не преминул проиграть на кларнете благодарственный псалом, в котором говорилось что-то о «манне небесной».

По зрелом размышлении друзья пришли к заключению, что без правительственного патента им нечего и думать о беспрепятственной разработке прииска. Только патент мог обеспечить их от наплыва массы посторонних искателей, привлеченных слухом об открытии богатых залежей. Имея же в руках документ на право владения землей, можно было легко на законном основании устранить всякого конкурента.

Разумеется, в такой глуши нельзя было рассчитывать на содействие администрации при защите своих прав, приходилось заботиться об этом самим владельцам, но во всяком случае тогда

у них было бы право, право бесспорное, которое оставалось бы только поддерживать силой.

Поэтому было решено ходатайствовать о концессии на несколько сот тысяч гектаров, которые занимал прииск, но не у мельбурнского правительства, а прямо в Лондоне, у министра британских колоний. От местной администрации следовало ожидать больших проволочек, а между тем само ходатайство должно уже было возбудить толки среди населения, и прииск мог кто-нибудь перехватить. Всего этого легко можно было избежать, обратившись прямо в Лондон.

Джиллингбег решил поднять на ноги важнейших членов Лондонского Королевского общества и, кроме того, посоветовал графу подать прошение от своего имени, говоря, что древнее имя графов Лорагю и знатность их рода будут иметь большой вес в глазах министерства.

Оливье снял точный план земли, которую он желал получить во владение, обозначив место залежей, не упоминая, разумеется, об их богатстве, чтобы не вводить в соблазн правительство ее британского величества, и составил форменное прошение. Он хотел послать его по почте, но потом друзья передумали и решили отправить в Европу Лорана, чтобы он передал прошение маркизу Лорагю, который должен был лично похлопотать через английского посланника в Париже. Нужно было торопиться, чтобы предупредить возможный наплыв посторонних золотоискателей.

До поры до времени сохранение тайны было вполне обеспечено. Виллиго был сама неподкупность, а его презрение к золоту равнялось его любви к своему названому брату, Тидане-Дику. Джон Джиллингбег дал честное слово джентльмена никому не заикаться о прииске, а на слово честного англичанина можно было вполне положиться. Но дело в том, что если случай навел на прииск Дика, то мог навести и еще кого-нибудь другого, и тогда прощай тайна, прощай право первой заимки.

Итак, следовало во что бы то ни стало как можно скорее получить концессию.

Была и еще одна причина для посылки Лорана в Европу. Со времени избавления наших друзей из дундарупского плена ничего не было слышно о замаскированном человеке, но из этого было бы неосновательно заключать, что Невидимые успокоились. Два раза они уже готовы были овладеть графом Лорагю, и в их могуществе невозможно было сомневаться. Конечно, Дик и Виллиго никогда не покинули бы графа: они решились защищать от врагов его всеми силами, но для борьбы с тайными врагами недоставало все еще одного средства: не было сыщика,

который мог бы следить за ними так же незаметно, как незаметно действовали и подкрадывались они.

Старый маркиз Лорагю благодаря своему высокому общественному положению всегда мог выпросить для себя у префекта полиции двух или трех тайных агентов, которым можно было обещать хорошее вознаграждение.

Лоран уехал вот уже несколько месяцев тому назад, и теперь от него была получена шифрованная телеграмма, что оба поручения исполнены блистательно и что он приедет в Мельбурн с первым почтовым пароходом.

Телеграмма была получена в Сиднее, где жили это время Оливье и Дик, разменивая на деньги добытое золото. Джилпинг оставался у нагарнуков, которые после победоносной войны с дундарупами наслаждались благами мира в своих деревнях. Дикари очень полюбили англичанина, который чрезвычайно забавлял их игрой на кларнете.

Получив депешу, Оливье, Виллиго и Дик сели на мустангов и поехали в Мельбурн, где намеревались остановиться в «Восточной гостинице». У подъезда их встретил сам Лоран, уже успевший приехать.

— Ты один? — спросил Оливье после обмена приветствиями.

Лоран, не отвечая, приложил палец к губам.

Действительно, возле гостиницы не следовало вести интимный разговор о делах. Граф Лорагю велел слуге приготовить комнаты и пригласил с собой Лорана и прочих друзей. Едва за ними затворилась дверь, как Лоран сказал:

— Давайте говорить так, чтобы нас совершенно невозможно было слышать. За мной все время следили две какие-то личности, остановившиеся за стеной нашего номера.

— Ты видел их? Как ты их узнал?

— Я ничего не узнал. Мне сказал мсье Люс.

— Кто это мсье Люс?

Лоран заговорил еще тише, так что его едва можно было слышать.

— Его сиятельство маркиз, ваш отец, нанял для вас — знаете кого? Самого бывшего начальника парижской сыскальной полиции. Тому уже давно хотелось оставить службу из-за личных неприятностей, и он воспользовался теперь случаем. Сам господин префект сказал вашему отцу про этого человека, что он «политический гений». Но довольно, не будем здесь говорить.

— Господа, — громко сказал Дик, — не прогуляться ли нам по набережной до обеда? Кстати, посмотрим на приготовления к завтрашнему празднику.

— Что ж, я очень рад! — отвечал граф и тихо прибавил: — Возьмем экипаж.

Мысль была удачная, и все в знак согласия кивнули головой. Дорогой их обогнал в высшей степени представительный господин с разноцветной бутоньеркой в петлице. Лоран почтительно ему поклонился. Незнакомец ответил на поклон с величаво-благосклонной вежливостью и прошел мимо, не обратив никакого

внимания на спутников Лорана, которые тоже поклонились ему из приличия.

— Кто этот гордец? — спросил с досадой граф д'Антрэг.

— Это барон де Функаль, португальский генеральный консул в Мельбурне. Я с ним познакомился на пароходе! — отвечал Лоран с незаметной улыбкой.

— Нельзя сказать, чтобы он был слишком хорошо воспитан! — возразил Оливье.

На это замечание никто ничего не ответил, и встреча с бароном не имела дальнейших последствий.

На углу Ярра-стрит и набережной находилось экипажное заведение, где Оливье заказал на неделю четырехместный шарабан с лошадьми, но без кучера.

— Без кучера? — спросил содержатель экипажей. — Это будет стоить двадцать долларов в день и две тысячи залога.

— Залог-то зачем же?

— А на случай, если вы не возвратите или повредите экипаж. Ведь я вас совсем не знаю!

— Верно, — согласился Оливье и, вынув чековую книжку, выписал чек на требуемую сумму с уплатой через девять дней.

Четверть часа спустя наши друзья выехали за город, где их разговор не могли подслушать ничьи нескромные уши. Уезжая, они заметили какого-то нищего, который так внимательно глядел на них, что даже позабыл попросить у них милостыню.

Лоран, сидевший за кучера, остановил экипаж на песчаной отмели, окруженной пенистыми волнами. Океан был спокоен, как озеро; место было ровное, так что никто не мог спрятаться поблизости и подслушивать.

Верный слуга, сообщив молодому человеку все сведения об его отце, передал ему письма маркиза и целый архив документов, касающихся прииска и концессии на него. Затем он отчитался перед ним от исполнения поручения.

Благодаря связям маркиза и письмам Джильпинга концессия на прииск была выдана без всяких оговорок.

— Вы приехали вовремя, — сказал при этом Лорану статс-секретарь по делам колоний, — это последняя концессия, которую мы выдаем сами, потому что у нас решено даровать Австралии self government.

Декрет о концессии предоставлял графу д'Антрэгу во владение огромное пространство земли (в несколько тысяч гектаров) с освождением этого участка, в качестве особой милости, от государственного сбора на десять лет. Тем же декретом предписывалось мельбурнской администрации немедленно внести этот

участок в кадастр с изъятием его из поземельного обложения на такой же срок.

— Прекрасно! Очень хорошо! — вскричал граф, выслушав ответ Лорана. — Расскажи теперь о тех лицах, которых вы с моим отцом завербовали. В каком роде эти господа?

— Главного из них вы уже видели.

— Я? Когда же?

— Господин Люс, бывший начальник сыскной полиции, нанятый вашим отцом, это не кто иной, как господин де Функаль, португальский генеральный консул в Мельбурне.

— Может ли это быть? — вскричал удивленный Оливье.

— Очень может. Этот титул — всего лишь маска. Ваш отец выхлопотал ее для господина Люса у португальского посланника; это не стоило большого труда, потому что у португальцев нет в Мельбурне представителя, а господин Люс не потребовал ни жалованья, ни денег на канцелярию. Два отличных агента, известных один под именем Коко, а другой — Люпена, назначены состоять при консуле в качестве управляющего делами и секретаря. Управляющему делами дано имя дон Кристобаль, а секретарю — Педро де Сильва. Вообще мы теперь сильны, так что держитесь, Невидимые! Ловкий человек этот господин Люс или де Функаль, честное слово. Как вы думаете? Ведь он уже успел побывать в России и все разведать. Он привез самые точные сведения о средствах и намерениях Невидимых. Между прочим, он говорит, что ваша смерть решена ими бесповоротно. Но только вы не беспокойтесь. С его помощью мы сумеем вас оградить. Отъезжая в Австралию, он велел мне сделать вид, будто мы друг друга не знаем и впервые знакомимся на пароходе. Он-то мне и сказал, что за мной все время следят двое, а сам я никогда бы, пожалуй, не догадался. Точно так же он и вас велел предупредить, чтобы вы не спешили вступать с ним в какие-либо отношения, а дожидались бы случая познакомиться гласно и открыто... Ах, если бы вы только видели, как хорошо они все трое играют свою роль!.. Да, я еще забыл сообщить вам его денежные условия. Он обязуется переловить Невидимых и предать их в руки русского правосудия, обязуется, кроме того, возобновить ваш союз с мадмуазель Надеждой, а вы должны отсчитать ему в день своей свадьбы с ней круглый миллион. До тех же пор вы должны платить ему пятьдесят тысяч франков жалованья и на расходы. Его товарищи должны получать от вас пятнадцать тысяч франков в год, а по окончании дела вы должны заплатить им единовременно сто тысяч франков. Сверх того барон де Функаль требует открытия для него кредита на консульские расходы, а в действительности — на чрезвычайные издержки по вашему делу. Мар-

кизу эти требования показались чрезмерными, но я, помня слова господина Дика, не велевшего скупиться на издержки, решился подписать контракт.

— И отлично сделали, Лоран; дайте пожать за это вашу руку! — горячо сказал Дик.

Оливье поблагодарил канадца нежной улыбкой.

Лоран продолжал:

— Остается досказать немного. По приезде сюда я получил от барона письмо, где он пишет, чтобы я избегал новых знакомств и был как можно осторожнее, помня, что и имеют стены иногда уши. Поэтому я и не хотел говорить с вами в гостинице. Переписываясь с вами он обещает посредством шифрованных писем, которые просит немедленно сжигать. Теперь я все сказал.

Горячие поздравления посыпались по адресу Лорана, когда он окончил свой доклад. Оливье сказал ему с глубоким чувством:

— Лоран, ты с нынешнего дня не слуга мне, а любимейший друг. От прежних отношений разреши мне только сохранить привычку говорить тебе ты... Ведь ты позволишь, друг, да?

— О, граф! — только и мог произнести растроганный Лоран, бросаясь к графу, который крепко сжал его в объятиях.

По лицу старика текли горячие слезы.

Канадец отошел в сторону, чтобы скрыть свое волнение. Виллиго как будто равнодушно глядел на зеленые морские волны, но даже и он был тронут.

— Что касается вас, Дик, — обратился затем Оливье к канадцу, — то я уж и не знаю, как вас благодарить. Я вам столь многим обязан, что останусь вечным вашим должником. Вы дали мне средства достигнуть моей заветной цели... Я никогда, никогда не забуду вашего благодеяния.

— Вы мне ничего не должны, граф, — возразил Дик. — Я только плачу долг моего отца. Кроме того, я вас так полюбил, что для меня уже большая награда ваша дружба, ваше расположение...

На основании доклада Лорана и советов барона де Функаля друзья решили пока сидеть сложа руки и положиться во всем на бывшего полицейского, который брался разоблачить и расстроить все махинации Невидимых.

Виллиго тоже был поставлен Диком в известность относительно положения дел. Он молчаливым кивком присоединился к решению друзей, но в душе решил удвоить свой собственный надзор за своим братом Тиданой и его юным другом. Он не понимал тонкостей европейской полицейской службы и не полагался на них, надеясь, как все дикари, больше на свою собственную зоркость.

Возвращаясь шагом в Мельбурн, друзья окончательно выработали общий план действий. Дик взялся набрать небольшую, но надежную партию рудокопов для разработки прииска, к которой предполагалось приступить немедленно после занесения в кадастр отведенного графу Лорагю участка. Виллиго со своей стороны обещал перевести лагерь своего племени на это время поближе к прииску, чтобы защищать его от набегов лесовиков и других туземцев.

Последнее обещание было нетрудно исполнить. Нагарнуки, как почти все охотничьи племена, вели кочевую жизнь, обусловленную постоянным перелетом и перемещением дичи с одного места на другое. Перенести нагарнуцкую деревню с места на место ничего не стоило; такие деревни состоят обычно из палаток, сложенных из шкур кенгуру, и напоминают скорее лагерь, чем деревню.

Возвратив хозяину экипаж, путешественники вернулись в гостиницу отдохнуть после длинного и трудного переезда из Сиднея в Мельбурн. Они условились после праздника нанять где-нибудь в городе особняк, чтобы без стеснения говорить о своих делах, чего нельзя было делать в гостинице из-за окружающих их шпионов.

Как только они разошлись по комнатам, Виллиго завернулся в свой пестрый плащ и тихо вышел из гостиницы, не позабыв захватить с собой кинжал, бумеранг и револьвер, подарок Оливье.

Зачем он это сделал? Или чутье дикаря подсказало ему что-нибудь недоброе? Это покажет будущее.

III

Человек в маске и Том Пауэлл — Торг — Пятьдесят тысяч долларов за один удар кулаком.

А УЛИЦАХ ГОРОДА ЗАЖЖЕНА БЫЛА ИЛЛЮМИНАЦИЯ, на всех домах развевались пестрые флаги. Толпы народа ходили по тротуарам, отчаянно жестикулируя и громко разговаривая.

Город заранее волновался в ожидании праздника. По-прежнему спорили «пауэлисты» с «тайлеристами». Американская колония устроила восторженные оваии Тайлеру, англичане чествовали банкетом Пауэлла. Американцы заранее трубили о победе своего соотечественника и пророчили его сопернику постыдное поражение, а англо-австралийцы предсказывали торжество Пауэлла.

Наконец американцы придумали следующую штуку: торжественно пронесли по улицам гроб, на котором искусно сделанными серебряными буквами было написано имя Пауэлла. Англичане не остались в долгу и пронесли по улицам виселицу с изображением Тайлера.

Одним словом, Мельбурн в эту ночь заснул самым тревожным сном.

Том Пауэлл занимал хорошенький коттедж на окраине города, предоставленный в его распоряжение поклонниками. Он вернулся к себе домой после овации, часу во втором ночи, и сейчас же уселся в ванну, чтобы размять члены и сделать их более гибкими для завтрашнего поединка. Только он успел расположиться, как его слуга-негр доложил о каком-то незнакомом господине, который желал видеть Пауэлла.

— Опять какой-нибудь болельщик! — проворчал силач. — Ну что ж, пусть входит сюда, если желает меня видеть. Для него я ни в каком случае не стану одеваться.

— Я и не желаю, чтобы вы ради меня беспокоились, — сказал неожиданно вошедший вслед за слугой незнакомец. — Мы можем поговорить и здесь!

— Чему я обязан вашим посещением? — не особенно любезно отнесся к гостю хозяин дома.

Незнакомец выразительно поглядел на негра.

— Оставь нас одних, Боб, — сказал Пауэлл негру и, когда тот ушел, обратился к незнакомцу. — Теперь, сэр, вы можете говорить.

Незнакомец сбросил плащ, в который был закутан по самый лоб, и обнаружил свое лицо. Оно было замаскировано.

Пауэлл даже приподнялся в ванне и несколько минут глядел на гостя с нескрываемым удивлением.

— Что значит этот фокус? — спросил он наконец. — Теперь ведь не святки, кажется.

Замаскированный гость стоял и любовался могучим сложением атлета.

— Я много слышал о вас, — заговорил он, не отвечая на вопрос. — Но то, что вижу, превосходит все мои ожидания... Что же касается моей маски, то на это у меня есть свои причины.

— Ну и Бог с вами, коли так, — отвечал боксер, растаяв от такой лести. — Мне ваших причин, пожалуй, и не нужно знать, мне все равно. Говорите же, зачем вы пожаловали?

— Я несколько затрудняюсь, как поступить... Мне, знаете, нужно предложить вам одну сделку... но только, знаете, так, чтобы наш разговор во всяком случае остался в секрете; примете вы ее или нет?

— Не понимаю.

— Я попрошу вас об одной услуге, но только вы не должны спрашивать, зачем она мне нужна, не должны требовать от меня никаких объяснений.

— Я не любопытен. Если эта услуга вообще исполнима, то мне и не нужно никаких объяснений. Какое мне дело до этого? Я вас и не знаю совсем!

— Ну-с, так вот что. В Мельбурне есть один человек, который стесняет меня и моих сотоварищей.

— Что же, убить мне его, что ли, прикажете? Так я этими делами не занимаюсь.

— Совсе нет. Вы сначала выслушайте до конца. Этот человек все равно скоро будет у нас в руках. Но у него есть друг, который оказывает ему могущественную поддержку...

— Понимаю. Значит, вы хотите избавиться от него?

— Именно. Но только вовсе не убийством... Фи! Это было бы гнусно.

— Так. Значит вы изобрели средство отделяваться от людей, не убивая их?

— Убивая, но вместе с тем предоставляя им защищаться тем же оружием.

— Вы говорите какими-то загадками.

— Мистер Пауэлл, в Англии вы много народу отправили к праотцам. Неужели все это были убийства?

— Нисколько! Сами судьи признавали, что я действовал честно.

— Что было честно в Лондоне, то разве не будет честно и в Мельбурне?

— Как! Неужели и для вас интересно, чтобы я уничтожил Джеймса Тайлера?

— Не о нем вовсе речь.

— Так неужели о Сэме или об ирландце-дураке?

— И не о них.

— Очень приятно, потому что мне с ними и драться не хочется... Ведь я их уложу одним кулаком. Стоит ли вам за них платить?

— Успокойтесь, я подразумеваю более достойного вас противника. У вас будет еще один противник, француз, которого вы еще не знаете. Только согласитесь, мы за ценой не постоим.

— Но послушайте: а как же быть с совестью?

— О, о! — подумал незнакомец. — Кажется, это будет стоить дороже, чем я рассчитывал!

И он произнес вслух:

— Что же совесть? Он француз; принимая его, вызов, вы являетесь как бы защитником чести Англии против Франции. Вас подогреет патриотизм. Разве не естественно при таких обстоятельствах нанести удар сильнее, чем следует?

— Кто же он такой?

— Канадец, зовут его Дик Лефошер.

— Так как же вы сказали, что он француз? Он английский подданный: Канада ведь принадлежит нам!

— Он только родом канадец, а по происхождению француз и французский подданный!

— Чем он занимается?

— О! Он простой лесовик.

— Но другой-то, его друг?

— Этого я вам не скажу.

— Не скажете? Тем хуже для вас. Я сдеру с вас за него, как за принца, потому что почему я знаю: может быть благодаря мне вы получите огромную выгоду.

И атлет захохотал грубым, циничным смехом.

— Сколько же? — спросил незнакомец.

— Пятьдесят тысяч долларов, и это крайняя цена!

— Хорошо. Вы немедленно после боя получите от верного человека чек на двести пятьдесят тысяч франков.

— Нет, так не пойдет.

— Почему?

— Что я, ребенок, что ли? А вдруг вы от всего отопретесь и не заплатите мне? Нет уж, извольте выдать мне чек теперь же, вперед.

— Скакой это стати мы вам будем верить? Кто нам поручится, что вы нас тоже не обманете?

— Позвольте. Я — Том Пауэлл. Меня все знают не только здесь, но и везде, где угодно, и всякий за меня поручится. Я своим словом всегда дорожил и дорожу. А сами-то вы кто? Ведь вы даже маски не хотите снять. Снимите маску, скажите мне свое имя, тогда будет другой разговор.

— Это невозможно.

— В таком случае прощайте!

— Я не то хотел сказать. Маски я не сниму, но заплатить вперед согласен. Вот вам чек!

И незнакомец, достав из бумажника чековую книжку и дорожное перо в чернилами, написал чек с уплатой через день по предъявлении.

Пауэлл внимательно оглядел чек и вернул его обратно.

— Нет, — сказал он, — мне такого не нужно. Я очень хорошо понимаю, что с оговоркой «через день» вы всегда можете остано-

вить уплату. Это все равно что не чек. Напишите мне обыкновенный чек или убирайтесь.

Незнакомец нетерпеливо передернул плечами, но ни слова не сказал и послушно написал другой чек, просто с уплатой по предъявлению.

— Вот, — сказал он, подавая чек Пауэллу, — получите. Вам теперь уплатили, но если вы вздумаете нас обмануть, то берегитесь: наша месть неумолима... До свидания, сэр Пауэлл. Вашу руку!

— Можно и без этих нежностей обойтись! — отвечал грубым тоном атлет.

— Нахал! — сказал про себя незнакомец.

— Дрянь этакая! — довольно громко буркнул атлет.

Они расстались. Том Пауэлл вышел из ванны, прошел к себе в спальню, запер чек в несгораемую шкатулку и со спокойной совестью улегся в постель.

IV

Нахальный вызов. — Французское собрание.

А ДРУГОЙ ДЕНЬ УТРОМ, ПОД ГРОМКИЕ пушечные залпы с кораблей, которым отвечали батареи из гавани, жители Мельбурна читали на расклеенных повсюду афишах дерзкий, оскорбительный вызов французам и Франции, которые приглашались выставить бойца, чтобы помериться силой с Томом Пауэллом.

Это взволновало всю французскую колонию. Лоран, совершая утреннюю прогулку по улицам, прочитал объявление и, не помня себя от гнева, хотел тотчас же пойти и записаться в число бойцов, но удержался, сообразив, что надо сначала посоветоваться с графом д'Антрэгом. Поэтому он вернулся в гостиницу, где ему сказали, что к ним уже приходил посланный с приглашением прийти в ресторан Колле, куда собрались все проживающие в Мельбурне французы. У порога дома он застал уже вышедших Оливье и Дика, готовых идти на праздник. С лихорадочной поспешностью Лоран сообщил им свое намерение.

— Ты! — вскричал Оливье. — Ты хочешь бороться с Томом Пауэллом! Я ни за что этого не допущу.

— Почему? — пролепетал огорченный Лоран.

— Потому что он убьет тебя первым же ударом кулака. Если мне не веришь, спроси Дика. Он тебе то же самое скажет.

— Граф совершенно прав, — заметил Дик. — Я вам сейчас объясню. Вы умеете фехтовать?

— Даже очень хорошо.
— Что бы вы сказали о человеке, который вышел бы на дуэль, не умея держать в руках шпагу?

— Я бы сказал, что он сумасшедший!

— Точно так же и в боксе. Вам нечего и думать о том, чтобы состязаться с Томом Пауэллом.

— Так неужели дерзкий вызов останется без ответа? — с огорчением спросил Лоран.

— Нет, мы сейчас идем на сходку в ресторан Колле, где и будет обсуждаться этот вопрос.

В назначенный час наши друзья явились на сходку. В ресторане уже собралось человек до пятисот французов. Виллиго не был с друзьями, потому что он ушел куда-то и еще не возвращался.

На собрании канадец был на голову выше всех; его рост и сложение сейчас же обратили на себя всеобщее внимание и вызвали рокот восторга. В головах всех присутствующих невольно мелькнула мысль, что ему следует быть представителем Франции.

Председателем сходки был выбран банкир Морис Голлар, который открыл совещание предложением немедленно решить вопрос: принимать или не принимать вызов? Присутствующие единогласно ответили на него утвердительно. Тогда Голлар обратился к собранию с предостережением:

— Господа, Том Пауэлл противник серьезный. При выборе бойца, отстаивающего честь Франции, следует быть крайне осмотрительными и не спешить, а хорошенько взвесить физические качества кандидата.

Эта краткая речь была встречена рукоплесканиями. Она предостерегала тех людей, которые заявили бы себя кандидатами только из жадности к деньгам, так как была уже открыта подписка в пользу того, кто выступит соперником английского силача, независимо от того, победит он или нет.

Однако последний был так страшен, что вызвалось только пять человек, желающих с ним помериться силами. Будь эта дуэль на холодном или огнестрельном оружии, их наверняка вызвалось бы больше сотни, но бокс — искусство сугубо английское, в котором французы далеко не мастера.

Когда желающие начали понемногу выходить из толпы, глаза всех устремились на канадца. Собрание, видимо, желало узнать, какое решение он примет. Дик обменялся несколькими словами с графом Лорагю. Все с тревогой ожидали результата. Но вот канадец тихо и скромно, без малейшего хвастовства, направился к эстраде. Громкое «ура» и оглушительные аплодис-

менты пронесли по обширному залу ресторана; прошло несколько минут, прежде чем президенту удалось успокоить собрание.

При виде таких дружных оваций остальные кандидаты проворно спрыгнули с эстрады и, желая показать, что они охотно уступают место Дику, тоже принялись кричать «ура» и аплодировать. То был для Дика настоящий триумф. Когда наконец водворилась тишина, президент взволнованным голосом объявил Дика Лефюшера бойцом, выступающим от имени Франции.

Дик поблагодарил соотечественников за единогласный выбор и тут же объявил, что всю подписную сумму он жертвует в пользу французской больницы, которую собиралось построить местное благотворительное общество. Такое бескорыстие окончательно растрогало присутствующих, и они немедленно открыли подписку для поднесения своему защитнику золотого кубка на память об этом дне.

V

Борьба. — Таинственное предостережение. — Функаль и сыщик Люс. — Слишком поздно! — Победа чемпиона Франции. — Вечер в клубе. — Еще одно предостережение. — Могилы Оливье.

ЕЖДУ ТЕМ ПРАЗДНИК ШЕЛ СВОИМ ЧЕРЕДОМ. Смотр уже кончился, мельбурнские власти завтракали на борту броненосца «Виктория», где среди прочих находились генерал-губернатор, адмирал и все офицеры. За десертом пришло известие, что какой-то француз принял вызов Тома Пауэлла. Головы пирующих были уже разгорячены вином, и известие было принято с шутками в британском, несколько грубоватом вкусе.

После завтрака все отправились на берег, где назначено было состязание. Подле арены, огражденной железными цепями, были устроены трибуны для почетных зрителей. Толпа теснилась кругом. Перед трибунами стояли боксеры со своими секундантами; обязанность последних состояла в том, чтобы следить за правильностью ударов и вообще разрешать все могущие возникнуть вопросы о порядке боя.

Судья поединка не имел права объявлять кого-либо победителем; он должен был ограничиться только констатацией фактов, причем было условлено, что бой должен считаться законченным, если кто-нибудь из противников запросит пощады или пролежит на земле более пяти минут.

Секундантами Дика были Лоран и Оливье. Сначала граф нисколько не беспокоился за Дика и был полон радостных надежд на его торжество. Но при выходе из гостиницы какой-то нищий сунул ему в руку записку и сейчас же скрылся в толпе. В записке значилось:

Сегодня ночью лазутчик Невидимых заплатил Тому Пауэллу 250000 франков за убийство Дика Лефوشера

Оливье немедленно сообщил другу содержание записки, говоря:

— Видите, они переменили фронт борьбы и принялись за вас, чтобы легче было справиться со мной.

— Мистер Пауэлл продал шкуру еще не убитого медведя, — просто заметил Дик. — Невидимые очень хорошо попались со своими деньгами.

— Это, должно быть, господин де Функаль сообщает, — продолжал Оливье. — Только теперь, пожалуй, уже поздно.

— Напротив, теперь самая пора, — возразил Дик. — Я приму свои меры...

В глазах канадца блеснул недобрый огонек, но сейчас же потух, и он продолжал совершенно спокойно:

— Ваш отец сделал превосходную находку. Господин де Функаль неоценим.

Но уверенность Дика не сообщилась графу. У него защемило сердце, когда затрубили к началу боя и приступили к обычным предварительным формальностям.

Прежде всего судья поединка представил всех четырех бойцов генерал-губернатору и лорд-мэру. Глядя на могучие формы Тома Пауэлла, англичане пришли в восторг и потребовали, чтобы музыка проиграла «Правь, Британия» в честь героя дня.

На противоположной стороне царила глубокая тишина. Когда замолк последний звук оркестра, канадец, в свою очередь, выступил вперед, чтобы представиться властям. До сих пор он держался скромно, в стороне, и на него не обращали внимания, но когда он выдвинулся вперед, шум среди англичан утих, и они поняли, что бой готовится не шуточный.

Впечатление усиливалось еще вследствие глубокой тишины в лагере французов и американцев, которая составляла резкий контраст с шумным восторгом англичан. Даже Том Пауэлл притих и сменил свою хвастливо-вызывающую позу. Быть может, первый раз в жизни он почувствовал страх перед грозным противником.

Затем приступили к метанию жребия, который должен был определить, в каком порядке бойцам выходить на состязание. Том Пауэлл тревожно следил за этой формальностью. Он чувствовал, что если выходить первым достанется Джону Тайлеру, то после борьбы с этим сильным противником ему, Пауэллу, будет мат, потому что с канадцем он уже не сладит вследствие сильного утомления. Английский силач стал даже раскаиваться в своем хвастовстве, побудившим его вызвать на бой представителей всех национальностей одновременно.

Но судьба смилостивилась: первый номер достался негру Сэму, второй Дику Лефошеру, третий американцу, а четвертый ирландцу.

Однако он все-таки подвергнулся опасности. Даже если бы он и победил француза, то вышел бы из боя в таком плачевном виде, что торжество американца было бы несомненно.

Эта мысль пришла в голову всем англичанам. Том Пауэлл пал духом. Послали тайную депутацию лорд-мэру, который пригласил к себе судью и поговорил с ним. Судья обещал после боя с Диком прекратить поединок и отложить его до другого дня. Это он мог сделать собственной властью по правилам боя.

Обещание судьи сообщили Тому Пауэллу, и он снова ободрился. Толпа не заметила этих переговоров и преспокойно ждала.

Наконец раздался давно ожидаемый сигнал. Троекратно протрубили трубы. Секунданты подвели бойцов друг к другу и отошли в сторону.

Том Пауэлл сказал, презрительно указывая на Сэма:

— Этот пойдет на закуску!

Сэм смело встал против своего противника, поднял, как положено, кулаки вровень с лицом, но — увь! — не прошло и пяти минут, как он уже лежал, поверженный на землю ударом кулака в самую середину лба. Его унесли с арены чуть живого.

При виде бесчувственного тела негра Сэма Оливье побледнел, как смерть, и едва устоял на ногах.

После пятиминутного перерыва снова проиграли трубы. Пришла очередь канадца. Приближалась настоящая битва.

На набережной, на улицах теснились массы народа, крыши домов и даже мачты кораблей были усеяны любопытными. Ветви деревьев положительно гнулись под тяжестью взобравшихся на них людей: всякому хотелось взглянуть на несомненное торжество Тома Пауэлла.

Волнение Оливье не имело границ.

— Не бойтесь, граф, — тихо уговаривал его Дик. — Успокойтесь, пожалуйста, подумайте: весь Мельбурн смотрит на нас.

— Если бы дело шло о моей жизни, — возразил граф Лораго, — я бы не волновался так. Но ведь тут замешаны вы и вдобавок еще этот скот взял деньги, чтобы вас убить. Ах, Дик, Дик, это ведь все из-за меня.

— Ну, довольно, довольно. Ведите меня. Возьмите меня за руку. Скажите, разве вы находите, что она дрожит?

— Нет, Дик, она не дрожит. Но ведь вы, как известно, человек замечательный.

— Вы увидите, что я сделаю из этого человека. Однако я его не убью, а только сделаю безвредным навсегда. Он уж у меня больше не будет убивать людей.

В третий раз проиграли трубы. Противники выступили вперед, сопровождаемые своими секундантами.

— Начинайте! — сказал судья, когда бойцы сошлись.

Том Пауэлл сейчас же встал в оборонительную позицию, словно опасаясь внезапного нападения. Сразу же стало ясно, что на арене сошлись не обыкновенные противники, а смертельные враги, и что бой между ними будет отчаянный.

Канадец сделал то же самое. Эти движения были выполнены с таким знанием дела, что знатоки из публики пришли в восторг.

— Милорд Сеймор, — сказал адмирал Сидней на ухо генерал-губернатору, — у нас, кажется, будет самый великолепный сеанс бокса, какой только можно себе представить.

Губернатор с улыбкой кивнул головой.

Том и Дик, крепко став на ноги и вытянув шеи, в течение нескольких секунд измеряли друг друга взглядами. Ни тот, ни другой не решались начинать. Англичанин опасался применять против своего противника обычный, избитый маневр, так удавшийся ему с несчастным Сэмом, а канадец хотел сначала узнать намерения врага и тогда уже действовать. У него была своя строго выработанная тактика, которой он намерен был придерживаться.

Во всех боях, в каких ему приходилось участвовать, он обнаруживал одно всеми признанное качество: замечательную точность ответного удара. Поэтому он и теперь решил наносить только ответные удары и не нападать самому, покуда противник не утомится и не выбьется из сил. При его флегматичном, спокойном темпераменте эта тактика обещала особенный успех в борьбе с желчным, раздражительным Пауэллом.

Время, пока противники наблюдали друг за другом, показалось зрителям целой вечностью. Наконец англичанин решился начать нападение, не выходя, впрочем, полностью из оборонительной позиции. Он сделал три или четыре финта, но всякий раз встречал кулаки Дика, поднятые ровень с лицом. Тогда он на-

правил на канадца удар, который, если бы достиг цели, пришелся бы последнему прямо в нижнюю челюсть. Но кулак англичанина встретил громадную руку, которая отразила удар, не сделав, впрочем, ответного выпада. Все это было проделано обоими бойцами с замечательной точностью, точно в фехтовальном зале.

Раздалось громкое «браво». Публика приветствовала этот первый мастерский удар. За первым последовало еще два или три. Они тоже не привели ни к какому осязательному результату, но до крайности раздражили Пауэлла, который сердито пробормотал сквозь зубы, хотя это запрещалось правилами бокса:

— Да бейте же, сэр!

— А вам, видно, очень хочется заработать пятьдесят тысяч долларов? — в тон ему возразил канадец, намекая на сделку с Невидимыми.

Вся кровь бросилась в лицо англичанину, в глазах у него помутилось, и он едва не упал, но самолюбие взяло верх, и он скоро оправился. Как ни мимолетно было его смущение, все-таки Дик мог бы им воспользоваться и одним ударом кончить борьбу. Но канадец был настолько честен, что ему даже в голову не пришла подобная мысль.

Опомнившись от изумления, англичанин пришел в ярость. Теперь он только и думал о том, чтобы поскорее отомстить. Он напал на противника с бешенством, которое несколько не уменьшило его ловкости. Все заметили, что он готовит решительный удар. Кулаки его вертелись около лица Дика с изумительной быстротой. Англичанин делал всевозможные обманные удары, чтобы сбить с толку противника. Это продолжалось минуты три. Зрители затаили дыхание. Каждый понимал, что решительный удар, от которого обычно зависит исход боя, недолго заставит себя ждать. Вот англичанин откинулся назад всем корпусом и вытянул вперед свою стальную руку. Женщины вскрикнули и закрыли себе лица руками. Но удар не попал в цель. Лево́й рукой гигант-канадец в одно мгновение отразил ужасный удар, а правая его рука с быстротой молнии опустилась тяжелым молотом на нижнюю часть лица Пауэлла. Секунданты обеих сторон услышали хруст костей; на землю хлынули ручьи крови, и непобедимый Том Пауэлл, борец за старую Англию, растянулся во весь свой громадный рост на арене.

В английском лагере послышался глухой ропот, а с французской стороны понеслись аплодисменты и восторженные крики: «Ура, Франция! Ура, Дик Лефощер!»

Но Том Пауэлл не признавал себя побежденным. Он быстро вскочил с земли и встал в позицию. Его секунданты подбежали

к нему и потребовали пятиминутного перерыва для временной перевязки. Это соответствовало правилам, но продление перерыва зависело от Дика, который готов был согласиться на все, чего бы от него ни потребовали.

Подошел доктор и нашел у Пауэлла раздробление обеих челюстей. Говорить англичанин уже не мог. Секунданты стали его убеждать, чтобы он признал себя побежденным, но Пауэлл решительно отказался. Толпа роптала. Том Пауэлл и сам понимал, что если он откажется от продолжения боя, то покроет себя позором и никогда не получит прощения от своих соотечественников, тем более, что те слишком далеко зашли в своем хвастовстве.

Скоро Дику пришлось убедиться, что его раненый противник не сделался менее опасным после первого поражения. Плая мезью, англичанин нападал с бешенством отчаяния. Была минута, когда Дик нечаянно поскользнулся, отражая удар, и Том Пауэлл воспользовался этой оплошностью, чтобы нанести ему сильный удар в висок, но так как этот удар был все-таки сильно ослаблен ответным ударом Дика, то не причинил канадцу большого вреда. Зато Дик понял, что с англичанином церемониться нечего и что жалеть его не стоит. Он припомнил всех несчастных, убитых Пауэллом, припомнил его гнусный торг с замаскированным человеком и решил покончить с негодеем. Выждав время, он после одного ловкого отражения нанес Тому Пауэллу в голову удар обоими кулаками разом. Англичанин захрипел и покатился по арене. Его подняли.

Том Пауэлл лишился зрения на весь остаток своей жизни. Его секунданты признали себя побежденными от его имени, и судья поединка волей-неволей был вынужден провозгласить Дика Леофшера, выступающего за Францию, победителем Тома Пауэлла, выступающего за Англию.

Невозможно описать восторга французов. Они схватили отбивавшегося Дика и торжественно понесли его в ресторан Колле, где немедленно был устроен в честь победителя великолепный банкет. Англичане притихли и даже от досады не зажгли приготовленной иллюминации. Только один ресторан Колле светился огнями.

На банкете в числе других приглашенных были почти все консулы и было замечено, что итальянский генеральный консул особенно горячо приветствовал и поздравлял Дика. Он произнес такой прочувствованный спич, забыв даже обязательную дипломатическую сдержанность, что все присутствующие пришли в сильное возбуждение. Среди громкого хлопанья пробок десятки,

сотни рук потянулись к Дику с бокалами. Все пили и кричали: «Да здравствует Франция! Да здравствует Дик Лефошер!»

И вдруг среди этого шума Оливье услышал, как кто-то шепчет ему на ухо:

— Итальянский консул находится в сообществе с Невидимыми.

Молодой человек вздрогнул и подумал о бароне де Функале. Поискав дипломата-сыщика глазами, Оливье увидел его на противоположном конце зала, где тот стоял и разговаривал с американским консулом. Оливье сообразил, что шепнуть ему этих слов он не мог.

Молодой человек хотел было подойти к Дику и сообщить ему это известие, но до канадца невозможно было добраться: его окружала тесная толпа. Он ограничился тем, что подошел к Лорану и поговорил с ним. Решили, что Лоран сейчас же обратится за разъяснениями к барону де Функалю. Когда Лоран направился к барону через весь зал, тот увидел его и сразу догадался сделать так, чтобы приход Лорана никому не бросился в глаза. Он воскликнул с самым радушным видом:

— А! Мой спутник по «Вечерней Звезде» (так назывался пароход, на котором они приехали в Мельбурн). Как я рад вас видеть! Неужели вам не стыдно не навестить меня ни разу по приезде? А еще обещались!

Лоран в смущении пробормотал несколько слов. Искусство, с которым барон разыграл свою роль, удивило его до крайности. Барон продолжал:

— Да уж не оправдывайтесь! Нехорошо. — Потом он вдруг понизил голос и сказал торопливо. — Невидимые что-то затевают. Постараюсь к завтрашнему утру разузнать все подробно.

Около разговаривающих терлись две какие-то личности. Барон прибавил довольно громко, чтобы они слышали:

— Я слышал, что вы в очень хороших отношениях с победителем Пауэлла. Познакомьте меня с ним, пожалуйста. И знаете что? Приезжайте-ка завтра ко мне обедать с ним вместе. Это будет очень хорошо, право!

Лоран поклонился, и оба они направились к Дику, который в это время разговаривал с Оливье.

Познакомив консула с Диком, Лоран представил его и графу Лорагю.

Барон поклонился с аристократической непринужденностью и сказал:

— Ваше имя мне знакомо. Я знавал в Париже маркиза Лорагю. Очень приятно познакомиться. Граф, ваши друзья приняли

мое приглашение пожаловать завтра ко мне на обед в консульство. Буду очень счастлив, если и вы тоже окажете мне честь...

— Благодарю, барон... С величайшим удовольствием.

Граф Лораго держал себя с бароном вежливо и любезно, но в его обращении незаметно проглядывало, что если он и играет роль, то все-таки ни в коем случае не допустит фамильярности.

— Итак, я могу на вас рассчитывать?

— Я приеду с обоими друзьями.

Барон де Функаль откланялся и, отговорившись делами, уехал с банкета. Проходя мимо графа, он слегка задел его плечом, и в ту же минуту Оливье почувствовал, что ему в карман что-то положили. Вскоре и наши друзья вернулись в «Восточную гостиницу».

При выходе из ресторана они увидели у подъезда Блэка, который прибежал сюда дожидаться хозяина.

— Какими судьбами ты здесь, Блэк? — вскричал Оливье. — Ведь я же запер тебя в комнате, когда уходил.

Умное животное махало хвостом с лукавым видом.

— Все ясно, — заметил Дик, — кто-нибудь из прислуги вошел в номер, и Блэк этим воспользовался.

По приходе в гостиницу друзья узнали, что Виллиго еще не возвращался.

— Поверьте, он знает, что делает, — заметил графу Дик. — Когда он вернется, он нам расскажет все, и мы, наверное, узнаем что-нибудь важное и интересное.

Хотя было уже поздно, друзья собрались вместе, чтобы поболтать. Но разговор не клеился. Все трое чувствовали непобедимую сонливость, глаза слипались, язык плохо слушался. Усевшись в креслах, они едва не заснули на месте и с трудом поднялись, чтобы проститься и разойтись по своим спальням, которые были смежными между собой.

Оставшись один, Оливье торопливо достал из кармана вещь, положенную туда бароном де Функалем. Развернув пакетик, он увидел превосходный миниатюрный портрет своей невесты, под которым золотыми буквами было написано по-итальянски: «Speranza» — «Надежда». Молодой человек впился в него глазами, полными слез. Понемногу глаза у него застлались каким-то туманом, мысли в голове спутались, и он крепко заснул, свесив голову набок.

После этого он увидел престранный сон. Ему почудилось, что дверь его комнаты беззвучно отворилась, и к нему подошли четыре замаскированных человека. Он хотел крикнуть, но не мог; язык не слушался его. Четыре человека взяли его на руки и понесли по каким-то длинным коридорам, затем пронесли через

какой-то сад с железной решеткой, отворили калитку, выходившую в поле, и положили его в карету, которая, очевидно, была приготовлена заранее.

Лошади помчались, и через два часа езды карета подъехала к другой железной ограде. Ворота растворились, пропустили экипаж и снова закрылись. Карета остановилась. Замаскированные люди снова взяли Оливье на руки и внесли под какой-то темный свод, в конце которого находилась лестница, ведущая глубоко под землю. По этой лестнице они понесли Оливье. Молодой человек насчитал двадцать четыре ступени. Спустившись с лестницы, замаскированные люди пошли по длинному коридору, который привел их к темному погребу, освещенному закоптелой лампой. В погребе стояла скамейка, на которой сидел пятый замаскированный человек; подле скамейки чернела вырытая яма... О, ужас! То, что граф д'Антрэг принял с первого взгляда за скамейку, оказалось гробом.

Человек, сидевший на гробе, встал и сказал:

— Граф д'Антрэг, в третий раз ты попался к нам в руки. Теперь уже никакая земная власть тебя не спасет. Тебе здесь положен запас пищи на две недели и настолько же запас освещения; дверь, через которую ты вошел, будет заделана. Это последнее снисхождение, которое мы, Невидимые, оказываем тебе. Ты знаешь, чего мы от тебя требуем. Я оставляю тебе бумагу и перо с чернилами. Напиши формальное отречение от невесты. Как только ты сделаешь это, ночью ли, днем ли, в ту же минуту ты будешь выпущен. Если же ты будешь упорствовать, то вот для тебя приготовлены здесь могила и гроб.

Человек в маске замолчал.

Онемев от ужаса, Оливье оглядывал место своего заключения, очень похожее на склеп.

По приказанию человека в маске все удалились; явились рабочие и заделали дверь.

Оливье остался замурованным в склепе... Он вскрикнул, упал в гроб и в ту же минуту проснулся.

Он упал с кресла, на котором спал. На лбу у него выступил холодный пот.

— Какой ужасный кошмар! — сказал он про себя. — Это мне напоминает историю в Петербурге... только то была действительность, а это, к счастью, сон.

Желая освежиться, граф отворил окно и выглянул во двор. Каково же было его удивление, когда он увидел точно такой же сад, какой ему приснился во сне. Это ему показалось странным. Он вздрогнул. Вместе с тем он чувствовал по-прежнему сонливую

истому во всем теле, стеснение в груди и шум в ушах. За стеной ему послышался гул чьих-то незнакомых голосов.

Он как будто находился под влиянием какого-то наркотического средства. Эта мысль мелькнула у него в голове и отогнала сон; он сообразил, что если чья-либо преступная рука подлила ему на банкете в вино какого-либо снадобья, то, значит, в чьи-либо расчеты входило лишить его сил и воли, чтобы овладеть его личностью.

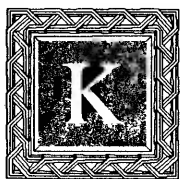
Он отошел от окна и направился к двери, которая вела в соседнюю комнату, где спал Дик. Он хотел постучать и разбудить Дика, но, проходя мимо кресла, не мог удержаться от искушения присесть. Присев, он снова погрузился в оцепенение и прошептал, засыпая:

— Я погиб!..

На другой день канадец встал после тяжелого сна и, пошатываясь точно с похмелья, отворил дверь в комнату д'Антрэга, чтобы пожелать ему доброго утра. Заглянув в комнату, он вскрикнул и лишился чувств. Он, крепкий, здоровый авантюрист, кулачный боец, победивший первого боксера в Англии, он лишился чувств, как нервная дама: постель графа д'Антрэга была не измята, а самого его не было в комнате.

VI

Чертов кабачок. — Мистер Боб. — План Виллиго.

АК И ВСЕ НОВЫЕ ГОРОДА, МЕЛЬБУРН развивался прежде всего в утилитарном направлении. Сначала возникли набережные, доки, верфи, товарные склады, амбары, магазины, пробырные палатки, трактиры, кофейни, кабаки, и из всего этого образовался так называемый нижний город. Здесь сосредоточиваются

вся торговля и промышленность Мельбуерна, здесь кишит и толчется целый день рабочий, промышленный и торговый люд. Другой район города, так называемый верхний город, раскинулся на другом берегу реки Ярры красивой широкой равнине, расположенной по обе стороны залива Порт-Филипп. Здесь последовательно выросли губернаторский дом, дом англиканского епископа, биржа, монументальное здание парламента, музеи, университет, гимназии и роскошные особняки разбогатевших тузов, по большей части бывших ссыльных. В этих домах в изобилии сверкают мрамор и розовый муррейский* гранит. Тут же нахо-

* Муррей — самая большая река в Австралии.

дятся все лучшие гостиницы города, театры и красивые тенистые скверы.

Эти районы заметно отличаются друг от друга. Нижний город с раннего утра напоминает собой улей: суетится озабоченный деловой люд, разгружаются и нагружаются корабли, приезжают и отъезжают пассажиры, в гавани снуют лодки, по улицам гремят нагруженные товарами телеги. Но когда пройдут деловые часы, Нижний город быстро пустеет, магазины закрываются, доки затягиваются тройными железными цепями. Верхний же город, наоборот, в это время оживляется. По его фешенебельным улицам проносятся коляски, ландо и кареты, а в скверах появляются расфранченные кавалеры и дамы, совершающие предобеденную прогулку. Вечером яркий свет зажигается во всех окнах, театральные и клубные фонари ярко горят, по улицам гремят экипажи, развозящие публику на балы, спектакли и концерты.

В Нижнем городе, напротив, водворяется царство мрака; бывают освещены только грязные притоны, где собирается всякий темный люд: жулики, лесовики, беглые каторжники. В этот час оказаться в Нижнем городе опасно; ни один полисмен не решится заглянуть туда, и беда неопытному заезжему человеку, который по незнанию заберется туда. Он будет, наверное, ограблен и убит, а на утро его труп всплывет в гавани. Результатом же явится равнодушно проведенное предварительное следствие и обычное заключение coronera*: «от неизвестной причины...»

В описываемый нами день Верхний город был особенно ярко освещен и составлял поэтому резкий контраст с нижним Мельбурном.

В этой части города самым подозрительным из всех притонов считался в то время трактир, известный под именем «Чертова кабачка», владельцем которого был один отставной пират. Уже один вид бандита-трактирщика мог отвадить от этого заведения всякого порядочного человека. Лицом и фигурой мистер Боб напоминал гориллу, только рыжую и вдобавок с отвратительным рубцом, который тянулся от левого виска до левой нижней челюсти. На этом лице отражались всевозможные грехи и пороки. Трудно было представить себе что-нибудь безобразнее и противнее.

* Чиновник в Англии и ее колониях, производящий дознание по поводу найденных мертвых тел. — *Примеч. перев.*

Ко всему этому присоединялись еще грубый до скотства нрав и ни перед чем не останавливающаяся жестокость. Все беглые каторжники и лесовики, все самые отпетые негодяи боялись мистера Боба, как огня, и все-таки усердно посещали его таверну. Для них у него в доме было особое помещение, куда они прятались днем; это помещение состояло из обширного подвала, тогда как собственно таверна помещалась в нижнем этаже. Днем в «Чертов кабачок» заходили и честные рабочие, солдаты, матросы и мелкие ремесленники, но ночью там можно было встретить лишь подонки общества. Тогда-то и начиналось царство мистера Боба, потому что только его одного боялся этот отпетый, ни в Бога, ни в черта не верующий люд.

Мистер Боб ненавидел Дика Лефошера. Честный канадец нередко брал на себя труд конвоировать обозы золотопромышленников и гурты скваттеров; а когда он конвоировал, то никто не смел нападать на них, зная силу Дика. За это глава разбойников, содержатель «Чертова кабачка», и испытывал непримиримую ненависть к нему. Лично они, однако, друг друга не знали.

По случаю праздника в Мельбурне собралась масса лесовиков, и все они, разумеется, сошлись в «Чертове кабачке» потолковать со своим атаманом о разных делах. Много было званных, но мало избранных: лишь немногие выдающиеся главари были приглашены мистером Бобом в таинственный подвал, где открылось самое секретное совещание.

В этом подвале, как мы уже говорили, прятались днем те из посетителей «Чертова кабачка», которым совершенно немислимо было показаться днем в благопристойном городе; тут же хранилась и разнообразная добыча грабежей и краж, а равно производился дележ награбленного, причем мистер Боб всегда ухитрялся отхватить себе львиную долю.

И это происходило с ведома и на глазах у всех. Но кто мог помешать этому в стране, где лучшие люди, то есть сама аристократия, состоит из бывших преступников, отбывших срок наказания и не замеченных ни в чем дурном за время пребывания в Австралии?! Кроме того, никакой надзор был положительно невозможен в стране, равной по протяженности пяти шестым Европы при населении всего-навсего в триста или четыреста тысяч душ.

Впрочем, по-видимому человечеству свойственно, чтобы везде, где есть честные труженики, добывающие в поте лица богатства земли, неизбежно нарождались и преступные элементы, эксплуатирующие труд других людей.

И вместо того, чтобы изменить этот порядок вещей, открытие золотых приисков, привлечшее еще большее число авантюристов

в Австралию, только еще более увеличило численность злонамеренных шаек и товариществ. Дело дошло до того, что во время управления лорда Окленда, честные и порядочные люди были вынуждены были организовать помимо помощи официальной, бессильной и продажной, особый комитет охраны общественной безопасности.

Одним из первых действий этого комитета было повесить, без дальнейших судебных проволочек, хозяина «Чертова кабачка», мистера Боба, того самого, о котором идет речь в этой книге и подвиги которого до настоящего времени остаются легендарными в Австралии. Он действительно был душой всех преступных замыслов и главой разбойничьего общества, которое окончательно прекратило свое существование лишь в последнее время.

Читатель, вероятно, помнит, как Виллиго ночью, в самый день приезда в Мельбурн, исчез из гостиницы, вооружившись с головы до ног. Ниже мы объясним причины, заставившие его так поступить, а теперь скажем только, что он вернулся назад вечером в день праздника, но, не найдя своих друзей в гостинице, ушел опять. Однако он не проник в город, а обошел надворные постройки при гостинице, прошел в сад, спускавшийся к реке Ярра, и тихо направился по берегу к гавани, с подозрением осматриваясь во все стороны.

Выходя из гостиницы, он плотно завернулся в плащ, а чтобы скрыть свои густые волосы и украшения из перьев на голове, надел на голову широкополую шляпу-сомбреро.

Ночь стояла темная, не видно было ни зги. Дикарь прислушался. Вдали раздались шаги. Виллиго впился в темноту своими рысьими глазами и увидел две тени, двигавшиеся ему навстречу по узкой дороге. Неизвестные люди шли, тихо разговаривая. Вскоре они столкнулись с Виллиго.

— Кто тут? — спросил один из них.

Виллиго спокойно шел дальше, как будто не слышал их вопроса.

— Прочь с дороги, а не то пеняй на себя! — крикнул другой неизвестный.

Виллиго, не отвечая, протянул руки, схватил обоих незнакомцев за платье и, сильно встряхнув их, швырнул на дорогу. Сделай он то же самое движение в другую сторону, они полетели бы прямо в реку. Они это поняли и притихли.

— Черт возьми! — выругался один из них. — У этого негодяя здоровые кулаки.

— Вероятно, кто-нибудь из наших, — ответил другой, вставая на ноги. — Оставим его в покое.

— Оставить его в покое? О, лишь бы он-то нас оставил в покое...
А мы хорошую получили встряску, нечего сказать...

Виллиго между тем спокойно продолжал идти к гавани, как ни в чем не бывало.

— Все-таки мне бы очень хотелось знать, кто это такой, — продолжал второй собеседник, собираясь догонять ушедшего.

— Ты, кажется, забыл, что Боб нам велел как можно скорее исполнить поручение и ни на что не отвлекаться?

— Правда. Ничего, я отыщу его после.

Два незнакомца пошли своей дорогой.

Не доходя немного набережной, Виллиго остановился, три раза крикнул ночным криком опоссума и прислушался.

В нескольких шагах от него однозвучно плескалась река. Вдали глухо роптал океан, временами доносились пьяные крики лесовиков, бесчинствовавших в притонах Нижнего города, но на призыв Виллиго не было отклика.

Виллиго крикнул еще раз. Опять не было ответа. Тогда он прошел ближе к набережной. На этот раз ему не пришлось долго ждать. Едва он здесь повторил свой крик, ему сейчас же, как эхо, ответили точно такие же звуки, и на светлом фоне освещенных окон появилась чья-то темная тень.

— Это ты, Коанук? — спросил Виллиго.

— Да! — отвечал молодой воин, одним прыжком очутившийся около него.

— А Нирроба?

— Он в подвале «Чертова кабачка» вместе с Виваго и Ваго-Нанди подсматривает за лесовиками, так как они совещаются о чем-то важном.

— Никто не подозревает?

— Мы уже пять месяцев посещаем таверну и приобрели неограниченное доверие хозяина и его посетителей. Нас уже несколько раз пытались замешать в разные дела, но мы постоянно находили предлог уклониться.

— Хорошо, ты отличный воин.

— Если ты хочешь войти, то все готово!

— Ты предупредил?

— Я сказал, что мы ждем отца из нашей деревни.

— Ты воин, настоящий воин. Из тебя со временем выйдет вождь. Говорят они о приисках моего брата Тиданы?

— Говорят. Им известно, что вы продавали самородки в Сиднее, но они не знают, где вы их нашли... Можно мне высказаться откровенно, отец мой?

— Говори смело, Коанук.

— Так пойдем скорее в таверну, а то меня, пожалуй, там хватятся.

— Иду. Еще одно слово: не посылал ли мистер Боб в город двух лесовиков?

— Послал незадолго перед тобой.

— Мне бы следовало их убить и взять у них записку. Они, наверное, несли записку. Тидана прочитал бы ее.

— Не нужно. Мы сейчас все сами узнаем. Боб сказал, что он рассчитывает на нас, потому что желает поручить все дело туземцам.

Два дикаря подошли к «Чертову кабачку». Коанук повел Виллиго темным коридором, который вел на лестницу в подвал. Он сказал пароль человеку, сторожившему вход, и вошел вместе с Виллиго в темное подполье, где под председательством мистера Боба сидело до сотни человек разных проходимцев.

Новоприбывших встретили громким «ура», потому что Коанук распустил слух, будто Виллиго ненавидит Дика и всеми силами стремится его погубить.

Никто из лесовиков не знал истинных отношений между Виллиго и канадцем, а ссоры между дикарями и европейцами бывают так часты, что измена Виллиго никого не удивила. Сверх того, нагарнуки до сих пор еще ни разу не участвовали с лесовиками ни в каких темных делах, потому что считали себя племенем благородным и честным, так что союз с ними льстил самолюбию лесовиков и приводил их в настоящий восторг.

Присутствие Виллиго в «Чертовом кабачке» было с его стороны делом необычайной самоотверженности и прозорливости.

После победы над дундарупами Виллиго, не понимая причин посылки Лорана в Европу и прочих намерений Дика и Оливье, имевших целью обеспечить обладание прииском, пошел к той же цели своей дорогой с прямолинейностью дикаря. Он сообразил, что для удержания за собой прииска нужно, во-первых, занять его, стянув туда значительные силы, а во-вторых, каким бы то ни было способом узнать ближайшие намерения врагов Тиданы. Для достижения первой цели он приказал всему своему племени занять своими кочевыми поселениями как прииск, так и прилегающие к нему места, а для достижения второй подослал к лесовикам своих надежнейших воинов, решив впоследствии и сам проникнуть в лагерь врагов.

Виллиго рисковал погибнуть при малейшем подозрении, но он полагался на свою осторожность, свое тонкое чутье и безграничную преданность воинов, которых выбрал себе в помощники.

— Джентльмены! — сказал мистер Боб, когда улеглись ответственные крики. — Рекомендую вам великого вождя племени

огнепоклонников, знаменитого Виллиго, что в переводе на наш язык, кажется, означает «Черный Индюк»...

Имя Виллиго на самом деле означало «Черный Орел». Вольный перевод мистера Боба вызвал громогласный взрыв единодушного смеха.

Виллиго нахмурил брови. Боб заметил дурное впечатление, произведенное на дикаря этим смехом. Сделав сам серьезное лицо, он что есть мочи стукнул кулаком по столу и крикнул:

— Тише вы, висельники! Кто посмеет хотя бы одним словом оскорбить почтенного вождя, тот будет иметь дело со мной!

Шум утих, как по волшебству, и грозный трактирщик продолжал:

— Вы помните, как в прошлом году, когда был съезд золото-промышленников, пронесся слух, будто Дик Лефощер открыл богатейший прииск. Это оказалось правдой; Дик с двумя своими друзьями вскоре отправился на прииск в сопровождении Виллиго и его воинов. Среди вас найдется несколько уцелевших человек, которые помнят, как храбро они отстаивали себя. Да иначе и быть не могло. Не вам, трусам, бороться с могучим канадцем, когда ему помогает непобедимый Виллиго. Мир тем, которые погибли, а уцелевшим да будет это впредь наукой... И что же, джентльмены? Знаете, как отплатили эти люди благородному Виллиго? Самой черной неблагодарностью... Он решил отомстить им. Тайком от них, оставаясь с ними для вида в хороших отношениях, он прислал ко мне четырех воинов с предложением союза. Я, разумеется, принял его. Европейцы, получив концессию на прииск у министерства колоний, отправятся с отборными людьми на прииск, чтобы вступить во владение им. Виллиго, разумеется, будет их провожать. Он устроит им засаду и предаст их нам в руки. Тогда мы потребуем от них формальной уступки прииска, за что пообещаем спасти им жизнь. Среди нас, наверное, найдутся бывшие юристы, способные оформить уступку...

— Я!.. Я!.. Я!.. — послышалось с десяток голосов.

— И тогда у нас будет богатейший прииск, мы сделаемся миллионерами и бросим наконец эту проклятую собачью жизнь!

Раздались оглушительные аплодисменты, от которых задрожали стены подземелья. Трактирщик махнул рукой. Все опять стихло.

— Это еще не все, джентльмены. Нужно поскорее условиться, потому что Виллиго не может быть здесь долго, иначе у европейцев, пожалуй, зародится подозрение. За свою помощь Виллиго требует, чтобы мы по окончании сделки выдали европейцев ему. Он отомстит им за себя, он привяжет их к столбу пыток и предаст мучительной смерти. Но ведь борьба с Диком Лефощером — вещь

серьезная. Для того чтобы обеспечить успех, Виллиго намеревается собрать отряд человек в двести или триста. Согласны ли вы на его условия, согласны ли вы бороться до конца?

Ответом было единодушное «да».

— Хорошо, — сказал Боб. — Нас здесь много; оповестите ваших друзей, да поскорее, потому что экспедиция через неделю должна быть уже готова. Начальников выбирайте сами; мне очень хочется отправиться с вами, но я останусь здесь. Вы, я думаю, знаете, что Боб не трус, но мне совершенно невозможно уехать из Мельбурна.

Условились, что отряд выступит в поход, как только Виллиго даст сигнал, и что четыре его воина останутся при отряде в качестве проводников, а также для связи с вождем нагарнуков.

Виллиго, не моргнув глазом, пожал мистеру Бобу руку, скрепляя таким образом договор, заключенный последним от имени всех лесовиков.

— А теперь, господа, пойдите, прогуляйтесь куда-нибудь, — обратился трактирщик к своей компании. — Мне нужно поговорить с вождем нагарнуков по секрету.

Все немедленно повиновались, и в несколько минут подземелье опустело.

Боб остался один с Виллиго и его молодыми воинами.

— Я задержал вас вот для чего, — сказал он им. — Итальянский генеральный консул, которого я имею честь знать, поручил мне совершить одно похищение, употребив для этого непременно туземцев, чтобы впоследствии, когда дело получит огласку, можно было свалить вину на них. Я сейчас же вспомнил о вас, как о людях смелых и надежных. Вот и деньги за работу, две тысячи долларов; тысяча долларов вам, а другая, согласно уставу, в общую кассу нашего общества. Я уже послал записку консулу и только дожидаясь кареты, которая за вами заедет.

Четыре воина взглянули в глаза своему вождю. Виллиго сделал им знак, чтобы они согласились. При этом у него невольно промелькнула мысль о графе Лорагю, и вскоре он, сам не отдавая себе отчета почему, пришел к убеждению, что дело идет именно о молодом друге Тиданы. Он немедленно решил удостовериться в этом.

Послышался стук колес. Трактирщик побежал к подъезду, а Виллиго тем временем быстро спросил воинов:

— Есть с вами ножи и бумеранги?

Воины молча кивнули головами.

— Хорошо, — сказал вождь. — Я пойду за каретой издали; вам, вероятно, поручат похищение; когда я издам крик, бросай-

тесь на тех, кто будет с вами, каково бы ни было их число. Пустите в ход бумеранги; я буду недалеко и помогу вам.

В это время вернулся мистер Боб, и Виллиго замолчал.

— Вас ждут, — сказал трактирщик воинам. — Вы будете провожать тех, кто поедет в карете. По окончании дела вас в той же карете отвезут обратно в Мельбурн.

— До свидания! — сказал Черный Орел, направляясь к двери.

— Великий вождь, не выпьешь ли ты стакан виски?

— Я никогда не пью напитков белых людей.

— Подожди, по крайней мере, когда они уедут, а то люди консула подумают, что мы за ними шпионим.

— Они меня не увидят.

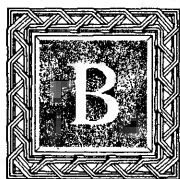
— Еще одно слово: если тебе нужно будет что-нибудь мне сообщить...

— То я сделаю это через Коанука.

— Так до свидания, вождь!

VII

Залив Ободранных — Решение об отъезде. — Подозрения Виллиго. — Западня и освобождение.

ИЛЛИГО ТИХО ВЫШЕЛ ИЗ КАБАЧКА, НЕ-
заметно прокрался мимо стоявшей у подъезда
карейты и спрятался за стеной, стараясь даже
не дышать.

Вслед за тем из кабачка вышли нагарнукские
воины, с Бобом впереди, который, обменявшись
несколькими словами с кучером, велел им са-
диться в карету. То был старинный, удобный и чрезвычайно вме-
стительный дормез*, в котором в случае нужды могли свободно
усесться человек двенадцать. Карета была запряжена парой
сильных полукровных лошадей, которые нетерпеливо били ко-
пытами землю. Виллиго понял, что ему придется быстро бежать.
Он потрогал свое оружие, чтобы узнать, надежно ли укреплено
оно за поясом. Молодые воины сели в карету, дверца захлопну-
лась, и лошади понеслись. Черный Орел побежал за экипажем
во весь дух, чуть касаясь ногами земли.

Проехав гавань, карета не повернула на Ярра-стрит, а шагом
направилась к реке. Виллиго воспользовался этим и, подбежав к
карейте, примостился на рессорах, так что его нельзя было видеть.

* Дормез — старинная большая карета, приспособленная
для сна в пути.

Через четверть часа экипаж остановился у калитки сада «Восточной гостиницы», у той самой калитки, через которую Виллиго вышел перед тем на берег Ярры. Из дормеза вышли четыре замаскированных человека и в сопровождении негра, коридорного гостиницы, направились к главному зданию мимо надворных построек.

Сомнения не оставалось: похищали графа д'Антрэга, друга Тиданы.

Была минута, когда Виллиго уже хотел крикнуть своим воинам, чтобы они бросились на замаскированных и расправились с ними, но он сообразил, что тогда останется кучер, который может поднять тревогу. Он вспомнил, что речь шла о похищении, а не об убийстве, и что, следовательно, жизни графа не грозит пока никакая опасность. Он даже догадался, что графа чем-нибудь усыпили, чтобы без сопротивления овладеть им, и что вообще замаскированные люди стараются во что бы то ни стало избежать шума. И он стал спокойно ждать, готовясь приступить к действию, как только понадобится.

Через полчаса вернулись замаскированные люди, осторожно неся на руках молодого человека, пребывавшего в глубоком сне. Проходя через узкую калитку, они замешкались, и Виллиго, окинув взглядом всю кучку, успел убедиться в своей правоте. Спящий молодой человек был действительно граф д'Антрэг, которого неизвестные люди с замечательной дерзостью похитили из самой модной гостиницы в Мельбурне.

Виллиго знал теперь, что ему нужно было делать.

Подкупленный коридорный-негр не провожал похитителей назад. Он взялся только встретить их и сказать, когда усыпляющие капли окажут свое действие, а на другой день, когда похищение будет открыто, он обязан был заявить, что видел, как около гостиницы бродили туземцы, и навести на них подозрение.

Графа осторожно положили на одно из сидений кареты, и лошади опять помчались по дороге к мосту св. Стефана, за которым уже начиналось поле. Проехав мост, кучер еще сильнее погнал лошадей по направлению к так называемому заливу Ободранных, получившему свое зловещее название от произошедшей здесь некогда кровавой драмы. Еще в первые годы колонизации в этом месте были захвачены туземцами три английских матроса; туземцы содрали с них живых кожу и оставили на песке, где несчастные умерли в ужасных страданиях.

Место было пустынное, песчаное, окаймленное кое-где высокими скалами и очень удобное для того, чтобы действовать. Виллиго решил подождать, когда карета придет туда. Быть

может, похитители намеревались покончить с графом д'Антрэ-гом.

Дормез катился. Нагарнукские воины, сидя внутри, терпеливо дожидались сигнала от своего вождя.

Вот карета замедлила ход. Колеса стали глубоко уходить в песок, и лошади с трудом везли огромный экипаж.

Черный Орел счел момент удобным. Он соскочил с задка кареты на песок, испустил пронзительный крик «вага», забежал вперед кареты и метнул в кучера бумеранг. Кучер упал с пробитой головой, и Виллиго остановил лошадей. В ту же минуту нагарнукские воины выскочили из кареты и окружили своего вождя.

Их дело было уже сделано. Они заранее выбрали себе каждый по одному противнику, и все четыре замаскированных человека уже лежали с пробитыми головами. Они умерли, не успев даже вскрикнуть.

Граф д'Антрэг ни разу не пошевелился. Он все время спал, точно впал в летаргию.

По приказанию вождя нагарнуки выбросили трупы на песок и взобрались опять в карету. Черный Орел сел на козлы и погнал лошадей обратно в Мельбурн. Доехав до моста св. Стефана, Виллиго остановился, нагарнуки взяли графа Лорагю на руки и бросили карету на произвол судьбы. Пройдя мост пешком, они дошли до известной уже нам калитки и беспрепятственно прошли через сад. Начинало светать. Войдя в гостиницу, нагарнуки наткнулись на того самого негра, который встречал похитителей. Вне себя от испуга, бедняга закричал страшным голосом и хотел бежать, но Виллиго крепко схватил его своей сильной рукой. В одну минуту негра связали, заткнули ему рот, и Виллиго, взвалив его себе на плечи, бросил его мимоходом в комнату, дверь которой запер на ключ. Затем он повел своих воинов в комнату графа.

Это было ровно две минуты спустя после того, как канадец упал в обморок. Увидев его на полу, нагарнук понял все. Он велел положить графа на постель, потом перенес Дика в его комнату и велел своим воинам удалиться: он не желал, чтобы канадец знал о присутствии нагарнуков в Мельбурне. Спрыснув Дика водой, он скоро привел его в чувство. Придя в себя, канадец увидел Виллиго, взял его за руку и зарыдал.

— Тс-с! — сказал, улыбаясь, Черный Орел. — Он еще спит.

— Спит! — машинально повторил Дик. — Кто спит?

— Твой друг! — отвечал Виллиго, указывая рукой на комнату графа.

Только он успел это сказать, как канадец вскочил и бросился к своему другу. С тревогой схватил он графа за руку, но сейчас же успокоился, услышав правильное биение пульса. Не помня себя от радости, он обернулся к Виллиго и, сжимая его в объятиях, вскричал:

— Это ты его спас! Спасибо, брат... Вовсей Австралии не найти такого человека, как ты, Виллиго. Я уже догадывался, что ты что-нибудь такое придумал... Недаром же ты пропадал эти два дня. Благодаря тебе Лоран так и не заметил пропажи графа, иначе он бы умер от горя!

— Ему дали что-то усыпительное! — сказал нагарнукский вождь, стараясь скрыть свое волнение.

— Мне и самому пришло это в голову, да поздно. Мне тоже чего-то подсыпали, и сон сковал меня так, что я не мог сделать ни одного движения.

Затем Виллиго рассказал Дикуну что мы уже знаем, причем, однако, обошел молчанием содействие, оказанное ему молодыми воинами. У него был свой план, и для успеха его Черный Орел считал нужным, чтобы никто, даже его друзья, не знали о присутствии нагарнуков в Мельбурне. Приезд человека из Европы, вызванного Оливье и Диком для наблюдения за их безопасностью, чувствительно затронул самолюбие дикаря. Теперь ему хотелось доказать, что он и один, своими средствами, сумеет охранить своих друзей от всяких враждебных покушений. Ему же удалось однажды спасти их во время блужданий по крафенуа, а сегодня еще раз случай доставил ему возможность вырвать у Невидимых верную добычу. С наружной скромностью, но с гордым самодовольством в душе поведал он своему другу подробности спасения молодого графа.

Когда он дошел до того места, как он схватил и связал предателя-негра, Дик пожелал немедленно идти к негру и допросить его. Ему хотелось узнать имена похитителей и их общественное положение. Но от бестолкового дикаря ничего нельзя было добиться. Все, что удалось от него узнать, сводилось к тому, что он за пять пиастров взялся наблюдать за графом и дать знать неизвестным лицам, когда граф окончательно погрузится в сон. Видно было, что это совершенный скот, не отличающий зла от добра, и что он помогал похитителям только потому, что прельстился заработком в двадцать пять франков.

Канадец понял это и отпустил его с тем условием, чтобы негр немедленно дал ему знать, если Невидимые опять дадут ему какое-нибудь подобное поручение. Чтобы обеспечить верность дикаря, канадец обещал дать ему за сообщение сумму, вдвое большую той, которая будет ему предложена за содействие.

Вернувшись в комнату Оливье, друзья нашли его уже наполовину проснувшимся. Граф сидел и, видимо, силился что-то припомнить.

— Ах, дорогой друг, — воскликнул он, завидев канадца, — какой я сегодня видел скверный сон!

И он, посмеиваясь сам над собой, начал рассказывать сон, виденный им ночью и уже известный нашим читателям.

Вдруг он остановился и умолк, смущенный серьезным и торжественным выражением лица канадца.

— Что с тобой, друг? — спросил он. — Зачем ты так серьезно принимаешь мой нелепый кошмар?

— Он вовсе не до такой степени нелеп, как вам кажется, — возразил Дик. — Сегодня ночью сюда действительно входили четыре замаскированных человека. Они овладели вами, перенесли через сад при гостинице, вышли из калитки, которую вы видели во сне, посадили в карету и повезли за город...

— Дальше, дальше!..

— И если затем ваш сон оборвался, то это потому, что следивший за вами Виллиго атаковал карету на дороге, убил похитителей и отнес вас назад на руках.

— Дик! Дорогой Дик! — вскричал вне себя Оливье. — Неужели это правда? Нет, это вы шутите.

— Клянусь вам, что все это правда, — отвечал канадец. — Ну разве я позволю себе так над вами шутить?

Оливье протянул своему спасителю руку и сказал с глубоким чувством:

— Вы два раза спасли мне жизнь, Черный Орел. Я никогда, никогда не расплачусь с вами за это.

— Вы друг моего брата Тиданы, — отвечал с безыскусной простотой австралиец. — Благодарите Тидану, а Черному Орлу вы ничем не обязаны.

Лоран все это время спал, как убитый. На банкете он выпил так много, что усыпительное зелье подействовало на него сильнее, чем на всех остальных. Дик и Виллиго пошли его будить, так как приближалось время отправляться на обед к самозваному барону де Функалю.

Оливье остался один и задумался.

Из задумчивости его вывело появление слуги, который подал ему принесенное утром письмо. Он с волнением распечатал конверт. Под письмом стояла подпись: «Тайна». То был псевдоним, принятый сыщиком.

Вот что там было написано:

Нагарнукский вождь Виллиго вам изменяет. В эту ночь в кабачке, известном под именем «Чертова кабачка», он присоединился к компании лесовиков и формально обязался предать вас в их руки. Лесовики под угрозой смерти хотят вынудить вас к уступке приска. Берегитесь!

Оливье прочитал и встревожился. Он сейчас же догадался, что тут должна быть какая-то ошибка; не мог, совершенно не мог быть предателем Виллиго, только что спасший ему жизнь. В этом отношении у графа не было ни малейшего подозрения. Но его тревожил вопрос: что навело барона де Функаля на ложный след, заставивший сыщика заподозрить в предательстве вернейшего их друга и союзника?

Он позвал канадца и показал ему письмо.

Канадец прочитал его, не моргнув глазом, потом свернул в трубку, поджег его и прикурил от него сигару.

Граф смотрел на него вопросительно. Закурив сигару, канадец сказал:

— Этот человек не знает Виллиго; но я бы не советовал ему мериться силами с дикарем. Добра из этого не выйдет. Сомневаться в честности моего друга! Да я скорее не поверю в свою собственную! Не нужно говорить этого вождю, а то во всей Австралии не найдется уголка, в котором бы барон де Функаль мог спрятаться от его мести. Хотя он и способен на всякую самоотвержение, на всякое великодушие, но ведь он все таки дикарь и прощать обид не умеет. Сомнение в его преданности ко мне — для него самая тяжкая обида. С тех пор, как его племя усыновило меня, с тех пор, как я стал названным братом Виллиго, приемным сыном его отца Воллигонга, он смотрит на меня, как на настоящего родственника, и святой обязанностью считает помогать мне во всех предприятиях. Вы еще не знаете австралийских дикарей. Правда, у них много диких предрассудков, много диких обычаев, но зато у них есть понятия весьма почтенные, за которые они готовы отдать до последней капли свою кровь. Так, например, они скорее умрут, чем изменят узам дружбы или родства.

Канадец проговорил эту тираду со сдержанным волнением, в котором проскальзывала глубокая печаль, по поводу того, что его преданный друг Черный Орел сделался жертвой подозрения. Оливье понял его чувство и поспешил возразить:

— Умоляю вас, дорогой Дик, не думайте, что я хотя бы на одну минуту заподозрил вашего друга. Я просто был поражен этой запиской, вот и все.

— И поразиться есть от чего, это правда. Записка в высшей степени странная. Тут какая-то тайна, но я знаю, что она вполне объяснится. Я не стану говорить об этом с Виллиго. Это такой человек, что не простит даже тени недоверия к себе. Вы хорошо сделаете, если посоветуете сыщику бросить этот ложный след. Вероятно, Виллиго охраняет нас своими средствами. Это и есть причина его отлучек. Я не знаю его плана, но уверен, что он в своем роде очень хорош и для нас полезен. Даже вот как: если мне сейчас, сию минуту, доставят неопровержимое доказательство, что Виллиго действительно вступил в союз с лесовиками, знаете, что я скажу на это? Я скажу: «Горе лесовикам!» Если измена своим считается у нагарнуков позорным делом, то нельзя сказать того же о предательстве по отношению к врагу. Последнее считается у них делом похвальным, законной военной хитростью. Да едва ли их и можно за это осуждать. Оставим же Виллиго в покое, предоставим ему действовать так, как он хочет, да и барон де Функаль отлично сделает, если ограничится выслеживанием одних Невидимых. Говоря откровенно, я вполне доверяю авторитету вашего сыщика относительно европейских дел, но здешних отношений он не знает и едва ли будет нам очень полезен. Пусть же он возьмет на себя одних Невидимых, а иметь дело с лесовиками и туземцами предоставит мне и Виллиго. Так будет гораздо лучше.

— Я с вами совершенно согласен, Дик, — сказал граф, — и сегодня же улажу с бароном этот вопрос так, как вы мне сказали.

Последние слова графа были прерваны появлением Лорана, который вошел в комнату своего господина. Благодаря разным вспрыскиваниям и растираниям старый слуга наконец стряхнул с себя сонливость и, приписывая ее непривычке к шампанскому, приготовился извиниться перед своим хозяином. Но тот не дал ему заговорить и рассказал о приключениях минувшей ночи. Тогда смущение Лорана перешло в неопишемое изумление.

— О, теперь я все понимаю! — воскликнул он после некоторого молчания. — То-то мое опьянение было какое-то странное. Я все слышал и все понимал, но не мог шевельнуть ни одним членом. Если только тот, кто нас опоил, попадетс я мне на узенькой дорожке...

— Это итальянский консул! — вставил появившийся неожиданно Виллиго.

Оливье и канадец удивленно переглянулись.

— Ты почему знаешь? — спросил Дик.

— Черный Орел не нуждался в найме белого шпиона, чтобы все вызнать и выследить, — отвечал нагарнук с самодовольной

улыбкой. — Если бы я этого не знал, то как бы мог спасти молодого друга Тиданы?

— Но ведь и белый шпион, как ты его называешь, еще накануне предупредил нас об этом.

— Он предупредил... Виллиго не предупреждает, а действует.

— Но как ты узнал об этом?

— Я проник к лесовикам в «Чертов кабачок» и узнал, что они ищут надежных людей для какого-то похищения. Я догадался, что речь идет о друге Тиданы...

— И храбро рискнули жизнью, чтобы меня спасти! — воскликнул Оливье.

— И ты совершенно уверен, что это итальянский консул? — спросил Дик.

— Когда же Виллиго бросал слова на ветер?

— Спасибо, друг! — сказал канадец, пожимая дикарю руку. — Я теперь знаю, что делать.

В словах Виллиго было много недосказанного, Дик это понимал, но не хотел расспрашивать друга из боязни огорчить его недоверием. Виллиго не знал, что его друзья собираются на обед к барону де Функалю, иначе он непременно пошел бы с ними. К самозваному барону он испытывал какое-то непобедимое, бессознательное отвращение и недоверие. У дикаря почему-то засела в голове мысль, что белый шпион ведет двойную игру, что он готов изменить и нашим, и вашим.

У него не было никакого конкретного факта, к которому бы он мог привязаться, тем не менее он никак не мог отрешиться от своей мысли.

Будущее покажет, насколько дикарь был прав.

Нужно было уговориться относительно дальнейшего образа действий.

Четыре друга решили остаться для совещания в комнате графа из боязни, что их разговор могут подслушать соседи Лорана по комнате.

— Не бойтесь, — заметил со зловещей улыбкой Черный Орел, когда Дик упомянул об этих соседях, — они нас не подслушают. Их уже нет здесь: коршуны клюют их трупы.

— Не может быть! — вскричал Дик.

— Их было четверо. Их больше нет. Они убиты.

В это время через открытое окно донесся голос разносчика, выкрикивавшего громким голосом:

— «Morning Advertiser»!.. Покупайте «Утреннюю рекламу»!.. Свежие новости! Четыре мертвых тела на берегу бухты Ободранных... Ужасные подробности... Вчерашнее празднество... портрет лорда-губернатора... смерть Тома Пауэлла...

Друзья помолчали. Наконец канадец заговорил первый:

— Положение скверное. В Мельбурне нам оставаться нельзя. Английский боксер умер, население раздражено против нас. Меня могут убить из-за угла, надеясь на снисходительность присяжных, которые, по всей вероятности, оправдают убийцу. Что касается вас, граф, то ярость ваших врагов после этого кровавого убийства удесятерилась. По-моему, нам следует как можно скорее удалиться на Лебяжий прииск.

Это мнение было принято единогласно, причем Виллиго особенно настаивал на скорейшем отъезде. Условились, что Оливье в этот же день вместе с бароном де Функалем отправится в кадастровое управление и исполнит все формальности по вводу себя во владение прииском, а канадец тем временем подыщет надежных лиц для эксплуатации золотоносного поля.

По дороге на прииск решено было завернуть на Сент-Стивенские рудники, чтобы ознакомиться там с наилучшими способами добывания золота.

Когда друзья окончательно уговорились, Виллиго простился с ними до вечера, а Лоран, Дик и Оливье отправились на обед к консулу.

Хотя до консульского дома было недалеко, однако они наняли карету. На улицах толпился народ, возбужденно толковавший о смерти Тома Пауэлла, и было бы неблагоприятно рисковать, появляясь среди враждебно настроенной толпы.

Через несколько минут езды карета наших друзей остановилась у подъезда португальского консульства, помещавшегося в красивом доме, в элегантном квартале королевы Елизаветы. Барон де Функаль в сопровождении своих секретарей, дона Кристобалья-Коко и дона Педро де Сильва-Люпена, встретил своих дорогих гостей на нижней ступеньке крыльца.

VIII

Визит в португальское консульство. — Мнимый барон де Функаль. — Тайнственный дом. — Измена. — Зажаты стены.

АРОН ДЕ ФУНКАЛЬ ВВЕЛ ГРАФА ДАНТРЕГА и его друзей в красивую гостиную, убранную в восточном вкусе, и сделал своим секретарям знак удалиться.

— Граф, — обратился барон к Оливье, — мне давно хотелось видиться с вами, но у Невидаемых здесь в Мельбурне имеется своя собственная, превосходно организованная полиция, и я боялся возбудить их подозрение.

— Мне тоже давно хотелось с вами поговорить, — отвечал Оливье, — но раз зашел разговор о полиции, то я должен вам заметить, что и вы не ударили лицом в грязь. Вы мне сообщили столько сведений о моих врагах, что остается только удивляться, откуда вам удалось добыть их.

— Ваша похвала превышает мои заслуги, — отвечал барон, кланяясь графу и кидая на него холодный, испытующий взгляд.

Одного этого взгляда было достаточно португальскому консулу, чтобы убедиться в искренности слов графа.

— Итак, барон, вы узнали моих врагов; вам известны их цели и средства; поэтому не можете ли вы мне разъяснить многое непонятное для меня в их поведении.

— Судовольствием, граф. Для этого я, между прочим, и желал вас видеть.

— Я вас слушаю, барон. Мне интересно узнать последнее слово обо всем этом деле.

— Последнее слово за вами, граф. От меня вы узнаете первое.

— Я вас не понимаю.

— Слушайте, граф. Я начну по порядку... Невидимые, как вам, быть может, известно, а быть может и нет, представляют собой себя общество, включающее в свой состав мошенников всевозможных национальностей. Оно весьма многочисленно, и члены его принадлежат к различным классам. Средства его громадны, и оно не брезгует никакими способами для их увеличения.

Невозможно описать изумление наших друзей, когда они из уст своего сыщика услышали этот рассказ о Невидимых.

— Милостивый государь, — заметил ему граф д'Антрэг, — ваши слова бесконечно удивляют меня...

— Я понимаю, что вы удивлены, граф, но все-таки попрошу у вас позволения еще несколько времени злоупотребить вашим вниманием. Распространяться о Невидимых я не буду. Я позволю себе только сказать несколько слов об устройстве их общества. Оно подразделяется на несколько отделов; в каждом отделе есть свой коновод; коноводы, или начальники отделов, подчинены атаману, которого никто, кроме старших, не знает. Вас преследует собственно петербургская шайка. Отец вашей невесты был однажды вынужден дать обязательство после своей смерти предоставить весь свой капитал в пользу шайки, и уже составлено духовное завещание на имя одного из Невидимых.

— Он дал такое обязательство? Но каким же образом могли его принудить?

— Не могу вам этого сказать, но факт остается фактом. Однако Невидимые дали ему одну льготу: он освобождается от обязательства обездолить свою дочь, если она выйдет замуж за одного из Невидимых или если муж ее вступит в шайку...

— Я?... Никогда! Я, граф д'Антрэг, и вдруг вступил в общество каких-то шантажистов!.. Но напрасно они хлопочут: я не гонюсь за деньгами, мне не нужно их. Пусть они берут их себе, раз уже захватили.

— Позвольте, граф. У вашей невесты есть еще свое собственное состояние, наследство ее матери, заключающееся в богатей-

ших серебряных рудниках на Урале. Это состояние находится в пожизненном владении отца; отчуждать его он не имеет права, и оно после его смерти перейдет к вашей невесте, а следовательно, к вам. Невидимые не хотят это допустить и не допустят. Вот почему они и препятствуют вашему браку; вот вам и тайна исчезновения Надежды Федоровны.

— И это напрасно. Я никогда и ни при каких обстоятельствах не откажусь от своей невесты.

— Есть отличный способ согласовать обоюдные интересы.

— Какой?

— Принять русское подданство, что необходимо, поскольку земли и рудники находятся в России, следовательно, в сфере деятельности петербургской шайки, и затем сделаться членом Общества Невидимых.

— Вам поручили сделать мне это предложение?

Сыщик прикусил язык. Он понял, что хватил через край, но продолжал с невозмутимым спокойствием:

— Никто мне ничего не поручал, но во время пребывания в Петербурге я вступил в переговоры с Невидимыми и узнал их взгляды и намерения.

— Мне часто приходилось встречаться с их лазутчиками, но почему же они никогда не говорили мне ничего подобного?

— Не знаю. Но что бы вы ответили на такое предложение?

— Знайте, милостивый государь, что я никогда не перемену подданства и никогда не вступлю в бесчестное сообщество.

— Уверяю вас, граф, что об этом стоит подумать...

— Это что же такое? Угроза?

— Это предостережение. Граф, я не вижу иного средства вас спасти. Много мер перепробовали с вами Невидимые, и эта, как я слышал, последняя. Если вы откажетесь от их предложения, то с вами покончат навсегда. До сих пор вас щадили, но теперь... Я, право, не знаю, какими судьбами вам удалось сегодня ночью избавиться от них... Эти четыре трупа... И потом я должен вас предупредить, что ваш нагарнук Виллиго изменяет вам. Я имею положительное доказательство, что он знается с лесовиками и дал им обещание содействовать вашей гибели...

— Нет, барон, уж это вы оставьте. Я вам советую заниматься только Невидимыми, а туземцев уж вы предоставьте нам. И это будет даже лучше для вас самих, иначе мы не можем ручаться за вашу жизнь.

— Честное слово, граф, я вас совершенно не понимаю!

— Виллиго не такой человек, чтобы простить подозрения в измене; к тому же он дикарь и не остановится ни перед чем.

— Из ваших слов, граф, я вижу, что этому туземцу вы верите больше, чем мне.

— Я не то хотел сказать. Я хотел только внушить вам, что Виллиго стоит выше всяких подозрений. Да вот вам доказательство: неизвестные злодеи нынешней ночью дали мне какого-то усыпительного средства, выкрали меня из гостиницы, посадили в карету и повезли. Виллиго спас меня один. Он убил моих похитителей...

— Может ли это быть?..

— А между тем это так. Найденные четыре трупа — дело его рук.

Сыщик совершенно оторопел и не знал, что сказать.

— Вы теперь видите сами, сударь, — продолжал граф, — что мы не можем сомневаться в честности Виллиго... Но оставим это. Поговорим лучше о нашем деле. Скажите, что, по вашему мнению, могут предпринять против меня в настоящее время Невидимые? Говорите откровенно.

— Откровенно, граф? Вы позволяете?

— Разумеется. Я вас об этом прошу.

— Так я должен вам сказать, что вы теперь находитесь в их руках, и у вас нет никакого спасения, кроме...

— Что вы хотите этим сказать?

— То, что вам нет иного выбора, как согласие на два упомянутых мною условия или же смерть.

— Как вы смеете мне так говорить?

— Я просто снимаю наконец маску.

— Значит, вам поручено моими врагами...

— Теми, кого вы совершенно напрасно считаете врагами...

— Но кто же вы, наконец?

При этом вопросе сыщик выпрямился и для вящего эффекта медленно, отдельно проговорил:

— Я... член... Общества... Невидимых.

Три друга вскрикнули от удивления и гнева и вскочили со своих мест, хватаясь за револьверы.

— Ни с места, — сказал самозванный барон де Функаль, — или вы погибли!

Дрожа и бледнея от негодования, граф д'Антрэг, Дик и Лоран остановились в оборонительных позах.

— Итак, вы завлекли нас в гнусную западню! — сказал с презрением Оливье. — Вы получили деньги и с нас, и с Невидимых.

— Вы ошибаетесь. К Обществу Невидимых я принадлежу вот уже десять лет. Когда господин Лоран приехал в Париж за

сыщиком, мои начальники велели мне ехать с ним. Я не мог послушаться и отправился в Мельбурн.

— На наш счет!

— И это неправда; кредит, открытый вами для меня в Париже, и здесь остался нетронутым... Мне даны были относительно вас широкие полномочия, но меня тронула ваша молодость, и я решил дать вам возможность спастись. Я не враг вам, право. Это я выхлопотал позволение заключить с вами договор. Примите наши условия... Подумайте, граф... Господа, вы, кажется, желаете добра господину д'Антрэгу. Посоветуйте ему не упрямиться.

Дик и Лоран презрительно промолчали, а граф Лорагю твердо отвечал:

— Никогда! И пожалуйста не говорите больше об этом.

— Как угодно. Только уж потом на меня не пеняйте.

— Вы подло поступили со мной; вы обманули доверие моего отца, обманули доверие Лорана, вы заманили меня в западню...

— Граф, я на вас не сержусь за эти слова. Скажу одно: вы все вините меня. Но вспомните, что я только орудие... Что я действую так, как мне велено, что я не смею послушаться. Я не имею права отказать даже от бесчестного поручения. И клянусь вам, граф, мне моя роль в этом деле невыносимо тяжела, так тяжела, что я сказать не могу. Недаром же я употребил все усилия вас спасти... И Бог видит, как мне грустно, что эти усилия не достигли цели.

Сыщик произнес эти слова с таким волнением, что доброму графу Лорагю на минуту даже сделалось его жаль. Но он ничего не сказал в ответ и обратился к своим друзьям:

— Пойдемте, господа.

— Ради Бога, граф, опомнитесь! — проговорил с мольбой сыщик. — Примите наши условия, умоляю вас.

— Прощайте! — вместо ответа сказал граф.

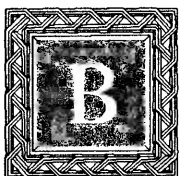
И он направился к двери гостиной, сопровождаемый Лораном и Диком, которые не спускали глаз с консула. Переступая через порог комнаты, граф обернулся и увидел, что барон де Функаль как бы в бессилии упал в кресло.

Друзья вступили в узкий коридор, который вел в переднюю. Вдруг зазвенел электрический звонок, и в ту же минуту с потолка, как две молнии, спустились две тяжелые металлические доски и заняли всю ширину коридора — одна впереди друзей, другая сзади.

Три друга очутились в темном пространстве, ограниченном четырьмя глухими стенами.

IX

Виллиго и Блэк. — Недоумение туземца. — Что стало с сего братом, Тиданой? — Прибытие Джильпинга. — Песня нагарнукского воина. — Советы Джильпинга.

СЕ ТРОЕ ОТЧАЯННО ВСКРИКНУЛИ; Оливье, как более слабый, от гнева и ужаса лишился чувств. Лоран с воплем упал на тело своего господина, и только канадец сохранил полнейшее хладнокровие. Он поднял своих упавших друзей и начал приводить их в чувство.

— Господин мой, бедный господин! — пролепетал Лоран, первым придя в себя.

— Где мы? — были первые слова Оливье.

— Негодяи заперли нас в клетку! — отвечал канадец.

— Мы погибли! Погибли все трое!.. О, Боже мой!

— Ну, это еще мы посмотрим, — возразил канадец. — Мы бывали и не в таких переделках...

Возвратимся, однако, к Виллиго.

Расставшись с друзьями, Черный Орел пошел на пристань, где накануне условился встретиться с Коануком. Он сообщил молодому воину принятое утром решение покинуть Мельбурн и поручил ему предупредить лесовиков, чтобы те приготовились тронуться в путь через двое суток. Потом, завернувшись в плащ, Черный Орел целый вечер пробродил около «Чертова кабака», чтобы лично узнать число негодяев, которых соберет для предстоящей экспедиции мистер Боб.

К ночи он вернулся в гостиницу ужинать, но, к своему удивлению, не застал никого дома. Ужин, между тем, был уже давно подан. Блэк спал в комнате своего господина. Увидев Виллиго, он подошел к нему и приласкался. Дикарь стал задумчиво гладить мягкую, густую шерсть верного пса.

Между тем часы проходили, а отсутствующие не возвращались. Ужин был сервирован *a la russe*, то есть все кушанья были поданы на стол разом на блюдах, покрытых колпаками и поставленных на грелки с горячей водой для поддержания высокой температуры.

Черному Орлу надоело ждать, и он решил поужинать один или, вернее, в обществе Блэка, который уже давно положил на стол передние лапы и втягивал в себя аппетитные запахи блюд.

Как все дикари, Виллиго был одарен замечательным аппетитом. Когда ему случалось ужинать или обедать одному, он пое-

дал все, что подавалось на троих, приводя своим прожорством в несказанное удивление прислуживающих за столом лакеев.

Только он хотел присесть к столу и приняться за утоление своего голода, как на дворе гостиницы раздались под окнами нестройные звуки, похожие на ослиный крик.

Блэк залаял и выбежал в дверь. Черный Орел, подстрекаемый любопытством, встал, подошел к окну и выглянул на двор.

На дворе стоял не кто иной, как Пасифик, осел мистера Джильпинга, который изволил только что прибыть в Мельбурн из страны нагарнуков.

Пасифик и мистер Джильпинг в один день преодолели огромное расстояние в сопровождении молодого нагарнуковского воина по имени Менуали (что значит «кенгуренок»), а так как почтенный осел был воспитания нежного, то, разумеется, очень устал и выражал свой протест весьма жалобным, но вместе с тем весьма неприятным криком.

Виллиго поспешил сойти вниз навстречу толстому англичанину. Старые знакомцы обменялись крепким рукопожатием.

— О, джентльмен, — затянул своим певучим голосом британец, — я душевно рад вас видеть.

Менуали отдал своему вождю честь на туземный манер, до-
тронувшись рукой сначала до земли, потом до своего лба.

Джильпинг продолжал:

— Граф д'Антрэг дома, я полагаю?

Благодаря десятилетней совместной жизни с Диком Виллиго выучился английскому языку и мог на нем свободно объясняться, хотя и избегал этого. Поэтому он без труда вступил в разговор с Джильпингом. Он объяснил англичанину, что французы остановились действительно в этой гостинице, но что сейчас их нет дома: они, вероятно, ушли обедать во французский ресторан. Вместе с тем он предложил мистеру Джильпингу разделить с ним трапезу. Последнее предложение британец принял с большим удовольствием. Он проголодался с дороги и, кроме того, в последнее время ему приходилось питаться исключительно туземными блюдами, которые ему оказались весьма не по вкусу. Собственные же его запасы консервов успели давно кончиться.

— Господи, — пожаловался он Черному Орлу, — какой гадостью меня там кормили: мясом опоссумов, лягушек, ящерицами... Брр!..

У Виллиго, напротив, даже слюнки потекли, когда он услышал названия этих лакомств.

— О нет, — возразил он, — это очень вкусно. Very fine, прекрасно, гораздо лучше кушаний белых людей, Воанго!

Воанго — это было имя, которым стал называть Виллиго англичанина. Слово это означает одну странную австралийскую птицу, у которой на носу есть некрасивый, отвисающий вниз мясистый придаток. В первое время своего знакомства с англичанином Виллиго постоянно видел его с кларнетом во рту и вследствие этого нашел в нем сходство с упомянутой птицей. Услыхав, как его величает дикарь, Джильпинг обратился к Дику за разъяснением. Канадец, не желая обижать добродушного толстяка, уверил его, что имя Воанго — просто перевод его настоящего имени на нагарнукский язык. Англичанину это имя очень понравилось, и в следующем же письме к председателю Лондонского Королевского общества он подписался «Джильпинг Воанго», не подозревая, что сам называет себя именем весьма тяжелой, неповоротливой и неуклюжей птицы.

Британец и австралиец принялись уничтожать поданную пищу. Лакей смотрел и изумлялся до того, что даже не заметил, как выронил из рук салфетку, с которой он стоял за стулом Виллиго. Ему первый раз в жизни довелось увидеть сразу двух таких замечательных едоков.

Джильпинг приканчивал уже восьмую тарелку супа из черепахи, любимого национального блюда англичан; как известно, на суп идут только морские черепахи, а море — это сфера англичан.

Повсюду, где только есть морская вода, англичанин чувствует себя, как дома! Вот почему и морская черепаха так дорога англичанам. Ни одно торжество или празднество не обходится у них без супа из черепахи. Это блюдо ежедневно входит в меню королевских обедов; если лорд-мэр не подал бы на своем большом официальном обеде суп из черепахи, то, вероятно, в Сити произошла бы целая революция. Если бы высокопочтенная корпорация канатчиков, почетным председателем которой был мистер Гладстон, пригласила премьера, то нанесла бы ему настоящее оскорбление, не предложив за обедом супа из черепахи. Словом, одна Англия уничтожает в один день в десять раз больше супов из черепахи, чем существует на свете черепах.

Но тут кроется маленькая тайна. Так как черепахи сравнительно редки и за ними приходилось посылать суда в дальние плавания, что обходилось страшно дорого, то остроумная фирма Blok Well and Cross, а за ней и другие, додумались заменять черепаху телячьей головкой, которая с помощью надлежащей приправы и значительного количества кайенского перца могла дать полную иллюзию настоящего супа из черепахи. С этого времени вся Англия, все ее колонии и все многочисленные путешественники-англичане, от мыса Горна до крайних пределов

Камчатки, благополучно обедают излюбленным супом из черепахи.

Не переставая поглощать тарелку за тарелкой любимого супа, англичанин сообщил Виллиго о причинах своего приезда в Мельбурн: во-первых, ему нужно было возобновить свой запас Библий, который совершенно истощился, а без этой священной книги он не мог предпринять задуманного им путешествия в страну нготаков и нирбоа, которые являлись наиболее значительными после нагарнуков туземными племенами Центральной Австралии; во-вторых, он желал обратить в деньги поднесенные ему канадцем золотые самородки и переправить эти деньги почтенной мистрис Джильпинг; она в его отсутствие посвящала все свои досуги воспитанию пятнадцати мальчиков и девочек, которыми Господь благословил их супружество; в-третьих, в довершение всего, он был рад воспользоваться случаем повидать своих друзей.

После обеда Виллиго предложил своему сотрапезнику сходить вдвоем в ресторан Колле и узнать, отчего так долго не возвращаются друзья. Его начинало беспокоить их долгое отсутствие, а недавнее покушение на графа действительно давало повод опасаться всякой неожиданности. Австралиец и англичанин пришли в ресторан, но там им сказали, что граф д'Антрэг со своими товарищами в этот раз не обедали у Колле.

Виллиго задумчиво вернулся в отель. Тревога его росла. Джильпинг, под влиянием сытного обеда, разговорился и все время болтал без умолку, оглушая Виллиго вопросами. Наконец Черный Орел вышел из терпения.

— Воанго говорит слишком много, — заметил он. — Не мешало бы ему помолчать!

— А что? — встрепнулся англичанин. — Разве это опасно?

— Пусть Воанго помолчит. Черный Орел будет говорить тогда, когда поблизости не будет нескромных ушей.

Джилльпинг последовал совету нагарнука и промолчал всю дорогу до гостиницы. Придя туда, Виллиго узнал, что друзей все еще нет, и окончательно убедился, что с ними случилось недоброе.

Но что именно? Ответить на этот вопрос Виллиго не мог. У него не было ни малейшего признака, ни малейшего следа, за который бы он мог ухватиться. Одно он мог считать несомненным — это то, что итальянский консул замешан в таинственном исчезновении.

Черному Орлу оставалось одно: отомстить за друзей, если уже поздно было их спасти. И Джильпингу пришлось быть свидетелем дикой, ужасной сцены, во время которой он забился в

угол и затаил дыхание. Черный Орел дал полную волю своей ярости.

Выкрикивая громкую клятву устроить своему брату Тидане и его друзьям пышные поминки, Виллиго сбросил с себя плащ и, оставшись в первобытном костюме нагарнукского воина, взмахнул своим бумерангом. Потрясая им над головой, он запел или, вернее, завыл дикую воинственную песню, в которой говорилось о том, как Черный Орел отомстит врагам, как он выклюет им глаза, растерзает сердце и выпотрошит внутренности.

Минут с двадцать продолжалось это вытье, сопровождаемое ужасной пляской, после чего дикарь как будто немного успокоился. Он закурил трубку, сел, скрестив ноги, на пол и погрузился в раздумье.

У Джильпинга несколько отлегло от сердца, а то он уже начал думать, что дикарь сошел с ума.

Успокоившись, Виллиго припомнил помощь, оказанную Джильпингом своим друзьям во время бегства их из дундарупского плена, и откровенно рассказал ему о событиях последних дней.

— Воанго храбр, — закончил он свой рассказ, — Черный Орел готов выслушать, что он скажет и посоветует.

— Уверен ли Виллиго, — спросил Джильпинг, — что его друзей не задержало какое-нибудь дело?

— Теперь люди спят, а не дела делают!

— Правда. Но не засиделись ли они в каком-нибудь клубе?

— Они дали бы мне знать.

— Может быть, они встретились с кем-нибудь из знакомых?

— И этого нет. Здесь у них нет никаких знакомых.

— Тогда уж я не знаю, что и думать. Быть может, их поймали в какую-нибудь западню... Португальский консул, например...

— Так что же тогда делать?

— По-моему, вот что: нынче ночью схватить консула и удержать его заложником... если это удастся.

Виллиго одним прыжком вскочил на ноги и вскричал:

— Воанго — великий вождь!.. Нынче же ночью консул будет нашим пленником. Пусть Воанго ждет меня здесь, а я пойду за своими воинами!

Виллиго выбежал вон, а Джильпинг остался один с Менуали и занялся на досуге своими минералогическими коллекциями.

Чай эсквайра Джильпинга. — Блэк нашел след. —
Они здесь! — Засада. — Пять трупов.

АКОНЕЦ ДЖОНУ ДЖИЛЬПИНГУ НАДОЕЛО ждать. Он позвонил и велел подать себе чаю. Опорожнив целиком большой чайник и закусив сэндвичами и сыром, англичанин достал кларнет и принялся за свои обычные псалмы. На семнадцатом куплете игру его прервал пропадавший где-то Блэк, который вбежал в комнату, схватил Джильпинга за шюртук и начал тащить к двери. Джильпинг понял, что собака хочет куда-то его вести, но не решился уходить из гостиницы до возвращения Виллиго.

— Понимаю, чего тебе надобно, — говорил англичанин собаке, стараясь вытащить у нее полу шюртука, — но подожди, пока вернется Виллиго, тогда и пойдем.

Но собака не слушалась и продолжала настойчиво тащить Джильпинга, который, хотя и упираясь, начал понемногу приближаться к двери.

К счастью, во время этой сцены в комнату вошел Черный Орел и вывел Джильпинга из затруднения. Увидев, что делает собака, он радостно вскричал:

— Блэк нашел своего хозяина!

Собака бросила Джильпинга, подбежала к вождю и начала проделывать с ним то же, что и с англичанином.

— Хорошо, я пойду с тобой. Воанго, уступите мне Менуали, а сами оставайтесь по-прежнему здесь. Он для меня будет полезнее, чем вы, в случае если придется действовать бумерангом.

Черный Орел выбежал вслед за Блэком, который побегал вперед, радуясь, что его наконец поняли.

Гостиница в Австралии — это настоящий базар, день и ночь открытый для приезжающих. В общих залах день и ночь не прекращаются суета, ходьба, хлопанье дверями, день и ночь бегают торопливые лакеи, работающие в нескольких смен.

В эту ночь в одной из зал «Восточной гостиницы» происходило большое совещание золотопромышленников, грозившее затянуться до позднего утра. Съехавшись на праздник, эти господа воспользовались случаем совместно обсудить свои общие проблемы. Кроме того, недавно возник большой спрос на золото для нового правительства, которое собиралось чеканить свои собственные «соверены», то есть золотые монеты достоинством в один фунт стерлингов. Джильпинг, никогда и ни при каких обстоятельствах не забывавший о своей выгоде, положил в карман

крупный самородок и спустился в зал, чтобы попросить оценить его. Едва он вытащил его из кармана и показал собравшейся публике, как со всех сторон раздались крики восторга и изумления. К нему стали приставать с вопросами, где и на каком прииске добыл он такую драгоценность. Хитрый англичанин сказал, что он и сам не знает, с какого прииска этот самородок, что он получил его в уплату от одного золотоискателя. Эксперты тут же оценили его в 4 фунта 5 шиллингов за унцию. Если учесть, что английский фунт равен примерно двенадцати унциям, а Пасифик нес на себе около шестисот фунтов такого золота, то, следовательно, богатство Джильпинга могло быть оценено теперь в семьсот с лишком тысяч франков.

Обуреваемый приятными мыслями, Джон Джильпинг отправился в контору гостиницы, чтобы снять себе комнату. Ни одной свободной комнаты не оказалось, но управляющий, узнав, что мистер Джон Джильпинг — друг тех путешественников, которые так щедро за себя платят, предложил ему в саду просторный павильон из двух комнат. Джильпинг согласился и перенес туда свою «минералогическую коллекцию», полагая, что в павильоне она будет сохраннее. Затем он нанес визит Пасифику, который усиленно жевал засыпанный ему в ясли овес, и удалился в свои апартаменты, чтобы предаться безмятежному отдыху.

Между тем Виллиго по выходе из гостиницы велел своим воинам идти за собой сзади, предупредив, что в случае надобности подаст им сигнал криком гопо.

Насколько «Восточная гостиница» блистала огнями, настолько же в остальном Мельбурне было темно и тихо. В это время в Австралии еще не были открыты залежи угля, и газовая компания не могла всю ночь снабжать город газом. В час ночи все газовые трубы перекрывались, и город, если не было луны, погружался в полный мрак.

В описываемую ночь луны не было, и на улицах стояла непроглядная темнота. Только необыкновенная зоркость дикаря помогала Виллиго пробираться по улицам за Блэком, черная шерсть которого отнюдь не облегчала задачу следовать за ним.

Согнувшись в три погибели и не сводя глаз с двигавшейся перед ним черной точки, нагарнукский вождь тихо крался вдоль стен точно легкая, бесплотная тень. За ним поодиночке, также неслышно, тянулись гуськом его воины.

Блэк, не уменьшая скорости, пробежал всю Ярра-стрит, потом улицу королевы Елизаветы, пересек Стрэнд и побежал по Сент-Стивенскому проспекту. Он бежал уверенно, зная хорошо дорогу и чуя позади себя шаги Виллиго. Нагарнукский вождь

догадался, что умный пес уже успел напасть на след своего господина.

— Что-то обнаружится теперь? — думал Черный Орел. — Хорошо, если еще можно будет их спасти. Но как же беспощадно я отомщу, если Тидана окажется убитым!

Вдруг дикарь невольно содрогнулся всем телом. Блэк остановился. Виллиго торопливо подошел к собаке.

Черный пес поднялся по ступенькам подъезда какого-то красивого дома на самом конце Сент-Стивенского проспекта и привстал на задние лапы, а передними оперся на богатую резную дверь, повернув голову к Виллиго.

— Ну, что, Блэк? — спросил подошедший дикарь. — Господин Оливье тут, что ли?

Услыхав имя своего господина, собака опустила морду и начала усиленно нюхать под дверь, маша при этом хвостом.

— Значит, здесь, — убедился Виллиго. — Животное нашло след... Оно чувствует, что они здесь, и царапается в дверь.

Блэк глухо заворчал, как бы подтверждая мысль дикаря. Собака как бы негодовала на то, что дверь не открывается.

— Конечно, они здесь и, вероятно, в плену, — сделал Черный Орел свой окончательный вывод. — Но чей же это дом?

Дикарь отошел в сторону и начал осматривать окрестность. Неподдалеку виднелся собор, налево сквер принца Уэльского. Виллиго начал припоминать.

— Да, так и есть!.. Это...

И Черный Орел едва не вскрикнул.

Это был дом португальского консульства. Следовательно, Черный Орел был прав в своих подозрениях, которые старался внушить Дику. Белый шпион оказался предателем. Вероятно, Тидана и его друзья отправились к консулу в гости, а тот взял да и задержал их всех. Вместе с тем у Виллиго появилась надежда. Что-то подсказывало ему, что еще не поздно, что еще можно спасти друзей.

Виллиго чрезвычайно быстр соображал. Он сразу понял, что силой ничего не сделаешь, а ночью не поможет и хитрость. Днем можно было войти в дом белого человека и напасть на него со своими воинами, но следовало ли дожидаться дня? Теперь был еще только пятый час.

Он задумался, опустив голову на грудь. Через несколько минут он вновь ее поднял и бодро выпрямился.

В его голове созрел до дерзости смелый план, в котором отводилась, между прочим, роль и Джону Джильпингу.

Черный Орел оставил Виваго караулить подъезд консульства, а сам с остальными воинами побежал в гостиницу посовето-

ваться с англичанином. Блэка он побоялся оставить возле дома и взял с собой, привязав за веревку.

Оставив воинов на улице, Виллиго вошел в гостиницу один. Коридорный проводил его в павильон, занимаемый англичанином, который в это время сладко спал и видел во сне, будто он уже не просто Джильпинг, а лорд Воанго, английский премьер, и читает в палате написанную им тронную речь. Вот его приветствуют аплодисментами... Аплодисменты звучат так громко, что лорд Воанго просыпается... И что же? Оказывается, в дверь павильона изо всех сил стучит Виллиго.

— Отворите, Воанго!.. Да отворяйте же!

Джильпинг вскочил, весь встрепанный, и впустил нагарнука. Увидев, что дикарь один, он вскричал с глубокой, искренней грустью:

— Они погибли?

— Не знаю, но дело, по всей вероятности, очень плохо.

И Черный Орел наскоро познакомил Джильпинга с последними происшествиями. Окончив рассказ, он прибавил:

— Если Воанго поможет Черному Орлу, то наши друзья будут немедленно спасены!

— Я к твоим услугам, — отвечал англичанин.

— Хорошо. Черный Орел расскажет тебе одну историю, а ты соображай.

— Я слушаю.

— Два года тому назад Черный Орел был в Мельбурне, и вот что он видел: один скваттер заболел и, чувствуя приближение смерти, послал ночью за консулом своей страны, чтобы тот заверил его завещание.

— Очень возможно, — отвечал Джильпинг. — Консулы обязаны заверять все бумаги подданных своего государства.

— Хорошо, Воанго. Так скажи мне: всегда ли это так бывает?

— Обязательно. Если умирающий пригласит своего консула, то консул не в праве отказать.

— Так пусть Воанго заболеет и позовет к себе португальского консула.

— Это для чего? — удивился Джильпинг, не отличавшийся простотой соображения.

— Чтобы Черный Орел и его воины тем временем проникли в консульский дом и освободили пленников.

Джильпинг изумленно взглянул на дикаря. Считаая Черного Орла человеком низшей расы, он никак не мог поверить, чтобы ему в голову могла прийти такая блестящая мысль.

— Неужели Воанго колеблется? — с тревогой спросил нагарнук.

— О нет, нисколько. Для наших друзей я на все готов!

— Спасибо тебе! Воанго теперь друг Виллиго, а это не часто бывает! — заметил дикарь и рассмеялся своему невинному каламбуру.

Воанго — болотная неуклюжая птица, служащая обычно добычей орла. Джон Джилипинг тоже рассмеялся, поскольку он не понял каламбура, иначе он бы, наверное, обиделся.

Черному Орлу пришла в голову мысль поистине гениальная, а в данных обстоятельствах, быть может, единственно верная. Как ни был хитер и лукав барон де Функаль, иначе мсье Люс, но и ему не могло бы прийти в голову, что для него расставят западню в самой многолюдной гостинице Мельбурна.

Оставалось только обсудить подробности этого плана. Самый лучший способ исполнения придумал опять-таки Черный Орел.

Португальский консул не имел понятия о Джилипинге, поэтому трудная задача завлечь дипломата в гостиницу выпала на долю англичанина.

Басню придумали необыкновенно простую: будто бы друг Джилипинга, португалец родом, собирався вернуться на родину, составив себе в Австралии огромное состояние, но на пути к дому заболел в Мельбурне и, чувствуя приближение смерти, пожелал написать завещание. С этой целью он и приглашает к себе своего консула, чтобы завещание вышло по всей форме и не подавало впоследствии повода для оспаривания. Все это предполагалось произнести перед сыщиком с подобающей интонацией и ловко разыгранным волнением в конце речи. Звание члена Лондонского Королевского общества, подтвержденное дипломом, должно было окончательно успокоить сыщика.

Остальное подразумевалось само собой: Виллиго со своими воинами, спрятавшись в соседней комнате, бросятся в решительную минуту на консула, свяжут его и затем ворвутся в консульский дом.

Тут Джилипинг вставил от себя замечание:

— Но ведь консул может взять с собой несколько человек провожатых! — сказал он.

— Тем лучше: меньше народа останется в консульстве! — возразил Виллиго.

— Но ведь тогда произойдет борьба...

— Не бойся, Воанго. Они и ахнуть не успеют, как мы их схватим и свяжем.

— Так для этого нужно, чтобы кто-нибудь лег в постель; иначе у них сейчас же явится подозрение.

— Правда твоя, Воанго. Хорошо, в постель лягу я. Как только он подойдет ко мне, я кинусь к нему и схвачу его за горло.

— Этого мало, Виллиго. Нужно, чтобы кто-нибудь сидел около больного, пока я хожу, и встретил нас. Я знаю, что за народ европейские сыщики: чуть, что не так — сейчас же заметят.

— Воанго опытный муж, он настоящий муж совета! — заметил Виллиго.

Почтенный Джильпинг заботился об этих предосторожностях просто потому, что желал сберечь отца для своего многочисленного потомства, супруга для миссис Джильпинг и будущего баронета для Соединенного Королевства.

Он позвонил. Вошел коридорный.

В то время в Австралии все коридорные при гостиницах были народ отпетый, отчаянный.

— Хочешь заработать за два часа сто долларов? — спросил коридорного англичанин.

— А что для этого нужно сделать?

— Покуда я хожу, побыть здесь с этим господином, ничему не удивляться, что бы ни пришлось тебе увидеть и услышать, отворить дверь, когда я вернусь, и быстро убраться вон.

— All right, sir (хорошо, сэр).

Джильпингу очень повезло: коридорный был человеком не безгрешным и боялся властей, как огня. С его стороны нельзя было опасаться доноса или даже просто разглашения.

— Вот тебе сто долларов.

Коридорный сунул деньги в карман, переменял во рту табачную жвачку и преважно развалился на диване.

— Так я ухожу! — сказал Джильпинг.

— Подожди, я сейчас введу моих воинов! — возразил вождь.

Через несколько минут в комнату вошли пять нагарнуков. Они сбросили с себя плащи и остались в военных национальных костюмах. Коридорный, поглощенный сплевыванием табачной жвачки изо рта в таз, стоявший от него в нескольких шагах, не обратил на вошедших никакого внимания.

Джильпинг обменялся с Виллиго крепким рукопожатием. Торжественность минуты сблизила в этот момент двух людей, столь различных между собой по происхождению, воспитанию, взглядам и убеждениям.

Проходя по двору гостиницы, Джильпинг взял с собой рассыльного, которых держат при гостиницах специально для сопровождения путешественников и исполнения их поручений. Через четверть часа он уже был на месте. Не без сердечного трепета взялся он за бронзовый дверной молоток и стукнул им в доску. Он чувствовал, как сердце у него в груди то заиграет, то, наоборот, усиленно бьется. На первый стук не было ответа. Подождав немного, Джильпинг спохватился, что следует выказать нетер-

пение, иначе могут не поверить, что его послал умирающий. Он снова взялся за молоток и опять постучал, но на этот раз с гораздо большей настойчивостью.

В коридоре послышались торопливые шаги. Над дверью откинули слуховую форточку, в которой блеснул яркий свет, и чей-то резкий голос спросил:

— Кто тут?

— Джон Джильпинг, эсквайр, член Лондонского Королевского общества по отделению геологии, минералогии и ботаники.

— Что же вам угодно?

— Я желаю видеть господина португальского консула.

— Зачем он вам нужен в такой поздний час?

— Один из соотечественников умирает в «Восточной гостинице» и желает сделать завещание по всей форме. Состояние у него огромное, несколько миллионов.

— Подождите, я ему доложу! — сказал голос на этот раз гораздо мягче.

Прошло минут пять, показавшихся Джильпингу целой вечностью. Шаги слышались снова, и дверь осторожно отворилась. На пороге появился молодой человек, лет двадцати восьми, вполне одетый, несмотря на позднюю пору, и, быстро оглядев англичанина и его провожатого, сказал:

— Входите, сударь; консул согласен вас принять. Только он просит подождать, покуда он оденется.

Джильпинг хотел было отпустить рассыльного, но раздумал. Ему пришло в голову, что за ними обоими непременно будут тщательно следить, а непринужденные манеры рассыльного, который ничего не подозревал, должны были, произвести успокаивающее впечатление.

Ждать пришлось недолго, и впечатление, вероятно, было благоприятным, потому что вскоре вошел барон де Функаль с любезной улыбкой на лице.

Джильпинг с первого же взгляда убедился, что барон еще и не думал ложиться спать.

— Это вы, сударь, зовете меня к умирающему соотечественнику, который хочет написать завещание?

Сыщик говорил медленно, пытливо вглядываясь в незнакомое ему лицо. Джильпинг отвечал:

— Я, господин консул, и если вы согласны, то я бы попросил вас поторопиться, так как минуты умирающего сочтены, а он непременно желает сам распределить свое состояние между наследниками.

— Желание вполне понятное. А как зовут вашего знакомого?

Вопрос был неожиданный. Джильпинг не догадался подготовиться к нему. Он понимал, что если проявит хотя бы минутное колебание, то все пропало. У сыщика, видимо, еще не было никаких подозрений, но достаточно было малейшего повода, чтобы они возникли.

Поэтому Джильпинг быстро собрался с мыслями и отвечал не колеблясь, на ура:

— Его зовут... Мигель-Нуњес-Хоакино-Луис-Педро-Карва-
хал...

А сам в это время думал: «Уф! Кривая, вывези!»

— Вы, кажется, сказали, что у него очень большое состояние? —
спросил консул.

Но тут Джильпингу пришла в голову гениальная мысль. Он
встал с нетерпеливым видом и торопливо проговорил:

— Большое, большое... Только извините меня, господин кон-
сул, я ждать не могу. Если вы не желаете посетить моего больно-
го, то я обращаюсь к здешнему нотариусу. Мой друг может умереть
с минуты на минуту, и тогда его состояние перейдет к лицам,
которых он не терпит.

— С чего вы взяли, что я отказываюсь от исполнения своих
обязанностей? — возразил задетый за живое консул.

— В таком случае нечего медлить и терять время на праздные
разговоры, не во гнев будет вам сказано, господин консул.

— Я сейчас, сэр, сию минуту. По дороге мы захватим с собой
еще итальянского консула. Португальские законы вообще очень
требовательны относительно формы, но когда заграничное заве-
щание засвидетельствовано двумя консулами, то оно превраща-
ется в бесспорный акт.

— Не возражаю, — отвечал Джильпинг и мысленно прибавил:
— Великолепно! Это значит, на одну удочку будут пойманы две
рыбки!

Сыщик постарался взять с собой как можно больше народу.
Он был человек осторожный и в силу особенности своего поло-
жения не желал рисковать.

— Дон Кристоаль, — обратился он к секретарю, — идите,
пожалуйста, вперед и предупредите его превосходительство.

Молодой человек раскланялся и вышел.

— Дон Педро де Сильва, — продолжал консул, обращаясь к
другому помощнику, стоявшему все время в передней, — вы тоже
пойдете с нами.

— Стало быть, теперь четверо, — подумал про себя Джиль-
пинг, — если только и итальянскому консулу не придет в голову
фантазия взять с собой провожатых.

Джильпинг и консул с доном Педро, предшествуемые рас-
сылным, вышли из дома и направились к зданию итальянского
консульства. Итальянский консул не заставил себя ждать, но он
явился в сопровождении двух здоровых молодцов.

Джильпинг пришел в ужас.

— Вот уже и шесть, — пробормотал он, — столько же, сколько
дикарей.

Его утешало только то, что ни у кого из этих людей как будто не было оружия, и он возложил все надежды на ловкость нагарнуков.

Во всяком случае, дело очень усложнялось, и почтенный британец, не будучи театральным героем, начинал уже каяться, что дал себя впутать в чужую беду. Но отступать было поздно.

Благодаря обильным возлияниям сборище в общем зале «Восточной гостиницы» дошло до апогея. Все шумели, кричали, некоторые даже клевали носом, так что на вошедших никто не обратил внимания.

— Точно заседание парламента! — пошутил итальянский консул.

Опасаясь, что уединенная беседа внушит консулам подозрение, Джильпинг заметил вслух, что больного перенесли в беседку лишь на время праздников, так как его беспокоил шум.

Объяснение было весьма правдоподобное, и консулы доверчиво углубились в сад.

Подходя к беседке, Джильпинг призвал на помощь всю свою силу воли. Перед глазами у него мелькала мистрис Джильпинг, дети и будущий его замок Воанго-Холл. Он постучал в дверь.

Коридорный отворил.

— Пожалуйте, господа! — сказал Джильпинг, пропуская гостей вперед.

Посетители, ничего не подозревая, вошли в комнату, слабо освещенную ночником. Коридорный ушел.

На постели неподвижно лежал какой-то человек.

— А ему должно быть очень плохо! — тихо заметил де Функаль.

— Должно быть, он спит. Перед моим уходом доктор давал ему какое-то лекарство. Подойдите к нему и поговорите с ним.

Барон подошел к кровати, а его спутники толпились позади него, побуждаемые любопытством. Таким образом, они совершенно не могли видеть, что делается в комнате.

Вдруг Джильпинг оглянулся и вздрогнул: по ковру, точно змеи, ползли пятеро нагарнуков.

— Ну, мой друг, — сказал лже-барон, наклоняясь над умирающим, — вы, кажется хотели сделать завещание.

Под одеялом кто-то тихо шевельнулся. Все наклонились к постели.

В ту же минуту раздался грозный военный клич нагарнуков: «Вага!» Виллиго, как тигр, подпрыгнул на постели, схватил консула за горло, повалил на землю и сел на него. Прочие воины кинулись на спутников консула и тоже подмяли их под себя. Послышалось хрипение удушьяемых.

— Черный Орел, — вступился Джильпинг, — не нужно убивать понапрасну.

— Нет, — возразил Виллиго, — если их пощадить, они опять примутся за то же. Их нельзя щадить.

— Узнаем, по крайней мере, что случилось с нашими братьями.

— Для этого достаточно одного! — сказал Черный Орел.

Виллиго отпустил немного шею пленника, а когда тот опомнился, обратился к нему с угрозой:

— Только пикни — и ты погиб!

Пленник молчал.

Виллиго связал его по рукам и ногам. Пятеро остальных были уже трупам.

— В реку их! — скомандовал Черный Орел.

Нагарнуки взвалили себе на плечи каждый по одному трупу.

Ярра текла недалеко, и скоро ее волны помчали трупы в море.

Затем Виллиго приступил к допросу пленника:

— Где трое белых, которые пришли к тебе в дом?

— Я не знаю, о ком вы говорите! — уклонился сыщик.

— Берегись! Ведь я и без тебя могу отыскать их.

— Зачем же тогда ты спрашиваешь меня о них?

— Чтобы знать, живы они или умерли.

— А если умерли?

— О! Тогда... тогда тебе будет завидна участь твоих спутников. Я привяжу тебя к столбу пыток и в течение трех лун буду мучить тебя беспощадно.

Сыщик слышал кое-что о подобных пытках. У него выступил холодный пот.

— А если живы? — спросил он.

— Тогда решение твоей участи будет зависеть от них.

— О, бегите же скорее... туда... ко мне в дом... вот ключ... скорее... пока они не задохнулись.

Консул проговорил это слабым голосом и лишился чувств.

— Оставьте его, — сказал Джильпинг. — Вы слышали: они могут задохнуться. Бежим скорее!

С этими словами он вынул из кармана у сыщика связку ключей.

— Коанук, оставайся здесь и стереги пленника! — приказал Черный Орел.

И все кинулись вон из гостиницы по направлению к дому португальского консульства.

Но... не было ли уже поздно?

XI

Часы ужасной пытки. — Человек в маске. — Отчаяние
Оливье. — Страшное усилие канадца. — Спасены!

ЕРНЕМСЯ ТЕПЕРЬ К ТРЕМ ДРУЗЬЯМ, ТАК предательски захваченным в плен у португальского генерального консула.

Часы для них тянулись убийственно медленно. Около полуночи пленники успокоились и стали обдумывать свое положение. Канадец постучал кулаком по всем четырем стенам

тесной темницы, и везде эти стены издавали глухой металлический звук.

— Негодяи отлично все предусмотрели, — сказал он наконец с невольным вздохом. — Мы засажены за железные стены.

— Теперь вы, я думаю, сами видите, Дик, что у нас нет больше никакой надежды! — заметил Оливье.

— Все написано в книге судеб, дорогой граф, — отвечал канадец, — и человек не может ничего предрешать. Замечу вам покуда лишь одно: разве мы не были в еще худшем положении, а между тем до сих пор остались живы? Нет, я надеюсь на некую высшую волю, которая может, если захочет, обратить в ничто все козни врагов.

— А вы ручаетесь, что эта высшая воля захочет? — печально спросил Оливье.

— У меня есть какое-то невольное предчувствие.

— Ну, скажите... ну, разве есть у нас какое-нибудь средство к спасению?

— Сознаюсь, я не вижу никакого, но нужно принять в расчет разные посторонние обстоятельства. Мало ли что еще может случиться. Поверьте, поверьте, друзья, моему внутреннему убеждению: не здесь суждено нам окончить жизнь.

— Хорошо, постараюсь поверить. Но нет, это выше моих сил. Я не могу надеяться.

— Как знать? Быть может, нам даже не понадобится внешняя помощь.

— Что вы хотите сказать?

— Мне вдруг пришло в голову... Я даже не решаюсь сказать, что именно. Однако вот что: нас, вероятно, слушают. Стоит приложиться ухом к стене, чтобы в этом убедиться. Снаружи до нас доходят звуки. Мы можем тоже слушать. Давайте. Тише теперь: кто-то там ходит.

Послышался стук дверного молотка. Кто-то побежал открывать. Все трое приложились ухом к металлической доске.

До них явственно донеслись фразы, которыми господин Люс обменялся с пришедшими.

— Ну, что же? — спросил голос, чрезвычайно похожий на голос итальянского консула, — удалось вам?

— Удалось, — отвечал Люс, — они тут все трое. Пружины действовали прекрасно, и доски опустились с быстротой молнии.

— Это не составило большого труда?

— Они попались, как бараны. Мне даже стало их жалко и было как-то совестно. Они шли по коридору так уверенно, так наивно, что у меня язык чесался крикнуть им: стойте, не ходите!

— Как это могло вам прийти в голову! — вскричал чей-то сердитый голос, незнакомый пленникам.

— Но ведь я же этого не сделал, а за мысли человек не отвечает, — возразил Люс. — Я же человек, а не зверь. Я исполняю то, что мне приказано, но голоса совести не могу, не умею заглушить. Вам до этого дела нет, но мне-то самому ужасно тяжело и больно!

— Если ты когда-нибудь попадешься мне в руки, — прошептал канадец, — то эти слова тебе зачтутся, и я пощажу тебе жизнь. Я тоже сумею пожалеть тебя, несчастный!

— Как вы добры, Дик, — сказал Оливье, кладя ему на плечо свою руку.

— Берегись, сударь, — возразил сердитый голос, — с такими убеждениями нельзя быть Невидимым.

— Странно, но я слышал этот голос где-то прежде, — сказал Оливье. — Только где именно?..

— И я слышал, — согласился Дик. — А! Теперь вспомнил! Помните наш плен у дундарупов?

— Замаскированный незнакомец! — вскричал Оливье с невольной дрожью. — Опять он!

Этими словами пленники обменялись наскоро, не переставая слушать продолжавшийся тем временем разговор.

— До сих пор я не подавал никакого повода к неудовольствию, — говорил Люс, — но теперь это безжалостное преследование графа... Я не могу этому помешать, даже соучаствую в этом, но тем не менее мне тяжело, тяжело сознавать, что я работаю ради чужого интереса.

— Что вы этим хотите сказать?

— Что графа преследуете вы, именно вы, и главным образом потому, что видите в нем счастливого соперника.

— Мой соперник в Мельбурне! — чуть не вслух произнес Оливье.

— Оставим этот разговор, — сказал, смягчая голос, незнакомец. — Скажите лучше, все ли сделано так, как я говорил?

— Повторяю: они заперты в железной клетке.

— Следовательно, он отклонил наши предложения?

— Понятно, отклонил.

— Вы знаете, что нужно делать дальше?

— Мне приказано содействовать в захвате графа и его товарищей. Они захвачены. На этом мои обязанности кончаются.

— Как? Значит, вы не преградили доступ воздуху?

— Нет, я не считаю это своей обязанностью. Я не убийца и не желаю им быть. Доканчивайте сами, как знаете.

— Это ничего не значит, — вмешался итальянский консул, все время молчавший. — Я к вашим услугам, сударь. Располагайте мною.

— Что он сказал? — спросил Оливье, не расслышавший конца разговора.

— Не знаю! — отвечал Дик.

Но Дик сказал неправду. Он все понял — понял, что их собираются задушить, и весь похолодел от ужаса.

Настало молчание, потом послышался звук как бы заводимых стенных часов с гирей, потом все опять стихло.

Наконец до пленников долетели слова:

— Вы отвечаете за последствия. Все должно кончиться через час. До свидания.

И дверь захлопнулась.

Канадцу послышался чей-то вздох, а затем кто-то медленными шагами направился во внутренние комнаты дома. Все крутом затихло, как в могиле.

Пробило два часа.

Дику сначала показалось, что он не так понял и что доступ воздуха не прегражден, но вскоре он почувствовал, что ему нечем дышать. Товарищи его молчали. Наконец Оливье сказал:

— Не находите ли вы, что здесь душно, Дик?

— Еще бы не было душно, граф, в такой тесноте!

— Совершенная могила! — вздохнул граф.

Канадец вздрогнул; он и сам уже потерял надежду.

Тут он услышал стук в дверь, потом шаги и отрывки разговора, из которого он понял, что Льюс куда-то уходит из дома. Но от этого узникам было не легче. Воздух исчезал с невероятной быстротой.

— Дик! Дик! — прокричал опять Оливье. — Спасите!.. У меня в ушах стучит, голова пылает, мне душно, душно... Да что же это такое делается, Дик?

— Негодяи! — пробормотал Дик.

Лоран тяжело дышал в своем углу. Он тоже чувствовал, что ему приходит смерть. Ему и Дику, как наиболее физически сильным, приходилось особенно плохо. Узники хрипели.

— Дик, Дик! — прокричал опять Оливье. — Спасите!.. Спасите!.. Умираю!.. Ох!.. Умираю!..

— Все в Божьей воле, граф! — мог только ответить верный канадец.

Но тут произошло нечто неслыханное, невероятное... Обезумев от боли и отчаяния, канадец уперся ногами и спиной в две

противоположные стены тюрьмы и, собрав всю силу своих мускулов поднатужился. Началась глухая борьба между живым человеком и бездушной материей. Бездушная материя не уступала, но и живой человек не терял еще энергии. Оливье воскликнул в последний раз:

— Помогите!.. Умираю!.. О, Боже мой! — и, прокричав это, затих, как ребенок.

Не помня себя от ярости, канадец отчаянно собрался в последний раз с силами, напряг мускулы и разом выпрямился, точно стенобитный таран, пущенный в ход могучей пружиной.

Послышался металлический треск... Ура! Победа! Железная стенка треснула в пазах, подалась и вылетела вон на паркет коридора. Обессиленный богатырь упал бесчувственной массой рядом со своими товарищами.

Но это ничего не значило. Воздух, благодетельный воздух, незримой, но ошутительной волной хлынул в западню и уже начал проникать в отекавшие легкие пленников.

Узники были спасены.

Первым встал на ноги Лоран. Открыв глаза, он удивился, увидев своих товарищей расprostертыми на полу в обмороке. Он успел забыть все, что с ним было, и лишь понемногу начал припоминать и соображать. Его изумление не имело границ, когда он увидел зияющий пролом, образовавшийся благодаря богатырским усилиям мышц канадца. Из полуотворенной двери в кабинет консула тянулась по полу полоса света, которая позволила Лорану разглядеть обстановку. Первой его заботой было поспешить на помощь Оливье и Дику, которые еще не могли говорить, но уже делали усилия встать. Он помог им присесть, прислонившись спиной к стене, и начал, как мог, приводить их в чувство.

— Пить! — проговорил канадец, обессиленный не столько духотой, сколько нечеловеческим напряжением сил.

Лоран осторожно подошел к полуотворенной двери, толкнул ее и, не видя никого в комнате, переступил через порог. У самого входа стоял столик, на котором было приготовлено все, что нужно для грога: графин с водой, несколько стаканов, сахарница и бутылка с коньяком. Взяв два стакана, Лоран сделал в них грог и обеими руками поднес их разом своим друзьям. Те выпили грог залпом и полностью очнулись.

— Мы спасены! Во второй раз вы нас спасаете, Дик! — таковы были первые слова, произнесенные графом д'Антрэгом.

Молодой человек понял все с первого же взгляда. Он увидел выломанную доску на полу и кровь на бороде у Дика. К канадцу между тем вернулись все его силы.

— Однако позвольте: что это такое с нами было? — продолжал граф, еще не вполне отдавая себе отчет в происшедшем.

— Нас заперли в западню с железными стенами, — отвечал Дик. — Негодяи хотели нас извести, перекрыв доступ воздуха ... Но теперь не время для объяснений, граф, бежим скорее: негодяи с минуты на минуту могут сюда войти, а нас мало.

Три друга взяли в руки свои револьверы и пошли к двери.

— Она заперта на два поворота, — сказал канадец, — но это пустяки. Я сейчас выломаю замок.

Где-то вдали раздался собачий лай.

— Точно Блэк лает! — заметил Оливье.

Лай слышался все ближе и ближе, смешиваясь с торопливым топотом приближающихся людских шагов.

Три друга прислушались, затаив дыхание.

— Они пришли сюда... остановились, — сказал канадец. — Не робейте, друзья. Сколько бы их ни было, идем вперед!

Ответом на его речь был звук взводимых курков, затем все стихло. Настала томительная тишина.

— Я брошусь на нападающих первый; вы бросайтесь за мной, — распорядился Дик. — Как только они отворят дверь, я оттолкну их назад и...

Послышался звук вставляемого в замок ключа, который с обычным визгом повернулся в замке два раза. Дверь отворилась, и отпирающий ее Джильпинг, отступив назад, пропустил вперед нагарнуков.

— Вага! — весело крикнул Виллиго, первым вбегая в дом.

— Вага! Вага! — дружным хором повторили за ним нагарнукские воины.

Этот крик сразу остановил казалось неминуемое столкновение.

— Стой! — крикнул своим друзьям канадец. — Это Черный Орел!

— Тидана! Тидана! — с дикой радостью завопил Виллиго.

И оба бросились друг другу на шею.

Тогда раздался гнусавый, протяжный голос Джона Джильпинга, эсквайра из Воанго-Холла, заявившего наконец о своем присутствии возгласом:

— О! Кажется, мы пришли в самый раз!

ХП

Жизнь в буше. — Странные феномены австралийской фауны. — Охотники.

НМНОГО НАЙДЕТСЯ НА СВЕТЕ ТАКИХ живописных местностей, как австралийский буш с его зелеными лугами, на которых пестреют роскошные цветы, с его благовонными рощами сирени, акаций и гигантских эвкалиптов.

Нигде не встретишь такой, как там, свежести и тишины; далеко, насколько глазом можно окинуть, расстилается бесконечная равнина, на которой зеленые ковры чередуются с душистыми рощицами и тенистыми, темными лесами, где находят себе приют разнообразнейшие виды птиц и животных.

Целые дни, целые месяцы вы можете ездить по этим бескрайним равнинам, лишь кое-где прорезанным невысокими холмами, и всюду вы встретите ту же цветущую природу, те же зеленющие луга, те же рощицы, увитые ползучими лианами, и те же леса, полные таинственной тишины, лишь изредка нарушаемой криком птицы или шорохом осторожного зверя.

А что за экземпляры животных будут встречаться вам на каждом шагу! Тут вы увидите летучую собаку, всевозможные виды кенгуру, от достигающих роста оленя и до не превышающих размерами обыкновенной крысы; увидите дациуру с хвостом лисицы и огромными усами; увидите опоссумов, фалангеров, вомбатов; увидите ленивца и летучую лисицу, то есть громадного нетопыря, бросающегося на спящих путников и сосущего из них кровь; увидите «парадоксосу» со спиральным хвостом, которым это странное животное цепляется за ветку и висит, мерно качаясь, как маятник.

Далее вы познакомитесь с утконосом, несущим яйца и кормящим детенышей молоком, — животным, живущим одинаково и на земле, и в воде, животным, ползающим, лазающим и плавающим; увидите плащеносную ящерицу, хамелеона-лягушку, прозванного так за почти постоянную жизнь в воде; увидите сосальщика, страшного червя, который бросается на путника и присасывается к его лицу шестью ротовыми сосальцами, так что от него можно отделаться, лишь разрезав ему спину по всей длине.

Вообще в Австралии как среди растительного царства, так и среди животного встречаются такие странные виды, что этот материк этот представляется какой-то переходной территорией от первобытности к новейшей эпохе. Кажется, будто там вся

природа — и растения, и животные, и люди недавнего происхождения, так что полная эволюция еще не успела совершиться.

Вот вам пример: в Австралии есть хищное, — да, хищное, — плотоядное растение.

Это круглолистная *drosera*, покрывающая своими белыми цветочками поляны в эвкалиптовых лесах. Ее листья покрыты темно-красными волосками, из которых выделяется липкая жидкость, хранящаяся у основания волосков в виде маленьких капелек росы. В середине листка эти волоски короче, чем у краев, и таким образом они образуют воронкообразное углубление, на дне которого блещат прозрачные капельки. Горе насекомому, которое соблазнится видом этих капелек и сядет на листок, чтобы напиться их! Клейкое выделение сейчас же свяжет насекомому крылья и лапки. Лист свернется, и из волосков вытечет жидкость, которая окончательно поглотит насекомое. Затем насекомое поступит в центр листка, где та же самая жидкость находится в брожении и походит свойствами на наш желудочный сок. Тогда наступает настоящее пищеварение: мясистые части проглоченного насекомого растворяются, и растение усваивает их, отбрасывая неперевариваемые части.

Описанные нами диковинки австралийской фауны и флоры, а равно и многие другие, о которых мы не станем сейчас упоминать, служили в один прекрасный день темой для разговора между тремя мужчинами, медленно шедшими с винтовками за плечами по тропинке, которая змеилась между Лебяжьей рекой и огромным лесом, покрывавшим весь берег этой реки от верховьев до устья.

Один из путников только что убил в приречном болотце огромного утконоса, подавшего повод к интересной естественно-исторической беседе.

— О! — протянул с сильным английским акцентом один из путников, подводя итог разговору. — О, Лондонское Королевское общество получит от меня такой интересный реферат, какого оно уже давно не получало... Не получало, пожалуй, со времени указа об его учреждении, подписанного Георгом Третьим...

— И если прибавить к этому семь тысяч восемьсот тридцать пять Библий, розданных вами туземцам, — отвечал другой путник, тщательно скрывая иронию в голосе, — то ее величество королева, чтобы быть справедливой, должна будет пожаловать вам звание лорда с каким-нибудь австралийским титулом... Кстати, это будет первый австралийский титул...

— О, я вам очень благодарен за комплимент, — отвечал первый путешественник, не замечая иронии. — Но вы забыли, что я благодаря вам имею возможность сделать такое описание при-

иска, которое впервые ознакомит Англию с геологическими свойствами золотоносной почвы Австралии.

— И мы пришли к вам отсюда в подарок корону пэра, сделанную из золота с нашего прииска и с надписью: «Первому лорду Воанго».

— О, сэр!.. Клянусь, это будет лучшим днем в моей жизни.

— Кажется, господа, мы подходим к лагерю, — сказал третий путник, до сих пор молчавший. — Вон за тем поворотом реки виднеется дымок. Я уверен, что это наши товарищи развели огонь и готовят нам жаркое... из кенгуру, опоссума или кого-нибудь в этом роде. Я не прочь бы заморить червячка, а вы какого об этом мнения, граф?

— Я, Дик, совершенно с вами согласен, — отвечал молодой человек. — Appetit у меня разыгрался такой, что я не хуже Исава готов продать право первородства за чечевичную похлебку.

Читатель, вероятно, уже догадался, кто такие были путники, следовавшие берегом Лебяжьей реки. То были наши друзья канадец Дик, граф Оливье Лорагю д'Антрэг и distinguished Джон Джильпинг, эсквайр, член Лондонского Королевского общества и кандидат в пэры Соединенного Королевства с экзотическим титулом лорда Воанго из Воанго-Холла, как уже начали его называть в шутку Дик и Оливье.

Оливье за это время выучился нагарнукскому языку и, понимая значение слова Воанго, не мог без улыбки видеть, с каким удовольствием наивный британец принимал свое курьезное прозвище.

Друзья незадолго перед тем сделали привал на двое суток в одном прелестном заливчике Лебяжьей реки и утром на заре отправились в небольшую зоологическую и ботаническую экскурсию.

Теперь они голодные возвращались в лагерь, где их дожидались Лоран, Виллиго, Менуали и один фермер по имени Уолтер Кэрби, родом американец, у которого на Лебяжьей реке было обширное ранчо. Путешественники познакомились с ним в «Восточной гостинице»; фермер оказался превосходным малым, и они взяли его в свою компанию.

Distinguished Джон Джильпинг, уже собравший превосходную коллекцию для Британского музея, решил во что бы то ни стало предоставить, кроме того, Лондонскому Королевскому обществу коллекцию всех животных и растений, которые встречаются только в Австралии. Для обычного кабинетного составителя коллекций этот труд был бы огромным и занял бы несколько

лет времени, но Джильпинг при помощи нагарнуков и Дика достиг своей цели почти шутя.

Менуали то и дело приносил ему всевозможные замечательные растения, а Дик и прочие белые люди постоянно охотились за встречными животными. Сам Джильпинг с замечательной ловкостью и быстротой приготавливал чучела. Специально нанятая в Мельбурне для перевозки этих препаратов тележка везла на себе уже десятка два ящиков.

В тот вечер, когда мы снова встретились с нашими друзьями, охота была особенно удачна. Убито было несколько замечательных животных, каждое в двух экземплярах. Три друга возвращались в лагерь довольные, веселые и, как мы уже видели, страшно голодные.

Предсказание Дика оправдалось. Виллиго, не признававший никакой науки, подстрелил великолепного кенгуру, и его мясо уже дожаривалось на весело потрескивавших углях.

Джильпинг, заранее приходя в восторг от предстоящего пиршества, принялся рыться в багаже, навьюченном на кроткого Пасифика. Он достал оттуда шесть бутылок эля, три бутылки портера, бутылку бренди, несколько коробок разных приправ, пикулей, соли и прочего, присоединил к этому глыбу превосходного честерского сыра, без которого решительно не мог жить, и начался пир горой.

А пока наши приятели ужинают, постараемся объяснить читателю, какими судьбами очутились они среди австралийских лесов после описанных нами в предыдущей главе драматических событий.

XIII

Советы Люса. — Новый прииск. — Открытие золота в Австралии. — План лесовиков. — Посещение рудников.

А ДРУГОЙ ДЕНЬ ПОСЛЕ СВОЕГО ПОЧТИ чудесного спасения приятели собрались на совещание, и тут было решено пощадить жизнь сыщика Люса с тем, чтобы он дал слово уехать из Мельбурна с первым пароходом и впредь ничего не предпринимать против графа д'Антрэга. Условие было принято и в точности исполнено.

Перед отъездом у Люса спросили, кто такой замаскированный человек, руководивший всем делом.

— Я не могу вам этого сказать, даже если бы мне грозила смерть. Я связан клятвой. Но позвольте дать вам совет: употре-

бите все силы, чтобы узнать имя этого человека. Только в тот день, когда вы это узнаете, вы можете быть спокойны, что отделались от Невидимых.

— Совет не дурен, — отвечал канадец, — только как же его исполнить?

— Если бы ваши дикари не убили двух моих подчиненных, то это было бы очень легко. Весь вопрос был бы в деньгах. Теперь в Мельбурне есть только один человек, кроме меня, который может вам сказать... Но, кажется, я не имею права называть вам даже и этого человека...

— Отчего же? Ведь относительно этого человека вы не связаны клятвой?

— Нет, но ведь это все равно... Это уже была бы уловка.

— У вас есть только одно средство загладить ваше поведение по отношению к нам, — вмешался Оливье, — это назвать нам имя человека, о котором вы говорите.

— Ну, так и быть... Ищите негра, бывшего слугой у боксера Тома Пауэлла. Он видел замаскированного человека без маски и знает его в лицо. Кроме того, могу вас уверить, что вы избавлены, по крайней мере, на год от этого Невидимого: ему нужно съездить в Европу, посоветоваться с товарищами и вернуться назад. На это потребуются довольно много времени... Прощайте, господа. Больше я ничего не могу вам сказать.

Двадцать четыре часа спустя Люс покидал Мельбурн. Друзья целую неделю после этого искали по всем закоулкам Мельбурна слугу Тома Пауэлла, но не нашли. Они узнали только, что этого слугу разыскивал, кроме них, еще один господин, и также безуспешно. Приятели догадались, что этот человек был не кто иной, как замаскированный незнакомец, хватившийся денег, заплаченных им Тому Пауэлла. Но слуга был, очевидно, малый не промах и скрылся, присвоив себе деньги умершего боксера.

Решено было бросить поиски и ехать наконец на Лебяжий прииск. Оливье предъявил властям патент на концессию, и те, как ни досадно им было, вынуждены были ввести его во владение. Весь деловой мир Мельбурна пришел в неопишемое волнение, узнав об открытии прииска и одновременно об уступке его чужестранцу. Золото, разменянное Джильпингом, довершило сенсацию. Оно оказалось замечательно чистым, и о его происхождении с нового прииска сразу все догадались.

Сверх того, из Сиднея пришло известие, что там еще раньше Оливье нашли золото на два миллиона франков. «Восточную гостиницу» со всех сторон осадили делыцы с предложениями услуг для разработки прииска. Заочно, еще не видя прииска, многие капиталисты предлагали графу д'Антрэгу пятьдесят

миллионов разом не за переуступку концессии, на что графу не было предоставлено права, а только за право эксплуатации прииска в течение двадцати лет.

Любопытна эта история, история открытия золота в Австралии, и необычайно быстрый рост эмиграции, вызванный этим открытием. Благодаря ему Мельбурн, незначительное местечко с тремя или четырьмя тысячами жителей, в несколько лет превратился в крупный центр, насчитывающий от ста пятидесяти до двухсот тысяч населения.

Случилось это так. В двух днях пути от Мельбурна четверо отбывающих срок наказания преступников корчевали низкорослый дубовый лес, расчищая место для постройки небольшого ранчо. Ежемесячно один из этих четверых приезжал на осле в город для закупки необходимых припасов и получения пособия, отпускаемого ежемесячно в течение одного года отбывавшим срок наказания каторжникам, согласившимся стать оседлыми поселенцами-земледельцами. И вот один из четверых товарищей по имени Джон Нолар вздумал на обратном пути сократить расстояние до строящегося ранчо и вместо обычной дороги направился вдоль берега, а затем свернул по направлению к цепи холмов, которую он считал расположенной вблизи их участка. Но оказалось, что он заблудился. Однако прежде чем вернуться назад, он решил взобраться на высшую точку этих холмов, чтобы сообразить, где именно он находится в данный момент. Все эти холмы представляли собой бутры, сплошь состоящие из наносной почвы, на которой из-за отсутствия воды не встречалось почти никакой растительности.

Едва только он начал взбираться на один из этих холмов, как, к немалому своему удивлению, заметил в следах, оставляемых копытами его осла, многочисленные желтые крупинки, искрившиеся на солнце, как золото. Недолго думая, он принялся разрывать почву своим охотничьим ножом и без всякого труда находил крупинцы зерен и целые комочки того же блестящего желтого металла. Будучи по профессии слесарем, Джон Нолар сразу сообразил, что этот металл мог быть только золотом, так как на нем не было ни малейших следов окиси, и, не теряя времени, принялся наполнять им свои карманы. Золото было здесь в таком изобилии, что он мог бы нагрузить им и своего осла, но, как человек разумный, он удовольствовался сравнительно незначительным количеством и принялся исследовать окрестность, чтобы убедиться, на каком протяжении раскинулись эти золотые россыпи. Оказалось, что чуть ли не вся эта местность представляла собою одну сплошную россыпь.

Уже и до того было известно, что в Австралии встречается золото; его видели в руках туземцев, которые, однако, не сумели или не пожелали сказать, где и в каких именно местах оно встречается, и потому была назначена премия сто тысяч долларов тому, кто первый укажет залежь золота, хотя бы даже незначительную, однако до сего времени ничего еще не было открыто. Поэтому Джон Нолар, сделав заявление, получил премию и весьма значительную концессию, которую он великодушно разделил со своими тремя товарищами.

Весть об этой находке, словно громом, поразила город; все точно ожили, восторжеслись; магазины, здания, мастерские и всякого рода грандиозные сооружения стали вырастать, как по волшебству. Глядя на эти россыпи, сотни пионеров стали искать повсюду новые залежи золота. Его стали находить повсюду и в таком количестве, что не стало хватать рабочих рук для его добычи; пришлось выписывать рабочих из Европы и Америки. А золота было так много, что деньги утратили всякую цену; люди платили за предметы первой необходимости не деньгами, а сначала щепотками, а там и пригоршнями золота. Но вскоре не стало ни булочников, ни сапожников, ни портных: все они обратились в золотоискателей; у каждого был свой прииск. Никто не хотел работать; даже товары, прибывающие из Европы, некому было выгружать, за неимением чернорабочих: все сделались диггерами, или золотоискателями, все бросили свои обычные занятия в погоне за легким заработком.

Это было какое-то опьянение золотом; все как будто потеряли голову. Весь Мельбурн превратился в какую-то ярмарку удовольствия. Повсюду в городе завелась игра, и игра безрассудная, безумная: целые громадные состояния в одну ночь переходили из кармана в карман. Кроме карт, устроили в Мельбурне рулетку, и сотни золотоискателей, явившихся сюда с карманами, полными золота, по утру возвращались домой без гроша, не имея даже чем заплатить за шкалик джина перед началом работы. Но несколько ударов кирки или заступа — и убытки с лихвой покрывались. Иногда же проигравшийся в пух и прах золотоискатель, не видя перед собой никакого выхода, пускал себе пулю в лоб из пистолета, одолженного у товарища.

Мало-помалу, однако, это безумие улеглось, и жизнь стала входить в нормальную колею.

И вот в это-то время, когда у Мельбурна стал как бы прорезываться «зуб мудрости», явился сюда молодой граф д'Антрэг. И вдруг это новое открытие чудовищно богатого прииска! Понятно, оно снова взволновало все умы, да притом еще концессия на этот прииск, нечто до сих пор совершенно неслыханное. Как мы уже

видели, некоторые дельцы пытались уже завладеть этим прииском, сделав счастливому владельцу положительно невероятное во всякой другой стране предложение.

Пятьдесят миллионов с уплатой половины при подписании контракта, а другой половины через шесть месяцев под ручательством австралийского банка ввели графа Лорагу в сильное искушение, и сам по себе он был бы, пожалуй, не прочь заключить контракт. Но он считал себя не собственником прииска, принадлежавшего по справедливости канадцу, а только подставным лицом, и потому предоставил решение вопроса Дикю, заявив, что сам он не имеет никакого мнения по этому поводу.

Предоставленный самому себе, канадец решительно отклонил предложение капиталистов, хотя и сознавал, что оно очень выгодно. Мотивы, руководившие Диком, осмелая бы всякий трезвый человек, но Оливье принял их с уважением, которое он считал своим долгом оказывать пожилому другу.

Канадец находил, что золотопромышленники — нехорошие, не куда не годные люди, что они всюду, где ни появляются, вносят разврат и беспорядки. Канадцу не хотелось допускать, чтобы этот сброд «поганил» девственную землю, лежащую вдобавок так близко от поселений столь милых сердцу Дика нагарнуков. Разумеется, Черный Орел вполне разделял взгляд своего друга Тиданы и поддерживал его намерение разрабатывать прииск собственными средствами.

Они отклонили предложение капиталистов и занялись набором людей для экспедиции. Набирал сам канадец; он подыскал двадцать надежных людей, считая это число вполне достаточным для достижения своей цели. Наемникам была обещана целая треть всего найденного золота, а остальные две трети предназначались в пользу собственников прииска.

Руководство отрядом поручили одному старому скваттеру Коллинзу, старинному другу Дика, вместе с ним исколесившему Австралию вдоль и поперек. Каждому дали по магазинной винтовке, сабле и револьверу. Сверх того, к отряду присоединили около дюжины огромных английских собак для выслеживания бандитов и охраны лагерных мест.

За отрядом ехал целый обоз телег с оружием, припасами и инструментами.

Отряд выступил пешком прямо на прииск, до которого этим способом было четыре месяца пути. Канадец и его друзья поехали отдельно верхом с тем, чтобы посетить Сент-Стивенские рудники в окрестностях Мельбурна. Накануне их отъезда Виллиго в последний раз побывал в «Чертовом кабачке», чтобы оконча-

тельно уговориться с Бобом относительно мнимого содействия нагарнуков замыслам лесовиков.

Условились, что лесовики выступают три дня спустя после отъезда европейцев и будут следовать за ними на известном расстоянии, ничего не предпринимая, пока Виллиго не даст знать, что все готово. Коанук и Нирроба должны были идти с лесовиками в качестве проводников. С Боба Виллиго взял обязательство, что без сигнала от нагарнуковского вождя лесовики не станут совершать нападение, в противном случае Черный Орел снимал с себя ответственность.

Вообще Черный Орел готовил лесовикам коварную и гибельную для них ловушку.

Канадец и Лоран купили для себя двух рослых верховых лошадей, а Менуали получил оставшегося свободным мустанга. Джильпинг сохранил своего Пасифика, а к мулу был прикуплен другой мул, и обоих запрягли в тележку с багажом.

И вот мы встретили наших друзей во время их возвращения в лагерь с удачной охоты.

После обильной закуски маленький отряд расположился на отдых. Перед тем зашел спор, кому караулить на привале, Кэрби и Джильпинг после обильного, чисто английского возлияния эля и бренди решительно не были в состоянии дежурить и завалились спать. Виллиго объявил, что дежурить намерены он и Менуали и что он никому не уступит дежурства. Он сам не мог объяснить почему, но им овладело какое-то тайное предчувствие. Он что-то заподозрил, стал чего-то опасаться.

Противоположный берег Лебяжьей реки прилегал к территории нирбоа, племени воинственного и жестокого, прославившегося своей безумно дерзкой смелостью; поэтому прежде всего необходимо было знать, в каких отношениях находятся теперь эти нирбоа к нагарнукам и исходя из этого либо ослабить, либо усилить свою бдительность.

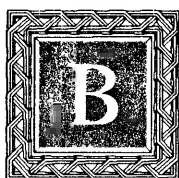
В ту пору, когда Черный Орел уходил из родного селения, оба племени жили мирно, но теперь, как передавал юный Менуали, покинувший своих на целых шесть месяцев, уцелевшие после своего страшного поражения дундарупы успели настроить нирбоа против нагарнуков, и война могла быть объявлена с часу на час.

Что делало Виллиго особенно могучим и непобедимым, так это его удивительная предусмотрительность: он всегда был настороже, и его никогда нельзя было поймать врасплох; он все видел, все замечал и придавал серьезное значение малейшим обстоятельствам, часто даже таким пустякам, на какие никто другой на его месте не обратил бы внимания.

Дело в том, что в этот день он, охотясь, нашел в траве голубиное перо. По всей вероятности, оно выпало из крыла какого-нибудь голубя, пролетевшего мимо, и никто другой не обратил бы на это внимания. Но Черный Орел был дикарь. Малейшее обстоятельство возбуждало в нем тысячу подозрений, и вот он пожелал непременно охранять привал сам, не доверяя ничьей зоркости.

XIV

На страже. — Крик пагу. — Смерть Менуали. — Похоронный обряд.

ИЛЛИГО БЕСШУМНО ПРОХАЖИВАЛСЯ вокруг лагеря среди непроглядной темноты, чутко настораживая зрение и слух. Но все было тихо, только Джильпинг бредил время от времени, видя себя во сне в палате лордов. Менуали караулил в нескольких шагах впереди и также неусыпно, как его храбрый вождь.

Вдруг послышался крик гопо. Виллиго встрепенулся. Неужели это Менуали зовет его?

Он подался вперед и позвал шепотом:

— Менуали! Менуали!

Вместо ответа послышался насмешливый крик птицы пагу; затем все стихло.

Вне себя от гнева Виллиго закричал:

— Вага! Вага!

Пройдя еще десяток шагов, он наткнулся на чье-то теплое тело. Нагнувшись и потрогав его, он выпачкал себе руки в крови. То лежал Менуали, предательски убитый камнем, брошенным сзади.

Сбежались европейцы. Юноша, родной племянник Виллиго, который любил его, как сына, находился при последнем издыхании. Он мог только прошептать «дундаруп» и испустил дух.

Черный Орел, не знавший слез, зарыдал, как ребенок.

А вдали вторично раздался крик пагу. Дундарупы, не смея напасть на вождю, предательски убили его сына, который даже не был еще воином. И теперь они торжествовали свою бесчестную победу.

Винтовки европейцев долго стреляли наудачу в темноту. Но выстрелы пропали даром. Дундарупов не было, они сделали свое дело и скрылись.

Не долго плакал Черный Орел. Он ведь был вождем. Зачерпнув воды из реки, он благоговейно омыл рану племянника и все

его тело, а потом положил труп на ложе из сухих листьев и ветвей, шепча таинственные заклинания. Затем он выпрямился и обратился к канадцу:

— Брат мой Тидана, стереги труп моего сына от нечистых птиц, я скоро вернусь!

— Куда же ты идешь?

— Отомстить!

С этим словом Черный Орел крепко пожал другу руку и скрылся в темноте.

— Но ведь его убьют! — заметил Оливье Дикю.

— Не беспокойтесь, граф. Дундарупы его боятся и разбегутся, как только завидят его. Поверьте мне, Черный Орел устроит своему племяннику кровавые поминки. Я второй раз вижу его плачущим с тех пор, как познакомился с ним. То было двенадцать лет назад. Вождь тогда только что женился на молоденькой девушке из своего племени и по туземному обычаю удалился с молодой женой в уединенную хижину из ветвей, вдали от деревни. Уйдя однажды на охоту, Виллиго по возвращении не нашел ни хижины, ни жены. От хижины остались одни курящиеся обломки, возле которых лежал труп новобрачной. Тогда-то он и плакал в первый раз... Он поклялся в смертельной вражде к дундарупам и сдержал свое слово... С тех пор навсегда исчез мир между дундарупами и нагарнуками. Последние вышли из борьбы победителями, и дундарупы как самостоятельное племя, собственно говоря, не существуют. Жалкие остатки их вошли в состав других племен, главным образом нирбоа и нготаков.

— То-то он ненавидит их так сильно! — сказал Оливье. — Теперь я его вполне понимаю.

— Вместе с тем он ненавидит и лесовиков. Встретив незнакомого ему европейца, он непременно убивает его. Он лелеет одну несбыточную мечту. Считая лесовиков врагами всякого порядка и источниками всяких бедствий, он мечтает в один прекрасный день собрать их разом человек двести или триста и всех истребить. Надо вам сказать, что в убийстве жены замешаны не только дундарупы, но и лесовики. Это достоверно известно.

— Вообще, Дик, для меня ваш друг загадка. Он ходит какой-то мрачный, задумчивый, вид у него какой-то таинственный. Право, он что-то замышляет.

— Очень может быть, но будьте уверены, что он не замышляет ничего вредного для нас. Ни в его честности, ни в его преданности не может быть никакого сомнения. За это я ручаюсь вам, граф!

— О, я верю и вам, и ему! — сказал Оливье, пожимая руку канадца, который молча ответил графу рукопожатием.

Так разговаривали друзья, сидя на траве возле мертвого тела юноши и держа наготове свои винтовки. Ночь была тихая, только монотонный ропот волн Лебязьей реки, протекавшей поблизости, да изредка крик ночной птицы нарушали глубокую тишину. Кругом летали отвратительные вампиры, почуявшие запах свежей крови, и иногда задевали своими шерстистыми крыльями лица бодрствующих. Некоторые из этих рукокрылых простирали свою дерзость до того, что даже садились на труп, но канадец всякий раз сгонял их дулом винтовки. Эти поганые животные представляют собой настоящую язву австралийских лесов и обладают таким тонким обаянием, что за целую милю слышат запах даже маленького мертвого животного. Иногда, побуждаемые голодом, они нападают и на живых. Горе путнику, прельстившемуся в лесу мягкой травкой, которая как бы манит отдохнуть на ней. Он ложится спать на душистое ложе, забыв о вампирах. Вот он засыпает, глаза его слипаются, видит сквозь сон, что над ним начинают носиться противные гадины, издающие странный одуряющий запах. Путник хочет встать, но не может: этот запах парализует его. Им овладевает летаргическое состояние: он все видит, все чувствует, но не может шевельнуть пальцем. Сильный запах мускуса ударяет ему в голову; животное опускается и садится на него. Несчастный чувствует на себе влажное, холодное, липкое тело. Он содрогается от ужаса, но не может стряхнуть с себя гадину. Затем он чувствует укус за ухом, вампир прокусывает сонную артерию и, распутив трепещущие крылья, начинает жадно сосать теплую кровь.

С восходом солнца той же дорогой случается проходить иногда другому путнику, и тогда он видит своего лежащего мертвого собрата, а около него насосавшегося вампира, всего в крови и тоже мертвого от объедения или, правильнее, от перепоя.

Весь остаток ночи канадец Дик и Лоран только и делали, что отгоняли вампиров от мертвого тела Менуали.

Когда проснулись Кэрби и Джильпинг, то чрезвычайно удивились, узнав о ночном происшествии. Они так крепко спали, что ни слышали ровно ничего. Джильпинг от души пожалел бедного юношу и даже взялся было за Библию, чтобы прочитать псалом, но Дик убедил его не делать этого.

— Я знаю, мистер Джильпинг, — сказал он, — что у вас самые лучшие намерения, но ведь вас уже приняли раз за колдуна. Если подойдет Виллиго и увидит вас с книгой, он подумает, что вы произносите какие-нибудь заклинания. Это рассердит его, и тогда я не ручаюсь за последствия.

День прошел благополучно. Под вечер небо заволокли тучи, и вдали стал погромыхивать гром. Стояла страшная духота, как всегда бывает перед природным электрическим разрядом.

Черный Орел все еще не подавал признаков жизни. Оливье начал беспокоиться.

— Что это он не идет? — заметил он с тревогой. — Уж не случилось ли с ним беды?

Почти сейчас же вслед за его словами вдали послышался крик «скваттер-клока», птицы, похожей на сороку и прозванной так (часы скваттера) за то, что она кричит всегда перед наступлением утра или вечера.

— Вот и он! — заметил Дик своему другу.

— Как он похоже кричит! — отвечал Оливье. — Я бы так и подумал, что это сорока.

— О, туземцы на этот счет мастера. Они так хорошо умеют подражать всяким животным, что просто не отличишь. И заметьте: каждый крик имеет у них свое значение. Да вот вам: Виллиго крикнул два раза. Подождите еще немного, и будет третий крик. Действительно, третий крик не заставил себя ждать.

— Три раза, стало быть, — продолжал Дик. — Первый крик означал, что я должен обратить внимание; второй значил: «Это я»; третий: «Кругом все благополучно». Если бы крик послышался только два раза, то это значило бы, что враг недалеко; если бы только один раз, то это уже была бы тревога, то есть «враги здесь, вооружайтесь».

— Все это очень остроумно, но разве враги не могут узнать значение этих сигналов?

— Да, но во время войны они постоянно меняются, как у нас пароль. Наконец, используются крики разных животных и с разными интонациями, так что враг, если пожелает руководствоваться этими сигналами, в конце концов только спутается.

Разговор был прерван приходом Черного Орла. Нагарнукский вождь медленно шел берегом реки, точно совершал простую прогулку. Но он был не один. С ним шел татуированный воин без оружия, по всем признакам дундаруп. Канадец удивился было, не понимая сначала, что это значит, но вдруг заметил, что руки пленника связаны под локтями при помощи палки и ремня из шкуры кенгуру и что Виллиго тащит пленника за ремень, захлестнутый на шее мертвым узлом. Освободиться пленник не мог, а если бы стал упираться, то мертвый узел задушил бы его.

Кроме того, на поясе у Черного Орла было подвешено шесть свежих скальпов.

Весьма странной является эта общность обычая скальпировать убитого врага у краснокожих туземцев Америки и темноко-

жих племен Австралии, никогда не приходивших между собой в соприкосновение. И не в этом только сказывается известная общность нравов и обычаев между этими двумя совершенно различными расами. Впрочем, все это читатель узнает из нашего рассказа о пребывании наших героев в стране нагарнуков, где мы ознакомим их со сказочным прошлым этого племени, с легендой об его происхождении, с их нравами и обычаями, их верованиями и суевериями. На основании рассказов первых путешественников, посетивших Австралию и не проникавших далее прибрежной полосы, долгое время полагали, что все туземцы Австралии принадлежат к безобразному и уродливому типу меланезийцев, столь близкому к обезьянам. На самом деле это вовсе не так. Англичане, которые не признают иного способа колонизации, как избивание туземцев и заселение страны англосаксами, находили для себя выгодным поддерживать это заблуждение, которое могло служить до известной степени оправданием их бесчеловечной жестокости. Но теперь, когда стало известно, что Тасмания и Центральная Австралия имели достаточно развитое население с классическими прекрасными формами тела, вполне способное усвоить европейскую цивилизацию, уже поздно спасти эти вымирающие племена от окончательного исчезновения. Все они или перебиты, или затравлены, как дикие звери, этими еще дикими зверями, прибывшими из Англии, так что невольно рождается вопрос, кто же были истинные дикари — австралийские туземцы или англичане.

Когда Труганина и Ланнэ, эта последняя австралийская чета, эти последние представители той высокоразвитой туземной расы, о которой мы говорили, были преданы земле, английское правительство распорядилось воздать им воинские почести при погребении: били барабаны, гремел салют и войска брали на караул. Так приветствовали англичане окончательное уничтожение человеческой расы, истребленной ими и их пресловутой цивилизацией.

Увидев пленника, канадец невольно содрогнулся при мысли об участи, которая ждала несчастного дундарупа. Он поспешил предупредить своих друзей, чтобы те не вмешивались в кровавую тризну.

— Ради всего святого на свете, — говорил он, — держитесь в стороне, что бы вам ни пришлось здесь увидеть. Против вековых предрассудков ничего не сделаешь. Если вы хотя бы чем-нибудь помешаете Черному Орлу во время похоронного обряда, то наживете себе в нем непримиримого врага.

— Дик прав, джентльмены, — вставил свое слово Кэрби, тоже знавший кое-что об обычаях дикарей, — Дик совершенно прав.

Предупреждаю вас: ни одного слова, ни единого жеста, боже вас сохрани! Вы ничего не добьетесь, а лишь приведете Виллиго в такую ярость, что он готов будет вас всех истребить. Он этого, вероятно, не сделает из уважения к своему брату Тидане, но все-таки станет вашим врагом на всю жизнь.

— Но что же такое здесь будет? — спросил Оливье, бледнея от волнения.

— Тише!.. Он подходит. Так знайте же и берегитесь!

Виллиго приблизился к привалу, таща своего пленника.

Скажем несколько слов в объяснение этих предостережений. У нагарнуков нет жрецов в собственном смысле этого слова, а есть только кораджи, или колдуны, которые играют роль предсказателей, а не жрецов. Религиозные обряды при рождениях, свадьбах и похоронах исполняет всегда сам глава семейства без всякого участия колдунов. Своих покойников нагарнуки сжигают, веря в то, что тела умерших в виде дыма поднимаются на Луну и там соединяются с душой, принимая снова свою прежнюю форму. Люди, умершие без погребения, носятся над землей в виде каракулов, или беспокойных духов, не соединившихся с телом. Эти каракулы поджидают удобного случая, чтобы овладеть чьим-нибудь телом во время погребения и унести на Луну. Тогда душа от украденного тела остается блуждать на земле в виде каракула. Нет выше несчастья, чем иметь каракула в семье; он постоянно допекает своих родственников, и единственное средство избавиться от него — это принести ему в жертву пленника, чтобы каракул мог овладеть его останками, превращенными в дым. Чтобы этого не случилось, на похоронах произносятся всевозможные заклинания, сопровождаемые пляской вокруг сжигаемого тела и диким воем. Позор тому главе семейства, который пропустит хотя бы один обряд: на него возлагается вся вина за появление в семье каракула.

Каракулов все боятся. Самые храбрые из нагарнуков бросаются на землю и закрывают себе лицо, только бы не видеть страшного привидения.

Теперь понятно, что могло бы произойти, если бы европейцы помешали Черному Орлу при исполнении обряда. Их не спасло бы, пожалуй, даже заступничество Тиданы, и канадец поступил очень умно, предупредив их.

Когда Черный Орел подошел к своим друзьям, то они заметили у него на лице глубокое волнение, которое он тщетно старался скрыть под маской величавого спокойствия.

Канадец, знающий как надо говорить в подобных случаях, приветствовал его следующими словами:

— Дундарупы — трусливые псы. Они храбры перед юношей, но бегут от сурового воина.

Черный Орел свирепо улыбнулся и указал на свои трофеи, говоря:

— Когда свет старости убелит голову Черного Орла, тогда не останется в живых ни одного дундарупа!

Затем он указал на пленника и продолжал:

— Это Урива, убивший Менуали; Урива последует за ним на костер.

— Нагарнук — трусливые совы, — заговорил пленник. — Они готовы прятаться в дуплах. Урива убил молодого нагарнука. Не жалко этих поганных птиц!

Все европейцы вздрогнули от этих слов. У Виллиго ноздри стали раздуваться от гнева. Драма начиналась.

— Дундарупы великие воины, и Урива великий вождь, — отвечал Черный Орел с ужасающим спокойствием. — Урива давно искал случая пропеть военную песнь. Теперь Уриве представился этот случай. Он запоет ее, уходя к своим праотцам.

— Они будут рады мне больше, чем вонючей птице, украсившей себя перьями Черного Орла! — отпарировал пленник.

При всяком другом случае за подобным оскорблением последовало бы немедленное возмездие. Но у туземцев пленник имеет право браниться до самой последней минуты. Эта брань обычно имеет целью вывести из терпения мучителей и заставить их поскорее прекратить мучения, что иногда и достигается. Именно на это и рассчитывал дундаруп, осыпая Виллиго невыносимыми оскорблениями. Но он ошибался. Виллиго был старый воин, и нелегко было вывести его из себя. Урива понял это, и холодный пот каплями выступил у него на лбу.

— Моему брату жарко! — иронически заметил Виллиго.

Тогда Урива плюнул ему прямо в лицо. Это была последняя отчаянная попытка. Она едва не удалась. Виллиго вне себя замахнулся на пленника бумерангом. Канадец с облегчением вздохнул, радуясь, что все скоро кончится. Но то была одна секунда. Виллиго разом успокоился и, близко наклонившись лицом к лицу пленника, произнес со скрежетом:

— Береги слюни, Урива: пригодятся. Ведь тебе больше никогда не придется пить.

— Пощади! — пролепетал вне себя от волнения Оливье.

К счастью, это было сказано по-французски, и Черный Орел не понял.

— Ради Бога молчите, иначе вы погибли, — шепнул канадец и, когда Виллиго повел пленника привязывать к дереву, прибавил торопливо, — подумайте об участи жены Виллиго, о сожжен-

ной хижине... Поймите его чувства, и тогда вы сами извините его. Соберитесь с силами; вы даже уходить отсюда не должны!

— Но я не могу, не могу смотреть!

— А мне самому разве приятно? Но если мы уйдем, Виллиго примет это за жестокое оскорбление. В его глазах это будет равносильно нежеланию присутствовать на похоронах Менуали. Вспомните, Урива предательски убил юношу, который еще не был воином, а это у дикарей считается величайшей подлостью. Впрочем, есть одно средство спасти Уриву.

— Какое? — с живостью спросил Оливье.

— Убить самого Виллиго, который столько раз спасал вас от смерти!

Оливье в ответ на это печально поник головой.

— Таков здешний обычай, — заметил Кэрби, — и если вы когда-нибудь попадете к дундарупам, то вас ожидает такая же участь.

Между тем Виллиго, привязав пленника, устроил костер, еще раз омыл водой тело Менуали и положил его на костер. Обряд начинался.

Рядом с покойником, по обычаю, нужно было положить все его доспехи. Виллиго положил на костер подле тела бумеранг, стрелы, копье и пращу; на грудь покойника он поставил ящик я красками, чтобы покойнику было чем татуироваться на том свете; наконец рядом же нашлось место и для задней ноги кенгуру, чтобы усопший воин не проголодался во время путешествия на луну.

При укладывании каждой вещи Черный Орел пел соответствующую песнь.

Оливье с интересом следил за этими приготовлениями, и ему вспомнились прекрасные стихи Шиллера, где описывается погребение краснокожего индейца, которому в гроб кладут все вещи, любимые им при жизни:

В головах — облитый свежей
Кровью томагавк,
Сбоку — окорок медвежий.
Путь его далек.*

Сцена была и величественна, и исполнена дикой поэзии. Заходящее солнце окрашивало в багрянец и золото верхушки ака-

* Пер. гр. А.Толстого.

ций и эвкалиптов, между тем как нижние части деревьев все более и более погружались в тень, которая словно накрывала темной волной. Очертания леса все более и более сливались в сплошной туманный фон, носивший отпечаток чего-то загадочного и таинственного.

С последним угасшим лучом солнца Виллиго запалил приготовленный костер. Огонь затрещал, вспыхнул, и красные языки принялись лизать поленья и сучья.

XV

Суеверия. — Бегство пленника. — Ранчо Кэрби. —
Грозная опасность.

АЧАЛАСЬ ДИКАЯ, НЕ ПОДДАЮЩАЯСЯ описанию сцена.

Нагарнукский вождь принялся ходить вокруг горящего костра, напевая какие-то заклинания, чтобы прогнать злых духов, бродящих вокруг тела Менуали. Шаг его, сначала медленный, постепенно ускорялся, а пение переходило в вой, сопровождаемый хлопаньем в ладоши. По мере того, как разгорался костер и тело уничтожалось, требовались заклинания все более и более сильные и действенные, а бег — самый быстрый, чтобы злые духи как-нибудь тихонько не унесли кусочек тела. И начался бег, бешеный, безумный, отчаянный, головокружительный; Виллиго делал такие громадные прыжки и так дико завывал, что графу Лорагу это кружение начало казаться какой-то адской пляской.

Вдруг прогоревшая середина костра с треском провалилась, рассыпав кругом искры и поглотив в свои недра полусгоревший труп. Виллиго испустил последний дикий вой и остановился. Дело его было сделано. Теперь можно было предоставить огню завершить уничтожение трупа. Злые духи уже больше не были страшны.

Пришла очередь пленника, который стоял ни жив ни мертв. Ведь он тоже был австралиец и знал, какая участь его ждет. Он знал, что с него будут с живого сдирать кожу, но не сразу, а медленно, постепенно, ремешками. Он знал, что затем у него будут отрезать сустав за суставом, стараясь не причинить серьезного повреждения, и что лишь к утру он будет брошен в костер, который положит желанный конец этим жестоким мукам.

Пользуясь минутой, когда Виллиго, задумавшись, окидывал последним взглядом догорающий костер, несчастный с мольбой протянул свои связанные руки к европейцам и сказал:

— Пощадите!.. Я не убивал Менуали..

И снова у Оливье невыносимо больно сжалось сердце.

Дундаруп сам был еще юноша; старый воин не дал бы себя так забрать и связать. Признание в убийстве Менуали было с его стороны пустой похвалой в кругу своих, которую, на его беду, подслушал Черный Орел, ползком подкравшийся к лагерю дундарупов и давший самому себе клятву предать пытке убийцу племянника. Виллиго уже убил шестерых дундарупов, но тут у него явилась новая неотступная мысль: во что бы то ни стало овладеть убийцей. С этой целью Черный Орел стал подражать крику молодого кенгуру; дундаруп бросился на крик, а Черный Орел завлек его в лесную чащу и взял в плен.

И вот теперь, находясь в безнадежном положении, молодой Урива устремил умоляющий взгляд на европейцев, надеясь найти в них хотя бы каплю сострадания.

Но что они могли сделать? Оливье мрачно глядел в землю, проклиная свое бессилие. Вдруг в лесу, позади дерева, к которому был привязан дундаруп, послышались странные, нечеловеческие звуки. Виллиго, уже взявший в руки свой каменный нож, в изумлении остановился. Подняв глаза, он вдруг громко вскрикнул и кинулся ничком на траву, стараясь прикрыть голову травой и листьями и бормоча задыхающимся от страха голосом:

— Каракул!.. Каракул!.. Тирара матамое! (Приведение! Дух!.. Я погиб!.. Я проклят!..)

Оливье и его друзья тоже взглянули и увидели какую-то белую фигуру, двигавшуюся в кустах. Фигура произносила какие-то бессвязные слова. Удивленный граф хотел встать и подойти к фигуре, но Дик жестом удержал его на месте. Граф оглянулся, сосчитал товарищей и понял все.

Между тем Виллиго продолжал лежать ничком и кричать:

— Каракул!.. Каракул!..

А белое привидение двигалось вперед, крича все громче и громче.

Канадец и Кэрби беззвучно хохотали, взявшись за бока, и их веселость сообщилась графу. Пленник тоже завыл от ужаса и никак не мог успокоиться, хотя европейцы знаками показывали ему, что бояться нечего.

Привидение остановилось около пленника и кричало диким голосом на самом невозможном нагарнукском языке, пользуясь, вероятно, тем, что от привидений не требуют грамматических познаний:

— Но!.. Но!.. Инаро нара Менуали! (Я! Я! Я сам отомщу за Менуали).

Дундаруп завыл еще сильнее, умоляя о пощаде. Он испугался каракула больше, чем казни, от которой у него за несколько минут перед тем стыла кровь в жилах.

Комедия удалась вполне. Насчет Виллиго можно было не беспокоиться все время, покуда будет продолжаться этот адский гвалт. Кэрби от смеха катался по траве, Дик просто задыхался, только Оливье и Лоран были сдержаннее и спокойно ожидали, что будет дальше.

Что касается Джильпинга... Но дело в том, что его тут как раз не было. Именно он и исполнял роль каракула с таким замечательным для первого раза успехом. Покуда Виллиго вертелся волчком вокруг костра, Кэрби поговорил с будущим лордом Ванго, научил его нагарнукской фразе, и ученый геолог-миссионер решился взять на себя роль каракула. Он слазил в фуру, завернулся в простыню, отвинтил у кларнета рожок и, спрятавшись в лесу, начал дуть в него, приведя в ужас Виллиго и его пленника.

Однако продолжать шутку слишком долго было опасно. Пленник барахтался и мешал Джильпингу отвязать его. Тогда, чтобы его успокоить, Джильпинг вынужден был показать ему свое лицо. Дундаруп узнал его и от радости едва не лишился чувств. Джильпинг развязал его и знаком показал ему на лес. Урива сделал быстрый прыжок в сторону, но, прежде чем скрыться в лесу, повернулся лицом к европейцам, дотронулся правой рукой до земли, потом поднял ее к небу, наконец, протянул по направлению к европейцам и исчез в кустах.

Эта пантомима означала, что с этих пор дундаруп телом и душой будет принадлежать европейцам.

Джильпинг посвистел еще несколько минут в рожок кларнета, чтобы не дать Черному Орлу слышать шум в лесу, потом скинул с себя простыню и спокойно вернулся на свое место.

— Виллиго, — сказал тогда канадец, — каракул ушел.

— Правду ты говоришь, Тидана? — отозвался Виллиго, все еще не поднимая головы.

— Честное слово. Он исчез в облаке дыма и унес с собой Уриву. Он хотел сам отомстить за смерть Менуали, он ведь так и говорил. Это должно быть добрый, а не злой дух твоего семейства!

Эти слова успокоили нагарнука настолько, что он решился наконец поднять голову. Не видя больше привидения, он встал совсем. Ему и в голову не пришло заподозрить Джильпинга в коварной проделке; он чистосердечно поверил, что все было так, как ему сообщили.

На рассвете Черный Орел выбросил остатки от костра в Лебяжью реку, и маленький караван тронулся в путь.

Но охоту пришлось прекратить, потому что нужно было двигаться вперед с осторожностью, так как Виллиго получил известие, что у нагарнуков открылась война с соседним племенем — нирбоа.

Это известие очень не понравилось фермеру Кэрби, потому что его ферма стояла как раз на границе между обоими враждующими племенами и легко могла подвергнуться грабежу, особенно из-за его дружбы с нагарнуками. Находясь еще в Мельбурне, он отправил к себе на ферму обоз в десять фур с разными припасами и теперь опасался за участь обоза. Свои страхи он сообщил канадцу, прося его повлиять на Виллиго, чтобы тот ускорил движение каравана.

— В каких отношениях вы были с нирбоа до этого времени? — спросил Дик.

— В очень плохих. Первое время я с ними любезничал, дарил им ножи, поил водкой. Они вообразили, что это я плачу им дань, и сделались такими нахально-требовательными, что я стал гонять их с фермы. Теперь они мои враги.

— А ведь это с вашей стороны не очень благоразумно, хотя и понятно. Сколько у вас народу для защиты фермы?

— Во-первых, Анскотт, брат моей жены и вместе с тем мой управляющий, и затем семь человек американцев с Дальнего Запада, все испытанные, преданные друзья и товарищи. Кроме них есть еще один бывший каторжник, я его держу для ухода за лошадьми, он знает в них толк, так как был барышником в Девоншире.

— Вы в нем уверены?

— А кто его знает?! Впрочем, вел он себя до сих пор на ферме хорошо. Зовут его Олдхэм.

— Да! — протянул канадец. — Вот что я вам скажу: нужно как можно скорее ехать на ферму. Далеко ли до нее, как вы полагаете?

— Миль двадцать, я думаю. На беду, эта фура тащится так медленно.

— Слушайте, Кэрби, так нельзя оставлять. Нужно ехать скорее. Поедем с ними вперед на ферму. Может быть, мы все равно опоздаем, но по крайней мере сделаем все, что могли, и совесть наша будет спокойна. Остальные наши товарищи пусть остаются при фуре; их без нас достаточно для ее обороны.

— Спасибо, друг, спасибо от всего сердца! — произнес глубоко тронутый скваттер, со слезами на глазах пожимая руку честного канадца.

XVI

Решение канадца. — Несчастье. — Помощь вовремя. —
Исчезновение Олдхэма. — Появление Черного Орла. —
Что делать?

ОГДА ДИК И КЭРБИ СООБЩИЛИ ОБ ЭТОМ решении своим друзьям, то Оливье не пожелал отпустить их одних, говоря:

— Мое присутствие здесь излишне, а там, на ферме, дело касается защиты женщин и детей. Я тоже поеду с вами.

Канадец не знал, что ему делать. Ему и хотелось исполнить желание графа, так как для фермы лишний защитник был очень кстати, и вместе с тем он боялся уменьшить численность отряда Виллиго. Из затруднения его вывел сам Черный Орел, решивший вопрос по-своему.

— Молодой Лебедь (как прозвал он Оливье) прав, — сказал дикарь. — Пусть не только он, пусть и Лоран идет с вами. Я останусь вдвоем с Воанго. Этого совершенно достаточно для конвой фуры.

Лоран даже вскрикнул от радости. Он уже начинал дрожать при одной мысли о разлуке со своим графом.

— Завтра вечером Виллиго будет на ферме! — прибавил вождь.

— А если тебе встретятся нирбоа? — спросил Кэрби.

— Скваттер не знает Черного Орла, — гордо возразил нагарнук. — Завтра вечером Черный Орел будет на ферме.

— Берегите свою винтовку, мистер Джилпинг! — сказал канадец на прощанье англичанину.

— Не беспокойтесь, сэр. Я позабочусь о сохранении жизни мужа своей жены и отца своих детей, а также будущего лорда Воанго из Воанго-Холла.

— Вперед, друзья! — крикнул канадец, и четыре всадника быстро помчались вдоль берега Лебяжьей реки.

Ничто не могло сравниться с радостью Кэрби при мысли, что он теперь поспеет на целые сутки раньше к своей семье, чем мог рассчитывать.

Дик и Кэрби мчались впереди остальных, но воздух был так спокоен, кругом была такая тишь, что даже звук копыт их коней не был слышен в мягкой траве; поэтому старые друзья могли так же беспрепятственно разговаривать друг с другом, как если бы они шли рядом по садовой дорожке.

— Дик, — сказал скваттер, — я никогда не забуду услуги, которую вы оказали мне сегодня! Быть может, я буду обязан вам

своей жизнью и жизнью моей жены и детей, но если даже и не так, знайте, во всяком случае, что в австралийском буше есть человек по имени Уолтер Кэрби, которому достаточно сделать знак, чтобы и жизнь, и достояние его были в полном вашем распоряжении, Дик, при каких бы то ни было обстоятельствах!

— Спасибо, Кэрби, — отвечал канадец, — дружба и расположение такого человека, как вы, всегда могут пригодиться. Быть может, придет время, когда я обращусь к этой дружбе. Видите ли, мой друг, я не знаю Франции, родины моего отца и моей, хотел бы поехать туда и перевезти туда останки моего отца и умереть там. Но что я буду делать в этой совершенно незнакомой мне стране, я, старый лесной бродяга?! Нет, я чувствую, что умру здесь! Но здесь у меня нет никого близких и родных, и мне кажется весьма печально подохнуть где-нибудь под кустом так, чтобы некому было даже закрыть глаза! Так вот, я иногда думал, Кэрби, что когда силы оставят меня и мне трудно станет бродить по лесам с ружьем за спиной, быть может, у вашего очага найдется и для меня местечко!

— Самое первое место, Дик! Самое почетное! — воскликнул растроганный скваттер.

— Мы некоторое время потеряли друг друга из виду, — продолжал канадец, — но ведь мы давно знаем друг друга... Помните, как мы в первый раз встретились с вами?

— Как же мне не помнить?

— Это было на Муррее, близ Красных гор! Мы целый сезон охотились вместе, и в ту пору моя хижина не была так пуста и безотрадна, как сейчас!

— Я не решился вам об этом напомнить, Дик, но и сейчас не могу забыть, как весело и радостно звучало эхо буша, вторившее ее голосу, ее веселому смеху, которым она приветствовала каждый раз наше возвращение!

— Да, и ее не стало; она умерла год спустя, подарив мне ребенка, который не пережил свою мать... И вот я остался еще более одиноким, чем прежде, и потому-то решил теперь, когда придет старость, попросить для себя местечка у вашего очага. Мы будем вспоминать о ней, будем говорить с ней, этом нежном цветке, увядшем в полном расцвете своей юной красоты!

И под впечатлением этих далеких, но все еще живых воспоминаний старые товарищи умолкли.

Лошади мчались во всю прыть, словно и они разделяли нетерпение своих всадников, и через несколько часов вдали показались крыши фермерских построек. Вдруг две из лошадей шарахнулись в сторону, и перед всадниками, как из-под земли, вырос

какой-то туземец. Кэрби схватился за револьвер, но Дик остановил его, крикнув:

— Стойте! Ведь это Урива, которому мы спасли жизнь.

То был действительно молодой дундаруп. Одежда на нем была растрепана, он задыхался после чересчур быстрого бега. Долго он не мог выговорить ни слова, наконец отдышался и сказал:

— Скорей! Скорей! Нирбоа напали на ферму еще с утра.

— Ура! Еще немножко, и мы будем там! — крикнул канадец, давая шпоры коню.

Лошади уже не бежали, а летели. Вот и забор фермы, опрокинутый, сожженный... Вот и засыпанный штурмующими ров.

С полсотни разъяренных дикарей, опьяневших от водки из ограбленных погребов, отчаянно лезли на приступ фермы. Еще минута — и все было бы уже кончено.

— Тидана!.. Вага!.. Тидана!.. Вайек!.. — закричал канадец, бросая в воздух этот грозный для нирбоа крик.

На дворе фермы загнанные лошади пали, но они уже были не нужны. Умиравший Анскотт и три женщины, ожидавшие смерти, заметили спасителей.

Нирбоа обернулись. Тидана был страшен для них, но зато их было пятьдесят человек против четырех. Тесными рядами кинулись они на непрошенных защитников, но магазинные винтовки разом заговорили, сея смерть в рядах дикарей. Через две-три минуты на земле лежало уже до двадцати трупов; остальные дикари кинулись врассыпную, но неумолимые винтовки продолжали свое дело и тут. Тщетно многие из нирбоа падали на колени, прося пощады: никто не хотел щадить подлых убийц, готовых уничтожить женщин и детей. Все пятьдесят дикарей легли мертвыми около фермы скваттера Кэрби.

Фермер кинулся в дом, его окружили жена и дети, но у ног его лежал неподвижный Анскотт, перед смертью утешенный тем, что его мужество не пропало даром.

Кэрби и Дик сосчитали уцелевших защитников фермы, в течение десяти часов успешно отбивавших яростный приступ. Из семи американцев трое были убиты, а четверо ранены более или менее тяжело, но подавали надежду на выздоровление.

Поискали Олдхэма, но он куда-то исчез. Однако, по словам мистрис Кэрби, он в начале штурма сражался вместе с прочими и даже выказал чудеса храбрости. Она сама видела, как он убил несколько туземцев.

Дикари атаквали ферму на рассвете, будучи вполне уверенными в успехе, но жители фермы еще с вечера знали, что они

окружены врагами. С бельведера было видно, как чьи-то черные тени шныряли по окрестностям.

Если бы нашим всадникам не встретился молодой дундаруп, то они приехали бы на четверть часа позже, и тогда бы все уже было кончено. Они нашли бы лишь груды развалин. Хотя в следующую ночь нечего было опасаться, однако защитники фермы позаботились привести в порядок все разрушенное. Выломанные

двери заменили запасными, проломы заделали, окна вставили. Затем запрягли лошадей и на четырех повозках свезли трупы нирбоа в реку. Вечером Кэрби и канадец пошли делать обход вокруг фермы. Перед ними вырос туземец, покрытый кровью и грязью.

— Кто идет? — спросил Дик, прицелившись из винтовки.

— Виллиго! — отвечал знакомый голос.

— Черный Орел! — радостно вскричал канадец. — А где Джильпинг?

— Через час после вашего отъезда на нас напали нготак. Я едва спасся, убив их около дюжины. Их было больше, чем деревьев в лесу. Воанго взят в плен.

— Да разве нготак тоже воюют?

— Они в союзе с нирбоа. Они хотят сжечь наши деревни и истребить наше племя. Но пусть они берегутся!

— Бедный Джильпинг! — сказал канадец. — Надо его выручить. Во-первых, нельзя допустить, чтобы его подвергли пытке, а во-вторых, нам без фуры никак невозможно: там наше оружие. Счастье еще, что дикари не сумеют им воспользоваться.

— Да, это нужно сделать как можно скорее. Я не хочу, чтобы нготак хвалились, что видели бегущего от них Виллиго.

— Черный Орел устал, ему нужно отдохнуть...

— Черный Орел не баба, он не нуждается в отдыхе!

— Так когда же нам отправляться?

— Завтра будет уже поздно. Нужно сейчас.

— Хорошо, я готов.

Три друга вернулись на ферму и заперли за собой калитку. Солнце опустилось за Красные горы, долина и лес окутались темнотой. Вокруг фермы стали слышны какие-то зловещие звуки, похожие на стоны и хрипенье умирающих.

— Слышите, друзья? — спросил Оливье.

Кэрби и его гости поднялись на бельведер; в кустах скользили какие-то тени, и по временам ветер доносил жалобные заклинания.

— Это раненные, собравшиеся с силами и помогающие встать тем, которые сами не могут.

— Если вы уйдете, господа, — сказал испуганный скваттер, — на ферму опять нападут враги.

Положение было в высшей степени опасное.

XVII

Предсказания Виллиго. — Страшная ночь. — Чертов пик. — Ночная экскурсия Виллиго.

ЕРВЫЕ ЧАСЫ НОЧИ ПРОШЛИ В ПОСТОЯННОЙ тревоге. Друзья несколько раз повторяли обход вокруг фермы. Крики раненых утихли, но черные тени по-прежнему мелькали в темноте. Это заставило канадца и нагарнукского вождя изменить первоначальный план. Они не могли оставить Кэрби и его семейство в таком

опасном положении.

Даже если бы Виллиго с самолюбием дикаря продолжал настаивать на немедленном преследовании индейцев, от которых ему пришлось бежать, то Дик не пошел бы с ним. Для него важнее было защитить ферму, нежели удовлетворить самолюбие дикаря. Вместе с тем без содействия Оливье и Лорана невозможно было и думать об экспедиции, а граф д'Антрэг решительно высказался за то, чтобы остаться на ферме.

Черный Орел сделал вид, что соглашается с общим мнением. В последние дни он вообще казался мрачным и озабоченным, разговаривал с друзьями редко и большей частью о незначительных вещах, часто куда-то отлучался и вообще держал себя чрезвычайно странно, так что Оливье даже как-то раз высказался о нем:

— Точно заговорщик.

Читателю хорошо известно, в чем состоял этот заговор, но друзья Виллиго в то время еще ничего не знали.

Около полуночи, когда стало совершенно темно, наши пионеры заметили вдали перемежающееся пламя костров, что чрезвычайно заинтересовало Лорана и Оливье. Они обратились к Кэрби, который им объяснил:

— Это Чертов пик дает о себе знать.

— И через три дня он так даст знать о себе, что младенцы будут помнить! — прибавил Виллиго.

Сами по себе эти слова были очень просты, но дикий вождь произнес их таким свирепым голосом, что Оливье невольно вздрогнул.

— Что хочет этим сказать вождь? — спросил молодой человек.

— То, что скоро для всего буша будет праздник, и моя убитая жена запляшет от радости в стране праотцов.

— Право, Виллиго, ты теперь говоришь, как кораджи! — засмеялся канадец.

— Тидана правду говорит. Черный Орел действительно ко-
раджи ... Он предсказывает будущее, и очень недалекое будущее.
Скоро раздадутся веселые крики вагуний, птиц смерти.

— Я ничего не понимаю, Виллиго!

— А когда брат Тидана поймет, он тоже заплашет от радости,
потому что если бы дом Тиданы не подожгли, то бедная молодая
белая женщина не умерла бы от страха. Так я говорю, скваттер
Кэрби?

При этих словах вождя вся кровь прилила к щекам Дика. Он
невольно перенесся мыслью к тому, что произошло с ним самим
пятнадцать лет тому назад, и почувствовал в сердце холод.

— Зачем вспоминать старое, Виллиго? — печально упрекнул
он своего друга.

Черный Орел наклонился к нему и тихо-тихо, так что никто
не слышал, шепнул на ухо:

— Отчего не вспоминать старое, Тидана, когда мщение при-
ближается?

Дик задрожал... Он хотел ответить, хотел спросить, но дикарь
отошел от него, и Дик так и остался с вопросом, вертевшимся на
языке. Было очевидно, что Черный Орел больше ничего не ска-
жет.

Странные речи Виллиго помешали Кэрби закончить свое
объяснение. Теперь фермер продолжал:

— Чертов пик — это огнедышащая гора, единственный в
Австралии действующий вулкан, несмотря на вулканическое
строение ее почвы.

— И он в течение всего года постоянно извергает такие фон-
таны огня и пламени, как сейчас? — спросил Оливье скваттера.

— Нет, он отличается тем удивительным свойством, что сила
его извержения обратно пропорциональна приросту и убыли
месяца!

— Что вы хотите этим сказать, Кэрби?

— Именно то, что извержение пламени и горячей лавы уси-
ливается по мере того, как луна идет на убыль, а когда от нее
останется на небе только едва заметная серебряная полоска,
сила извержения достигает своего апогея и затем начинает ос-
лабевать по мере прибывания месяца, так что к полнолунию от
извержения остается только едва приметная струйка синева-
того дыма. Кроме того, у подножия этого вулкана находится озеро,
наполненное серными осадками и жидкими выделениями неф-
ти, в которое вулкан во время сильных извержений сбрасывает
плоды своей деятельности, и, что при этом особенно странно, как
бы велико ни было количество извергаемой вулканом в озеро

серной жидкости, уровень озера неизменно остается все тот же, ни на йоту не повышаясь и не понижаясь!

— Это можно объяснить какими-нибудь подземными стоками, отводящими избыток жидкости в период наибольшего ее поступления! — заметил Оливье.

— Ваше объяснение, конечно, имеет под собой некоторую почву, но я не сказал вам, что два раза в год это озеро совершенно пересыхает, так что по дну его свободно можно пройти пешком, не запачкав обуви. Я сам проделал этот опыт и, несмотря на все свои старания, нигде не мог найти ни единой трещины в почве, которая могла бы служить стоком для вод!

— И это озеро находится на нашем пути в страну нагарнуков? — спросил граф.

— Да, вам придется перейти через Красные горы, а надо сказать, что в пору сильного извержения вулкана это путешествие не вполне безопасно!

— Как жаль, что наш почтенный мистер Джильпинг, не увидит этих чудес австралийской природы, о которых он мог бы сделать такой интересный доклад своему Королевскому обществу в Лондоне! — заметил Оливье. — Кстати, мистер Кэрби, не можете ли вы сказать, какая участь грозит нашему бедному другу? Виллиго, кажется говорил о столбе пыток!..

— Черный Орел, вероятно, несколько увлекается своим чувством ненависти к нготакам: это, быть может, единственное туземное племя, у которого белому человеку не грозят ни пытки, ни смерть благодаря их религиозным предрассудкам. В глазах нготаков белые люди — это их воскресшие и вернувшиеся с Луны предки, к которым они испытывают религиозное почтение. Они называют их «дедами» и относятся с уважением, но так как присутствие в деревне предка приносит, по их убеждению, счастье, то для того, чтобы он не мог уйти, его действительно приковывают к столбу на достаточно длинную цепь, чтобы он мог свободно двигаться, но не мог уйти за пределы селения. Быть может, именно об этом столбе и говорил вам Виллиго! Во всяком случае, Дик должен знать об этом, так как он не особенно встревожен участью вашего друга. Именно в силу этих убеждений нготаков их соседство для скваттеров более желательно, чем соседство какого-либо другого племени туземцев. Конечно, и они не откажутся при случае ограбить его, утнать скот, разорить ранчо, но никогда не решатся покуситься на его жизнь или жизнь его семьи.

В то время, как происходил этот разговор, канадец задумчиво прохаживался по веранде бельведера. Целый рой воспоминаний теснился в его душе, и перед его глазами разворачивались

позабывшие картины прошедшей юности. Так почти всегда в критические минуты человеку вспоминается его прошлая жизнь. Точно так же солдат, стоящий в траншее под свистом пуль и ядер, вспоминает веселые песни, которые он распевал в родном селе.

Наряду с воспоминаниями Дика преследовала еще одна мысль.

— О каком близком мщении говорил Виллиго? — спрашивал он себя мысленно в двадцатый раз и в двадцатый раз никак не мог придумать ответа.

Вдруг он почувствовал, что ему кладут на плечо руку.

Он обернулся.

Перед ним стоял Виллиго.

— Чего желает вождь?

— Виллиго хочет уйти с фермы.

— Один-то! В такую темноту! Да ведь тебя убьют!

— Нирбоа — трусливые собаки. Виллиго пойдет!

Дик знал упрямство нагарнукского вождя и перестал спорить. Он позвал Кэрби и велел ему стать на то место бельведера, где стоял прежде Черный Орел.

Бельведер окружала четырехугольная веранда. Было действительно необходимо, чтобы с каждой стороны стояло по дежурному, иначе ферму легко могли застать врасплох невидимые в темноте враги.

Когда Кэрби встал на место Виллиго, Дик быстро прошел по веранде и дал указание Оливье и Лорану, чтобы они все время глаз не сводили с вверенных их надзору сторон палисада фермы. Чтобы удостовериться в том, что ферма окружена врагами, каналец выстрелил из винтовки.

Не успел замолкнуть гул выстрела, как в окрестном лесу послышался треск сучьев и шорох ветвей. Это значило, что нирбоа тесно обложили блокгауз, готовые напасть на него при малейшей оплошности гарнизона.

— Ты слышишь? — спросил Дик Виллиго.

— Да. Нирбоа убежали, трусливые псы! — отвечал вождь с презрительной улыбкой.

Он сошел с бельведера, по жердочке перебрался через ров, хорошенько приладил за плечами винтовку, чтобы удобнее было ползти, и с минуту постоял на месте, приглядываясь к темноте.

Дик тревожно следил за ним глазами, готовясь каждую минуту бежать к нему на помощь. Но вот Виллиго выдвинулся вперед, прислушиваясь к смутному говору в неприятельском лагере, чтобы не наткнуться как-нибудь на враждебный пикет.

Число пикетов было так велико, что Виллиго сейчас же догадался о присутствии около фермы чуть не всего наличного войска нирбоа. И он не ошибся. Нирбоасский поселок находился на берегу Лебяжьей реки, в нескольких милях ниже блокгауза.

Трупы убитых, выкинутые в реку, принесло течением в нирбоасскую деревню, и все дикари поднялись для того, чтобы отмстить.

Нирбоа предварительно отправили своим союзникам — нготакам — послание, чтобы те присоединились к ним для нападения на ферму. Но последние отвечали, что они вступили в союз с нирбоа вовсе не для войны с белыми, что с белыми они воевать не желают, и потому расторгают союз.

Таким образом устроенный дундарупами с великим трудом союз трех племен против нагарнуков совершенно неожиданно распался. Теперь нагарнукам уже нечего было бояться; они были гораздо сильнее дундарупов и нирбоа, вместе взятых.

Известие о расторжении союза пришло как раз в то время, когда Виллиго задумал пробраться через нирбоасские аванпосты. Воины так заволновались, что начали сходить кучками, перебегать с пикетов и вообще позабыли о предосторожностях. Это и дало Черному Орлу возможность благополучно пробраться через их ряды, да вдобавок еще подслушать их разговоры.

Радуюсь тому, что он случайно узнал, Черный Орел продолжал тихо ползти мимо пикетов. Судьба Тиданы и прочих защитников фермы нисколько не беспокоила его. Он знал, что теперь нирбоа сами получают новый тяжелый урок.

Когда Виллиго достаточно удалился от неприятельского лагеря, он встал на ноги и со всех ног пустился бежать к Лебяжьей реке, до которой и добежал за каких-нибудь полчаса.

Тщательно обследовав местность, он, должно быть, остался вполне доволен осмотром, потому что спрятался за куст на берегу и начал очень похоже подражать пению ночной птицы.

Пел он недолго. Ему вскоре отвечали точно таким же криком в лесу. Виллиго вышел из-за куста, встал на самом берегу реки и подождал немного.

Слабый крик гопо повторился ближе, где-то в листьях деревьев.

— Кто идет? — вполголоса спросил вождь.

— Коанук! — прозвучало в ответ.

— Давно ли дожидается меня здесь Сын Ночи (перевод имени Коанук)?

— С заката солнца.

— Нирбоа напали на ферму Кэрби, и Тидана с друзьями пошел к нему на помощь.

— Я это знаю!
— Оставшись один с Воанго, Черный Орел вынужден был бежать от нирбоа.
— Я это знаю!
— А знает ли Коанук, что случилось с Воанго?
— Воанго увели нготаки в свои деревни.
— Где Нирроба, Ваго-Нанди и Виваго?
— Нирроба здесь и ждет твоих приказаний. Ваго-Нанди и Виваго остались в лагере лесовиков.

— Далеко ли отсюда?
— Два часа ходьбы. Ты сам велел их вождю подойти поближе.

Он так и сделал!

— Хорошо.
— Но только вождем у лесовиков теперь не Уилкинс.
— Не Уилкинс? Кто же?
— Вчера прибыл из Мельбурна сам мистер Боб. Он привез с собой Отуа-Но.

Это слово по-нагарнукски значит «Двойное Лицо». Так называли туземцы замаскированного незнакомца.

— Отуа-Но, который похищал друга Тиданы?
— Он самый. И они оба желают тебя видеть.
— Хорошо. Виллиго пойдет в лагерь лесовиков. Позови мне Нирробу.

— Я здесь, Виллиго! — сам отозвался, подходя, молодой воин.
— Слушай хорошенько, что я тебе скажу, да не позабудь моих слов, когда побежишь.

— Нирроба ничего не позабудет; он запрет свою память на ключ.

— Беги в наши большие деревни, перебравшись вплавь через Лебязью реку, потому что иначе тебя схватят нирбоа. Когда ты придешь, тебя позовут на великий совет, и ты скажешь: «Вот что Черный Орел поручил мне сказать: пусть воины прекратят войну с нготаками, потому что те уже прекратили войну с нами. Завтра от нирбоа почти ничего не останется. Когда солнце закатится дважды, Черный Орел с Тиданой и белыми придет к подножию Красных гор. Он требует, чтобы на берегу озера Киуан его встретили пятьсот воинов. Виллиго скажет им, что делать». Пусть же Нирроба запрет хорошенько свою память и отправляется в путь.

Не говоря ни слова, молодой воин повернулся, одним прыжком бросился в реку и вынырнул на ее гладкой поверхности в виде черной плывущей точки. Виллиго провожал его глазами до тех пор, пока тот не вышел на противоположный берег. После этого он обратился к Коануку, говоря:

— Теперь пусть Сын Ночи проводит Черного Орла в лагерь лесовиков.

И два воина дружным шагом углубились в буш.

XVIII

Лесные бродяги. — Море огня. — Мщение Черного Орла.

ОСЛЕ ОТПРАВЛЕНИЯ ГРАФА Д'АНТРЕГА С друзьями в экспедицию произошли чрезвычайно важные события.

Знаменитый предводитель Невидимых, человек в маске, после смерти своих приспешников и отъезда барона де Функаля в Европу, не имея возможности что-либо предпринять, пришел сначала в отчаяние и уже собирался возвратиться в Россию. Много потратил он денег, много проявил коварства в изощренной тайной борьбе, и это ни к чему не привело. Сколько раз враг, казалось, был уже в его руках, и каждый раз этот враг уходил целым и невредимым вследствие какого-то рокового стечения обстоятельств. Теперь замаскированному человеку приходилось ждать... Но чего же? Прибытия новых опытных агентов? На это невозможно было рассчитывать. Ему оставалось со стыдом признать свое поражение и уехать в Россию. Как? Уехать в Россию, отказаться от столь долго лелеемых надежд? Никогда! Ни за что! Лучше десять раз умереть.

Тогда он ухватился за последнее средство и задумал организовать экспедицию лесовиков с целью захвата графа д'Антрэга. Теперь он дал себе клятву не церемониться с пленником, если тот попадется ему в руки. Теперь уж он не хотел ставить никаких условий, а просто всадить в соперника пулю и тем навсегда от него избавиться.

И Невидимый обратился к хозяину «Чертова кабачка» мистеру Бобу, к которому вообще обращался только в чрезвычайных случаях. Боб не отказал в своем содействии, но при этом сделал следующую оговорку:

— Мы обещали выдать канадца Дика и европейцев нагарну-ку по имени Виллиго, который служит у них проводником и собирается заманить их в ловушку, чтобы отомстить им. Мы обязаны сдержать данное слово, поэтому вы обращайтесь к этому дикарю и покупайте у него пленника. Я уверен, что вам не придется дорого платить, да, пожалуй, и покупать не придется, потому что дикарь и сам сумеет справиться с вашим графом. Бумеранг Виллиго действует превосходно.

Невидимый знал, что Оливье и Дику во время первого их путешествия по лесам Австралии помогли какие-то дикари, но не знал, что то был Виллиго со своими воинами. Вообще, как и все европейцы, он презрительно относился к дикарям и не считал их годными на что-нибудь путное.

Был первый час утра, когда Черный Орел и Коанук явились в лагерь бандитов. Их немедленно провели в палатку Боба. Трак-тирщик был не один: в темном углу палатки сидел незнакомец, который явно старался сделать так, чтобы его нельзя было раз-глядеть.

— Да будут времена благоприятны для великого вождя, и да будет у него в изобилии дичь! — приветствовал Черного Орла Боб.

— Да будут благословенны дни твои! — отвечал Виллиго. — Ты желал меня видеть. Я пришел!

— Ты удивляешься, что я здесь?

— Красный Глаз сам знает, что ему делать, а Черный Орел ничему не удивляется.

— Этот джентльмен — мой друг и просил меня проводить его по степи.

Черный Орел молчал и ждал, что ему скажут дальше. Он отлично знал, что Боб не покинул бы Мельбурн из-за таких пустяков.

— Ну, Виллиго, не пора ли тебе исполнить свое обещание? Мы в глуши австралийских лесов, в Мельбурне никто не узнает, что здесь было.

— Красный Глаз угадал мою мысль. Я сам сегодня хотел в последний раз уговориться с Уилкинсом, твоим помощником.

— Виллиго — великий вождь! Послушаем, что он скажет.

— Здесь, в этом месте действовать нельзя. Тут поблизости есть несколько ферм твоих соотечественников. Могут узнать. А ты вот что сделай. Перейди с воинами Лебяжью реку, а мои люди проводят тебя к Красным горам, которые ты, вероятно, видел на западе.

— Да, видел. С самой высокой их вершины поднимается сноп пламени. Эти, что ли?

— У подножия горы находится отверстие для входа в огром-ную кра-фену, в которой могут свободно поместиться все твои люди, так что никто не заметит их присутствия.

— Понимаю. Виллиго — великий вождь!

— Завтра утром Тидана и его товарищи уедут с фермы скват-тера Кэрби, чтобы продолжать свой путь. К Красным горам мы прибудем к вечеру, и я предложу европейцам остановиться на ночлег в кра-фену.

— А так как они не будут ничего подозревать, что очень важно, если учесть силу канадца, то мы набросимся на них, обезоружим и свяжем, прежде чем они успеют раскрыть рот. Таким образом их плен не будет стоить жизни ни одному из нас... Да, Черный Орел положительно величайший вождь в Австралии!

— Это еще не все. Так как мне нужно будет знать, не случилось ли на вашем пути чего-нибудь неожиданного, то вы, как только закатится солнце и наступит темнота, зажгите немного пороха на камне, поставленном на высоту человеческого роста, и я по этому пламени буду знать, что у вас все готово, что никого из ваших нет в окрестностях, одним словом, что я могу идти.

— Все будет сделано, как ты желаешь. Действительно, тебя нужно будет известить о нашем приходе.

— Виллиго все сказал. Ему больше нечего сообщить Красному Глазу. Ему нужно скорее возвращаться, чтобы не возбудить подозрений.

— Еще одно слово. Черный Орел может отказаться удовлетворить моему любопытству, это его воля, но мне бы хотелось знать, что он сделает со своими пленниками.

— Виллиго всей душой отдался Тидане и его друзьям, он служил им верой и правдой, а между тем эти белые нанесли ему побои на глазах у его молодых воинов...

Виллиго помолчал, словно он не был в состоянии продолжать от прилива ярости, и продолжал с хорошо разыгранной злобой:

— Побитый вождь уже не вождь... Виллиго бросит своих пленников в Огненное море!

Услыхав эти слова, Красный Глаз переглянулся с человеком в маске, как бы желая ему сказать:

— Нечего вам и путаться в это дело. Все устроится без вас!

Человек в маске, должно быть, понял и согласился с мнением Боба. По крайней мере, он не сделал Черному Орлу никакого предложения.

— Теперь я понимаю, зачем Черный Орел привел нас к Красным горам! — сказал Боб, радуясь тому, что он услышал от нагарнука.

— Прощай, вождь! — отвечал Виллиго. — Да побелеют твои волосы прежде, чем ты переселишься в страну предков!

С этими словами дикарь удалился, пристально окинув взглядом фигуру незнакомца с закрытым лицом.

— Не забывай моих наставлений! — сказал он Коануку, когда они остались вдвоем.

— Черный Орел не на ветер бросал свои слова, когда говорил со мной! — отвечал Сын Ночи.

Виллиго пошел по дороге на ферму Кэрби.

Между тем защитники блокауза после ухода вожда провели около часа в сравнительной тишине. Хотя опытный слух Кэрби и Дика по тысяче неуловимых признаков угадывал присутствие нирбоа в густых кустах, окружавших ферму, однако ничто не указывало на возможность близкого нападения.

Маленький отряд в нетерпении дожидался рассвета, который должен был принести им верную победу. Днем нападение врасплох было невозможно, а винтовки наших пионеров стреляли без промаха.

Если представить себе, сколько отважных и смелых людей, ирландцев и американцев, селившихся на расстоянии пяти или шести сотен миль от Мельбурна или Сиднея, чтобы пасти свои стада и возделывать землю, погибло вместе со всем своим имуществом и своими семьями, то невольно приходится удивляться тому, что кто-то после этого решался продолжать их дело.

И как обидно при этом сознавать, что если бы не англичане, то весь этот материк был бы лучшим в мире местом для европейской колонизации: ведь сначала все австралийцы разделяли убеждение, сохранившееся впоследствии только у одних нготаков, что белые люди — их воскресшие предки, вернувшиеся на землю для того, чтобы научить их быть счастливыми. Благодаря этому убеждению туземцы встретили европейцев с распростертыми объятиями и готовы были служить им с сыновней почтительностью и во всем им повиноваться, как послушные дети. Но Англия и здесь, как и везде, где она имеет дело с более слабыми, проявила свое двуличие и бессмысленную жестокость. Стоит только вспомнить, какую расправу учинили англичане после восстания сипаев, когда свыше трехсот тысяч невинных туземцев, стариков, женщин и детей, даже грудных, были беспощадно перерезаны и избиты ими! Таковы действия английского правительства; действия же отдельных англичан еще более возмутительны и бесчеловечны настолько, что они казались бы невероятными, если бы не подтверждались показаниями тех же английских властей.

Так, например, губернатор, сэр Артур, единственный честный, порядочный человек, из тех, кого видели за все долгое время английского владычества в Австралии, приказав произвести исследование, результаты которого намеревался препроводить своему правительству в метрополию с целью получить полномочия для энергичного воздействия на нравы своих соотечественников, собрал следующего рода сведения. (Мы здесь приводим дословную цитату из составленного им донесения).

«Похищают детей у туземцев, вырывая их силой у матерей и отцов во время их празднеств. В туземцев стреляют, как в воробьев или ворон, просто ради забавы; убивают мужей, чтобы завладеть их женами, и нередко на шею пленницам вешают мертвые головы их мужей или сыновей... Приковывают этих несчастных к деревьям, избивают их хлыстами или палками, чтобы сломить их упорство и сопротивление... Отрубают у мужчин ноги и руки и оставляют этих несчастных валяться на земле среди леса или поля. Нападают на мирно сидящих вокруг своих костров туземцев и, прячась за стволами деревьев, расстреливают их, а найдя беспомощно распростертого на земле ребенка, со смехом кидают его в огонь костра. И факты эти не единичные, — пишет свидетель в своем показании. — Бывают случаи, когда туземцев убивают просто ради шутки; берут два пистолета, один заряженный, другой незаряженный, последний приставляют себе к уху и спускают курок, а заряженный пистолет вручают туземцу, приказав ему сделать то же, и бедняга пускает себе пулю в голову. Мало того, старые лесные бродяги из бывших каторжан с веселой усмешкой рассказывают, что стреляют в туземцев, чтобы их мясом кормить своих собак...»

И такие вещи, безмолвно одобряемые британским правительством продолжались в течение целого полувека. «А правительство, к стыду его будь сказано, — как писала в 1836 году газета «Таймс», перечислявшая все эти факты и многие другие, — ни разу и ни при каких обстоятельствах не только не карало за подобные преступления, а даже воспрещало своим представителям строго преследовать виновных».

Вот почему честный канадец Дик, бывший свидетелем всех этих ужасов, размышляя об участии, какую им, без сомнения, готовили нирбоа в случае, если бы им удалось овладеть фермой, невольно спрашивал себя, не в праве ли были эти туземцы поступить с ними так же беспощадно и бесчеловечно, как поступали с ними самими, и внутренне желал теперь только одного: чтобы и в эту ночь, и на завтра дело обошлось без дальнейшего кровопролития.

И желание его было услышано.

За ночь воинственный пыл нирбоа мало-помалу остыл. Первые минуты гнева прошли, и заговорил рассудок. Осаждающие не знали численности врагов и предполагали, что она очень велика, судя по огромному количеству убитых во время утреннего штурма. Кроме того, их охладило недавно полученное известие об отделении от них нготаков.

Поэтому они начали с того, что отложили приступ до утра, объясняя эту отсрочку желанием узнать предварительно число

врагов. Приняв это решение, они спокойно разлеглись на траве, чтобы предаться отдохновению и набраться сил для будущих подвигов. С этой минуты на ферме перестали слышать тот злоедающий воинственный гул, который так смущал и беспокоил ее защитников. Вся нирбоасская армия погрузилась в глубокий сон.

XIX

Изумление осажденных и осаждающих. — Благополучный исход нападения. — Письмо мистера Джильпинга. — Великий день Виллиго. — Месть дикаря.

ЕЛИКО БЫЛО УДИВЛЕНИЕ КАНАДЦА И его друзей, когда они при первом проблеске утра увидели с бельведера, что их смертельные враги их преспокойно спят, растянувшись в кустах. Переход от ночной тревоги к такому положению дел был настолько неожиданным, что все они невольно рассмеялись. Драма при-

нимала комический оборот.

Не менее велико было и изумление бедных нирбоа, когда при пробуждении они увидели грозного Тидану, стоящего на бельведере. Они думали, что им придется иметь дело только с Кэрби и его семейством, а тут вдруг Тидана, которого весь буш и боится, и в то же время уважает, который в бою неумолим, но в обычной жизни добр, так благороден и великодушен. Бессознательно дикари дружно приветствовали его громким криком, даже не сговариваясь между собой.

Таким образом бой стал невозможным, и война кончилась сама собой. Вне себя от радости, Кэрби щедро угостил недавних врагов ромом, и между скваттером и его соседями новый мирный договор был немедленно заключен.

— Как здесь все странно кончается, — заметил своему другу Оливье, радуясь счастливому исходу осады. — Я был положительно уверен, что пришел наш последний час.

— А я совсем напротив! — возразил канадец.

— Что же, вы надеялись на благополучный исход?

— Да, было какое-то предчувствие, что и на этот раз мы благополучно выпутаемся из беды!..

В это самое время Виллиго возвратился из лагеря лесовиков. Он не верил ни своим ушам, ни своим глазам, так как предполагал пройти на ферму по трупам нирбоа, среди потоков крови, а между тем нирбоа плясали и пели песни, попивая крепкий ром.

Несколько минут спустя канадец и его друзья увидели фуру, покинутую накануне Черным Орлом. Фуру конвоировало человек двенадцать нготаков, которые, въехав во двор фермы, торжественнейшим образом заявили, что у них и в мыслях не было грабить своих «белых дедов». При этом они вручили Дику сложенный вчетверо лист бумаги, на котором было что-то написано.

Канадец, очень смутно помнивший грамоту, которой он когда-то обучался в народной школе в Квебеке, передал письмо Оливье, который прочел вслух следующее:

Поселение нготаков, 25 июня 18...

*Gentlemen and friends,
Messieurs et amis,
Милостивые государи и друзья!*

Почтенные австралийские джентльмены, которые вручат вам это рекомендательное письмо, мною им выданное, были так добры, что взяли на себя труд доставить к вам от меня фургон с военными и съестными припасами, включая ящик с оружием, найденный в одной роще, но исключая вещи, принадлежащие лично мне. Это та самая фура, которую благородный Вилли-го потерял вместе с упряжью на большой дороге во время своего слишком поспешного бегства.

Достопочтенные австралийские джентльмены пригласили меня провести у них в деревне несколько дней. Я принял их любезное предложение, надеясь отыскать у них в стране знаменитую ящерицу с хоботом, которой до сих пор еще нет в моей коллекции. Не беспокойтесь обо мне; я в скором времени увижусь с вами в стране нагарнуков, куда мои новые друзья обещали меня проводить.

Это тяжеловесное послание было подписано: «Джон Джильпинг, эсквайр, будущий лорд Воанго из Воанго-Холла».

Чтецом овладел неудержимый хохот, который быстро сообщился его друзьям, потом Кэрби, потом нирбоа, которые захохотали из учтивости, сами не зная чему; чудовищный смех, точно мощный взрыв, сотрясал окрестности в течение по крайней мере пяти минут.

— Не переводите письмо Черному Орлу со всеми подробностями, — сказал канадец графу, когда смех несколько утих. — Он никогда не простит его Джильпингу.

- Почему же?
- А потому, что Джильпинг позволил себе выразиться непочтительно о великом вожде.
- Ну?
- Поверьте мне: у Черного Орла обостренное самолюбие.
- Хорошо, будь по-вашему!

Возвращение фуры и весточка от почтенного Воанго донельзя упрощали вопрос об отъезде. Времени и так было потрачено много, нужно было спешить на Лебяжий прииск, чтобы прибыть туда по крайней мере в одно время с Коллинзом и его отрядом, которые теперь наверняка успели далеко уйти вперед.

К счастью, мустанги, быстроте которых обязано было своим спасением семейство Кэрби, отдохнули в конюшнях фермы и снова были годны к службе. Однако, чтобы дать благородным животным время хорошенько оправиться после бешеной скачки, друзья решили в первый день не садиться на них, а вести их за собой на поводу.

После трогательного прощания с Кэрби и его домашними канадец, Оливье и Лоран поместились в фуре, чтобы отдохнуть после ночных тревожений. Что касается Виллиго, то его железное тело не нуждалось в отдыхе. Он встал во главе каравана, который под его предводительством снова двинулся в путь.

Могли спать Виллиго, когда для него наконец настал желанный, великий, давно ожидавшийся им день? Пятнадцать лет ждал он его с тех пор, как, возвратившись с охоты, нашел у себя дома мертвую молодую жену и сожженную хижину. Мог ли он спать, когда он готов был плясать, петь, предаваться всевозможным дурачествам, когда ему казалось, будто вся природа сочувствует его торжеству? Нет, это для него было совершенно невозможно.

Пятнадцать лет кряду он то надеялся, то впадал в отчаяние, то снова надеялся и опять отчаивался. Он дал себе страшную клятву остаться без погребения, остаться блуждающим каракулом до тех пор, пока смерть его жены не будет жестоко отомщена.

И теперь, когда наконец наступил этот великий день, неужели Виллиго был способен хотя бы на миг забыть сном, хотя бы на миг отрешиться от радости, охватившей все его существо? Нет, это было невысказано. Сердце его билось от восторга, голова кружилась от радостных мыслей, в ушах раздавался милый голос его покойной жены.

Образы прошлого, образы быстро промелькнувшего недолгого счастья вновь возникали в душе дикаря, и он мысленно и чувствами вступил в беседу с мертвой подругой. Долго беседовал

он с ней среди степного безмолвия, и под конец ему стало казаться, что солнце слишком медленно движется по синему своду.

На привале для завтрака Черный Орел отказался от еды; радость заменяет пищу, а мщение может насытиться только мщением.

— Да что это сегодня с Черным Орлом? — спросил Оливье у канадца. — Не находите ли вы его каким-то странным и таинственным? Он все время что-то бормочет... Точно говорит с каким-то невидимым лицом. Посмотрите, как он бьет себя в грудь и обращается к солнцу с какими-то заклинаниями. Он положительно в экстазе.

— Сидя нынче ночью на веранде Кэрби, я припомнил многое из прошлых лет. Сегодня для Виллиго очень грустный день... Бедняга, мне жалко его!

— Что же это такое?

— Тяжело рассказывать, дорогой Оливье!

— Все-таки расскажите!

— Трудно! Легко ли изложить в нескольких словах драму, тяжелую, кровавую драму, воспоминание о которой до сих пор волнует кровь моего названного брата?!

— Дорогой Дик, вы начинаете говорить загадками!

— Вовсе нет!

— Но я ничего не понимаю!..

— Поймете, когда я скажу вам, что пятнадцать лет тому назад Виллиго потерял свою молодую жену, павшую жертвой мести лесовиков.

— Ах, что вы говорите!.. Как же это произошло?

Но канадец не мог продолжать. Черный Орел остановил фуру под сенью фиговой рощи и подошел к беседующим.

В эту минуту солнце готовилось зайти за Красные горы, голые склоны которых, изборожденные потоками лавы, возвышались в полумиле от наших путников. Уже стали заметны красноватые пары Чертова пика, бороздившие огненными чертами темнеющий горизонт. Гора погружалась в постоянно сгущавшийся мрак, понемногу окутывавший и лес, и долины.

— Взгляните! — сказал вдруг Виллиго в каком-то самозабвении. — Взгляните туда, на подножие большого пика. Вы увидите мщение темнокожего человека.

— Что такое? — в один голос обратились к нему наши друзья.

— О, темнокожий никогда не забывает оказанного ему добра, но твердо помнит и нанесенное ему зло! — продолжал туземец в диком исступлении.

— Успокойся, брат мой! — ласково обратился к нему Дик, кладя свою руку на его плечо.

— Тидана скоро увидит своего брата спокойным, но прежде тот утолит жажду мести! — и глаза Виллиго вспыхнули мрачным огнем.

— Что же это будет такое? — невольно подумал граф, вслушиваясь в зловещий тон Черного Орла, и хотел обратиться к нему за разъяснением, но Дик остановил его.

— Молчите, граф!.. Не надо тревожить старые раны!..

Оливье невольно согласился.

— Но скажите же хотя бы вы, Дик, на что рассчитывает Черный Орел!..

— Увидите сами!..

— Это будет что-нибудь ужасное?

— Я сам еще не знаю.

Друзья смолкли.

Наступила ночь.

Вдруг в том направлении, куда указывал Виллиго, мелькнул белый свет. Вслед за тем прогремел ужаснейший взрыв, от которого задрожала земля под ногами у путников. Огромный огненный сноп поднялся над горизонтом и тотчас же потух, как зарница.

Газы, скопившиеся в пещере Чертова пика, воспламенились от соприкосновения с порохом, который мистер Боб поджег по коварному совету Виллиго, и часть горы, приподнятая взрывом, обрушилась на лесовиков.

— Что это? — вскричал Дик дрожащим от волнения голосом. — Что это значит?

— Это тризна по жене Виллиго, — отвечал Черный Орел в диком исступлении. — Триста лесовиков спят теперь вечным сном под обрушившейся горой.

— Да, вот она, месть дикаря! — прошептал канадец, печально потупив голову.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Корабль-призрак

I

Сессия суда в Сан-Франциско. — Капитан Джонатан Спайерс. — Убийца китайцев и мистер Джон Хэбжук Литлстон.

АСЫ НА ВЫСОКОЙ БАШНЕ СУДЕБНОЙ ПА-латы в Сан-Франциско били полдень. Это были замечательные часы: они не только отбивали каждый час, как всякие другие башенные часы, но еще каждые четверть часа играли прелестные вальсы и польки, увеселяя прохожих обоего пола и всех жителей Калифорнии, так

что «Восточная Компания» еженедельно по воскресеньям устраивала специальные поезда для того, чтобы окрестные фермеры и их семейства могли приехать полюбоваться этим чудом искусства.

Так как творец этого диковинного механизма был большой патриот, то часы каждый час исполняли еще и один из национальных гимнов различных североамериканских штатов; в то же время в маленькой будочке появлялось изображение одного из президентов. А в полдень каждый раз сам великий Вашингтон выезжал на своем боевом коне, с мечом в одной руке и конституционной хартией в другой, и трижды провозглашал «ура», на что первое время толпа отвечала восторженными криками. Но мало-помалу энтузиазм толпы остыл, и тогда муниципалитет города стал нанимать пять-шесть пропойц, которые ежедневно ровно к полудню являлись сюда за вознаграждение в один шиллинг и в ответ на автоматическое «ура» великого Вашингтона разражались патриотическими криками.

В тот день, о котором теперь идет речь, муниципальным наемникам не пришлось, однако, исполнять свою обычную обязанность, потому что едва только великий герой войны за Независимость

появился на башне, как крики «виват!», издаваемые двадцатью тысячами голосов с неподдельным энтузиазмом, огласили воздух и подобно урагану пронесли над площадью.

Вся Вашингтонская площадь и прилегающие к ней улицы, вплоть до Дюпон-стрит в Китайском городе, до такой степени были переполнены людьми, что всякое движение по ним прекратилось; но пригородные трамваи продолжали подвозить все новых и новых любопытствующих граждан, которые заполняли не только зал суда, но и все здание и даже его двор. Судя по такому громадному стечению публики, можно было подумать, что здесь происходит какой-нибудь колоссальный политический митинг. Но так как несмотря на весьма оживленные прения между отдельными группами ни один оратор не обращался к толпе, то было ясно, что ни о каком политическом митинге в данном случае не было и речи.

В чем же заключалась *the great attraction**, как выражаются англичане и американцы, этого громадного сборища?

В том, что ровно в час пополудни должно было открыться заседание суда над знаменитым Джонатаном Спайерсом, прозванным Красным Капитаном, и его сообщниками. Этот громкий процесс уже более месяца сильно занимал не только все население данного штата, но и всех граждан Соединенных Штатов Америки. Множество репортеров прибыло из Сент-Луиса, Нового Орлеана, Чикаго, Балтимора, Филадельфии и Нью-Йорка, чтобы ежечасно с помощью телеграфа доставлять в газеты самые свежие вести о процессе. Так как было заявлено, что телеграф останется до окончания дела в распоряжении первого занявшего его, то репортер «Нью-Йорк Герольд» еще накануне вечером явился в телеграфное бюро с библией в руках и принялся телеграфировать в продолжение всей ночи, стих за стихом, Ветхий Завет до самого момента открытия заседания, а затем без всякого перерыва перешел к передаче по телеграфу обвинительного акта и всевозможных мельчайших подробностей интересного процесса. Эта изобретательность создала находчивому репортеру на всей территории Соединенных Штатов репутацию ловкого имышленого человека.

В то же время по всей стране начали заключать пари, столь любимые янки. Не проходило дня, чтобы в газетах не появлялось несколько заявлений такого рода: Джон Салливан из Нью-Джерси, держит пари на пять тысяч долларов против оправдания

* Предмет, привлекающий внимание. — *Примеч. перев.*

Красного Капитана; вслед за тем являлся ответ: Уильям Чайлдс из Мэриленда держит пари на пять тысяч долларов за оправдание Красного Капитана.

Словом, дошло до того, что Красный Капитан чуть не коти-ровался на бирже.

Что же это было за дело? Одни утверждали, что капитан честнейший, порядочнейший и благороднейший человек, какого только видел свет, и что вместо того, чтобы предавать его в руки правосудия, правительству следовало встретить его с музыкой и устроить ему торжественный банкет! Другие утверждали, наоборот, что это темная личность, негодяй и мерзавец чистейшей воды, с которым народ должен был покончить судом Линча тотчас по его прибытии.

Желая остаться беспристрастными, мы только дословно приведем обвинительный акт, прочитанный при открытии заседания высокочтимым Джоном Хэбкуком Литлстоном, старшим секретарем суда, и составленный не менее высокочтимым мистером Изикселем Джо Суитмаусом.

За несколько минут до открытия заседания мистер Джон Хэбрук Литлстон с озабоченным видом поднялся на возвышение, предназначенное для судей, чтобы убедиться, все ли в порядке, и по обыкновению стал распекал своего помощника за недосмотр и непорядки.

— Право, мистер Дарлинг, я не знаю, куда вы запрятали сегодня свою сообразительность и свой ум! Как вы могли допустить, чтобы подле кресла господина председателя поставили точно такую же плевательницу, как подле кресел присяжных заседателей? Вам должно быть известно, что председатель весьма дорожит своими привилегиями! Прикажите сейчас же поставить господину председателю плевательницу стоимостью в двадцать пять долларов, с тончайшим песочком, а присяжным — плевательницы стоимостью в пять долларов.

— Нет, право! Мистер Дарлинг, вы совершенно не способны выполнять обязанности, соответствующие занимаемой вами должности! — вновь начинает высокочтимый мистер Литлстон, продолжая свой осмотр.

— Да что я еще такого сделал?! — восклицает негодующим тоном помощник. — Какое новое упущение?

— Какое упущение! Вы забыли приказать поставить ящик с карандашами для судьи Барнета: ведь его сын прислал сегодня ящик с шестьюдесятью дюжинами карандашей; это обычная порция мистера Барнета в те дни, когда у нас заседания затягиваются до ночи!

Дело в том, что американцы так строго применяют в жизни свою излюбленную поговорку «time is money», то есть «время — деньги», что нередко готовы пожертвовать сотней тысяч долларов, чтобы опередить своих конкурентов хотя бы всего на несколько часов. Чтобы не терять даром времени даже во время заседаний, научных прений и митингов, многие американцы занимаются каким-нибудь ручным, чисто механическим трудом, не отвлекающим их мыслей; так, например, один посредством особого инструмента изготавливает конверты из груды белой бумаги, целые кипы которой лежат подле него на столе; другой, как судья Барнет, чинит карандаши; третий выдалбливает из дерева маленькие лодочки и оснащает их шелковыми нитями. Пользование уже заранее очиненными карандашами также позволяет выигрывать время, и сын судьи Барнета таким образом экономит его, а отец не теряет его даром, слушая прения в суде и очиняя в то же время карандаши.

В тот момент, когда часы на здании суда пробили час, двери в зале заседания раскрылись, и помещение, предоставленное для публики, было взято приступом в ту же минуту. Почти одновременно с этим судья Барнет занял председательское кресло, а двенадцать присяжных разместились по обе стороны председателя.

После обычных предварительных формальностей мистер Дарлинг сообщил о стоящем на очереди деле:

«Дело Кантонской китайской переселенческой компании; представитель, мистер Изикьел Джо Суитмаус, против высокочтимых джентльменов — капитана Джонатана Спайерса, Сэмюэла Дэвиса, его лейтенанта, и судового врача парохода «Калифорния», Джона Прескотта».

Все трое обвиняемых, остававшихся на свободе благодаря залому в двадцать тысяч долларов, тотчас же вышли и заняли свои места на скамье подсудимых; с ними вошел и их адвокат, мистер Джером Нойстонг, один из наиболее выдающихся юристов в Соединенных Штатах, сенатор штата Нью-Йорк, нарочно прибывший в Сан-Франциско для защиты обвиняемых, за вознаграждение в тридцать тысяч долларов.

— Джентльмены, — начал председатель, судья Барнет, готовясь очинить первый карандаш, — признаете ли вы себя виновными?

— Нет, судья Барнет! — отозвались разом все трое обвиняемых.

— Вы слышите, Литлстон, эти джентльмены не признают себя виновными! Ну а теперь, мистер Суитмаус, не будете ли вы добры изложить присяжным обстоятельства вашего дела, —

продолжал председатель, обращаясь к адвокату обвинителей, — я готов дать вам слово, если мистер Джером Нойстонг ничего не имеет против.

— Мы не можем ничего иметь против чего бы то ни было, — возразила знаменитость, сопровождая свои слова великолепным жестом. — Нам даже неизвестно, зачем мы здесь! Досточтимый собрат наш, Изикьел Джо Суитмаус, вероятно, с целью дать работу своим клеркам прислал повестки о явке в суд моим доверителям, в которых он именует их злодеями, мошенниками, разбойниками и подобными любезными эпитетами, за которые мы предполагаем полностью рассчитаться с ним, взыскав судебные издержки и убытки. Повинуясь предписанию статьи особого уложения штата Калифорния, требующего, чтобы гражданин немедленно явился в суд по получении им повестки, мы пришли сюда и теперь ожидаем, чтобы досточтимый мистер Суитмаус соблаговолил объяснить нам причины и основания, побудившие его к подобному образу действий по отношению к нам, образу действий, который, я должен сознаться, заставляет меня серьезно опасаться за состояние его умственных способностей.

Шепот одобрения сопровождал эти слова опытного оратора, который возложил на своего оппонента трудную задачу изложения дела, а сам приготовился только слушать, предоставляя Суитмаусу нападать и обвинять, не получая немедленного ответа на свои слова, излагать доказательства и приводить аргументы, имея перед собой совершенно безмолвного противника, подстерегающего малейшую его оплошность, готового воспользоваться каждой его ошибкой, каждым промахом и спокойно выжидающего удобного момента, чтобы несколькими ловкими приемами разрушить все с таким трудом воздвигнутое здание обвинения.

В Соединенных Штатах судебные дела ведутся не так, как в Европе. Здесь это не борьба общества и общественной совести с преступником и преступлением, а просто своего рода словесный турнир между двумя адвокатами — адвокатом обвинения и адвокатом защиты. Присяжные не знакомятся предварительно с делом, на них не может повлиять ни мнение или взгляд председателя, ни речь прокурора, заинтересованного в обвинении подсудимого. Здесь председатель суда — просто судья, который призван только применять законную меру наказания или взыскания после того, как будет произнесен приговор. Ему даже не предоставляется право ставить какие-либо вопросы; его назначение — поддерживать порядок в зале суда, следить за дебатами, давать слово тому или другому из адвокатов и не допускать, чтобы они в пылу схватки от слов переходили к действиям и

вцеплялись друг другу в горло или волосы, что в Америке, особенно в западных штатах, случается нередко.

Настоящего обвинительного акта, составляемого судом на основании данных предварительного следствия, здесь вовсе не существует. Вместо него представляется простое изложение, письменное или устное, самого дела адвокатом обвинения, так что обвинение и защита совершенно равны перед судом, вследствие чего ловкий и умелый адвокат имеет громадное, можно сказать, первенствующее значение в любом деле.

При этом публике предоставляется право открыто и беспрепятственно выражать свое сочувствие и одобрение или негодование и возмущение; и часто это открыто высказанное общественное мнение влияет на судей, которые всегда прислушиваются к голосу толпы, весьма чуткой, впечатлительной и в большинстве случаев беспристрастной в своих суждениях.

Говорят, что тот, кто говорит один, всегда бывает прав; да, но не тогда, когда за ним следит опасный оппонент. Поэтому после первых же слов Нойстонга все поняли, что «Цицерон Сан-Франциско» Суитмаус на этот раз нашел себе достойного и опасного соперника.

— В таком случае, мистер Суитмаус, — сказал председатель, судья Барнет, — даю вам слово, если только вы не откажетесь от обвинения.

— Напротив, я настаиваю на нем, судья Барнет! Я изложил всю его суть в специально составленном докладе, который, с вашего разрешения, прочтет господин старший секретарь суда, высокочтимый мистер Литлстон. Этот доклад подробно и обстоятельно ознакомит суд с сутью дела, не возбуждая и не вызывая бурных возражений, как всякое устное сообщение! — при этом адвокат Суитмаус многозначительно взглянул на адвоката Нойстонга, но последний продолжал пребывать в строжайшем безмолвии.

Старший секретарь суда Литлстон, сияющий и торжественный, поднялся и окинул самодовольным взглядом присутствующих. Наконец-то ему представился случай выказать перед самым избранным обществом Калифорнии свое умение если не говорить, то хоть читать. Он внутренне торжествовал.

Трое обвиняемых, одетые с непривычной в западных штатах изысканностью, более походили на почтенных зрителей, чем на обвиняемых; они держали себя просто, естественно и непринужденно. Красный Капитан, Джонатан Спайерс, на которого были обращены все взоры, был красивый мужчина лет тридцати, с благородными чертами лица, выражающими непоколебимую энергию. Скептическая усмешка, блуждавшая на этом красивом

лице, казалось, говорила о том, что этот человек ничего на свете не признает, кроме своей собственной воли. Словом, это мог быть или величайший негодяй, или гений, смотря по обстоятельствам и в зависимости от того, как сложилась его жизнь. Бывший командир «Калифорнии» с одинаковым достоинством мог бы носить как мундир адмирала федерального флота, так и костюм командира пиратов.

Сэмюэл Дэвис и Джон Прескотт, старший лейтенант и судовой врач того же судна, представляли собой разительный контраст по отношению к своему командиру. Это были грубые янки, лишенные всяких предрассудков, готовые на любое дело, лишь бы оно принесло им несколько десятков долларов, и их изысканные костюмы только еще больше подчеркивали вульгарность их манер. Они были приглашены на суд лишь для проформы, так как все равно отвечал за них капитан, в руках которого они были слепым и послушным орудием.

Утвердив на носу, который Дарлинг в минуты благодушия сравнивал с тараном боевого судна, золотые очки, мистер Литлстон, прокашлявшись, приступил к чтению доклада, составленного досточтимым Джо Суитмаусом.

Двадцать четвертого июля текущего года командир парохода «Калифорния» Вест-Индской компании, капитан Джонатан Спайерс, прибыл в воды Кантона, чтобы произвести здесь погрузку шести тысяч тюков шелка-сырца для торгового дома «Братья Фергюссон и К°» в Сан-Франциско, зафрахтовавшего это судно за свой счет.

После окончания погрузки обнаружилось, что палуба и междупалубные помещения этого громадного парохода, бывшего некогда пассажирским, оставались свободными; китайская переселенческая компания «Виу-Тзин» предложила капитану «Калифорнии» использовать эти свободные помещения для перевозки семисот пятидесяти китайских переселенцев за счет вышеупомянутой компании по цене двенадцать долларов за человека, безразлично мужчине или женщине, не включая сюда расходы на питание, о котором компания решила позаботиться сама.

Связавшись предварительно с Вест-Индской компанией и затем с арматорами, зафрахтовавшими пароход братьями Фергюссон и К°, капитан «Калифорнии»,*

* Арматор — лицо, снаряжающее за свой счет судно.

вышеупомянутый высокочтимый Джонатан Спайерс, принял предложение компании при условии немедленной уплаты всей суммы стоимости провоза пассажиров, что и было сделано в самый день посадки эмигрантов на пароход; но в самый момент отправления между капитаном Джонатаном Спайерсом и переселенческой компанией возникли пререкания по поводу сорока тонн риса, погруженных на пароход и оформленных казначеем парохода в четыреста восемьдесят долларов платы за провоз, тогда как переселенческая компания на основании установленного на судах обычая утверждала, что этот рис, предназначенный для потребления в пути, должен быть принят на судно бесплатно.

Так как «Калифорния» находилась уже под парами, то, чтобы не задерживать ее, обе стороны постановили решить этот вопрос согласно общему правилу, принятому в больших пароходных компаниях, занимающихся перевозкой эмигрантов из Европы в Америку. В этом духе и был составлен протокол.

Таким образом, все было улажено к обоюдному согласию, и ничто не давало повода предполагать ту страшную развязку, какая разыгралась впоследствии на «Калифорнии».

Пароход вышел в море, и с этого момента мы не имеем никаких других сведений относительно разыгравшейся на нем драмы, кроме тех, какие изложены в отчете капитана Джонатана Спайерса, подтвержденном его штабом, то есть остальными высшими чинами парохода, и всеми тридцатью шестью членами его экипажа, единогласие которых весьма походит на добросовестно заученный урок. Чтобы убедиться в этом, достаточно прочесть со вниманием некоторые нижеследующие документы.

Дойдя до этого места, мистер Литлстон остановился, чтобы перевести дух и протереть стекла своих очков; кроме того, он ожидал в этом месте бурного протеста со стороны обвиняемых, но, к немалому его удивлению, адвокат противной стороны Джером Нойстонг, вооружившись перочинным ножиком, мирно соорудил ветряную мельницу из спичечного коробка и его содержимого.

Видя, что ждать вмешательства со стороны защиты нет оснований, мистер Литлстон, прокашлявшись, продолжал чтение:

Судя по отчету капитана Джонатана Спайерса, спустя восемь суток по выходе в море разразилась та-

кая страшная буря, что его судну грозила неминуемая гибель, если бы они не сбросили часть груза в море, и капитан «Калифорнии» приказал выкинуть за борт все сорок тонн риса, загруженного для пропитания эмигрантов. Но так как буря все более усиливалась, то капитан Спайерс в целях облегчения судна, не задумываясь, приказал выбросить за борт четыре сотни человек китайцев из числа семисот пятидесяти, принятых им в качестве пассажиров. Это бесчеловечное распоряжение, которое заставило бы содрогнуться даже дикарей, было выполнено без малейшего сопротивления или колебания штабом и командой парохода. Несчастных вызывали наверх по десять человек и затем кольями сбрасывали с палубы в ревущее море. Спустя несколько часов после этого страшного злодеяния море утихло, и пароход мог спокойно продолжать свой путь.

Но тут произошло нечто еще более возмутительное и бесчеловечное, чем предыдущее злодеяние. Большая часть провианта и съестных припасов, предназначенных для экипажа и всего наличного персонала судна, оказалась уничтоженной, подмоченной или унесенной в море последней бурей, так что при распределении продовольствия выяснилось, что если даже перевести экипаж и высший персонал на половинные порции, то его едва могло хватить до Сандвичевых островов* — ближайшего порта, к которому можно было пристать для возобновления припасов. И вот на совете, состоявшемся у капитана, было решено с целью экономии провианта избавиться от остальных китайцев; но чтобы последние ничего не заподозрили, судовому врачу велели подсыпать стрихнина в их обычную порцию риса, отчего все эти несчастные спустя несколько минут один за другим отошли в лучший мир!

Когда «Калифорния» прибыла в порт Сан-Франциско, на ее борту не было ни одного китайца. Но справедливость требует упомянуть, что все шесть тысяч тюков шелка-сырца, предназначенного для торгового дома братьев Фергюссон и К°, прибыли в целостности и сохранности, без малейшего повреждения. Мы не позволяем себе оценивать по заслугам эти возмутительные факты, эти акты невероятной бесчеловечности, пре-

* С а н д в и ч е в ы о с т р о в а — второе название Гавайских островов.

доставляя это гг. судьям и их справедливому усмотрению и беспристрастному суждению.

Я же, Изикьел Джо Суитмаус, адвокат из города Сан-Франциско, от имени уполномочившей меня Кантонской переселенческой компании «Виу-Локо-Тзин», обвиняю капитана «Калифорнии» Джонатана Спайерса, лейтенанта Сэмюэла Дэвиса и врача Джона Прескотта в том, что они, вопреки всем законам божеским и человеческим, вопреки всем правам и обычаям цивилизованных народов, вместо того, чтобы ввиду необходимости уменьшить груз судна выбросить за борт часть товара, а именно тюки шелка-сырца, принадлежащего торговой фирме братьев Фергюссон, выбросили за борт сорок тонн риса, являвшегося не грузом, а продуктовыми запасами пассажиров, а затем те же вышеупомянутые капитан Джонатан Спайерс, лейтенант Сэмюэл Дэвис и врач Джон Прескотт учинили немыслимое насилие над неповинными пассажирами и уличены в убийстве тем или иным способом семисот пятидесяти китайцев с применением яда, преступлении, предусмотренном в статье 71-й Уложения о наказании в своде законов штата Калифорния.

Одновременно предъявляю от имени переселенческой компании «Виу-Локо-Тзин» денежный иск в девять тысяч долларов — стоимость уплаченного капитану «Калифорнии» проезда эмигрантов, и еще пятьсот долларов — стоимость сорока тонн риса, выброшенного по его приказанию в море; еще требую уплаты ста тысяч долларов в качестве возмещения за судебные издержки и убытки.

Изикьел Джо Суитмаус, адвокат

Достопочтенный Джон Хэбрук Литлстон закончил свое чтение среди гробового молчания. Его милость судья Барнет успел очинить целые груды карандашей; судья, изготовлявший маленькие жестяные гвоздики, продолжал работать своим ручным инструментом с регулярностью автомата, а знаменитый защитник, окончив сооружение своей маленькой ветряной мельницы, теперь принялся дуть на нее, чтобы привести ее в движение и тем позабавить своих клиентов. Казалось, что и обвинители, и защитники — люди, совершенно непричастные к делу. Сам Суитмаус, раздраженный этим упорным молчанием, не мог дать себе надлежащего отчета в поведении своего собрата; это делало его нервным и встревоженным.

Наконец председатель изрек спасительные слова, нарушившие томительное молчание:

— Мистер Суитмаус, имеете вы еще что-нибудь прибавить к этому сообщению?

— Абсолютно ничего, судья Барнет. Самые факты столь просты, что я считаю излишним давать пояснения и ограничусь только просьбой к присяжным сообразоваться заняться разбором этого дела и вынести свой справедливый приговор!

Наконец и судью Барнета, и присяжных начало удивлять угрюмое молчание защитника, так что они даже прекратили свои занятия.

— Мистер Нойстонг, не находите ли вы нужным сделать какое-нибудь возражение или замечание, прежде чем присяжные удалятся для совещания? — спросил председатель.

— Я уже имел честь заявить суду, — отвечал адвокат, — что решительно ничего не понимаю в этом маленьком трагическом романе, возникшем в воображении моего высокочтимого коллеги; и если он разрешит мне обратиться к нему с несколькими незначительными вопросами, то поймет, с какой непростительной необдуманностью он позволил себе обеспокоить стольких порядочных людей, начиная с вас, судья Барнет, и оторвать их от их полезных занятий!

— Я готов вам отвечать! — воскликнул Суитмаус вызывающим тоном.

— Что вы так смотрите на меня, мистер Суитмаус, точно я один из убитых вашим воображением китайцев?!

— Как, вы осмеливаетесь утверждать...

— Я ничего не утверждаю, мистер Суитмаус. Вы являетесь обвинителем, вы должны и доказать, что ваше обвинение не голословно, представить суду доказательства либо в лице свидетелей, либо в виде подлинных документов, а ваш доклад, смею сказать, не что иное, как вымысел, не имеющий никакого юридического значения!

— Но эти факты известны всем; все газеты опубликовали отчет капитана Джонатана Спайерса своим арматорам, и всеобщее негодование населения Калифорнии было столь велико, что вашего клиента иначе и не называют, как Красный Капитан или, иначе, Кровавый Капитан.

— А у вас имеется этот самый отчет за собственноручной подписью моего клиента и признанный им?

— Нет! Но тождественность этого отчета не подлежит никакому сомнению и не может быть отрицаема.

— В самом деле? А с каких же это пор газетная статья стала считаться неопровержимым документом, на который можно ссылаться в суде?

— Таким образом, ваш клиент отрицает факт, что автором этого отчета является он и никто другой!

— Вы не вправе требовать от капитана Джонатана Спайерса, чтобы он отрицал или признавал то или другое; и если вы вздумаете допрашивать его, то он не станет вам отвечать. Вы обвиняете его в целом ряде преступлений; представьте доказательства своих слов, и мы посмотрим, что нам тогда делать! А пока вызовите ваших свидетелей!

— Но вам лучше меня известно, адвокат Нойстонг, что мы не могли разыскать ни одного из людей экипажа «Калифорнии», и я готов поручиться, мой уважаемый собрат, что вы лучше всякого другого могли бы объяснить нам загадочное исчезновение всех этих людей и сказать нам, во сколько оно вам обошлось с человека!

— Вы весьма ошибаетесь, высокочтимый Суитмаус: матросы с «Калифорнии», свободные от всяких обязательств по окончании плавания, поступили на другие суда, готовившиеся к отплытию, и ушли с ними, а мы не давали себе труда покупать их молчание, не имея в том никакой надобности.

— Не станете же вы отрицать и вот эти официальные документы, снабженные подписями и печатью кантонских властей и доказывающие, что двадцать четвертого июля текущего года семьсот пятьдесят человек китайцев было принято в качестве пассажиров на пароход «Калифорния»?

— На это я прежде всего скажу, что если бы даже эти документы могли быть признаны на суде, то они доказали бы только, что семьсот пятьдесят китайцев были посажены на пароход «Калифорния». Но вам оставалось бы еще доказать, что они были высажены в море, которое не было их местом назначения. Вы забываете, что Кантонские власти — китайцы и что, согласно нашим законам, ни один китаец не допускается ни в качестве обвинителя, ни в качестве свидетеля на суде на всем протяжении калифорнийской территории, из чего следует, что все эти ваши документы пригодны только для завертывания ваших съестных припасов, высокочтимый мистер Суитмаус!

— Нойстонг! — воскликнул возмущенный до глубины души сан-франциский адвокат. — Те средства, к которым вы прибегаете, недостойны порядочного человека!

Нью-йорский сенатор был сангвиник и не мог снести обиды; он весь побагровел и воскликнул:

— Возьмите обратно ваши слова, не то я заставлю вас проглотить ваши зубы!

Однако калифорнийский адвокат выхватил свой револьвер и, наведя его на своего противника, повторил еще раз:

— Я повторяю, что выражения и приемы, примененные вами, недостойны порядочного и честного человека и что вы не лучше тех негодяев, которых защищаете!

Нойстонг, вне себя от бешенства, также выхватил револьвер, и дело угрожало окончиться трагической развязкой, когда Дарлинг, по знаку председателя, кинулся между ними и во имя закона потребовал, чтобы они вручили ему свое оружие.

«Закон» — единственное, что признают и свято чтут все американцы, и слов «именем закона» достаточно, чтобы заставить беспрекословно повиноваться как отдельных лиц, так и целую толпу.

Кроме того, судья Барнет приговорил обоих адвокатов к десяти долларам штрафа за неуважение к суду, после чего слушание дела продолжалось своим порядком.

Совещание присяжных продолжалось недолго; спустя десять минут после ухода их в совещательную комнату они вернулись и вынесли Красному Капитану и его помощникам оправдательный приговор за недостатком доказательств их виновности. Приговор этот был встречен толпой, с одной стороны, громким «ура», с другой, — не менее оглушительным свистом. Газеты в течение двух недель обсуждали со всех сторон это решение, и некоторые из них дошли при этом до того, что заявляли, будто китайцы вовсе не люди, а род усовершенствованных автоматов, а «Вечерняя Хроника» утверждала даже, что так как китайцы были отправлены по обычному товарному тарифу, применяемому к грузам и быкам, то Красный Капитан был вправе смотреть на них, как на лишний груз, и выкинуть их за борт наравне с тюками хлопка или любого другого товара, от которого он в случае необходимости волен был избавиться.

Когда судья Барнет объявил заседание закрытым, то многочисленные сторонники капитана Джонатана Спайерса поспешили окружить его и собрались уже вынести его на руках из зала суда и пронести в триумфальном шествии по всем главным улицам города. Как это всегда бывает в подобных случаях, тотчас же организовалась контрманифестация, собравшаяся также сопровождать капитана свистом, барабанным боем и хрюканьем. В редких случаях это не доходит до кровавой распри. Но Красный Капитан был не таков; не дожидаясь никаких оваций, он решительным шагом, гордо подняв голову, вышел из здания суда и, войдя в ожидавший его экипаж, обратился к своим друзь-

ям и сторонникам, благодаря их за содействие и сочувствие. «А что касается остальных, — добавил он, — то я готов дать удовлетворение каждому желающему на револьверах, ружьях, шпагах, эспадронах или в боксерском поединке, по желанию». Эта удаль заставила замолчать даже самых недовольных оправданием капитана: никто не захотел помериться силами с отчаянным капитаном. Мистеры же Нойстонг и Суитмаус, выйдя из зала суда, пожали друг другу руки, как и подобает двум выдающимся адвокатам.

Предоставив прославленному Нойстонгу мчаться на всех парах из Сан-Франциско в Нью-Йорк, а не менее прославленному Суитмаусу украшать собой калифорнийский суд, мы займемся исключительно Красным Капитаном, с которым познакомили наших читателей при оригинальных обстоятельствах, составивших ему имя и известность.

II

Мечты Красного Капитана. — Эврика — Отчаяние. —
Мысль о самоубийстве. — Еще раз человек в маске. —
Чек в девять миллионов. — Номер триста тридцать
третий.

О СВОЕМУ ПРОИСХОЖДЕНИЮ ДЖОНАТАН Спайерс был уроженцем Нью-Йорка, отец его принадлежал к корпорации тех почтенных управителей, которых в Америке называют барменами, а в Европе трактирщиками, шинкарями или винными торговцами. Питейное заведение Спайерса помещалось в торго-

вой части города и всегда бывало переполнено матросами, являющимися сюда обменивать свои доллары и здравый рассудок на стаканчик виски, бренди, джина и тому подобных зелий. Здесь юный Джонатан с ранних лет вошел во вкус профессии моряка, и так как он от природы обладал умом беспокойным, пытливым и любознательным, то уже в двенадцать лет, поступив в ученье на один из крупнейших судостроительных заводов в Нью-Йорке, удивлял всех своими необычайными способностями и смекалкой. А шестнадцатилетним мальчиком он был уже старшим рабочим в сборном цехе и изобрел машину для подшивки судов, которая в сутки выполняла работу артели в сто человек. Но это его изобретение украл старший инженер цеха, которому он имел неосторожность показать свои чертежи и планы. Протесты его остались без последствий, так как никто не хотел верить, чтобы простой рабочий без специального

образования, шестнадцатилетний мальчуган, мог изобрести столь сложный механизм, а инженер утверждал, что Спайерс по его заказу исполнял для него чертежи, так как был превосходным рисовальщиком и чертежником, удостоившись первых наград за свои рисунки и чертежи на вечерних курсах, которые он посещал с величайшим усердием. Эта первая неудача в жизни вселила в душу юного Джонатана Спайерса глубокую ненависть к людям и желание отомстить им за себя.

Его справедливые требования и протесты привели к тому, что его уволили с завода, а почтенный родитель также указал ему на дверь, считая претензии молодого человека неслыханными. Выпроваживая его из своего дома, он, однако, наградил его своим благословением, а так как родительское благословение — багаж не громоздкий и не подлежащий таможенному тарифу и, согласно поговорке, если не приносит большой пользы, то, во всяком случае, и не вредит, то молодой человек, захватил его с собой, отправился на Дальний Запад, это убежище всех прогоревших банкиров, неудачников и непризнанных гениев. Вот почему вы встретите в Сан-Франциско столько великих людей, которые, за неимением другого применения своих способностей, занимаются на улицах чисткой сапог прохожим (ради развлечения)!

По пути в Калифорнию молодой человек не брезговал никаким трудом, чтобы снискать себе пропитание: он пас свиней и мыл посуду, дробил камни на дорогах и чинил домашнюю утварь. Но прибыв в Сан-Франциско, он вскоре поступил в одну из мастерских судостроительного завода и год спустя, невзирая на свой юный возраст, был удостоен звания старшего инженера-механика и переведен на соответствующий оклад на заводе Вест-Индской компании. Но успех не изменил его характера: он по-прежнему оставался сумрачным, угрюмым и до крайности необщительным. Пережитые им несправедливости, неудачи и трудности оставили в его душе неизгладимый след и до такой степени озлобили его, что он испытывал страшную ненависть ко всему человеческому обществу, что обратилось у него в своего рода манию. Он неустанно мечтал только о безграничной власти над людьми и об удовлетворении с помощью этой власти своей ненасытной жажды мщения. Эти чувства граничили в нем с безумием. В его квартире был особый рабочий кабинет, куда никогда не проникал ничей посторонний взгляд и где он проводил все свои свободные часы, работая, вероятно, над каким-нибудь новым изобретением, так как в течение целых пяти лет он непрерывно чертил, вычислял и изготовлял в своей мастерской, помещавшейся в отдельном маленьком каменном павильоне в его

саду, какие-то странные части механизма, которые он полировал, приглаживал, спаивал, свинчивал, не говоря никому ни слова о своей работе.

Его дом охраняли два немых негра, верные, как собаки, своему господину, и китаец из Макао по имени Кيانг Фо, заведовавший всем в его доме.

В течение целых пяти лет он неустанно работал и упорно отклонял все предложения Вест-Индской компании принять на себя командование одним из ее больших тихоокеанских пароходов. Эти предложения Джонатан Спайерс получал потому, что наряду со званием инженера-механика он блистательно сдал экзамен в школе шкиперов дальнего плавания и был принят в корпорацию моряков торгового флота с отметкой в аттестате: «Перворазрядный».

Наконец у него явилась фантазия заключить в каменный павильон небольшой прудик в десять квадратных метров, находившийся в его владениях. Когда павильон этот был построен по его плану и указаниям, он лично перенес туда множество различных металлических предметов и частей и безвыходно заперся там на целую неделю, предварительно взяв для этого отпуск. Очевидно, он собирался произвести какие-то опыты, и, по-видимому, эти опыты вполне удались ему, так как он вышел из павильона сияющий и радостный, каким его никогда никто не видел.

— Теперь и власть, и богатство в моих руках! — воскликнул он. — Власть, против которой человек бессилен! Я соединил в одном существе все живые силы природы; ему недостает только разума, но ума одного человека достаточно, чтобы дать ему жизнь, и моего ума будет достаточно! Соединенный флот целого мира и войска всего земного шара будут ничто перед этой силой, жалкая былинка или вялый лист, гонимый ураганом. Ура! Я — властитель мира! Я — царь природы!

Китаец, прислуживающий ему и никогда за все пять лет не видевший улыбки на его лице, подумал, что его господин лишился рассудка.

— Да, теперь власть и месть, страшная, беспощадная месть в моих руках! О, подлый мир, в котором мало быть честным и работающим, чтобы завоевать себе место в поднебесной, где люди, как стая хищных воронов, как голодные волки, накидываются на подобных себе и пожирают слабейших и беззащитных! Теперь настал час расплаты за все!

Он прошел в свой таинственный кабинет и снова заперся там.

Мало-помалу возбуждение его улеглось, и он стал рассуждать спокойно.

Без сомнения, орудие его власти было найдено, но для того, чтобы соорудить это механическое существо, чтобы осуществить свой план, по его выкладкам требовалось два миллиона долларов, а у него не было и двадцатой доли этой суммы! Сколько времени потребуется для того, чтобы ее собрать! Что за злая насмешка судьбы держать в своих руках власть, могущую поработить мир, и за неимением всесильного рычага — золота, также царящего над миром, быть бессильным!

Но этот человек был не из тех, кто складывает оружие даже перед судьбой.

— Так что же! — воскликнул он с присущей ему энергией и решимостью. — Если нужно золото, то добудем это золото, без которого ничто на свете невозможно!

Каждый крупный банкир при первом ознакомлении с его механизмом, предоставил бы ему сумму вдвое большую, чем та, какая ему требовалась. Но для этого нужно было поделиться своим изобретением, мало того, это значило предостеречь об опасности своего врага — человеческое общество, а не было в мире такого правительства, которое не воспрепятствовало бы всеми зависящими от него способами осуществлению его смелого проекта в интересах всеобщей безопасности.

Поэтому он решил даже в добывании капиталов положиться только на себя. С этой целью он выхлопотал себе несколько привилегий на свои попутные изобретения, применимые в промышленности, и стал пользоваться ими.

Тогда он согласился принять командование одним из пароходов Вест-Индской компании для увеличения своих доходов.

Не теряя времени, он тотчас же приступил к осуществлению своего изобретения и заказал на двенадцати различных заводах отдельные части того гигантского механизма, который он сам должен был собрать при содействии только его двух немых негров, готовых дать изрубить себя на куски ради его благополучия. Эти двое несчастных, Том и Сэм, были спасены им от страшной участи и были ему безгранично признательны: у них еще на родине во время одной из диких оргий их царька были вырезаны языки за какую-то пустяшную провинность с их стороны, как это нередко случается на африканском побережье. Джонатан Спайерс с величайшим терпением обучил их целой сложной системе знаков, которая вполне заменяла несчастным дар слова; но ключ к этим знакам был известен только ему одному.

С тех пор прошло уже два года, и теперь мы впервые встречаем Красного Капитана перед судом в Сан-Франциско.

Это прозвище Красного или Кровавого Капитана преисполнило сердце Джонатана Спайерса горькой радостью. «Я оправдаю это прозвище! — воскликнул он. — Я поклялся в этом!»

Но при возвращении домой из зала суда в нем произошло внезапное превращение, и весь мир, и люди, и его гигантский замысел, и самая жизнь показались ему столь презренными, столь отвратительными, что он подумал было, не лучше ли ему самому исчезнуть и покончить разом с борьбой, которая обещала быть долгой и упорной. За последние два года он уплатил уже более миллиона долларов различным механическим заводам, и тщательно занумерованные отдельные части его будущего сооружения хранились теперь в особо построенном для этой цели блиндированном сарае, у дверей которого безотлучно находились его верные негры. Но сделанное за эти два года было, в сущности, каплей в море, и если и дальше дело стало бы подвигаться так же, то на осуществление его замысла потребовалось бы по меньшей мере еще двадцать лет. А ему было теперь уже тридцать; он был мужчина в полном соку; через двадцать лет ему стукнет пятьдесят и он будет уже на пороге старости. Под рукой у него лежал револьвер; он стал играть этой красивой безделушкой, мысленно рассуждая: «Одно маленькое, чуть заметное движение руки, нажим пальца — и все кончено... И, в сущности, это покой и отдохновение от всех житейских волнений. Пожалуй, индусы правы... сладость небытия!» — И он вспомнил старое брахманское изречение: «Лучше человеку сидеть, нежели стоять, лучше лежать, нежели сидеть, лучше умереть, нежели лежать!»

Бессознательно рука с револьвером поднялась на уровень виска... Он не сознавал даже, что делает, быть может, он думал в этот момент о чем-нибудь совершенно другом, как вдруг сильный стук в наружную дверь дома заставил его содрогнуться и очнуться. Он взглянул на свою руку, держащую револьвер, и, слабо улыбаясь, прошептал: «Неужели я собирался сделать эту непозволительную глупость?»

Он отложил в сторону револьвер и поднялся со своего места. Вошел Кианг Фо, или просто Фо, как его называли, и вручил ему конверт большого формата, принесенный посыльным, ожидающим ответа.

Чужеземец, желающий познакомиться с капитаном Джонатаном Спайерсом по причинам чрезвычайной важности, просит его пожаловать к нему на чашку чая сегодня вечером в Лейк-Хауз, к 8 часам. Комната № 7, коридор В.

Подписи не было.

Красный Капитан собирался уже проучить этого бесцеремонного чужеземца, отправив его посланного обратно без ответа, но затем передумал и набросал карандашом поперек полученного письма следующий ответ:

Капитан Джонатан Спайерс имеет обыкновение пить чай у себя в это самое время и при этом иногда принимает, когда это его не стесняет, лиц, желающих его видеть или имеющих к нему какое-нибудь дело.

Подписи также не было. Письмо он вложил обратно в тот же конверт и приказал отдать его посланному.

Этот пустяшный инцидент, которому он не придал ни малейшего значения, изменил, однако, течение его мыслей и отвлек от мимолетной идеи самоубийства, на мгновение мелькнувшей в его мозгу. Совершенно спокойный и уравновешенный, он вышел в сад, прошел в павильон, внутри которого был пруд, и заперся в нем до вечера.

Как всякий серьезный мыслитель и ученый, капитан Спайерс был очень воздержан в пище и питье; ровно в восемь часов он пил чай с холодным мясом и пирожками, а затем уже ничего не ел до утра. Едва он сел за стол в этот вечер, как у наружных дверей его квартиры раздался стук, и Фо вошел доложить, что господин, приславший утром письмо, просит разрешения представиться капитану.

Заинтересованный этим странным происшествием, капитан приказал провести к себе незнакомца.

Спустя минуту в комнату вошел высокий прекрасно сложенный мужчина, с изысканными манерами, изящно одетый, с черной бархатной маской, столь плотно обхватывающей лицо, что в первую минуту капитан принял вошедшего за негра. Он собрался было проучить его за дерзость являться в маске, когда незнакомец сам поспешил снять ее, промолвив:

— Извините меня, я делаю это из-за слуг; для меня необходимо, чтобы никто здесь в Америке не знал меня в лицо и не мог впоследствии засвидетельствовать нашу встречу, которая, во всяком случае, не повторится!

— Вы — русский, если не ошибаюсь! — заметил Спайерс, внимательно наблюдавший за своим гостем. — Прошу садиться!

— Вы не ошиблись, я действительно русский; у меня не было никого, кто бы мог представить меня вам; кроме того, как я уже говорил, наше свидание с вами не должно быть известно никому!

— Я готов извинить вас, полагая, что только серьезные причины могли побудить вас к подобному образу действий, но вы должны понять, что я вправе требовать от вас честного и чисто-сердечного объяснения! Вам уже известно мое имя, и я со своей стороны привык знать имена тех, кто переступает мой порог!

С минуту незнакомец как бы не решался, затем сказал:

— В Австралии я был известен под именем «человек в маске», здесь, в Лейк-Хаузе, я записан под именем майора Дункана...

— А в России? — спросил капитан с легким оттенком раздражения в голосе.

— А в России, — продолжал незнакомец, — меня зовут полковником Ивановичем!

— Прекрасно! — сказал Спайерс и пожал ему руку в знак заключенного знакомства.

— Теперь еще одно слово, — сказал полковник, — у людей вашего типа нет надобности требовать честного слова, и потому я просто скажу вам, что желаю, чтобы с того момента, как я окажусь за порогом вашей комнаты, я был для вас, как и для всех здесь, майором Дунканом!

Капитан утвердительно наклонил голову, и его гость продолжал:

— Я прибыл сюда из Австралии и нахожусь проездом в Сан-Франциско, собираясь вернуться в Европу через Нью-Йорк. Сегодня утром я из простого любопытства присутствовал в зале суда на вашем процессе, и ваша непреодолимая энергия, ваше мужество и решимость, ваше презрение к людям и к жизни, ваш надменный и гордый вид очаровали меня настолько, что я внутренне сказал себе: «Вот человек, какого я давно ищу!» Я должен вам сказать, что на меня возложена тайная миссия, и я потратил уже два года своей жизни, приложил все силы моего ума и моей воли, пожертвовал жизнью четырех или пяти сотен человек и истратил около пяти миллионов — и все только для того, чтобы потерпеть позорную неудачу! Я решил было уже вернуться в Россию и отказаться от возложенной на меня задачи, но при виде вас во мне возродилась надежда.

— А в чем состоит цель вашей миссии? — полюбопытствовал капитан.

— Овладеть всеми возможными средствами, даже в случае надобности лишив его жизни, одним молодым французом, графом Оливье Лорагю д'Антрэгом. В том случае, если бы мне удалось захватить его в свои руки живым, я должен был бы доставить его в Петербург, где он должен предстать перед лицом Верховного Совета одного тайного общества — Общества Невидимых.

Джонатан Спайерс при этом недоверчиво усмехнулся, что не укрылось от его собеседника.

— Вы, очевидно, заблуждаетесь в ваших предположениях, а потому я должен сказать, что тайное Общество Невидимых не имеет ничего общего с нигилистами, анархистами или интернационалистами; оно преследует чисто патриотические цели; его задачи — слить воедино все разрозненные ветви великого славянского корня и поднять их против германской и англосаксонской рас, завоевать Восток и часть Запада до Константинополя! Таковы наши задачи, и в день великой борьбы мы подыдем сто пятьдесят миллионов штыков, которые отнесут тевтонцев к берегам Шпрее, а англосаксов изгонят из Индии.

Во время этой беседы Джонатан Спайерс, склонив голову на руки, тоже думал о грандиозных событиях, которые он мог бы осуществить, если бы ему дана была возможность построить орудие его власти, силы и мощи. Наконец он поднял голову, глаза его горели мрачным огнем, метая огненные стрелы.

— А! — воскликнул он, — что вы говорите мне о ваших Невидимых! Что такое ваше тайное Общество, все короли и народы! Это — сухие листья, которые я одним дуновением смел бы с земли, если бы только мог!..

— Да... я это почувствовал с первого же момента, как только увидел вас! Вы принадлежите к числу тех людей, которые рождены властвовать над людьми и повелевать массами! Нам нужны именно такие люди, совершенно исключительного закала... Войдите в наше Общество; я могу обещать вам одну из высших должностей среди Невидимых, и тогда вы уже не скажете больше «если бы я мог!», а скажете «я хочу» — и это будет!

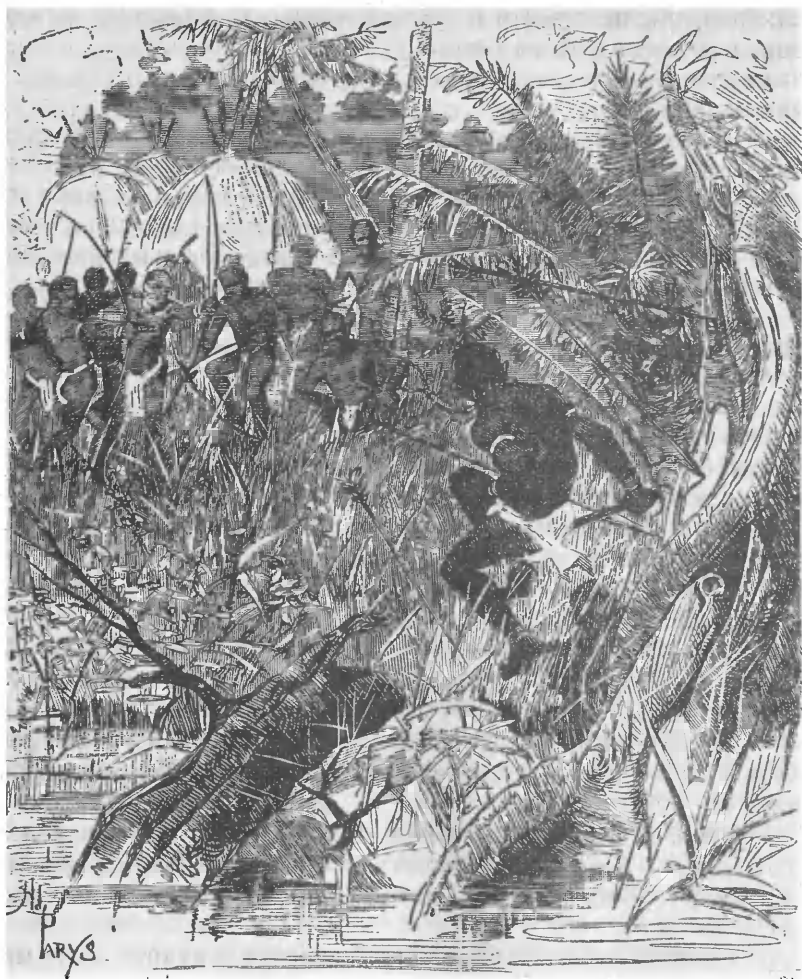
— Нет, вы не понимаете меня! — пылко воскликнул капитан. — Не можете меня понять!.. — С минуту он колебался, но затем, как бы придя к какому-то решению, вдруг схватил полковника за руку и сказал: — Идемте! Вы один будете знать об этом... но иначе нельзя: вы один можете мне помочь! — И он увлек его за собой в сад.

Дойдя до дверей таинственного павильона, где он производил свои опыты, Спайерс остановился.

— Что вы больше всего любите, чтите и боготворите здесь, на земле? — спросил он.

— Мою мать! — не задумываясь, отвечал его гость растроганным голосом.

— Ну, так поклянитесь мне вашей матерью, что вы никому не откроете того, что сейчас увидите, никому не скажете об этом ни слова!

— Клянусь!

— Хорошо! Войдите!

Оба негра посторонились, чтобы дать дорогу своему господину и его спутнику. Те вошли, и дверь затворилась за ними. Целых два часа они провели там, и когда наконец вышли, Красный Капитан как будто возродился и вырос; он улыбался спокойной, самодовольной улыбкой, тогда как русский полковник, наоборот,

казался пришибленным и ошеломленным, как человек, видевший осуществление чего-то невероятного, невозможного, невысказанного, сверхчеловеческого: гений Красного Капитана сразил и уничтожил его.

Но он тотчас же понял, что не должен выдавать всей силы произведенного на него впечатления, если хочет достигнуть своей цели, и когда оба они вернулись в квартиру капитана, полковник Иванович успел уже вернуть себе свое обычное самообладание.

— Ну, что? — спросил Джонатан Спайерс, когда они снова расположились в креслах друг против друга.

— Это что-то невероятное! — откровенно признался гость. — Даже в самых безумных мыслях я не допускал возможности чего-либо подобного!

— Я десять лет искал это решение, и вот уже два года, как нашел его. Теперь два года я борюсь за то, чтобы иметь возможность добыть девять миллионов франков, дабы довести до конца мое великое дело — мой «Ремэмбер»*, так я назову его, чтобы он являлся постоянным напоминанием моих страданий, моего долгого и упорного труда, моих ожиданий, радостей и надежд!

— О, я вас понимаю! — воскликнул русский. — Понимаю, почему вы окружаете себя такой тайной, так как ни одно государство в мире не допустило бы сооружения подобного аппарата, сила и мощь которого ставит в полную от вас зависимость все человечество!

— Да, но мне недостает девяти миллионов, и у меня их никогда не будет, так как я чувствую, что истощил свои силы и терпение!

— Как знать, может быть и будут! — задумчиво возразил Иванович. — Это будет зависеть только от вас самих; если вы захотите, они завтра же будут у вас! — с таинственной усмешкой добавил он.

— Завтра же? — переспросил Красный Капитан, — а кто мне их даст?

— Я!

— Вы?

— Да, я! Казна Невидимых неистощима; совместный бюджет Франции и Англии ничто в сравнении с теми богатствами, какими располагаем мы. Я — один из трех членов, владеющих сокровенной подписью нашей ассоциации и могущий располагать, под

* Remember — помнить (англ.).

свою личную ответственность, этими капиталами при условии отдавать в них отчет «Совету Девяти». Итак, если я захочу, то завтра калифорнийский банк откроет вам кредит на девять миллионов!

— А что для этого требуется? — спросил капитан Спайерс.

— Требуется принять три условия. Но прежде, чем изложить их, я должен предупредить, что никакие изменения этих условий абсолютно невозможны, и поэтому обсуждать их совершенно излишне: за малейшую поблажку вам я должен буду заплатить своей жизнью, а вы, конечно, не можете рассчитывать, что я пожертвую собой, чтобы возвести вас так высоко, что никто не в состоянии будет не только сравняться с вами, но и дотянуться до вас. Вы меня извините за эту откровенность, но я должен был сказать вам всю правду, чтобы не терять времени в бесполезных прениях!

— Прекрасно, но скажите мне, должен ли я принять или отвергнуть ваши условия только короткими словами «да» или «нет» или же мне будет позволено потребовать некоторых разъяснений!

— Я с удовольствием отвечу вам на все вопросы... Итак, первое условие заключается в том, чтобы вы узаконенным актом на бумаге, снабженной печатью и подписями Великого Невидимого и верховного члена ассоциации, вводящего вас в нее, то есть моей в данном случае, изъявили письменное желание вступить в наше Общество и приняли на себя все соответствующие этому обязательства: прежде всего, вам будет дано имя, под которым вы будете известны всем членам нашего Общества, и номер, который будет известен только членам Верховного Совета и Великому Невидимому. Вы обязаны оказывать помощь и содействие каждому члену нашего Общества, который назовет вас по имени и предъявит доказательства, что он также член Общества. А каждый раз, когда вы получите предписание такого рода: «предписывается и повелевается номеру такому-то» и так далее, вы обязаны повиноваться без рассуждений и колебаний, без всяких объяснений или разъяснений и безотлагательно. Словом, вы попадаете в руки высшей власти нашей ассоциации. У вас нет ни воли, ни личности, ни ответственности. Вы просто номер и бессознательная частица великого механизма, заодно с которым вы действуете.

— И это все?

— Да, относительно первого условия!

— А знаете ли, это условие клонится ни больше ни меньше, как к тому, чтобы взять и конфисковать в пользу вашего тайного

Общества все могущество, которое мне может дать мое изобретение!

— Но статус ведь не был создан специально для вас, и вы, конечно, понимаете, что он не может быть изменен для вас!

— Пусть так, но в таком случае я становлюсь простым орудием неизвестных мне лиц, и это ради идей, которые я не имею никакого основания разделять!

— Но эти неизвестные люди представляют собой все, что есть великого на земле, а эти идеи — самое возвышенное, самое благородное: это — борьба двух рас за обладание половиной вселенной!

— Я ничего не говорю, но чувствую себя парализованным, уничтоженным!..

— Не в такой мере, как вы полагаете! Наше Общество ограничивает свое влияние только чисто политической сферой. Так, например, вы можете получить предписание, когда ваше изобретение станет известным, уничтожить английский флот или германскую армию, а такая идея, конечно, будет достаточно прекрасной, чтобы прельстить человека с вашим характером и запросами. Но в области частной жизни вы будете абсолютно свободны. Вы можете покорять себе любые народы, кроме, конечно, славянских, можете взлетать так высоко, как вам только вздумается, и наше Общество будет только с гордостью смотреть на возвышение одного из своих членов!

— Но ведь это тоже политика!

— Я уже сказал вам, что все, что не касается славянской расы, будет дозволено вам!

— Что ни говорите, я во всяком случае буду только орудием в руках Великого Невидимого!

— Пусть так! Но кто вам говорит, что вы сами не достигнете этого высокого и завидного положения, которое положит весь мир к вашим ногам!

— Ну-с, а остальные условия? — задумчиво спросил Джонатан Спайерс.

— Принимаете ли вы первое? — осведомился полковник.

— Разве мне не предоставляется право принять или отвергнуть их все три вместе?

— Как вам будет угодно! Итак, второе условие заключается в том, что вы обязуетесь после вашей смерти оставить ваше изобретение со всеми его планами, чертежами, моделями и инструкциями по применению и приведению в действие нашему Обществу Невидимых.

— На это не имею никаких возражений, продолжайте!

— Третье и последнее условие — сугубо мое личное. Как только «Ремэмбер» будет сооружен, вы отправитесь вместе со мной в Австралию, чтобы помочь мне на этот раз наверняка завладеть графом Лорагю д'Антрэгом.

— Что же, это личная месть? — спросил капитан Спайерс.

Собеседник его промолчал.

— О, — продолжал тогда капитан, — это для меня совершенно безразлично! Но я должен сказать, что люблю французов, так как один француз спас мне жизнь. Прибыв в Сан-Франциско, я страшно нуждался, не находя нигде работы; я готов был броситься в Сакраменто*, когда случайно проходивший мимо француз удержал меня от этого намерения. Он сунул мне в руку сто долларов и сказал всего лишь несколько слов: «Работай и надейся!» Я никогда больше не видел его, хотя и искал повсюду, чтобы отблагодарить его и вернуть ему одолженные им деньги. Благодаря ему я мог расстаться со своими лохмотьями, из-за которых меня отовсюду гнали и нигде не принимали на работу; я поступил в Вест-Индскую компанию и стал тем, чем вы теперь меня видите!..

За это время Иванович успел обдумать свой ответ.

— В том, о чем я вас прошу, нет личной мести; от поимки и ареста графа зависит сохранение за Обществом Невидимых громадных золотых и серебряных рудников на Урале, оцениваемых более чем в полмиллиарда!

— В сущности, мне это все равно, — равнодушно заметил Джонатан Спайерс, — и два ваших последних условия я охотно принимаю; но что касается первого, то это дело другое. Ведь это дает совершенно новое направление всей моей дальнейшей жизни; это должно изменить все мои планы!

— Тут выбора нет, но на вашем месте я бы принял и это условие в интересах вашего самолюбия и честолюбия: по прошествии двух лет, если вы сумеете ловко действовать, а я вам обещаю помочь в этом, вы станете во главе Общества Невидимых и будете нашим верховным повелителем!

— Дайте мне срок до завтра на размышление!

— Это невозможно; или сегодня же вечером вы будете навсегда и бесповоротно связаны с Невидимыми, или мы с вами никогда больше не увидимся!

— Ну, так дайте хоть один час времени.

* С а к р а м е н т о — река в Калифорнии.

Полковник хладнокровно вынул часы из кармана и сказал:

— В вашем распоряжении ровно десять минут!

Джонатан Спайерс вскочил со своего места, как бешеный, запустил своей чашкой, с чаем в стену, где она разбилась в мелкие дребезги, и, скрестив на груди руки и глядя прямо в лицо Ивановичу, произнес:

— Я не такой человек, чтобы изменять свои намерения через десять минут!

— Значит, вы отказываетесь? — спросил его русский, более взволнованный этой выходкой, чем он желал бы казаться.

— Нет, пусть лучше решит судьба! — И капитан подбросил в воздух золотую монету в двадцать долларов, которую постоянно носил при себе как своего рода фетиш: это были первые полученные им от Вест-Индской компании деньги.

— Решка! — крикнул он громко.

Монета покатилась сперва по комнате и наконец легла. Иванович устремился туда с лампой и торжествующим голосом воскликнул: «Орел! Приветствую брата Федора Невидимого! Пусть я первый назову вас этим именем, под которым вас отныне будут знать все наши».

Но капитан Спайерс сидел неподвижно на месте, подперев подбородок рукой, и неопределенно смотрел в пространство как человек, подводящий итоги прошлого или старающийся проникнуть в тайны будущего. Он продал себя ради осуществления своей мечты. Так значит, с этого момента Джонатан Спайерс, неукротимый и непокоренный Красный Капитан, отрекся навсегда от своей свободной воли, от своей независимости. Но он не хотел оглядываться назад, а пытался заглянуть вперед и искал, какие выгоды может извлечь из своего нового положения. Понятно, он сохранит секрет своего изобретения для себя, а это сделает его столь сильным, столь могучим, что когда оно будет осуществлено, никакие силы в мире не помешают ему сказать: «Дальше я не пойду!» Кроме того, Иванович сказал ему, что он легко может стать главой Общества Невидимых, и тогда никакая власть на земле не сравнится с его властью!

— Ну-с, капитан, — пробудил его наконец голос Ивановича, — судьба решила за вас в нашу пользу или, вернее, в вашу, так как теперь разом устраняются все препятствия к осуществлению вашего заветного желания, и я уверен, что вы всю жизнь будете благословлять этот счастливый случай, положивший конец вашим сомнениям. Потрудитесь убедиться, что монета легла орлом вверх!

— К чему? Я вам верю!

— Нет, я на этом настаиваю, чтобы с меня была снята всякая ответственность в этом деле!

Капитан подчинился его желанию и убедился в том, что монета легла лицевой стороной вверх.

Не теряя ни минуты времени, Иванович достал из кармана два совершенно готовых экземпляра договора, где не были только проставлены имена и числа.

Капитан Джонатан Спайерс был вписан в договор под именем Федора и получил номер триста тридцать три, кабалистическое число, которое было вырезано на обороте его перстня. На задней странице договора было приписано обязательство уступить после своей смерти его изобретение Обществу Невидимых и посвятить Великому Невидимого и Совет Девяти в секрет пользования им. Последнее же, третье обязательство нигде не было вписано.

— Это было личное соглашение между нами, — сказал полковник Иванович, — и я верю вашему слову; с меня этого вполне достаточно!

Помимо верховного владыки, Великого Невидимого, и постоянно состоящего при нем Совета Девяти, все члены ассоциации разделялись на семь классов, причем все высшие должности распределялись между членами первого класса, которого рядовые члены обычно достигали путем постепенного повышения по своим заслугам и трудам на пользу Общества.

В данном случае Иванович понял, что в интересах самого Общества капитана следовало поставить в такое положение, чтобы он мог получать предписания только от одной высшей власти, и потому он зачислил его членом первого класса, то есть сделал равным себе, на что он, в сущности, даже не был уполномочен, хотя и мог сделать это ввиду совершенно исключительных обстоятельств.

Когда все документы были подписаны, Иванович достал из своего кармана чековую книжку калифорнийского банка и, не задумываясь ни на минуту, выдал капитану чек на сумму в один миллион восемьсот тысяч долларов, что равняется девяти миллионам франков, вручив капитану со словами:

— Пользуйтесь этим на пользу и благо Общества!

Получив из рук полковника Ивановича этот чек, обеспечивающий ему осуществление его заветной мечты, которая должна была перевернуть весь свет, Красный Капитан испытал такое чрезвычайное волнение, что чуть было не лишился чувств. Впрочем, он скоро овладел собой и наружно оставался совершенно спокойным.

— Теперь нам надо расстаться, — проговорил Иванович, — я должен ехать отсюда с первым утренним поездом в Нью-Йорк. Через двадцать дней я рассчитываю быть в Петербурге, где ваше зачисление в члены нашей ассоциации будет утверждено Великим Невидимым. А когда вы думаете управиться с вашей работой?

— Я раздам заказы на отдельные части аппарата трем или четырем сотням различных механических заводов в Сан-Франциско, Нью-Йорке, Балтиморе и Чикаго и надеюсь, что по истечении шести месяцев мой «Ремэмбер» будет совершенно окончен и готов к действию! — сказал капитан.

— Прекрасно! — воскликнул его собеседник. — Сегодня у нас двадцать второе сентября, сейчас двадцать семь минут двенадцатого, значит, двадцать второго марта будущего года я приеду в Сан-Франциско поездом, прибывающим из Нью-Йорка ровно в одиннадцать часов. Где я вас найду?

— Здесь, если это вам будет удобно!

— Для меня безразлично! Можете ожидать меня здесь!

— Буду я иметь какие-нибудь вести от вас?

— Нет, это совершенно бесполезно! Ничего такого, что я мог бы доверить почте или бумаге, мне сообщить не придется. А в случае надобности я пришлю к вам человека, которому можно вполне довериться!

После ухода своего гостя Джонатан Спайерс долгое время не мог успокоиться, опасаясь какой-нибудь ловкой мистификации со стороны своих врагов. Двадцать раз перечитывал он договор с Обществом Невидимых и исследовал врученный ему чек калифорнийского банка. Но все это только усиливало тревогу.

Кто такой был, в сущности, этот русский гость, и как мог он сам быть таким наивным, чтобы довериться ему с первой минуты?! Даже ближайшие его друзья, лейтенант Сэмюэл Дэвис и врач Джон Прескотт, готовые во всякое время отдать за него свою жизнь, как верные псы, никогда не были посвящены им в тайну.

Как знать, быть может, в это самое время господин Иванович смеется над тем, что этот прославленный Красный Капитан так легко поддался на удочку, на которую не поддался бы и ребенок: чек на девять миллионов. Да это смешно и невероятно!

Джонатан Спайерс едва мог дожидаться утра, чтобы явиться с чеком в банк и получить несомненное доказательство издеательства над ним господина Ивановича и его обмана.

Ровно в десять часов утра капитан вышел из дома, приказав двум своим неграм никого не пускать в дом в его отсутствие, и

спустя двадцать минут уже входил в кабинет главного кассира, которому должны были предъявляться для проверки, как о том гласили надписи на стенах главного зала, все чеки, превышающие сумму в миллион франков.

Старший кассир был один в своем кабинете, когда к нему вошел капитан Спайерс. Последний ожидал, что его чек будет встречен вежливо-насмешливой улыбкой, сопровождаемой вопросом: «Что должна означать эта шутка?» Но вместо этого старший кассир принял чек с самым хладнокровным видом и сказал:

— Хорошо! Эта сумма настолько велика, что ее владельцы сочли нужным подтвердить еще лично и письменно об уплате сегодня утром, хотя это совершенно излишне: одного этого чека было вполне достаточно!

Красный Капитан был поражен, как громом. Кассир продолжал:

— Я сейчас прикажу выдать вам эту сумму, но надеюсь, что вы не рассчитываете унести ее в руках; у вас, вероятно, есть здесь закрытая карета, в которой можно было бы доставить деньги.

Эти слова надоумили Красного Капитана ответить самым равнодушным тоном:

— Я попросил бы вас оставить эту сумму в банке и выдать мне на нее чековую книжку, которая позволит мне пользоваться этими деньгами по мере надобности!

— Превосходно! — согласился старший кассир. — Без сомнения, ваши деньги здесь будут в более надежном месте, чем у вас, а чековая книжка вам будет выдана сейчас же!

Выйдя из калифорнийского банка, Красный Капитан готов был пригнуться, чтобы не зацепиться головой за солнце: так он вырос в своих глазах и своем воображении.

Его возбуждение граничило с безумием! Значит, его не обманули, не одурачили. Теперь и сила, и безграничная власть были в его руках; он был близок к бессмертию. Ведь перед ним было еще целых полвека жизни, а за это время он успеет оставить такой глубокий след своего пребывания на земле, что грядущие поколения долго не забудут его, и легенда о нем проживет многие века! Ура! Джонатан Спайерс стал царем всего мира, повелителем всего человечества, и нет на земле власти, которая могла бы сравниться с его властью.

III

Двадцать второе марта, 11 часов 27 минут вечера. —
Иванович. — «Ремэмбер». — Отборный экипаж.

ЧЕРЕЗ ШЕСТЬ МЕСЯЦЕВ ПОСЛЕ ОПИСАННЫХ нами событий, двадцать второго марта в одиннадцать часов вечера перед домом, где жил капитан Спайерс, в квартале Милон-Бэй стоял запряженный четверкой дюжих лошадей громадный экипаж, какими обычно пользуются в Америке для длительных путешествий на Дальний Запад. Оба негра, Сэм и Том, сидели на козлах в ожидании своего господина, а крыша кареты была нагружена многочисленными чемоданами, сундуками и тюками, поверх которых лежал растянувшийся громадный кентуккийский дог, отзывавшийся на кличку «Стрэнглер» (душител).

Весь одноэтажный дом был освещен и, судя по хлопотливому движению в окнах, можно было безошибочно решить, что здесь готовились к отъезду. В столовой был сервирован превосходный ужин и чай; за столом сидели Красный Капитан, двое его верных друзей — Сэмюэл Дэвис и Джон Прескотт и, кто бы мог этому поверить... высокочтимый Джон Хэбчук Литлстон, который, в силу особого стечения обстоятельств, о чем мы сообщим впоследствии, очутился в компании этих авантюристов. Пять рослых и сильных матросов, бывших механиков с парохода «Калифорния», безгранично преданных своему капитану, заколачивали какие-то ящики в большом зале нижнего этажа.

— Двадцать минут двенадцатого, — произнес наконец капитан Спайерс, взглянув на часы, — остается еще семь минут. Поезд только что дал свисток; он несколько запоздал сегодня! Ивановичу трудно будет поспеть сюда раньше половины. Вы исполнили все мои поручения, Дэвис?

— Да, капитан, все!

— И подготовили «Таблицу подводных течений»?

— Да, капитан!

— И достали мой астрономической бинокль?

— Да, капитан!

Эти слова «да, капитан» были единственными, какие когда-либо произносил Сэмюэл Дэвис в разговоре со своим капитаном. Дэвис был воплощением дисциплины, и на судне он отдавал все распоряжения по свистку. Он никогда не обращался ни с одним словом даже к матросам, не исключая и тех случаев, когда приходилось делать им замечания. Передавать их устно виновному

было дело «мастера», боцмана, он же лишь вписывал утром все замечания в журнал.

Джон Прескотт, напротив, был невероятно говорлив. Привыкнув, живя постоянно в обществе безмолвного Дэвиса, говорить один за двоих, он стал из-за своей феноменальной болтливости совершенно невозможным собеседником.

Из этих двух господ и состоял теперь личный штаб Красного Капитана, причем в самое последнее время к ним присоединился еще высокочтимый Джон Хэбрук Литлстон в качестве комиссара по счетной части.

Несколько месяцев тому назад миссис Литлстон переселилась в лучший из миров, и мистер Литлстон перенес это несчастье с величайшим стоицизмом благодаря утешительной мысли, что впоследствии он соединится с ней; но вслед за этим его постиг новый удар. Новый председатель суда, принадлежащий к демократической партии, заменил мистера Литлстона одним из своих единомышленников, и высокочтимый Джон Хэбрук Литлстон остался не у дел — и без жены, и без места. Джонатан Спайерс, узнав об этом, предложил ему место у себя, которое тот и принял с величайшей радостью, хотя в контракте было сказано, что он обязуется служить капитану по счетоводному делу в течение пяти лет на суше, на море и в воздухе. Слова «в воздухе» были даже подчеркнуты в контракте, но это не испугало высокочтимого Литлстона, и он подписал его.

В описываемый нами вечер должно было состояться взаимное представление друг другу трех старших чинов экипажа «Ремэмбера», которым отныне суждено было жить вместе на этом судне.

Весь экипаж «Ремэмбера» должен был состоять из пяти человек матросов-механиков, о которых уже было сказано выше, обученных и подготовленных самим Красным Капитаном, поставленного над ними боцмана по имени Холлоуэй, двух негров для личных услуг и китайца Фо, которому было поручено вести хозяйство.

Теперь нам только остается ознакомиться с таинственным «Ремэмбером» и его двумя спутниками — «Осой» и «Лебедем».

Часы на камине у Джонатана Спайерса показывали ровно двадцать семь минут двенадцатого, когда к его дому подъехал экипаж, из которого выскочил Иванович и поспешно направился в столовую капитана.

— Вы аккуратны! — заметил капитан, пожимая его руку.

— Все ли у вас готово? — спросил прибывший. — Вы уже проводили испытания с «Ремэмбером»?

— Я ожидал только вас! Я уверен в своих вычислениях и хотел, чтобы эти испытания происходили в вашем присутствии!

— Когда мы отправляемся?

— Я к вашим услугам!

— Ну, так отправимся сейчас! Мне не терпится узнать, не выкинули ли мы девять миллионов на ветер. Прикажите захватить мой чемодан, дайте мне выпить чашку чая, и я к вашим услугам!

Спустя десять минут громадный экипаж, запряженный четверкой добрых коней, уже катился по дороге к Сан-Хосе.

В шести милях от Сан-Франциско, в одинокой долине, посещаемой несколько месяцев тому назад только стадами диких коз, теперь под громадным дощатым навесом, наглухо сколоченным и закрытым со всех сторон, находился совершенно законченный черный «Ремэмбер» — гигантское и невероятное чудовище, изобретение гениального человека, который вознесся на такие высоты в области науки, что становилось непостижимо для ума, как мог человеческий мозг породить подобное чудо.

Что же представлял собой этот «Ремэмбер»?

Это не было судно, предназначенное для океанских плаваний, не был и воздушный шар, не был это и автомобиль, предназначенный для того, чтобы исколесить землю! Нет, это было все вместе взятое!

«Ремэмбер» мог, по желанию, мчаться по земле с головокружительной быстротой, устремляться в воздушные пространства и нестись по воздуху, как птица, плыть по волнам океана или под поверхностью воды на произвольной глубине и нырять до самого дна морского.

Эта громадная машина, вся из чистейшей стали, обшитая снаружи сплошной броней из полированной меди, предохраняющей от коррозии в воде, имела сто метров длины, двадцать пять ширины и восемнадцать высоты. По внешнему виду «Ремэмбер» походил на громадного лосося с сильно развитыми плавниками, которые служили винтом в воде и крыльями в воздухе. Хвост служил рулем в море и пропеллером в воздухе. Весь этот корпус покоился на восьми парах колес шириной один метр каждое, чтобы это громадное чудовище не могло уйти в землю. Эти громадные колеса, предназначенные для передвижения на суше и под водой, одновременно усиливали действие крыльев и пропеллера.

Аппарат приводился в действие не паром, а электричеством, силой, не знающей границ и пределов. Два его аккумулятора, помещавшиеся в начале и в хвосте «Ремэмбера», могли заряжаться таким количеством электричества, что один его разряд мог разом уничтожить город, армию или флот. Сам же «Ремэмбер» был неуязвим: ни бомбы, ни гранаты, ни даже торпеды не могли повредить ему, так как помимо двойной брони и нескольких пластов промежуточных изоляторов достаточно было только нажать кнопку, чтобы вокруг всего корпуса гиганта развивалось

такое сильное электрическое поле, что всякое постороннее тело, входящее в него, какова бы ни была скорость его движения, моментально обращалось в пыль.

Все изобретенные до сих пор средства атаки и обороны ничего не могли сделать против этого грозного гиганта, властелин которого мог предписывать свои законы народам и царям.

Он мог пребывать целые годы под водой, если ему это было удобно, так как все предвидевший Джонатан Спайерс снабдил свой «Ремэмбер» аппаратом, разлагающим воду и вырабатывающим азот и угольную кислоту в нужном для получения воздуха количестве, так что обитатели «Ремэмбера» никогда не испытывали недостатка в воздухе. Попасть внутрь можно было лишь через одно входное отверстие, которое могло герметически закрываться, так что туда не проникал даже воздух; очутившись внутри, приходилось дышать только искусственным воздухом.

Четыре громадных иллюминатора диаметром один метр каждое давали доступ свету во внутреннее помещение, позволяя видеть все, что происходило извне. Они были размещены на носу, на корме и по бокам корпуса, а в ночное время — и в тех частях, куда не проникал свет извне; кроме того, все помещения освещались множеством электрических ламп.

В задней части помещалась квартира капитана, состоящая из пяти больших комнат и громадного салона, где было собрано все, что можно иметь редкого, драгоценного и высокохудожественного из обстановки. Далее шли несколько менее роскошных, но прекрасно обставленных помещений для помощника капитана, лейтенанта Дэвиса, врача и гостей. В центре размещались машины; сюда входил только один Джонатан Спайерс. Все эти машины, до крайности простые, были сконструированы так, что могли исправно функционировать по крайней мере в течение пятидесяти лет. Кроме того, в смежном зале находились вторые и третьи копии всех частей этого грандиозного механизма.

Кроме того, на полу и на корме «Ремэмбера» были расположены две небольшие каюты, всегда запечатые на ключ, куда никто кроме капитана не имел доступа и откуда можно было управлять «Ремэмбером». Секрет управления Джонатан Спайерс не открыл никому, чтобы в случае, если бы над ним учинили какое-нибудь насилие, его чудесный колосс в чужих руках стал бесполезной громадиной, ни на что не нужной. В обеих этих каютах помещалось по бронзовому ящику с целым рядом пронумерованных клавиш, числом около тридцати, напоминающих клавиши пианино. Необходимо было знать значение каждой отдельной клавиши, чтобы приводить в движение ту или другую часть машины, иначе при малейшей ошибке могла произойти поломка

какой-нибудь существенной части механизма, из-за которой установилась бы вся машина. Само собой разумеется, надо было знать, как управлять колоссом на суше, на море, в воздухе или под водой; на все требовались свои приемы, своя особая система перевода рычажков и нажатия клавиш. Офицеры, а также матросы были предупреждены обо всем этом заранее; все они отлично знали, что «Ремэмбер» открывался и закрывался посредством электричества, а потому без воли капитана никто из них не мог ни войти, ни выйти. Однако на случай своей неожиданной смерти Джонатан Спайерс под клятвой сообщил свой секрет Дэвису, но дальше этого не пошел: он хотел только дать людям возможность уйти, не желая их навсегда похоронить в этом металлическом чудовище.

За машинными помещениями были расположены камеры, вмещавшие свыше тысячи тонн всякого рода консервов, припасов и напитков, так что можно было прокормить весь наличный персонал «Ремэмбера» в течение по крайней мере пятнадцать лет. По обе стороны корпуса, то есть по бакборту и по штирборту, размещались каюты экипажа и кухни.

Передняя часть «Ремэмбера» также была отведена под личную квартиру капитана, так что последний располагал двумя совершенно одинаковыми помещениями на корме и на носу и переселялся из одного в другое в зависимости от обстоятельств. Главное преимущество этого заключалось в том, что как носовая, так и кормовая каюты управления были совершенно отрезаны от всех остальных помещений его личными квартирами, состоящими и тут, и там из пяти больших комнат, совершенно недоступных посторонним лицам.

Красный Капитан, покончив со своими чертежами, планами и вычислениями, построил маленькую модель своего будущего колосса, уменьшенную в пятьдесят раз, и в павильоне над прудом испытал ее на воде, на суше, в воздухе и под водой. Эти испытания он продемонстрировал приезжему русскому офицеру, которого привел в неописуемый восторг, что и побудило последнего дать ему средства и возможность осуществить на деле его мечту.

Но по прошествии шести месяцев Иванович возвращался из Петербурга значительно охладевшим к этой диковинной затее. Не то чтобы явно не одобряя его, так как он был другом Великого Невидимого, его коллеги, то есть остальные члены Верховного Совета, называли его фантазером и мечтателем, и у него самого с течением времени впечатление от видимого им чуда несколько побледнело; кроме того, один очень серьезный ученый, член Парижской Академии наук, которому он рассказал об этом, конечно, только в общих чертах, выслушал его с недоверчивой улыбкой

и заявил, что это нечто совершенно невозможное, хотя и не противоречащее явно законам физики.

— Вы видели в действии только модель, — сказал он. — Пусть так, но построить игрушку — это одно, а воспроизвести ее в машине колоссальных размеров — совершенно другое!

Словом, Иванович нервничал и в продолжение всего пути упорно хранил молчание. Красный Капитан, неприятно задетый его поведением, также делал вид, будто не замечает его присутствия, и сам молчал.

Счастливейшим человеком в данный момент был зато Джон Прескотт, который имел теперь вместо одного двух воображаемых оппонентов, сговорившихся против него, якобы подавляющих его своим большинством и лишаящих его свободы слова и мнений. Дэвис, издавна привыкший к его беспричинным нападкам, ограничивался тем, что усмехался время от времени, не проронив ни единого слова, но Литлстон, не встречавший никогда сопротивления со стороны мистера Дарлинга, которого он распекал вволю в течение многих лет, никак не мог примириться с этими ни на чем не основанными обвинениями своего нового сослуживца и пытался протестовать.

В экипаже пассажиры разместились по чинам. Внутри заняли места только капитан и Иванович, в ротонде находились лейтенант, врач и бухгалтер, а в задней части — мастер Холлоуэй и его пять подчиненных, то есть матросов-механиков; Том, Сэм и Фо поместились с кучером на переднем сиденье.

Таким образом у Прескотта под рукой оказались обе его жертвы, и у последних не было никакой возможности уйти от него.

— Но послушайте, милостивый государь, дайте мне сказать хоть одно слово! — запротестовал выведенный из терпения Литлстон.

— Клянусь честью! — воскликнул громовым голосом врач, — вы не переставали все время громоздить вздорные доказательства и ни к чему не годные аргументы, поддерживаемые Дэвисом, и теперь еще хотите лишить меня права возражать вам! Вы злоупотребляете вашим большинством!

— Но мистер Прескотт...

— Вы хотите заглушить голос правды и здравого смысла...

— Но послушайте...

— А-а... вы... вы продолжаете спорить и опровергать. Но ведь это же насилие: только из свободного обмена мыслями вытекает истина, а вы зажимаете мне рот на каждом слове, не даете высказаться, лишаете меня слова... Нет, это возмутительно...

Доведенный до отчаяния Литлстон кончил тем, что последовал примеру Дэвиса и заснул под говор своего словоохотливого

спутника, который все еще продолжал доказывать, убеждать и возражать своим воображаемым собеседникам.

Когда же экипаж подъехал к долине Лос-Анжелос, где, по распоряжению капитана, кучеру приказано было остановиться, Прескотт, любезно помогая Литлстону выйти, с самой добродушной улыбкой заявил:

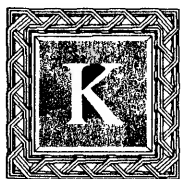
— Наконец-то вы сдались, милейший; это, конечно, доказывает вашу справедливость. Но я бы рекомендовал вам поменьше горячности в спорах: когда людям предстоит жить вместе, придется делать друг другу маленькие уступки... А главное, не поддавайтесь влиянию Дэвиса: ведь он — воплощенное противоречие!

До места назначения оставалось еще полмили, но тяжелый экипаж не мог со всем своим грузом свободно двигаться по этой вновь проложенной, неукатанной дороге, и потому пассажирам пришлось выйти из него.

Наступила решительная минута, и хотя Джонатан Спайерс был уверен в себе, тревожное настроение духа его спутника невольно сообщилось и ему. Что если в самом деле после стольких лет неусыпного труда, стольких мук и безумных затрат ему суждено потерпеть неудачу на глазах у этого Ивановича, который и теперь уже сомневается в нем, и в присутствии всего экипажа, слепо верившего в него, как дикари в свой фетиш! И Джонатан Спайерс нащупал рукой в кармане свой револьвер: он внутренне поклялся в случае неудачи похоронить себя вместе со своим изобретением. Какой грандиозный саркофаг этот «Ремэмбер»! Какая царская могила!..

IV

Испытания. — «Лебедь» и «Оса». — Суша, небо и море. —
Озеро Эйр.

ОГДА ПЕШЕХОДЫ, А ЗА НИМИ И МЕДЛЕННО движущийся экипаж приблизились к громадному дощатому сараю, где находился механический колосс, капитан приказал выгрузить всю кладь и багаж, а экипажу вернуться обратно в Сан-Франциско. Едва только последний скрылся из виду, как вся внутренность сарая ярко осветилась электричеством, и глазам присутствующих предстал невероятный, сказочный гигант «Ремэмбер» с двумя своими спутниками — «Лебедем» и «Осой» — по бокам, подобный гигантскому кашалоту, выброшенному на берег.

«Оса» и «Лебедь» были уменьшенными до пятнадцати метров копиями «Ремэмбера» во всех его деталях: тот же способ управ-

ления, те же машины, тот же механизм; в случае надобности они могли вполне заменить «Ремэмбер», тем более, что каждый из них обладает достаточной силой, чтобы уничтожить целый флот или армию. Но управлять ими также мог только капитан Спайерс.

Иванович при виде этих двух миниатюрных копий гиганта самодовольно улынулся: он рассчитывал добиться от Спайерса, чтобы тот доверил ему управление одной из них.

Все были глубоко взволнованы. Джонатан Спайерс нажал пружину, открывавшую входной люк, и матросы с помощью негров в глубоком безмолвии стали переносить на «Ремэмбер» все туки, ящики, чемоданы и остальной багаж.

Когда это было сделано, Красный Капитан с помощью весьма простого механизма откинул на землю всю переднюю стену сарая и произнес при этом, обращаясь к Ивановичу:

— Когда прикажете? Можно хоть сейчас трогаться!

В этот решительный момент к нему вернулось обычное самовладение.

— Я к вашим услугам, приказывайте! — отозвался русский.

Все вошли в «Ремэмбер», и входной люк захлопнулся, совершенно изолировав внутреннее помещение от внешнего воздуха. Джонатан Спайерс был доволен: очевидно, воздушный аппарат действовал прекрасно; всем дышалось хорошо и легко; воздух был чист, свеж и приятен.

— Пожалуйста! — пригласил капитан Ивановича и прошел вместе с ним в каюту управления на носу «Ремэмбера».

Тотчас же громадной силы рефлектор, направленный через иллюминатор наружу, залил ярким светом всю окрестность впереди, так что, несмотря на позднее время, можно было без труда различить малейший листочек, как в ясный полдень.

Затем, опустив руки на бронзовые клавиши аппарата управления, Джонатан Спайерс с наружным равнодушием привел в действие аккумулятор и цилиндрические пистоны, приводящие в движение колеса, и с неподражаемой уверенностью произнес:

— Мы трогаемся!

Иванович, весь бледный от волнения, ощутил легкое, едва заметное содрогание колосса, а в последующий за этим момент «Ремэмбер» понесся вперед с невероятной быстротой, снося на своем пути, как соломинки, целые кусты, камни, обломки скал, холмы и пригорки, пролагая себе ровную дорогу и устраняя без малейшего усилия все препятствия. Это было что-то невероятное, и Иванович не хотел верить своим глазам.

Громкое «ура» огласило «Ремэмбер». Джонатан Спайерс сиял: это был момент его триумфа.

— Капитан, вы велики, как Бог! — воскликнул совершенно преобразившийся Иванович.

Но это было еще далеко не все.

Гигант неся все быстрее и быстрее, повинуясь, как живое существо, малейшему желанию капитана; пробежав расстояние в пять или шесть миль за промежуток времени, вдвое меньший, чем сделал бы это курьерский поезд, пущенный полным ходом, «Ремэмбер» вдруг поднял нос кверху, как птица, готовящаяся взлететь, расправил свои крылья и стал плавно подниматься,

постепенно ускоряя движение, пока наконец, достигнув значительной высоты, не понесся по воздуху над уснувшим Сан-Франциско. Некоторые полуночники, бродившие еще в это время по улицам города, приняли механическое чудовище за черное облако, пронесившееся по поднебесью и имевшее форму большой рыбы. Желая увековечить свой полет над городом в памяти его жителей, Джонатан Спайерс раз пять-шесть осветил весь «Ремэмбер» ослепительными электрическими лучами, причем все его очертания резко выделились на темном фоне ночного неба.

Все метеорологические обсерватории отметили это странное явление, и на другой день во всех американских газетах появилось сообщение, что в прошедшую ночь наблюдали на небе полет громадного раскаленного болида, имевшего форму рыбы. Только старушка Европа не поверила этому сообщению, сочтя его продуктом воображения досужих янки.

Пронесясь с невероятной быстротой над индейской территорией, «Ремэмбер» продолжал держать курс над Сонорой и обширными равнинами Северной Мексики. При восходе солнца пассажиры воздушного судна могли увидеть над собой уже озера Тескоко и Хочимилько, а между ними, в глубине долины, город Мехико с его многотеррасными крышами, белыми стенами и верандами, на которых еще спали люди. Но «Ремэмбер» только пронесся мимо, следуя далее по направлению к Кордильерам; затем Красный Капитан направил его к высочайшей вершине цепей Анауак, горе Стлалтепетль, на которую механическое чудовище стало медленно опускаться. Наконец оно коснулось земли на высоте 5308 метров над уровнем моря. Таким образом, «Ремэмбер» в одну ночь сделал по суше и по воздуху 1200 километров без малейшего усилия.

— Ну, что вы теперь скажете? — обратился Джонатан Спайерс, впервые после отправления, к Ивановичу, — выброшены ли даром деньги Невидимых?

— Капитан, — воскликнул с непритворным восхищением полковник, — я приветствую в вашем лице величайшего гения, какого только породило человечество! Повелевайте — и я буду вам повиноваться; я сочту за счастье быть последним слугой такого человека, как вы!

— Нам остается еще испытать «Ремэмбер» в море, — сказал капитан, — но мне нужно немного отдохнуть, прежде чем продолжать наш путь. «Ремэмбер» может, конечно, летать в указанном направлении и без надзора, но в этом первом нашем перегоне я не хотел ни на минуту предоставлять его самому себе; мне хотелось убедиться в том, что он послушен, и теперь я в этом убедился!

Экипаж и все остальные также поспешили принести свои горячие поздравления капитану и свои уверения в безграничной преданности ему.

После непродолжительной стоянки, во время которой все успели позавтракать благодаря предусмотрительной заботливости Фо, «Ремэмбер» снова поднялся к облакам.

Он продолжал следовать по направлению к Кордильерам, проносясь последовательно над рядом маленьких центральноамериканских республик — Гватемалой, Гондурасом, Сальвадором, Никарагуа, Коста-Рикой, Панамой и др. Трудно себе представить более живописную и разнообразную панораму, чем та, какая представилась нашим путешественникам, расположившимся у громадных иллюминаторов «Ремэмбера».

За Панамой, в обширной долине, носящей название Камподелла-Конститусион, так как именно здесь все организаторы *пронунсиаментос* (то есть государственных переворотов) давали решительную битву, отворяющую им ворота столицы, были видны две армии по три-четыре тысячи человек каждая, готовые вступить в бой между собой. То было уже седьмое *пронунсиаменто* в этом году.

— Вот момент испытать «Ремэмбер» в качестве военного оружия! — сказал Красный Капитан со странной, загадочной усмешкой на лице.

— Да! — согласился Иванович, — это избавит их от надобности убивать друг друга. Но на чью сторону думаете вы встать?

— Конечно, на сторону правительства! В таких случаях надо всегда становиться на сторону существующей власти! — отзывался капитан.

— Почему?

— Да потому, что девять раз из десяти революция смещает правительство как раз тогда, когда представители его уже достаточно отъелись, чтобы стать довольно честными гражданами, а тут приходится снова откармливать тех, кто их заменил. Понятно, что это всей тяжестью ложится на несчастный народ!

— Вы, как я вижу, глубокий мыслитель!

— Вовсе нет, я просто не верю в честность людей, стоящих у власти, и в особенности — в честность политиканов.

— Но как мы распознаем правительство и инсургентов*?.. Слышите?!

* И н с у р г е н т — участник восстания.

В этот момент с помощью акустической трубы, концентрировавшей все звуки, раздававшиеся на земле, они явственно слышали крики: «Да здравствует конституция!», одновременно раздававшиеся из обоих враждующих лагерей.

— Ну, так не станем их разбирать! — сказал Красный Капитан, и в тот же момент «Ремэмбер» стал слегка наклонять вперед свой нос.

— Balloone! Шар! — раздалось среди испано-американцев, и несколько орудий открыло огонь по направлению «Ремэмбера».

— Теперь мы действуем на основании законной самозащиты! — проговорил Иванович.

Капитан только усмехнулся. Механический колосс продолжал опускаться к земле, слегка наклоняя вперед нос. Вдруг лицо капитана озарилось дьявольской улыбкой: раздался оглушительный выстрел, яркое пламя охватило на мгновение весь корпус «Ремэмбера» и озарило ослепительным светом всю окрестность от края до края горизонта, а затем все приняло свой обычный вид; только на поле сражения, изрытом и растрескавшемся, как после сильного землетрясения, не осталось ни одного живого существа. Не уцелел ни один человек, который мог бы рассказать о случившемся. Так как все генералы, не состоящие на службе, все государственные люди, оставшиеся за штатом, и все адвокаты, не имеющие клиентов, словом, все главари революции находились тут же, среди своих солдат, которых они воодушевляли своими речами, то получилось так, что Панама на этот раз была разом избавлена от этих вредных общественных деятелей, этих самозванных «спасителей отечества». Благодаря этому бедная маленькая страна, где спасителями родины являются обычно интриганы, выжидающие удобного случая расхитить казну и повторяющие этот эксперимент чуть ли не каждые шесть месяцев, на этот раз погибли все до одного, и маленькая республика могла зажечь мирной, тихой жизнью по крайней мере в течение десяти лет.

После этого «Ремэмбер» снова принял свое нормальное положение, взлетел к облакам и понесся с изумительной быстротой по направлению к океану.

Эта часть Тихого океана, находящаяся против Дарьенского перешейка, достигает неизмеримой глубины. Это место и избрал Джонатан Спайерс, чтобы сесть в море. Не уменьшая хода, механический колосс спустился к поверхности океана, и, когда он коснулся воды, его огромные крылья замерли неподвижно в горизонтальном положении, поддерживая, наподобие громадных парашютов, корпус опускавшегося в море стального гиганта.

Как видно, Джонатан Спайерс все предвидел.

Ничто не могло сравниться по красоте зрелища с этим спуском в водное царство. Благодаря сильным электрическим прожекторам можно было свободно видеть на расстоянии четырехсот или пятисот метров во всех направлениях мириады рыб, привлеченных этим ослепительным светом, которые спешили к «Ремэмберу» и сопровождали его на всем протяжении пути. Акулы не могли поспевать за механическим колоссом, но целые стаи мелкой рыбы, целые стада морских собак и других животных спешили на свет, играя и купаясь в его лучах, по мере того как «Ремэмбер» опускался все дальше и дальше в глубь океана. Другие морские чудовища подплывали к нему и скользили по его поверхности.

Вскоре «Ремэмбер» очутился словно в пустыне: здесь, на этой глубине, как будто все вымерло, и кругом не было видно ни одного живого существа. Это так называемая необитаемая глубина. Морские животные и рыбы, держащиеся на сравнительно меньшей глубине и нуждающиеся в свете и несколько более насыщенном кислородом воздухе, не спускаются сюда, а обитатели морского дна не поднимаются, так как ползают по самому дну.

Когда «Ремэмбер» наконец коснулся дна, все обитатели этого подводного судна на мгновение испытали невольное чувство непреодолимого ужаса.

Став на дно, колосс остановился, и в одно мгновение его облепили со всех сторон сотни самых разнообразных морских чудовищ, бесформенных, безобразных, возбуждающих чувство непреодолимой гадливости; тут были и морские пауки с щупальцами, достигающими тридцати метров длины, и змеи невероятных размеров, и живые губки, из всех пор которых выступала темная, мутная, коричневая, почти черная жидкость, мутившая воду, и липкие, студенистые медузы самой причудливой формы, и морские звезды, и кораллы, и чудовищные крабы, и раки невероятной величины, и чего только тут не было!

Был момент, когда громадный спрут, обвив своими щупальцами «Ремэмбер», пытался приподнять его; экипаж и старшие чины судна невольно вскрикнули от ужаса, но Джонатан Спайерс, вполне осознававший тщетность этой попытки, только улыбнулся. Считая, однако, нужным успокоить свой экипаж, он соединил два провода, и мгновенно получился такой сильный разряд электричества, что от всех спрутов, скатов и других обитателей морского дна не осталось и следа: всех их развеяло, точно ветром. После этого «Ремэмбер» продолжал свой путь по морскому дну с такой же легкостью и быстротой, как по суше, с той только разницей, какая существовала между силой сопротивления воздуха и воды.

После нескольких часов бега «Ремэмбер» стал снова выходить на поверхность океана, причем его задний кормовой аккумулятор служил пропеллером, а плавники — крыльями, с помощью которых он быстро подымался все выше и выше.

Очутившись на поверхности, это диковинное судно понеслось с быстротой семидесяти миль в час благодаря совместной деятельности его плавников, восьми пар колес и хвоста, служившего одновременно и пропеллером, и рулем.

На случай, если бы нужно было вступить в военные действия, кормовой аккумулятор, заряженный электричеством, с такой стремительной силой устремил бы колосса на неприятеля, что в мгновение ока разрезал бы надвое любой броненосец или же мог бы обратиться в щепки любое судно, не приближаясь даже к нему, одним разрядом электричества переднего, то есть носового аккумулятора.

Если же «Ремэмбер» хотел нести гибель и уничтожение, не будучи замеченным, то мог направить тот же разряд электричества, сам оставаясь под водой.

Теперь нужно было провести подводные испытания; опустившись на глубину двухсот метров, механический колосс продолжал послушно повиноваться воле своего изобретателя, не уклоняясь при этом ни на один миллиметр от горизонтали, как и на суше или на поверхности океана.

Блистательно выдержав все испытания, «Ремэмбер» вполне оправдал надежды своего изобретателя и воплощал собой осуществление смелого замысла Красного Капитана, его заветной мечты.

— Ну что? — спросил Джонатан Спайерс Ивановича, гордо выпрямившись и скрестив руки на груди, — что вы на это скажете?

— Я скажу, что теперь, если вы захотите, то можете легко осуществить и другую мечту: владычество над целым миром! — ответил русский.

— Теперь мне остается сдержать свое слово по отношению к вам, как вы сдержали свое по отношению ко мне! Куда нам надо направиться?

— Сюда, — сказал Иванович, указав пальцем на карте на одно из больших озер Центральной Австралии.

— Хорошо, через шесть суток мы будем там!

По прошествии шести дней, когда солнце уже зашло над австралийском бушем, какое-то темное пятно вдруг появилось на темном фоне ночного неба, двигаясь с быстротой урагана. Достигнув озера Эйр, это пятно или, вернее, предмет, имеющий форму в виде пятна, вдруг разом, точно подстреленная птица, упало и исчезло в глубине озера.

Это был «Ремэмбер», прибывший к месту своего назначения и теперь ставший на якорь на дне озера Эйр.

Лебяжий прииск. — Взрыв. — Таинственные огни. —
 Франс-Стэшен. — Ночная экскурсия на озеро. —
 Фантастическое видение. — Русский и янки.

А ЛЕБЯЖЬЕМ ПРИИСКЕ ГОТОВИЛОСЬ большое торжество. Со времени страшного взрыва в Красных горах, где под обвалом погиб весь отряд лесных бродяг, в том числе, как полагали, и человек в маске, успех и удача не переставали во всем сопутствовать молодому графу Оливье и его друзьям. Прииск, эксплуатируемый теперь своими силами, обогащал и хозяев, и рабочих: одна треть всего добываемого золота приходилась на долю Оливье, другая — на долю канадца Дика, а остальная часть делилась поровну между Лораном, Джильпингом, хотя и отсутствующим в настоящее время, и всеми рабочими на двадцать три доли.

Прииск должен был вскоре истощиться, так как он представлял собой не руду золотоносного кварца, а залежь золотых самородков; впрочем, эта перспектива никого из участников этого дела не огорчала, так как за короткий срок все они нажили такие крупные состояния, какие никогда не грезились им и во сне.

Доля Оливье и Дика выражалась круглой суммой в полмиллиона долларов.

На долю каждого из остальных приходилось более чем по миллиону франков. И все-таки все продолжали работать на приiske, как простые поденщики: такие вещи встречаются только в Калифорнии да в Австралии, где нередко вчерашний миллионер становится поденщиком, а вчерашний поденщик — миллионером.

Согласно обещанию Виллиго, племя нагарнуков перенесло свои главные становища на территорию Лебяжьего прииска, изобилующую дичью, рыбой, съедобными травами и кореньями, и соседство могучего и воинственного племени отваживало от прииска всех бродяг и нежелательных гостей. Жизнь на приiske протекала мирно и счастливо; молодой граф, окруженный друзьями и обреченный на невольное бездействие, уже два года, в течение которых он по настоянию своей невесты должен был как бы забыть о ней, вел жизнь джентльмена-фермера Западной Америки или австралийского буша: охотился, ездил верхом, эксплуатировал свои земли, катался по живописному озеру Эйр, прилегавшему к его владениям. На этом озере у него были две

яхты: одна паровая, водоизмещением в шестьдесят тонн, носившая в честь его невесты название «Надежда», и другая парусная, водоизмещением в двадцать пять тонн, названная им «Княжной». Для большего удобства им была проложена по берегу озера красивая набережная, и на ней устроена небольшая пристань; кроме того, на этом озере стоял целый флот нагарнукских пирог. При его громадной протяженности в тридцать лье по направлению с северо-востока на юго-восток, ширине в шестнадцать лье и весьма значительной глубине это создавало иллюзию маленького моря.

В это озеро впадала река Виктория, и потому воды его изобиловали рыбой; кроме того, частые и сильные ветры подымали на нем настоящие бури, так что для управления судами на этом озере требовались серьезные и опытные моряки, хорошо знакомые с морским делом. С этой целью Оливье съездил в Сидней и здесь из экипажа потерпевшего крушение французского судна, оставленного на попечение французского консула, пригласил к себе на службу двух опытных боцманов — Бигана, которому он поручил командование «Надеждой», и Ле Гуэна, которого назначил капитаном «Княжны». Оба моряка были бретонцами и потому прирожденными детьми моря.

Тукас и Дансан, механики с погибшего французского судна, также были приглашены в качестве механиков на судна Оливье. Чтобы привлечь их к себе, им было обещано по сотне тысяч франков по истечении срока службы, то есть семи лет. Оливье так полюбилась Австралия, что, уступая настояниям Дика, он согласился обосноваться здесь и в будущем жить то здесь, то в Европе.

Кроме вышеупомянутых двух судов, Оливье заказал в Мельбурне паровую яхту водоизмещением в триста тонн для своих поездок в Европу, назвав ее в честь своего доброго друга «Диком». Объединенный экипаж «Надежды» и «Княжны» должен был служить экипажем для большой яхты, где Биган должен был исполнять обязанности капитана, а Ле Гуэн — его помощника. Эти два моряка весьма скоро обучили человек двенадцать молодых нагарнуков морской службе и всем морским приемам, сделав из них преисправных матросов, а механики со своей стороны обучили еще десяток человек своему делу и приготовили себе помощников и кочегаров.

На полпути между приисками и озером, то есть на расстоянии около мили от того и другого, было построено прелестное шале, выписанное совершенно готовым из Сан-Франциско; здесь его только собрали и поставили в одной из живописнейших долин. Вокруг два китайца-садовника, также выписанные из

Сан-Франциско, разбили роскошный цветник и сад, а старик-виноградарь из Бургундии, случайно приставший к Дику переселенец, развел на берегу озера на скате холма превосходный виноградник. Таким образом в Франс-Стэшене, как называли наши переселенцы свое роскошное поместье, было все, что только можно было пожелать.

Приближалась годовщина дня рождения канадца, и Оливье решил, что этот день будет отпразднован с одинаковой торжественностью как в главной деревне нагарнуков, где Дик считался приемным сыном племени, так и на прииске.

К этому дню им были выписаны фейерверк и несколько сотен маленьких музыкальных ящиков, которые предполагалось раздать нагарнукам с таким расчетом, чтобы в каждой семье было по музыкальному ящику. Кроме того, готовился грандиозный банкет на европейский лад.

Нагарнуки готовили к этому дню различные игры, пляски и песни в честь виновника торжества. Кроме того, туземцы решили приурочить к этому дню великое празднество — избрание нового преемника своему Великому Жрецу, хранителю Священного Огня. Великий Жрец был уже очень стар, и ему нужен был заместитель, или вернее, помощник, так как пока старик был жив, сместить его было нельзя, хотя он и не мог исполнять все свои обязанности из-за преклонного возраста. Преемником его должен был быть непременно один из его сыновей, так как должность жреца переходила по наследству. О новом преемнике для дряхлеющего жреца всегда было принято заботиться заблаговременно, так как священный алтарь Мото-Уаи не мог ни одной минуты оставаться без жреца, а церемония посвящения была довольно сложна и к ней приходилось заранее готовиться.

Происходило это великое торжество обычно не более двух-трех раз на протяжении века, и теперь лишь очень немногие старцы были в раннем детстве свидетелями подобной церемонии, так как настоящий Великий Жрец достиг уже девяноста лет от роду, а принял от отца должность, когда ему едва исполнилось пятнадцать лет.

Озеро Эйр, как мы уже говорили, изобиловало рыбой; особенно ценным и изысканным был особый род пятнистого лосося, водившейся исключительно на большой глубине, на лов которого приходилось выезжать чуть ли не на самую середину озера. Чтобы раздобыть эту рыбу к предстоящему банкету, Оливье приказал Ле Гуэну выйти на «Княжне» для лова на ночь, так как эта чрезвычайно осторожная рыба днем не ловилась. Биган, хотя и не получал предписания участвовать в этой экспедиции, все-таки ради компании отправился вместе с Ле Гуэном.

«Княжна» вышла на закате и возвратилась лишь с рассветом. Всю ночь дул сильный ветер, и Оливье, обеспокоенный столь долгим отсутствием судна, вышел с Диком на пристань встречать «Княжну», чтобы узнать от Ле Гуэна причины столь продолжительной ловли.

Оба моряка и состоящий при Ле Гуэне дежурный механик Дансан были бледны и расстроены настолько, что это сразу бросилось в глаза.

— Что случилось? У вас погиб человек? — с тревогой спросил Оливье.

— Нет, граф, благодарение Богу, экипаж не пострадал, но то, что с нами случилось, так странно, невероятно, что у нас сейчас еще выступает холодный пот на лбу при одном воспоминании. Я рад, что со мной были Биган и Дансан, которые могут со своей стороны засвидетельствовать, что то, что я скажу, не пригрезилось мне.

— Мы слушаем! — сказал Оливье, несколько взволнованный этим вступлением.

— Мы шли со скоростью в двенадцать узлов и, прибыв к восьми часам вечера на удобное место, закинули сети, а я приказал убрать паруса. До десяти часов мы четыре раза вытащили сети, и так как улов у нас был хороший, то я решил идти обратно. Мы с Биганом стояли на носу и разговаривали, когда Дансан пришел сказать, что все готово. Вдруг мы увидели, всего в двух или трех сотнях метров от нас, огонь наподобие фонаря на гот-мачте торгового судна, который как бы нырял по волнам, словно буюк. Полагая, что это какая-нибудь затерявшаяся пирога, я приказал держать на нее; расстояние между огнем и нами быстро уменьшалось, как вдруг огонь нырнул и скрылся под водой, но почти тотчас же снова появился, хотя уже с другой стороны. Мы погнались за ним, но огонь то вдруг исчезал, то снова появлялся в другом месте, и так пять раз!

— Странно, — сказал Оливье, не будучи в состоянии догадаться, что бы это могло означать. — А вы вполне уверены, что не спали?

— О, нам было не до сна! Но это еще не все. В последний раз огонь исчез под водой, не угаснув; мы видели, как он медленно опускался все глубже и глубже и в конце концов остался неподвижным, продолжал гореть на большой глубине. Это видели все мы, а также и все наши люди. Биган уверяет, что видел нечто подобное в Северном море, что это «Летучий Голландец». Но всем известно, что «Летучий Голландец» появляется только в океане... Это, очевидно, какая-нибудь чертовщина, и мне думается, что это проклятое озеро заколдовано... Но и это еще не все: то, что

было дальше, еще того хуже и удивительнее. Когда мы направились к берегу, то увидели, как что-то черное, выпуклое и блестящее, как спина кашалота, плыло за нами.

— Полноте, Ле Гуэн! В озере не только нет китов и кашалотов, но даже тюленей и особенно крупных рыб!

— Я сам это знаю, тем не менее это существо скользило за нами, не отставая, хотя мы все усиливали ход; скользило бесшумно. Так оно держалось у нас в кильватере в продолжение целого часа. Время близилось к рассвету, мы были уже недалеко от берега, когда это страшное существо с бешеной скоростью устремилось на нас, как будто собираясь пустить нас ко дну. Впрочем, благодарение Богу, этого не случилось, но оно, как бы поддразнивая нас, трижды оплыло вокруг «Княжны», затем, как камень, пошло ко дну и скрылось. Как только я не посидел за эту ночь!

— Но вы сами сознаетесь, что все это невероятно, Ле Гуэн!

— Да, патрон, тем не менее это на самом деле было так, как я вам говорю!

— Мне думается, — вмешался Биган, — что на этом озере было совершено какое-нибудь страшное преступление, и этот огонь — душа умершего, которая просит, чтобы за нее молились!

— Ну, а этот выпуклый черный предмет, похожий на спину кашалота? — спросил Оливье.

— Это, я думаю, опрокинутая вверх килем шляпка утонувшего, того самого призрака, о котором я говорю.

— Ну, а какой приблизительно длины был этот странный предмет?

— Ничуть не больше и не меньше корпуса «Княжны», и если бы мы были в океане, я бы поклялся, что это кит длиной от двадцати до двадцати пяти метров!

— Это, конечно, было бы самое правдоподобное предположение, но в этом озере, безусловно, не водятся киты. А вы, Дансан, что об этом думаете? — обратился Оливье к механику.

— Я, патрон, думаю, что все это наваждение, и будь я на месте капитана, я бы, недолго думая, приказал зарядить одно из орудий и пустил бы в этого кита или кто бы это ни был, дюжину добрых стальных орехов! Тогда бы мы посмотрели...

— И, быть может, вы были бы правы, поступив так! — задумчиво прошептал Оливье, затем, обращаясь к Бигану и Ле Гуэну, добавил:

— Господа командиры, сегодня вечером мы выйдем в открытое озеро с обоими судами и основательно исследуем этот случай, будьте готовы!

— Слушаюсь! — ответили моряки.

Затем Оливье и Дик направились рука об руку домой.

— Я уверен, мой друг, что вы не верите в эту басню о приведениях! — заметил Оливье.

Дик только покачал головой, но ничего не ответил.

— Что касается меня, то я абсолютно не верю ни в призраки, ни в приведения, я чрезвычайно заинтригован и даже встревожен тем, что говорил Ле Гуэн и подтвердили все остальные.

Сколько я ни напрягаю свой ум, я не могу подыскать никакого правдоподобного объяснения этому странному случаю!

— Согласны ли вы принять на время за абсолютную истину все, что вам рассказал Ле Гуэн? — спросил канадец. — Это могло бы послужить основанием для наших исследований.

— Пусть так! Но это едва ли разъяснит что-нибудь! Но скажите прежде всего, вы сторонник этой экспедиции?

— Безусловно, мой милый Оливье! Все это слишком важно, чтобы не проверить этого лично. А завтра мы увидим, какие результаты нам даст экспедиция! Пока же посмотрим, к каким заключениям можно прийти, основываясь на том, что мы знаем. Прежде всего, скажите, знаете ли вы какой-нибудь практический способ заставить скользить огонь по воде в определенном направлении с рассчитанной скоростью, а затем опуститься под воду, не задувая его?

— Да, это можно сделать с помощью электричества. Но для того, чтобы держать на воде управляемую электрическую лампочку или фонарь, надо, чтобы где-нибудь поблизости находился электрический аппарат, которого, кажется, никто здесь в Австралии не может изготовить. Такой аппарат или машина может находиться на судне, которое в ночное время можно было бы не заметить, так как оно могло бы держаться на очень далеком расстоянии от лампочки!

— Но на нашем озере, в такой дикой местности, где наши суда и туземные пироги крейсируют постоянно, присутствие постороннего судна или электрической машины совершенно невозможно!

— Я с вами вполне согласен.

— Ну, а что вы скажете об этом черном выпуклом предмете, не то ките, не то киле шлюпки, который не отставал от судна, делающего двенадцать узлов, и даже мог три раза обойти вокруг него, для чего, как известно, требуется быстрота хода, втрое превышающая ход данного судна! Машина ли это, скажите!? А когда не существует никакой возможности объяснить что-либо естественным путем, то поневоле приходится приписывать непонятные явления сверхъестественному!..

— Подождем до завтра, — возразил Оливье, — я произведу самые тщательные расследования, и, надеюсь, мне удастся доказать, что сверхъестественное существует только в воображении суеверных людей!

Как уже, вероятно, догадался читатель, таинственное существо, напугавшее бретонцев, было не что иное, как «Лебедь», один из спутников «Ремэмбера», которого Джонатан Спайерс пожелал испробовать, чтобы убедиться, что он так же исправен во всех

отношениях, как и сам «Ремэмбер». Случайно встретив «Княжну», капитан благодаря акустической трубке узнал, что судном командует француз, и, не нанеся ему никакого вреда, позабавился только тем, что слегка напугал его экипаж, наотрез отказав Ивановичу, предлагавшему ему повторить в данном случае то, что было проделано ими с армиями республики Панама.

— Я уже говорил вам, — сказал Джонатан Спайерс, — что в трудную минуту жизни я был спасен неизвестным французом, и я до сих пор жалею, что нигде не встречаю его, чтобы выказать ему мою безграничную признательность. А так как мне не представляется отблагодарить лично его, то я решил не причинять ни малейшего зла ни одному из его единоплеменников.

По этому поводу между Джонатаном Спайерсом и Ивановичем произошел весьма знаменательный разговор.

— Я обещал, — говорил капитан своему собеседнику, — содействовать вам в задержании графа д'Антрэга, который, по приказанию Великого Невидимого, должен предстать перед судом Верховного Совета, и я сдержу свое обещание, но только в пределах обещанного мной. Вы, вероятно, не забыли, что я сделал оговорку, что в случае, если дело идет о личной мести, я воздержусь от всякого вмешательства в него. Но вы заверили меня тогда, что не питаете никакого личного недоброжелательства к графу, и я тогда же решил, что на жизнь его не будет сделано ни малейшего покушения и вы не воспользуетесь предоставленным вам полномочием, в случае сопротивления с его стороны, разом, без рассуждений, покончив с ним.

— Почему — нет?

— Потому что я этого не хочу и не допущу!

— Вы не имеете права изменять полученные мною предписания Верховного Совета! Надо, чтобы этот человек перестал существовать, если он не согласится покориться нашим требованиям!

— Граф д'Антрэг — француз, и этого для меня достаточно! Я не допущу, чтобы его уничтожили! Слышите?

— Напоминаю вам еще раз, что вы противитесь предписаниям Верховного Совета!

— Что мне ваш Верховный Совет и ваш Великий Невидимый! Я о них столько же думаю, сколько о табачном дыме моей сигареты! — небрежно заметил капитан. — Здесь, на «Ремэмбере», Верховный Совет — это я! Великий Невидимый — тоже я!

— А ваша клятва повиноваться!

— Я не получал никакого предписания; эта миссия возложена на вас, а не на меня!

— Читайте! — воскликнул Иванович, достав из нагрудного кармана своего сюртука вчетверо сложенную бумагу, и вручил ее Джонатану Спайерсу.

«Предписывается Номеру триста тридцать третьему во всем беспрекословно повиноваться Номеру двести двадцать второму, что бы последний ни приказал ему!» — прочел капитан.

— А-а... так вы не доверились моему слову, а сочли нужным оградить себя на всякий случай, известными гарантиями... Так вот смотрите, что они для меня значат, ваши предписания!

С этими словами Джонатан Спайерс скомкал и бросил в огонь бумагу, предварительно прикурив от нее свою сигарету.

— Это неповиновение, открытый протест! — воскликнул негодующий Иванович.

— Нет, но вы не должны забывать, что прежде чем согласиться на ваши условия, я оговорил, что сохраняю свободу действий по отношению к французам и даже другим нациям, кроме славянских народностей, и по отношению к графу д'Антрэгу, которого я хотя и не знаю, но жизнь которого решил сохранить, о чем и предупреждал вас тогда же! Во-вторых, как член Общества Невидимых первого класса, я вправе повиноваться только непосредственно Верховному Совету, а не членам Общества, равным мне, или низшим членам Общества!

— Не таков дух нашего постановления!

— Может быть, но такова его буква!

— Пусть так, в таком случае, что же вы думаете делать?

— Исполнить свое обещание, то есть помочь вам захватить в плен графа, но не дав коснуться даже волоса на его голове! При этом не рассчитывайте, чтобы я выдал вам пленника. Я сам доставлю его в Петербург и передам в руки Верховного Совета, а для того, чтобы он во время пути здесь на «Ремэмбере», пользовался всеми удобствами, подобающими его происхождению и общественному положению, я считаю нужным предупредить вас, что в случае его смерти я вас немедленно заставлю познакомиться с одной из наших электрических батарей, которые в один момент отправят вас следом за вашей жертвой. Поэтому предупреждаю вас, что на «Ремэмбере» нет такого места, нет стула, кресла, дивана, постели, где бы при желании я не мог поразить вас как громом в любой момент!

— Вы не таким тоном говорили со мной шесть месяцев тому назад, — едко заметил Иванович, — и ваша благодарность в данном случае проявляется в весьма своеобразной форме!

— В данном случае о признательности с моей стороны не может быть и речи; вы действовали ради своих же выгод и выгод вашего Общества, французом же мне была оказана помощь со-

вершенно бескорыстно. Принудив меня встать в ряды Невидимых, вы рассчитывали сделать меня вашим рабом, но я не таков, чтобы дать вить из себя веревки. Во всяком случае, не советую вам вступать со мной в борьбу: сила на моей стороне!

— Вступать с вами в борьбу! — воскликнул Иванович с приторным удивлением. — Да я и не думаю об этом!

Он отлично сознавал, что бессилен против Красного Капитана и что нуждается в содействии этого гениального человека, расположение которого ему нужно было приобрести во что бы то ни стало ради осуществления своих дальнейших планов.

— Я опасался только, что ваше пристрастие к французам может побудить вас отказать мне в обещанном вами содействии при поимке графа, но раз вы беретесь сами доставить его в Петербург, то я считаю свою миссию оконченной. Раз вы так дорожите жизнью графа, то этого достаточно, чтобы ее пощадили даже в том случае, если бы его смерть была в интересах всего Общества Невидимых. Поверьте, между вашей дружбой и моим долгом как члена Общества Невидимых я не стал бы колебаться ни минуты! Впрочем, интересы Общества Невидимых и ваши вскоре совпадут, так как всемогущий Великий Невидимый избирается только на десять лет, а срок десятилетия нынешнего Великого Невидимого через несколько месяцев истекает, и тогда я берусь, совместно с несколькими товарищами, добиться избрания вас на его место: ведь кто, кроме вас, может с честью занимать этот высокий пост? Есть люди, самой судьбой предназначенные для того, чтобы властвовать и повелевать!

Польстив таким образом самолюбию Джонатана Спайерса, Иванович сделал ловкий ход.

— Я так и знал, что мы в конце концов сговоримся! Я был несколько резок, быть может, но вот вам моя рука в знак дружбы. Я все-таки никогда не забуду, что вы первый поверили в бедного изобретателя, и это связывает нас и на жизнь, и на смерть! — сказал тронутый Красный Капитан.

Иванович схватил его руку и крепко пожал ее, при этом на глазах его блеснули слезы.

— Я ошибся в вас, господин Иванович, — говорил Спайерс, заметивший эту слезу, — вы порядочный человек!

Ловкий русский внутренне торжествовал: как все демонические натуры, капитан был грозен и неумолим, когда ему противоречили, и мягок и податлив до слабости, когда ему льстили, полагая, что эта лесть исходит от чистого сердца. Но наряду с этой слабостью, порожденной в нем его громадным честолюбием, Джонатан Спайерс обладал необычайной энергией, чуткостью и проницательностью, позволявшей ему по малейшим признакам

угадывать истину. И сколько он ни старался преодолеть себя, чувство недоверия к Ивановичу постоянно брало в нем верх.

Между тем, добиться всеми средствами, чтобы Джонатан Спайерс доверил ему управление «Лебедем» или «Осой», что, в сущности, было равносильно управлению самим «Ремэмбером», так как два спутника являлись его точной копией, и затем преспокойно убить капитана во время сна, уничтожить его труп и остаться единственным владельцем «Ремэмбера» и обладателем тайны его управления было теперь единственной целью Ивановича, к которой он шел настойчиво и неуклонно.

Но, с другой стороны, капитан Спайерс отлично сознавал, что его грандиозное изобретение привлекательно для многих и что его собственная жизнь отныне зависит главным образом от его умения сохранить свою тайну.

Между тем, ему необходимо было иметь надежного человека, которому он мог бы доверить участь своего судна и свою собственную, человека, безгранично ему преданного, бескорыстного, неподкупного и неумолимого. Иначе он был вынужден никогда ни на минуту не расставаться со своим «Ремэмбером»: естественно, что правительства всего мира рады были бы воспользоваться случаем овладеть капитаном, как только он сойдет со своего «Ремэмбера», и уничтожить последний, как простую грудку металла. Имея же надежного заместителя, который отомстил бы за него или вызволил его вместе с грозным «Ремэмбером», капитан мог не опасаться никаких врагов в мире. Сознавая все это, Джонатан Спайерс в минуту откровенности поделился своими мыслями с Ивановичем, который при этом вздрогнул от невыразимой радости, но ничем не выдал себя, соблюдая необходимую осторожность.

— В самом деле, — согласился он, — без такого доверенного заместителя вы точно Прометей, прикованный к своей скале!

— Да, но где найти такого человека, которому я мог бы так безгранично довериться, чтобы отдать в его руки и свою судьбу, и судьбу моего великого «Ремэмбера»?

— Если бы вы захотели, то я мог бы быть этим человеком, — хотел было воскликнуть Иванович, но воздержался, сознавая, что капитан никогда не доверится человеку, в котором заподозрит желание стать его заместителем.

— Человек, которого вы изберете, — заметил он, — будет нести тяжкую ответственность; но главное, этот человек должен быть вам безгранично предан, должен любить вас больше, чем себя!

При этом Джонатан Спайерс взглянул на него своим пронзительным, испытующим взглядом, но не сказал ни слова.

На этом разговор окончился и с тех пор больше не возобновлялся. Капитан прощупывал почву под своими ногами и если, с одной стороны, чувство признательности говорило в пользу Ивановича то, с другой, чувство недоверия и какого-то инстинктивного отвращения к этому человеку решительно говорило против него.

Таким образом, положение было натянутым, и можно было с каждым днем ожидать драматической развязки.

Тем временем приготовления к предстоящему торжеству и на прииске, и в нагарнукской деревне шли своим чередом, и Оливье настолько был поглощен ими, что время до вечера прошло незаметно.

VI

Виллиго во Франс-Стэшене. — Джильпинг у нготков. — Письмо Люса.

КОЛО ДВУХ ЧАСОВ ПОПОЛУДНИ ВЕЛИКИЙ вождь Виллиго вошел в хижину своего верного Коанука, который с ним почти не расставался. Прошло уже более года, как Виллиго смыл краски со своего лица и жил спокойной, мирной жизнью, частью среди своих соплеменников, частью среди белых друзей, проводя добрую половину своего времени во Франс-Стэшене, охотясь и рыбака с Оливье и Диком.

С того момента, как он справил страшную тризну по «Цвету Мелии», уничтожив чуть не всех лесных бродяг, в душе его воцарились мир и спокойствие, и сумрачное, грозное выражение его лица сменилось ясным, приветливым и гордым взглядом, какого раньше никто не видел у него.

Гостя во Франс-Стэшене, Виллиго иногда в угоду своим друзьям надевал на себя белые полотняные штаны и куртку, но не носил ни обуви, ни шляпы. Он садился за стол со своими друзьями, но не признавал ни вилок, ни ножей. После вкусного обеда он охотно садился в спокойное кресло-качалку и дремал, как добрый французский буржуа, отошедший от своих дел. Но временами его горящий взгляд ясно говорил, что воинственный пыл не угас в его груди, что каждую минуту в нем может проснуться неустрашимый грозный воин и громкий клич «Вага!» «Вага!» огласит воздух.

Никто не мог предвидеть, как скоро этому суждено случиться и как близок момент, когда его друзьям понадобится вся его ловкость, мужество и энергия.

Несколько дней тому назад скваттер Уолтер Кэрби со всем своим семейством прибыл во Франс-Стэшен, чтобы присутствовать на празднике в честь Дика; кроме того, друзья отправили Виллиго в страну нготаков с приглашением Джону Джильпингу. Старый вождь отправился туда в сопровождении своего неразлучного Коанука, и некоторое время спустя они вернулись с письмом от англичанина, адресованным на имя Оливье.

Письмо это было следующего содержания:

Дорогие друзья!

Я получил ваше приглашение через старого друга Виллиго и его молодого и прекрасного спутника, любезного Коанука. Весьма одобряю вашу мысль отпраздновать с надлежащей торжественностью годовщину дня рождения высокочтимого и уважаемого джентльмена, получившего при крещении имя Дика и впоследствии удостоенного прозвища «Канадца». Вам достаточно известны, я полагаю, мои чувства к нему и ко всем вам, чтобы быть уверенными, что я был бы весьма счастлив присоединиться к вам с моим кларнетом и усладить ваш слух звуками мелодичной музыки.

Но я не могу отлучиться из селения нготаков без опасения предоставить их на забаву Вельзевула и Люцифера в образе католического проповедника, который бродит теперь окрест, готовый внести в австралийский буш свою безбожную ересь и посеять плеве́лы там, где я сеял чистую и добрую пшеницу.

Этот приспешник папы римского, зная влияние музыки и гармонии на души австралийских неофитов, запасся шарманкой, исполняющей новые молитвы, с целью заглушить этими вульгарными механическими звуками задумчивые и сладостные мелодии моего кларнета. Отсюда вы видите, что мое отсутствие представило бы ему свободное поле действий для его постыдных махинаций.

Кроме того, мои возлюбленные нготаки, опасаясь, что я не вернусь к ним больше, открыто заявили, что они готовы силой воспротивиться моему уходу, и потому я предпочел остаться.

Моя зоологическая коллекция почти закончена; вторые экземпляры я сохраняю для коллекции моего доброго и уважаемого друга графа Оливье Лорагю д'Антрэга, да сохранит его Всевышний!

Джон Джильпинг, Джильпинг-Холл.

Оливье не мог читать без смеха это послание будущего лорда Воанго. Дик, которому он передал его, также добродушно и искренне рассмеялся.

Затем друзья приступили с расспросами к Виллиго и Коану-ку относительно истинного положения вещей, и из слов своих туземных друзей узнали, что достопочтенный Джильпинг так очаровал своим пением псалмов и звуками кларнета нготаков, что те, оказывая ему всяческие знаки внимания, в сущности держали его в плену и ни за что не соглашались добровольно отпустить его из своей деревни. То, что наивный англичанин высокопарно именовал Джильпинг-Холлом, то есть замком Джильпинга, было довольно просторным жилищем, сооруженным для него нготаками и окруженным глубоким рвом и валом наподобие крепости, а когда Джильпинг пожаловался, что ему тесно в этой ограде, то ему прирезали еще кусок земли около двух гектаров и обнесли его точно такими же рвом и валом, не с намерением защитить почетного Джильпинга от могущей грозить ему опасности, а исключительно с целью удержать его у себя в плену и воспрепятствовать его бегству. Присоединенное к его жилищу пространство было засажено кустами и деревьями что дало Джильпингу повод называть свое владение Джильпинг-сквером или Джильпинг-парком; в этой крепости он пребывал под строжайшем присмотром постоянно сменявшихся нготакских воинов, как птица в клетке. Простодушные дикари совершенно серьезно считали его *кобунгом*, то есть добрым гением, явившимся к ним с луны из страны предков, чтобы принести им счастье, тем более, что старое предсказание относилось именно к этому времени появление такого кобунга, а потому нготаки твердо решили ни за что не отпускать от себя своего доброго гения и всеми средствами помешать ему вернуться в страну предков, откуда он пришел. Конечно, Джильпинг не имел ни малейшего желания переселиться на луну, но желал бы быть свободным, чтобы вернуться в Англию. Впрочем, он не сознавал своего положения и приписывал все происходящее исключительно трогательной заботливости об его безопасности. Каждый раз, когда он пытался выйти за ограду Джильпинг-сквера, двое рослых нготаков, постоянно стоящих на часах у входа, с умильными улыбками и гримасами, коленопреклонениями и молящими жестами упрашивали вернуться назад.

— Ах, эти добрые люди! — восклицал Джильпинг, — они опасаются, чтобы со мной не случилось что-нибудь. Но, право, дети мои возлюбленные, мне не грозит ни малейшей опасности!

— Кобунг! Натта кобунг! Натта кобунг! Не надо выходить! Не надо выходить, кобунг! — молили с самыми умильными улыбками темнокожие дикари Австралии, и если он, не внимая их мольбам, все-таки желал перешагнуть за ограду, то рослые нготаки бережно брали его к себе на плечи и относили обратно в жилище, после чего удалялись, облобызав ему ноги.

— Какую любовь я стяжал у этих людей, — думал про себя умиленный Джильпинг, — и какое изумительное рвение к делам веры!

Ежедневно два раза, утром и вечером, чуть не все население деревни — женщины, воины, дети и старцы — приходили в его парк и, рассевшись полукругом на земле, с лицами, обращенными к нему, внимали с детским любопытством и вниманием пению псалмов, затем под аккомпанемент кларнета сами насвистывали мотив или молча слушали музыку Джильпинга. Но однажды, когда после слишком обильного возлияния из своих неистощимых запасов бренди и виски достопочтенный мистер Джильпинг после гнусавого пения псалмов и довольно продолжительного наигрывания на кларнете пустился отплясывать самый отчаянный танец, нготаки, глядя на него, так воодушевились, что также принялись отплясывать кто во что горазд, подражая его жестам и движениям, и с этого времени каждое молитвенное собрание должно было неминуемо оканчиваться танцем. Но ведь и царь Давид тоже плясал перед ковчегом, следовательно, в пляске нет ничего греховного, так как царь Давид, без сомнения, пример, достойный подражания! — думал английский проповедник.

Слух о кобунге нготаков дошел и до нирбоа, и до дундарупов, и счастливые обладатели доброго гения, пришедшего из страны предков, стали еще усерднее сторожить своего кобунга из опасения, чтобы его не похитили у них.

Джильпинг написал Лондонскому Евангелическому обществу о том, что он обратил весьма многочисленное и могучее племя австралийских туземцев и что теперь необходимо прислать сюда настоящего проповедника — священника. Но до сих пор еще не было известно, какие последствия имело в Лондоне его письмо; кроме того, было также неизвестно, пожелают ли нготаки примириться с этим заместителем.

Узнав о всем этом от Виллиго и Коанука, наши друзья весело посмеялись, но вместе с тем решили отправиться к нготакам вскоре после празднества и освободить своего друга Джильпинга.

Кроме того, Виллиго сообщил, что они встретили на дороге развозившего европейскую почту курьера, который сказал, что сегодня же прискачет во Франс-Стэшен.

В то время в Австралии еще не существовало регулярной почты, и местные фермеры, скваттеры и владельцы крупных участков нанимали за свой счет курьера, исполнявшего должность почтальона, и содержали специально для этой цели разгонных лошадей.

Прибытие такого курьера считалось настоящим событием в жизни переселенцев из Европы. Не успели Виллиго и его юный спутник закончить свой рассказ о путевых встречах, как раздался рожок курьера, возвещающий о его прибытии. Дик и Оливье бросились навстречу ему и, распорядившись, чтобы почтальона накормили, пока будут седлать для него свежую лошадь, принялись разбирать письма.

Прежде всего были отобраны письма капитанов, механиков и других служащих на прииске и тотчас же отосланы им, затем уже занялись и личной корреспонденцией.

— Мне некому писать: все мои близкие и родные давно умерли, а все, кого я люблю, здесь! — сказал Дик с легким оттенком грусти в голосе.

Для Оливье было около двадцати писем, в том числе одно заказное; заказные письма почему-то обладают свойством привлекать особое внимание получателя, и Оливье, взглянув на него, недоумевал, от кого бы оно могло быть. Разорвав конверт, он пробежал его глазами, и невольное восклицание сорвалось с его губ.

— Что такое? — спросил заинтересованный Дик. — От кого это?

— Люс, бывший барон де Функаль, бывший португальский консул в Мельбурне! — прочел Оливье.

— Тот, кто так предательски обманул нас!

— Но который не захотел, чтобы мы погибли от удушения... не надо забывать и этого, милый Дик: без него этот человек в маске...

— Упокой, Господи, его душу! — прошептал Дик. — Ну что же господин Люс пишет?

— Вот увидим. Слушайте! — сказал Оливье и принялся читать вслух.

Граф!

С того самого дня, как вы и ваш друг пощадили мою жизнь, на что я не имел никакого права рассчитывать, я только и думал о том, чем бы мог быть вам полезен в

вашей трудной борьбе не с Обществом Невидимых, как вы полагаете, а с предателем, обманывающим и Общество, и вас, имени которого я, к несчастью, не смею вам назвать, связанный клятвой, но которого вы знаете под именем «человека в маске».

— Он, вероятно, не знает, что негодяй погиб! — заметил канадец. Оливье продолжал:

«Человек в маске», которого вы, вероятно, считаете мертвым, так как он рассказал мне все подробности страшного взрыва в Красных горах, только чудом избежал смерти благодаря тому, что за несколько минут до взрыва, схоронившего под обвалом горы трехсот пятидесяти лесных бродяг, возымел желание осмотреть поближе серное озеро и отошел шагов на двадцать по его берегу, где и находился в момент катастрофы. Несмотря на это, силой сотрясения его сбilo с ног и засыпало комьями земли и камнями так, что он на мгновение лишился сознания. Придя в себя, он услышал вблизи голоса и хотел было позвать на помощь, но сдержался, и это спасло его. Вы стояли всего в нескольких шагах от него, и он слышал, как вы рассуждали о его смерти, в которой были вполне уверены.

Сейчас он проехал через Париж, где я с ним виделся, по пути из Петербурга в Австралию; его намерения — страшно мстить всем вам, но какими средствами он рассчитывает на этот раз достигнуть своей цели, он благоразумно умолчал. Мне удалось уловить только из его слов, случайно оброненных им в общем разговоре, что он совершенно уверен теперь в своем торжестве... Он говорил, между прочим, об адских машинах и электричестве как средствах вашей гибели, о каких-то новых научных открытиях и новейших изобретениях. Но когда я попытался добиться от него чего-нибудь более определенного, он стал давать уклончивые ответы, видимо, не доверяя мне. Пусть это предостережение послужит вам на пользу и хоть отчасти загладит мою вину по отношению к вам. Меня бы никогда не склонили действовать против вас, если бы не уверили, что вы интриган, старающийся всеми средствами завладеть одним из крупнейших состояний в России!

С того момента как вы получите это письмо, будьте настороже во всякое время дня и ночи, где бы вы ни находились. Это — мой дружеский совет! Будьте настороже и ожидайте тайного или явного нападения!

Оливье еще не дочитал этого письма, как Виллиго беззвучно вышел вон; постоянно общаясь со своим другом Тиданой, он настолько научился понимать по-французски, что для него не пропало ни единое слово из письма Люса. Вероятно, он поспешил предупредить своего верного Коанука о важной новости и опасности, снова грозящей молодому французу.

— Значит, «человек в маске» жив! — проговорил Оливье, побледнев.

— Что ж, мы покажем этому подлому господину, который не решается открыто выступить против нас, что мы не из тех, кто отступает. И я со своей стороны клянусь, что не положу ружья до тех пор, пока не рассчитаюсь по справедливости с этим темным авантюристом!

— Ах, это ужасно! — воскликнул граф, раздражаясь рыданиями. — Опять борьба, опять кровь, опять новые ужасы!..

— Успокойся, друг мой! Чего нам бояться? Теперь положение изменилось в нашу пользу: мы теперь у себя, а он — пришлый человек... Где теперь его сторонники? А за вас встанет, как один человек, все племя нагарнуков, все рабочие с прииска, экипаж двух наших судов и мы все, ваши близкие друзья! Право, наша жизнь начала становиться уж слишком однообразной и скучной, а это нас немного расшевелит и быть может даже позабавит!

— Ну, я просто баба, милый Дик! — уже почти весело воскликнул Оливье. — Это все мои проклятые нервы: пустяк может меня расстроить, но и такой же пустяк может меня ободрить.

Решено было ничего не изменять в программе готовящихся торжеств, даже не откладывая экскурсию по озеру, назначенную на этот вечер.

— Теперь более, чем когда-либо, я настаиваю на этой поездке по озеру. В письме упоминается об электричестве! Весьма вероятно, что электричество не имеет ничего общего с галлюцинациями Ле Гуэна и Бигана, но я хочу все-таки убедиться в этом.

В этот момент вошли Виллиго и Коанук в полном боевом облачении.

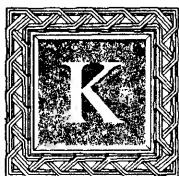
— Вага! — воскликнул Виллиго вполголоса. — Черный Орел и Сын Ночи вырыли свои топоры из-под порога их хижины; теперь они на военной тропе!

Дикая радость и гордая уверенность светилась в глазах грозного вождя, придавая ему вид мощного африканского льва. Оливье радостно поспешил им навстречу и крепко пожал обоим руки.

— Спасибо вам, друзья! — сказал он. — Я уже давно не могу сосчитать всех своих обязательств по отношению к вам, но я вам сердечно благодарен за все!

VII

Преследование на озере. — Тайнственный огонь на воде. — Подводный пленник. — Призрачное судно. — Разряд электричества. — Гибель «Княжны». — План «человека в маске».

ОГДА КОМАНДИРЫ ОБОИХ СУДОВ ИЗВЕСТИЛИ графа и его друзей о своей полной готовности, Черный Орел и Сын Ночи попросили разрешения сопутствовать Оливье и Дику, что им, конечно, было разрешено, причем предусмотрительный вождь нагарнуков предложил взять с собой на всякий случай одного из са-

мых выдающихся пловцов-ныряльщиков его племени, что было встречено всеобщим и единогласным одобрением.

Солнце только что зашло, оставив на краю горизонта узкую багрово-красную полосу, когда маленькое общество разместилось на двух судах. Погода стояла тихая, безветренная. Озеро было спокойно, как зеркало. Но ночь на озере не была столь безмолвной, как ночь в австралийском буше: здесь в тростниках по берегу ютились тысячи птиц, отдыхающих ночью от томительного зноя дня и весело щебечущих на все лады, отыскивая себе место для ночлега.

Оливье и друзья вошли на «Надежду», где был заказан ужин, а «Княжна» была предназначена сопровождать «Надежду», поэтому кроме ее экипажа на ней никого не было. Капитану Ле Гуэну было предписано держаться все время в кильватере «Надежды» и ожидать распоряжений графа, которые будут передаваться ему с «Надежды».

Прозвучала команда, и оба судна отчалили от пристани, направляясь прямо к середине озера.

Все были взволнованы, и никто не старался этого скрывать. Вскоре берега исчезли из виду, и возникла полная иллюзия открытого моря. Чувствовалось что-то жуткое в этом глубоком мраке тропической ночи; чтобы как-то рассеять это общее настроение, Оливье распорядился, чтобы подали ужин. Кают-компания «Надежды» была ярко освещена; стол был накрыт белоснежной скатертью и уставлен вкусными яствами. Доброе старое французское вино из погребов графа лилось в изобилии. Общее настроение быстро изменилось к лучшему; все повеселели и начали даже высказывать предположение, что команды судов, вероятно, вчера плотно пообедали и под впечатлением выпитого им померещилось нечто невероятное.

— Берегитесь, милейший Кэрби, — пошутил канадец, — если вы будете продолжать так же усердно прогуливаться по виноградникам Бургундии, с вами произойдет то же самое!

— И вместо одной луны на небе вы увидите тридцать шесть лун в воде! — подтвердил Лоран.

Чтобы окончательно развеселить маленькое общество, Оливье приказал подать шампанское. Желая показать свое молодечество и удаль, кто-то из сидевших за столом, смеясь, провозгласил тост за здоровье капитана призрачного судна, «Летучего Голландца». Не успели, однако, присутствующие поднести свои бокалы к губам, как Биган, стоявший все время на мостике, громко крикнул:

— Огонь под левым бортом! Впереди...

Все кинулись наверх. Ночь была настолько темная, что в двух шагах от носа ничего нельзя было различить. Луна еще не взошла; звезд тоже не было; никакого отражения быть не могло; а между тем на расстоянии приблизительно одной мили от «Надежды», несомненно, под водой светился белый огонь.

— Точно так же это началось и вчера, — мрачно заметил капитан «Надежды».

— Странно! — сказал Оливье. — Что вы на это скажете, Дик?

— Вы знаете мое мнение: в природе много такого, что не может быть объяснено естественными причинами!

— Ну, а я все-таки продолжаю утверждать, что без естественных и логических причин ничего не бывает! Весь вопрос в том, чтобы найти эти причины. Все, что мы приписываем сверхъестественному, это только результат нашего невежества, нашего незнания истинных законов природы! — проговорил Оливье.

— Ну вот, перед вами сейчас одно из таких явлений, превосходный случай отыскать его естественные причины! Что же касается меня, то я часто слышал, что души усопших приходят просить, чтобы кто-нибудь помолился за упокой их души, если они умерли без покаяния, насильственной смертью, от руки какого-нибудь преступника и, по-моему, Биган, может быть, прав в том отношении, что здесь, на этом месте было некогда совершенно преступление!

— Что касается меня, — сказал Лоран, — то я не раз своими глазами видел огни над могилами на нашем деревенском кладбище!..

— И ты думаешь, что эти огни — души умерших?

— Кто же зажигает их там, над могилами?

— Это чудо можно при желании повторить в любом месте, — засмеялся Оливье, — это фосфорические выделения газов, происходящие вследствие разложения растительных или живо-

тных тканей; эти газы, выделяясь из земли или болота, воспламеняются при соприкосновении с воздухом.

Лоран недоверчиво покачал головой, но не возражал.

Между тем судно, продолжая идти вперед, теперь уже приблизилось на такое расстояние к огню, что до него оставалось не более двухсот метров.

— Остановите ход, Биган, — сказал Оливье, — и правьте так, чтобы перерезать ему путь!

Но огонь, словно поняв команду, стал вдруг погружаться вглубь, а когда «Надежда» встала, снова появился под водой у противоположного борта, на глубине шести метров от поверхности.

— Посмотрим, — сказал молодой граф и, обращаясь к Виллиго, добавил, — где твой пловец-ныряльщик?

— Здесь, — отозвался Виллиго и знаком подозвал молодого нагарнука, который приблизился к Оливье.

— Нырни под этот огонь! — сказал Оливье.

Не задумываясь ни на минуту, туземец прямо через борт кинулся в воду; приблизившись к огню, нагарнук протянул вперед руку, как будто хотел схватить что-то у самого огня. Но в тот же момент огонь стал постепенно опускаться все глубже и глубже, а вместе с ним и нагарнук, как будто он был привязан к этому огню невидимой цепью и этот огонь увлекал его за собой. Вскоре свет стал едва заметен, а затем совершенно исчез вместе с пловцом, и кругом воцарились прежнее безмолвие и непроглядный мрак южной ночи.

— Призрак увлек его за собой! — воскликнул Биган. — Надо уходить отсюда, граф, не то с нами случится беда! Скорее вон отсюда!

— Не можем же мы так бросить человека, не предприняв ничего для его спасения! — возмутился граф.

Но прежде чем он успел сделать какое-нибудь распоряжение, Виллиго и Коанук, подобно большинству туземцев, умевшие плавать, как рыбы, уже кинулись в воду на поиски своего товарища. Вскоре они появились опять на поверхности, затем снова нырнули... Каждый из них нырял по четыре или пять раз, и все совершенно безрезультатно: нигде не было следов исчезнувшего Танганука.

Но странное дело: вернувшись на судно, оба нагарнука утверждали, что они слышали под водой какие-то голоса и какой-то своеобразный шум, объяснить который они не в состоянии. Это сообщение еще более осложнило решение трудной задачи.

— Каракулы (призраки), — шептал Виллиго, видимо, расстроенный.

Танганук был таким хорошим пловцом, что никому и в голову не могло прийти, что он утонул; для всех, кроме Оливье казалось несомненным, что исчезновение молодого нагарнука можно объяснить только сверхъестественными причинами, и всех присутствующих охватил такой безумный страх, что не будь здесь молодого графа, они, наверное, давно бы бросились к берегу.

— Я, конечно, не могу идти против желания графа, — сказал Биган конфиденциальным тоном Дику, — и когда он на судне, должен ему повиноваться. Но все, что здесь творится эти две ночи, слишком похоже на чертовщину, чтобы предвещать что-либо доброе! Используйте ваше влияние на графа, господин Дик, и постарайтесь уговорить его, чтобы он позволил нам вернуться к пристани. Я предчувствую, что нам здесь грозит какая-то серьезная и большая беда, быть может, даже какое-нибудь непоправимое несчастье!

— Я думаю так же, как вы, Биган, — согласился с ним канадец. — Но что делать, никто не может уйти от своей судьбы?!

— Конечно, но все-таки на берегу мы были бы в меньшей опасности, по крайней мере, хотя бы видели ее!

Вдруг из груди капитана вырвался подавленный крик, и он чуть было не лишился чувств.

— Что с вами? — спросил Дик, поспешив поддержать его.

— Смотрите... там! — прошептал капитан заплетающимся языком и указал рукой под бакборт.

Действительно, на расстоянии менее двухсот метров виднелся удлинненный черный выпуклый предмет, неподвижный и грозный, напоминающий спину кита или кашалота.

Дик подозвал к себе Оливье.

— Смотрите, — сказал он ему, не скрывая своего волнения, — что это, мираж или плод воображения?

— Это точное повторение вчерашнего случая; призрак ли это или действительность, мы сейчас увидим! Ведь ради этого мы и предприняли нашу поездку. Капитан, прикажите зарядить кормовое орудие картечью!

— Мой долг повиноваться, граф, — ответил суеверный бретонец, — но я должен сказать, что все мы погибли!

Командиру «Княжны» было отдано то же самое приказание; «Княжна» находилась в данный момент несколько впереди «Надежды», так как последняя маневрировала, чтобы перерезать путь огню и потому несколько отстала.

— Ле Гуэн, начинайте! — скомандовал Оливье.

Наступила минута тягостного ожидания. Канадец решил проститься с жизнью и был совершенно спокоен. Что суждено,

того не избежишь, — говорил он себе, как истый фаталист, и это придавало ему мужества и бодрости.

— Слушай! Заряжай.. Целься!.. Пли! — прозвучала в тишине ночи команда Ле Гуэна, и голос его звучал твердо и спокойно, так как он сознавал, что исполнял свой долг.

Прогремел выстрел, и целый град картечи посыпался на черный выпуклый предмет. Когда же дым рассеялся, загадочный предмет остался на том же месте, и картечь, очевидно, не причинила ему ни малейшей царапины. Но прежде, чем удивленные свидетели этого факта успели обменяться хотя бы двумя словами по этому поводу, вокруг «Княжны» забурило и запенилась вода, подымаясь высоким столбом, и тотчас же раздался голос Ле Гуэна:

— Тонем! Помогите! Мы идем ко дну!

«Княжна», разрезанная надвое, стала тонуть на глазах у всех. Это произошло менее чем в полминуты, и притом совершенно беззвучно; ничего, кроме движения воды, не предвещало катастрофы. На «Надежды» все обезумели и потеряли головы; все ждали, что их постигнет та же участь, но, к счастью, этого не случилось, и Биган, сумевший в момент реальной опасности вернуть себе спокойствие духа, не теряя ни секунды, принял все меры для спасения погибающих товарищей. Вскоре все шесть нагарнуков, составляющих экипаж «Княжны», Ле Гуэн и механик Дансан были приняты на «Надежду». К счастью, никто из них не был ни ранен, ни ушиблен в момент катастрофы. «Надежда» была под парами, и Биган, не признававший в такую минуту никакой другой власти на судне, кроме своей, тотчас же направил яхту к берегу и стал уходить на всех парусах. И что же? Громадная черная масса, все время остававшаяся неподвижной, вдруг также тронулась следом за судном и, идя за ним в кильватере, начала постепенно развивать все большую скорость, пока наконец не опередила «Надежду», после чего, как накануне, три раза обошла вокруг нее, а затем скрылась, пойдя, как камень, ко дну.

Страшно взволнованный, Оливье был почти насильно уведен канадцем и Лораном в каюту, и только в тот момент, когда «Надежда» подошла к пристани, все наконец вздохнули с облегчением.

Вернувшись в коттедж, Оливье собрал своих друзей на совет; были приглашены и командиры обоих судов, а также оба механика, чтобы всем вместе обсудить случившееся. Конечно, большая часть приписывала все сверхъестественному влиянию, но на стороне Оливье стояли оба механика, люди более образованные и слыхавшие кое-что об электричестве. Из письма Люса эти трое поняли, что все случившееся, то есть и огонь, горящий и на воде, и под водой, и гибель «Княжны» все это могло быть приписано электричеству.

Тукас и Дансан, конечно, были тоже люди простые и с не Бог весть каким научным балластом, но оба они окончили школу прикладных знаний по морскому делу прошли курс механики, где, расширили круг своих познаний и в других областях науки, а также были знакомы, конечно, с электричеством и его применением.

Но был один пункт, по которому сторонники сверхъестественного как будто торжествовали: каким образом могли люди, пользующиеся для всех этих фокусов электричеством, доставить сюда, на дно озера, в самое сердце Австралии эти электрические машины, когда не было никакой возможности появиться в буше ни одному европейцу без того, чтобы это сразу не привлекло внимания как туземцев, так и лесных бродяг?! Как же могли пройти незамеченными эти сложные машины, для доставки которых непременно потребовался бы целый караван мулов и погонщиков?! Кроме того, если допустить, что они прошли, не будучи никем замеченными, весь австралийский буш, то как они могли миновать территории нготаков, нирбоа, дундарупов и нагарнуков, со всех сторон окружающие это озеро?!

Как и всегда в подобных случаях, эти рассуждения не привели ни к чему, и всякий остался при своем мнении, что, однако, не помешало самому искреннему единению друзей.

— Слова и взгляды ничего не значат, — заметил канадец, — важны только чувства, связывающие нас. Пусть это будут призраки, созданные нашим воображением, или механическая сила, применяемая нашими врагами, мой милый Оливье, мы с одинаковым упорством будем защищать от них вас и себя!

— Как бы то ни было, во всяком случае нам предстоит борьба не с одним призраком, раз Невидимые снова собираются объявить нам войну! — сказал полущутя Оливье.

Между тем эта борьба не на жизнь, а на смерть уже началась, но благодаря письму Люса и экспериментам Красного Капитана, желавшего испытать все приспособления «Ремэмбера» и его двух спутников, Оливье и его друзья были, можно сказать, предупреждены.

В ту же ночь несколько сторожевых постов было расставлено по берегу озера и вдоль ограды поместья.

Исчезновение Танганука ничуть не нарушило программы завтрашнего дня, так как согласно туземным обычаям даже ближайшие родственники его могли участвовать в празднестве, и до тех, пока не всплывет его труп, он не признавался погибшим.

В ожидании наступления завтрашнего дня и предстоящего торжества мы воспользуемся маленьким перерывом в ходе событий в жизни наших друзей и заглянем на «Ремэмбер», чтобы дать

некоторые пояснения к ряду фактов, закончившихся гибелью «Княжны».

Первая встреча Красного Капитана с судном Ле Гуэна была чисто случайной; вторая же, напротив, была заранее предусмотрена. Джонатан Спайерс совершенно правильно предвидел, что капитан маленького судна расскажет обо всем случившемся владельцу поместья, а это возбудит его любопытство и вызовет желание лично удостовериться в истинности его слов, а потому решил устроить репетицию.

Во всем этом он не видел ничего, кроме простой игры и случая проверить исправность всех деталей сконструированных им машин. Этот каприз Красного Капитана сильно возмущал Ивановича, который не без основания утверждал, что совсем незачем делать подобные предостережения обитателям Франс-Стэшена. Он предвидел, что достижение его цели сильно затруднится, если молодой граф будет о многом предупрежден заранее и станет держаться настороже. Но ввиду того плана который созрел теперь в его голове, казак не решался даже и в самых почтительных выражениях формулировать свои соображения и опасения.

Иванович выжидал; вероятно, недалек был тот момент, когда Джонатан Спайерс, несмотря на нежелание поделиться с кем-либо своей тайной, вынужден будет это сделать. Ведь не мог же он всю свою жизнь оставаться прикованным к «Ремэмберу» или одному из его спутников; к тому же он был страстный охотник, и австралийский буш представлял собой немалый соблазн для него. Рано или поздно он вынужден будет избрать себе какого-нибудь доверенного и обучить его по крайней мере нескольким главнейшим приемам управления, чтобы иметь заместителя на случай своего отсутствия, а так как дружба и расположение Красного Капитана к Ивановичу за последнее время, по-видимому, сильно возросли, то последний рассчитывал, что выбор Джонатана Спайерса падет именно на него. В этом случае Иванович, как нам уже известно, решил не останавливаться перед преступлением.

Став хозяином «Ремэмбера», он тотчас же уничтожит коттедж Франс-Стэшен со всеми его обитателями, удовлетворив одновременно и свою жажду мщения, и свои честолюбивые замыслы, и выполнив вместе с тем и возложенную на него Обществом Невидимых миссию.

В соответствии с этим новым планом, немедленное задержание графа д'Антрэга было теперь вопросом второстепенной важности; главные его стремления были направлены на то, чтобы ничем не раздражать Джонатана Спайерса.

VIII

Разговор между Красным Капитаном и Ивановичем — Отправление Джонатана Спайерса в Франс-Стэшен. — Новый подвиг Виллиго и Коанука.

ТОБЫ ИМЕТЬ ВОЗМОЖНОСТЬ ЛУЧШЕ НАБлюдать за тем, что происходило во Франс-Стэшене, Красный Капитан, покинув со своей флотилией середину озера, избрал для стоянки глубокий омут, где его никак нельзя было заметить, хотя он находился в пятистах метрах от берега. Благодаря специально приспособленной системе рефракторов ничто из происходящего на берегу или на поверхности озера не могло укрыться от него.

Даже все, что говорилось на берегу, тотчас же передавалось ему посредством телефонных мембран, расположенных таким образом, чтобы воспринимать звуковые волны и передавать их на «Ремэмбер». Благодаря этому приспособлению капитан «Ремэмбера» слышал, как в момент отправления Оливье спросил Виллиго, здесь ли пловец, могущий нырять на большую глубину.

Из этого он заключил, что там собирались заставить туземца нырнуть для исследования дна озера, и тут же решил захватить этого пловца в плен, что и осуществил весьма успешно.

Кроме того люка сверху, через который входили в «Ремэмбер», было еще другое входное отверстие в кормовой его части. Это была, собственно говоря, часть блиндированной обшивки, отделенной перегородками и образующей род тамбура высотой в два метра, глубиной шестьдесят в сантиметров и шириной около восьмидесяти. Этот тамбур имел две двери: одна вела прямо во внутренний салон капитана, а другая отворялась наружу. Обе эти двери были обиты толстым слоем каучука и запирались герметически, так что ни вода, ни воздух не могли проникнуть через них. На суше этим выходом можно было пользоваться свободно; под водой же приходилось надевать водолазный шлем и запасаться резервуаром с кислородом. Затворив плотно дверь, ведущую во внутреннее помещение, отворяли дверь наружу, и маленький тамбур наполнялся водой; можно было взять из воды все, что угодно, унести в «Ремэмбер» и закрыть наружную дверь, после чего вода, находившаяся в тамбуре, тотчас уходила в специально для этого устроенные стоки, и тогда безнаказанно можно было отворить дверь внутрь.

Именно таким способом решил Джонатан Спайерс поймать пловца и сделать его своим пленником. С этой целью он снабдил с двух сторон электрический фонарь, имеющий форму стеклянного шара, металлическими ручками, за которые пловец должен был ухватиться. Электрический ток, парализуя руки, не давал возмож-

ности разжать пальцы и совершенно обессиливал несчастного. А Сэмюэл Дэвис, стоя в тамбуре и раскрыв наружную дверь, выжидал момента, когда, постепенно подтянув к себе за кабель фонарь и пловца, он мог схватить последнего и тотчас же захлопнуть наружную дверь. Дав уйти воде из тамбура, на что требовалось шесть секунд, он раскрыл внутреннюю дверь в салон и положил на ковер лишившегося чувств пленника. Напуганный тем, что он не мог

оторвать рук от рукояток фонаря, Танганук, приняв это за действие колдовства, обезумел от страха и лишился чувств, причем хлебнул известное количество воды. Но Прескотт, тотчас же явившийся освидетельствовать его, уверил, что через четверть часа он будет жив и здоров.

Между тем капитан, проделав описанные выше маневры по отношению к «Надежды», вернулся на свою стоянку между «Лебедем» и «Осой».

Тем временем Танганук, придя в себя, не мог понять, где он находится, и, не находя никакого объяснения, видя вокруг себя позолоту, шелк, море света и всю эту непривычную для него роскошь и незнакомые лица, в том числе двоих негров, наивно вообразил, что он умер.

Но Иванович подошел к нему и заговорил с ним на его родном наречии; за время своего пребывания в Центральной Австралии казак со свойственной славянам легкостью изучил язык туземцев настолько, что мог свободно изъясняться на нем.

При первых же произнесенных им словах Танганук бросился ему в ноги и, приняв его за доброго гения из страны предков, то есть с луны, стал умолять его, чтобы он не делал ему зла и не превращал его в каракуля, в блуждающего призрака, в душу, не знающую упокоения.

Ивановичу с большим трудом удалось уверить беднягу в том, что он не переселился в страну предков и что никто не думает делать ему зла. Но Танганук продолжал недоверчиво озиаться на двух негров, и капитан, заметив это, приказал им удалиться. В это время Прескотт и Литлстон опять заспорили, но Джонатан Спайерс прервал их словами:

— Господа, свой нескончаемый спор вы окончите у себя, а теперь позвольте мне допросить нашего пленника.

Здесь, на «Ремэмбере», все беспрекословно повиновались Красному Капитану по первому его слову, и никто не противоречил ему.

Страшно перепуганный австралиец сообщил все, что только хотели от него узнать, откровенно отвечая на все расспросы о прииске и его обитателях, о его племени и местных обычаях и условиях. Джонатан Спайерс одобрил его несколькими ласковыми словами и уверил, что через несколько дней он будет снова свободен и вернется к своей семье. Затем, отдав приказание, чтобы его отвели в казарму, не обижали и не запугивали и хорошенько следили за тем, чтобы он не совершил какой-либо неосторожности, капитан увел Ивановича в свой кабинет и здесь имел с ним следующий разговор:

— Как вы могли убедиться, все мои опыты или, вернее, испытания «Ремэмбера» и двух его спутников дали блестящие резуль-

таты! Признаюсь, они даже превзошли мои ожидания. То, что мне удалось создать — это настоящее чудо. Вместе с тем, я ведь ничего не изобрел, не сделал, в сущности, никакого открытия; я только применил законы, открытые задолго до меня, только скомбинировал их в одно целое!.. Теперь я намерен приступить к разборке всего механизма «Ремэмбера», чтобы обучить моего помощника и впоследствии преемника. Я решил, мой милый Иванович, сделать этим преемником вас!

При этих словах Ивановичем овладело такое страшное волнение, что он едва мог пролепетать несколько бессвязных слов.

— Теперь вы видите, — продолжал капитан, — что вы были неправы, сомневаясь в моей признательности. Но не будем говорить об этом! Теперь, когда мои старания увенчались успехом, я, понятно, стремлюсь осуществить грандиозные планы, составленные мной, но прежде всего хочу исполнить принятое на себя по отношению к вам обязательство и приложу все старания, чтобы граф д'Антрэг стал как можно скорее нашим гостем на «Ремэмбере», после чего мы немедленно отправимся с ним в Петербург. Не спрашивайте меня сейчас о том, как я собираюсь это сделать; у меня в данный момент созревает план, который позволит нам овладеть графом в самом непродолжительном времени! А пока я намерен немного исследовать местность; из рассказа нашего пленника мы знаем, что завтра готовится большое торжество и в деревне туземцев, и в помещицкой усадьбе. В этой праздничной суетоке на меня мало обратят внимания. Кроме того, я выдам себя за охотника, прибывшего из Сиднея, и никто не сможет опровергнуть это. Надо же мне, наконец, подышать вольным воздухом, посмотреть на солнце и ознакомиться с этой чудной австралийской природой! Я убежден, что двое или трое суток, проведенных мною вне «Ремэмбера», не принесут мне вреда. Что вы на это скажете?

— Я совершенно с вами согласен, но считаю нужным предупредить, чтобы вы не возбудили в нагарнуках никаких подозрений относительно исчезновения их единоплеменника, иначе вам несдобровать: это — беспощадные враги!

— Не беспокойтесь, я сумею сыграть роль бродячего охотника. «Лебедь» доставит меня к берегу на несколько километров выше деревни нагарнуков и высадит еще до рассвета; таким образом, я едва ли буду замечен. Вы, конечно, не будете в претензии, что командование «Ремэмбером» в мое отсутствие я передам моему лейтенанту Дэвису — это его право, и я ни за что на свете не хотел бы обидеть его, моего верного старого товарища.

Иванович был внутренне несколько обижен этим распоряжением, но не подал даже вида.

— Как вам угодно, мой милый друг, но я хотел бы знать, каким образом вы обойдете этот вопрос о правах Дэвиса на командование «Ремэмбером», когда сделаете меня своим заместителем?

— Очень просто: управлять судном и командовать им — две разные вещи. Вы будете замещать меня в управлении судном, то есть в должности кормчего или рулевого; командование же «Ремэмбером» останется за Дэвисом. Что же касается «Осы» и «Лебедя», то я предоставлю их в полное ваше распоряжение.

Удовлетворенный таким распоряжением, Иванович рассылался в благодарностях, после чего Красный Капитан отправился заняться своими сборами для поездки на берег.

Когда он был готов, то отдал еще кое-какие распоряжения; Дэвису же, к которому он питал полное и безусловное доверие, дал еще некоторые личные указания. Он говорил с ним несколько минут, отойдя в сторону, чуть слышным шепотом, и с хронометром в руке указал ему глазами на небольшую бронзовую кнопку, скрытую в обшивке стен салона. Затем лично поднял «Ремэмбер» с его двумя спутниками, находящимися теперь на поплавках, на поверхность озера и, приведя в движение механизм «Лебедя», раскрыл входной люк и перешел на него в сопровождении двух своих негров и одного из людей экипажа, предварительно позаботившись лично закрыть входной люк «Ремэмбера» и заставить его посредством одному ему известного наружного механизма опуститься на дно вместе с «Осой», так как он не мог оставить их на поверхности озера на все время своего отсутствия. С этого момента жизнь всех находящихся на «Ремэмбере» зависела всецело от возвращения Красного Капитана. Какой-нибудь несчастный случай или преступление, могущее помешать его возвращению, — и этот металлический гигант, которого никто из оставшихся в нем не мог ни открыть, ни сдвинуть с места, неминуемо должен был стать гробом для всех этих людей.

Едва только люк «Ремэмбера» закрылся, как Иванович почувствовал невыразимый страх от сознания, что он заключен, замурован в этом металлическом футляре, тогда как раньше эта мысль никогда не приходила ему в голову. «Что же делать? — думал он... — Что делать?!... Ах, вот что! Я выйду в перегородку тамбура, открою наружную дверь и вырвусь на свободу, отделавшись только не совсем приятным купанием!»

Под влиянием этих мыслей он подошел к выходному отверстию, чтобы проверить, хорошо ли он запомнил, как именно капитан приводил в действие эту дверную пружинку. Но едва он коснулся пальцем кнопки, как почувствовал сильный толчок электрического тока, отбросивший его в другой конец комнаты. Он поднялся на ноги с болезненным ощущением во всем теле.

— Ого! — воскликнул Иванович. — Как видно, Красный Капитан не доверяет мне! Посмотрим! Он мне за это заплатит!.. Пусть он бережется!..

Между тем тот, кому грозился Иванович, быстро неся на «Лебеде» по направлению к самой пустынной части берега, выискивая наиболее удобное место для стоянки своего судна. Не имея возможности оставить судно на несколько суток на воде, он должен был подыскать такое место, где его можно было бы совершенно укрыть от посторонних взглядов, так как опустить его на дно тоже было невозможно: на «Лебеде» не было никого, кто бы мог заставить его в нужный момент опять подняться на поверхность.

Найдя наконец подходящее место, где диковинный спутник «Ремэмбера» мог быть совершенно незаметно скрыт за лианами, прибрежными кустами и деревьями, капитан приказал, чтобы никто не смел выходить из него на берег, и, цепляясь за кусты и деревья, сошел на берег.

Небо начинало бледнеть; время близилось к восходу. Осмотрев внимательно свое ружье и револьвер, Красный Капитан с наслаждением вдохнул в себя свежий утренний аромат мелии и других растений и собирался уже двинуться в путь, когда ему послышался шорох в кустах, по ту сторону отмели. Он прислушался; легкий шелест листьев повторился еще раз, затем все стихло. Желая узнать, в чем дело, Джонатан Спайерс направился к этим кустам и обыскал их длинным дулом своего ружья — никого не было.

— Верно, какой-нибудь зверек, которого я потревожил раньше времени, — решил капитан.

Бдрут у него мелькнула мысль, что появление в этих местах приличного вида европейца, хотя бы даже и в поношенном платье, без провожатых, без слуг, должно было показаться странным и подозрительным, и, одумавшись, он позвал одного из своих негров и приказал ему сопровождать себя.

Едва он успел скрыться из виду, как кусты, находившиеся рядом с теми, которые он так тщательно обыскивал, неслышно раздвинулись, и в них появилась размалеванная физиономия туземца в военном уборе; невыразимое злорадство отразилось на этом лице, и что-то кровожадно-жестокое светилось в его глазах, так что даже самый смелый человек мог бы испугаться при виде его. Трижды он пропел как молодой жаворонок, пробуждающийся на рассвете, и почти в тот же момент по этому условному знаку другой туземец, никто иной, как Коанук, показался из того самого куста, который только что обыскивал капитан. Ему

удалось укрыться только благодаря довольно глубокой яме, совершенно скрытой кустами, куда он залез.

Счастье, что поиски Джонатана Спайерса не увенчались успехом, так как Коанук уже приготовился всадить в него нож, а Виллиго не задумываясь пустил бы в него свой бумеранг.

Переглянувшись с Виллиго, так как туземец, пропевший жаворонком, был именно он, оба нагарнука беззвучно поползли к тому месту, где находился «Лебедь». Чтобы не быть замеченными, они ползли в обход; вдруг, по знаку Виллиго, оба разом вскочили на ноги, как два тигра, готовые броситься на добычу; бумеранги их высоко пролетели в воздухе, и оба оставшихся на «Лебеде» человека с раздробленными черепами упали на край открытого верхнего люка.

С криком торжествующей радости оба туземца бросились к диковинному судну, сплутнув целую стаю диких лебедей.

IX

Размышления графа д'Антрэга. — Приготовления к празднику. — Статуя Дика. — Честолюбивые замыслы Джонатана Спайерса. — Виллиго и Коанук на страже.

РОВЕДЯ ЦЕЛУЮ НОЧЬ В УПОРНЫХ РАЗ-
мышлениях о причинах всего случившегося на
озере, Оливье пришел к убеждению, что в дан-
ном случае они имели дело с подводной лод-
кой, использующей электричество. Блуждающий и ныряющий огонь, горящий да-
же под водой, был, несомненно, электрический
фонарь. Точно так же почти беззвучную гибель «Княжны» можно
было приписать только электричеству. И все эти предположе-
ния как нельзя более согласовались с тем, что писал барон де
Функаль.

Таким образом, в общих чертах Оливье был прав в своих
предположениях; теперь оставалось только решить важный воп-
рос — следовало ли все это приписать враждебным действиям
его заклятого врага, «человека в маске»? Без сомнения, да! —
решил молодой граф, хотя вместе с тем сознавал, что вокруг его
предположений группируется целый ряд всяких несообразно-
стей, которые он не мог объяснить, начиная хотя бы с того, какими
судьбами могла попасть в озеро Эйр подводная лодка, доставка
которой даже в разобранном виде не могла пройти незамечен-
ной. Не менее загадочным было и то обстоятельство, что этот
представитель Невидимых, или «человек в маске», выказывав-

ший себя всегда чрезвычайно ловким и осторожным, имевший обыкновение наносить решительный удар именно в тот момент, когда этого менее всего ожидали, на этот раз точно умышленно вздумал похвастаться своими средствами истребления прежде, чем покончить с ненавистным врагом. Без сомнения, вся эта комедия, разыгранная накануне с Ле Гуэном, имела свою цель: его хотели выманить на озеро, возбуждив его любопытство. Но почему же этот ловкий, жестокий человек не затопил вслед за «Княжну» и «Надежду», как ожидали того все, бывшие в эту ночь на озере? Ведь таким образом борьба была бы разом окончена, а вместе с тем это было бы прекрасным отмщением за обвал в Красных горах?

Как мог этот ловкий человек не подумать о том, что после последнего эксперимента ему невозможно будет вторично выманить графа на озеро и что ему теперь придется подстерегать и преследовать его на суше, что будет несравненно труднее, так как здесь у него многочисленные друзья, искренне расположенные к нему туземцы, нагарнуки, многочисленные приисковые рабочие и хорошо защищенное и прекрасно охраняемое жилище. Все это, вместе взятое, несомненно, сильно осложняло и без того нелегкую задачу «человека в маске», которому приходилось теперь начинать борьбу снова и при менее благоприятных для него условиях, чем в первый раз.

Никакого объяснения всему этому Оливье не мог подыскать; у него мелькнула даже мысль, уж не шайка ли смелых пиратов явилась сюда с целью разграбить прииск. Но такое предположение страдало не меньшей невероятностью, а письмо Люса прямо предостерегало о возможности возобновления враждебных действий со стороны Невидимых и даже указывало на электричество как на средство борьбы.

Ранним утром в комнату графа вошел канадец, взволнованный последними донесениями туземцев, которые пришли сказать ему, что под утро, перед рассветом, они видели большой черный продолговатый предмет, всплывший на поверхность озера и направившийся к его верхней части.

Дик чистосердечно заявил, что хотя он и не отрекается от своей веры в сверхъестественное, тем не менее и ему кажется, что разрезать целое судно пополам и затопить его в несколько секунд, пожалуй, привидению все-таки не под силу.

После этого друзья приступили к разработке плана защиты на следующие дни.

— Признаюсь, дорогой Дик, я бы предпочел составлять план нападения, а не защиты! Мне хотелось бы поскорее покончить со всей этой историей: меня положительно выводит из себя мысль,

что самый непримиримый враг мой здесь, под водами нашего озера, и я ничего не могу предпринять, чтобы уничтожить его!

— Но каким образом очутились они здесь, эти Невидимые? — спросил Дик.

— Этого я не знаю, — сказал Оливье, — во всяком случае, надо им отдать справедливость: они сумели это сделать, не будучи никем замеченными. Ах, если бы только Джильпинг был здесь: он такой высокообразованный, можно сказать, ученый человек, при всех своих чисто британских недостатках, что с ним вместе мы могли бы придумать что-нибудь дельное и выступить, вооружившись наукой против их науки.

— Что же нам мешает сходить за Джильпингом и привезти его сюда?

— Я уже подумывал об этом! — признался молодой граф. — Вооружим наших приисковых рабочих, захватим с собой человек пятьдесят нагарнуков, и нготаки волей-неволей принуждены будут отпустить его с нами.

— Ну, а если ваш англичанин задался мыслью обратить в христианство нготаков, так он, пожалуй, сам не пожелает идти с нами.

— Не думаю, — возразил Оливье, — сбор его коллекций почти закончен, как он сам пишет, и, вероятно, ему уже надоело разыгрывать кобунга. Кроме того, если его запасы консервов, знаменитого честера, неизбежного бренди и виски истощились, то он будет вдвойне рад последовать за нами.

— Прекрасно! — согласился Дик. — Так когда же мы отправимся?

— После празднества, которое мы справляем в честь вас, мой добрый друг!

— Ну, без этого можно было бы обойтись! — скромно заметил старый траппер, — я весь день не буду спокоен и все буду опасаться, как бы ваши враги не воспользовались этим временем, чтобы предпринять что-нибудь для вашей гибели!

— Не бойтесь ничего, милейший Дик, я уверен, что нам сейчас не грозит ни малейшей опасности; что-то говорит мне, что мы на этот раз восторжествуем над всеми их кознями и происками!

— Да услышь вас Бог! — набожно проговорил канадец. — Но что меня удивляет, так это то, что Виллиго и Коанук до сих пор еще не вернулись. Я условился ждать их здесь с восходом солнца, чтобы узнать от них, что они видели или заметили ночью. Все остальные ночные стражи оставались все время на своих постах и все уже побывали здесь, а Черный Орел и Сын Ночи должны были совершать все время обход и наблюдать повсеместно.

— Солнце еще не взошло, — возразил Оливье, — даже «Надежда» еще не начинала свой салют; а Виллиго, вероятно, захотел пройти через свою деревню, чтобы отдать распоряжения относительно празднества, тем более что это вместе с тем одно из их величайших религиозных торжеств.

В этот момент грянул пушечный выстрел: то начинался салют «Надежды». Мгновенно десятки радостных голосов с берега и с судна огласили воздух громкими «виват» в честь виновника торжества, одинаково любимого и чтимого как туземцами, так и приисковыми рабочими. Вслед за этим приисковые рабочие, в полном своем составе и с Коллинзом во главе, двинулись по направлению к дому, неся род носилок из ветвей зелени, на которых виднелся какой-то громоздкий предмет, окутанный холстом.

Дик в сопровождении Оливье вышел на крыльцо встретить поздравителей, и Коллинз после краткой, но прочувствованной речи откинул холст с принесенного рабочими предмета. Возглас удивления и восторга вырвался разом из всех уст. То была статуя канадца в натуральную величину в его обычном наряде траппера, с ружьем в руке, вылитая из чистейшего золота с Лебяжьего прииска. Она весила семьдесят килограммов и по местной мельбурнской оценке стоила 46892 доллара и 16 центов, которые рабочие выплатили из собственных прибылей. Даже участие Оливье в этом подношении было энергично отклонено рабочими, которые желали изобразить на пьедестале этого памятника трогательную надпись:

Дикю Лефошеру от рабочих Лебяжьего прииска

Под этими словами стояли имена жертвователей.

Эта грандиозная статуя являлась настоящим произведением искусства и была выполнена одним флорентийским художником, которого злополучная судьба случайно занесла в Австралию.

В одну из своих поездок в Мельбурн Оливье и Дик заказали ему свои бюсты из терракоты, а впоследствии бюст Дика послужил моделью и для статуи канадца. Старик, которому благодаря этому не нужно было позировать для статуи, конечно, никак не мог предполагать подобного сюрприза и был им тронут до слез.

Он был изображен в полном своем охотничьем снаряжении, с ружьем в руке и охотничьей фляжкой у пояса, с подвешенной к нему шкурой морской выдры и сетями, силками и капканами, лежащими на земле у его ног.

Но где же был Виллиго, его верный и добрый друг? Разве его место было не здесь, в эти торжественные минуты? Нужна была

какая-нибудь очень уважительная причина, чтобы удержать его вдали от него в этот день. Не вытерпев долее, Дик отправил в нагарнукскую деревню гонца с поручением узнать, что с Виллиго и где он находится в данный момент.

Громадные столы были накрыты для гостей с самого раннего утра и уставлены вкусными яствами; еще накануне ради этого торжества зарезали двух быков и шесть баранов, и теперь их мясо в жареном и вареном виде со всякими приправами предлагались гостям. Туземцев не признают праздник, если во время него не представляется возможности есть, сколько влезет, в продолжение всего дня, с рассвета и до поздней ночи, не соблюдая никакой меры. Для европейцев же и главных вождей и старшин дружественных нагарнуков готовился особый банкет в шесть часов вечера, после которого предполагалось пустить фейерверки.

Целые бочки вина и эля были расставлены на высоких подставках для утоления жажды гостей, но водка всех видов и всякие другие крепкие спиртные напитки были совершенно изгнаны со столов пирующих и вообще изъяты из употребления во Франс-Стэшене. Несмотря на это, начавшийся праздник, как и все празднества туземцев, должен был окончиться оргией даже и без содействия алкоголя. Предоставив гостям из туземцев и рабочих прииска угощаться за приготовленными для них столами, хозяева в сопровождении нескольких привилегированных гостей направились в столовую, где была приготовлена мелкая закуска, в ожидании парадного завтрака.

Едва хозяева и гости собрались подойти к столу, как один из слуг доложил, что какой-то неизвестный белый в сопровождении слуги-негра явился сюда и просит разрешения представиться хозяевам дома. Прибытие чужеземца, тем более белого, в этой части Австралии являлось настоящим событием; гость мог быть только или бродягой, или же порядочным джентльменом, путешествующим для своего удовольствия. Но и в том, и в другом случае всякий помещик или фермер обязан был оказать ему гостеприимство в продолжение трех суток; таков был колониальный закон, и это вменялось в обязанность каждому приобретающему участок земли.

Если вновь прибывший производил с первого взгляда впечатление бродяги, ему отводили помещение где-нибудь в службах, но подальше от господского дома, и, продержав его установленные три дня, предлагали ему убраться подобру-поздорову, снабдив его съестными припасами на несколько дней и кое-какой одеждой, если он в этом нуждался. Если же, напротив, прибывший оказывался приличным джентльменом, то все ему были чрезвычайно рады, так как его прибытие нарушало обычное однообразие жизни.

Услышав о прибытии белого, Оливье распорядился попросить его войти в дом, а сам со своими гостями вышел навстречу. Как нам уже известно, это был не кто иной, как капитан Джонатан Спайерс.

Он вошел свободно и непринужденно, с видом человека из хорошего общества, и с первой же минуты расположил к себе все сердца.

— Извините меня господа, за то, что я явился сюда без всякой иной рекомендации, кроме своей личной! Я — Джонатан Спайерс, инженер по профессии, приехал сюда отчасти для своего удовольствия, отчасти — для изучения почвы и руды. Но я, право, страшно сконфужен, так как являюсь нарушителем какого-то собрания, быть может, даже семейного праздника...

— Ах, нисколько. Все мы сердечно рады! — возразил Оливье. — Вы действительно не ошиблись: это настоящий семейный праздник, в котором мы просим вас принять участие; мы празднуем сегодня день рождения лучшего из людей, которого все мы чтим, как родного отца... Дик Лефошер — владелец Лебязьего прииска! — добавил граф, представляя гостя своего друга.

— Совместно с вами, мой милый Оливье, — поправил его канадец, — позвольте вам представить: граф Лорагю д'Антрэг, мой компаньон и лучший из моих друзей!

Пожав друг другу руки, все направились в столовую, где их ожидала закуска. В дверях столовой Дик заметил слугу, посланного им в деревню нагарнуков; он подозвал его к себе и спросил:

— Ну, что? Где Виллиго?

— Его никто не видел со вчерашнего вечера, ни его, ни Коанука! — был ответ.

— Хорошо, не уходи, ты мне скоро понадобишься!

Между тем, пока провозглашались тосты, чокались и перекидывались дружескими словами, под общий говор и смех Джонатан Спайерс не переставал наблюдать за молодым графом, мысленно обдумывая план овладеть им теперь же, разделаться таким образом со своим обязательством по отношению к Ивановичу и вернуть себе полную свободу действий.

От одного из служащих на телеграфе, проведенном между Франс-Стэшеном и Мельбурном, Красный Капитан узнал, что отношения между Англией и Соединенными Штатами обострились, и внушительный английский флот крейсирует в Ла-Манше, ожидая предписания выйти в Атлантический океан. У Красного Капитана явилась мысль уничтожить этот флот с помощью своего «Ремэмбера» и двух его спутников, управление которыми он собирался поручить Дэвису и Ивановичу.

Какая громкая реклама! Какое удовлетворение его честолюбия, когда во всех газетах, европейских и американских, будет сказано: «Американец Джонатан Спайерс, прозванный Красным Капитаном, уничтожил английский флот с помощью своей воздушной флотилии, состоящей из усовершенствованных аэропланов его собственной конструкции!»

Но с этим надо было спешить; быть может, уже теперь дипломатические отношения между обеими нациями были порваны; известие об этом ожидалось с часа на час.

Из-за отсутствия дорог и регулярной почты все крупные землевладельцы Центральной Австралии на общий счет провели к себе телеграф, благодаря которому ежедневно получали важнейшие известия из австралийских портов, Европы и Америки, биржевые новости из Сиднея и Мельбурна, словом, все, что было важно и необходимо жителям Центральной Австралии.

Известие о натянутых взаимоотношениях Англии и Америки совершенно изменило планы Красного Капитана. Он жалел теперь о потерянном времени и спешил захватить и доставить молодого графа в Петербург.

— Всякий план чем проще, тем лучше, — рассуждал капитан, — в этот же вечер, когда все будут заняты фейерверком, я отправлюсь на «Лебедь», вернусь на «Ремэмбер», поднимусь на поверхность и оставлю его с раскрытым верхним люком, под прикрытием прибрежных кустов и лиан, в нескольких шагах от набережной. Мне будет вовсе не трудно заманить молодого графа в пылу разговора к этим прибрежным кустам, где я спрячу пять своих матросов. Они набросятся на графа и стащат его в открытое отверстие «Ремэмбера», даже на глазах его друзей, которые не успеют вступить за него. «Ремэмбер» сейчас же канет под воду, а через несколько метров взойдется под облака и направится в Европу. Но для всего этого необходимо заручиться полным доверием молодого графа; приучить его к себе и склонить под вечер на маленькую прогулку вдоль набережной.

Вскоре капитан убедился, что молодой граф легко поддается его настояниям и ничто не помешает исполнению его плана. Оливье был крайне предупредителен и внимателен к нему, и, даже отвлекаясь на короткое время из-за своих обязанностей хозяина от капитана, тотчас же спешил к нему извиниться.

— Ах, пожалуйста, — успокаивал его Джонатан Спайерс, — я вполне понимаю ваши хозяйские обязанности и отнюдь не претендую на внимание. Мне хотелось только попросить вас об одном: я слышал, что здесь сегодня должно состояться большое туземное празднество, и мне хотелось бы во время него оставаться подле вас, так как вы могли бы дать мне кое-какие разъяснения местных обрядов и обычаев.

— О, с большим удовольствием! Но, к сожалению, я в данном отношении почти такой же новичок, как и вы, так как впервые присутствую на празднестве огня!

— А-а... наконец-то! — воскликнул Дик. — Вот и Виллиго с Коануком!

— Кто такой Виллиго? — спросил гость.

— Виллиго — один из главных вождей племени нагарнуков, это — неразлучный друг и товарищ моего друга Дика, а Коанук — молодой воин того же племени, его родственник и бессменный адъютант! — отвечал Оливье.

В этот момент Виллиго торжественно вошел в комнату в сопровождении своего молодого друга. Их вид произвел на Джонатана Спайерса сильное впечатление, особенно их пестрая и яркая татуировка на едва прикрытом теле, а также высоко зачесанные волосы, убранные пучками перьев. Величественный и грозный Виллиго нисколько не походил на тех туземцев, каких видел здесь до сих пор Красный Капитан. А его пленник, тощий и слабенький нагарнук, не мог дать ему настоящего представления о своем племени.

Теперь перед глазами капитана были две внушительные фигуры, с широкой, мощной грудью, сильными руками и ногами и энергичными, выразительными чертами лица, конечно, не греческого типа, но все же отнюдь не уродливыми и не безобразными. — Не желал бы я иметь их своими врагами! — мысленно воскликнул капитан, следя глазами за двумя нагарнуками.

Между тем Виллиго подошел к Дикуну и дружески пожал ему руку.

— Я тебя ждал с рассветом! — с дружеским упреком заметил канадец.

— Я хотел осмотреть побережье на возможно большем протяжении, и мы зашли так далеко, что не успели вернуться сюда раньше! — отвечал Виллиго, не подавая вида, что произошло нечто необычайное. Таково было его правило — никогда никому не сообщать ни о чем и во всем рассчитывать только на самого себя и на своих одноплеменников, сохраняя за собой свободу действий.

— Что нового? — спросил Дик.

— Ничего, Тидана! — коротко ответил вождь.

— Вам надо больше, чем когда-либо, охранять Оливье, — сказал канадец, — мне кажется, что никогда еще ему не грозила такая опасность, как теперь.

— Тидана знает что-нибудь? — спросил Виллиго.

— Ничего кроме того, что все мы видели вчера! Но и этого довольно!

— А что Тидана думает о том, что мы вчера видели? — осведомился снова туземец.

— Я полагаю, что ни ваши каракулы, ни наши призраки, в которых верят наши моряки, не могут разрезать в одну секунду целое судно пополам и потопить его, как щепку. По моему мнению, злые люди уничтожили «Княжну» и утащили ко дну Танганука!

— Так значит, Тидана думает, что белые люди могут жить под водой и что сейчас на дне нашего озера есть люди, которые опасны для твоего друга?

— Это возможно, Виллиго! Мне только сегодня сообщил Оливье, что подводные лодки давно изобретены и давно существуют, но что ими еще мало пользуются только потому, что в случае порчи механизма это очень опасно для жизни людей; кроме того, трудно запастись достаточное количество воздуха, необходимого для дыхания. Но, быть может, теперь придумали, как устранить и эти неудобства.

— Да-а! — задумчиво протянул Виллиго. — Оливье так же мудр, как старейшие в Совете. В этой молодой голове много всяких знаний, которых нет даже в голове, убеленной сединами!

— Ты предупредил своих воинов, чтобы они все были наготове в случае надобности? — осведомился Дик.

— Все уже вырыли топоры из-под порога своих хижин, — ответил Виллиго, — и завтра все озеро будет оцеплено нашими воинами, а пока Никуба, Виваго, Ваго-Нанди, Мулигонг, Пороз и Отунэ ждут у дверей. Они весь день будут окружать Юного Опоссума, — так называл иногда Виллиго Оливье, — и не будут спускать с него глаз.

— Мы больше, чем когда-либо, рассчитываем на тебя, Черный Орел! Есть только одно средство покончить раз и навсегда эту травлю: овладеть «человеком в маске» и приковать его к столбу пыток!

— Черный Орел позаботится об этом! — спокойно и величественно сказал Виллиго и стал оглядываться, чтобы отыскать в толпе Оливье и поздороваться с ним.

Вдруг глаза его налились кровью, а выражение лица стало страшным, хотя ни один мускул его не дрогнул: Черный Орел увидел подле Оливье Красного Капитана, того самого человека, которого он с Коануком выследил сегодня утром. Однако он и теперь никому не сказал ни слова.

Спокойный и радостный, он направился с протянутой рукой к Оливье, который весело и сердечно приветствовал его.

— Славнейший из австралийских вождей, Черный Орел, — представил его граф своему гостю, — и вместе с тем наш лучший и надежнейший друг! — затем, обращаясь к Виллиго, он прибавил:

вил: — Мистер Джонатан Спайерс, американский инженер, пожелавший на короткое время быть нашим гостем!

Американец протянул руку, но Виллиго, не желая принять ее, отдал ему поклон по туземному обычаю, то есть наклонившись вперед и закрыв лицо обеими руками. После этого Виллиго умышленно громко заявил графу, что он, Черный Орел, сформировал для графа почетную стражу из лучших своих воинов, которые ни на минуту не будут покидать его ни днем, ни ночью.

— Что за дурацкая мысль пришла в голову этому проклятому дикарю, — подумал про себя Джонатан Спайерс, — это может в значительной степени помешать моим планам!

И он еще раз пожалел о своих бесполезных забавах в течение последней и предшествующей ночей, которые предостерегли об опасности этих людей и осложнили его задачу.

— Впрочем, несколько револьверных выстрелов легко образумят их! — закончил он свое рассуждение и на этом успокоился.

Но с этого момента он стал чувствовать себя как-то неловко под упорным взглядом туземца, который, казалось, проникал в самую глубину его мыслей. И он, человек с железной волей, которого ничто не страшило и не смущало, самое имя которого являлось синонимом холодной жестокости и отчаянной смелости, чувствовал себя неловко под этим взглядом; он испытывал какое-то непреодолимое чувство смущения, почти пришибленности в присутствии этого дикаря-австралийца, которого до сих пор считал немногим выше обезьяны.

Продолжая разговаривать с Оливье, капитан сделал едва приметный жест рукой своему негру, который тотчас же уловил и понял его и самым непринужденным образом вышел из дома.

Можно было подумать, что Черный Орел сознавал производимое им на чужестранца впечатление, так как он, видимо, умышленно продолжал мучить его своим настойчивым, испытующим взглядом. Но, обменявшись несколькими пустыми фразами с некоторыми из присутствующих, он вдруг, к невыразимому удовлетворению американца, решительным шагом вышел из зала. Коанук, как верная тень, последовал за ним.

Оба не спеша прошли через сад и эспланаду, ведущую от дома к берегу озера. Но едва они исчезли из глаз обитателей дома и гостей за ветвями прибрежных порослей и кустов, как, прижав руки к бедрам и вытянув вперед шеи, пустились бежать по направлению к тому месту, где на рассвете подстерегли «Лебедя».

X

Внезапное нападение. — Захват «Лебедя». — Убийство негра. — Старые знакомые.

ИЛЛИГО, ОТЧАСТИ РАЗДЕЛЯЯ СУЕВЕРНЫЕ предрассудки своего племени, все же был человеком выдающегося ума и потому не верил безоговорочно всем басням и рассказам своих колдунов-жрецов, но по традиции поддерживал престиж этих колдунов, исполняющих священнослужителей во время всех религиоз-

ных торжеств и обрядов, на которых он всегда присутствовал, подавая остальным пример уважения к ним.

Последнее, однако, не мешало ему рассуждать совершенно так же, как Дик, по поводу вчерашних событий и внутренне отрицать возможность вмешательства каракулов или злых духов в события этой ночи.

Решив не спускать глаз с озера до тех пор, пока какой-нибудь факт не подтвердит или не опровергнет его предположения, Виллиго был несказанно обрадован, когда увидел незадолго перед рассветом, что вода в озере в одном месте запенилась, как будто что-то двигалось под ней, а вслед за тем на поверхности появился какой-то громадный черный предмет, раза в четыре больше самой «Княжны» и ее вчерашнего таинственного спутника, но совершенно тождественный с ним по внешнему виду; по обе стороны этой черной громады виднелось еще два таких же черных выпуклых предмета, как бы прикрепленных к нему. Коанук, который также не дремал, тоже видел все.

Благодаря счастливой случайности Виллиго и Коанук избрали местом наблюдения как раз ту часть берега, которая находилась напротив омута, где устроил себе стоянку Джонатан Спайерс. Таким образом, нагарнуки видели, как раскрылся на «Ремэмбере» верхний люк и как из него появился сначала один человек, вслед за ним еще три, а затем и все четверо перебрались на находящийся слева черный плавающий предмет малых размеров.

Эти четыре человека, представлявших нагарнукам лишь в виде темных силуэтов на темном фоне ночного неба, не проронили все время ни одного слова не произвели ни малейшего шума, так что их можно было принять за привидения.

Жуткое чувство суеверного страха начало было овладевать душой Виллиго, когда он с чувством облегчения явственно слышал произнесенные шепотом слова двух людей: «Все благополучно, капитан», — и ответное: «Хорошо!»

Значит, это действительно были белые люди, и туземцы мгновенно вернули себе обычное самообладание.

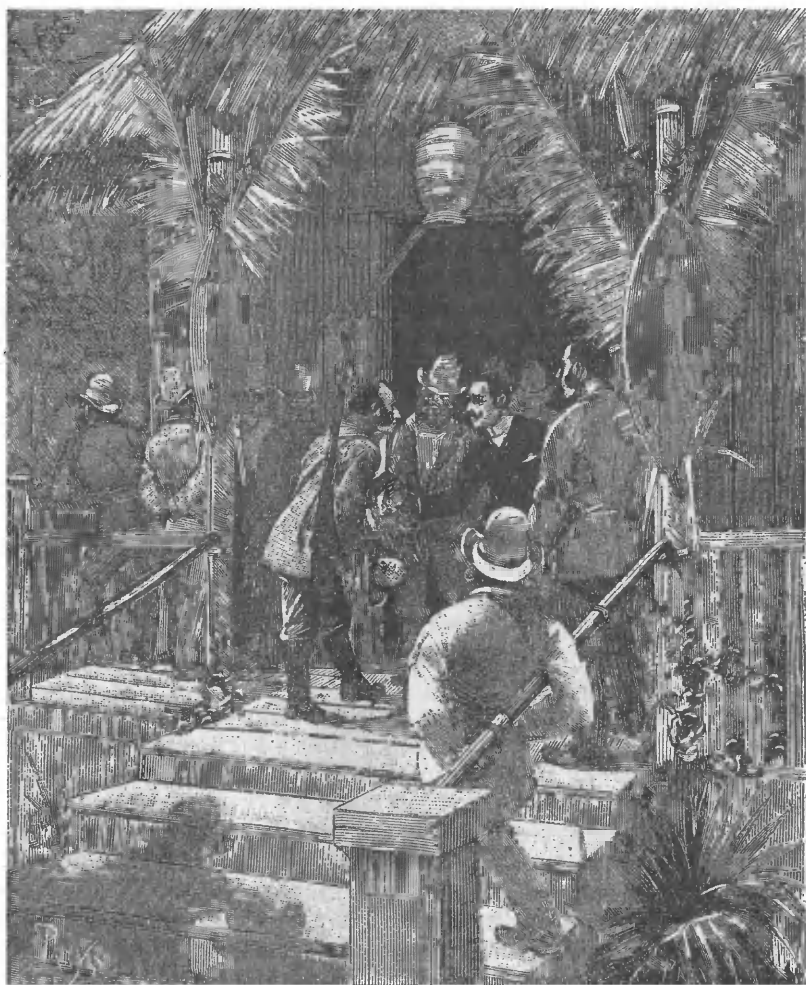
Едва прозвучали эти слова, как верхний люк на черной громаде бесшумно захлопнулся и она исчезла под водой; маленькое же чудовище, на которое перешли четыре человека, быстро направилось к верхней части озера, придерживаясь берега.

Тогда Виллиго и Коанук пустились бежать со всех ног в том же направлении, но, конечно, они бы не смогли догнать этот черный плавучий предмет, если бы он вскоре не замедлил ход, как бы присматриваясь к берегам и выбирая для себя удобную пристань. Отыскав, по-видимому, то, что им требовалось, пассажиры плавучей черной громады двинули ее прямо к берегу, и как раз в это время Виллиго и нагарнук успели притаиться в прибрежных кустах, где могли свободно наблюдать, не будучи замечены никем.

Что было дальше, уже известно читателю. Убедившись в том, что оба стража «Лебеда» мертвы, Виллиго и Коанук привязали мертвым по камню к ногам и спустили их в воду, чтобы тела их не могли всплыть и послужить предостережением их товарищам. Покончив с этим, они отправились на странное судно, очень походившее по своему наружному виду на громадную рыбу. Но смотреть здесь оказалось нечего: открытый люк давал доступ в довольно просторный коридор, куда выходило четыре двери — две по обе стороны судна, одна в конце и одна в начале коридора.

Виллиго надавил было на одну из дверных ручек, чтобы открыть дверь, но был отброшен с такой силой, что едва не переломил себе спину о лестницу люка. Напуганные этим, дикари поспешили вылезти на палубу и выпрыгнуть на берег.

Что это за сила, которая давала так ощутить себя? Они отлично знали, что на таинственном судне никого не осталось; на него взойшли четыре человека, из которых двое были мертвы, а двое других отсутствовали. При этом они вспомнили «Княжну», которая почти беззвучно пошла ко дну без всякой видимой причины. Неужели эти белые обладают каким-нибудь могучим талисманом, который охраняет судно в их отсутствие? «Но в таком случае, — рассуждал Виллиго, — почему же этот талисман не защитил их самих от бумерангов нагарнуков, не помешал им даже взойти на судно... Жалкий талисман, который умеет только охранять ручки дверей!» — презрительно подумал Виллиго и вдруг вспомнил, что уже испытал однажды подобный же толчок, но только в несравненно более слабой степени, при прикосновении к маленькому металлическому шарiku какой-то машины, когда он смотрел, как проводили телеграф во Франс-Стэшене. И

Оливье, который вращал в это время какое-то стеклянное колесо; весело смеялся над вождем, прикоснувшимся к аппарату.

Вспомнив это, Виллиго вторично отправился на судно с Коануком и убедился в том, что кроме дверных ручек можно было безнаказанно касаться всего — стен, пола, планок, перегородок всего, кроме металлических кнопок. Теперь возникал вопрос, каким образом могли белые люди управлять этим странным суд-

ном? Ведь и Виллиго, и Коанук видели, что все четверо белых сидели наверху, на палубе, спустив ноги в открытый люк. Тогда Виллиго вспомнил, что механик «Надежды» приводил машину в действие посредством простого рычага, и попытался сопоставить оба эти факта, но, не придя ни к чему, стал рассуждать так:

— Раз эти люди сидели на палубе, то палубе же следует искать на и какой-нибудь такой же рычажок!

И он принялся шарить руками по палубе на таком расстоянии, на какое могла дотянуться рука человека, сидящего на краю люка. Он стал попеременно надавливать на листы обшивки, пытаясь приподнять их, как крышку коробки, или сдвинуть вправо или влево, на себя или от себя. Долгое время все его усилия оставались тщетными; наконец глухое восклицание вырвалось из его уст: узкая полоска меди, по-видимому, скреплявшая между собой листы полированной стали обшивки, выскользнула у него из-под руки, обнаружив небольшое углубление диаметром в двадцать сантиметров, на дне которого были расположены в три ряда десять хрустальных кнопок, по три вверху и внизу и четыре посередине.

«Очевидно, эти кнопки не должны производить толчков, — решил Виллиго, — иначе зачем бы их так хитро запирать?»

Чтобы убедиться в справедливости своих рассуждений, он коснулся каждой из них слегка пальцем, полагая, что чем легче будет прикосновение, тем слабее окажется толчок, если только он должен произойти.

Однако никакого толчка он не почувствовал.

— Ага! — весело воскликнул он, — здесь нет невидимых кулаков! — и он позвал Коанука, притаившегося на берегу, чтобы успеть вовремя предупредить Виллиго в случае неожиданного возвращения белого хозяина этого судна; поскольку капитан ушел в охотничьем снаряжении, Виллиго, никак не предполагавший, что он осмелится явиться в дом Дика и Оливье, думал, что он ушел просто поохотиться в лес и мог каждую минуту может вернуться.

— Виллиго нашел секрет, как управлять этим судном! — с гордостью заявил вождь своему юному другу.

— Ну, так пусти его в ход! — воскликнул молодой нагарнук, слепо веривший во всем Черному Орлу.

Бедный Виллиго уже сожалел о своем хвастливом возгласе, но, не желая уронить свой престиж в глазах юного воина, наугад нажал первую из кнопок. Каково же было его удивление, когда «судно» вдруг тронулось с места! Тогда Виллиго нажал кнопку посильнее, и движение вперед заметно ускорилося.

После этого Виллиго, уже совершенно осмелев, нажал вторую кнопку, и судно стало плавно заворачивать налево, а при более сильном нажатии той же кнопки — направо. Нажав третью кнопку, Виллиго убедился, что судно пошло назад. Теперь он

знал, как дать передний ход, как — задний, как свернуть направо и как налево, и от восхищения забил в ладоши!

Каково же было действие остальных кнопок? После некоторого колебания он наконец осторожно нажал первую кнопку второго ряда, и почти мгновенно диковинное судно взлетело на воздух, как стрела, широко распутив крылья. Виллиго громко вскрикнул от испуга и, бросив кнопки, ухватился обеими руками за края люка, чтобы удержаться на месте. Не управляемое воздушное судно стало медленно и постепенно опускаться на своих крыльях, игравших теперь роль парашютов; но так как первый импульс при его подъеме был слишком силен, то после подъема на сорок метров судно очутилось уже не над озером, а над берегом, и потому плавно и спокойно опустилось на землю в нескольких метрах от воды. Трудно представить себе огорчение и разочарование Виллиго, мечтавшего уже увести чудесное судно и запрятать так, чтобы никто другой не мог его найти; но теперь, когда эта громадина очутилась не в воде, а на суше, как ее спрятать или столкнуть обратно в воду, где он мог так легко и свободно направлять ее по своему желанию?

Вдруг Коанук воскликнул:

— Вождь, смотри, у нее колеса, как у тележек белых людей!

— Колеса! — повторил Виллиго, и это слово явилось для него настоящим откровением: очевидно, судно может так же идти по земле, как и по воде или по воздуху, и, недолго думая, он нажал первую кнопку первого ряда. К немалой его радости судно плавно и послушно покатилося вперед. Виллиго хотел было нажать вторую кнопку и отвести его обратно в озеро, когда ему вдруг пришло в голову, что белые люди, находящиеся на громадном чудовище, которое ушло под воду, могут обойти под водой все озеро и наверняка найдут пропавшее судно, куда бы он его ни запрятал; это заставило его изменить план. Он нажал кнопку, и судно, ставшее громадным автомобилем, быстро покатилося вперед; он направил его в маленькую долинку, находящуюся в полумиле от озера, и здесь, дав полный ход, загнал свой диковинный экипаж в узкое ущелье, усеянное обломками гранитных скал и заканчивающееся глубоким естественным гротом, уходившим в глубь горы на несколько сот метров. Сюда-то он и ввел свой трофей, будучи уверен, что кроме него никто не разыщет его здесь.

Сойдя с судна, Виллиго чувствовал себя, как римский триумфатор; в нем проснулось чувство невыразимой и сладкой гордости. Он, нагарнукский воин, никогда нигде не обучавшийся никаким премудростям белых людей, сам, своим умом, без всякой посторонней помощи разгадал секрет этих ученых людей, разгадал в несколько часов.

— Мату-Уи (Бог), — воскликнул он, обращаясь к Коануку с чувством великой гордости, — создал белых людей для того, чтобы работать, как женщины, и изобретать и придумывать множество вещей, но он создал черного человека с большим умом для того, чтобы тот, не трудясь и не работая, разгадывал все их хитрости и смеялся над их коварством.

Коанук был положительно поражен; он в этот момент смотрел на возлюбленного вождя с чувством благоговейного уважения, почти трепетного страха, и ему казалось, что Великий Дух — Мату-Уи — вдохнул в мозг Виллиго разум, превышающий обычный человеческий ум.

Между тем то, что сумел сделать Виллиго, было еще далеко не все; дело в том, что Джонатан Спайерс, сознавая, что ему рано или поздно придется поручить управление «Лебедем» и «Осой» кому-нибудь постороннему, распорядился провести на верхнюю палубу некоторые из простейших проводов, посредством которых можно управлять судном. Однако, управляя его движением, человек, знакомый с применением этих хрустальных кнопок, не знал ни одного из секретов механизма; он не мог ни привести в движение механизма, в случае остановки, ни регулировать работу машин, производящих воздух или электричество, не мог приводить в действие электрические аккумуляторы. Кроме того, предусмотрительный американец с помощью известного рычажка, мог совершенно остановить действие этих кнопок или ограничить его известным временем — несколькими часами, сутками или месяцами, а также остановить действие всего механизма или отдельных его частей, смотря по желанию.

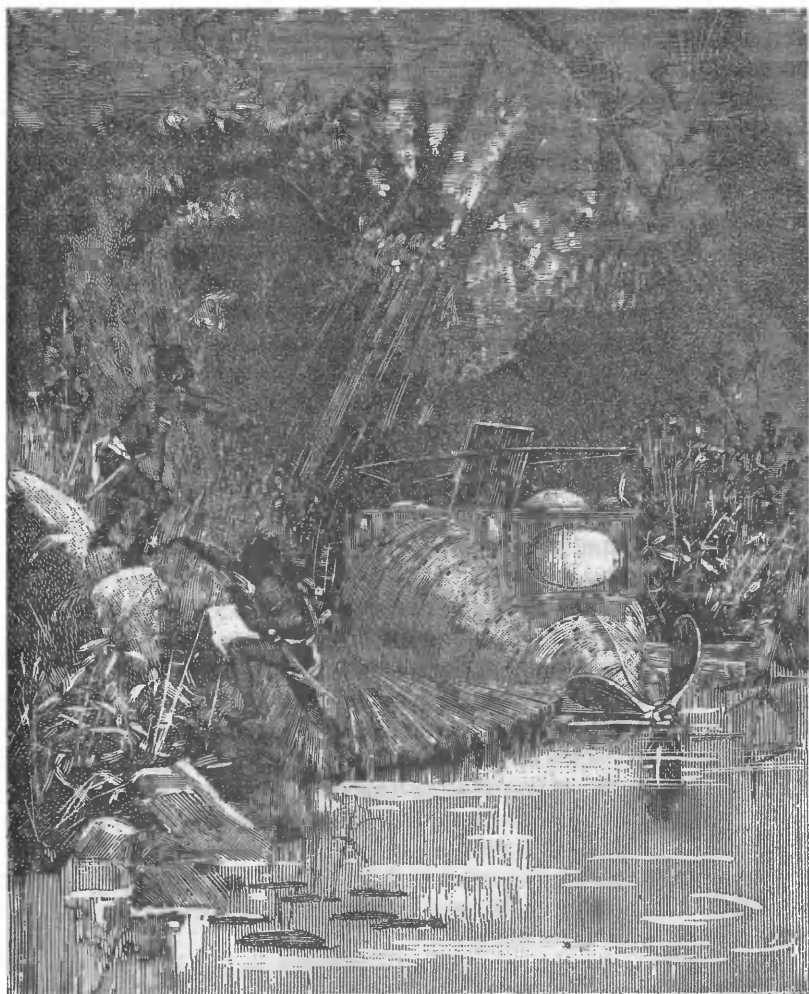
Таким образом оба судна, даже управляемые кем-нибудь посторонним, все же оставались в полном его подчинении; но так как, уходя, капитан, не предвидевший того, что произошло в его отсутствие, не принял этой меры предосторожности, то «Лебедь», черпавший свои запасы электричества из воздуха или воды, мог действовать в продолжение пятидесяти лет, до полного износа некоторых своих частей.

Придя во Франс-Стэшен, Виллиго никому ничего не сказал о случившемся; точно так же и Коанук хранил полное молчание.

— Слишком много глаз, слишком много ушей, слишком много языков в большом доме, — сказал Виллиго, — и если Коанук не сумеет удержать свой язык, то Туа-Нох, прибывший сегодня утром, будет предупрежден, и нам не удастся захватить громадное чудовище! (так Виллиго называл «Ремэмбер»).

— Коанук не женщина, и его язык не болтает без его воли! — отвечал в тон ему юный воин.

Когда же во время разговора с Оливье Джонатан Спайерс сделал знак своему негру, то Виллиго, от взора которого ничто

не могло укрыться, разом понял, что «Туа-Нох», то есть «Восточная Птица», как он прозвал Красного Капитана, послал своего негра передать какое-нибудь приказание людям, оставшимся на судне. Чтобы не допустить этого чернолицего убедиться в исчезновении «чудовища», Виллиго и Коанук пустились по его следам. Вскоре они нашли его и, забежав вперед и притаившись в кустах цветущего лавра, дали ему пройти мимо, а затем разом, точно по

команде, послали ему вдогонку свои бумеранги. Страшные орудия, попав негру в голову, уложили его на месте без стопа и без вздоха.

Спустя несколько минут волны озера поглотили труп несчастного негра. Радуюсь тому, что они лишили Красного Капитана последнего его союзника и оставили его без всяких вестей о суде, оба австралийца направились в свою деревню, где им предстояло исполнить свою роль на Празднике Огня, который должен был начаться тотчас же по прибытии в деревню канадца и его друзей.

Виллиго был доволен собой, хотя и не предвидел всей важности того, что ему удалось сделать. В самом деле, каким образом мог теперь вернуться на «Ремзंबर» Красный Капитан? А если он не мог этого сделать, то что станется с остальными, заключенными в подводном колоссе и лишенными возможности выйти наружу?

Действительно, если бы Джонатан Спайерс знал о случившемся, он, конечно, не последовал бы за гостеприимными хозяевами Франс-Стэшена в деревню нагарнуков, но он даже не подозревал, что из-за пустяшной случайности мог лишиться плода своих десятилетних трудов.

В данный момент его более всего занимал один вопрос, над разрешением которого он мучился с самого момента своего знакомства с молодым графом. Все в этом молодом человеке — голос и фигура, и манеры казались ему знакомыми, точно он уже видел его когда-то, и чем больше он прислушивался к его голосу, чем больше смотрел на него, тем больше укреплялся в своем мнении.

Наконец он не выдержал и прямо обратился к молодому человеку за разъяснением мучившего его вопроса.

Беседуя с графом о том, о сем по пути к большой деревне нагарнуков, он вдруг прервал этот пустяшный разговор словами:

— Простите меня, граф, но я положительно сгораю от нетерпения задать вам один вопрос!

— Сделайте одолжение! — воскликнул Оливье. — Я весь к вашим услугам!

— Чем больше я на вас смотрю, тем больше мне кажется, что я уже раньше когда-то имел удовольствие видеть вас! Скажите, моя наружность не кажется вам знакомой?

— Возможно, конечно, что мы с вами когда-нибудь встречались, но признаюсь, ваши черты не запечатлелись в моей памяти. Я много путешествовал, вы, вероятно, тоже, а при таких условиях мимолетные встречи так часты, что их с трудом запоминаешь! Быть может, мы виделись с вами в России?

— Я совершенно не знаю этой страны!

— Так, может быть, во Франции?

— Тот же нет, я, как и всякий американец, мечтаю о поездке в Европу и главным образом во Францию, но до сих пор еще там не был!

— Ах да, ведь вы — американец; значит, мы, скорее всего, встречались где-нибудь у вас на родине!

— А какие города Америки вы изволили посетить?

— О, весьма многие... Нью-Йорк, Филадельфию, Балтимор, Цинциннати, Новый Орлеан, Сент-Луис, Сан-Франциско...

— Сан-Франциско?!

— Да, я давно, лет десять тому назад состоял, при нашем посольстве в Вашингтоне; в то время наш консул в Сан-Франциско заболел, и я был командирован временно занимать его должность...

— Десять лет тому назад! — прошептал Джонатан Спайерс, побледнев как полотно.

— Что с вами? Вам, кажется, дурно! — участливо осведомился Оливье.

— Не беспокойтесь, граф... Это сейчас пройдет: я не мог сразу совладать со своим волнением! Позвольте мне рассказать, граф, один маленький случай!

— Сделайте одолжение, я вас слушаю! — сказал Оливье.

— Это было давно, лет десять тому назад! Однажды вечером близ Вашингтонского сквера молодой человек лет двадцати, доведенный нуждой, самой горькой нуждой до полного отчаяния, не находя нигде работы, решил наложить на себя руки и покончить расчеты с жизнью. Вдруг случайно проходивший молодой человек приблизительно одних с ним лет, заметив его бедственное положение, подошел к нему и, точно прочитав в его душе его намерение, достал из своего бумажника сто долларов и сунул в руку несчастного, сказав ему по-французски только два слова...

— «Работай и надейся!» — подсказал ему Оливье, смущенно улыбнувшись.

— Так это были вы? Вы?! — воскликнул капитан. — Вы, которого я разыскиваю вот уже скоро десять лет, чтобы отблагодарить вас, чтобы сказать вам, что моя преданность вам безгранична, чтобы сказать, что та жизнь, которую вы тогда спасли, теперь всецело принадлежит вам!.. И я... и я...

Но тут он вовремя спохватился: сознаться в том, что он виновник всего случившегося вчера, значило бы погубить себя навсегда в глазах графа и рисковать своей жизнью, так все эти дикари набросились бы на него, чтобы отомстить за исчезновение нагарнука, и даже граф не смог бы защитить его от толпы темнокожих.

— Так это вы были тем молодым человеком, которому мне случилось помочь, — сказал Оливье, — очень рад! Я часто потом

думал о вас... Но я сейчас только припоминаю, что вы назвали себя Джонатаном Спайерсом. Неужели вы тот самый выдающийся изобретатель, одаривший нас такими полезными открытиями, как лампочка вашего имени, рисующий телеграф и многие другие изобретения, сделавшие ваше имя столь популярным?!

— Да, я — тот самый Джонатан Спайерс!

— Гениальный изобретатель?!

— Благодаря вам, граф, не забывайте этого!

— Я счастлив, я горжусь тем, что случай помог мне спасти не только страждущего, нуждающегося собрата, но и столь великого человека, который уже оказал и окажет еще, вероятно, множество услуг человечеству!

— О, вы преувеличиваете мои заслуги, граф! Всем, чем я стал, я обязан вам и потому я буду счастлив посвятить вам всю мою жизнь.

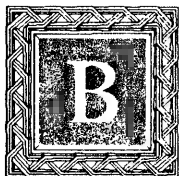
— Нет, я принимаю только вашу дружбу и расположение! Но у меня явилась одна мысль... Ведь вы — первый электротехник нашего времени; вы можете оказать мне громадную услугу, от которой для меня может зависеть не только моя жизнь, но и все счастье моей жизни!

— Надо ли мне говорить вам, что вы можете на меня рассчитывать!

— Сейчас я не стану говорить вам об этом: это слишком длинная история, а мы уже почти пришли на место. — Вскоре начнется торжество, а вечером все мы будем слишком утомлены. Но завтра поутру, если вы позволите, я зайду в вашу комнату и расскажу вам все!

XI

Происхождение Пожирателей Огня. — История колонизации Австралии.

ЭТОТ МОМЕНТ ГРОМКИЕ КРИКИ ПРИВЕТСТВИЯ огласили воздух: все, как один человек, приветствовали Тидану, этого любимого всеми приемного сына племени, и его друзей, сегодняшних гостей. Оливье, извинившись перед капитаном, направился навстречу вождям, которых он в свою очередь должен был приветствовать.

— Так это он, мой спаситель! — шептал про себя Джонатан Спайерс. — А я дал свое слово Ивановичу предать его или, по крайней мере, поставить его перед судом Невидимых! Я не могу сдержать это обещание! Предать единственного человека, который пожалел меня и протянул мне руку помощи, о, никогда! Я ненавижу, презираю человечество, которое угнетает и попирает все слабое и

беззащитное, осмеивает все святое и честное. Только грубая сила внушает страх и уважение и удерживает людей от злодеяний. Люди хуже зверей! Их следует держать под плетью, как собак, если не хочешь, чтобы они хватали тебя за горло, и я буду уничтожать их беспощадно, срезать, как серп срезает спелые колосья на ниве. Но неужели мне начать со своего благодетеля, с единственного человека, которого тронуло мое горе?! О, нет! Иванович должен вернуть мне мое слово; если он не захочет этого — я прибегну к силе. Разве не я господин?! — засмеялся он едким беззвучным смехом. — О... мое слово! Когда вокруг себя я вижу только ложь, обман, двуличие и злоупотребление силой, что обязывает меня так свято держать свое слово? Если на свете царит сила... Так я стану пользоваться своею силой! Предать единственного честного, открытого и доброго человека, которого я встретил в своей жизни?! Нет! Лучше я подожгу весь свет со всех четырех сторон!

При виде любви, с какой относились к Оливье нагарнуки, Джонатан Спайерс продолжал мысленно рассуждать.

— Ты сумел приобрести любовь даже этих дикарей — и тебе нечего бояться меня, я буду охранять тебя... Буду оберегать твое счастье и, быть может, часть твоей радости, твоей доброты и человеколюбия проникнет и в мое скорбное сердце... А-а... Эти Невидимые, твои враги! Так пусть они теперь дрожат!

И Джонатан Спайерс готов был сейчас же поспешить на «Ремэмбер» и объясниться с Ивановичем, так как он чувствовал, что в отношениях последнего к графу кроется нечто иное, чем то, что он говорил ему, какая-то тайная ненависть, какое-то гадкое мстительное чувство. И вдруг многое, чему он раньше не придавал значения в поведении Иванoviча, стало для него ясно, и он понял, что этот человек подличал, льстил и унижался, чтобы вкратце к нему в доверие и вырвать к нему у него тайну.

— О, я выведу его на чистую воду! Я доведу его и всю его шайку до полного бессилия! Я высмею их басню о владычестве над миром и торжестве славянской расы! Все это — ложь и обман; вы — просто алчная орда, сгребаящая в свои руки капиталы, жаждущая власти наслаждений и всяких житейских благ исключительно для себя и поработавшая массы запутыванием и угрозами, эксплуатирующая слабых и доверчивых. Теперь вы померяетесь силами со мной. Вы — Невидимые, вы — вечные эгоисты и эксплуататоры, вся социальная миссия которых заключается в разделении народов, в натравливании одних на других для того, чтобы самим в мутной воде ловить рыбу... О, вы вечно существовали, я знаю вас! Это вы кидали римскому народу в подачку хлеб и зрелища, чтобы превратить их в скотов и убить в этом народе всякое благородное,

человеческое чувство! Это вы заливали кровью Азию, этот благословенный край, до тех пор, пока под южным солнцем не осталось ничего, кроме человеческого праха! Это вы разжигали костры инквизиции! Вы заряжали аркебузы в Варфоломеевскую ночь... Да, все это делали вы, Невидимые. Разящую руку видит всякий, но руку повелевающую никто не видит! Но придет и ваш час! Вы олицетворяете собой отжившие начала: невежество, насилие и суеверие, а «Ремэмбер» — символ науки, разума и труда; это — начало будущего; «Ремэмберу» суждено истребить вас, рассеять и стереть с лица земли!

Так рассуждал Джонатан Спайерс, не подозревая, что, быть может, в этот момент он уже бессилен и безоружен.

В первый момент он хотел было сейчас же бежать к берегу и вернуться на «Ремэмбер», но затем одумался и решил прежде все узнать, а потом уже приступить к объяснению с Ивановичем.

Между тем праздник должен был уже начаться, так как все были в сборе.

Праздник Огня редкому из путешественников случалось видеть, так как он происходит только при вступлении в обязанность нового Аруэнука, то есть Великого Хранителя Огня, что происходило только раз в полвека и даже реже, потому что должность Хранителя Огня пожизненная и переходит по наследству.

Название племени «нагарнуки» означает в переводе «Пожиратели Огня»; происхождение этого племени, как и всех других племен Австралии, неизвестно.

Со слов первых путешественников, посетивших Австралию и видевших только жалких прибрежных жителей, питающихся исключительно ракушками, кореньями, травами и полусгнившей рыбой, выбрасываемой морем, долгое время полагали, что все жители Австралийского материка — низкорослые, рахитичные, уродливые темнокожие. Но затем, по мере более близкого ознакомления с туземцами, этот предрассудок был опровергнут.

В Австралии с этнографической точки зрения насчитывается четырнадцать или пятнадцать типов туземного населения, причем некоторые из племен стоят несравненно выше представителей черной и монголоидной рас. К числу таких принадлежали и нагарнуки, которые по формам тела, строению и общему физическому развитию не уступали представителям белой расы. Что касается черт лица, то они не лишены своеобразной красоты.

Однако и этим более развитым племенам не удалось избежать общей участи туземцев.

Когда англосаксы, сохранившие под личиной высшей цивилизации и культуры всю грубость и жестокость примитивных

народов, принялись беспощадно истреблять туземцев, то из пяти-сот или шестисот тысяч дикарей, населявших этот материк до прибытия европейцев, осталось едва две-три тысячи душ. Страшно даже подумать о таком истреблении мирных жителей, коренных владельцев этой страны; даже сами англичане, сознавая это, стараются уменьшить свою вину, утверждая теперь, будто австралийский континент насчитывал всего сто или восемьдесят тысяч жителей, а некоторые из них доводят свое бесстыдство даже до того, что говорят всего о десяти тысячах жителей. Но официальные документы некоторых более правдивых английских администраторов явно противоречат им и называют цифру, упомянутую выше.

Установлено также официальными документами, что сначала австралийцы очень охотно принимали европейцев и усердно работали на них, не проявляя ни малейшей враждебности, и только впоследствии, в силу возмутительного отношения к ним англичан, они озлобились и начали выражать протест против насилия, коварства и бесчеловечности завоевателей.

Официально установлены следующие возмутительные факты:

1) лейтенант Мур приказал стрелять в мирную толпу туземцев, состоящую из мужчин, женщин и детей, проходивших неподалеку от его жилища, просто ради забавы;

2) солдаты и вообще все переселенцы, находясь в лесах на охоте, имели обыкновение стрелять в попадавшихся им навстречу туземцев;

3) некоторые зажиточные колонисты убивали туземцев для того, чтобы кормить их мясом своих собак;

4) англичане вырывали у туземцев их младенцев и для забавы кидали их в пламя костров, иногда на глазах обезумевших от ужаса матерей...

У англичан испокон веков существуют два способа колонизации стран: если они захватывают в свои руки такую страну, как Индия, где их единоплеменники не могут управляться с землей по чисто климатическим условиям, они поощряют увеличение туземного населения с тем, чтобы превращать его в рабочую силу, которую они эксплуатируют всеми средствами, не говоря уже об обложении их непосильными податями; если же они овладевают такой страной, как Австралия или Тасмания, где белые могут преуспевать без посторонней помощи, то там они истребляют всеми средствами туземцев, не зная ни совести, ни сожаления.

Нагарнуки так же, как и береговые жители, не избежали этих массовых истреблений со стороны колонизаторов. Еще сто

пятьдесят лет тому назад их насчитывалось до двадцати пяти тысяч, а в 1869 году оставалось всего только пятьсот душ, в том числе женщин и детей. В настоящее же время осталось только несколько разрозненных семей. Таким образом погибло славное, здоровое и красивое племя туземцев, правда, стоявшее еще на первых ступенях цивилизации, но, как мы сейчас увидим, не более суеверное и дикое, чем все остальные расы, достигшие впоследствии высших ступеней цивилизации.

XII

Нагарнуки. — Священный Огонь. — Обычаи, нравы и верования нагарнуков.

АГАРНУКИ ЖИВУТ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО охотой и рыбной ловлей; они не возделывают землю, хотя и питаются известными кореньями, например, иньяма и таро, растущими только в Центральной Австралии в окрестностях озера Эйр. Здесь же встречается и *artocarpus*, род хлебного дерева, о существовании которого

в Австралии долго спорили. Туземцы знают также некоторые сорта трав и листьев, которые они употребляют в пищу, как мы салат и шпинат. Таким образом, пища нагарнуков довольно разнообразна и обильна, что в значительной мере влияет на красоту их телосложения и общее физическое развитие, а наряду с этим и на умственное развитие, как это обычно бывает.

Как известно, чтобы выполнять какую-либо работу, физическую или умственную, человеку в соответствии с законами природы нужна пища для восстановления его сил. И чем обильнее и питательнее эта пища, тем бодрее и сильнее чувствует себя человек, тем лучше развиваются все его способности; чувствуя в себе избыток сил, человек ищет им применения. Когда же пища недостаточна, человек слабеет и телом, и духом; вместо того, чтобы совершенствоваться, он падает все ниже и ниже, опускаясь почти до уровня животного.

Нигде эта истина не подтверждается с такой ужасающей ясностью, как именно в Австралии.

У нагарнуков, находившихся в благоприятных условиях, даже социальные идеи достигали уже известной высоты; так, например, брак, усыновление, родительские чувства и общественные чувства признавались всеми представителями этого племени; даже понятия об обязанностях и чести стояли у них довольно высоко.

Согласно установленному обычаю, присущему отнюдь не только этому племени, а встречающемуся у весьма многих примитивных

народов, молодой воин, получивший посвящение посредством Священного Огня и, следовательно, причисленный уже к взрослым, силой похищал себе жену из одного из соседних племен. Но это применение силы давно уже стало у нагарнуков простой формальностью; на самом деле о браке договаривались заранее, по обоюдному соглашению между родителями молодой четы.

После похищения и примирения обоих семейств праздновалось бракосочетание; будущих супругов с торжеством отводили в хижину Священного Огня, где Оуэнук, или один их хранителей Священного Огня, сыпал им на голову раскаленные красные уголья, после чего клал по маленькому красному уголку каждому из них на язык.

Почти та же церемония проделывалась и над новорожденными, с той только разницей, что угольки, которые им клали на язык, были уже несколько потухшие.

Мы уже видели, какую важную роль играл у них огонь и в похоронных церемониях, и если бы несчастный Менуали пал неподалеку от своей большой деревни, Виллиго должен был бы сходить за огнем в хижину Священного Огня и зажечь от него свой факел, которым он поджег бы погребальный костер.

Вообще у нагарнуков ни одна церемония, ни одно семейное торжество или общественное событие, ни один договор не обходились без содействия Священного Огня, скреплявшего своей силой всякий договор, обязательство и клятву.

Если нагарнук клялся Священным Огнем, то на его клятву можно было смело положиться.

Все это имеет, без сомнения, много общего с обычаями и верованиями огнепоклонников Персии и Индии.

Если совершалось преступление и виновник не был пойман на месте, то устраивался своего рода «Божий Суд», посредством огня. Прежде чем Совет Старейшин устанавливал степень и род наказания за данную вину, необходимо было, чтобы кто-нибудь из представителей племени выступил в качестве обвиняемого, после чего самый факт виновности устанавливался путем свидетельских показаний и предварительного следствия, затем в назначенный день и час обвинитель и обвиняемый препровождались в хижину, где поддерживался Священный Огонь; оба пребывали там в сокровенной беседе с Верховным Хранителем Священного Огня, после чего в присутствии всей собравшейся толпы Оуэнук, или Аруэнук, наполнял рот того и другого, обвинителя и обвиняемого, горячими угольями, и те, закрыв рот, должны были продержать их там до тех пор, пока верховный жрец не сосчитает дважды пять на пальцах своих рук. После этого они должны были раскрыть свои рты, и тот, у кого во рту оказывались ожоги,

считался виновным либо в деянии, либо в клевете, а Совет Старцев присуждал ему соответствующее наказание.

Понятно, что тут возможна была некоторая сделка и виновным чаще всего оказывался тот, кто был менее щедрым во время предварительного совещания с Хранителем Священного Огня.

Многоженства у нагарнуков вовсе не было, и брак не расторгался даже в случае смерти одного из супругов. В этом отношении права мужчины и женщины были совершенно равны; никто из них не имел права избрать себе второго мужа или вторую жену без особого разрешения Верховного Совета Старейшин, и то только в том случае, если усопший или усопшая не оставили потомства. Тогда вдовец или вдова получали разрешение избрать себе второго супруга или супругу для восстановления потомства умершего, и перворожденный ребенок считался ребенком умершего и его наследником; достигнув совершеннолетия, он должен был прежде всего отпраздновать тризну по усопшему, и если умерший по каким-либо причинам считался блуждающей душой, наследник обязан был достать ему тело, в котором душа умершего могла бы переселиться в лучшее царство и войти в страну предков. Этот обычай давать сына умершему существовал также в Индии и во многих частях Азии.

Последующие дети считались уже детьми действительного отца и матери. Но любопытно, что брачная церемония посредством Священного Огня устраивалась лишь после рождения сына, а до того времени новый супруг считался лишь заместителем первого, и первый брак оставался в силе.

Все нагарнуки были хорошими супругами и прекрасными, нежными отцами, любящими и заботливыми. На охоту и рыбную ловлю ходили только одни мужчины, так же как и на сбор корней, съедобных растений и листьев. Женщины же постоянно пребывали дома, заботясь о детях и хозяйстве. При переходах или переселениях матери несли на руках малых ребят, о старших же заботились отцы. Всю домашнюю утварь и имущество также должны были нести на себе женщины, потому что для мужчины считалось унижительным нести что-нибудь, кроме оружия и принадлежностей охоты или рыбной ловли.

Даже если нагарнук убил на охоте дичь, наловил рыбы или набрал корней, их оставлял ее на берегу или в лесу, а женщины его семьи должны были сходить за ними и принести домой.

Когда молодой нагарнук подрастал, он прежде всего начинал охотиться на кенгуру, но охотиться без всякого оружия — брать его измором, соревнованием в беге. Он выходил из дома с рассветом и преследовал поднятое им животное без усталости и с невероятным упорством; он бежал за животным в продолжение многих часов, иногда в продолжение целого дня, идя все время

по его следу, как хорошая охотничья собака, до тех пор, пока животное, выбившись из сил, не давалось ему в руки.

Тогда молодой воин тотчас же перерезал ему горло своим кремневым ножом и, распластав на ложе из сухих листьев, возвращался домой, попутно делая зарубки на деревьях для того, чтобы женщины могли найти оставленную на месте добычу.

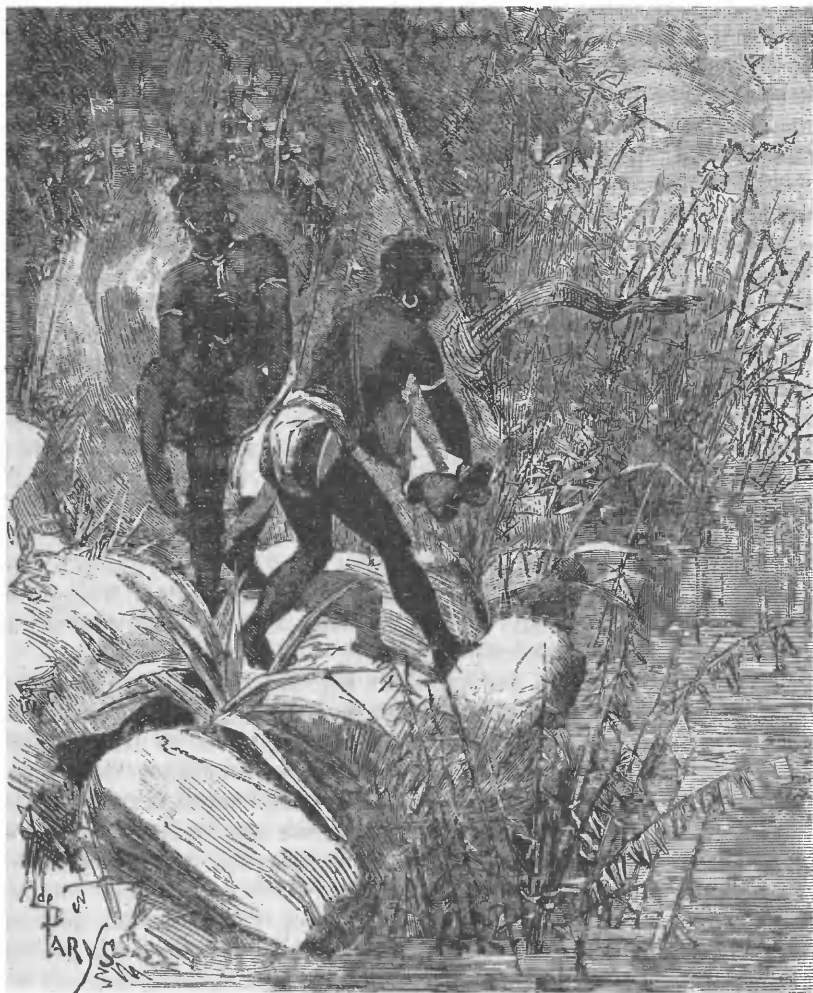
Но если он бежал по следу зверя весь день и все-таки не мог настигнуть или загнать его, то с закатом солнца должен был прекратить охоту и вернуться в свою деревню по возможности незамеченным, тихонько войти в родительский дом и, не говоря ни с кем ни слова, лечь на свое ложе, а поутру, с рассветом, снова быть на ногах и травить зверя до тех пор, пока не затравит его.

Но это требовалось от него лишь в том случае, если молодой человек готовился получить звание воина. Это первое испытание, из которого он должен был выйти победителем. Если бы он отказался от него после целого ряда неудач, то это было бы позором не только для него, но и для всей его семьи, которая из-за этого утратила бы уважение односельчан. После этого женщины стали бы закрывать свои лица при встрече с ним, чтобы не видеть лица малодушного человека, и даже малые дети стали бы провожать его насмешками. Вот почему на памяти людей, говорили нагарнуки, никогда еще ни один юноша из их племени не отказывался состязаться с кенгуру в беге.

Второе испытание для каждого юноши, добивавшегося чести быть принятым в ряды воинов, было испытание его искусства владеть бумерангом, которое он обязан был проявить на глазах всего своего племени, и только в том случае, если испытание оканчивалось благополучно, то есть если испытываемый удостоивался похвал и одобрения старейшин, он получал свое первое вооружение и отныне приобретал право носить копье, лук, стрелы и бумеранг.

Бумеранг состоит из куска дерева, плоского с одной стороны и выпуклого с другой; изготавливается он из железного дерева, отличающегося невероятной крепостью и тяжестью; выбирается такой кусок, который по своему изгибу походит на полусогнутое колено. С одного конца бумеранг слегка обтачивается, с другого же оставляется значительно утолщенным. Способ употребления этого оружия чрезвычайно оригинален, и когда о нем впервые заговорили в Европе, почти никто не хотел верить этому; многие ученые утверждали, что для того, чтобы изготовить бумеранг, нужно обладать громадными знаниями законов физики и механики, и невозможно допустить, чтобы такое орудие могли изготовлять дикари. Между тем это именно так.

Способ употребления бумеранга следующий: туземец крепко схватывает его за середину правой рукой, затем выходит перед той целью, в которую он желает попасть, приблизительно на

расстояние семи—десяти метров, опытный же воин отходит в случае надобности на целых двадцать пять метров и поворачивает спину к наметенной цели. Обернув голову назад, австралиец измеряет расстояние, какое должен пролететь в воздухе его бумеранг, с минуту размахивает им взад и вперед, а затем с силой пускает его вперед. Замечательно, что бумеранг, пущенный таким образом, стрелой пролетев расстояние в том направлении,

по которому он был пущен, возвращается обратно с невероятной быстротой и страшной силой, громко гудя в воздухе, и разбивает в осколки тот предмет, который наметил туземец. Это оружие в руках опытного человека вернее всякого другого.

Третье испытание состоит в упражнениях с копьем, луком и стрелами, а главным образом с щитом. Под последним словом мы привыкли подразумевать известного вида плоскость, которой воин прикрывает важнейшие части своего тела, защищая себя от неприятельского оружия. Но щит нагарнуков — нечто совершенно иное, ничуть не похожее на то, что мы вообще привыкли называть щитом. Это довольно короткая палица средней толщины, размеры которой позволяют удобно вертеть ее во всех направлениях. Вооружившись этой палицей, претендент на звание воина становится в конце арены, и человек десять-двенадцать старых воинов пускают в него стрелы, копья, камни, бумеранги, словом, кто что хочет, а он должен отражать все эти снаряды одним проворным вращением своей палицы. Обычно он с честью выходит и из этого испытания, так как у нагарнуков чрезвычайно развиты проворство, ловкость, смелость и верный глазомер.

Четвертым испытанием является испытание быстроты бега: испытуемый должен за известный промежуток времени пробежать определенное расстояние.

Пятое испытание состоит в рукопашной схватке между всеми испытуемыми в этот день юношами. Все допущенные до испытаний на звание воина запираются на трое суток в большую пустую хижину, откуда ни под каким предлогом не могут выходить раньше означенного срока; никто также не может в течение этого времени навещать их, а для пропитания им оставляется такое количество пищи, которого по расчету должно хватить на трое суток.

Время от времени верховный жрец подходит к дверям хижины, где заперты юноши, и шепчет какие-то заклинания. Когда юношей снова выпускают на свободу, они уже официально вступают в корпорацию воинов путем посвящения и освящения огнем. С горячим углем во рту будущие воины обязаны пробежать расстояние приблизительно с полмили и вернуться обратно, после чего Оуэнук с помощью раскаленного добела ножа срезает с их лба маленький кружочек кожи величиной в грош или серебряный пятак; рану затирают золой, что впоследствии, когда она заживет, придает этому месту слегка синеватый оттенок. Эта метка на лбу является клеймом или тавром племени.

После этой операции юного воина обривают, как мужчину, оставив только на темени пук длинных волос, которые зачесы-

ваются узлом на макушке и украшаются орлиными или лебедьими перьями. Затем юные воины поступают в руки татуировщиков, которые начинают с того, что вырисовывают у каждого из них на груди какую-нибудь эмблему — кобунга его семьи: у одного — кенгуру, у другого — какую-нибудь птицу или даже растение; далее татуировщик разрисовывает и остальные части тела иероглифическими знаками, так как каждый из изображенных знаков имеет свое специальное и вполне определенное значение; так, например, один молодой воин пожелал изобразить на своем теле всю историю своего племени.

После всего этого остается только дать каждому вновь посвященному воину имя, соответствующее его новому званию и заменяющее то, которое он носил со дня своего рождения по сие время.

Личной собственности у нагарнуков не существует: территории, принадлежащие всему племени, составляют общее достояние всех. Хижина также является общей собственностью всей семьи; личную собственность воина составляет только его оружие, а у женщины — ее уборы, браслеты и сережки.

Таким образом, все события в жизни нагарнука, начиная с его рождения и кончая смертью, освящаются огнем, и этот Священный Огонь, без всяких союзников — идолов, фетишей или чего-нибудь в этом роде, является единственной святыней, единственным символом религиозных верований нагарнуков.

Моту-Уи, или Высший Дух, однажды отрезал край солнца, этого огненного шара, и, загасив этот отрезок, разломал его надвое; один обломок образовал землю, другой — луну. Бог бросил их в пространство, затем дунул на землю, и на ней народились люди; в то же время дуновение его раздуло искру, еще тлевшую в недрах земли. Тогда один из обитателей земли тотчас же воспользовался этой искрой, чтобы разжечь палицу, которую он держал в своей руке; таким образом человек завоевал огонь, который с того времени свято хранится нагарнуками.

Человек, сберегший Священный Огонь, получил предписание от остальных людей вечно блюсти его и не давать ему угаснуть, после чего эта священная обязанность стала наследственной в его семье, переходя от отца к сыну. Так как человек этот неотступно стерег и поддерживал огонь для общего блага, то остальные люди обязались охотиться для него, ловить рыбу и доставлять ему все необходимое для жизни. Его хижина, он сам и вся его семья считались священными и неприкосновенными даже во время войны и чтились не только нагарнуками, но и враждебными им племенами, в том числе кочевыми австралийцами.

Луна была предназначена Моту-Уи служить местопребыванием умерших. Но не все попадали беспрепятственно в это блаженное жилище мертвых. Для того чтобы переселиться туда, тело покойного должно быть сожжено, чтобы очиститься огнем, а душа, витая над погребальным костром, ждет очищения своего тела, чтобы снова войти в него и переселиться в страну предков. Но если покойный жил дурно, то есть совершил в своей жизни какие-нибудь серьезные проступки, то он не мог вновь войти в свое мертвое тело; в последнее тогда входила чья-нибудь другая блуждающая душа, окончившая срок своих скитаний, а он был обречен блуждать в пространстве в образе каракула, или призрака, до тех пор, пока не искупит свою вину и не сможет в свою очередь воспользоваться чужим телом.

Посмертные жертвоприношения, совершаемые сыном умершего, обладали свойством в значительной мере сокращать срок скитания грешной или преступной души; вот почему для каждого нагарнука было чрезвычайно важно не умереть без наследника; отсюда произошел обычай дарить умершему сына, если он не оставил его после себя.

Ежегодно в день смерти своего отца старший сын в семье должен был сложить небольшой костер по образцу погребального, зажечь его от Священного Огня и с благоговением исполнить весь похоронный обряд.

В тех случаях, когда умерший был холост, все погребальные обряды над ним совершал его ближайший родственник, а за неимением родственников мужского пола — его ближайший друг.

После каждого боя, какой бы ожесточенной ни была война, обе стороны по соглашению устраивали перемирие, чтобы успеть убраться мертвых и совершить над ними похоронные обряды.

Как видно, все это вовсе не глупо, не смешно и не столь дико, чтобы ставить австралийцев на более низкую степень развития, чем остальных дикарей, и не признавать за ними человеческого достоинства. Напротив, в их верованиях есть даже нечто возвышенное и благородное, чего не встречается у других дикарей. Животные и растения после своей смерти также, по их верованиям, переселяются на луну; отсюда произошло верование в кобунгов.

Кобунг — это добрый друг. Кобунгом, конечно, должен быть каждый человек, вернувшийся из страны предков. Но это совершенно исключительные кобунги, обычно же каждая семья имеет своего кобунга, или своего доброго гения; таковым является первое животное или растение, которое старший сын встретит или заметит в течение первых трех дней после смерти отца. Это ко-

бунг, посланный ему отцом, который, переселившись в блаженную страну предков, куда переселяются и животные, и растения, выбирает для своего сына какое-нибудь из этих животных или растений и посылает его на землю как гения-хранителя своей семьи. Отсюда произошло совершенно ошибочное мнение, будто австралийцы боготворили животных и растения. Они их не боготворили, а чтили только кобунга своей семьи.

Как уже было сказано, все нагарнуки — хорошие мужья и отцы семейств, что довольно редко даже и не у дикарей; еще удивительнее, место, которое занимала у них женщина как в семье, так и в общественных делах. Не говоря уже о том, что в семье и в доме она полновластная госпожа, что она по своему усмотрению воспитывает детей и что право матери на детей признавалось выше прав отца на них, женщина вообще у австралийцев была отнюдь не рабой, а равноправной гражданкой своего племени. Девушке предоставлялось право избирать себе мужа точно так же, как юноше — избирать себе жену, и лишь после того, как будущая чета входила в соглашение между собой, родители с той и другой стороны вступали в переговоры и решали условия брака, после чего устраивалось мнимое похищение избранной невесты. Женщина-мать считалась более тесно связанной со своими детьми, чем отец, что видно уже из того, что девушка до брака, а юноша до посвящения в воины носили имя не отца, а матери; так, например, говорили: сын Угрананы, дочь Упавы и т. д. Женщины всегда поддерживали друг дружку во всем и крепко стояли одна за другую. Так, если случалось, что одна из них подвергалась дурному обращению со стороны мужа, что было совершенно исключительным явлением, то все женщины племени брали за руки своих детей и уходили с ними в лес; ни одна не оставалась в деревне, и тогда мужчины принуждены были посылать к ним посольство и подчиниться тем условиям, на каких женщины соглашались вернуться.

Кроме того, существовал еще Совет Старейшин женщин, мнение которого всегда учитывалось, когда подымался вопрос о том, чтобы вырыть топор из-под порога хижины, иначе говоря, начать войну. Женщины пели воинственные гимны, возбуждая мужество своих мужей и сыновей; они же воспевали их победы и славу, встречая победителей; наконец, они же казнили и замучивали до смерти изменников, трусов и пленников.

Любопытна манера объяснения войны у нагарнуков; это манера опять-таки говорит в пользу их умственного развития. Обычными причинами начала военных действий между двумя племенами являлись или захват охотничьей территории одного племени

другим, или предательское убийство одного из представителей племени. Когда Совет Старейшин под председательством старейшего из вождей решал, что оскорбление, нанесенное племени, требовало возмездия, то к врагу отправляли трех послов: один из них нес, вместо знамени, шкуру кенгуру, подвешенную к копыю, другой — топор, а третий — соты меда. Для их встречи собирался Совет Старейшин враждебного племени и выслушивал их претензии. Несший знамя обычно излагал подробно, образно и красноречиво все вины врага, на которые имели основания жаловаться его соперники, затем ставил перед Советом мед, клал топор и добавлял одно только слово: «Выбирайте!»

Тогда начинались бесконечные обсуждения и взаимные обвинения, продолжавшиеся иногда двое и даже трое суток. Редко случалось, чтобы племя, к которому явились послы, со своей стороны не имело достаточных оснований жаловаться на сторону, считающую себя оскорбленной, и потому после долгих прений, обычно оканчивающихся ничем, вождь, председательствовавший на Совете Старейшин, избирал в большинстве случаев топор, то есть войну, и лишь в редких случаях мед, что означало, что его племя согласно удовлетворить требования посланных и пойти на те или иные уступки.

Когда объявлялось решение начать войну, то тот, кто нес знамя бросал вызов и назначал день начала военных действий, причем обе стороны честно выжидали указанный срок.

Нагарнуки, подобно, краснокожим индейцам Америки имели обычай снимать скальпы, но только с мертвых врагов, а не с живых, что у австралийцев считалось непростительным преступлением. Рабства у них также не существовало, своих пленных они обменивали, и лишь немногие несчастные, которых не на кого было обменять, отводились в деревню, привязывались к столбу пыток и отдавались на поругание и истязание женщинам и детям.

При объявлении войны огонь также играл свою роль: посланные, придя на границу территории враждебного племени, раздавливали на ней горящий уголь, что означало, что впредь между этими двумя племенами не будет обмена огнем.

Много спорили о том, откуда взялось это почитание огня у многих народов. Естественнее всего предположить, что первый человек, случайно открывший огонь, понял всю его важность для человека и пуще всего боялся утратить его, а потому поручил хранение горящего угля какому-нибудь одному человеку, чтобы все живущие вокруг могли по мере надобности заимствовать у него огонь.

Этим объясняется существование Хранителей Священного Огня у всех древних народов — римлян, греков, индийцев и других — и наказание смертью виновного, если огонь угас.

Таковы, в общем, были нравы, обычаи и верования нагарнуков, последние представители которых вскоре переселятся в страну предков; тогда все, касающееся этнографии Центральной Австралии, канет в вечность; ведь через несколько лет на всем австралийском материке не останется ни одного туземца.

Теперь скажем несколько слов о суевериях и предрассудках нагарнуков.

Мы уже говорили об ужасе, внушаемом им каракулами, или приведениями, а также колдунами кораджи. Однако кроме колдунов, которые, по мнению нагарнуков, могли причинять только зло, у них были еще специальные лекари, занимавшиеся исключительно врачеванием ран и болезней. Но так как их понятия о медицине были очень примитивны, то, в сущности, эти врачи были скорее знахарями, и способ их лечения состоял главным образом в возложении рук и заклинаниях. Главные врачебные приемы состояли в глубоком надрезе в больной части тела и высасывании крови из этой умышленной раны, причем врач предварительно набирал в рот мелкие камни, шипы, насекомых и даже червей и, высосав известное количество крови из больного, выплевывал эту кровь вместе со всем, что у него было во рту, и приговаривая: «Видишь, вот что было в твоём теле и причиняло тебе боль! Я высосал это из тебя; теперь ты здоров!» Слепая вера больного во врача часто действительно приносила облегчение и даже совершенно излечивала больного благодаря самовнушению. Другим, более естественным средством были пиявки, которыми изобилуют все воды Центральной Австралии. Для лечения пиявками знахарь приказывал вырыть небольшую ямку, которую наполняли водой; в эту воду он пускал известное количество пиявок и окунал или сажал в яму больного, который оставался в ней до тех пор, пока вода в яме не превращалась в кровь. В некоторых случаях и этот способ лечения приносил пользу.

Несмотря на то, что в общем нравы нагарнуков были мягкими и человечными, у них был один чрезвычайно жестокий обычай: если в семье рождались близнецы, то отец семейства должен был задушить одного из двух, так как среди туземцев было распространено убеждение, что если он этого не сделает, то не только его семью, но и все его племя постигнут всякие несчастья.

Другой их предрассудок состоял в том, что нагарнуки не употребляли в пищу ни опоссумов, ни особого рода слепого утря, чрезвычайно вкусного и встречающегося в изобилии в местных

водах. Они боялись стать трусливыми, как опосумы, и слепыми, как этот угорь, полагая, что употребляемые в пищу животные оказывают известное физическое и моральное влияние на человека.

Нагарнуки приписывают существование души не только животным, птицам, камням, но и всем неодушевленным предметам. Так, один землевладелец, славившийся в округе своим фруктовым садом, послал десяток яблок соседу со своим слугой, молодым нагарнуком; тот по дороге съел половину яблок, а остальные доставил по назначению. Но так как при посылке было письмо, то нагарнук был уличен в преступлении. Поскольку нагарнуки не имеют ни малейшего представления о письменности, то вор полагал, что присланное письмо заговорило и выдало его, и когда получивший подарок сосед вручил ему письмо для господина, то нагарнук, полагая, что это то самое, которое наядбедничало на него, отойдя на некоторое расстояние от дома, принялся колотить письмо, приговаривая, что если оно еще раз донесет на него, то он отколотит его вдвое больше.

Другой, не менее странный предрассудок нагарнуков — боязнь перед созданием их портрета; они уверены, что нельзя написать портрет человека, не отняв у него части его существа. Один вождь, будучи задарен подарками и прельщен всевозможными обещаниями, согласился было позволить написать с себя портрет в профиль, но, увидев его, пришел в такой ужас, что, зажав голову обеими руками, убежал в лес и пропадал там в продолжение нескольких дней. Он был уверен, что эти пол-лица предвещают, что вскоре у него от лица останется только половина, и успокоился лишь много времени спустя, убедившись, что решительно ничего неприятного с ним не случилось.

Кроме того, нагарнуки не верят в естественную смерть; для них всякая болезнь или несчастный случай, повлекший за собой смерть, являются следствием колдовства какого-нибудь врага, что служит поводом для ужасной мести. Поэтому едва только нагарнук серьезно занемогает, он, прежде чем лечиться у знахаря, обращается к колдуну, чтобы тот произнес наговор и накликать болезнь на предполагаемого недруга, и это суеверие составляет чуть ли не главный доход колдунов.

Вера в то, что белые люди — это вернувшиеся с луны на землю предки или недавно умершие родственники, не раз давала повод к самым забавным случаям. Так, один молодой американец, путешествовавший для собственного удовольствия, случайно зайдя в главную деревню нагарнуков, был принят ими за недавно умершего молодого воина Вахиа-Нуу, оставившего после себя неотешную мать и жену. Увидев молодого американца, мать умерше-

го тотчас же признала в нем своего безвременно погибшего сына Вахиа-Нуу; она с криком радости кинулась к нему на шею, плача от восторга и счастья; все присутствующие при этом одноплеменники также признали в нем умершего воина. Между юным американцем и Вахиа-Нуу было, вероятно, известное сходство, так как вернувшийся с охоты отец также признал в нем своего сына. Побежали к его жене, которая, скорбя по мужу, не выходила со дня его смерти из своей хижины; молодая женщина прибежала и, не помня себя от радости, безумно счастливая, осыпала ласками и поцелуями своего вернувшегося супруга. Сколько ни протестовал молодой американец, ему не верили.

— Я не Вахиа-Нуу, — кричал он через переводчика, — меня зовут Уильям Дигби! Я — американец! Видите, я не знаю вашего языка, я не понимаю вас!

Но нагарнуки все это отлично знали: он там, на луне, в стране предков, утерял память о земном; он забыл свой родной язык, но может положиться на них, на свидетельство всего племени, на прозорливость материнского сердца и любовь его молодой жены. И все кричали ему радостно со всех сторон:

— Здравствуй, Вахиа-Нуу! Как ты поживаешь, как хорошо, что ты вернулся! Мы снова будем с тобой охотиться за кенгуру и ловить рыбу на озере Эйр!

— Но я вас не знаю! Я никогда не бывал на луне! Я прибыл сюда из Сан-Франциско!

Но все было напрасно: его окружили со всех сторон и с триумфом понесли в хижину, а впереди шла его жена с младенцем на руках.

Возвратившегося с луны сторожили потом так усердно, что только два года спустя молодому американцу удалось наконец бежать, похитив коня на одной из ближних плантаций. Двадцать раз пытался он бежать от нагарнуков, но те каждый раз всем племенем устремлялись на поиски и водворяли его в хижину.

Кроме того, нагарнуки верят еще в счастливые и несчастливые дни и числа. Вы ни за что не заставите нагарнука предпринять что-либо в годовщину смерти кого-нибудь из родственников или даже друзей, а также в первую или последнюю четверть луны. Также опасаются нагарнуки и всех нечетных чисел — 3, 5, 7, 9; дальше этого они не идут, так как считают только до десяти, по числу своих пальцев на руке, а затем начинают снова и говорят десять и один, десять и два, десять и три и т. д., затем — два десять и один, два десять и два, два десять и три. Всякая цифра свыше десяти для них уже «неимоверное, громадное число».

ХІІІ

Праздник огня. — Столб пыток. — Борьба на берегах озера. — Виллиго и Коанук ранены насмерть.

АГАРНУКИ СООРУДИЛИ БОЛЬШОЙ НАВЕС из листьев для защиты своих друзей европейцев от солнца.

В племени насчитывалось шесть великих вождей, которые владычествовали над ними поочередно, каждый в течение двух месяцев — лунных, конечно. Виллиго был один из этих шести вождей; кроме того, он носил еще название «военачальника», и когда топоры вырывались из-под порога хижин, то есть в военное время, он становился единственным главнокомандующим всего племени. Это почетное и пожизненное звание военачальника присуждалось Советом Старейшин самому мужественному, отважному и разумному из вождей, благодаря чему он даже и в мирное время пользовался особым почетом и уважением.

Ныне правящий великий вождь и Виллиго встретили Дика и его спутников у входа в деревню и проводили под навес, где центральное место было предоставлено канадцу, по правую его руку расположились Оливье и Лоран, по левую — фермер Кэрби и Джонатан Спайерс. Во втором ряду разместились оба капитана с «Надежды» и «Княжны» и оба механика.

В этот момент появился Верховный Жрец, или Хранитель Огня, и все племя, разделившееся на два лагеря, по одну сторону — мужчины, по другую — женщины, общим хором запело гимн во славу огня:

Колак туннамэ неанимэ
Певуиллах пуньяра.
Роонах Леппака маламатта
Лииналлэ!
Ренанэ тауна негурра певурра
Номека павуана поолапа Лелапах,
Нуганэ майеах мелароотера
Коабах ремавурра!

Что в переводе значит:

О, огонь, великолеплный и грозный,
Тебя унесла в свою хижину Леппака,
Приняв от своего супруга Лииналлэ
Священную палицу, которой он зажег

**Священный Огонь земли!
Продолжай же согревать нас в холод,
В бурное время года, продолжай
Готовить нам пищу и закалять
Острия наших стрел, сжигать наших врагов
И ограждать Лелапаху и его семью, и всех нас.**

Лелапах было имя Великого Хранителя Огня, а Леппака и Лииналлэ — имена той четы, которой предание приписывало открытие огня.

Нагарнуки отличались замечательными музыкальными способностями: они умели так хорошо подбирать голоса, что хор в восемь или десять тысяч голосов звучал стройно и благозвучно, то достигая высших нот, то спускаясь на низшие. Прелесть и своеобразие этого пения трудно даже представить себе, а не только передать.

По окончании пения гимна были приведены шесть пленников, нарочно сберегавшихся для этого случая со времени последних военных действий против нирбоа; их привязали к столбам пыток, но ни один не выказал ни малейшего страха или волнения перед грозящей ему ужасной участью. Все они стройно пели свой военный гимн, смело глядя в глаза своим врагам, с наслаждением и гордостью перечисляя, сколько они перебили нагарнуков, и прерывая себя только для того, чтобы подхлестнуть злобу нагарнуков новыми издевательствами и оскорблениями, как бы желая этим побудить врагов поскорее окончить их мучения.

— Что с ними будут делать? — спросил Джонатан Спайерс.

— Эти несчастные обречены на пытки и на смерть на костре! — пояснил Оливье.

— И их сожгут сейчас на наших глазах, а мы будем спокойно смотреть на такое злодеяние и ничего не сделаем, чтобы помешать им?!

— Успокойтесь, на этот раз нам удалось уговорить наших друзей нагарнуков, чтобы они в нашем присутствии устроили только подобие казни; только при этом условии мы согласились присутствовать на их торжестве. Таким образом, вы будете избавлены от этого ужасающего зрелища, и я даже думаю, что ради дня рождения Дика этим несчастным возвратят свободу после того, как попугают их видимостью пыток и казни. Но это в первый раз австралийский буш увидит подобный акт милосердия!

Однако сам канадец не особенно верил в возможность подобного мягкосердечия со стороны своих друзей-нагарнуков.

Между тем после священного гимна началась пляска, в которой принимали участие все взрослые члены племени, кроме старцев и женщин. Танцующие держали в руке по зажженному смоляному факелу и плясали вокруг большого, разложенного на площади костра. Целые снопы искр сыпались от факелов, и в полумраке леса, обрамлявшего деревню, эти сотни движущихся факелов и черных пляшущих фигур представляли собой фантастическую картину какого-то шабаша, на котором, для полноты иллюзии, не было недостатка даже в ведьмах: старухи, прилежные запевалы племени, воодушевляя танцующих выкриками и жестами, также принимали участие в пляске; то тут, то там мелькали их седые космы, тощие руки и горбатые спины.

На опушке леса стоял отряд воинов в полном вооружении с копьями в руках и луками со стрелами за плечами, неподвижных и грозных, точно привидения.

— А что делают эти люди? — спросил капитан.

— Они на страже, чтобы предупредить возможность внезапного нападения врагов: они, или, вернее, все мы в настоящее время стоим на тропе войны! — отвечал Оливье.

— Чего же вы, собственно, опасаетесь и с кем воюете?

— Мы ежечасно опасаемся нападения невидимых тайных врагов, сокрытых от нас!

— Сокрытых где? — спросил капитан.

— На дне озера!

Джонатан Спайерс невольно вздрогнул, но тотчас же, овладев собой, громко рассмеялся.

— Извините меня, но вы, конечно, шутите, граф! — проговорил он.

— Нисколько, но так как этот вопрос находится в тесной связи с тем разговором, который я хотел иметь с вами завтра, то...

— То вы хотите, чтобы я подождал разъяснения до завтра?

— Только потому, что в настоящее время у меня нет ни времени, ни возможности приступить к этому серьезному разговору; но если вы предпочитаете, чтобы это было сегодня...

— О нет, весьма возможно, что и мне придется поделиться с вами кое-какими важными сообщениями, и потому лучше будет, если мы отложим этот разговор до завтра!

— На этот раз вы возбуждаете мое любопытство, капитан, — пошутил Оливье.

— Тем не менее подождем до завтра, мне что-то говорит, что этот разговор будет иметь серьезное значение для нас обоих и решающее влияние, быть может, на всю нашу дальнейшую жизнь!

Встреча с человеком, о котором он с умилением и благодарной нежностью так часто думал в течение десяти лет, полностью

изменила все планы и намерения Красного Капитана, даже, можно сказать, совершенно переродила его. Джонатан Спайерс по своей природе был человек пылкий и страстный, способный любить так же безмерно, как и ненавидеть. Теперь ему казалось, что он нашел наконец брата и друга, и он ощущал в своем сердце такие нетронутые еще сокровища любви и нежности, которые теперь ему хотелось излить на этого благородного, прямого и добросердечного юношу, которого он едва знал, но уже давно любил, не зная. Отныне всякий, кто только осмелится покуситься на счастье или спокойствие Оливье, должен будет считаться с ним, Красным Капитаном; отныне он имел в этом молодом друге человека, который будет делить с ним его успехи, заставит его забыть его прежние горе и обиды; отныне он не будет более одинок. Он не допускал даже мысли, чтобы со временем Оливье не полюбил его: разве не он, не этот добрый юноша сделал его тем, чем он теперь стал? О, с каким нетерпением дожидался капитан Спайерс теперь ночи, чтобы скорее переговорить с Ивановичем! Он твердо решил, чем бы ни окончился этот разговор, передать все дословно и рассказать всю правду молодому графу и, в случае надобности, окончательно порвать всякие сношения с Невидимыми. По счастливой случайности в договоре забыли упомянуть срок его обязательств; кроме того, в договоре не было статьи, оговаривающей невозможность выхода из членов этого тайного общества. Словом, он теперь решил не только ничего не предпринимать против Оливье, но даже, напротив, выступить на его защиту против всего мира и в том числе против Невидимых.

Между тем праздник шел своим чередом; после пляски вокруг костра было разыграно подобие схватки между двумя лагерями нагарнуков, или, вернее, даже подобие грандиозного боя, так как в нем принимало участие до шести тысяч воинов. Только благодаря тому, что участники этого показательного боя были вооружены мягкими тростниковыми копьями, стрелами с закругленными наконечниками и топорами из легкой дранки, не произошло страшного кровопролития, и то некоторые участники в азарте схватывались рукопашную, и только вмешательство вождей вовремя приостановило кровавый исход.

После этого боя глазам присутствующих представилось новое зрелище, более ужасное, а главное, более отвратительное. Около пяти или шести сотен женщин, окружив громадный костер в форме пирамиды, исполнили вокруг него танец огня, а затем, вооружившись горящими головнями, как настоящие мегеры, устремились к привязанным к столбам пыток несчастным, продолжавшим петь свой родной гимн в ожидании пыток и смерти.

Женщины заплясали теперь вокруг них с горящими головнями в руках, возбуждая себя громкими дикими криками и неистовыми телодвижениями. Их возбуждение, можно даже сказать, дикий экстаз стал доходить до того, что для Оливье стало ясно, что вряд ли они будут считаться с условиями, заключенными с вождями племени. Подозвав Виллиго, он попросил его положить конец неистовствам освирепевших мегер.

Виллиго с сомнением покачал головой.

— Я сильно опасаюсь, — проговорил он, — чтобы обещание, скорее вырванное вами, чем данное вам нашими старейшинами и вождями, было исполнимо!

— Виллиго! — воскликнул Оливье, — я требую, чтобы было исполнено то, что твои одноплеменники торжественно обещали нам. Дик, помогите мне! — обратился он к канадцу, — не можем же мы допустить, чтобы эти люди, жизнь которых нам обещана, были замучены на наших глазах!

Канадец бросил умоляющий взгляд на Виллиго, но тот не дал ему времени раскрыть рот.

— Молодой Мэннах говорит неправду, — с беспощадной настойчивостью и упорством сказал Черный Орел. — Наше племя ничего ему не обещало; только одни вожди обещали от себя пощадить жизнь пленников, и, конечно, ни один из вождей не тронет их. Но вожди не могут навязывать свою волю ни воинам, ни женщинам, не могут ничего предписывать или воспрещать им, особенно женщинам. Вожди повелевают, и им повинуются только потому, что сами они повинуются нашим законам, нравам и обычаям. А если они вздумают приказать что-либо, противоречащее с нашим законам и обычаям, унаследованным от предков, то никто их не послушает: вождь, не являющийся блюстителем закона, — ниже последнего из воинов.

— Так значит, мы были обмануты?! — воскликнул Оливье, побледнев от бешенства.

— Нет, Мэннах, но вожди не могли предполагать, что ты потребуешь от них того, что не в их власти сделать. То, что они обещали тебе, они сдержат, но больше этого ничего сделать не могут!

— Прекрасно! — воскликнул Оливье, совершенно выведенный из себя этим препирательством, — скажи своим вождям, что они нарушают данное слово и что я ухожу. Дик, идем!

— Черный Орел, — возразил Виллиго с невозмутимым спокойствием и величавой гордостью, — не передаст вождям тех слов, какие сейчас произнес молодой Мэннах, а если молодой Мэннах уйдет, то Черный Орел сотрет свои военные татуировки; его примеру последуют и все остальные! Пусть же молодой опосум, прежде чем поступит подобно неразумному детенышу опосума, выбирающемуся из гнезда раньше времени и ломающему себе спину, послушает совета Тиданы!

С этими словами старый воин повернулся спиной к графу и удалился гордый и спокойный, как всегда.

— Вы идете, Дик? — почти повелительно спросил граф. — Я не останусь здесь ни минуты дольше!

Капитан встал, готовый следовать за Оливье.

— Благодарю! — воскликнул молодой человек, найдя в нем поддержку. — Благодарю! — и он с чувством пожал ему руку.

— Дорогой Оливье, — сокрушенным тоном заговорил трапшер, — вы этого не сделаете... Во имя нашей старой дружбы прошу вас, выслушайте меня!

— Хорошо, говорите, но только покороче, Дик!

— Поверьте моей опытности, вы не должны так вести себя здесь. Вы смертельно оскорбили Черного Орла, который десять раз спасал вам жизнь! Я готов поклясться, что вожди поняли ваше требование именно так, как он вам говорит: иначе они не дали бы вам никакого обещания. Из снисхождения к вам они согласились сами не вмешиваться в это страшное дело, которое я считаю столь же возмутительным, как и вы, но на которое я смотрю с другой точки зрения! Привязывать пленников к столбу пыток — исконный обычай всех племен Австралии, от которого вы никогда не заставите их отказаться, так как они считают это своим неотъемлемым правом! Еще на прошлой неделе, несмотря на то, что до настоящего времени нагарнуки и нирбоа не находились в состоянии войны между собой, нирбоа привязали к столбу пыток пять молодых нагарнуков, которых они также сохраняли для какого-то своего празднества, и нагарнуки не сделали ничего, чтобы спасти этих несчастных от их ужасной участи! А теперь вы требуете, чтобы нагарнуки, зная об этом, отказались от наслаждения мести! Эти пять замученных нирбоа на прошлой неделе нагарнуков были молодыми и еще неопытными воинами, которые дали захватить себя в плен на аванпостах, и их матери теперь находятся в числе этих женщин. А вы хотите, чтобы они оказались милосердными по отношению к пленникам! Если бы даже они согласились пощадить их, никто в целом буше не мог бы объяснить себе их странное поведение: это было бы в глазах всех туземцев постыдной слабостью, неуважением к своим погибшим единоплеменникам, за которых не захотели отомстить; мало того, все приняли бы это как доказательство того, что нагарнуки боятся нирбоа! Вы должны знать, что для туземцев не существует прощения врагам. У них в языке нет даже слова, соответствующего этому понятию! Как же можно требовать от них того, чего они даже понять не могут, когда у них пощадить врага считается постыдным как для отдельного лица, так и для целого племени?! Кроме того, милый Оливье, вы смотрите на вождей нагарнуков, как на каких-то европейских начальников или губернаторов. Австралийский вождь не властен подчинять своей воле никого из своих одноплеменников; его власть начинается только с того момента, когда начинаются военные действия. А вне этого он не может отдать даже самого пустяшного приказа самому младшему из воинов. Даже Совет Старейшин только

улаживает распри и недоразумения, наказывает за преступления и объявляет войну, а дальше этого его власть не простирается. Я говорю это к тому, чтобы вы правильно взглянули на вещи и не стали упорствовать в своем намерении демонстративно удалиться с их праздника, так как если вы это сделаете, то мне останется только посоветовать вам немедленно покинуть буш и переселиться в Мельбурн. Помните, ваш уход будет смертельной обидой для людей, которые двадцать раз ставили свою жизнь на карту ради вас; они все до единого станут вашими врагами, так как в их представлении ваше поведение будет значить, что вы перешли на сторону нирбоа и заплатили им за их самоотверженную любовь к вам самой черной неблагодарностью! Едва вы уйдете, то Виллиго, а за ним и все воины смоют военную татуировку с лица, и тогда ничто на свете не заставит их снова взяться за оружие ради защиты ваших интересов! Подумайте только обо всем, что эти нагарнуки сделали для вас за эти два года; подумайте, что с минуты на минуту их услуги могут снова понадобиться вам! Кроме того, я должен вам сказать, Оливье, что я, ваш испытанный друг, не последую за вами, если вы уйдете теперь отсюда: я не хочу оказаться изменником в глазах этих людей.

— Что вы на это скажете, капитан? — обратился Оливье к Джонатану Спайерсу.

— Я согласен с вашим другом, — отвечал Красный Капитан, — по-моему, он прав. Но если вы все-таки сочтете нужным удалиться, то я последую за вами!

— Благодарю! — сказал граф, пожимая его руку. — Я решил остаться!

Между тем женщины продолжали истязать пленников. Вооружившись острыми кремневыми ножами, они срезали тонкими пластами мясо с разных частей тела несчастных и тотчас же прижигали рану горячей головней, чтобы остановить кровь. Время от времени мегеры прерывали свое ужасное занятие ликующими песнями и плясками вокруг своих жертв, которые с героическим мужеством воспевали, не переставая, подвиги своего родного племени.

— Вах! Вах! — пели они хором. — Нагарнуки — не дети Моту-Уи, Великого Духа; они рождены из грязи! Они не смеют глядеть в глаза воинам! Покажите нам ваши раны, трусливые опосумы, вонючие коршуны, вас ранили только в спину! Вах! Вах! Нирбоа — славные воины, нагарнуки — женщины!

И так продолжали они петь часами, днями. Если смерть долго не приходила, они все-таки должны были петь даже при самых невыразимых пытках и смеяться, когда обнажали их кости, когда им отсекали член за членом; петь до последнего издыхания, до последнего проблеска жизни, чтобы не прослыть малодушными

трусами. Оливье отворачивался, чтобы не видеть всех этих ужасов. Канадец стоял неподвижно, с удивительным стоицизмом относясь к происходившему: он уже не впервые видел все это и сам был некогда привязан нирбоа к столбу пыток.

При каждом новом стихе военного гимна пленных, при каждом их кличе женщины придумывали новые пытки для несчастных. Когда же муки становились непосильными, страдальцы с воем выкрикивали свой военный клич и этим всем заглушали крик невыносимой муки. Но сколько ни крепился Оливье, нервы его наконец не выдержали, и, слабо вскрикнув, он лишился чувств. К счастью, перед этим гостям были предложены освежительные напитки, в том числе и вода, и несколько капель воды помогли привести графа в чувство, так что этот эпизод, среди общего возбуждения и шума остался незамеченным.

— Ах Дик, Дик! Зачем вы заставили меня присутствовать при подобном зрелище! — воскликнул он, и старый траппер был расстроен этой почти детской жалобой до слез.

Между тем страшная сцена подходила к концу. День начал клониться к вечеру; солнце спускалось к горизонту. Матери пяти молодых нагарнуков, замученных нирбоа на прошлой неделе, стали просить, чтобы им было предоставлено удовольствие нанести несчастным смертельный удар, что и было исполнено: это было их законное право. Тогда каждая из них избрала самое ужасное, что она могла только придумать; перо отказывается описывать все это; достаточно будет сказать, что когда изуродованные до неузнаваемости останки человеческих тел были наконец брошены в костер, то они уже не имели ни рук, ни ног, ни глаз, ни носа, ни ушей, ни губ; это были просто окровавленные торсы, не имеющие даже человеческого подобия.

Остальная часть праздничной программы была более отрадной и представляла собой не столь кровавое зрелище. На громадную площадь, то есть целую поляну, окруженную сплошным кольцом воинов, вооруженных длинными копьями, были выпущены с десятков живых кенгуру, и молодые нагарнуки должны были, состязаясь с ними в быстроте ног, затравить их, то есть загонять так, чтобы в конце концов изловить их руками; воины же с копьями не давали затравленным животным прорваться через их цепь. Менее чем за полчаса все десять животных были изловлены и затем торжественно доставлены Верховному Жрецу. После этого молодые воины упражнялись еще в разных играх, проявляя необычайную ловкость, меткость и проворство.

Последний и важнейший акт торжества, то есть самое посвящение преемника хранителя Священного Огня, произвело громадное впечатление на нагарнуков, еще не видевших этого обряда. В тот момент, когда солнце скрылось с горизонта, громадный хор,

состоящий из мужчин и женщин всего племени, запел еще раз гимн Священному Огню, и Великий Хранитель, или Верховный Жрец, держа за руку своего старшего сына и преемника по должности, медленно прошел через громадный костер, достигавший свыше тридцати футов длины и сооруженный наподобие двух толстых стен, сходящихся между собой в вершине, то есть наподобие туннеля в пирамиде. Под этой горящей пирамидой, сквозь этот узкий проход должны были пройти, торжественно и плавно, отец и сын — хранители Священного Огня. Три раза повторили они этот фокус, приведший всех в восторженное недоумение, кроме графа и Красного Капитана.

— Я готов сейчас же проделать то же самое, — сказал американец, — всем изучавшим физику давно известно, что человек безнаказанно может провести две или две с половиной минуты в раскаленной хлебной печи при условии, что он будет совершенно нагим, как эти жрецы: происходящее при этом сильное испарение тела вокруг него образует пар, имеющий значительно более низкую температуру, чем окружающая среда, и этого достаточно, чтобы на короткое время предохранить человека даже от ожогов. Таким образом плавильщики безнаказанно погружают свои руки в котлы с расплавленным оловом! — объяснил Красный Капитан Дику.

— Да... великое дело наука! — протянул канадец задумчиво.

Тем временем совершенно стемнело, и нагарнуки направились вслед за хозяевами Франс-Стэшена к усадьбе, где был приготовлен для них пир. Обильные яства и напитки красовались на длинных низких столах, скорее мостках, под открытым небом для туземцев, а в столовой был накрыт стол для европейцев и избранных гостей.

Какое громадное количество яств требовалось для восьми тысяч человек, аппетит которых был подстегнут разнообразными переживаниями этого дня и всяческими телесными упражнениями, трудно себе представить, тем более, что австралийцы имеют обыкновение есть до полного изнеможения, до потери сознания! Когда после трапезы гости успели немного соснуть и прийти в себя, были пущены фейерверки, эффект которых превзошел все ожидания. Нагарнуки, никогда не видевшие ничего подобного, в неописуемом восторге огласили воздух громкими криками; европейцы, в свою очередь, приветствовали виновника торжества единодушным «ура», как вдруг ровно в восемь часов вечера громадный сноп серебристо-белого света вырвался из середины озера и, охватив весь небесный свод, заставил поблукнуть ракеты фейерверка. Этот свет озарил все озеро, как солнце освещает всю окрестность; кругом стало светло, как днем, и фей-

ерверк утерял свою прелесть и красоту. Оливье тотчас же распорядился прекратить его, да никто уже и не интересовался им более. Туземцы кинулись на землю животом вниз и лежали, уткнувшись в нее лицом, полагая, что это появление Моту-Уи по случаю праздника огня, а европейцы решили, что это сюрприз, приготовленный графом для всеобщего увеселения.

Только Джонатан Спайерс в тот момент, когда сноп света вырвался из середины озера, спокойно взглянул на свои часы и прошептал:

— Прекрасно, этот славный Дэвис точен, как хронометр!

Оливье, бледный, как смерть, не в состоянии был вымолвить ни единого слова в ответ на приветствия и поздравления своих гостей, отлично зная, кому и чему следует приписать это удивительное явление.

— Что вы на это скажете? — обратился он к Джонатану Спайерсу.

— Поздравляю вас с успехом; вам для этого понадобился, конечно, рефлектор очень большой силы!

Оливье не стал разуверять его и решил отложить до завтра все разъяснения своих отношений с Невидимыми и все то, что ему уже пришлось пережить благодаря этому. Джонатан же только и ждал этого сигнала, чтобы знать, что на «Ремэмбере» все благополучно и находится в полной готовности для его возвращения. Он как раз избрал это время, чтобы под предлогом усталости попросить у любезных хозяев разрешения удалиться. Оливье нашел это весьма естественным и, извинившись, что не может лично проводить его в предназначенное для него помещение, так как не желает оставить своих гостей, нагарнукских вождей, одних за трапезой, за которой он, как хозяин, непременно должен председательствовать, если не желает нанести им оскорбление, приказал одному из своих слуг проводить капитана в его комнату, а затем обменялся с ним дружеским рукопожатием со словами: «До завтра!»

— Непременно, я буду ждать!

Как только Красный Капитан остался один в той части дома, которая была предоставлена ему, он вздохнул с облегчением: наконец-то он может начать действовать! Не теряя ни минуты, он осмотрел свой револьвер, изготовленный по его специальному заказу, 12-миллиметрового калибра, бьющий на двести шагов, с коническими разрывными пулями, начиненными фульминатом*.

* Ф у л ь м и н а т ы — соли гремучей кислоты.

Ружье он оставил на столе, так как оно могло только стеснить его на ходу, и с револьвером в руке, крадучись, выбрался через черный ход из дома.

Но в тот момент, когда он готов был перешагнуть через порог, ему показалось, что какая-то темная тень скользнула в кусты. Он тотчас отступил назад и, выждав некоторое время, стал напряженно присматривался. Прошло десять минут! Ничто нигде не шелохнулось; тогда он тихонько пробрался в ближайшие кусты и сквозь них в обход выбрался к озеру намного дальше того места, где все еще пировала вблизи дома темнокожая толпа. Теперь он пустился бежать со всех ног к тому месту, где оставил утром «Лебедя». Он рассчитывал застать своих людей наготове, так как знаком, сделанным им негру, извещал, что вернется на судно спустя несколько часов после заката. Менее чем в пятидесяти метрах позади него две черных тени неслись, как на крыльях ветра, едва касаясь ногами земли, словно призраки. То были Виллиго и Коанук, который сегодня более, чем когда-либо, оправдывал свое прозвище Сына Ночи.

Сухошавый и мускулистый, Джонатан Спайерс был чрезвычайно проворен, и нагнать его было тем труднее для Виллиго и Коанука, что те должны были остерегаться быть замеченными. Кроме того, ночью они не могли так твердо рассчитывать на меткость своих бумерангов.

В Красном Капитане Виллиго угадывал незаурядного противника, и захватить его врасплох было не так-то просто. Правда, им казалось, что он был безоружен, но тем не менее обоих нагарнуков томило какое-то мрачное предчувствие, и, кроме того, они испытывали невольное уважение к личности этого человека, построившего такое удивительное судно, как то, которым они завладели сегодня утром.

Как ни странно, Джонатан Спайерс тоже ощущал какую-то неясную тревогу. «Что, если я не застану «Лебедя» на месте», — спрашивал он себя, и холодный пот выступал у него на лбу. Но разве подобная мысль не была безумием? Кто мог узнать секрет управления этим судном? Разве он не был уверен в своих людях, как в самом себе? Пусть так! Но все же он был неосторожен, оставив верхний люк «Лебедя» открытым, благодаря чему можно было отодвинуть медную планку, скрывавшую хрустальные кнопки, что при иных условиях было невозможно. И капитан дал себе слово никогда больше этого не делать.

Еще несколько минут, и он уже на месте; вот и большая поляна, представлявшая продолжение леса, который начинается у того самого места, где спрятан «Лебедь». И вот он уже на отмели; он подает условный знак, но ответа нет.

Дрожащей рукой капитан раздвинул прибрежные кусты, мешающие ему видеть эту часть озера, и жадно впился глазами в его хрустальную поверхность, но «Лебедь» исчез. Нигде, куда не кинешь взгляд, на всем громадном водяном пространстве не было ни малейшего признака исчезнувшего судна. Между тем на озере, залитом луной, светло, как днем!

Горло у капитана пересохло; он пытался крикнуть, но что-то сдавило ему горло, и, не успев он во время ухватиться за ствол корявой ивы, он упал бы в воду.

— Уж не сума ли я схожу! — пролепетал он вне себя от страха. — Нет, я, вероятно, ошибся: это невозможно... «Лебедь» стоит на якоре несколько выше!

Капитан сделал еще несколько шагов вперед и опять посмотрел. Нет, он не ошибся: это то самое место, где он поутру оставил свой корабль!

Сначала его отчаяние было столь велико, что машинально блуждавшие по револьверу пальцы его руки внулили ему мысль покончить с собой. Но в тот же момент в нем вспыхнула такая жажда мщения, что он вновь захотел жить, хотя бы только ради этого. Теперь его мучило уже не столько само исчезновение «Лебеда», сколько та тайна, которая окружала все происшедшее. У него мелькнула было мысль, уж не завладел ли Иванович одним из его рукописных трудов, относящихся к управлению «Ремэмбер», и не воспользовался ли он почерпнутыми из него сведениями, чтобы, маневрируя «Ремэмбером», захватить «Лебеда», но ему тотчас же это предположение показалось невероятным. Разве его верный Дэвис и весь преданный ему экипаж допустили бы что-либо подобное?! Кого же в таком случае обвинять?! Весь персонал Франс-Стэшена был все время там налицо; подозревать туземцев ему не приходило в голову, до того это казалось невозможным.

И, не зная виновника, капитан поклялся отомстить ему еще более жестоко, чем мстили сегодня утром своим пленникам на гарнукские женщины за своих сыновей. Если ему не удастся найти «Лебеда», то ведь все его десять лет каторжного труда пропали тогда даром! А что станет с его несчастными друзьями там, в «Ремэмбере», на дне озера? Как может он добраться до них, на глубину свыше трехсот футов?! Для этого необходимо вернуться в Сан-Франциско и приказать построить специальный аппарат, так как обычного подводного колокола в данном случае было бы недостаточно. Но на это потребовался бы год, а как знать, что за это время могло произойти на «Ремэмбере»! Нарушение дисциплины могло привести к ужасным последствиям... Мо-

жет ли Дэвис удержать механиков от какой-нибудь безумной попытки с целью вырваться из этой подводной тюрьмы?! Малейший пустяк мог приостановить нормальное и беспрепятственное выделение электричества из аккумуляторов, и тогда машина, продолжающая вырабатывать электричество, настолько насытит им все аппараты, что «Ремэмбер» разорвет, как паровой котел без предохранительных клапанов.

Все эти мысли с быстротой молнии пронеслись в голове капитана, и он решил дожидаться дня, чтобы предпринять расследование, так как не могли же бесследно исчезнуть судно и три человека. Оставалось еще предположение, что «Лебедь» унесло одним из подводных течений, и так как экипаж не мог ничем воспротивиться этому, то оно и пошло ко дну вместе с ним. Эта страшная мысль почти утешила его!

Теперь он удалился на несколько шагов от берега, чтобы при свете ослепительно яркой луны посмотреть, нет ли каких следов, оставшихся от пропавшего судна, как вдруг ему показалось, что вдали, шагах в пятидесяти от него, мелькнула какая-то тень! Такое же ощущение было у него и тогда, когда он выходил из дома во Франс-Стэшене, и это заставило его призадуматься.

На этот раз он решил выяснить, ошибается он или нет. С этой целью он вышел на дорогу и, постояв с минуту как бы в нерешительности, бросился вдруг в сторону, обратную той, с которой пришел, а спустя несколько минут, воспользовавшись поворотом дороги, одним прыжком очутился в кустах, где и притаился, держа наготове револьвер. Вскоре двое австралийцев, очевидно, преследовавших его, показались на дороге. Они миновали его, но, пробежав шагов тридцать или сорок, остановились, почуяв своим инстинктом дикарей, что сбились со следа. Красный Капитан видел, как они, посоветовавшись о чем-то, расстались и принялись исследовать кусты по обе стороны дороги.

Спайерс все это видел; не будучи труслив, он все еще хотел удостовериться в намерениях туземцев и ничего не предпринимал против них. Но, не желая, чтобы они напали на него в кустах, сам решительно выскочил на дорогу и встал в полосе лунного света лицом прямо к ним.

При виде его оба австралийца вскрикнули от удивления и, точно сговорившись, отскочили назад и пустили свои бумеранги с уверенностью людей, никогда не промахивавшихся. Но капитан предвидел их движение и как раз вовремя бросился на землю пластом, так как бумеранги обоих дикарей просвистели над его головой. Опоздай он на две секунды, и страшное оружие раскрыло бы ему череп.

Австралийцы же были так уверены в меткости своего удара, что внезапное падение на землю капитана объяснили это делом своих рук и с криком торжества устремились к нему, чтобы снять скальп. Но радость их была непродолжительна; капитан дал им приблизиться на половину расстояния и, прежде чем нагарнуки успели прийти в себя от изумления, вскочил и, наведя на них револьвер, спустил курок. Виллиго упал, как сноп, без стопа, без крика. Коанук кинулся к нему, вероятно, желая поднять его на плечи и скрыться вместе с ним в буше, но едва он склонился к вождю, как раздался еще выстрел, и молодой воин пал мертвым подле своего друга.

— Ага, друзья мои, чтобы справиться с Красным Капитаном, нужно побольше двух человек! — воскликнул Джонатан Спайерс. — Теперь-то я знаю хоть первое слово загадки!

Снова зарядив свой револьвер, он подошел к австралийцам, держа наготове оружие, но оба нагарнука лежали на траве, окрашенной их кровью, со сжатыми кулаками; оба они были ранены в грудь. Джонатан склонился к Коануку и осторожно приподнял его руку, которая тотчас же безжизненно упала вдоль тела юноши.

— Да... этот готов! — прошептал капитан и стал вглядываться в его лицо. Но оно не было ему знакомо. Тогда он наклонился над другим нагарнуком, и при первом же взгляде у него вырвался невольный крик: это был Виллиго, друг молодого графа.

— А... так значит, граф подослал их убить меня, меня, который готов был посвятить ему всю свою жизнь! Так стань же вновь Красным Капитаном, живи лишь ненавистью и мщением! — мысленно вскрикнул он. — Гостеприимство, честь и дружба — все это глупые слова, которыми люди играют, чтобы обмануть себе подобных!

Но вскоре его мысли приняли другой оборот.

— Нет, я безумец! Как я мог заподозрить графа? Разве это такой человек? Он единственный человек, который подал мне руку помощи, он, рискуя своей жизнью, хотел сегодня спасти несчастных пленников. Нет! Нет!.. Разве он не говорил, что рассчитывает на мое содействие, разве он не готовился открыть мне через несколько часов свою душу, свои опасения и надежды?! Нет, нет, он здесь ни при чем! В таком случае дело еще больше осложняется... Значит, здесь, во Франс-Стэшене, должен быть удивительно сильный человек, удивительно умный, которому рабски повинуются туземцы и который какими-то судьбами добрался до моей тайны! Чем же иначе объяснить исчезновение «Лебеда» и безумное покушение на мою жизнь?! Но кто может быть этот

человек? Какую цель он преследует? Я во что бы то ни стало должен найти его, и молодой граф поможет мне в этом!

В этот момент, взглянув на труп Виллиго, капитан невольно содрогнулся: ему казалось, что австралиец смотрит на него грозно и свирепо. Широко раскрытый глаз нагарнука смотрел неподвижно, как глаз мертвеца, который забыли закрыть после смерти; казалось, его взгляд с упорной настойчивостью направлен на капитана. Последнему стало жутко под этим упорным, неподвижным взглядом, он машинально вытянул вооруженную револьвером руку и хотел было спустить курок, чтобы уничтожить эти назойливые глаза, но раздумал. «А что, если он не мертв, — подумал капитан, — какую невероятную силу воли должен он иметь, чтобы оставаться таким неподвижным под дулом моего револьвера?! Нет, не следует обезображивать труп врага!» — И он опустил свой револьвер.

Теперь он подумал о том, что надо избавиться от трупов; в его интересах, чтобы никто до поры до времени не узнал о смерти этих двух туземцев. Подозрение в их смерти легко могло пасть на него, и тогда их единоплеменники непременно отомстят ему за их смерть. Если бы он мог добраться до «Ремэмбера», то, конечно, не стал бы даже и думать об этом, но раз ему приходилось отправляться в Соединенные Штаты, то необходимо было, чтобы смерть этих туземцев оставалась тайной на то короткое время, которое ему придется провести в доме Оливье.

Озеро было тут, под рукой, и проще всего было, конечно, сбросить туда трупы нагарнуков. Он знал, что они всплывут не раньше, как на седьмые или восьмые сутки, а этого было для него более чем достаточно.

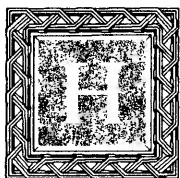
Поэтому, стащив трупы обоих убитых за ноги на край обрывистого берега, он слегка подтолкнул их ногой, и они сами скатились под откос в озеро.

Джонатан Спайерс некоторое время смотрел на воду, по которой расходились концентрические круги, пока все не успокоилось.

— Ну, а теперь, — сказал Красный Капитан, направляясь к дому графа д'Антрэга, — посмотрим, какой свет прольет на это дело мой разговор с молодым графом!

XIV

Письмо Джона Джильпинга. — На откорме у нготаков. — Похищение.

ОЧЬ ПОСЛЕ ПРАЗДНЕСТВА ОГНЯ БЫЛА богата событиями. Часов около двух ночи молодой нирбоа, посланный тайком Джильпингом к своим друзьям, прибыл во Франс-Стэшен и попросил, чтобы его немедленно допустили к Оливье.

Оливье принял его тотчас же, и молодой нирбоа, оставшись с ним наедине, достал из пучка перьев, украшавших его прическу, маленькую свернутую в трубочку бумажку, которую и вручил графу. Молодой нирбоа сделал это для того, чтобы нготаки не увидели этой бумажки, так как со времени ухода Виллиго и Коанука, приходивших звать Джильпинга в гости, нготаки стали еще бдительнее следить за своим кобунгом, опасаясь, чтобы его не похитили у них. Они не стали даже выпускать из своей деревни письма, которые бедный Джильпинг писал своим друзьям, и только каким-то чудом бедняге удалось уговорить случайно зашедшего к нготакам молодого нирбоа доставить его письмо во Франс-Стэшен.

Развернув скрученную бумажку, оторванную Джильпингом от края какого-то журнала, граф прочел следующие строки, наскоро набросанные карандашом:

Дорогие дженгльмены и друзья!

Ради Бога спешите освободить меня. На рассвете следующего дня меня хотят татуировать, и это решение, принятое единогласно старейшинами, неотвратимо. Мой голос не подействовал на них; напрасно я старался убедить, что честь татуировки оскорбительна для моей скромности. Ничто не помогло; очевидно, традиция требует, чтобы кобунг носил на своем лице и теле всю историю своего племени. Я бы, может быть, и подчинился этому из уважения к древней традиции, но подумал о том, что будущий лорд и член палаты лордов не имеет права превращать себя в произведение искусства. Спешите, завтра уже будет поздно!

Джон Джильпинг, будущий пэр Англии и член палаты лордов, лорд Воанго из Джильпинг-Холла, кобунг племени нготаков

Оливье тотчас же сообщил об этом письме канадцу, и решено было немедленно отправиться на выручку своего друга, чтобы спасти от татуировки хотя бы его лицо.

Ввиду срочности этого дела Оливье решил отложить свой разговор до послезавтра и, не желая беспокоить спящего гостя, собирался предупредить его об этом лишь в момент ухода.

Канадец был того мнения, что с нготаками следует вести себя дипломатично, то есть не брать с собой никого из нагарнуков, чтобы не дать повода к новой войне между этими двумя племенами; в крайнем случае, если бы понадобилось прибегнуть к силе, двадцати человек приисковых рабочих было более чем достаточно, чтобы отбить у нготаков их друга.

Час спустя по получении письма все было уже готово. До большой деревни нготаков было около шести часов пути. Но Оливье, Дик, Лоран и Кэрби, сев на быстроногих мустангов и прихватив с собой молодого посланца, рассчитывали прибыть на место еще до рассвета. Одного их присутствия, как они считали, будет достаточно, чтобы помешать насильственной татуировке Джильпинга; если же это окажется не так, то вслед за ними должен прибыть и отряд приисковых рабочих.

Перед тем, как сесть на коня, Оливье зашел к своему гостю, но, увидев, что он крепко спит, просто оставил извинительную записку.

Минуту спустя маленький отряд мчался во всю прыть к территории нготаков; одновременно с ним выступил и маленький отряд приисковых рабочих под командой Коллинза.

Пока наши друзья спешили к нему на помощь, мы посмотрим, чему почтенный проповедник был обязан тем, что стал кобунгом нготаков.

Читатель, вероятно, помнит, что когда Дик и Оливье поспешили на помощь осажденному нирбоа ранчо Кэрби, Виллиго и Джильпинг остались в лесу, чтобы доставить на место все припасы, оружие и ящики с зоологическими коллекциями Оливье и Джильпинга.

Этими коллекциями Джильпинг дорожил настолько, что даже опасность оставаться при них не остановила его, хотя в этот момент чуть ли не весь буш был охвачен войной. И дундарупы, и нирбоа, и нготаки, и нагарнуки были на военной тропе, и Виллиго отлично сознавал всю грозившую их маленькому каравану опасность. Джильпинг же совершенно не верил в нее, самонадеянно думая, что статус английского подданного ограждает его от всякого покушения на его особу.

Уверенность его дошла до того, что, оставшись один с Виллиго после ухода остальных, он заснул самым безмятежным сном, но вскоре ему пришлось пробудиться. Дело в том, что желудок англичанина не мог долгое время обходиться без работы, отличаясь необычайным трудолюбием. Несмотря на то, что кругом в первых лучах восходящего солнца пробуждалась природа и все было полно красоты и гармонии, Джильпинг способен был ощу-

щать красоты природы лишь на полный желудок, а потому он обратился к Черному Орлу с вопросом, не имеет ли тот что-либо против утреннего завтрака.

Так как Виллиго был в хорошем расположении духа, то с готовностью согласился и, оставив караван под великолепным, раскидистым панданом, с наслаждением растянулся под арбой и заснул сном праведника: он две ночи подряд перед этим не смыкал глаз.

Джилльпинг с блаженной улыбкой открыл свои жестянки с консервами и принялся готовить завтрак. Тут были и омары под горчичным соусом, и морская рыба, и анчоусы, и сливочное масло, и знаменитый честер, и ко всему этому, в качестве приправы, пикули и горчица, а также три бутылки эля и фляжка бренди. Когда все было готово, англичанин любовно оглядел свой лукулловский завтрак и только собрался оказать ему честь, как дикие крики огласили воздух, и весь лес наполнился вооруженными нготаками с лицами покрытыми ужасной татуировкой.

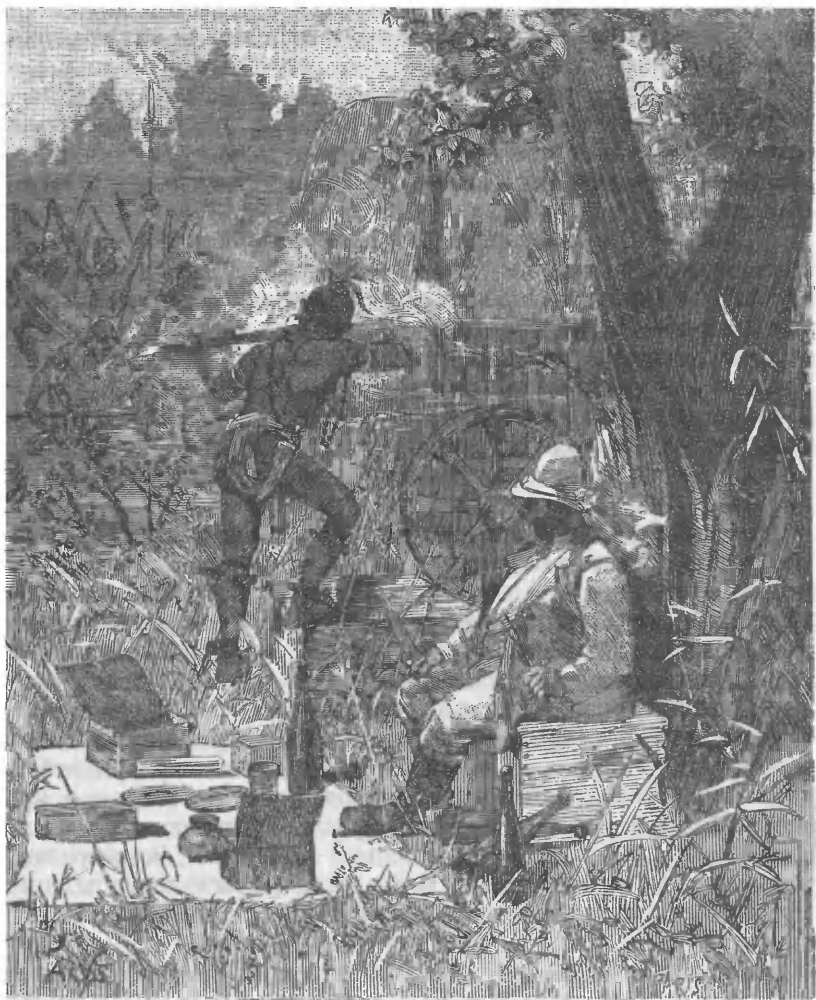
Черный Орел мгновенно очутился на ногах; понимая всю опасность этого неожиданного нападения, он, притаившись за фургоном, открыл огонь из своего многозарядного ружья. Это заставило нготаков отступить. По быстроте следовавших один за другим выстрелов австралийцы, не знакомые еще с усовершенствованным оружием, заключили, что в фургоне запрятано по крайней мере человек двадцать белых.

Немного отступив, они стали совещаться, что позволило Виллиго вставить полтора десятка новых зарядов в свое ружье. Зная по опыту, что мертвая тишина, наступившая после первого беглого огня, несравненно сильнее подействует на нготаков, чем непрерывная стрельба, он стал терпеливо выжидать удобного момента. Вспомнив при этом о ящике с оружием, Виллиго воспользовался этим небольшим перерывом, чтобы вытащить ящик из фургона и спрятать в кустах, где его трудно было заметить и найти.

Покончив с этим, вождь, сознавая, что силы врага слишком велики и что открытая борьба ни к чему не приведет, обратился к Джилльпингу, который с простодушным любопытством наблюдал за дикарями, не прерывая своего завтрака:

— Воанго, возьмите ваше ружье, сделайте большой прыжок в кусты, которые находятся за вашей спиной, и бегите скорее вниз к Лебязьей реке, а затем следуйте по ее берегу. А я, чтобы отвлечь их внимание, кинусь в противоположную сторону; они станут преследовать меня, а вы тем временем успеете уйти! Спешите только, Воанго, а то через минуту уже будет поздно.

— Благодарю вас, Виллиго, — крикнул ему англичанин, — но я не понимаю, зачем мне вмешиваться в ваши дела: они касаются

только вас, а я — англичанин. Какое мне дело до ваших счетов между собой?!

Но Виллиго, не дожидаясь его ответа, уже бросился в кусты и почти тотчас же скрылся из виду.

Дикие крики огласили воздух, и человек пятьдесят нготаков пустились по его следу. «Это будет славная гонка, — подумал про себя Джильпинг, продолжая свой завтрак и наблюдая за проис-

ходящим с благодушием постороннего зрителя. — Положительно не понимаю, почему Виллиго хотел заставить меня бежать к реке, не дав мне окончить завтрак! Я, черт возьми, британский подданный, и эти дикари, конечно, не посмеют меня тронуть! Они отлично знают, что при малейшем оскорблении, нанесенном британскому подданному, должны будут уплатить полмиллиона франков штрафа, принести официальные извинения и салютовать двадцатью пятью пушечными выстрелами английскому флагу! Вот чем они рискуют! Но как они забавно смотрят на меня... Что, однако, значит быть уроженцем Лондона... и как мы можем гордиться, что находимся под защитой британского флага! Даже эти дикари испытывают к нему невольное уважение!»

Рассуждая таким образом, Джильпинг протягивал руку то к жестянке с омарами, то к анчоусам. Вдруг дикие крики и неистовый вой снова огласили воздух и раздались почти над самым его ухом; нготакі принялись перескакивать через кусты прямо на то место, где расположился Джильпинг.

«Пусть себе забавляются, — подумал тот, — то были их песни, а то их пляска. Предобродушные люди, можно сказать!»

Но прежде, чем он успел отдать себе отчет в случившемся, эти добродушные люди набросились на него, повалили, связали ему руки и, накинув петлю на шею, привязали его к дереву так, что при малейшем движении он мог сам затянуть на себе петлю.

Сначала он отбивался и кричал:

— Да разве вы не знаете, что я — британский подданный?! Вы дорого поплатитесь за это нападение, за такое насилие над свободным гражданином Великобритании!

Но никто ему ничего не отвечал; шум и гам только усиливались.

— Теперь они притворяются, что не понимают меня! Не понимают английского языка! Я заявляю, что протестую против подобного обхождения и сейчас же напишу на вас донесение министру иностранных дел! Тогда пеняйте только на себя!

Между тем нготакі набросились на его завтрак и с удивительным прожорством стали уничтожать ростбиф, сыр и консервы, обнюхивая и облизывая все, а затем накинлись на напитки; пиво австралийцам не особенно понравилось, но зато бренди снискало всеобщее одобрение. Когда ничего более не осталось, туземцы принялись кривляться и плясать, потирая себе желудок.

Какое мучение это было для Джильпинга, который не успел еще утолить свой голод!

— Ах, негодяи, мерзавцы, дикари... Проглотить, как акулы, шесть фунтов сыра... настоящего честера! — и почтенный англичанин погрозил им кулаком, а затем, забыв про накиннутую на шею петлю, рванулся вперед, так что чуть было не задушил себя.

Между тем дикари, уничтожив весь завтрак, кинулись к фургону, надеясь найти там еще другие лакомства, но первый ящик, который они раскрыли, содержал зоологические коллекции Джильпинга; к немалому ужасу туземцев, из ящика посыпались превосходно набитые чучела ящериц, змей и других животных. При виде их туземцы, полагая, что вся снедь под действием чар колдовства обратилась в гадов, с ужасом бросились от фургона, и это обстоятельство спасло от гибели не только ценные коллекции Джильпинга, но и громадные запасы снарядов, амуниции и разных съестных припасов. Раздраженные до бешенства дикари окружили Джильпинга с угрожающими жестами, считая его виновником колдовства.

— Привяжите его к столбу пыток! — сказал вождь. — Посмотрим, как умеют умирать белые люди!

С криками и гримасами дикари окружили Джильпинга и в одну минуту привязали его к высокому пню.

— Хорошо, хорошо! — твердил Джильпинг. — Это будет стоить вам еще лишних сто тысяч франков! Связать британского подданного! Да знаете ли что это значит?

— Ты должен умереть! — сказал ему вождь на своем родном языке, которого, конечно, англичанин не понимал.

— Что ты бормочешь, полно шутить! Говори по-английски, и мы с тобой сговоримся!

— Пой свою предсмертную песню! — продолжал вождь и сделал жест рукой.

Джильпинг подумал, что вождь указал ему на его кларнет, висевший, по обыкновению, у него за плечом.

— А, ты хочешь, чтобы я сыграл тебе что-нибудь! Недурной у тебя вкус... Развяжи мне руки, и я тебе сыграю! — и он показал, что руки его связаны и их надо развязать.

Обычай требовал не отказывать ни в чем воину, который должен умереть, за исключением, конечно, возвращения ему свободы. Не заставляя просить себя, вождь одним ударом ножа перерезал лианы, связывавшие руки пленника. Джильпинг вздохнул с облегчением.

— Ну вот, теперь я сыграю одну маленькую вещицу, и вы вернете мне свободу, не так ли?!

Вождь кивнул головой в знак того, что, мол, мы ждем, но Джильпинг принял это за согласие и, радостно схватив свой кларнет, сыграл какую-то веселенькую а прелюдию, затем сыграл блестящие вариации на тему одного известного вальса.

Туземцы впервые слышали подобную музыку, так как их музыканты до сего времени только ударяли в такт камень о камень. Их немое восхищение и удивление вскоре перешли в сладкое очарование; усевшись кружком на траве, они плавно раскачивали головами, в сладостной истоме закрывая глаза и

давая убаюкивать себя гармонией звуков. Когда же в музыке появился быстрый темп вальса, дикари, точно по команде, вскочили на ноги и принялись отплясывать, издавая при этом странные звуки, означавшие восторг и возбуждение.

Вдруг кто-то, точно под впечатлением внезапно озарившей его мысли, крикнул:

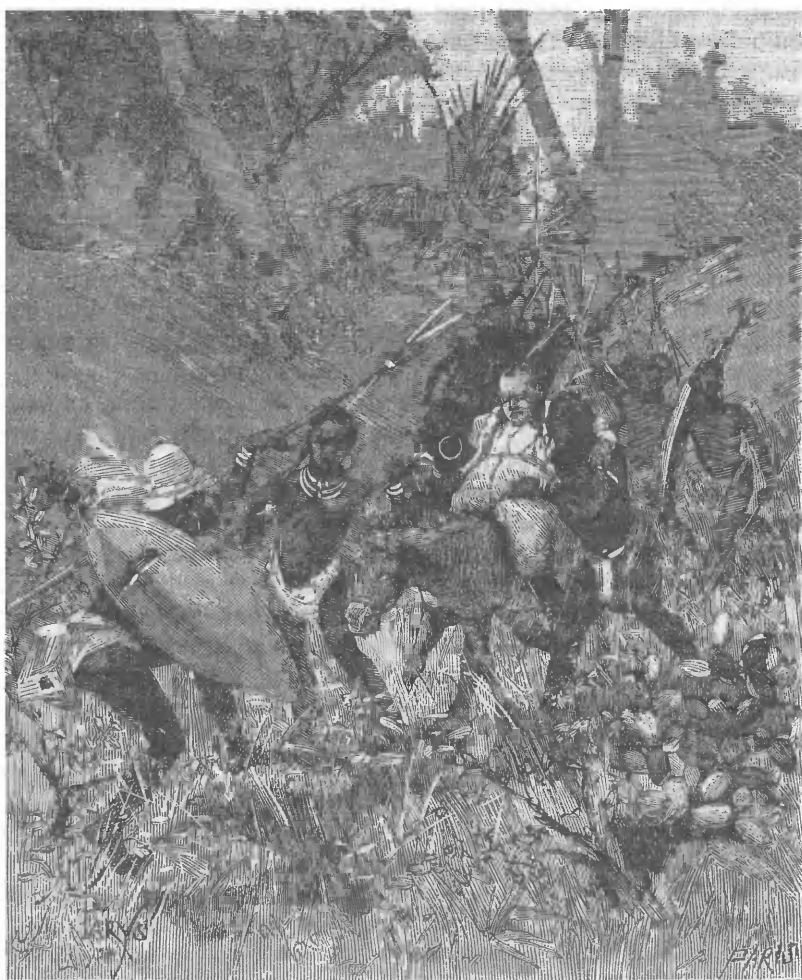
— Кобунг поппа! Кобунг поппа!

— Кобунг поппа! — повторили хором остальные, кидаясь в ноги Джильпингу, и начали один за другим носом тереться об его сапоги. Это означало, что пред ними белый кобунг, дружественный дух какого-нибудь предка, за которого туземцы приняли Джильпинга. Простодушные дикари вдруг уверились, что он — добрый дух их племени, пришедший принести им счастье, радость и всякое благополучие, как о том гласило старое предание, по счастливой случайности предсказывавшее появление такого кобунга, как раз в это время. Джильпинга тотчас же отвязали от дерева со всевозможными знаками уважения, а самонадеянный британец приписал это тому, что в нем только сейчас признали англичанина.

— Ну, хорошо, хорошо, друзья мои! Ошибка, конечно, возможна; я не буду требовать с вас никакой пени за вашу беспримерную дерзость. Во всем остальном дело решит министр Пальмерстон... Правда, он не очень-то снисходителен, когда дело идет о британских интересах, но ведь вы сами понимаете, что тут задета честь английского флага! Впрочем, я постараюсь выгородить вас, а теперь оставьте мои сапоги в покое: вы слижете с них весь крем, и позвольте мне пожелать вам доброго утра. Впрочем, нет, не будете ли вы добры проводить меня на ферму Кэрби? Я не знаю туда дороги! Вы оказали бы мне этим большую услугу!

Пока он говорил, австралийцы благоговейно слушали его, говоря друг другу: «Так вот на каком языке изъясняются на луне наши предки!... Теперь для них казалось несомненным, что этот кобунг ночью упал с луны и что Виллиго хотел завладеть им для своего племени. Какая радость! Какое торжество для них — привести в свою деревню настоящего кобунга! Он, несомненно, для них спустился с луны, так как в его наружности не было решительно ничего, напоминающего нагарнуков; некоторые из старцев хвастались даже, что они узнают его, что это — старый, тучный вождь Каттвагонг, пришедший для того, чтобы осчастливить их после своей смерти!

Видя покорность австралийцев, Джильпинг воспользовался их миролюбивым настроением, чтобы позавтракать, и под конец угостил их пением псалма и повторением его мотива на кларнете, к вящему и неописуемому восторгу своих новых друзей.

После завтрака, собрав кое-какие свои пожитки, Джильпинг с большим трудом взобрался на спину своего верного Пасифика и двинулся вперед, как он полагал, к ферме эсквайра Кэрби.

Но едва он отъехал от места своей стоянки на несколько шагов, как его стало клонить ко сну, веки его сомкнулись и голова свесилась на грудь. Два рослых нготака, став по обе стороны его осла и шагая с ним в ногу, поддерживали почтенного

мужа с двух сторон, не давая ему упасть. Убаюканный мерной качкой спокойного шага далеко не ретивого Пасифика, будущий лорд Воанго вскоре заснул крепким сном и пробудился только тогда, когда равномерная и баюкающая качка вдруг приостановилась: шествие, центральной фигурой которого являлся Джильпинг, прибыло на место.

Но увы! То была не ферма Кэрби, а большая площадь деревни нготаков, где население предупрежденное об его прибытии скороходами, забежавшими вперед, встретило его шумными и радостными приветствиями.

Таким образом Джильпинг остался у нготаков, где усердно трудился, с одинаковым как он думал, успехом и над составлением своих зоологических коллекций, и над обращением туземцев в лоно англиканской церкви.

Такое положение вещей длилось уже более года, когда Совету Старейшин вдруг пришла мысль татуировать их кобунга, чтобы никакое другое племя не могло отнять его. Только это обстоятельство и вынудило Джильпинга обратиться за помощью к его прежним друзьям.

Благодаря их вмешательству все обошлось благополучно. Отправившись из Франс-Стэшена около трех часов утра, наши герои еще до рассвета прибыли в деревню нготаков. Все еще спали крепким сном, в том числе и двое стражей Джильпинга-кобунга, завернувшихся в теплые кенгуровые шкуры и расположившихся у дверей, ведущих в священную ограду доброго духа племени. Они полагались на ограждавшие и само жилище, и сад кобунга высокую изгородь и глубокий ров, а также на необычайную тучность самого кобунга.

Действительно, Джильпинг, который был достаточно тучен и раньше, за время своего пребывания у нготаков растолстел так сильно, что с успехом мог бы присутствовать на ежегодном «обеде толстяков» в Цинциннати.

Собственно говоря, существование Джильпинга у нготаков отнюдь не было для него неприятным, и если бы не его мечты о будущем величии семьи Джильпингов, он, вероятно, с охотой остался бы здесь до конца своих дней на откорме у нготаков. Но ведь у него на руках было тринадцать боев и мисс, которые еще нуждались в материальной, а главное, в нравственной поддержке своего досточтимого родителя. Вот почему будущий лорд Воанго решил отказаться от сладости нготакской жизни и вернуться в туманный Лондон. Но осуществить это решение было не так-то легко; его неустанно караулили и днем, и ночью. Но эту ночь Джильпинг не спал: он поджидал прихода своих друзей из Франс-Стэшена, заранее высчитав время, нужное им, чтобы прибыть сюда.

Чтобы не возбудить внимания нготаков, Оливье и его друзья привязали своих лошадей в ближайшем лесочке, на некотором расстоянии от деревень. Видя, что кругом царит мертвая тишина, у них явилась мысль похитить Джильпинга и тем самым избежать, с одной стороны, переговоров с нготаками, а с другой — вооруженной схватки с ними. Ввиду этого они отправились пешком, под предводительством проводника, который хорошо знал здесь все ходы и выходы.

Подойдя на ружейный выстрел к ограде сада Джильпинг, они послали вперед молодого нирбоа, чтобы высмотреть наиболее удобное место для осуществления своего замысла. Ловкий и цепкий юноша без труда взобрался на частокол, служивший оградой саду со стороны, противоположной той, где находились ворота и где постоянно караулили нготаки. Едва только голова его показалась над частоколом, как он увидел за оградой сада самого Джильпинга, державшего на поводу Пасифика, который мирно жевал травку у себя под ногами.

Подав условный знак англичанину, молодой нирбоа поспешно вернулся к пославшим его и сообщил о том, что он видел. Не теряя ни минуты, решено было тотчас приняться за работу, то есть сначала перерубить лианы, соединявшие колья бревенчатого частокола, так как австралийцы не знают ни гвоздей, ни железа, а затем осторожно перерезав их, выворотить их так, чтобы они легли поперек рва и образовали собой мост, по которому могли бы пройти мистер Джильпинг и его верный спутник.

Работа не была, конечно, трудной, но требовала большой осторожности, так как малейший шум мог разбудить стороживших нготаков и возбудить их подозрение.

Все работали дружно, и менее чем за полчаса, все было готово, после чего Джильпинг на своем Пасифике благополучно присоединился к своим друзьям. Добравшись до лесочка, они проворно вскочили на своих коней и помчались в обратный путь к Франс-Стэшену. По дороге им встретился Коллинз с рабочими; им объявили, что их услуги не понадобятся, и те были очень довольны. К завтраку все уже были дома в уютной столовой Франс-Стэшена, где Оливье весело представил своего нового гостя Джонатану Спайерсу под именем Джона Джильпинга, эсквайра, или лорда Воанго.

Джильпинг был очень счастлив, что снова очутился среди европейцев, людей, говорящих на его родном языке; его огорчало только одно обстоятельство, а именно, что ему пришлось оставить у нготаков все свои великолепные коллекции, собранные им за время его пребывания у них. Но друзья утешили его, убедив, что после первых дней негодования нготаки, без сомнения, вер-

нут ему коллекции взамен кое-каких приятных для них подарков.

Джиллинг даже прослезился от радости при виде стола, сервированного по-европейски, с копчеными окороками, языками, холодной индюшкой, пикулями и всевозможными гастрономическими лакомствами. Он ел все и пил с удвоенным и утроенным усердием, так что четверо слуг вынуждены были отнести его из-за стола в его комнату на постель.

По окончании завтрака, Оливье подошел к Джонатану Спайерсу и сказал:

— Дорогой мой гость, расположены ли вы уделить мне теперь немного вашего времени и вашего внимания?

— Я только что сам хотел спросить вас об этом! — ответил его собеседник.

— Дело в том, — продолжал Оливье, — что то, что я имею сказать вам, чрезвычайно важно. Моей жизни, моему будущему, а, главное, счастью всей моей жизни грозят в настоящее время невидимые, неуловимые враги. Я рассчитываю на то, что, в память прошлого, вы не откажетесь быть в числе моих защитников!

— Я, конечно, не знаю, какие могут быть у ваших врагов причины ненавидеть вас; но, кроме этого, все остальное мне известно!

— Вам все известно?!

— Да, и даже то, чего вы сами не знаете: имена ваших врагов, их намерения и средства, которыми они хотят действовать против вас... Что должно отныне соединить нас и телом, и душой, так это то, что ваши враги — те самые, что преследуют и травят меня в настоящий момент!

XV

Признания Оливье и Красного Капитана. — Убийца Виллиго. — Пропажка «Лебедя».

ОТСУТСТВИЕ ОЛИВЬЕ КАПИТАН СНОВА взвесил все возможные причины удивительно-го исчезновения «Лебедя». Как ни невероятен был этот факт, тем не менее он был неоспорим: маленького спутника «Ремэмбера» нигде не было, а покушение на его жизнь, несомненно, было связано с этим исчезновением. Прочтя записку Оливье, откладывавшую их разговор на позднейшее время, капитан отправился на озеро и еще раз внимательно исследовал берег в том месте, где он оставил судно; он убедился, что никакого течения в этом месте не было. Волей-неволей пришлось вернуться к мысли, что это было делом рук Ивановича. По-види-

мому, последний, желая овладеть его изобретением и поставить его в полную зависимость от себя и от Невидимых, убедил последних отправить на всякий случай в Австралию несколько человек, выдающихся механиков и электротехников, чтобы они были у него под рукой. Эти господа, скрываясь в буше, сумели подкупить Виллиго и его товарища, чтобы те осведомляли их обо всем, происходящем на озере Эйр и в его окрестностях, и так как опыты Красного Капитана на озере не могли не привлечь их внимания, то они учредили за озером еще более строгий надзор; при этом от них, конечно, не могла укрыться его высадка. Тогда туземцы, заманив в ловушку оставленных им на «Лебеде» людей, убили их и предоставили инженерам возможность овладеть судном и открыть секрет управления им, что было особенно легко из-за его собственной оплошности.

Как мы видим, Джонатан Спайерс в некотором отношении был недалек от истины. Но предположить, что его секрет открыли дикари, было настолько невероятно, что эта мысль, конечно, ни одной минуты не приходила ему в голову. Главным виновником всего был, несомненно, Иванович, и потому капитан в самом начале разговора с графом заявил ему, что у него общие с графом враги.

— Да, — повторил он еще раз, видя безмолвное удивление графа, — ваши враги те же, что и мои! И мы вместе будем бороться против них!

— Как, — воскликнул тот, — вы знаете имя моих врагов, знаете их намерения и планы, даже их средства борьбы... Назовите же их мне!

— Имя им легион, — ответил капитан, — и вы сами не знаете их, но они называют себя «Невидимыми». А их агент здесь в Австралии, которого вы знаете под именем «человека в маске»...

— Вы знаете «человека в маске»?!

— Да, знаю, но дал честное слово никому не называть его, и этого слова не могу нарушить! Но я не давал ему клятвы, что не поставлю его лицом к лицу с вами, что я не сорву с него его маски и не буду мстить ему за вас, и потому клянусь, что повешу его на первом же дереве, которое попадется мне на глаза в удобную минуту!

— Но кто вы такой?

— Я — номер триста тридцать третий, член Общества Невидимых! — сказал капитан, понизив голос до шепота.

Если бы у Оливье над головой обрушилась крыша или под ногами провалился пол, он не был бы столь поражен.

— Член Общества Невидимых! — пролепетал он, побледнев, как полотно. — Член Общества Невидимых под моей кровлей!

— Сжальтесь, граф, сжальтесь! Неужели вы не видите, что я готов умереть за вас, что я с радостью отдам жизнь за своего благодетеля! — рыдая, восклицал Красный Капитан.

При виде этого непритворного отчаяния Оливье сразу успокоился: он почувствовал, что в жизни этого человека есть какая-то тайна и что прежде, чем его осудить, надо его узнать. Протянув ему чистосердечно обе руки, он сказал:

— Я чувствую, что могу пожать вашу руку, чувствую, что вы много страдали и отчаяние ваше непритворно! Я верю, что вы любите меня... Успокойтесь же и пойдите отсюда: нам с вами неудобно говорить здесь!

Разговор этот происходил в отдаленном углу столовой; но никто ничего не заметил, так как за громким и веселым смехом и говором рабочих прииска, оставшихся завтракать после похода к нготакам, ничего не было слышно.

— Пойдемте, друг мой, — сказал Оливье, делая ударение на последнем слове, — нам с вами надо поговорить с глазу на глаз... Но если это не будет вам неприятно, то я бы очень желал, чтобы при нашем разговоре присутствовал мой верный друг Дик, от которого я не имею никаких секретов! До сего момента он всегда поддерживал меня, ободрял и защищал в борьбе против Невидимых, он сделал меня миллионером, поделившись со мной этим прииском, и ему, вероятно, показалось бы странным, если бы мы с вами стали говорить о столь важных делах, не пригласив его участвовать в нашем разговоре.

— Ваше желание для меня закон, — отозвался капитан, — кроме того, я сам того мнения, что ввиду серьезных решений, к которым мы должны прийти, разумные советы вашего друга могут быть нам весьма полезны!

В это время Дик оживленно разговаривал в саду с каким-то туземцем.

— Лоран, — обратился граф к своему слуге, — предупреди Дика, что мы ждем его в библиотеке! — и с этими словами Оливье повел капитана в комнату первого этажа, служившую библиотекой.

Не прошло и пяти минут, как дверь порывисто распахнулась, и в комнату ворвался Дик вне себя от гнева и негодования, с глазами, полными слез.

— Оливье, — крикнул он с порога, — наш старый друг Виллиго, мой верный товарищ и брат, и молодой Коанук умирают в своей хижине!

— Виллиго... Коанук... умирают! — воскликнул Оливье, не веря своим ушам.

— Да, они вернулись сегодня ночью, — продолжал канадец уже грозно, многозначительно глядя на Красного Капитана, — у обоих грудь пробита револьверной пулей. Они ползли по кустам, с каждым шагом истекая кровью, поддерживая друг друга, чтобы добраться до своего жилища.

— Подло подстреленные в спину, потому что ни один человек не посмел бы напасть на Виллиго открыто! — воскликнул Оливье.

— Нет, не в спину, а прямо в грудь, — мрачно возразил Дик. — Наши бедные друзья были вооружены только одними бумерангами и не ожидали предательского выстрела. Но они будут отомщены, — добавил канадец, — они успели назвать своего убийцу.

При первых же словах Дика Джонатан Спайерс побледнел. Так значит, эти туземцы, хотевшие заманить его в западню, не умерли; у них хватило сил выплыть из озера и добрести до своей деревни!

В первый момент капитан не испытывал ничего, кроме некоторого удивления, но последние слова Дика, сказанные вызывающим тоном угрозы, взорвали его...

— И кто же этот убийца? — спросил Оливье, слишком взволнованный этой вестью, чтобы обратить внимание на угрожающие взгляды Дика, направленные на капитана.

— К счастью, он в наших руках! И мы скоро расправимся с ним! Этот убийца — подлый шпион, злоупотребляющий нашим гостеприимством...

— Берегитесь! — крикнул Красный Капитан, побледнев от сдерживаемого бешенства. — Меня зовут Красным Капитаном, и я не поручусь за себя.

— Вы видите, Оливье, — проговорил Дик с величайшим спокойствием, — убийца сам себя выдал.

— Как? Вы?.. Вы? — воскликнул Оливье с глубоким огорчением.

— Пусть он примет законное воздаяние! — сказал канадец и хлопнул два раза в ладоши.

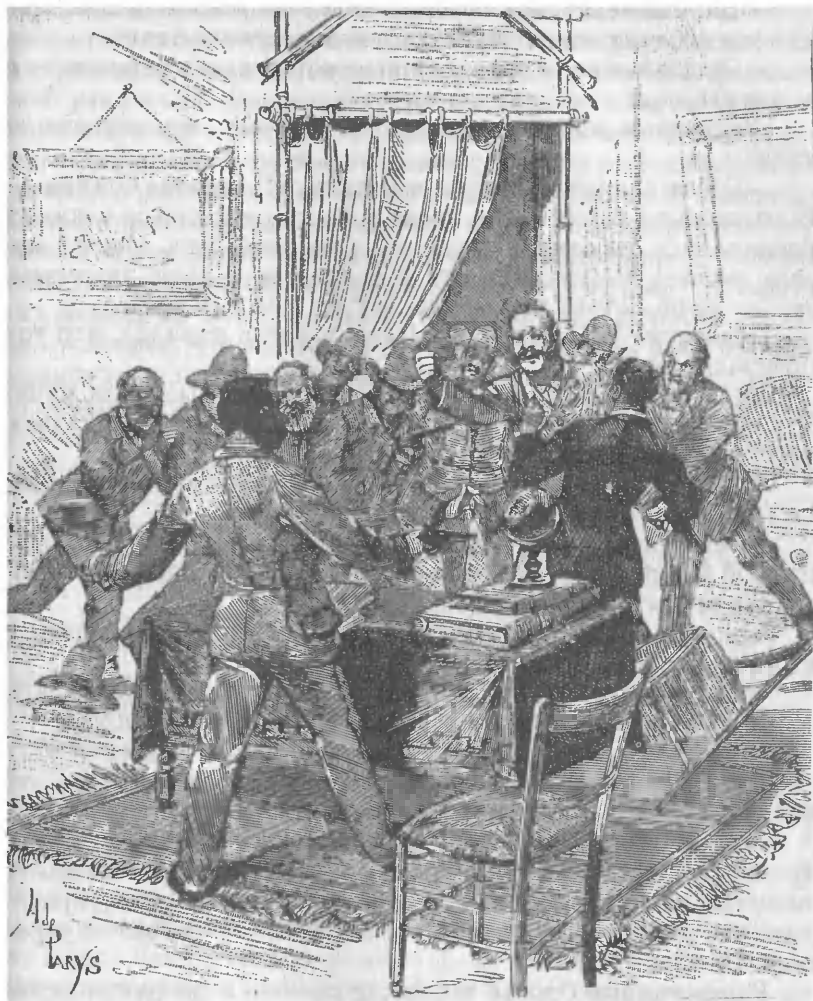
В тот же момент в комнату ворвалось десять человек приисковых рабочих, вооруженных револьверами.

— Схватить этого человека! — приказал Дик.

— Первый, кто подойдет, будет убит! — заревел капитан, выхватив свой револьвер, который он постоянно носил при себе, и задвинул себя столом.

Рабочие замаялись.

— Трус, — крикнул капитан Дику, — других натравливаешь, а сам не смеешь взять меня!

В один момент Дик выхватил револьвер у первого ближайшего рабочего и одним прыжком подался вперед, но Оливье обхватил его обеими руками поперек тела.

— Благодарю этого благородного юношу, который защитил тебя своею грудью, не то тебя теперь уж не было бы в живых! — мрачно проговорил Дик.

— Благодетель мой, спаситель мой! Клянусь вам честью, мне не в чем себя упрекать... Выслушайте меня, умоляю вас!

— Оставьте нас, — сказал Оливье, обращаясь к рабочим, — я за все отвечаю!

Смущенные решительным видом капитана, они поспешили уйти.

— О, благодарю вас, граф! — воскликнул Джонатан Спайерс. — Вы положили конец сцене, после которой оставшиеся в живых предавались бы самому горькому отчаянию, быть может, всю свою жизнь! Вы увидите, что я заслуживаю ваше уважение, только ваше, потому что ничьим другим я не дорожу!

Последние слова были брошены в адрес канадца, что тот прекрасно понял.

Видя, что граф становится на сторону убийцы вождя, канадец, возмущенный этим до глубины души, не мог удержаться, чтобы не воскликнуть:

— Так вот как вы отблагодарили меня за все мои благодеяния вам, за все, что сделал для вас Виллиго!

Но едва он произнес это, как понял, что вырыл между Оливье и собой бездонную пропасть, и готов был отдать теперь полжизни, чтобы взять свои слова обратно.

При столь неожиданном ударе Оливье страшно побледнел, и в нем заговорила гордость.

— Знайте, господин Дик Лефошер, что графы де Лорагю д'Антрэг всегда платили свои долги... И я поступлю так же!

В первый момент Дик даже не понял всего значения этих слов, его поразило только, что он назвал его господином, и это болезненно укололо старого траппера.

— Оливье, милый Оливье! Простите меня, простите старого траппера за невольно сорвавшееся горькое слово! Не называйте меня так, как вы сейчас назвали, мне это больно... Оливье, протяните мне руку и скажите мне, что все забыто! — начал он упрашивать.

Растроганный Оливье тотчас же протянул ему руку и добавил:

— Все забыто! И пусть об этом никогда больше не будет сказано ни одного слова! — затем, обернувшись к капитану, он спросил: — Так это вы стреляли в Виллиго и Коанука?

— Да, в ответ на предательское нападение, защищая свою жизнь, — ответил Красный Капитан. — Позвольте мне рассказать вам мою печальную историю, без чего вы не поймете моего появления здесь и моих действий, вероятно, восстановивших против меня этих туземцев.

— Мы вас слушаем! — коротко сказал Оливье.

В кратких, но прочувственных словах Джонатан Спайерс описал своезлополучное и тяжелое детство, свои мучения, обиды и страдания, отчаяние, когда у него украли первое изобретение, свой уход в Сан-Франциско, решение наложить на себя руки и счастливую случайность, пославшую в этот момент молодого графа, который спас ему жизнь и вдохнул в него мужество. Затем, перейдя к рассказу, относящемуся к его изобретению «Ремэмбера» и его связям с Ивановичем, он не скрыл от графа решительно ничего, кроме имени этого человека; не умолчал даже об обязанности захватить в плен графа, которого он не знал и которого ему выдали за отвратительного авантюриста, причем он поставил условием, что его жизнь пощадят, равно как и жизнь всех французов, в память доброго поступка того неизвестного француза, который тогда сжалился над ним. Он трогательно описал чувства, которые испытал, узнав, что граф и есть именно тот человек, который некогда спас его, и рассказал о своем решении тотчас же встать на его сторону в борьбе с Невидимыми. Все это было так искренне, горячо и трогательно, что не только Оливье, но и Дик готовы были протянуть ему руку и с чувством пожать ее, но они ждали, как он объяснит им свою схватку с Виллиго.

— На этот счет, — закончил свою исповедь Джонатан Спайерс, — я не могу сказать вам ничего особенно точного, так как самому мне не все ясно, или, вернее, много вовсе не ясно. Когда я хотел вернуться на «Ремэмбер», чтобы объясниться с уполномоченным Невидимых, то не нашел своего «Лебедя» на том месте, где его оставил, а когда стал исследовать берег, чтобы найти какой-нибудь след пропавшего судна, на меня вдруг напали эти два туземца, следившие за мной от самого Франс-Стэшена. Когда я в одном из убитых мною туземцев узнал вождя Виллиго, то была минута, когда я поверил в западную, устроенную мне по приказанию кого-нибудь из обитателей этого дома, но тотчас же откинул эту мысль. Как вы видите, я ранил обоих туземцев, защищая свою жизнь; впрочем, я в этом отношении всецело полагаюсь на их показания, если только они в состоянии сказать всю правду.

В этот момент Лоран доложил, что Нирроба, которого Дик послал в деревню узнать о состоянии здоровья вождя, вернулся. Туземца выпустили в библиотеку, и он подтвердил, со слов обоих нагарнуков, что они первые напали на белого человека, которого считают шпионом Невидимых, подсланным на погибель графу. Ничего более он не мог узнать, так как умирающие были чрезвычайно слабы и поминутно теряли сознание...

Едва Дик дослушал эти слова, как подошел к Джонатану Спайерсу и, протянув руку, сказал: «Забудем все!»

— Да, — сказал капитан, — факты были против меня, и вам было больно за вашего друга — забудем же все!

— Да, забудем все, что было между нами неприятного, — заметил Оливье, — с этого момента вы наш! — добавил он, обращаясь к своему гостю.

Но кто же похитил «Лебеда»? Этот вопрос оставался неразъясненным. Никаких сообщников Невидимых в буше не было, во всяком случае Виллиго и Коанук не способны были войти с ними в соглашение, так как намеревались убить капитана только потому, что приняли его за сообщника Невидимых.

Дик и Оливье были чрезвычайно обрадованы, узнав, что «человек в маске» находится на «Ремэмбере»: наконец-то они увидят лицом к лицу своего непримиримого и беспощадного врага и потребуют у него отчета в его возмутительных поступках; Оливье собирался даже вызвать его на дуэль.

— Никогда! — воскликнул канадец. — Мы будем судить его судом Линча!

— И я того же мнения, — сказал Джонатан Спайерс. — Всюду, где нет законного правосудия, безраздельно царит суд Линча, и только он один очищает землю от всяких негодяев, мерзавцев и преступников!

Но для того, чтобы захватить «человека в маске» и спасти от гибели честных обитателей «Ремэмбера», необходимо было добраться до железного колосса. А без «Лебеда» это могло быть сделано лишь с помощью водолазного колокола и скафандра, который нужно было заказать в Америке или Европе, так как в Австралии не было таких больших механических заводов.

— Так вы не видите никакого иного средства добраться до «Ремэмбера»? — спросил Оливье.

— Никакого, хотя я всячески напрягаю свой бедный мозг, чтобы придумать что-нибудь. Не могу же я, в самом деле, оставить там, под водой, Бог весть на сколько времени этих беззаветно доверившихся мне людей. Ведь в случае какой-нибудь оплошности с их стороны, которая может привести к порче машины, вырабатывающей воздух, они все погибнут, задохнувшись от отсутствия воздуха.

— Какой ужас! — воскликнули в один голос Дик и Оливье.

— Если бы мне удалось каким-нибудь образом поднять на поверхность «Ремэмбер», то я разыскал бы пропавшего «Лебеда» в самое короткое время. Я обыскал бы все уголки Австралии и нашел бы его, так как похитители его, кто бы они ни были, не могли, не зная внутреннего устройства судна, перебраться за океан ни по воздуху, ни по воде!

— Вот если бы наш приятель Джильпинг был в состоянии принять участие в нашей беседе, то, вероятно, нашел бы возможность дать нам какой-нибудь полезный совет! Несмотря на кое-какие свои слабости, это весьма серьезный ученый, — сказал Оливье, — один из выдающихся членов Лондонского Королевского общества!

XVI

Идея Джильпинга. — Подводное путешествие «человека в маске» и «Лебедь». — Последнее объявление войны.

ЕШЕНО БЫЛО ВЕЧЕРОМ СОБРАТЬСЯ НА совет, когда Джильпинг, основательно проспавшись, будет в состоянии принять в нем участие. Тем временем канадец поспешил к своему умирающему другу Виллиго. Тот метался в сильном бреду; ни Черный Орел, ни Коанук не узнавали своего друга. Вокруг них собрались многочисленные колдуны и знахари племени, но все их заклинания оставались бессильными.

Канадец приказал прежде всего промыть раны, затем исследовал их зондом и с радостью убедился, что в обоих случаях пуля прошла навылет и, если она не задела какой-нибудь из жизненных органов, то надежда на выздоровление еще не была потеряна. Но об этом можно было судить лишь по прошествии нескольких дней.

Страшная слабость раненых вызвана была главным образом громадной потерей крови. Когда их ранили, они поняли, что малейшее движение может погубить их и что только прикинувшись мертвыми они могли остаться в живых, и потому они дали сбросить себя в озеро и нашли в себе даже силы нырнуть, чтобы выплыть метрах в десяти от того места, где стоял капитан, под прикрытием развесистых ив выбраться на берег и с величайшим трудом добраться до родной деревни. Но здесь силы окончательно изменили им.

В конце концов, канадец ушел от своих раненых друзей несколько успокоенным. В тот же вечер Джильпинг был посвящен в положение дел. Ясно было, что необходимо или поднять «Ремэмбер» со дна озера хоть на несколько минут, чтобы капитан мог привести в действие пружину элеватора, или же опуститься на дно озера к «Ремэмберу». То и другое казалось невозможным. Но каково было удивление Оливье и Дика, Кэрби и самого Джона-тана Спайерса, когда Джильпинг, выслушав внимательно все

подробности, какие только мог сообщить ему капитан, не без некоторой гордости сказал:

— Только-то! Ну, так я нашел средство поднять «Ремэмбер» на поверхность и продержат его в таком положении хоть целый час!

— Но как?

— Ну, это уж мое дело! Я требую только, чтобы в мое распоряжение были предоставлены ваши двадцать приисковых рабочих, крытый сарай прииска и разрешение располагать по своему усмотрению всеми материалами и запасами какие найдутся во Франс-Стэшене.

— И когда же вы думаете порадовать нас? — спросил Оливье.

— Ровно через две недели, милостивый государь!

— Две недели потерянного времени! — заметил капитан на ухо Оливье.

— Как знать?! — возразил граф.

— Позвольте мне узнать, — продолжал Джильпинг, — некоторые чрезвычайно важные для меня подробности, а именно, точную длину вашего подводного судна!

— Пятьдесят метров!

— А высота от киля до палубы?

— Десять!

— А ширина?

— Двенадцать с половиной!

— А средняя толщина обшивки?

— Приблизительно двадцать пять сантиметров; она состоит из трех слоев — стали, железа и бронзы.

— Прекрасно! — и Джильпинг с карандашом в руке стал делать какие-то вычисления, бормоча при этом сквозь зубы: «Всякое тело, погруженное в воду, утрачивает часть своего веса, равную весу того количества воды, которое оно вытесняет».

— Это несомненно! — сказал Оливье.

— Благодаря данным, сообщенным мне этим джентльменом, я могу вычислить объем «Ремэмбера». Теперь остается еще вычислить, как велика тяжесть, которую придется поднять, принимая во внимание огромное водоизмещение колосса «Ремэмбера». Мои вычисления почти готовы... Мне потребуется на поднятие «Ремэмбера» сила, равная той, какая нужна, чтобы поднять на воздух тяжесть в сотню килограммов.

Присутствующие были крайне удивлены.

Затем Джильпинг продолжал:

— Почему броненосец с обшивкой в целый фут плавает, тогда как удельный вес железа несравненно больше удельного веса воды?

— Потому что его водоизмещение чрезвычайно велико! — сказал Оливье.

— Совершенно верно. Почему же тогда «Ремэмбер», который, в сущности, построен так же, как всякое судно, не плавучий? Потому, что вес его превышает на сто килограммов вес вымещаемого им количества воды. Так как сто килограммов — очень незначительный вес, то в воде достаточно было бы толчка сильного человека, чтобы сдвинуть с места «Ремэмбер». Это-то свойство судна позволяет ему одинаково хорошо двигаться и под водой, и на поверхности воды.

Джонатан Спайерс положительно недоумевал, как эта простая мысль могла не прийти ему в голову; это объяснялось только тем, что за последние двадцать четыре часа он пережил столько потрясений, что у него голова совершенно шла кругом.

— Теперь мне остается только сделать промер и установить, на какой глубине сидит «Ремэмбер», чтобы изготовить два каната, к концам которых надо прикрепить два громадных кольца: одно из них должно обхватить «Ремэмбер» с носа, а другое — с кормы. Таким образом судно, захваченное с обоих концов, будет в моей власти; соединив концы канатов, уже легко вытащить «Ремэмбер», как рыбу на удильще, расходуя на это дело лишь силу, требуемую для поднятия ста килограммов, иначе говоря, силу пары дюжих рук.

— Это просто великолепно! — воскликнул Дик.

— Таков логический вывод моих вычислений! — продолжал Джильпинг. — Но так как мне неизвестно, да и капитану, вероятно, тоже, каков вес машин и инвентаря, то весьма возможно отклонение в пять-шесть тонн между весом, вычисленным нами, и действительным, и это могло бы причинить мне досадную помеху. Поэтому я подумал, что за отсутствием подъемного крана и набережной, где его можно было бы установить, нужно соорудить особого рода «элеватор» с подъемной силой в десять-двенадцать тонн. Каков будет этот элеватор, это мой секрет. Засим спокойной ночи... Завтра утром я примусь за работу!

В заключение Джильпинг попросил, чтобы в его комнату прислали бутылку бренди и графинчик содовой воды для грога на ночь, без чего он никак не мог заснуть.

На другой день Джильпинг при посредстве Джонатана Спайерса и капитана «Надежды» произвел необходимые промеры, чтобы определить местоположение «Ремэмбера», причем оказалось, что судно сидит на сравнительно меньшей глубине, чем полагали, а именно, не свыше сорока пяти метров. Убедившись в этом, Джильпинг отправился на прииск и заперся с капитаном и рабочими в громадном здании, служившем главным магазином.

Теперь, когда таинственные явления на озере Эйр объяснились и «человек в маске», как достоверно было известно, находился на «Ремэмбере», а Джонатан Спайерс был гостем и другом владельцев Франс-Стэшена, ничто, казалось, не мешало более спокойствию и полному благополучию наших друзей. Только таинственное исчезновение «Лебедя» оставило за собой как бы какую-то тень, несколько омрачавшую общее настроение.

Однако как бы для того, чтобы согнать последнее облачко с их горизонта, судьба устроила так, что и эта загадка разъяснилась сама собой.

После ухода Джильпинга Оливье и Дик собрались пойти навестить Виллиго, и Джонатан Спайерс попросил разрешения сопровождать их.

Оливье опасался, как бы присутствие капитана не усилило болезненное состояние Черного Орла, но канадец был другого мнения: он лучше знал великого вождя, знал, что именно мысль о том, что без него друзьям будут грозить опасности, от которых он не в состоянии будет защитить их, более всего беспокоит вождя и мешает его выздоровлению. Поэтому лучше всего, по мнению Дика, было сразу же рассеять его предубеждение против капитана. Когда они прибыли в деревню нагарнуков, Виллиго был в сознании; бред совершенно прекратился, но он был еще так слаб, что не мог выговорить ни слова. Дик, подойдя к нему, подвел к вождю капитана и сказал:

— Черный Орел заблуждается и дорого платит за эту ошибку; капитан Джонатан Спайере — друг, а не враг наш!

Виллиго, глаза которого при виде капитана разгорелись страшным, недобрым огнем, отрицательно покачал головой.

— Вождь может верить своему старому другу Тидане; он знает, что я никогда не обманывал его, а в доказательство сообщаю тебе, что благодаря капитану наш невидимый враг, «человек в маске», теперь в наших руках.

При этих словах в чертах раненого вождя произошла поразительная перемена; они сразу смягчились, и когда канадец спросил его, согласится ли он подать теперь руку капитану, Виллиго знаком ответил утвердительно.

Тогда Джонатан подошел и осторожно взял руку раненого. Мир был заключен; в этот момент у капитана явилась мысль расспросить раненого кое о чем.

— Спросите у него, мистер Дик, — сказал он, — не был ли вождь на берегу озера вчера утром, когда я высадился на берег с «Лебедем».

Когда этот вопрос был повторен канадцем на нагарнукском языке, Виллиго опять-таки ответил утвердительным знаком.

Тогда капитан в нескольких словах сообщил Дику то, о чем бы он хотел расспросить раненого, после чего разговор велся уже непосредственно между канадцем и Виллиго.

— Виллиго, ты знаешь, что случилось с судном капитана?

— Да! — ответил слабым движением Черный Орел.

— Знаешь тех, кто завладел им?

— Да...

— Белые люди захватили его?

— Нет! — ответил вождь отрицательным жестом.

— Так, значит, это были туземцы?

— Да!

— Нагарнуки?

— Да!

— Где они, эти похитители?

Черный Орел несколько раз моргнул глазами.

— Ты хочешь сказать, что они здесь?

— Да!

— Неужели это были ты и Коанук?

— Да!

— Значит, ты нашел способ управлять им?

— Да!

— Для того, чтобы завладеть судном, вы должны были убить тех трех человек, которые были на судне!

Виллиго сделал энергичный утвердительный жест.

— И затем вы скрыли судно?

— Да!

— Где? В каком месте?

Черный Орел попытался было объяснить знаками, движением глаз и поворотом головы, но это ему не удалось.

Руководствуясь указаниями Спайерса, Дик продолжал расспрос.

— Судно в сохранном месте?

— Да!

— Никто из бродяг не может найти его?

— Нет!

— Переведя судно в сохранное место, вы ничего не поломали в его механизме?

— Нет!

— А закрыл ли ты медную пластинку, скрывающую кнопки?

Виллиго на этот раз ответил отрицательно, но как-то неуверенно.

— Ты не вполне уверен, не помнишь? — спросил Дик, угадывая значение жестов по выражению глаз и лица своего друга.

— Да!

— А трупы обоих негров и белого ты сбросил в озеро?

— Да!

Теперь, казалось, допрос был окончен. Но Джонатан Спайерс хотел непременно оправдать себя во мнении своих новых друзей и попросил канадца спросить Виллиго еще только об одном: чтобы он сказал, кто первый напал — капитан ли на них или они на капитана.

— Это бесполезно! — заметил Оливье.

— Простите — для меня это чрезвычайно важно! — возразил Джонатан Спайерс.

— Ты первый напал на капитана? — спросил Дик, уступая желанию американца.

Виллиго ответил энергичным утвердительным жестом.

Сердце капитана преисполнилось теперь радостью: его «Лебедь» не только не пропал бесследно, но и не попал в руки врага, который мог бы воспользоваться им на погибель ему и его новым друзьям.

Следовательно, все было благополучно, и если, как можно было надеяться, Виллиго и Коанук, или, вернее, Виллиго, так как положение молодого воина было несравненно серьезнее, настолько оправится, что в состоянии будет сказать, где им скрыт «Лебедь», ранее, чем Джильпинг справится с сооружением своего подъемного крана, то можно будет с помощью «Лебеда» отправиться на «Ремэмбер», завладеть «человеком в маске», сто раз заслужившим смерти за свои злодеяния, и, учинив над ним суд и расправу, зажить спокойно и безмятежно во Франс-Стэшене. А по истечении двух-летнего срока, назначенного княжкой по той простой причине, что тогда она будет совершеннолетней, граф намеревался отправиться в Петербург вместе с капитаном и предстать вместе с ним перед Верховным Советом Невидимых, потребовав от них отчета в их действиях по отношению к молодому графу, и под угрозой страшного наказания вынудить у них обязательство прекратить раз и навсегда всякие преследования Оливье. До назначенного срока оставалось еще три месяца, и теперь, казалось, им оставалось только спокойно ждать. Но, увы! Часто и несколько дней имеют громадное значение в жизни людей; и время испытаний еще не миновало для наших друзей.

Оставим на время обитателей Франс-Стэшена и перенесемся на «Ремэмбер».

После бесплодной попытки в случае надобности воспользоваться дверью, через которую был проведен Танганук, Иванович, убедившись, что Красный Капитан оставил все свои секреты под охраной сильных электрических батарей, решил спокойно ждать возвращения Джонатана Спайерса и того момента, когда он

пожелает поделиться с ним своими секретами, что, судя по его же словам, должно было случиться довольно скоро. Тогда он не замедлит осуществить свой ужасный замысел! Ночью, когда Джонатан будет спать, он подсоединит к нему один из проводов аккумуляторов и убьет его, а на другой день экипажу станет известно, что капитан убил себя по неосторожности при обращении с одним из этих опасных механизмов, а так как он один будет в состоянии управлять «Ремэмбером», то все поневоле должны будут повиноваться ему. Тогда он прежде всего уничтожит Франс-Стэшен со всеми его обитателями, чтобы Оливье не мог еще раз уйти у него из рук, завладеет золотым прииском и вернется в Россию. А так как никто не будет в состоянии узнать полковника Ивановича под черной маской, то никто не посмеет приписать ему смерть графа д'Антрэга, и тогда княжна Надежда примет его предложение, если он пообещает ей взамен вернуть из Сибири ее отца. Он надеялся добиться этого с помощью того же влияния, каким он пользовался для того, чтобы отправить его в ссылку. Тогда он станет первым богачом и магнатом России... и тогда... тогда, быть может, ему удастся благодаря «Ремэмберу» воссесть на престоле где-нибудь на Дальнем Востоке.

В ожидании возвращения капитана Иванович жил в полном одиночестве и держал себя настолько надменно по отношению к экипажу, что не поддерживал с ним никаких отношений. По его расчетам Джонатан Спайерс должен был отсутствовать не более суток, и потому он думал, что его не совсем приятное одиночество будет непродолжительно. Когда пришла первая ночь и капитан не вернулся, это нимало не удивило Ивановича. Но когда миновала и вторая ночь, то он начал уже беспокоиться. Что если какая-нибудь неосторожность выдала его?! Ему по собственному опыту была известна решимость канадца и проникательная наблюдательность, хитрость и холодная жестокость Виллиго. Малейшего подозрения с их стороны достаточно было для того, чтобы капитан был мертв; при этой мысли холодная дрожь пробежала по всему телу Ивановича. Смерть капитана — это такой ужас, какой даже трудно было себе представить! Это означало и для всего экипажа, и для него самого неизбежную смерть, тем более ужасную, что она будет медленной... При мысли об этом «Ремэмбер» представлялся ему страшной могилой, громадным саркофагом.

Третий день прошел, а капитан все еще не возвращался. Иванович решил спросить непроницаемого Дэвиса, но последний сказал ему, что капитан всегда поступает, как считает нужным, и никогда никому не дает отчета в своих действиях; затем он повернулся к Ивановичу спиной и отошел в сторону. Прескотт

ничего не знал, но безусловно верил в своего капитана, и если тот не возвращался, значит, ему нужно было оставаться на берегу.

Литлстон же, мистер Джон Хэббук Литлстон жаловался с утра до вечера и с вечера до утра. Можно ли было предположить, что человек, занимавший в суде столь видное положение, вдруг согласится жить в какой-то закупоренной жестянке под водой, в компании каких-то авантюристов... Ах, если бы мистрис Литлстон не опередила его на пути в лучший мир, всего этого, наверное, никогда бы не случилось!

Таково было положение дела на «Ремэмбере», но когда и на четвертые сутки капитан не вернулся, Иванович снова принялся обдумывать разные планы бегства.

— Бежать, бежать во что бы то ни стало! — думал он.

Он готов даже был отказаться от всех своих планов мщения и торжества, так как был подлым, трусливым человеком, больше всего дорожившим своей жизнью.

Дверь в кабинет капитана, служивший ему для послеобеденного отдыха и курения, была оставлена полуоткрытой. Иванович осторожно попытался приотворить ее. Это удалось ему без труда, причем он не испытал ни малейшего сотрясения, из чего явствовало, что Спайерс не собирался воспрепятствовать вход в эту комнату.

Едва Иванович переступил порог этого кабинета, как услышал какое-то глухое бормотание, похожее на отдаленный шум голосов или рокот волн. В первую минуту он был крайне удивлен этим явлением, которое, впрочем, скоро объяснилось.

Как уже известно, капитан установил на озере целую сеть акустических проводов, которые соединялись в акустическом рупоре, помещавшемся в этом кабинете, где благодаря превосходному акустическому приемнику можно было, подойдя к трубке, слышать все, что говорилось на воде или на суше на расстоянии не более двадцати пяти метров от берега.

Тотчас же Иванович подошел к трубке и приставил к ней свое ухо; до него явственно донесся голос графа, разговаривавшего с Диком, с которым он прогуливался по берегу озера.

— Да, вы правы, Дик, — говорил граф, — никакое доброе дело никогда не пропадет даром!

— Так нам всегда говорили святые отцы, обучавшие меня в детстве! — сказал канадец.

— Кто бы мог подумать, — продолжал Оливье, — когда я десять лет тому назад дал эти сто долларов несчастному, бездомному юноше, что мне за это будет во сто крат отплачено здесь, в дебрях Австралии!..

— Именно во сто крат, — подтвердил канадец, — потому что без него я положительно не знаю, как бы мы могли завладеть этим негодяем, этим «человеком в маске».

Иванович вскрикнул и чуть было не лишился чувств, но тотчас же овладел собой и, с бешенством ухватившись за аппарат, стал жадно слушать: ему необходимо было все знать; дело шло, быть может, о его жизни.

— И на этот раз, надеюсь, вы не проявите вашей обычной слабости! Взгляните на это великолепное дерево, с этим большим горизонтальным суком, протянутым вперед! Вот уже два года, как я люблюсь им, внутренне говоря себе, что на этом суку будет повешен «человек в маске». Но так как подобная смерть слишком легка и приятна для такого злодея, то я намерен поручить нагарнукам пороть его розгами до тех пор, пока на его теле не останется ни лоскутка кожи!

Иванович не в состоянии был ничего более слышать, так как без чувств упал на ковер. Когда он пришел в себя, ему показалось, что он видел дурной сон. Но акустическая трубка была тут, подле него, и слышанные им слова еще как будто витали в воздухе. А в данный момент до его слуха доносилась песня нагарнукских матросов с «Надежды». Ивановичем вдруг овладело бешенство.

— Я должен выйти отсюда! — воскликнул он. — Хотя бы мне для этого пришлось взорвать весь «Ремэмбер»! Лучше такая смерть, чем медленная пытка, которая мне уготовлена. Изменник! Предатель! Трижды клятвопреступник! Он предает меня человеку, давшему ему сто долларов, а я дал ему девять миллионов. О, если мне удастся уйти от той страшной участи, которую мне готовят эти люди, то я клянусь всем, что есть святого в мире, что посвящу весь остаток дней тому, чтобы отомстить этому предателю! Надо бежать, и как можно скорее! Но как это сделать? Все равно, надо все-таки попытаться.

Иванович, называя капитана изменником и предателем, совершенно упустил из виду, что его собственный обман, когда он уверял, что не питает никакой личной ненависти к графу, а действует только по предписанию Верховного Совета Невидимых, развязывал капитану руки и освобождал его от всех его обязательств. Что же касалось девяти миллионов, то Дик и Оливье сразу же решили уплатить эту сумму Обществу Невидимых.

Несколько успокоившись, Иванович принялся обдумывать свое бегство. Он пришел к убеждению, что единственный способ — это бегство через тамбурованную дверь, которая, вероятно, легко отворялась, раз она была под защитой электрической батареи, и решил попытаться сделать это в ближайшую же ночь. Пусть тогда Джонатан предает его!

Чтобы избежать электрического удара при прикосновении к дверной кнопке, Иванович обернул ручку этой двери шелковой бумагой, а так как он был первоклассным пловцом, то вынырнуть на поверхность со дна озера было для него сущий пустяк. Затем у него явилась мысль уложить в ящик из белой жести предметы первой необходимости, в том числе многозарядный карабин и два револьвера. А чтобы предохранить все это от воды, он приказал одному из механиков запаковать жестяной ящик и теперь был уверен, что у него будет все необходимое на первое время. Что же касалось пищи, то Иванович знал, что Австралии у него не будет недостатка в пищевых продуктах.

Теперь он стал с нетерпением дожидаться удобного момента. Было около двух часов ночи; все спали; двери благодаря каучуковым подушечкам растворялись бесшумно.

Ударом молотка, завернутого в тряпку, Иванович надавил кнопку и благодаря этой предосторожности не испытал никакого сотрясения. Отворив дверь точно так же, как это делали при похищении Танганука, он втащил в тамбур свой ящик и, перевязав его промерным канатом, свернул этот канат кольцом на крышке ящика так, чтобы он легко мог развернуться, а конец захватил с собой.

Когда он очутился между двумя перегородками, ему оставалось только опустить дверь внутренней комнаты, которая захлопнулась сама собой. Теперь ему нужно было выждать шесть минут, чтобы через отворенную дверь хлынула вода; после этого он вытолкнул в воду свой ящик...

Вдруг им овладел страх и невыразимый ужас; весь день он упражнялся в задержке дыхания сначала на сорок пять секунд, потом на пятьдесят, затем постепенно дошел до минуты. Однако, несмотря на все свои усилия, превзойти этой нормы он не мог. Но он не знал, на какой глубине находится «Ремэмбер», не знал на какое расстояние может он подняться в секунду... Допустим, он будет подниматься на метр в секунду, даже на полтора. А что если «Ремэмбер» находится на глубине ста или на ста пятидесяти метров? Тогда он погиб, безвозвратно погиб!

Но теперь уже не время было идти назад: дверь в кабинет захлопнулась, а механизм, с помощью которого ее можно было открыть, был незнаком ему; не мог же он так и остаться между двумя перегородками судовой обшивки! Двадцать раз он подносил руку к кнопке и все не решался открыть дверь, стоя и дрожа, как осиновый лист. Наконец, сообразив, что волнение, овладевающее им, с каждой минутой только уносило его силы, он, судорожно схватив свой ящик и вдохнув в себя как можно больше воздуха, распахнул наружную дверь.

Вода хлынула внутрь. Выкинуть ящик и в то же время вырваться наружу было делом момента. Подняв руки над головой и сильно работая ногами, Иванович стал всплывать кверху. Будучи выдающимся пловцом, он подымался значительно быстрее, чем на метр в секунду, иначе никогда не выплыл бы на поверхность. Что такое минута, но какой бесконечно долгой показалась она ему! Вода шумела у него в ушах, грудь давило от недостатка воздуха, а он еще не достиг поверхности. Еще несколько секунд — и его рот раскроется сам собой, а тогда он, лишившись чувств, будет поглощен водой! Еще усилие, страшное, мучительное усилие — и вот ему кажется, что он погиб! Мучительная боль в груди не дает ему дольше держать рот закрытым! Кровь стучит в висках, в мозгу, он не в силах более владеть собой и раскрывает рот. О, счастье, он вдохнул в себя свежий воздух, и ему сразу стало легко: он достиг поверхности, он спасен. С минуту он держался на воде, оставаясь на одном месте. Вот подле него всплыл маленький буюк от каната, несколько запоздавший из-за своей тяжести. На озере все тихо; он медленно направился к берегу, толкая перед собой буюк. Выйдя на берег, он тотчас же подтянул к себе белый жестяной ящик и ножом для откупорки консервов вскрыл его, поспешно оделся, засунул револьверы за пояс, зарядил свой карабин и, сбросив обратно в воду пустой ящик, пустился в путь вверх по берегу озера со стороны, противоположной той, где стояла усадьба Франс-Стэшен.

Что теперь делать и куда идти? Он находился в стране нагарнуков и ежеминутно рисковал быть задержанным кем-нибудь из туземцев. Если бы ему удалось благополучно добраться до территории нготаков, своих прежних друзей, то там нетрудно было бы достать себе проводника и вернуться в Мельбурн. Но у него не было ни гроша денег, ему нечем было подействовать на них. Устоят ли эти люди перед искушением выдать его врагам?

Ивановичу оставалось только одно: избегать всяких населенных мест, скрываясь целый день в буше, а идти только ночью.

Начинало светать; чтобы не быть кем-нибудь замеченным, Иванович забрался в буш, уходя все глубже и глубже в чащу, чтобы держаться как можно дальше от жилья своих врагов.

Пусть теперь Джонатан отправляется на «Ремэмбер» и обнаружит его бегство! Пусть даже разошлет нагарнуковских воинов по всем направлениям разыскивать его: он сумеет укрыться от них в этой чаще!

С рассветом он добрался до конца леса. Перед ним раскрылась ровная зеленеющая долина, слева от которой тянулась цепь скалистых холмов; он направился туда в надежде найти какое-

нибудь ущелье или пещеру, где бы можно было провести день до наступления ночи.

Он не ошибся. В конце узкой долины чернелось темное отверстие пещеры. Не без некоторых предосторожностей он вошел в нее: она вполне могла служить убежищем охотникам; ведь туземцы, охотясь на кенгуру, часто по четверо и по пять суток кряду ночуют в пещерах и гротах, коими изобилует Австралия.

Та пещера, куда теперь вошел Иванович, была, по-видимому, глубока и весьма обширна. Когда глаза его мало-помалу привыкли к царящей здесь темноте, он начал различать в глубине пещеры какую-то громадную черную массу. Он стал осторожно подходить ближе, и каково же было его удивление, когда он увидел здесь «Лебедя»!

Тотчас же ему в голову пришла мысль, что трое людей, взятых с собой капитаном, вероятно, спят теперь внутри судна. Эта мысль сильно смутила его. Он слишком хорошо знал Спайерса, чтобы допустить возможность, что тот оставит свое столь ценное изобретение без надежной стражи. Беглец собирался уже неслышно удалиться, чтобы не возбудить подозрений и не обнаружить своего присутствия. Но абсолютная тишина на судне ободрила его, и он решил выяснить, есть ли здесь люди. Затаив дыхание, он подкрался ближе; верхний люк был открыт. После некоторого колебания он решился наконец взойти на палубу. Нигде никого... Он заглянул вниз, под палубу; тоже никого.

— Ах, если бы я мог управлять им, — подумал Иванович, — какая была бы блестящая месть! Какой реванш! Но, увы, Джонатан строго хранит свои секреты!

Однако, вернувшись на палубу, Иванович заметил хрустальные кнопки на углублении, которые Виллиго забыл задвинуть медной дощечкой. Эта забывчивость вождя сыграла роковую роль: Иванович вздрогнул от радости.

— Ах, — подумал он, — если бы эти кнопки были связующую роль с механизмом! — он осторожно надавил первую кнопку первого ряда — судно слегка двинулось вперед; он надавил вторую — судно двинулось вперед; он надавил следующую, — и судно двинулось назад. С Ивановичем чуть не сделалось дурно от радости: этот неожиданный результат искупал все его мучения. Но он был так поражен этим фактом, что не сразу мог собраться с мыслями и отдать себе отчет, что с ним происходит. Он смеялся и плакал, бил в ладоши и был близок к тому, чтобы совершенно лишиться разума. Подумать только, что еще пять минут тому назад он был в полном отчаянии, скрывался в чаще, как дикий зверь, а теперь он будет иметь возможность говорить как победитель, как властелин мира. Он столько времени так страстно

желал этой власти — и вот теперь она у него в руках! Вдруг он вспомнил, что без «Лебеда» Красный Капитан не может вернуться на «Ремэмбер», что этот грандиозный колосс навсегда останется на дне озера, откуда никакая человеческая сила не сможет поднять его. И при этой мысли Иванович совершенно обезумел от радости.

— Смерть! Смерть предателям! — кричал он. — Да здравствует Иванович, властелин вселенной! Ура! Ура! Ура...

Несколько минут Иванович был близок к умопомешательству. Когда же он несколько успокоился и собрался с мыслями, лицо его искривилось злорадной улыбкой, полной непримиримой ненависти: он решил быть беспощадным ко всем, уничтожить всех обитателей Франс-Стэшена; он сотрет с лица земли деревни нагарнуков, словом, поступит так, что все обитатели буша долго будут помнить его!

Что же касается канадца, то он подвергнет его той самой пытке, какую тот готовил для него.

Но прежде всего следовало позаботиться отвести «Лебеда» в надежное место. Ведь, Иванович не знал еще очень многого, не знал, как заставить его производить различные операции, как им маневрировать, не знал и способа пользования аккумуляторами, чтобы направить всю силу электричества на известную точку, которую надо поразить.

Он знал, что малейшая ошибка могла повлечь за собой страшную катастрофу, а потому хотел не спеша, терпеливо изучить все части этого сложного механизма, и только тогда, когда вполне овладеет им, вступить в бой со своими врагами.

Он решил направиться в страну нготаков и переманить их на свою сторону, пообещав им владычество над всем бушем и полное уничтожение их исконных врагов — нагарнуков.

Остановившись наконец на этом решении, Иванович нажал вторую кнопку, и «Лебедь» плавно вышел задом из пещеры, где его скрыл бедный Виллиго. Иванович стал продолжать свои опыты и в несколько минут убедился, что может по своему желанию управлять судном и на суше, и в воздухе. А это было все, что ему было нужно в настоящий момент. Пробравшись к нготакам, он сумеет как-нибудь открыть каюту управления, чтобы изучить во всех подробностях диковинное судно. Вдруг у него явилась мысль, которую он решил тотчас же осуществить: он отправится к нготакам воздушным путем и пролетит над Франс-Стэшеном, чтобы с подблочной высоты бросить дерзкий вызов этим людям! Разве это не будет некоторым предвкушением будущей мести? И он мог сделать это совершенно безнаказанно. Разве Джонатан Спайерс не был теперь совершенно бессилен?

Иванович тотчас поднял «Лебедя» на воздух и направил его прямо на жилище своих врагов, держась на высоте приблизительно в двести пятьдесят метров, затем зарядил свой карабин несколькими разрывными пулями и, держа его наготове, стал ждать.

Маленькое воздушное судно несло с наивысшей скоростью, на какую только было способно, и менее чем через десять минут было уже над Франс-Стэшеном. Иванович замедлил ход и стал носиться в воздухе над жилищем, описывая плавные круги.

Тогда произошла неопишуемая сцена. Все обитатели дома вышли на эспланаду. Оливье, канадец, Джонатан Спайерс все смотрели в немом оцепенении, точно загипнотизированные этим зрелищем. Между тем Иванович, все продолжая носиться в воздухе, спустился настолько, что можно было слышать его голос, и крикнул:

— Привет предателю Джонатану Спайерсу, Красному Капитану! Привет графу д'Антрэгу и Дику-канадцу! Привет всем от «человека в маске»!

— Негодяй! — воскликнул капитан в бешенстве. — Он бежал и похитил «Лебедя»!

— Прощайте, господа! — злобно крикнул Иванович. — «Человек в маске» дает вам срок восемь дней, чтобы вы успели приготовить к смерти! Через восемь дней мы с вами свидимся! И, направив свое воздушное судно на запад, он вскоре скрылся из виду.

— И подумать только, что я бессилен! — воскликнул Красный Капитан, скрежеща зубами. — Сейчас этот негодяй не знает управления аккумуляторами, но через восемь дней... как знать, что будет через восемь дней?

— Бежим скорее на прииск и заявим Джильпингу, что если ранее восьми дней нам не удастся поднять «Ремэмбер», то все мы погибли!

На другой день на закате солнца три нготакских вождя, торжественные и важные, появились у крыльца Франс-Стэшена: они пришли для того, чтобы воткнуть свои топоры в двери белых людей из-за похищения их кобунга, и объявляли войну всем жителям этого прииска, а также помогавшим им нагарнукам.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Таинственная маска

I

Смерть Виллиго. — Похороны вождя. — Тревога в лесу. — Птица-пересмешник.

РЕЖДЕ ЧЕМ ПРИГЛАСИТЬ ЧИТАТЕЛЯ последовать за нами на новое поле битвы, той отчаянной битвы, которая вот уже более двух лет велась между графом д'Антрэгом и Невидимыми, следует рассказать о последних событиях, вследствие которых Оливье и его друзья покинули Австралию.

Виллиго и Коанук умерли от своих ран в ту самую ночь, которая последовала за объявлением войны нготаками и наглым вызовом «человека в маске». Никакие заклинания знахарей не помогли.

Предупрежденный Нирробой о близости смерти вождя, канадец поспешил к нему, чтобы закрыть глаза дорогому другу, который в течение пятнадцати лет был неразлучным спутником его бродячей жизни, разделяя все его горести и радости.

Небо было покрыто тучами; порой сверкали огненные молнии; воздух был насыщен электричеством. То была настоящая похоронная ночь, и суеверного канадца невольно бросало в дрожь...

Когда Дик вошел в хижину своего друга, пребывавшего теперь в полном сознании, Виллиго встретил канадца ласковой улыбкой, полной кротости и радости. Он был счастлив тем, что мог унести в большие луга, где охотились его предки, взор своего приемного брата, которого он так любил. Согласно поэтическому поверью нагарнуков, умирающий сохраняет в своем взгляде, как в зеркале, отражение тех образов, которые он видит в последние минуты своей жизни. Затем вереница всех этих дорогих для него образов и предметов постоянно сопровождает его в загробном мире, так что умерший воин постоянно видит вокруг себя все, что он больше всего любил при жизни.

Взяв за обе руки пришедшего, Черный Орел с усилием произнес:
— Брат Тидана, старый воин, прежде чем умереть, очень хотел бы видеть подле себя и молодого Мэннаха!

Так называл он Оливье.

— Он тоже хотел прийти, но не посмел помешать нашему последнему свиданию! — проговорил Дик, и тяжелая слеза упала на исхудавшие руки умирающего.

— Не плачь, — проговорил Виллиго, — разве мы не отомстили за Цвет Мелии? Моту-Уи решил, что Черный Орел достаточно жил, и направил пулю белого человека, которая должна была отправить старого воина в страну предков.

Взор умирающего устремился куда-то в пространство, как будто какое-то чарующее зрелище непреодолимо приковывало его к себе.

— Вот они, — сказал он, — я их вижу, всех храбрых воинов нашего племени, ушедших раньше меня в страну предков; они пришли за мной — проводить меня в обширные охотничьи угодья, где кенгуру больше, чем листьев на деревьях, где опоссумы кричат днем и ночью на берегах озер, усеянных цаплями и лебедями... Подождите меня! Я сейчас иду за вами!

Минута просветления и ясности рассудка позволила Виллиго узнать своего верного друга, когда тот вошел к нему, но затем предсмертный бред снова овладел им, и, хотя железный организм Черного Орла еще некоторое время боролся со смертью, он уже не приходил в себя. Бред сменился полной потерей сознания, и наконец великий воин угас.

Хотя в последние дни канадец потерял всякую надежду на выздоровление своего друга и ждал его смерти, все же когда она наступила, это было страшным ударом для него. Ему казалось, что в жизни его произошел какой-то ужасный перелом, что отныне он, как путник, сбившийся с дороги, будет бродить без цели в жизни. Пятнадцать лет совместной жизни и тесной дружбы сроднили его душу с душой Черного Орла; борьба и удача, радости и горе тесно связали их, и эти узы, спаянные долголетней привязанностью и привычкой, стали неразрывными. А теперь, когда смерть порвала их, ничто на свете не могло их заменить. Конечно, дружба молодого графа со временем должна была утешить его скорбь, но она не могла заставить его забыть верного друга и товарища лучшей поры его жизни!

Старый траппер опустился на колени возле ложа, на котором отошел в вечность его друг, и в продолжение долгих часов предавался сладким воспоминаниям прошлого. Временами тяжелые слезы капали на грудь покойного, и подавленные рыдания вырывались из уст его друга. На рассвете он очнулся от крика и воя туземцев, приступивших к похоронной церемонии. Все племя — воины, женщины, старцы и дети, узнав о смерти великого вождя, пришли к его хижине, чтобы отдать ему дань скорби, причем крики мщения преобладали над всем остальным.

— Кто убил Виллиго, нашего великого вождя, кто убил Коанука? — восклицала толпа. — Месть! Месть убийце!

Когда канадец появился на пороге хижины, из толпы начали раздаваться громкие крики:

— Тидана! Тидана, кто убил твоего брата Виллиго, кто лишил нас нашего возлюбленного вождя?

На протяжении всей своей болезни и Виллиго, и Коанук, точно по взаимному соглашению, упорно молчали о происхождении своих ран и подробностях ночной схватки, которая произошла между ними и белолицым пришельцем, а потому, кроме европейцев, никто не знал, кто был виновником смерти вождя и его неразлучного спутника. Несмотря на свою горе, Дик был достаточно справедлив, чтобы не вменить в преступление Джонатану Спайерсу смерть своего друга и молодого Сына Ночи. Те напали на него, он защищался; это было его право, а потому он не считал справедливым выдать его туземцам. Но не таков был взгляд нагарнуков. По их понятиям, кровь зывала к крови, к мщению. Были ли Черный Орел и Коанук первыми зачинщиками или нет — в их глазах это не имело никакого значения; смерть двух доблестных воинов должна быть отомщена.

Крики толпы становились все более и более угрожающими. Дик не знал, что ответить на их вопрос; все знали, что раны были нанесены европейским оружием. Не желая выдать истинного виновника смерти Виллиго, он хотел сначала приписать этот поступок человеку, который был не причастен к данному делу, хотя целым рядом преступлений вполне заслуживал мщения; он мысленно указывал на «человека в маске», но все-таки не мог решиться свалить вину капитана на него, когда голос Нирробы вывел его из затруднения.

— Нашего брата Тиданы не было с Виллиго и Коануком в ту ночь, когда они вернулись, истекая кровью; иначе он, наверное, заставил бы заговорить свое ружье! И, быть может, наши воины были бы еще живы!

— Это правда, меня не было с ними, — сказал канадец, обрадованный тем, что он будет избавлен от необходимости произнести смертный приговор.

— Но я знаю, кто, скрываясь в кустах, как трусливый опосум, нанес среди ночи смертельный удар великому вождю и Сыну Ночи! Знаю! — крикнул Нирроба.

— Говори же, Нирроба! Говори! — требовала толпа.

У Дика захватило дыхание; никогда еще положение жителей Франс-Стэшена не было столь отчаянным: если Нирроба обвинит Красного Капитана, то, согласно обычаям страны, белые должны будут выдать американца нагарнукам, а если бы они вздумали воспротивиться этому, то ненависть всего племени обрушилась бы на них самих, и это в тот момент, когда им и без

того уже угрожали: «человек в маске» и нготаки, раздраженные похищением их кобунга.

С замиранием сердца канадец ждал, что скажет Нирроба.

— Убийца наших братьев, — воскликнул юноша, — подло убивший их, не вонзив топора в притолоку двери их хижины, — это тот, кого все вы знаете; это враг нашего брата Тиданы и наших белых друзей и союзников. Все вы знаете его, это — Отуа-Но, «человек в маске», друг подлых нготаков!

Единодушный крик бешенства и ненависти был ответом на слова юноши.

— Смерть Отуа-Но! Смерть нготакам!

Тут же собрался Совет Старейшин, и Нирроба должен был дать свои показания в присутствии всех собравшихся здесь нагарнуков. Он объявил во всеуслышание, что, ухаживая во все время болезни за молодым Коануком, он все время слышал от него о человеке, прибывшем на воздушном судне, которого тогда еще никто не видел; только вчера это воздушное судно прилетело из-за озера и стало летать над большим поселением белых и над деревней нагарнуков; человек, управлявший этим судном, и был Отуа-Но, виновник смерти Черного Орла и Сына Ночи!

Совет Старейшин был того же мнения, тем более, что никого из обитателей Франс-Стэшена нельзя было заподозрить. Тидана был приемным сыном племени, а все его друзья были друзьями нагарнуков.

Тотчас же отправили гонцов к нготакам и «человеку в маске», чтобы объявить им, что когда луна трижды взойдет и зайдет, армия нагарнуков выступит на тропу войны против нготаков.

При этом посланным поручили передать главному вождю нготаков «черный камень» проклятия, чего уже давно не бывало в буше. Этот черный камень, над которым колдуны и колдуньи в течение двадцати четырех часов произносили заклятия, означал беспощадную войну, во время которой ни один воин племени не сохранит своего скальпа, ни одна женщина или дитя не могут рассчитывать пощаду, ни одна хижина не устоит на месте. Словом, на этот раз нагарнуки решили окончательно истребить своих исконных врагов, вечно терпевших поражения и вечно восстающих снова.

Иванович, со своей стороны, обнадеженный своим временным превосходством, которое давало ему обладание «Лебедем», готовился сделать свою последнюю ставку против молодого графа и его союзников, на что те намеривались ответить как можно энергичнее. Таким образом, эта долгая и упорная борьба должна была наконец окончиться полным поражением одной из сторон.

Под вечер состоялись похороны Виллиго и Коанука с соблюдением всех установленных для подобных случаев погребальных обрядов, описанных нами для бедного Менуали. Две тысячи воинов в полном боевом снаряжении присутствовали при погребении великого вождя, и каждый из них подходил, к двойному костру, издавал боевой клич и произносил клятву отмщения. Это было самое крупное и отборное войско, какое когда-либо представляло туземное племя против другого племени; оно могло выступить даже против коалиции трех других племен — нирбоа, дундарупов и нготаков. Шесть военнопленных были зарезаны перед двойным костром и брошены в огонь, чтобы сопроводить двух нагарнукских воинов в загробных краях, а главное — во время их дальнего пути с земли на луну; вся корпорация кораджи, расположившись цепью вокруг костра, во все время церемонии, не переставая, произносила заклинания, долженствовавшие отгонять от сжигаемых трупов бродячих духов, или каракулов. В то же время женщины племени, рассыпавшись по лесу, пели гимн смерти, издавая время от времени жалобные стоны и вой.

За всю свою долгую жизнь в австралийском буше канадец не видел более страшного и потрясающего зрелища. Он стоял у костра до тех пор, пока труп его друга не сгорел окончательно и не смешался с золой костра. Затем, послав ему последний прощальный привет рукой, траппер поспешно направился к Франс-Стэшону, беспокоясь за своих друзей, которых он оставил накануне в ожидании ежеминутного нападения, так как на восьмидневное перемирие, обещанное «человеком в маске», нельзя было слишком полагаться. Что же касалось бесчестных нготаков, то можно было почти с уверенностью сказать, что они не окажут требуемого всеми племенами буша уважения к назначенному сроку военных действий и начнут свои враждебные действия раньше времени.

Дик шел лесом размеренной, упругой походкой охотников и дикарей, почти не оставляющей после себя следов и совершенно беззвучной, прислушиваясь к малейшему шуму и ожидая уловить по какому-нибудь едва заметному признаку присутствие врага.

Не доходя приблизительно двух миль до большого дома Франс-Стэшона, он счел нужным подвигаться дальше ползком, как это делают туземцы. Затаив дыхание, осторожно раздвигая руками кусты и приостанавливаясь по временам, чтобы прислушаться, он пробирался таким образом с полчаса, как вдруг остановился, с трудом подавив крик. Он увидел невдалеке от себя две человеческих фигуры, наполовину скрытые темнотой ночи и ги-

гантским стволом эвкалиптового дерева, к которому они, по-видимому, прислонились.

Притаившись под нижними ветками другого дерева, канадец не сводил глаз с этих двух фигур, остававшихся совершенно неподвижными.

— Быть может, это только иллюзия, оптический обман, — начал было думать Дик, — подождем! Немыслимо, чтобы два живых существа долгое время могли оставаться столь неподвижными!

Однако четверть часа прошло без всяких перемен. Дик все еще не решался продолжать свой путь: он знал, что любой туземец, если ему это нужно, простоит совершенно неподвижно несколько часов кряду. С другой стороны, не мог же он в самом деле оставаться здесь до утра?! Он решился прибегнуть к хитрости, весьма распространенной среди лесных бродяг и охотников. Он издал крик, который часто во сне издает опоссум, чем всегда выдает ночным охотникам свое присутствие и за что всегда расплачивается жизнью, если поблизости есть охотник.

Дик мастерски подражал крикам различных птиц и животных, и хитрость его удалась. Ни один туземец, даже и на тропе войны, никогда не откажется изловить опоссума, особенно если животное так близко от него.

Едва только раздался крик опоссума из-под куста, как Дик услышал следующие слова одного из ночных стражей:

— Вот прекрасный обед на завтра подзывает нас к себе из-под кустов, пусть же Птица-пересмешник хорошенько раскроет свои глаза, чтобы нас не застигли врасплох, пока я из ловлю опоссума!

Тот, к кому были обращены эти слова, что-то пробормотал в ответ, и его товарищ, отделившись от ствола, стал осторожно подкрадываться к тому кусту, где он слышал крик. Но Дик воспользовался временем переговоров, чтобы отойти назад, продолжая время от времени издавать тот же крик, чтобы заманить молодого нготака, так как оба туземца, стоявшие под деревом, были воинами этого племени. Отведя его достаточно далеко от оставшегося на страже товарища, Дик издал еще один крик, а затем, быстро поднявшись на ноги, спрятался за ствол пандана, держа наготове свой широкий охотничий нож.

— Я не думал, что он так далеко, — прошептал нготак, быстро подавшись вперед в направлении последнего крика опоссума. В этот момент он поравнялся с деревом, за которым стоял канадец; нготак не успел даже заметить его, как тот одной рукой схватил его за волосы, а другой вонзил ему в горло свой широкий нож по самую рукоятку, так что бедняга не успел даже вскрикнуть.

Звук падения его тела привлек было внимание его товарища, но тот подумал, что это охотник набросился на свою добычу, чтобы не дать ей уйти из рук, и потому спросил охотника, удалось ли ему изловить зверя.

— Ноа! (молчи)! — ответил также шепотом канадец. — Птица-пересмешник навлечет на нас внимание «поппа» (белого)!.. Не беспокойся, зверь у меня в руках!

Старый траппер говорил на наречии нготаков так же превосходно, как и на языке нагарнуков, да и из-за шепота различить его голос не было никакой возможности. Теперь ему оставалось только избавиться от второго врага; но вдруг он изменил свое намерение и, вложив нож в ножны, проворно стал разворачивать плетеную ременную веревку, с которой никогда не расставался. Подкравшись ко второму нготаку, ничего не подозревавшему, и рассчитывая на свою необычайную силу, он обхватил его вокруг пояса и разом повалил на землю со словами:

— Только крикни или шевельнись, и ты умрешь. Если ты дорожишь жизнью, отвечай мне, но не пытайся обмануть меня... Тебя зовут Воан-Вах — Птица-пересмешник?

— Да, Тидана!

— Что ты здесь делал с товарищем?

— Великий вождь поставил нас здесь, чтобы сторожить дорогу от нагарнукских деревень к поселению белых!

— Чтобы подстеречь Тидану во время его возвращения с похорон и убить его вашими бумерангами прежде, чем он успеет защититься, не так ли?

— Да, Тидана!

— А в это время воины вашего племени, пользуясь последними часами ночи перед рассветом, когда сон всего крепче, должны напасть на поселок белых? Да?

— Нет, Тидана, не таково было их намерение!

— Берегись, если ты говоришь неправду!

— Воан-Вах говорит правду; воины должны напасть не на поселок, а на прииск!

— Почему?

— Потому что наш кобунг ночует в большом сарае на приiske, а мы хотим вернуть его себе!

— Пусть Птица-пересмешник скажет мне, есть ли еще другие воины по дороге к поселку белых!

— Нет, нет!

— Скажи, последуешь ли ты за мной, не подавая голоса, не призывая на помощь и не пытаясь сбежать, если я пощажу твою жизнь?

— Ты можешь делать со мной, что хочешь: я твой пленник, Тидана, и судьба моя в твоих руках!

— Сколько тебе лет?

— Двадцать два времени цвета! — ответил Воан-Вах.

Австралийцы считают года по времени цветения деревьев и кустов, когда весь лес превращается в сплошной шатер цветов. Это время, соответствующее нашему маю и июню, у них наступает в сентябре и ноябре.

Внезапная мысль зародилась в мозгу канадца при взгляде на юного воина. До сих пор он никогда не думал обзаводиться слугой из туземцев, да ему и не было в этом надобности, пока были живы Виллиго и его верный Коанук. Но теперь он почувствовал себя осиротелым. Общество европейцев не могло заменить ему туземцев, с которыми он так сроднился; его вкусы, привычки, наклонности и самый образ жизни — все это было больше сродни вольным сынам лесов. Он приобщился ко многим их предрассудкам и взглядам; ему были дороги многие их обычаи и предания; у него, наконец, была потребность говорить на их языке. Он не только по имени, но и на деле стал членом великой семьи нагарнуков, братом Виллиго, сыном его отца. Кроме того, он теперь чувствовал потребность постоянно иметь кого-нибудь при себе, кто бы был ему всецело предан и на кого бы он мог во всякое время рассчитывать. Так ему пришлось в голову привязать к себе этого молодого нготака, Птицу-пересмешника.

Всеобщий закон австралийских племен гласит, что пленник становится собственностью и вещью того, кто захватит его в плен. Если пленивший врага дает пленному торжественное обещание, что отказывается от своего права убить его или замучить пытками, то пленник с этого момента становится не рабом, так как идея рабства совершенно незнакома австралийцам, а слугой и вместе с тем членом семьи того, кто его взял в плен. В своем родном племени его вычеркивают из числа живущих; он даже утрачивает свое первоначальное имя, чтобы получить новое, которое дает его господин. С другой стороны и пленник, пока не принял «дара жизни», считает себя вправе бежать, если ему это удастся, сопротивляться и даже убить, того, кто захватил его в плен. Избежав плена, он вправе вернуться к своим и занять свое место в родной семье и прежнее положение в племени. Но добровольно приняв «дар жизни», он лишается права предпринимать что-либо для возвращения себе свободы; с этого момента он уже принадлежит семье и племени своего благодетеля, даровавшего ему жизнь, и если бы он после этого вздумал бежать и вернуться к своим, то его единоплеменники прогнали бы его от себя со словами: «Иди и плати свой долг за дар жизни!»

У него нет больше в родном племени ни жены, ни детей; его права и имущество переходят к ближайшему родственнику; он считается как бы умершим. С разрешения своего господина он может взять себе другую жену и обзавестись новой семьей в том племени, к которому теперь принадлежит.

Этот обычай настолько глубоко укоренился у всех племен австралийских туземцев, что не было ни одного случая, чтобы австралиец не соблюдал его. Но случаи, когда воины отказывались принять «дар жизни», весьма часты, потому что редкий воин соглашается отречься от своего племени даже ради жизни; так, ни один вождь никогда не согласится принять «дар жизни» и всегда предпочтет ему самые страшные пытки и смерть. Поощренные, которых в Австралии называют Тода-Нду, то есть «обязанный до смерти», обычно в семье благодетеля считаются скорее близкими людьми, чем слугами; они до самой смерти остаются как бы обязанными жизнью своему благодетелю и всегда проявляют по отношению к нему трогательную благодарность и преданность. Их положение несколько сходно с положением вольноотпущенников в Древнем Риме.

Поддавшись этой явившейся у него мысли, канадец продолжал свой расспрос.

— Воан-Вах женат?

— Нет, Тидана!

— Выдержал ли он испытания на звание вождя?

— Нет, Тидана, Птица-пересмешник — простой воин!

— И никто не станет оплакивать твоей смерти?

Бедняга задрожал всем телом.

— Отвечай мне! — настаивал Дик.

— У Воан-Ваха есть в его хижине старая мать! — отвечал пленник.

— Хорошо. Ну, а если я дарую тебе жизнь, примешь ты от меня «дар жизни»?

В глазах юноши блеснули слезы.

— Приму, Тидана!

— Будешь ли ты верен мне до самой твоей смерти?

— Клянусь тебе в этом, Тидана!

— Ну, так произнеси страшную клятву!

— Пусть мой дух, лишенный тела на погребальном костре, вечно блуждает по свету в образе каракула и никогда не будет допущен в блаженные охотничьи уголья предков, если я не сдержу своих обязательств! — проговорил отчетливо и не торопясь, с некоторой торжественностью, молодой воин.

— Хорошо, — сказал Дик, — встань, Воан-Вах, ты сохранишь свое прежнее имя!

— Благодарю тебя, Тидана! — отвечал юноша и разом вскочил на ноги.

— Теперь скажи мне, есть ли еще другие часовые по дороге отсюда к нашему большому поселку?

— Нет, Тидана!

— Тем лучше! — проговорил траппер и теперь уже смело пошел вперед в сопровождении Птицы-пересмешника. Спустя четверть часа оба они подошли к аванпостам Франс-Стэшена.

— Кто идет? — спросил густой бас Кэрби.

II

Военный совет. — «Лебедь». — Бегство через лес. —
Джиллинг исчез.

РАНИЦА И КАНАДА! — ОТВЕЧАЛ ТРАППЕР, знавший пароль.

— А-а... это вы, Дик, — произнес фермер, — вас ожидают с нетерпением. Едва ли эта ночь пройдет благополучно: эти нготакки, как вы знаете, имеют привычку нападать незадолго перед рассветом... А это что еще за птица, кого вы тут с собой привели? — И Кэрби поднял свой фонарь к самому лицу туземца.

— Оставьте его, Кэрби, это мой Тода-Нду, обязанный мне до смерти! — отвечал канадец.

— А, это другое дело, — сказал фермер, — иди себе с Богом, никто тебя не обидит!

— Кто на страже сегодня? — спросил Дик.

— Ле Гуэн и Биган со своими матросами-нагарнуками охраняют блокгауз с трех сторон, а Коллинз с четырьмя приисковыми рабочими — с четвертой!

— А Джиллинг?

— Он здесь с нашими друзьями. Он намеревался провести ночь на прииске, чтобы наблюдать за работами!

— За какими работами?

— Да разве вы не знаете, что он взялся в восемь суток поднять со дна подводное судно капитана Спайерса?!

— Ах, да, да... Смерть бедного Виллига совершенно отшибла у меня память!

— Мы узнали от наших лазутчиков, что нготакки собираются сегодня ночью напасть на прииск, чтобы похитить обратно своего кобунга, и потому его превосходительство, лорд Воанго, уступил нашим настояниям и остался во Франс-Стэшене.

— Ну, в таком случае сегодня ночью ничего не произойдет; нготаки не в состоянии напасть на наш блокгауз: им потребовались бы пушки, чтобы разбить наши стены! Прикажите всем забраться в дом, Кэрби, так как нет надобности утомлять наших людей охраной эспланады! А завтра во всей округе не останется ни одного вражеского воина!

— Что вы хотите этим сказать?

— То, что наши друзья нагарнуки послали им черный камень проклятия, и нготакам не хватит всех их воинов даже для защиты своих деревень. Не пройдет суток, если не ошибаюсь, как они поспешат предложить мир, так как едва ли соберут пятьсот человек, тогда как нагарнуки уже сейчас выставили две тысячи душ!

— Ну, я не так уверен в этом, Дик, нготаки соединятся с другими племенами!

— А вы забываете, что и мы можем выставить три десятка карабинов в помощь нашим союзникам! Разве вы не знаете, что все племена буша, вместе взятые, не посмеют пойти против наших, вооруженных карабинами и шестизарядными револьверами! Нет, Кэрби, я опасался нападения сегодня ночью, пока нагарнуки не заявили, что становятся на нашу сторону! Кроме того, огнестрельное оружие ночью, в темноте, стоит не больше, чем стрелы. Я опасался, чтобы эти черти не подожгли дома и не наделали нам хлопот, а теперь, раз они пропустили этот случай, нам их нечего бояться!

— Но вы забываете, что они найдут поддержку в вашем исконном враге!

— Вы говорите о «человеке в маске» и его воздушном судне?! — засмеялся старый траппер. — Счастье его, что у меня не было под рукой моего дальнобойного ружья, когда он явился сюда и кружил над головой; впредь я ему от души советую держаться подальше, если он снова вздумает повторить свой полет над Франс-Стэшеном!

— Не таково мнение капитана Спайерса!

— Пусть он говорит о том, что его касается, — грубовато заметил канадец, — я, конечно, не могу обвинять его в смерти моего бедного друга Виллиго, так как он только защищался, и Виллиго был, конечно, неправ, что напал первый, не предупредив меня о своем намерении, на человека, которого мы приняли в своем доме. Но я все-таки никогда не забуду, что если бы его не привело сюда какое-то злосчастье, то мой верный старый товарищ был бы еще жив... Впрочем, не будем лучше говорить об этом; пусть только капитан Спайерс не занимается обороной Франс-Стэшена: это вовсе не его дело!

— Вы сейчас услышите его и всех наших друзей, которые собрались там наверху и ждут вас, и, наверное, измените ваше мнение, не то останетесь один при своем мнении... Нам грозит страшная беда, Дик! Я, конечно, недостаточно сведущ, чтобы понять, в чем дело; но и граф, и Джильпинг, который, при всех своих недостатках, человек ученый, и оба капитана, и их механики — все согласны с мнением Спайерса, а я понял только из их слов, что жизнь всех нас висит на волоске!..

— Ну, это мы посмотрим! — проговорил старый траппер, бывший, по-видимому, сильно не в духе, и, подозвав Коллинза, попросил его немедленно предупредить капитанов Ле-Гуэна и Бигана, а также обоих механиков, что он желает немедленно говорить с ними и будет ждать их в библиотеке. Затем, обернувшись к Кэрби, он сказал:

— Следуйте за мной и вы увидите, что во всем этом больше дыма, чем огня!

Оба приятеля направились к укрепленной части дома в сопровождении Воан-Ваха, который, как тень, следовал за своим господином.

Этот юный нготак был рослый, красивый молодой человек, с открытым, приятным лицом, сильный и хорошо сложенный; как мы увидим впоследствии, канадец поступил очень благоразумно, пощадив ему жизнь.

Дик уже присутствовал при той сцене между капитаном и Джильпингом, когда последний взялся поднять «Ремэмбер» со дна озера на поверхность, но принимал все это за фантазии изобретателей; он не допускал, чтобы это диковинное судно могло что-либо сделать, равно как и его маленькие спутники.

Едва только Дик вошел в библиотеку, где держали совет ожидавшие его друзья, как тотчас же заговорил на эту тему.

На этот раз ему отвечал не капитан, а молодой граф, выведенный из себя упорством своего друга.

— Дорогой Дик, — сказал он, — теперь не время вступать в пререкания и в десятый раз доказывать то, что отсутствие некоторых познаний мешает вам понять! Достаточно вам знать, что капитан Спайерс нашел способ сосредоточить на носовой и кормовой частях своих судов такое громадное количество электричества, что, будучи направлено в известную точку, оно действует, как удар молнии. Эти его суда, как вы сами видели, Дик, могут не только держаться на воде и под водой, но и подыматься в воздух, как это сделал вчера «человек в маске», и могут истребить целую армию, затопить целый флот, стереть с лица земли целый город — и нет на свете такой силы, которая могла бы помешать этому. И вот теперь одно из этих страшных судов находится во

власти нашего злейшего врага, и потому мы должны ожидать каждую минуту, что нас со всем нашим блокгаузом и прииском сотрут в порошок силой электрического разряда!

Присутствующие подтвердили слова графа.

— Все это весьма интересно, Оливье, — сказал Дик, — и напоминает мне те фантастические сказки, которыми меня забавляли в детстве. Но допустим, что все, что вы мне говорите об этих судах со слов капитана Спайерса, правда; скажите же, каким образом этот человек, которого вы называете по справедливости нашим злейшим врагом, удовольствовался простой прогулкой над нашими головами, вместо того чтобы уничтожить нас, обратить нас в порошок, как вы говорите, стереть с лица земли! Это мое последнее возражение, так как я вижу, что все против меня!

— Ответить на ваше последнее возражение нетрудно, Дик! Дело в том, что овладев «Лебедем», «человек в маске» легко сумел справиться с ним на воде, на суше и на воздухе, поскольку в продолжение нескольких дней видел, как капитан управлял «Ремэмбером». Но капитан позаботился скрыть опасный механизм от нескромных взглядов; чтобы эти электрические аккумуляторы привести в действие, надо знать секрет скрытого механизма, а наш враг еще вчера не знал этого секрета; вот почему он и не мог вчера ничего предпринять против нас. Но он знает о страшных силах, какими обладает «Лебедь», и если ему удастся раскрыть этот секрет раньше, чем Джильпинг сдержит свое обещание поднять «Ремэмбер» на поверхность, то мы погибли. Даже сам изобретатель не знает иного средства воспротивиться этим батареям, как противопоставить им более сильные батареи; но эти более сильные батареи покоятся на глубине полусотни метров под водой!

— Простите мое недоверие, Оливье, но я ведь человек неученый, — сказал канадец, — и мне очень трудно поверить вещам, превосходящим мое понимание. Не понимая же опасности, я не могу придумать и средства к ее предотвращению; поэтому скажите мне, что вы думаете делать?

— Одно только может спасти нас и дать время Джильпингу исполнить свое обещание, а именно: капитан полагает, что наш враг не сумеет открыть секрет, не рискуя при этом жизнью; возможно, что момент его торжества будет вместе с тем и моментом его смерти! Не так ли, Джонатан? — спросил Оливье.

— Совершенно верно! Если этот негодяй не будет руководствоваться указаниями известного механика-специалиста, то можно почти с уверенностью сказать, что он убьет себя при первой же попытке воспользоваться электрическими аккумуляторами. Все

двери во внутреннем помещении заперты, и первая дверь, которую он попытается раскрыть, угостит его таким зарядом электричества, которое может убить быка! Но на это нельзя слишком рассчитывать, так как, бежав с «Ремэмбера», лежащего на глубине пятидесяти метров под водой, этот человек проделал такой фокус, на какой не всякий был бы способен, а это доказывает, что мы имеем дело с человеком недюжинным!

Последние слова как-то угнетающе подействовали на присутствующих. Все они были люди смелые и не раз доказали это, но нависшая сейчас над их головами опасность, против которой они были совершенно бессильны, невольно угнетала их; почти бессознательно каждый из них кидал украдкой взгляд в окно, чтобы посмотреть не виднеется ли где-нибудь на горизонте страшное судно, грозящее всем им гибелью. Воцарилось тяжелое, давящее молчание.

— Несомненно, — заговорил капитан, — что до сего момента он еще ничего не открыл, иначе этот человек ни на час не отсрочил бы торжества своей ненависти, и если мы еще существуем, то это доказывает только, что он пока ничего не знает. А теперь будем ждать, когда мистер Джильпинг объявит нам, что эта тягостная неопределенность нашего положения кончилась прекратиться.

— Ага! — сказал Джильпинг. — Вы ждете моего ответа? Ну, так скажу; я потребовал восемь суток, а теперь думаю, что завтра к вечеру, перед заходом солнца, «Ремэмбер» будет на повер-жности!

Громкое «ура» огласило комнату.

— Если так, то вы — наш спаситель! — воскликнул капитан. — Я буду обязан вам более, чем жизнью! Благодаря вам десять лет трудов, мучений и лишений не будут потеряны ни для меня, ни для человечества!

— Я хотел было сделать одно предложение, — сказал канадец, — но теперь оно утратило свой смысл.

— А вы все-таки скажите, милый Дик! — заметил граф.

— Я думал во главе нашего отряда и сотни нагарнукских воинов двинуться форсированным маршем к деревням нготаков и похитить «Лебеда» прежде, чем кто-либо успеет догадаться о нашем появлении!

— Что же, мысль недурна, и в случае, если Джильпинг опоздает, ею можно будет воспользоваться! — заметил Оливье.

— Господин, Птица-пересмешник хотел бы сказать свое слово! — произнес вдруг молодой нготак, сидевший на корточках за стулом своего господина.

— Говори, — сказал канадец, — мы тебя слушаем!

— Господин, Отуа-Но и его крылатого судна уже нет в деревнях моего племени!

— Что ты говоришь?

— Воан-Вах сказал правду, господин; «человек в маске» улетел на своем судне в Мельбурн.

— Когда?

— В тот самый день, когда он сговорился с великими вождями моего племени!

— Неужели он отказывается от борьбы? — сказал Оливье.

— Отнюдь нет, граф, — возразил капитан, — этот человек крайне предусмотрителен и осторожен: он отправился в Мельбурн, чтобы захватить там лучшего механика и руководствоваться его советами!

— Что ж, все к лучшему! Значит, он не успеет вернуться сюда раньше завтрашнего вечера!

— Я в этом не столь уверен, — заметил капитан, — «Лебедь» настолько быстроходен, что может пролететь расстояние туда и обратно менее, чем в одни сутки!

Вдруг он вскрикнул, кинулся к лампе и загасил ее. Но прежде, чем успели его спросить, что случилось, он заговорил громко и отчетливо:

— Господа, соблюдайте спокойствие и порядок, прошу вас, иначе мы погибли! Вы видите два красных огня на краю горизонта?! Это электрические рефлекторы «Лебеда»! Зная их силу, я могу определить расстояние, на каком судно находится в данный момент, а именно, в пяти или шести милях отсюда! Через десять минут, если оно несется полным ходом, «Лебедь» будет здесь; я погасил свет для того, чтобы он не мог служить неприятелю путеводным огнем. Не зная хорошо местности, ему придется замедлить ход, чтобы отыскать блокгауз и не сбиться с направления. Мы же и все обитатели Франс-Стэшена, все до одного, должны бежать в лес, бежать как можно дальше от жилья! Предупредите об этом всех, кто находится на прииске, так как враг непременно направит свои уничтожающие силы прежде всего на жилье: он нарочно явился сюда ночью, рассчитывая застать нас всех спящими!

Все как бы остолбенели и напряженно глядели на две красные светящиеся точки, которые постепенно становились все ярче.

— Надо спешить, господа! Глупо, оставаясь здесь, дать себя прихлопнуть, как мышат в мышеловке!

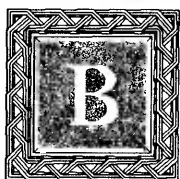
И спустя десять минут все, что было живого во Франс-Стэшене и на прииске, находилось в глубине леса, на расстоянии не менее четырехсот метров от жилища, на маленьком лесистом

холме, откуда можно было следить за маневрами воздушного судна.

Так как крутом было страшно темно, то Оливье вздумал сделать переключку; при этом Джильпинг, а также Тукас и Дансан не отзывались на свое имя. Куда же делись англичанин и оба механика! Что случилось с ними?

III

Секрет «Лебеда». — Четыреста миль за восемь часов —
Ошеломленный Дадсон. — Разряд электричества. —
Уничтожение «Надежды». — Страшные опасения.

СКОРЕ СТРАХ БЕГЛЕЦОВ ПРЕВЗОШЕЛ всякую меру: «человек в маске» вернулся со своим воздушным судном! Но для того ли, чтобы снова только напугать их, или с тем, чтобы осуществить свою угрозу? Судя по решительному ходу маленького судна, капитан склонялся к последнему предположению.

Иванович действительно вернулся из Мельбурна, где ему посчастливилось напасть на инженера-электротехника, которого администрация вынуждена была уволить за пьянство. Стоит ли говорить, что это был англичанин; звали его мистер Дадсон. Предупрежденный о необычайной силе электрических машин воздушного судна, этот господин, облачившись в резиновые перчатки и налокотники, мог безнаказанно экспериментировать над механизмами «Лебеда» и за несколько часов достаточно хорошо ознакомиться с ними. Иванович, стоя подле него, тщательно записывал все, что Дадсону удавалось открыть или понять, чтобы впредь не быть в зависимости от этого человека. Дело значительно упрощалось тем, что каждая кнопка была занумерована. Это было большой неосторожностью со стороны Джонатана Спайерса, объяснявшейся тем, что, не имея возможности лично управлять всеми тремя судами, он хотел облегчить задачу доверенных лиц, которым намеревался передать управление маленькими спутниками «Ремэмбера».

Чтобы не возбудить любопытства обитателей Мельбурна, Иванович прибыл туда ночью, не зажигая огней на «Лебеде», и спустился в тенистом и громадном саду итальянского посольства, глава которого, как помнит читатель, был также членом Общества Невидимых, а потому и персонал посольства был благорасположен к Ивановичу.

Пять членов Общества Невидимых, последние из числа, командированных Великим Советом в Австралию, еще находились в Мельбурне в ожидании его распоряжений. «Человек в маске»

посвятил их в свои намерения и в ту же ночь покинул Мельбурн вместе с этими господами и Дадсоном на «Лебедь», отправившись прямо во Франс-Стэшен и заранее предвкушая свое торжество.

Вместо того, чтобы пользоваться для управления «Лебедь» хрустальными кнопками, помещавшимися снаружи, что препятствовало закрытию верхнего люка, Иванович теперь благодаря содействию Дадсона управлял им изнутри, из механического отделения. Теперь он мог одинаково свободно управлять судном на море, на суше и в воздухе.

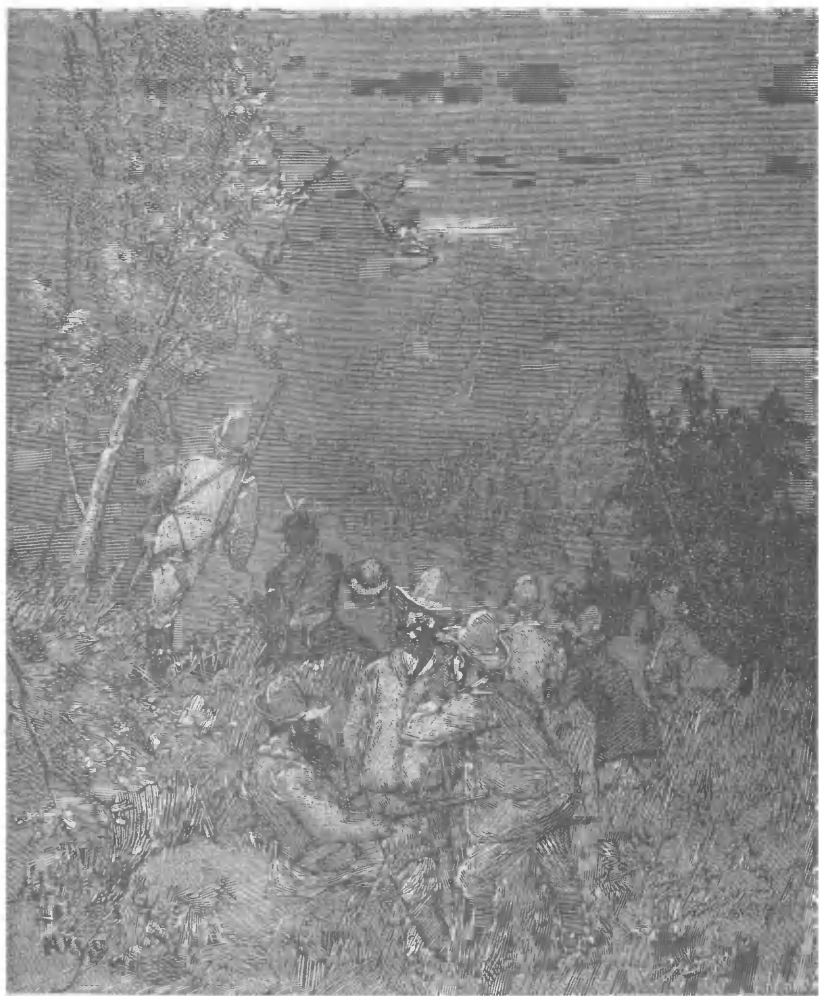
Несясь вперед с невероятной быстротой, Иванович размышлял о том, чего ему удалось достигнуть в эти несколько дней: теперь изобретение Красного Капитана стало его собственностью; через несколько часов он истребит Франс-Стэшен со всеми живущими в нем и утолит свою ненависть, а затем овладеет «Ремэмбером», что теперь совсем легко сделать. Конечно, следовало ожидать известного сопротивления со стороны Дэвиса, но, обладая теперь всеми секретами механизма, он легко мог прекратить доступ воды в машины, и тогда через несколько часов машина, вырабатывающая воздух, перестанет работать, и на «Ремэмбере» не останется ни одного живого существа, которое могло бы воспротивиться воле Ивановича.

При всем том, однако, его теперь стеснял еще один человек, а именно Дадсон. Он сделал снимки нескольких аппаратов и приспособлений, то есть занес в свою записную книжку важнейшие части механизма, изобретенного Красным Капитаном... Зачем он это делал? Намерение его было очевидно.

— На свете не должно быть двух людей, владеющих этим секретом! — решил Иванович и созвал одного за другим всех пятерых Невидимых в свою каюту, где довольно долго беседовал с ними по-русски.

Отбыв в шесть часов вечера из Мельбурна, «Лебедь» к трем часам ночи был уже в пределах видимости Франс-Стэшена. По пути они останавливались только один раз, чтобы испытать силу аккумуляторов; с высоты двух-трех сотен метров они направили электрический ток на большое ранчо с населением в тридцать человек или более, с изрядным количеством скота и постройками, и в одну секунду от него не осталось камня на камне, не уцелела ни одна кошка, ни один цыпленок — все было сметено с лица земли.

С Дадсоном сделалось дурно; он обладал слишком чувствительной натурой, а потому, когда «Лебедь» достиг своей конечной цели, то злополучного электротехника уже не было более на воздушном судне: Иванович приказал во время полета раскрыть верхний люк, чтобы пассажиры могли подышать свежим возду-

хом, — и вдруг у Дадсона началось головокружение; несчастный, громко вскрикнув, исчез в пространстве; так, по крайней мере, доложили Ивановичу его подчиненные.

— Бедняга умрет раньше, чем коснется земли! — проговорил Иванович. — Отворять этот люк слишком опасно. Распорядитесь его закрыть! — приказал он Хомутову, тому из пяти Невидимых, которого он возвел в должность помощника командира на «Ле-

бед» и которого за короткое время полета обучил всем секретам управления этим воздушным судном.

Не спуская глаз с двух рефлекторов, Джонатан Спайерс с болью в сердце следил за полетом неприятеля. Еще несколько минут — и «Лебедь» будет над Франс-Стэшеном.

С того момента, как граф и его друзья укрылись в лесу, никто не проронил ни слова. Но в ту минуту, когда «Лебедь» спустился над его домом, Оливье подошел к капитану и спросил его вполголоса:

— Как вы думаете, что он может сделать?

— Молите Бога, граф, чтобы бешенство этого человека не обрушилось на ваш дом; иначе из всего, что там есть, не уцелеет ни одна былинка: все обратится в жалкую грудку мусора!

Вдруг слабый крик радости вырвался из груди капитана: «Лебедь», описав круг над домом, направился к озеру. Однако через секунду раздался оглушительный удар: «Надежда», стоявшая на якоре на некотором расстоянии от берега, исчезла в клубах пенящихся волн и страшном водовороте, образовавшем глубокую воронку. Сотрясение воздуха было настолько сильным, что, несмотря на большое расстояние, все укрывшиеся в лесу попадали на землю.

Когда они снова поднялись на ноги, то при свете рефлекторов «Лебеда», освещавших озеро, как днем, увидели жалкие обломки судна, плавающие на его поверхности. Онемев от ужаса, все смотрели на эту страшную картину, не решаясь обменяться своими впечатлениями. Но это было еще не все. Теперь, когда все они думали, что «человек в маске» обрушится на жилые строения Франс-Стэшена, они вдруг увидели, что «Лебедь» стал быстро уходить под воду. При виде этого Джонатан Спайерс не мог удержаться, чтобы не воскликнуть:

— Негодай, он попытается теперь завладеть «Ремэмбером»!

Но он тотчас же успокоился, вспомнив, что внешний механизм большого судна был совершенно иной, чем механизм малых судов. Тем временем на поверхности озера снова появился «Лебедь», а вместе с ним и «Оса». Теперь Джонатан понял, зачем Иванович опускался на дно: он хотел похитить у него на глазах и второе судно. Если бы люди могли умирать от бессильного гнева, то Красный Капитан, наверное, умер бы в этот момент.

Тем временем оба воздушных судна плавно поднялись в воздух, как две морские чайки, и с минуту носились над озером; затем «Лебедь» выдвинулся вперед, и они понеслись по направлению к деревням нготаков.

Джонатан Спайерс впиался ногтями себе в грудь; то, что он испытывал в эти минуты, не поддается описанию.

— Клянусь, — воскликнул он, — что, если когда-нибудь этот негодяй попадет в мои руки, я заставлю его испытать во сто раз худшие мучения! Он издевается теперь над моим бессилием... Но что

же делает Джильпинг? О, я отдал бы двадцать лет моей жизни за то, чтобы «Ремэмбер» был теперь в моих руках, хотя бы всего только на один час!

— Как вы думаете, — спросил Оливье, — вернется он сюда еще раз в эту ночь?

— Несомненно! — отозвался Спайерс. — Он отлично знает цену времени, и если отсрочил на несколько минут свое мщение, то только для того, чтобы больше и полнее насладиться им. Вероятно, «Лебедь» уже израсходовал весь свой запас электричества на уничтожение «Надежды», а «Оса» не была еще готова. Теперь потребуется около часа, чтобы зарядить аккумуляторы обоих судов; через этот промежуток времени он и вернется, чтобы довершить свое дело уничтожения и разрушения. Запоздай он всего только на сутки — и мы были бы спасены. Мой бедный «Ремэмбер», бедные мои товарищи!

— И, закрыв лицо руками, Красный Капитан заплакал, как дитя.

— Если бы мы предупредили нагарнуков, то, быть может, нам удалось бы помешать ему! — заметил Дик.

— О нет! Это повлекло бы за собой только еще большее число жертв! — проговорил капитан.

В этот момент перед ним точно из-под земли вырос туземец и шепнул ему на ухо: «Иди, Воанго ждет тебя!»

Так называли нагарнуки, по старой памяти, Джильпинга.

Капитан сразу повеселел: в этих двух словах ему почудился луч надежды.

— Подожди, я сейчас иду за тобой, — ответил он туземцу также шепотом, а затем, обращаясь к остальным, громко заметил: — Если вы дорожите жизнью, то пусть никто не уходит отсюда до тех пор, пока я не вернусь!

— А куда вы идете? — спросил граф.

— Попытаться спасти всех вас! — сказал капитан и исчез в кустах, где его поджидал нагарнук.

IV

Джонатан Спайерс и Джильпинг

КРАСНЫЙ КАПИТАН БЫСТРО ПРОБИРАЛСЯ по кустам вслед за проворным и привычным туземцем и, спустившись с холма, вдруг услышал знакомый голос:

— Простите, капитан, что я побеспокоил вас; но я думал, что вам будет приятно совершить маленькую прогулку!

— Что вы хотите сказать? — спросил капитан.

Но вместо ответа почтенный проповедник затянул своим гнусавым голосом Шестьдесят пятый псалом.

— Бога ради, — воскликнул Спайерс, — скажите, что значит эта шутка?

— Я вовсе не шучу; я думаю, что вы никогда не слышали мелодию этого псалма на кларнете! — отвечал Джильпинг.

— Побойтесь Бога! — умоляюще проговорил капитан.

— Ну, ну... пойдете... Вы, пожалуй, правы, и нам нельзя терять времени. Садитесь позади меня на моего осла. Это очень смиренное и кроткое животное, привычное к музыке, и ему будет очень приятно везти нас обоих, я в этом уверен!

Не зная, что ему делать и положительно теряя голову, несчастный Джонатан Спайерс счел за лучшее беспрекословно подчиниться оригинальному англичанину.

— Прекрасно! — продолжал тот, — вот так, надеюсь, вам хорошо сидеть. А ты, нагарнук, возьми повод и веди нас! — добавил он, обращаясь к туземцу.

Когда они тронулись в путь, Джильпинг достал свой кларнет и принялся улаживать слух капитана музыкой Шестьдесят Пятого псалма. Звуки церковного пения, плавные и протяжные, будя ночную тишину, приводили в неописуемое удивление бедных ара, зеленых попугайчиков, а также какаду, нарушая их мирный сон.

Джонатан Спайерс тем временем молил Бога, чтобы он дал ему силы удержаться от преступления: ему хотелось задушить Джильпинга, чтобы прекратить его музыкальные излияния.

Между тем почтенные проповедник, окончив псалом, тщательно разобрал и сложил свой инструмент в футляр, а затем, обернувшись к своему спутнику, сказал:

— Кстати, капитан, я пришел к убеждению, что можно попытаться поднять наше судно и с помощью менее сложного механизма, чем я первоначально думал!

— Что вы хотите сказать? — спросил капитан.

— Да, это очень просто! Я обещал вам окончить эту историю к сегодняшнему вечеру, но, видя, что ваш «Ремэмбер» нужен вам сейчас же, решил позвать своего осла Пасифика.

— Мистер Джильпинг! — воскликнул капитан, едва сдерживаясь.

— Вы понимаете? Да, я позвал Пасифика и сказал ему тихонько, потому что он ужасно не любит, когда с ним обращаются резко: друг мой, нам необходимо быть ровно в десять минут на прииске!

— Мистер Джильпинг! — снова воскликнул капитан умоляющим тоном.

— Что? Вы больны? Нет!.. Прекрасно, так я продолжаю; мы отправились с ним на прииск; я шел рядом, так как когда нам

надо спешить, то мы быстрее идем пешком. Ровно в десять минут мы были на приiske; люди не прекращали работы, и иголки работали быстро и хорошо!

— Иголки? — переспросил капитан.

— Ну, да, иголки — парусный холст лежал грудями.

— Парусный холст? — повторил капитан.

— Ну, да... ведь не думали же вы, в самом деле, что я его построю из дерева! — и англичанин громко расхохотался.

Джонатан Спайерс ничего не мог взять в толк: ему казалось, что он теряет рассудок.

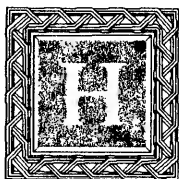
— Построить из дерева... что? — переспросил он.

— Что? Ну, конечно, тот аппарат, который должен поднять на поверхность ваш «Ремэмбер»! При мне в каких-нибудь четверть часа все было окончено и перевезено на берег озера, равно как и десять снопов соломы и маленькая печь. С восходом солнца, как только немного рассветет, мы приступим к делу — и ваш «Ремэмбер» будет на поверхности озера. Я, конечно, не могу вам обещать, что он долго продержится, так как аппарат очень слаб, но все же мы его поднимем.

Из всего, что говорил Джильпинг, капитан ничего не мог взять в толк; он понял лишь, что англичанин сдержит свое обещание, и, не будучи более в состоянии владеть собой, под влиянием внезапного прилива крови к голове слабо вскрикнул и без чувств скатился на траву.

V

Приготовления. — Идея мистера Джильпинга. — На борту «Ремэмбера». — Волнения Джона Хэббука Литлстона. — Заговор.

АГАРНУК И ДЖИЛЬПИНГ БРОСИЛИСЬ НА помощь капитану, но последний усилием воли уже поднялся на ноги и, бросившись к Джильпингу и до боли сжимая ему руки, воскликнул: — Сто раз за эту ночь я обещал полжизни за обладание «Ремэмбером» в течение одного часа, а потому я теперь говорю вам, мистер Джильпинг: когда бы вам не понадобилась моя жизнь и при каких бы то ни было условиях, она — ваша!

— Полноте, капитан! Да это такая простая штука, что ребенок мог бы ее придумать! Вес «Ремэмбера», по вашим словам, весьма ненамного превосходит его водоизмещение; потому-то он и может и подыматься, и опускаться при самом незначительном давлении. Он и подымается, и опускается под воду на основании

тех же законов, что и воздушный шар в атмосфере. Сжатый воздух между стенками его корпуса легче воды и заменяет ему газ. Если вы выпустите часть этого сжатого воздуха, «Ремэмбер» опустится ко дну, а как только ваша машина, вырабатывающая воздух, возместит утраченное количество воздуха, он начнет всплывать. Но для управления надо, чтобы ваше судно было послушно малейшему изменению давления. Так вот, это небольшое количество воздуха, которое вы не в состоянии при настоящих условиях возместить ему, так как находитесь вне вашего судна, я думаю заменить маленьким воздушным шаром.

— Шаром! Действительно, как это просто! — воскликнул Джонатан Спайерс. — Прямо-таки Колумбово яйцо. Как это не пришло мне в голову!

— Единственное затруднение, — продолжал Джильпинг, — состояло в том, чтобы соединить наш шар с вашим судном, лежащим на глубине сорока метров от поверхности озера. Я придумал сделать это с помощью двух колец из кованого железа, укрепленных на длинных канатах и надетых одно на нос, другое на корму судна, после чего канаты обоих колец, соединенные вместе, привяжут к канатам шара — и дело в шляпе! Еще вчера ночью Биган, Тукас и я на одной из шлюпок надели кольца на нос и корму «Ремэмбера», теперь остается только привязать шар к канатам от колец, наполнить его нагретым воздухом с помощью маленькой печи и рубленой соломы, которые теперь уже заготовлены на берегу, и через каких-нибудь пять минут вы увидите на поверхности озера ваш «Ремэмбер». Но вам надо будет поспешить воспользоваться коротким промежутком времени, в течение которого нам можно будет сообщаться с ним, так как шар почти наверное не выдержит увеличившейся тяжести судна вне воды и лопнет почти в тот самый момент, когда судно появится над поверхностью.

Все это Джильпинг говорил, продолжая подвигаться вперед, и вскоре собеседники в сопровождении туземца вышли на берег озера.

Здесь все было в полной готовности; Тукас и Дансан находились на своих местах. Джонатан Спайерс был вне себя от радости: он уже не сомневался в полном успехе придуманного Джильпингом приема и в порыве невыразимой благодарности судьбе, даровавшей ему спасение тогда, когда он все считал безвозвратно погибшим, внутренне дал клятву во имя графа и тех добрых людей, которые захотели помочь ему теперь, посвятить остаток дней своей деятельности на благо человечеству, а не на горе ему, как он мечтал раньше.

«Победив Ивановича и рассчитавшись с ним, я употребляю свое изобретение на то, чтобы даровать народам мир вместо уничтожения и войны. Народы восстают друг на друга, побуждаемые или принуждаемые к тому честолюбивыми завоевателями и человекоубийцами, себялюбивыми и жестокими, между тем сами по себе они желают жить в мире и трудиться для увеличения своего благосостояния. И я буду стоять на стороне народов против тех, которые натравливают их друг на друга для своих личных выгод и тщеславия; буду стоять за слабых против сильных, за жертв против их палачей!» — думал Красный Капитан.

Между тем время шло; звезды начали бледнеть на горизонте; близился рассвет. Очевидно, и Иванович дожидался этого момента, чтобы действовать с большей уверенностью и полнее насладиться своей местью.

Капитан вырвал из своей записной книжки листок и набросал на нем карандашом следующие строки:

Все обстоит хорошо. Через четверть часа я буду на «Ремэмбере»! Предупредите нагарнужских воинов, чтобы они рассыпались по всему лесу, так как возможно, что, потерпев поражение, «человек в маске» покинет своих и будет стараться укрыться в лесу. Не надо давать ему возможность бежать: настал час возмездия за все его преступления!

Эту записку он отослал с туземцем молодому графу, чтобы успокоить его.

— По местам, господа! — скомандовал Джильпинг.

Красный Капитан встал на самом краю берега, как раз напротив того места, где в нескольких метрах от берега находился его «Ремэмбер», готовый каждую минуту кинуться в воду и вплавь добраться до своего судна.

— Биган, растопите печь! — продолжал Джильпинг.

Солома разом вспыхнула и ярко запылала; люди без устали подбрасывали ее в огонь, и спустя несколько минут азростат стал надуваться.

Оба механика держали наготове причалы, чтобы спустить по первому слову команды...

Вернемся, однако, к тому, что происходило внутри судна, которое теперь поднимали на поверхность воды. Прошло всего только пять дней с того времени, как капитан покинул «Ремэмбер», но эти пять дней показались экипажу целой вечностью. Мрачный и безмолвный, как грозный призрак, Сэмюэл Дэвис наблюдал за тем, чтобы все несли свою службу совершенно так

же, как при капитане. Но уже на третьи сутки Холлоуэй, старший механик, осмелился явиться к Дэвису и спросить его, долго ли они будут оставаться в этом положении. В ответ Дэвис указал ему на свои пистолеты и сказал:

— В следующий раз они вам ответят!

И Холлоуэй больше ничего не спрашивал, но среди механиков началось глухое брожение; открытый бунт неминуемо вспыхнул бы на судне, если бы все эти люди не были глубоко убеждены, что их жизнь зависит от лейтенанта Дэвиса, которому, как они думали, был известен секрет управления судном; если его не станет, то ни один человек не выйдет живым из этого металлического гроба. И этого было достаточно, чтобы сдерживать всех в границах самой строгой дисциплины.

Загадочное бегство Ивановича не вызвало никаких подозрений, так как Дэвис объявил Прескотту и Литлстону, что он отправился с его поручением к капитану. Сам же он, не зная, как объяснить себе это непонятное исчезновение, полагал, что капитан ночью приходил за своим другом и увез его с собой, никого об этом не предупредив. Это предположение, вполне согласовавшееся с характером Джонатана Спайерса, было тем более вероятно, что Дэвис всегда считал русского ближайшим другом и поверенным капитана.

Таким образом, все волей-неволей мирились с существующим положением. Но если бы кто-либо мог заподозрить, что секрет «Ремэмбера» так же известен Дэвису, как и последнему механику, и что жизнь всех находящихся на судне всецело зависит от возвращения капитана, то волнение было бы велико, и едва ли Дэвис был бы в состоянии поддерживать дисциплину.

Особенно неуравновешенным было поведение почтенного Джона Хэббука Литлстона: в противоположность мрачному спокойствию остальных, он проводил большую часть дня в каюте, давая полную волю своим горьким мыслям.

— Ну, виданное ли дело, чтобы в мои годы, в сорок пять лет, человек, занимавший почетное положение в калифорнийском суде, вдруг очутился в какой-то закупоренной жестянке, на дне австралийского озера, где можно пить только дистиллированную воду и дышать искусственно выработанным воздухом? Нет, без сомнения, это дурная наследственность! Мой отец в один прекрасный день исчез, и никто никогда ничего не слышал о нем; шестнадцать лет от роду сестра моя, Анна-Мария, вышла замуж за какого-то трапшера-канадца, вместе с ним покинула цивилизованное общество и начала скитаться по лесам и дебрям и жить жизнью дикарей. В конце концов мой младший брат забрал себе в голову перелететь на воздушном шаре через Атлантический

океан и тоже пропал бесследно. Я один вел нормальный и разумный образ жизни, но и мне, очевидно, суждено кончить, так же, как они. Какая злая насмешка судьбы: начинать делать глупости в сорок пять лет! После этого я готов ждать от себя всего, что угодно; я поверю, что могу сделаться вождем дикарей, что меня будут звать «Дубонос» или «Летучий змей», что я стану скальпировать своих собратьев, поклоняться какому-нибудь Маниту и есть человеческое мясо! Я как сейчас помню, как моя незабвенная мистрис Литлстон говорила мне: «Хэбкук, если меня не станет, ты сделаешь еще что-нибудь худшее, чем все они, твои родственники». И что же? Что же? Едва только она успела умереть, как я тотчас же поступаю казначеем на судно, летающее под облаками, и на шар, ныряющий на дно океана... Другой бы сразу сбежал на моем месте, когда его встретили два немых негра, которые посмотрели на меня так, как будто хотели съесть, и когда владелец чудовищного судна с таким видом, как будто он собирался вышвырнуть меня в окно, дал мне всего один час срока перед отправлением в бесконечное путешествие, цель которого мне не была известна! Ах, мистрис Литлстон, мистрис Литлстон, зачем вы так рано переселились в лучший мир! Если бы вы не покинули меня, я не был бы заключен, как сардинка, в запаянную жестянку и не разгуливал бы в железной клетке, как африканский лев в зоологическом саду, не жил бы на глубине пятидесяти метров под водой, как морская рыба... Нет, надо положить этому конец! — неизменно восклицал Хэбкук в заключение и шел разыскивать Дэвиса.

— Мистер Сэмюэл Дэвис! — обращался он к нему, но тот обычно откликался не раньше, чем на пятый или шестой раз, и говорил своим обычным ледяным тоном, сопровождаемым холодным, непроницаемым взглядом строгих глаз:

— Чем могу вам служить?

Вся решимость Литлстона при этих словах Дэвиса как-то разом пропадала; он робко спрашивал грозного лейтенанта:

— Который теперь час?

Однажды даже, смущенный ледяным тоном и строгим взглядом лейтенанта, Литлстон настолько растерялся, что на вопрос Дэвиса ответил:

— Сегодня прекрасная погода, мистер Дэвис, превосходная погода!

Врач Прескотт разразился громким смехом, и даже сам Дэвис не мог удержаться от улыбки.

Однако Холлоуэй не мог забыть оскорбительной для него угрозы Дэвиса и мало-помалу, заручившись сочувствием своих подчиненных, решил совместно с ними овладеть лейтенантом и силой, под угрозой смерти, принудить его поднять «Ремэмбер» на поверхность

озера. Согласовав план действий, заговорщики отложили осуществление своего замысла на двадцать четыре часа, бесповоротно решив действовать, если к этому времени не вернется капитан.

Дэвис был превосходный лейтенант, знающий свое дело, свято помнящий свой долг и беззаветно смелый, но это был не тот человек, который требовался для поддержания дисциплины на таком судне, как «Ремэмбер», где люди подолгу принуждены были оставаться без света, без солнца и вообще без всего, что может разнообразить жизнь на судне. При таких условиях нужен был человек строгий, но вместе с тем обходительный, который мог бы поддерживать свой авторитет не только строгостью, но и расположением подчиненных к себе.

Упомянутые двадцать четыре часа прошли, а капитан еще не вернулся. Холлоуэй и остальные механики стали ночью совещаться и, порешив не терпеть далее подобной жизни, вооружились револьверами и ножами и направились к каюте лейтенанта, который только что заснул крепким сном, посвятив часть ночи на обход судна для наблюдения за порядком.

Было около пяти часов утра.

Заговорщики подошли уже к самым дверям каюты Дэвиса, как вдруг ощутили легкое содрогание судна, как будто оно собиралось тронуться с места. Холлоуэй, шедший впереди, остановился; «Ремэмбер» снова дрогнул, и опытные моряки на этот раз безошибочно почувствовали, что судно снялось со дна и постепенно подымается на поверхность. В этот момент распахнулась дверь, и на пороге показался Дэвис.

— Что тут происходит? — Что вы здесь делаете? — строго и повелительно спросил он механиков.

— Мы пришли предупредить вас, лейтенант, что «Ремэмбер» снялся!

VI

Шар Джильпинга. — Военная хитрость. — Хомутов.

ЕРВЫЕ ПРИЗНАКИ ЗАРИ НАЧАЛИ ПОЯВЛЯТЬСЯ на небе, когда Джильпинг громовым голосом крикнул: «Отдать причалы!» Приказание было выполнено с таким проворством, что маленький шар, почувствовав свободу, тотчас же стал подыматься. Громкое «ура» приветствовало этот результат стараний Джильпинга.

После первого подъема на высоту всего несколько метров шар как бы судорожно вздрогнул; канаты и даже самая его ткань как будто натянулись под действием тяжести, которую им при-

ходилось выдерживать; это продолжалось всего одну секунду, но капитан побледнел, как полотно.

Что, если канаты не выдержат или шар лопнет? Эта мысль молнией обожгла его мозг, и он чуть было не упал в обморок, но тут же принял решение: если случится несчастье, он моментальнокинется в озеро и исчезнет с лица земли. Но вот шар снова стал медленно подниматься со скоростью, приблизительно один метр

в секунду, постепенно уменьшающейся вследствие убыли газа; однако, по расчетам Джильпинга, все-таки должен был подняться на нужную высоту.

Вдруг Джонатан Спайерс громко и радостно вскрикнул и, вскинув руки вверх, кинулся в озеро, заведя под водой очертание своего судна. Проникнуть в него тем же путем, каким Иванович выбрался наружу, было делом одной минуты, а затем «Ремэмбер», управляемый капитаном, поднялся до ватерлинии и подошел к набережной. Верхний палубный люк раскрылся, и Джонатан Спайерс вышел на палубу, окруженный всем своим штабом. Легкий утренний ветерок донес до его слуха приветственные возгласы графа и его друзей, следивших за всеми перипетиями подъема «Ремэмбера» с лесистого холма, где он их оставил.

— А теперь, друзья, — сказал Джонатан Спайерс Джильпингу и другим, собравшимся на берегу, — спешите как можно скорее в лес к графу; оттуда вы сумеете, ничем не рискуя, присутствовать при последнем действии этой страшной драмы. Час возмездия пробил для «человека в маске»! А пока мы снова уйдем на несколько метров под воду, чтобы он не увидел нас раньше времени!

— Не нужно ли кому-нибудь из нас остаться здесь, в кустах, чтобы предупредить вас о появлении на горизонте врага условным сигналом — револьверным выстрелом или камнем, брошенным в озеро?

— Нет, с помощью двух превосходных рефлекторов я могу наблюдать за всем горизонтом. — Уходите скорее, вы только едва успеете укрыться от опасности!

Сказав это, Джонатан Спайерс срезал канаты, прикреплявшие шар к «Ремэмберу», а затем с помощью людей своей команды, сбросил кольца в озеро, так как теперь они могли только стеснять судно во время маневрирования на воде и в воздухе.

Однако «человек в маске» все еще не показывался, хотя все уже было готово для его встречи: под каждым кустом и за каждым деревом скрывался нагарнукский воин, а все европейцы собрались на лесистом холме, где граф и его друзья провели ночь.

Когда Джон Джильпинг с остальными прибыл сюда на своем возлюбленном Пасифике, то был встречен с триумфом, и только появление на горизонте двух темных точек прервало ряд громких приветствий по его адресу. Эти две темные точки были «Лебедь» и «Оса», явившиеся сюда, чтобы довершить дело уничтожения, начатое вчера. Иванович удалился ночью только для того, чтобы зарядить аккумуляторы и дать нужные наставления Хомутову, которому он поручил управление «Осой». Из осторожности он направился на территорию нготаков, своих союзников, чтобы не рисковать быть схваченным врасплох: он опасался, что капитан

Спайерс предпримет что-нибудь, чтобы вернуть себе хотя бы одно из своих маленьких судов, не имея возможности пользоваться большим.

Всего несколько часов тому назад он еще видел «Ремэмбер» на дне озера, и ничто не давало ему повода думать, что за это короткое время положение вещей могло хоть сколько-нибудь измениться.

Уверенный в успехе своего предприятия, Иванович отдал своему лейтенанту, то есть Хомутову, самые несложные приказания, а именно, следовать за ним и во всем подражать его действиям.

Прежде всего он намеревался окончательно уничтожить жилой дом Франс-Стэшена, а также магазины и другие строения Лебяжьего прииска, а затем, если кто-либо из обитателей уцелеет, преследовать их одного за другим, пока не останется в живых ни одного европейца. На двух человек особенно была направлена его ненависть: на графа д'Антрэга и на Джонатана Спайерса, а между тем он знал, что вместо того, чтобы бежать, эти люди будут стоять в первых рядах защитников. Он обещал своим союзникам нготакам, покончив со своими личными счетами, стереть с лица земли деревни нагарнуков и помочь им истребить их врагов, всех до последнего.

Ввиду этого нготакская армия подошла к границе своей территории, чтобы присутствовать при истреблении всех белых, за исключением кобунга, которого они просили пощадить.

Но Иванович ничего не обещал: разве он мог что-нибудь сделать, если этот кобунг будет находиться в момент разряда электричества в районе его действия?

Подойдя на расстояние полуверсты от дома Франс-Стэшена, оба воздушных судна спустились на землю, и Иванович с несомненно издевательской целью отправил к неприятелю парламентаризма с предложением всем белым сдать на его милость, обещая сохранить им жизнь, за исключением троих, имена которых будущий победитель не пожелал назвать. Но посланный вернулся обратно со следующим надменным ответом: «Человеку в маске» дается десять минут, чтобы вернуть оба судна, похищенные им, их настоящему владельцу и объявить себя его пленником, после чего он будет расстрелян, как солдат, вместо того, чтобы быть повешенным, как лесной разбойник!»

При этих словах Иванович невольно вздрогнул: он положительно не понимал подобной смелости со стороны противников.

— Довольно! — воскликнул он, — идем на них, и не щадить никого!

Оба судна плавно поднялись над главным зданием Франс-Стэшена.

Тогда произошло нечто необычайное: граф сообщил своим друзьям явившуюся у него мысль, которая тотчас же была единодушно принята всеми.

— Человек этот трус! — сказал он. — Это мы видели из того, что он всегда выставляет кого-нибудь вместо себя там, где ему может грозить опасность! Перенесем стол и нужное количество кресел на эспланаду и расположимся там кто с книгой, кто с шахматами, кто с полевым биноклем, наблюдая за их полетом, как бы ради развлечения, как за самым обычным любопытным явлением. Я уверен, что этот трус при виде нашего хладнокровия смутится. Мы же ничем при этом не рискуем, так как капитан, который не спускает с него глаз, успеет вовремя предупредить всякую беду!

Действительно, и «Лебедь», и «Оса» были устроены так, что могли посылать свой разряд электричества только вертикально, то есть лишь тогда, когда они находились непосредственно над своей мишенью, и «Ремэмбер» имел достаточно времени, чтобы помешать Ивановичу осуществить его намерение. Кроме того, можно было сказать с уверенностью, что одно появление «Ремэмбера» должно было заставить Ивановича прежде всего подумать о самозащите или даже искать спасения в бегстве.

Каково же было, в самом деле, удивление и недоумение Ивановича, когда, поднявшись на достаточную высоту, чтобы видеть эспланаду Франс-Стэшена, которую до того скрывали от него деревья, он вдруг увидел на ней всех европейцев в полном сборе, расположившихся в непринужденных позах, как было упомянуто выше, причем почтенный Джильпинг, взобравшись на спину своего возлюбленного Пасифика, пытался заставить его продемонстрировать приемы «высшей школы», чему последний упорно не поддавался. В тот момент, когда установленные на «Ремэмбере» рефлекторы передали эту картину, Джонатан Спайерс, не смеявшийся уже много дней, не мог не разразиться громким смехом; его примеру последовали и остальные.

— Bravo! — воскликнул он. — Я уверен, что это внушит страх такому жалкому трусу!

Действительно, оба воздушных судна держались в воздухе на расстоянии ста пятидесяти—двухсот метров от жилища графа и Дика, не смея приблизиться к нему. Вдруг они наклонили свои носы и стали медленно спускаться к земле: удивленный донельзя поведением своих врагов, Иванович почувствовал безотчетный страх и подал сигнал сесть на землю, чтобы посоветоваться со своим помощником, Хомутовым.

— Ну, чего вы ждете? Отчего разом не поразите всех этих наглецов?! — грубо воскликнул Хомутов, как только палубные люки обоих судов раскрылись. — Право, если бы я не находился у вас под началом и если бы смерть этих людей не была мне глубоко безразлична, я бы стал действовать помимо вас!

— Да разве ты не понимаешь, что для того, чтобы так бравировать в их положении, они должны рассчитывать на что-нибудь верное, на что-нибудь такое, что может парализовать наши действия?!

— Тем лучше, — сказал Хомутов, — роль убийцы мне не по душе. А вы разве деретесь только без риска, наверняка?

Бледный и нерешительный Иванович был жалок в эту минуту.

— Ты не знаешь Джонатана Спайерса, — заметил он, — он способен изобрести в несколько дней какую-нибудь адскую машину, которая заставит всех нас дорого поплатиться за нашу смелость!

— Как! Имея в своем распоряжении такие сильные орудия, вы способны отступить?! Так зачем было вытаскивать меня из Мельбурна? Нет, с этим надо покончить; дайте мне попытать счастья! Я пойду вперед, а вы будете держаться на некотором расстоянии позади меня, чтобы в случае надобности оказать мне поддержку!

Иванович все еще не решался.

— Ничто не может быть естественнее, — продолжал Хомутов, которому были известны намерения Невидимых относительно графа, — предводитель всякой экспедиции руководит действиями, а не выставляет себя вперед!

— Пусть так, — согласился Иванович, — в таком случае ты примешь командование «Лебедем», батареи которого уже испробованы нами вчера, это будет вернее!

— Хорошо, — согласился Хомутов, — мне все равно!

Он не подозревал о скрытых мыслях Ивановича, который при этом имел в виду, что вчера Красный Капитан видел его на «Лебеде» и потому, если он в состоянии защищать Франс-Стэшен, то, наверное, направит свои главные силы на «Лебеда», полагая, что Иванович на нем, и, быть может, оставит без внимания «Осу» с неизвестным командиром.

Сотни человеческих душ предал Иванович смерти ради своих интересов, но собой он никогда не рисковал, и теперь он помышлял только о том, как бы самому избежать опасности в случае неудачи. Его природная хитрость и осторожность пробуждались в нем с удвоенной силой при малейшем признаке опасности, и

тогда он, не задумываясь, отказывался от всех своих планов и замыслов, только бы не рисковать своей жизнью. Вот почему его враги, несмотря на все свое мужество и настойчивость, не могли до сих пор расправиться с ним; они даже не знали его имени, кроме нескольких человек, которых он связал словом, уверенный, что эти люди никогда не изменят своему честному слову, даже если он сто раз нарушит свои обещания.

Собираясь перейти на «Осу», Иванович сообразил, что двое находившихся на этом судне Невидимых могли только стеснить его в момент бегства, и решил избавиться от них. За несколько минут в его голове созрел новый план, который должен был обеспечить впоследствии его несомненную победу. Зная упорство Джонатана Спайерса в злобе и ненависти и решение канадца и графа преследовать его даже на краю света, Иванович был уверен, что ему без труда удастся заманить их куда угодно и таким образом заставить их попасть в расставленную им западню.

— Степи Урала безмолвны! — прошептал он сквозь зубы и приказал людям, находившимся на «Осе», перейти к Хомутову на «Лебедя».

— Тебе пригодятся еще два человека, — сказал Иванович, — а мне никого не надо!

У Хомутова родилось подозрение, что этот трус хочет бежать. Но что он мог сделать против этого?! Кроме того, не все ли ему было равно, раз он решил действовать на свой страх и риск, не рассчитывая на его поддержку?!

Оба воздушных судна одновременно поднялись на воздух, и Хомутов, не оглядываясь, следует ли за ним Иванович, смело направился прямо на Франс-Стэшен. Видя его решительный образ действий, «человек в маске» на мгновение устыдился своего малодушия и, не рассуждая о том, что он делает, последовал за ним.

Завидев «Лебедя», мчавшегося прямо на Франс-Стэшен, наши друзья невольно устремили тревожные взгляды на озеро. Всего одна минута промедления — и могло быть уже поздно. Но едва успели они это подумать, как «Ремэмбер», точно стрела, взлетел на воздух и преградил дорогу обоим судам, вызывая их на бой. В один момент все обитатели Франс-Стэшена очутились на ногах и с напряженным вниманием устремили взоры вверх. Из-за кустов и деревьев буша также всюду вынырнули черные головы туземцев, нагарнуков и нготаков, сгоравших от нетерпения наброситься друг на друга, но выжидавших, когда белые люди окончат свои счеты между собой.

VII

Бой. — Смерть героя. — Бегство под водой. — Последний день нготаков.

ОЙ ОБЕЩАЛ БЫТЬ ТЕМ БОЛЕЕ ИНТЕРЕСНЫМ, что все суда внутри нисколько не пострадали от электрических залпов; чтобы победить врага, нужно было идти на abordаж, причем малейшее повреждение крыльев или руля должно было неизбежно повлечь за собой моментальное падение судна на землю, а это

означало неизбежную и страшную смерть для всего экипажа.

В данном случае, сила удара несомненно была на стороне «Ремэмбера», а проворство движения и численность — на стороне противника.

Достаточно было, чтобы одно из малых судов атакowało «Ремэмбер» с носовой части, тогда другое могло наброситься со всего разлета на одно из крыльев колосса и повредить его. Понятно, что при этом и атакующее судно погибнет вместе с атаковавшим, и тогда победа останется за другим маленьким судном, которое и сотрет с лица земли Франс-Стэшен и всех его обитателей.

Поэтому было необходимо, чтобы весь экипаж того из двух судов, которое атакует «Ремэмбер», согласился пожертвовать своей жизнью.

Не подлежит сомнению, что если бы Хомутов и Иванович могли сообщаться между собой, то первый предложил бы пожертвовать собой ради удачи предприятия, но Красный Капитан, предвидевший опасность, решил не дать времени своим противникам сговориться. Да и вид внезапно вынырнувшего из озера «Ремэмбера» произвел на Ивановича ошеломляющее впечатление, и некоторое время «Оса» бесцельно носилась в воздухе. Спайерс приписал это неосведомленности человека, которому Иванович должен был спешно поручить управление судном; думая, что его смертельный враг находится на «Лебеде», он направил «Ремэмбер» на последний.

Хомутов сразу понял, что не может рассчитывать на своего союзника, и решил смело выдержать схватку. Чтобы лучше владеть своим судном, он убавил ход, и в тот момент, когда «Ремэмбер» устремился на него с целью нанести решительный удар, «Лебедь» кинулся книзу, и колосс, увлекаемый силой инерции, стремительно пронесся над ним. Едва только «Лебедь» остался позади, как он тотчас же поднялся и попытался нанести «Ремэмберу» удар своим тараном в кормовую часть. «Ремэмбер» едва успел повернуться носом к противнику, который, видя, что его

маневр не удался, пользуясь своей быстротой, взвился вверх и пронесся над гигантом.

То было поистине грандиозное зрелище, и зрители невольно испытывали известное сочувствие к этому маленькому судну, так героически сражавшемуся с гигантом врагом.

После нескольких счастливо избегнутых атак маленькому «Лебедю» удалось наконец всадить свой таран в корму «Ремэмбера», но — увы! — он не смог уже вытащить его и очутился как бы на буксире у своего неприятеля. Джонатан Спайерс тотчас же понял свое преимущество и направил судно к земле, рассчитывая, что если «Лебедь» не успеет высвободиться раньше, то «Ремэмбер» возьмет приз. Иванович думал, что Хомутов погиб; надо было бежать, но куда направиться, чтобы «Ремэмбер» не нагнал его, пользуясь своей более высокой скоростью? Внезапно ему пришла в голову мысль хотя бы на время замести свои следы. Лавирование, к которому ему приходилось прибегать, чтобы не попасть в зону боя, привело его к озеру, над которым теперь носилась в воздухе «Оса»; не задумываясь, Иванович направил свое судно к озеру и проворно нырнул в его глубь, сопровождаемый громкими криками присутствующих, видевших этот маневр. Этот поступок Ивановича лишил бедного «Лебедя» последней надежды в самый критический момент. Однако отважное маленькое судно все еще не сдавалось; оно употребляло теперь все усилия, чтобы высвободить свой таран, но это ему не удавалось. Тогда у Хомутова явилась мысль произвести разряд электричества; моментально последовал оглушительный удар. «Лебедь» весь задрожал, точного готов был разлететься вщепки, но тот же момент, освободившись, снова устремился на «Ремэмбер» для фланговой атаки, которой «Ремэмбер», однако, благополучно избежал, опустившись неожиданно вниз.

Одно мгновение Хомутов надеялся, что пробоина, нанесенная гиганту его тараном, выведет его из строя, но блиндированная обшивка делала «Ремэмбер» неуязвимым.

Тем не менее эта отчаянная борьба маленького судна с гигантом подняла в глазах присутствующих личность Ивановича. Даже Джонатан Спайерс удивлялся его мужеству.

— А я-то считал его подлым трусом! — бормотал он, продолжая следить за всеми движениями своего противника... — Я положительно не узнаю его, и если бы его товарищ обладал хотя бы десятой долей его мужества, я был бы разбит своим собственным оружием... Если мне удастся взять его живым, то мы окажем ему честь и расстреляем его: таких людей не вешают, как собак! Какая жалость, что он так же подл, как и смел!

Но надо было покончить с ним как можно скорее: с таким врагом малейшая забывчивость могла повлечь за собой роковые последствия, и он решил преследовать его, не давая ему времени перевести дух. С этой целью Спайерс следовал за «Лебедем», не давая ему возможности обернуться и стать лицом к лицу. Затем вдруг «Ремэмбер» послал в его крылья все шесть разрядов своих шести аккумуляторов, которые, в противоположность «Лебедю» и «Осе», в случае надобности могли действовать и горизонтально, и вертикально. Самый ток не оказывал собственно разрушающего действия на арматуру «Лебеда». Но течение воздуха было настолько сильно, что маленькое судно, захваченное образовавшимся вихрем, закружилось, как осенний лист. Этим моментом воспользовался «Ремэмбер»: с быстротой молнии он настиг его и ударом своего мощного тарана сорвал у врага одно крыло. В тот же момент «Лебедь», как раненая птица, рухнул на землю с высоты двухсот или трехсот метров и разлетелся в щепки.

Спустя несколько секунд Джонатан Спайерс уже спустился на землю. Среди обломков погибшего «Лебеда» в лужах крови лежало пять страшно изуродованных трупов. Красный Капитан с напряженным вниманием вглядывался в черты погибших. Но Ивановича среди них не было!

Подоспевшие в этот момент Оливье и его друзья, желавшие поздравить Джонатана Спайерса с победой, с изумлением увидели, что он был в бешенстве.

— Этот негодяй ушел от нас! — воскликнул он вне себя, — а эти пять смельчаков пожертвовали жизнью, чтобы дать ему возможность бежать! Какая жалость, что такая самоотверженность не нашла себе лучшего применения! — И, склонившись над убитыми, он долго разглядывал их одного за другим.

— Все пятеро были членами Общества Невидимых, — сказал наконец капитан. — Видите, у каждого железное кольцо на пальце; это — наивные солдаты, которых таинственное общество посылает умирать ради неизвестных им целей, и ни один из них не отступает даже перед смертью!

Оливье и Дик были сильно удивлены, что «человека в маске» не было в числе погибших. Опять была пролита кровь, и опять этот неуловимый враг ушел из их рук в решительную минуту.

— Но он во всяком случае не успел еще совершенно скрыться от нас, — продолжал Джонатан Спайерс, — откуда до Мельбурна далеко, и я сумею отыскать последнего раньше, чем он успеет покинуть Австралию. Этот человек — настоящий бич: каждый его шаг запечатлен кровью, и я клянусь не отступаться до тех пор, пока не будут отомщены все несчастные жертвы этого негодяя!

— И все мы поможем вам в этом! — заявили Оливье и Дик.

— В таком случае все на борт! — крикнул капитан своему экипажу, который сошел было на берег, обрадованный случаем погреться на солнце и подышать свежим воздухом, чего они были лишены с самого своего отъезда из Америки. Прескотт и Дэвис тотчас же направились к судну, лежавшему всего в нескольких шагах с широко раскрытыми люками, но Холлоуэй и его подчиненные не тронулись с места.

Джонатан повторил свое приказание. Тогда старший механик подошел к Красному Капитану.

— Вы имеете что-нибудь сказать мне? — спросил последний, смерив его ледяным взглядом.

— Да, капитан! — как-то неуверенно пробормотал Холлоуэй.

— Прекрасно, но прежде повинуйтесь! Раз я отдал приказание, то оно тотчас же должно быть исполнено!

Холлоуэй все еще стоял в нерешительности, а капитан не спускал с него своих пронизательных холодных глаз.

Бунт на судне был делом немаловажным, и морские законы всех стран отличаются необычайной строгостью; в Америке, как и во всех других странах, командир судна пользуется правом распоряжаться жизнью всех, находящихся на судне, в случае малейшей попытки бунта. А Джонатан Спайерс выправил все необходимые документы до своего отправления из Сан-Франциско; поэтому никто из служащих на его судне не мог считаться свободным в своих действиях против него.

Холлоуэй знал это; знал также и то, что Красный Капитан не задумается пристрелить его при первой же попытке неповиновения. И хотя самолюбие старшего механика, двадцать раз заявлявшего своим подчиненным о том, что он не намерен долее повиноваться и снова сесть на судно, сильно страдало, тем не менее он медленно направился к «Ремэмберу», куда за ним последовали остальные механики. Не успел он ступить ногой на судно, как Джонатан Спайерс, подзвав Дэвиса, приказал ему громким, отчетливым голосом:

— На двое суток в кандалы мистера Холлоуэя, чтобы научить его повиноваться с большей поспешностью!

Дэвис молча исполнил приказание и отвел Холлоуэя в междупалубное помещение, предназначенное для арестов.

Признаки участия в заговоре и остальных механиков не укрылись от наблюдательного капитана, но он предпочел сделать вид, что ничего не замечает. Покорно принятое Холлоуэем наказание совершенно дискредитировало его во мнении подчиненных, и дальнейшее его влияние на них было устранено теперь навсегда; следовательно, дальнейшие попытки бунта были уничтожены в зародыше.

Собственно говоря, маленький экипаж «Ремэмбера» был отчасти прав в своем возмущении против существующих на судне порядков, и будь Холлоуэй человек с более сильным характером, он бы смело сказал капитану:

— Мы не брали на себя обязательство служить на военном судне, а вы с первых же дней плавания позволяете убить троих из нас и рискуете, не спрашивая нашего мнения, жизнью всех остальных! На подобных условиях я отказываюсь продолжать службу на вашем судне!

И Джонатан Спайерс должен был бы примириться с этим, так как, если бы он прибегнул к револьверу, то был бы повешен, как только ступит на берег Соединенных Штатов.

Тем временем все, кроме негра Тома и мистера Литлстона уже взошли на судно. Видя это, капитан обратился к последнему строгим, холодным тоном:

— Вы меня слышали?

— Слышал, капитан!

— Так чего же вы ждете?

— Я хочу заявить, капитан, что подаю в отставку!

— Во время плавания я не могу принять вашей отставки, кроме того, напоминаю вам, что вы приняты мной на службу на два года!

— Да, в качестве казначея на судне, но «Ремэмбер» вовсе не судно!

— Что же это такое, сударь? — спросил Джонатан, чувствуя, что им овладевает бешенство.

— Это баллон, капитан!

— Баллон?

— Да, баллон! Заметьте, мы прибыли из Америки в Австралию воздушным путем, затем простояли пять суток под водой, что также не может считаться нормальным положением для судна, а в заключение снова совершили воздушный полет, который мне вовсе не пришлось по вкусу. И так как мы по сие время плавали исключительно в воздухе, то «Ремэмбер» должен быть назван баллоном, а не судном. А я, повторяю, не обязывался служить на баллоне и потому не вернусь больше на «Ремэмбер».

— Берегитесь, сударь! — воскликнул Джонатан Спайерс, посинев от бешенства и выхватив свой револьвер.

Но на этот раз он имел дело с упрямым, что в некоторых случаях хуже человека энергичного.

— О, вы меня не устрашите, — продолжал Литлстон, — я недаром служил два десятка лет в суде и знаю свои права американского гражданина!

При последних словах Дик подошел ближе к спорящим и стал вглядываться в лицо непокладистого казначея.

— Но вы не знаете, сударь, морских законов! — заревел капитан.

— Плевать я хотел на ваши морские законы! — возразил тем же тоном Литлстон. — Ваш «Ремэмбер» — все, что хотите, только не судно, а потому морские законы к нему вовсе неприменимы. Это какая-то жестянка для сардинок, подводный колокол, баллон, все, что хотите, но только не судно. Я сам подам жалобу в адмиралтейство, и вы увидите, сударь, что скорее послушают

меня, бывшего старшего делопроизводителя калифорнийского суда Литлстона, чем вас, какого-то пирата!

— Нет, это уж слишком! — закричал капитан и кинулся с револьвером в руке на своего непокорного казначея, который предусмотрительно попятился назад.

— Стойте! — крикнул канадец, становясь перед капитаном. — Дайте мне расспросить этого человека!

— Что вы вмешиваетесь? — крикнул Джонатан Спайерс, желая оттолкнуть Дика и заставить его дать ему дорогу, но рослый канадец удержал его одной рукой, как малого ребенка, а другой выхватил у него револьвер и зашвырнул его далеко в траву.

— Вы мне ответите за это насилие! — захрипел капитан, выбиваясь из рук Дика.

— Когда вам угодно! — спокойно ответил старый траппер. — А все же я помешал вам совершить бесполезное убийство!

— Простите меня, Дик! — проговорил, приходя в себя Спайерс, пристыженный спокойствием и сдержанностью канадца.

— Я не вмешивался в ваши дела с экипажем, так как думаю, что вы ввели в условия их службы необходимые оговорки, но что касается казначея, который полагал, что ему предложили службу на обыкновенном судне, то вы не можете принудить его против воли проводить жизнь под обломками или на дне моря, и никакие морские или иные власти не признали бы за вами права на это. Кроме того, я хотел еще узнать: вас зовут Джон Хэбрук Литлстон? — обратился он к спасенному им человеку.

— Да, так меня зовут! — отозвался тот.

— Если так, — сказал Дик, — то я Дик Лефощер, муж Анны-Марии Литлстон!

— Так это вы, Дик! О, я давно искал вас и Анну-Марию, — отвечал Литлстон как-то робко, словно опасаясь услышать ответ, что ее нет уже в живых.

— Уже десять лет, как она умерла! — продолжал канадец. — Это была прекраснейшая женщина! — и слезы закапали у него из глаз.

— Дик! Дик! — воскликнул растроганный казначей. — Правда, мы не особенно ладили прежде. Но если хотите, станем теперь любить друг друга, как братья, в память умершей!

— Я готов! — сказал канадец, протягивая ему руку.

При виде этой сцены Джонатан Спайерс протянул руку Литлстону в знак примирения.

Дэвис предусмотрительно позаботился закрыть люки «Ремэмбера», чтобы разыгравшаяся на берегу сцена не уронила престиж капитана в глазах экипажа.

Решено было, что Джон Хэбрук Литлстон, у которого, по-видимому, не было ни малейшего призвания к морской службе и воздухоплаванию, останется на суше со своим зятем Лефошером, а Красный Капитан без него будет продолжать преследование общего врага — «человека в маске». Все эти маленькие препирательства и без того уже отняли много драгоценного времени.

— Прежде всего мы исследуем озеро Эйр! — сказал капитан.

— Едва ли «человек в маске» дожидался вас, — заметил Оливье, — он опустил под воду только для того, чтобы заставить вас потерять его след, и, наверное, покинул озеро, как только решил, что вы не увидите его!

— Я согласен с вами, — проговорил капитан, — и потому намерен преследовать его по пути в Мельбурн или Сидней, но не могу не осмотреть озеро: может быть, я найду там какой-нибудь след или указания!

Нготак и после поражения своего союзника поспешно отступили к своим деревням, но в ту же ночь, окруженные двумя тысячами нагарнуков, были перебиты все до последнего. Не осталось в живых ни одного человека, чтобы возродить племя, которое исчезло с лица земли. Эта страшная ночь по сие время сохранилась в памяти австралийцев под именем «Черного истребления».

Спустя два месяца Красный Капитан один вернулся со своим верным негром Томом во Франс-Стэшен. Неподалеку от берега озера он нашел обломки своего «Лебедя», представлявшие собой груды железа и меди.

Что касается Ивановича, то его и след простыл, и Джонатан Спайерс, обыскав всю Австралию, убедился, что негодяй, вероятно, отплыл из Мельбурна под каким-то чужим именем.

Капитан вернулся взбешенный, но не обескураженный, а более, чем когда-либо, горящий жаждой мщения, вернулся с тем, чтобы предложить своим друзьям принять участие в преследовании негодяя в Европе или, вернее, в России, куда тот, наверное, бежал от преследования.

Но неудачи продолжали преследовать Красного Капитана: однажды, устроив дневку на расстоянии пути от Франс-Стэшена, чтобы дать отдохнуть своему экипажу, он отошел на некоторое расстояние, увлекшись охотой, и вдруг услышал страшный взрыв. Он тотчас же поспешил к тому месту, где находилось его судно, и его глазам представилось ужасающее зрелище: вследствие неосторожности или злого умысла кто-то из экипажа произвел взрыв в электрических аппаратах, до неузнаваемости исковеркавший судно. Взрыв был до того силен, что люди, завтракавшие

на берегу на довольно значительном расстоянии, были убиты наповал.

— Подозреваете вы кого-нибудь в этом деле? — спросил граф, узнав о катастрофе.

— Холлоуэя, — ответил капитан, — я признал всех убитых, и среди них не хватает только его одного. Может быть, он в момент взрыва находился на судне; тогда от него, конечно, не осталось и атома, но если он жив, то пусть молит Бога о защите: я разыщу его и в тундрах Сибири, и в джунглях Индии или пампасах Америки!..

— Но это дело поправимое, — заметил граф, — как бы велика ни была сумма, нужная для сооружения нового «Ремэмбера», Дик и я предоставляем ее в ваше распоряжение!

— Соорудить второй «Ремэмбер»? Нет, я этого не хочу! Разве вы не знаете, что я десять лет тайно работал над ним, заказывая на разных заводах отдельные его части, чтобы у меня не похитили секрета? Но тогда я был молод, полон надежд и переполнен ненавистью!

— Ненавистью? — спросил Оливье. — Кого же вы так сильно ненавидели?

— Человечество!

— Человечество?

— Да, все человечество, подлое и жалкое, благоговееющее перед грубой силой и, в свою очередь, давящее все слабое и обездоленное, все, что не может защищаться, все великое и благородное, чего оно не может понять, чего стыдится и что возбуждает в нем зависть!

— А теперь? — спросил взволнованный граф.

— А теперь у меня нет больше сил ненавидеть и презирать людей — и причиной этому являетесь вы! Много лет тому назад вы подали мне надежду и заронили в мою душу веру в добро и справедливость. Вы сказали однажды: «Если есть страждущие на земле, то лучше помочь им и утешить их, чем мстить за них!» Эти слова запечатлелись в моей душе! Нет, я не построю второго «Ремэмбера»: боюсь снова поддаться дурным инстинктам! Я очищу землю от двух негодяев, так как, пока они живы, другие люди никогда не будут иметь от них покоя. Это «человек в маске» и Холлоуэй. Затем я навсегда хочу отойти от злых дел; это — мое бесповоротное решение!

Спустя шесть недель молодой граф и Дик, поручив прииск Коллинзу, отправились вместе с Джонатаном Спайерсом, Лораном, негром Томом и Воан-Вахом в Париж, где мы их вскоре увидим и где граф при самых удивительных обстоятельствах

узнает наконец, что «человек в маске» и Иванович — одно и то же лицо.

Далее мы увидим, что после серьезного совещания, на котором обсуждался этот вопрос, граф и его друзья решили отправиться в уральские степи, где должно было состояться общее собрание членов Общества Невидимых.

VIII

Ночное нападение. — Генерал дон Хосе Коррасон. — Глаз сыщика.

ОЛНОЧЬ, ГОСПОДА! ПОЗВОЛЬТЕ МНЕ ПОКИНУТЬ вас! — проговорил молодой человек лет двадцати восьми, со смуглым, загорелым и энергичным лицом, в котором читатели без труда узнали бы молодого графа д'Антрэга. С этими словами он обратился к небольшой группе молодых элегантных джентльменов, собравшихся в одной из гостиных клуба на Вандомской площади.

Присутствующие начали удерживать молодого графа.

— Еще не время уходить; в такое время только маленькие дети ложатся спать! — говорили ему. — Ведь это просто не по-товарищески добросовестно — раздражить нас рассказами о необычайных приключениях, затем прервать их на полуслове, как фельетонный роман, даже не пообещав продолжения!..

— Право, господа, не могу! — заметил граф и, попрощавшись с присутствующими, быстро удалился.

— Прикажете позвать карету, граф? — спросил его мальчик, прислуживающий у дверей.

Оливье взглянул на часы и, пробормотав про себя: «Еще целый час времени», — ответил: «Нет, не надо, я пойду пешком!»

Закурив сигару, он не торопясь дошел до набережной Сены, по-видимому, погруженный в глубокое раздумье, которое мешало ему заметить, что с самого момента его выхода из клуба два какие-то чрезвычайно элегантных господина все время следовали за ним на расстоянии двадцати шагов.

Сделав небольшой крюк, видимо для того, чтобы убить лишнее время, граф вышел на берег Сены. Несмотря на то, что на дворе стоял только март, ранняя весна давала себя чувствовать, — в Тюильрийских садах каштаны уже стояли в полном цвету. Молодой граф направлялся на улицу св. Доминика, в особняк, занимаемый его отцом, где у него было свое помещение.

Оливье с неделю тому назад прибыл в Париж из Австралии вместе со своим другом Диком, Джонатаном Спайерсом, Литл-

стоном, неизменным Лораном и несколькими слугами из туземцев буша.

Франс-Стэшен и Лебяжий прииск остались на попечении Коллинза и под охраной нагарнуков. За два года эксплуатации прииск дал Дикю и Оливье сто миллионов долларов чистого барыша.

Что касается мистера Джильпинга, то он еще не закончил приведение в порядок своих ценных коллекций и потому намеревался вернуться в Европу со следующим пакетботом, вместе со своим возлюбленным Пасификом, с которым решил никогда не расставаться. Благодаря щедрости графа и Дика, которым он оказал немало услуг, этот нготакский кобунг возвращался на родину с состоянием в полмиллиона долларов, и так как путь его лежал через Суэц, то попутно почтенный джентльмен собирался заглянуть в Париж, чтобы повидать своих друзей.

Оливье покинул Австралию, не собираясь возвращаться туда, но Дик, не желавший покидать своего юного друга, пока его положение по отношению к Невидимым оставалось невыясненным, дал себе обещание вернуться в Австралию, как только успокоится относительно дальнейшей судьбы Оливье, и провести остаток дней своих в созданном им Франс-Стэшене, в непосредственном соседстве с дорогими его сердцу нагарнуками, подле могильного холма его незабвенного друга и брата Виллиго.

Красный Капитан, совершенно утративший свое непомерное честолюбие, также посвятил сейчас свою жизнь Оливье, но и он, подобно Дикю, к которому теперь беззаветно привязался, мечтал о возвращении на берега озера Эйр, где надеялся, вдали от волнений цивилизованных стран найти для своей измученной души спокойствие и мир, в которых так нуждался.

Вся эта маленькая группа, переселившаяся из далекой Австралии в Париж, готовилась теперь отправиться в Россию, где намеревалась дать последнее решительное сражение Невидимым.

В голове Джонатана Спайерса созрел необычайно смелый план, единодушно принятый его друзьями: захватить не только Верховный Совет Невидимых, но и самого Великого Невидимого, и продиктовать им свои условия мира.

Ежегодно в каком-либо уединенном месте громадной российской территории, неизвестном вплоть до последнего момента, устраивалось годичное собрание делегатов Общества, рассеянных по всему лицу земли. Эти делегаты получали в запечатанном конверте предписание явиться в такой-то город, и там им сообщали таинственное место, избранное для этого ежегодного совещания. Обычно это было какое-нибудь дикое, уединенное место

где-нибудь в ущельях кавказских гор, в уральских или донских степях или на побережье Каспийского или Аральского моря.

Таким образом, осуществление задуманного Красным Капитаном плана было связано с большими затруднениями, но Джонатан Спайерс ручался, что он сумеет заблаговременно узнать о месте собрания, а остальное сделают деньги, которые можно не жалеть.

В этот самый вечер должно было происходить совещание на квартире графа, на котором должен был присутствовать и Люс, теперь всецело преданный интересам графа. Его участие в этом деле могло быть тем более полезным, что он состоял членом Общества Невидимых и до сего времени в глазах Верховного Совета слыл одним из его самых деятельных и надежных членов. Он даже был назначен главным делегатом, на которого возлагалось наблюдение за всеми остальными русскими агентами в Париже.

Поутру на бульваре к Оливье подошел негр, слуга Люса, и сообщил, что последний явится на вечернее совещание к назначенному времени, а затем, почтительно раскланявшись с графом, удалился.

Этим негром был сам Люс. Он обладал гениальной способностью перевоплощения; в префектуре про него рассказывали совершенно невероятные вещи: так, например, он мог по любой фотографической карточке, сев перед зеркалом, за полчаса воспроизвести на своем лице оригинал портрета с таким совершенством, что никому не приходило в голову усомниться в том, что данный портрет снят с него.

Однажды по желанию префекта полиции он преобразился в него самого и в течение целого часа принимал всех подчиненных, не будучи узнан никем. Все удивлялись, что такой искусный человек был отставлен от службы, но никто не знал истинной причины его отставки.

Когда он вернулся из Австралии, то доложил Верховному Совету Невидимых о великодушном поведении графа по отношению к нему и заявил, что предпочитает скорее выбыть из членов Общества, чем действовать против человека, которому он обязан жизнью. Этот благородное решение только возвысило его во мнении начальников, которые совершенно освободили его от всякого участия в этом деле. Но впоследствии, когда, за обещанный миллион франков он согласился помочь графу против тайного общества, то пожалел, что совершенно отстранился от этого дела; он даже не знал, известно ли Верховному Совету о возвращении Оливье в Париж.

Люс надеялся разузнать все это благодаря своему громадному опыту, ловкости и наблюдательности, тем не менее в данный момент это было сопряжено с такими затруднениями, каких, конечно, не было бы, если бы он не отказался от всякого участия в деле графа.

Несмотря на самые лучшие дружеские отношения, Оливье все-таки не мог добиться от Люса имени «человека в маске».

— Я буду защищать вас против него, — говорил он, — и, если буду иметь возможность, сведу даже вас с единственным человеком, который видел его лицо в Австралии, — с негром, слугой борца Тома Пауэлла, исчезнувшим бесследно с двумястами пятьюдесятью тысячами франков заклада, положенного на имя его господина; но не требуйте от меня, чтобы я нарушил данное слово!

— Но скажите, почему этот человек так упорно не желает, чтобы я знал его? Неужели он боится?

— Отчасти и это, но, кроме того, так как он является вашим соперником и рассчитывает, покончив счеты с вами, завладеть вашей невестой, то, зная, что она никогда не согласится стать женой убийцы, желает, чтобы имя этого убийцы для всех оставалось тайной и чтобы даже со временем никто не мог указать на него!

Граф не стал более настаивать.

Станный человек был Люс. Считая себя рабски связанным данным словом, он, не задумываясь, изменял тому обществу, которому обязался служить и членом которого состоял. Быть может, это являлось результатом влияния его профессии. Действительно, многие из сыщиков и полицейских агентов, будучи безупречно честными людьми в своих личных отношениях, не задумываясь вступают в общества и объединения, получая даже от них вознаграждение, а затем предают эти общества. Таковы этические нормы их профессии.

Во всяком случае Люс был весьма ценным союзником и стоил тех денег, которые ему обещали.

Как мы видим, молодому графу было о чем призадуматься по пути с Вандомской площади к дому, на улице св. Доминика.

Дойдя до площади Согласия, он вступил на мост, почти совершенно безлюдный в этот момент. Следовавшие за ним два господина, ускорив шаг, очутились теперь всего в каких-нибудь десяти метрах от него. Достигнув середины моста, граф заметил вдруг человека, который, перекинув ногу через перила, собирался броситься в Сену. Оливье кинулся было к нему, чтобы предупредить несчастье. Но в это время мнимый самоубийца вместе с шедшими за Оливье незнакомцами кинулся на графа и прежде, чем тот успел сообразить, в чем дело, они сбросили его в Сену.

Будучи превосходным пловцом, граф инстинктивно нырнул вглубь и вскоре, выплыв на поверхность, направился к ближайшему берегу, к набережной дворца Бурбонов. В это время от берега отделился ялик, где сидело двое мужчин; один из них крикнул:

— Держитесь, мы сейчас подъедем к вам!

Через минуту ялик подошел настолько близко, что граф ухватился левой рукой за борт и протянул правую своим спасителям, но в этот момент получил такой сильный удар веслом по голове, который совершенно ошеломил его, хотя он во время успел парировать его поднятой рукой. Сообразив, что мнимые спасители — те самые люди, которые сбросили его в реку, граф снова нырнул. В этот момент раздался торжествующий возглас одного из убийц:

— Ну, на этот раз мы его прикончили!

Так как это случилось неподалеку от моста, то Оливье, не взирая на сильную боль в руке, поплыл, держась под водой, под устоем моста, рассчитывая, что ночной мрак поможет ему укрыться от убийц. Действительно, достигнув одного из устоев, он вынырнул и, плотно прижавшись к каменным бокам, совершенно слился с ними в царящем здесь густом мраке. Ощупью он добрался до одного из больших железных колец, специально укрепленных для спасения погибающих или же для прикрепления к ним причалов лодок и, ухватившись за него, стал наблюдать за него-дьями. Ялик некоторое время качался на волнах посреди реки: очевидно, сидевшие в нем хотели убедиться, что загубленный ими человек не всплыл на поверхность. Спустя четверть часа лодка, вместо того чтобы вернуться к берегу, направилась вверх по реке и стала проходить под тем самым пролетом, где притаился Оливье.

Здесь было до того темно, что граф не мог даже различить очертаний проходившей мимо него лодки, но зато явственно слышал, как один из сидевших в ней сказал своему товарищу:

— Жалею, что не выкрикнул ему свое имя в тот момент, когда ты его ударил: он бы по крайней мере узнал перед смертью, кто этот пресловутый «человек в маске»!

Лодка вышла из-под пролета моста и вскоре скрылась из виду. Считая себя на этот раз вне опасности, Оливье в несколько минут доплыл до берега и выбрался из воды. Но едва он успел перенести ногу за каменный парапет, как двое точно из-под земли выросших человека накинудись на него, и в тот же момент он почувствовал сильный удар в плечо: очевидно, метили в сердце. Громко вскрикнув, Оливье упал на землю.

Два полицейских сержанта выбежали из-за угла дворца Бурбонов, но убийцы, оставив свою жертву, бросились бежать в разные стороны, чтобы разделить погоню. Этот маневр удался им как нельзя лучше; оба полисмена кинулись в первый момент к раненому и только потом, спохватившись, что убийцы от них уходят, один из них, крикнув другому: «спеши к раненому!», сам бросился в погоню за тем из двух негодяев, который был ближе от него, но тот уже скрылся.

Тогда полисмен также вернулся к раненому, которого поддерживал его товарищ, и они вместе собрались донести его до полицейского управления, как вдруг подъехал элегантный экипаж, запряженный парой щегольских лошадей; по приказанию сидевшего в экипаже господина он остановился подле раненого.

— Я слышал крики о помощи, — проговорил господин, выходя из экипажа, — и приказал своему кучеру ехать в эту сторону!

Говоривший был мужчина лет сорока, чернокожий, но с благородной, величественной осанкой, во фраке и с лентой ордена Аннунсиаты Панамской.

В этот момент Оливье пришел в себя, очнувшись от обморока.

— Странно, — заметил один из полисменов, — раненый мокр, как будто только что вылез из воды!

— Вы не ошиблись: какие-то негодяи с полчаса тому назад сбросили меня с моста в Сену, — слабым голосом сказал раненый, — затем пытались добить меня ударом весла по голове и, наконец, когда мне удалось выйти на берег, прибегли к кинжалу!

— Какая наглость! — воскликнул один из полисменов. — В двух шагах от нашего поста!

— Помогите мне дойти до дому, — продолжал граф, — моя рана несерьезна: удар пришелся вскользь по плечу...

— Мой экипаж к вашим услугам! — любезно вмешался чернокожий господин.

— Благодарю, я рад буду воспользоваться вашей любезностью! — ответил Оливье.

— Потрудитесь сообщить нам ваше имя и адрес, — обратился к графу один из полицейских, — мы обязаны составить донесение о случившемся!

— Граф Оливье де Лорагю д'Антрэг, особняк Лорагю на улице св. Доминика! — ответил молодой человек.

Чернокожий господин и оба полицейских почтительно поклонились графу.

— Я — генеральный консул и уполномоченный министр республики Панама, дон Хосе Коррасон, — проговорил чернокожий джентльмен, — и весьма рад быть вам полезен в данном печальном случае, граф!

Полицейский поместился в экипаже подле раненого, чтобы поддерживать его.

— Графу не нужны более ваши услуги, — высокомерно заметил иностранец, обращаясь к полицейскому, — я сам доставлю его до дома!

— Весьма сожалею, ваше превосходительство, что не могу поступить согласно вашему желанию, но мы не имеем права покинуть пострадавшего, пока не доставим его в дом или больницу, сдав с рук на руки родственникам! — отвечал полицейский.

— Да, это правильно, когда пострадавший один, — настаивал дон Хосе. — Но в данном случае...

— Во всяком случае, ваше превосходительство, так гласит наше предписание!

Настаивать долее не было никакой возможности, и чернокожий генерал замолчал.

Рана молодого графа была действительно пустяшная, так как кинжал пропорол только верхнее и нижнее платье графа и едва царапнуло плечо, а обморок был вызван скорее чрезмерным волнением, чем болью или потерей крови.

Подъехав к своему особняку, Оливье горячо поблагодарил панамского посланника за любезность и, вручив полицейскому свою карточку, попросил его не входить в дом, чтобы не встревожить старого графа своим неожиданным появлением. Потом Оливье вставил ключ в замок двери и по маленькой боковой лестнице прошел к себе твердым, решительным шагом, как будто с ним ровно ничего не случилось.

Полицейский почтительно поклонился дону Хосе и сделал вид, что собирается удалиться. Но едва только успел отъехать экипаж панамского уполномоченного, как он тотчас же нагнал его и, уцепившись за задние рессоры, повис на них, бормоча про себя:

— Этот господин мне что-то подозрителен: он, видимо, сильно желал остаться с глазу на глаз с графом... Да и вырос он со своим экипажем, точно из под земли, как раз после трех покушений подряд на жизнь этого молодого человека!.. Надо посмотреть, там будет видно!

Проехав площадь Согласия и Елисейские поля и немного не доезжая Триумфальной арки, экипаж свернул на улицу Тильзит и, не убавляя хода, вкатился в ворота богатого особняка, которые почти тотчас же захлопнулись за ним.

Полицейский едва успел соскочить: опоздай он всего на одну секунду, очутился бы во дворе особняка.

Заметив через дорогу винного торговца, собиравшегося закрывать свою лавочку, полисмен подошел к нему и, позевывая, небрежно осведомился, кто живет в этом роскошном особняке.

— Генерал дон Хосе Коррассон, — сказал винный торговец, — панамский посланник.

— Спасибо, спокойной ночи, приятель!

— Спокойной ночи, отозвался в свою очередь торговец, после чего Фролер, как звали полисмена, — бывший первоклассный сыщик, утративший свое положение из-за пьянства и переведенный в разряд рядовых городских, медленно поплелся к своему посту.

Потеря положения была для Фролера тяжким ударом, навсегда излечившим его от пьянства и заставившим его поклясться вернуть себе это положение, и даже более того, достичь почтенного звания начальника сыскного отделения каким-нибудь блестяще проведенным делом.

Фролер денно и ночью помышлял о каком-нибудь таком деле; и каково бы ни было действительное положение чернокожего генерала, но с этого дня он нашил себе весьма опасного соглядатая.

IX

Совещание. — Двойной смертный приговор.

РОЙДЯ В СВОЮ КОМНАТУ, ОЛИВЬЕ ПОСПЕШНО переоделся, выпил немного коньяку для восстановления сил и, когда он вошел в комнату, где его ожидали друзья, никому бы и в голову не могло прийти, что с ним только что произошло несчастье.

В это время в отдаленном углу гостиной сидел чрезвычайно элегантный морской офицер, разглядывавший альбом. Он вошел без доклада, и его присутствие вносило некоторое стеснение, тем более, что он ни с кем не заговаривал и держался в стороне.

Предупрежденный о той бесперемонности, с какой сюда явился этот моряк, Оливье прежде всего подошел к нему и спросил:

— Позвольте узнать, с кем имею честь говорить и чему я обязан честью вашего посещения в такое неурочное время!

— Боже мой, да я с вами согласен, что теперь несколько поздно, — заметил гость, — но я слышал, что вы только что приехали из Австралии, и так как я собираюсь поехать туда, то желал бы получить от вас некоторые сведения относительно этой страны!

Оливье стоял в нерешительности, не зная, как отнестись к словам своего гостя, когда тот вдруг разразился громким хохотом:

— Не будем продолжать эту комедию! Я — Люс! Видите, капитан, вы проиграли пари! — обратился он к Джонатану Спайерсу, который держал пари, что узнает его в каком угодно костюме.

— Да, честь вам и слава, господин Люс! — сказал капитан, — не подлежит сомнению, что при вашем таланте вы сумеете быть нам очень полезным!

Появление Люса в образе элегантного моряка являлось не просто шуткой, но и необходимостью в глазах сыщика, который для того, чтобы отвлечь подозрение шпионов Невидимых, каждый раз являлся к графу под видом какого-нибудь другого лица.

Оливье рассказал со всеми подробностями о трех произведенных на него покушениях; друзья решили, что отныне он никогда не будет выходить из дома один, а только в сопровождении канадца и его верного Воан-Ваха, которые вызвались служить ему телохранителями.

— Париж опаснее австралийского буша! — меланхолически заметил старый траппер.

— И скрываться здесь гораздо легче! — добавил Люс.

Бедный канадец чувствовал себя здесь совершенно выбитым из колеи; он сознавал, что он бесполезен в тяжелой борьбе с Невидимыми здесь, где сыщики и полицейские вполне заменяют ружье и револьвер; и старый траппер с нетерпением ждал, когда он очутится наконец среди русских широких степей, где снова почувствует себя вольной птицей полей и лесов.

— Итак, — проговорил Красный Капитан, — «человек в маске» здесь?

— Только он один мог задумать такое сложное покушение! — заметил Люс.

— Впрочем, — продолжал Оливье, — тот отрывок фразы, который я слышал под мостом, не оставляет никакого сомнения!

— Я не думаю, чтобы после вчерашней неудачи он еще долго оставался в Париже, — сказал Люс, — к тому же Верховный Совет, вероятно, горит нетерпением узнать от него все подробности событий, разыгравшихся в Австралии. С рассветом я предприму свой поход и вечером дам вам отчет о результатах моих наблюдений и поисков!

При этом Люс умолчал, что он решил проследить посланника Панамы, дона Хосе Коррасона, участие которого в злополучных приключениях графа казалось ему подозрительным.

Между тем разговор невольно коснулся черного генерала.

— Мне он показался совершенным джентльменом и вполне порядочным человеком! — заметил Оливье, — и я завтра же лично поеду к нему отблагодарить его за участие ко мне!

— Вы этого не сделаете, граф, — сказал Люс тоном, не допускающим возражений. Сыщик решил высказать свои подозрения собравшимся.

— А почему же нет? — спросил Оливье.

— Потому, что я считаю это опасным для вас, может быть, даже для вашей жизни!

— Я вас не понимаю!

— Этот господин не внушает мне никакого доверия!

— Как? Только потому, что он поспешил ко мне на помощь?

— На помощь к вам поспешил не он, а те два полицейских; генерал же явился уже тогда, когда вам не грозила ни малейшая опасность!

— Но он поспешил на мой зов!

— Это он вам сказал?

— Не только сказал, но и доказал, так как очутился подле меня почти одновременно с полицейскими!

— А я все-таки продолжаю настаивать, граф, чтобы вы не ездили к дону Хосе Коррассону: вы еще не знаете коварства и всей силы ваших врагов. Неужели вы забыли, при каких условиях мы с вами познакомились? Помните, агент, избранный вашим отцом и Лораном, приехавший в Мельбурн для того, чтобы охранять вас и ваши интересы, человек, к которому вы питаете полное доверие, оказывается одним из членов Общества Невидимых! И после этого вы продолжаете еще быть доверчивым! Позвольте мне изложить вам факты так, как я их понимаю: «человек в маске» прибыл в Париж раньше вас и, зная, что вы должны приехать, заранее мастерски подготовил вам ловушку: двое из приверженцев следят за вами, третий вводит вас в заблуждение ложным маневром. Все прекрасно продумано. Но «человек в маске» предусмотрителен, он предвидит, что вы умеете плавать, и у него уже наготове лодка; он наносит вам удар веслом, чтобы быть уверенным в успехе. Но и этого еще мало: он предвидит, что вы и на этот раз можете остаться живы и добраться до берега, поэтому и там имеются наготове люди, вооруженные кинжалами. Но ведь и кинжал может промахнуться; на этот случай готовы экипаж и мнимый спаситель, который должен предложить свои услуги, чтобы довести раненого до дома... При этом чем же собственно рискует этот услужливый человек? Ровно ничем! Полиция констатировала рану, имя и звание пострадавшего. Кому же может показаться странным, что вы умерли от нанесенной вам

раны? А мнимый генерал дон Хосе Коррассон доставил бы труп в особняк Лораго. Разве это не гениально придумано?!

— Вы заставляете меня содрогаться, милый Люс, — сказал, улыбаясь, молодой граф, — но не смотрите ли вы на все на свете как человек своей профессии? На таком же основании мне бы следовало подозревать и обоих полицейских!

— Да, если бы генерал спас вас помимо полицейских, как это сделали последние, спасшие вас от генерала; тогда и полицейские могли бы быть подосланными Невидимыми!

— У вас на все находится ответ!

В то время как Люс говорил, старый траппер слушал его, сочувственно кивая головой, что не ускользнуло от внимания сыщика, поспешившего воспользоваться этим союзником.

— Послушайте, граф, — продолжал он, — обратитесь хоть к мсье Лефошеру, своему лучшему испытанному другу; пусть он выскажет вам свое мнение относительно этого генерала!

— Оливье не поедет к этому генералу! — воскликнул канадец твердым голосом.

— Как, и вы, Дик, того же мнения?

— Господин Люс прав, мой друг! Я, конечно, не отрицаю, что этот господин может быть и весьма порядочным человеком, случайно подоспевшим к вам на помощь, но в том положении, в каком мы теперь находимся, вы должны никому и ничему не доверять!

— А если мы ошибаемся, то какого же мнения будет обо мне этот господин, посланник Панамы, с которым я легко могу встретиться в обществе?!

— Ну, а если мы не ошибаемся? — возразил Дик со свойственной ему настойчивостью, — и если вы не выйдете из дома этого господина?! Помните, как мы в доме консула в Мельбурне были заманены в западню, устроенную для нас самим господином Люсом?!

— Кроме того, — проговорил Люс, — вы, граф, вовсе не обязаны нанести ему визит непременно завтра, особенно ввиду вашей раны; вы можете сделать это и спустя некоторое время! Так дайте же мне два дня срока, и я берусь доказать вам, что я не ошибаюсь!

— Охотно, — сказал молодой граф, — делайте то, что вы считаете нужным!

В этот момент Лоран, не присутствовавший на совещании, вошел бледный, как смерть, и, дрожа всем телом, подал графу большой конверт с печатью Невидимых; такие конверты граф уже дважды получал при условиях, которых Лоран не мог никогда забыть.

— Кто принес это? — спросил Оливье.
— Не знаю! — ответил дрожащим голосом несчастный Лоран.
— Полно, Лоран, успокойся и объясни мне!
— Я ничего не знаю, какими судьбами это письмо попало к нам в дом; оно, как и те два, лежало на маленьком столике у вашей постели!

Граф взломал печать и прочел вслух:

Графу Оливье де Лорагю д'Антрэгу!
Привет! Да примет вас Бог в своем милосердии!
Мы, члены Общества Невидимых, делегаты Верховного Совета, уполномоченные выполнять его декреты, приговоры и предписания, уведомляем графа Оливье Лорагю д'Антрэга, что приговором от 20 марта с. г., утвержденным Великим Невидимым, главой всех Невидимых, он приговорен к смерти. Приговор этот должен быть приведен в исполнение в течение трех суток с момента его объявления.
Передаю в Париже, 28 марта... года, в особняке Лорагю, в два часа утра.

Сергей Черняев

Петр Артамонов

Иван Ярославов

При чтении этой бумаги невольный трепет пробежал по телу присутствующих.

Не успели, однако, они прийти в себя, как Том, глухонемой негр Красного Капитана, прибыл из замка Тремуаль и вручил своему господину точно такой конверт, какой только что получил Оливье.

— Теперь и моя очередь, — проговорил Джонатан Спайерс.

Действительно, это был второй смертный приговор члену Общества Невидимых под номером триста тридцать третьим, Федору, за государственную измену, как гласил документ, что составляло единственную разницу между приговором Оливье и Спайерса, так как в первом не была указана вина. Зато срок приведения приговора в исполнение был назначен тот же.

Тяжелое молчание воцарилось в дружеском собрании, как вдруг раздался глухой, отдаленный голос, донесшийся точно эхо, который медленно и отчетливо произнес: «Да свершится над вами суд Божий!»

X

Случай с Люсом — Секретная комната. — Каким образом избавляются от шпионов.

ЛЮС ОБИТАЛ В ПЯТОМ ЭТАЖЕ ГРОМАДНОГО дома, имеющего два входа, один — с новой улицы Капуцинок, другой — с бульвара Капуцинок. Это обстоятельство и заставило Люса избрать этот дом для своего местопребывания: наблюдать за входом и выходом жильцов такого громадного дома — дело очень трудное. В

своем нормальном виде Люс всегда выходил на бульвар; переряженным же покидал дом не иначе, как через улицу Капуцинок. Кроме того, под предлогом, что его собственная маленькая квартира мала, Люс нанял в другом конце дома две комнатки, выходившие окнами на другую улицу; благодаря этой комбинации ловкий сыщик имел возможность, не выходя из дома, наблюдать за бульваром Капуцинок на протяжении от храма Магдалины до улицы Мира, а также и за большей частью улицы Капуцинок. В доме же он слыл за чиновника в отставке, занимающегося в настоящее время изобретениями фотографии. В лицо его знал только привратник со стороны бульвара, принимавший от него плату за наем помещения; привратник же со стороны улицы Капуцинок видел его только переряженным и принимал за случайного посетителя кого-нибудь из жильцов.

Не раз ради забавы Люс приходил загримированный к привратнику с улицы Капуцинок и спрашивал Люса, причем неизменно получал в ответ: «Не знаю такого!». Затем отправлялся к привратнику со стороны бульвара и получал в ответ: «Подъезд В, на пятом, дверь направо».

Небольшая квартира Люса, обставленная с известной элегантностью, не отличалась ничем особенным, и любой сыщик мог перерыть ее до основания, не найдя ничего подозрительного. Люсу прислуживал негр, привезенный им из Алжира, а домом заведовала пожилая домоправительница. Ни тот, ни другая не знали о существовании отдельного помещения в том же доме, занимаемого их господином, где последний и находился в данный момент, занятый полнейшим преображением своей особы. После совещания, только что состоявшегося в доме графа д'Антрэга, где были приняты весьма серьезные решения, Люс поспешно вернулся домой.

Положение его было в настоящее время весьма очень сложное, о чем он, однако, не счел нужным сообщать своим друзьям, так как они в данном случае ничем не могли помочь ему.

Дело в том, что несколько лет тому назад он вынужден был выйти в отставку из-за одного таинственного дела, оставшегося неизвестным для публики. Но отказавшись от его услуг по распоряжению свыше, полицейская префектура назначила ему самую высокую пенсию, предупредив, что если когда-либо у него вырвется неосторожное слово или раскроется, что у него сохранились какие-нибудь важные документы, относящиеся к этому делу, то он не только лишится пенсии, но и поплатится несколькими годами пребывания на каторге в Гвиане или Новой Каледонии.

Теперь обстоятельный донос, присланный кем-то в префектуру, обвинял его в том, что у него сохранились и припрятаны в надежном месте не только важные документы, но и копия всего таинственного дела, копия, снятая по его приказанию в одну ночь его личным секретарем. Если роковая копия действительно существовала, ею хотели овладеть во что бы то ни стало; но так как Люса не считали достаточно наивным, чтобы он держал ее у себя, то его выслеживали вот уже несколько дней, желая убедиться, не имеет ли он где-нибудь в Париже другой квартиры, снятой им на чужое имя.

Люс сразу же заметил, что за ним следят, и, поспешно вернувшись домой, принялся внимательно изучать тех двух сыщиков, которые были приставлены к его особе, один для дневных, другой — для ночных наблюдений.

— Ого! — воскликнул он. — Им приказано не упускать меня из виду, это не шутка!

Какой-нибудь новичок на его месте просто-напросто, вернувшись к себе, прошел бы в потайную комнату и стал бы выходить из дому не иначе, как переряженным и загримированным, но Люс знал, что однообразные донесения агентов утром и вечером: «Не выходил из дому» в течение нескольких дней подряд неминуемо навлекут на этот дом внимание всей парижской полиции, причем вполне возможно, что существование таинственного помещения будет открыто; поэтому он решил поступить иначе. Однажды днем он вышел из своего подъезда на бульвар с чемоданом и ночным саком в руке и, подозвав экипаж, приказал везти себя на Лионский вокзал. У кассы он заметил стоявшего за его спиной сыщика, взявшего билет до той же станции.

Получив билет, Люс прошел в буфет и потребовал себе кое-какую закуску, причем поручил слуге взять второй билет до Мезон-Альфора, который тот принес ему вместе со сдачей за закуску.

Заметив, что агент, следивший за ним, на каждой станции высовывается из окна, следя за входящими и выходящими пас-

сажирами, Люс дождался ночи и на угловой станции, где его поезд пересекался с поездом, идущим в Париж, смешавшись с толпой пассажиров, с одним своим сакон в руке пересел на этот поезд, предоставив агенту спокойно ехать дальше.

Когда он уезжал из дому с сундуком и саквояжем, домоправительница почтительно осведомилась:

— Господин отправляется в дорогу?

— Да, я уезжаю на некоторое время!

— А если вас будут спрашивать?

— Скажите, что я уехал в Азию! — И Люс, довольный, потирал руки, мысленно говоря себе: — Если они станут расспрашивать ее, то увидят, что я смеюсь над ними... Эх, господа из префектуры, вы думаете провести меня! Это не так-то легко!

Вернувшись в Париж, он, миновав настоящий подъезд, прошел прямо в свое тайное помещение, где и поселился, выходя не иначе, как под гримом, и внутренне подсмеиваясь над агентами, неотступно караулившими его возвращения со стороны бульвара. Агент, поехавший было за Люсом, вернулся пристыженный и должен был выслушать от начальника много нелестных эпитетов по своему адресу.

Поняв, что Люсу известно, что его выслеживают, в префектуре тотчас же распорядились отрядить для наблюдений за ним лучшие силы сыска, но Люс не возвращался. Прошло с неделю времени, и тогда было предписано опытному агенту под видом знакомого справиться у привратника и на квартире.

— Уехал в Азию! — передал агент полученный им ответ.

После этого розыски Люса были поручены двум выдающимся агентам, которые прибегают для дел первой важности.

Прошло около двух недель; агенты сменялись аккуратно и днем, и ночью, поклявшись не покидать поста, пока не вернется Люс.

Между тем Люс покатывался со смеха, ежедневно проходя мимо них и отправляясь по своим делам под различным гримом или возвращаясь в свою потайную комнату переодеться и переночевать.

Комната эта была завалена всевозможными фотографическими принадлежностями; имелась и темная комнатка, якобы фотографическая лаборатория, а на самом деле, там помещались кровать и три сундука со всевозможным платьем и соответствующими головными уборами. Париками Люс никогда не пользовался, а заменял их краской и разнообразными прическами.

В тот момент, когда мы проникли в эту таинственную комнату, Люс был занят преображением своей наружности в личность кучера богатого дома, находящегося в отпуске.

Окончив свой туалет, он самодовольно оглядел себя в большое стенное зеркало и в ожидании момента начала действий пошел обедать в дешевую столовую Пале-Рояля.

Что делало Люса особенно гениальным артистом, так это его непринужденность манер, какую бы роль он ни принимал на себя: переодевшись рабочим, он делался типичным блузником; играя роль офицера, казался настоящим военным и т. п.

На совещании у графа д'Антрэга, Люсу поручили открыть, где скрывались те три лица, уполномоченные Советом Невидимых, которые имели смелость подписаться в ожидании удобного момента для приведения в исполнение приговора.

В первый момент Оливье хотел поручить Люсу прежде всего раскрыть тайну необъяснимого появления рокового конверта и странного невидимого голоса, повторившего часть смертного приговора. Но Люс, выказав присущий ему практический склад ума, сказал:

— Это, в сущности, не имеет особого значения, если принять во внимание опасность, грозящую вашей жизни и жизни капитана. До последнего времени представители Общества Невидимых получали предписание «овладеть вашей особой»; позднее им было предписано захватить вас «живым или мертвым», но прямого смертного приговора еще не было. Из этого видно, что Невидимые поступают последовательно, что этот приговор не имеет ничего общего с запугиванием и что те трое русских, которым поручено его исполнение, не вернутся в Россию, не приведя в исполнение приговора, если только сами не погибнут. Вот что главное, а остальное сравнительно неважно! Ваш дом, граф, соприкасается с левой стороны с обыкновенным домом для мелких квартирантов; в одной из его квартир легко могли поселиться уполномоченные Невидимых. Ваши каминные и их прямые трубы так обширны, что в них свободно мог бы поместиться не один, а целых три человека; весьма возможно, что эти Невидимые проникали в дом через трубы каминов и из тех же каминов или трубы доносился до нас и таинственный голос. Но это неважно в настоящее время; важно открыть местопребывание ваших будущих палачей и опередить их; против них нет иных средств, кроме револьвера и кинжала. Первую часть задачи я охотно принимаю на себя; что же касается второй, то участие всех вас в этом деле не будет лишним, так как, без сомнения, избранные Невидимыми палачи — люди ловкие и решительные.

— Доказательством чего могут служить сегодняшние три покушения! — заметил Красный Капитан.

— Не смешивайте две разные вещи, капитан, — возразил Люс, — я убежден, что трое уполномоченных Невидимых, подписавшие

приговор, совершенно непричастны ко вчерашним покушениям, в которых я вижу руку «человека в маске», действующего под влиянием личной мести!

— В настоящем положении нам остается только следовать вашим указаниям! Говорите, что нужно делать?

— Я считаю, что вам нельзя оставаться здесь, сюда легко могут проникнуть враги. Позвольте мне предложить вам на некоторое время убежище, где никто не найдет вас, если только не увидит вас входящим!

— И это убежище...

— У меня, я лучшего не знаю! Это добавление к моей квартире, которого не знают даже мои слуги. Я живу в этом маленьком помещении вот уже две недели, в двух шагах от своих слуг, и они не подозревают этого, находясь в полной уверенности, что я отсутствую.

Предложение было принято. Теперь Люсу оставалось провести молодого графа, Дика и Красного Капитана в свое тайное помещение.

Лоран, Литлстон, негр Том и Воан-Вах, жизни которых не грозила опасность, должны были остаться в замке Тремуаль, так как присутствие четырех лишних человек в маленьком помещении на улице Капуцинок могло показаться подозрительным.

Люс, пообедав, нанял закрытый экипаж и приказал отвезти себя в особняк Лорагю. В это время какой-то подозрительного вида человек бродил вокруг. Люс его заметил, но нельзя было терять времени. Он поспешно усадил трех приятелей и, сев вместе с ними в карету, приказал кучеру везти в Булонский лес.

— Видно, свадьбу празднуете! — заметил возница, принимая Люса за кучера.

— Угадал, — сказал сыщик, — валяй вскачь: получишь на чай.

Кучер хлопнул бичом и помчался во весь опор, желая на славу прокатить своего собрата.

Через заднее маленькое стекло кареты Люс, предусмотрительно заглянувший в него, увидел подозрительного человека, кинувшегося следом за их каретой и повисшего на ее задней оси.

Поняв всю опасность этого преследования, Люс подал кучеру сигнал остановиться и в тот же миг, разом распахнув дверцу, проворно соскочил на землю. В тот же момент и субъект, висевший на оси, спрыгнул и очутился лицом к лицу с Люсом, который, не задумываясь ни на секунду, ударил неизвестного человека изо всей силы головой в живот, так что тот покатился на землю.

Люс одним прыжком вскочил на козлы подле возницы, крикнув ему:

— Ступай во весь опор!

— Кто этот парень? — спросил возница.
— Сыщик, — отвечал Люс, — я вчера подгулял и переехал
какого-то гражданина, а городской не успел записать мой номер!
— Эге, а я-то думал, что ты господский! — заметил извозчик.
— Я и был господским, да уж больно мало имел свободы; так
я и поступил к хозяину извоза. Тут со мной случилась беда, и мне
навязали на шею этого сыщика, который нащупал меня как раз

в тот момент, когда я заехал за своими друзьями, чтобы погулять с ними!

— Так ты его теперь как следует попотчевал, — продолжал извозчик, — не беспокойся, ему нас вовек не догнать, вот увидишь! — и он сильным ударом хлыста погнал лошадь во весь опор. Приподнявшись на козлах, Люс через крышу кареты взглянул назад: человек, опрокинутый им на землю, уже вскочил на ноги и бежал за каретой с невероятной быстротой.

Но извозчик был задет за живое: как не выручить товарища, задавившего гражданина и оттузившего сыщика! И добродушный возница принялся без устали нахлестывать своего коня.

Сначала человек, бежавший чрезвычайно быстро, как будто стал нагонять карету, но лошадь постепенно разгоряченная бегом и ударами хлыста, неслась все быстрее и быстрее, и вскоре гнавшийся за ними человек стал отставать и наконец совершенно отказался от погони, а экипаж продолжал мчаться с той же быстротой до Елисейских полей.

— Ну, а теперь сверни на бульвар, — сказал Люс, — ведь он слышал, как я тебе крикнул «в Булонский лес», и, вероятно, сгонит туда половину своей бригады!

Доехав до церкви св. Магдалины, Люс остановил экипаж и, сунув вознице в руку десятифранковую монету, соскочил с козел и высадил своих товарищей, после чего все четверо зашагали пешком по направлению к улице Капуцинок.

И было как раз вовремя. Выбившийся из сил незнакомец вскочил на первую извозчичью пролетку и погнался за каретой; он видел, как та завернула за угол улицы Руайаль и бульвара, но, доехав до этого места, уже ничего больше не смог увидеть: карета, за которой он гнался, успела стать в ряды других экипажей ближайшей извозчичьей биржи, и хотя преследовавший наших друзей шпион и узнал ее по сильно намыленной лошади, но что из того: тех, кого он хотел выследить, уже в ней не было.

Люс и его три спутника беспрепятственно прошли мимо привратника многоэтажного дома на улице Капуцинок, не обратив на себя его внимания, и спустя несколько секунд находились уже в полной безопасности в зеленой комнате.

Облачившись в кучерскую куртку и взяв корзину, Люс вышел за провиантом; вскоре он вернулся с хлебом, вином, ветчиной, холодным мясом и кое-какими плодами.

— Я вас очень прошу, граф, и вас, господа, не выходить из дому до моего возвращения, — проговорил он, — бывают случаи, когда личная смелость не только бесполезна, но даже и опасна. Вы видите, что если бы я просто назначил вам место свидания, вы бы уже теперь были пойманы в западню. Если бы вы послали

Лорана за каретой, то он, наверное, взял бы карету, возница который провез бы вас в какой-нибудь закоулок, и, быть может, в этот момент приговор Невидимых был бы уже приведен в исполнение!

— Будьте спокойны, — сказал канадец, — никто из нас не тронется с места, пока вы не явитесь сами, чтобы освободить нас! Но не можем ли мы помочь вам в ваших делах, господин Люс? Ведь трое смелых людей, решившихся дорого продать свою жизнь, могут сделать многое?

— Да, если бы нужно было открыто вступить в бой, я бы не задумался прибегнуть к вашей помощи, но теперь дело вовсе не в этом, и ваше присутствие только помешает моим поискам. Четыре человека нигде не смогут пройти незаметно, тогда как один опытный человек, знакомый с ремеслом сыщика, может не возбудить ничьего внимания. Мне надо разыскать в громадном Париже трех человек, которых я не знаю ни в лицо, ни по именам, так как имена в подписи, очевидно, ложные, или же, если имена эти не вымышленные, то трое лиц, разыскиваемых нами, живут здесь под другими именами, чтобы сбить нас с толку. Таким образом, я должен отыскать этих людей, не имея для этого никаких данных! Так как же вы, друзья, можете помочь мне в этом, не будучи подготовлены к трудному ремеслу сыщика ни вашей прежней жизнью, ни вашим воспитанием?!

— Господин Люс, безусловно, прав, — проговорил Красный Капитан, — и мое мнение, что если мы не последуем в точности его предписанию, то сами подставим шеи под нож.

Как ни претила молодому графу мысль прятаться, как жалкий трус, однако ему пришлось подчиниться единодушному мнению товарищей. Из опасения быть узанным человеком, гнавшимся за каретой, Люс счел нужным перекрипироваться и через десять минут преобразился в булочника.

Покончив со своим туалетом, он настоятельно рекомендовал своим пленникам никому ни под каким предлогом не отпирать в его отсутствие дверь и, пожелав им спокойной ночи, удалился.

Его прежде всего, занимала мысль, кто такой черный панамский посланник и не имеет ли он отношения к Невидимым.

С целью узнать адрес черного генерала Люс зашел в первое попавшееся кафе и, взяв газету, отыскал список лиц дипломатического корпуса; под рубрикой «Центральная Америка» он прочел:

Дон Хосе Коррассон, уполномоченный министр республики Панама, улица Тильзит, 14.

— Это уже кое-что, — пробормотал сыщик, — значит, он не обманул графа относительно своего звания и имени.

Но вдруг у него явилась мысль, заставившая его нахмуриться.

— Это, пожалуй, скорее подтверждает мнение графа, что он имел дело с порядочным человеком, чем мое, что это ловкий и хитрый сообщник Невидимых. Во всяком случае, посмотрим! — еще раз сказал мысленно Люс и направился на улицу Тильзит.

ХІ

Два сыщика

ЕТОРОПЛИВО ПОДХОДЯ К УГЛУ УЛИЦ Фридланд и Тильзит, Люс бросил беглый взгляд на особняк, занимаемый доном Хосе.

— Черт побери! Уж, конечно, не на жалованье панамского уполномоченного можно занимать такой грандиозный дворец!

Действительно, этот дворец, построенный каким-то низложенным государем, сохранившим свою казну, отличался сказочной роскошью. Но едва только это чудо современного архитектурного искусства было построено, как обездоленный властелин переселился в лучший из миров, и тогда грандиозный дворец, который бесчисленные маленькие германские князьки, являвшиеся наследниками, не могли разделить на куски, был по распоряжению властей продан и приобретен одним поверенным для какого-то таинственного клиента.

Вскоре после этого, во дворце поселился дон Хосе и вывесил над его порталом герб республики Панама.

Все это за несколько минут Люс узнал от виноторговца на углу улицы, к которому зашел выпить стаканчик вина. Но, разговаривая с торговцем, Люсу показалось, что этому человеку известно больше, чем он желает сказать; он решил как следует порасспрашивать его. Это было нетрудно; заказав две бутылки хорошего шабли, он пригласил продавца распить с ним стаканчик-другой, отчего эти господа никогда не отказываются, так как это поощряет посетителей раскошеляться и способствует процветанию их торговли.

— Вы, как я вижу, работаете в булочной? — спросил виноторговец Люса.

— А почему вы это видите?

— Просто по опыту; знаете, глаз уже наметан распознавать всякого рода людей.

— Правда, — отвечал Люс, — я булочник, но мне знакомо и пирожное дело, и если бы нашлось подходящее местечко где-нибудь в богатом доме, где бы требовался пирожник, я бы с радостью поступил. Понимаете, работать в булочной по ночам — куда ни шло, пока человек молод, а всю жизнь месить тесто и ходить у печи не так-то весело!

— А ведь это, право, счастливая мысль!

— Вы не знаете, не нашлось ли бы мне работы у этого самого вашего генерала... Корр... Корр... Как вы его называли?

— Дон Хосе Коррассон!

— Вот, вот... Как вы думаете?

— Что же... дружок... генерал любит хорошо поесть, да и господин Иван тоже не прочь отведавать вкусного блюда.

Услышав имя Иван, Люс чуть не вздрогнул от радости, но вовремя сдержался.

— Что это за господин Ив...ан? — спросил он безучастно.

— Не Ив-ан, — засмеялся торговец, — Иван, говорю тебе. Иван, ты, верно, никогда не слыхал такого имени? Это имя иностранное!

— Так кто же этот господин Иван?

— Это близкий приятель генерала; они никогда не расстаются и живут душа в душу; господин Иван заведует всем в доме, нанимает служащих, платит по счетам, выбирает поставщиков; я им поставляю вино на кухню и служащих... И, поверишь ли, зарабатываю у них по полутораста франков в месяц и более!

— Значит, семейство в доме большое?

— Нет, всего только двое господ, а челяди человек тридцать, и мне приказано отпускать им вина и водки, сколько потребуют. Ты не поверишь, сколько эти люди могут выпить... Водку они дуют, как воду; за последний месяц они выпили одной водки на две тысячи франков; видно, у них дома, на родине, люди пьют водки больше, чем у нас скотина воды!

— Так они не французы разве?

— Вот выдумал, французы! Французы только повар да повара, а то все иностранцы, и имена их оканчиваются все на «ов», да на «ин», да на «ский», право, не сразу и выговоришь!

Люс был в восхищении: он сразу понял, что попал на самое гнездо Невидимых. Что мог делать какой-то Иван и вся эта орава русских у чернокожего генерала, представителя крошечной республики Панама? Очевидно, генерал жил здесь лишь для отвода глаз, он был наемником тех же Невидимых, которым нужно было в Париже надежное убежище. Но каким образом он, Люс, состоявший членом Общества Невидимых, не знал об этом? Это было весьма просто: ведь он не был русским, те не могли всецело ему довериться.

Пока Люс соображал все это, словоохотливый виноторговец продолжал разглагольствовать.

— А если бы ты видел их рожи: настоящие разбойники... Они иногда заходят ко мне сюда вечером распить стаканчик-другой. Хорошо еще, что они живут в таком доме, у посланника его величества короля Панамы...

— Как, его величества короля Панамы?

— Ну, да! Ты, вижу, не силен в географии, приятель! Это же — один из королей Америки; у них денег куры не клюют... И хотя они курносые, волосатые, бородатые, так что взглянуть страшно, но тихие и смиренные, как овечки.

— Уж больно любопытно вы рассказываете про них, мне смерть как хочется попасть на службу в этот дом!..

— А насчет мороженого ты мастер?

— Все, что по кондитерской части, хорошо знакомо мне!

— Ну, так я тебя устрою... Я завтра же поговорю с господином Флорестаном, старшим поваром; он на кухне полный хозяин.

— А нельзя ли повидать его сегодня?

— Невозможно: после десяти вечера все французы уходят. Как видно, эти люди хотят по вечерам и на ночь оставаться одни...

— Как? Что вы хотите этим сказать?

— А вот что... после десяти, когда все французы покидают дом, там творится такое, чего никто не видел, и я тоже...

Виноторговец заметно начинал хмелеть, так как Люс, пользуясь каждый раз отлучками своего собеседника, выливал содержимое своего стакана обратно в пуншевую чашу, и таким образом спойл хозяину чуть не обе бутылки шабли.

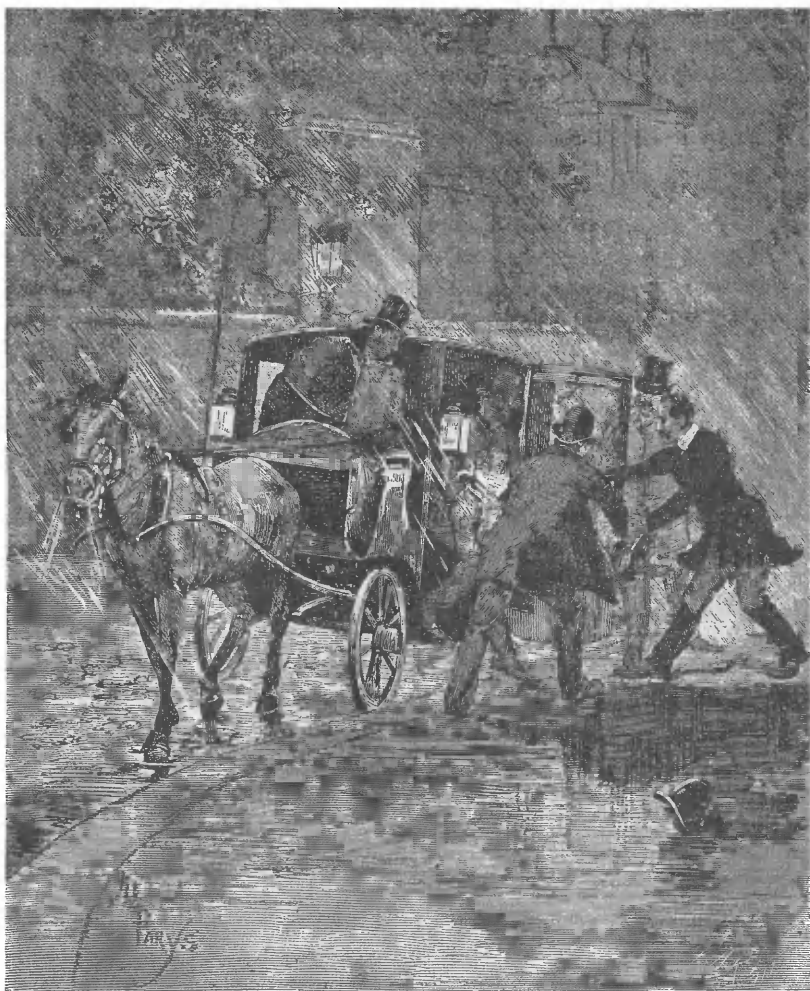
— Ну, и что же там делается? — спросил Люс со вполне естественным любопытством.

— Я, видишь ли, ничего не видел, но слышал... Ведь недаром же у человека уши... Знаешь, они там по ночам, вплоть до утра, хохочут, кричат и поют, а огня не зажигают в целом доме... А иногда и ссорятся, и кричат, как бешеные и, вероятно, дерутся или борются, потому что оттуда слышатся вопли и стоны, точно кого-то мучают или истязают!

— А полиция не вмешивается?

— Ты забываешь, что это — дом посланника! Сюда полиция не смеет и носа сунуть... Кроме того, я уж так и быть скажу тебе, ведь никто ничего не знает... Это я только слышу: мои погребки тянутся до самого их дома и соприкасаются с их подвалами; нас разделяет всего только одна стена. Но во дворце об этом, вероятно, не знают, а то бы... Но там, наверное, совершаются недобрые дела!..

Торговец хмелел все сильнее и сильнее, и язык его становился все развязнее...

— Знаешь, я не раз видел, как ночью какие-то люди крадутся пробираются вдоль стены и не стучат и не звонят у калитки, которая как будто сама открывается перед ними... Раз даже, в собачью погоду, они приехали вчетвером в крытой карете, и я видел, как они вытащили из кареты связанного и скрученного человека, который бился, как рыба на суше, и я услышал, как один из несших его сказал: «Сдавите ему горло посильнее, если

он не хочет держаться смирно!» Я чуть не лишился сознания... У меня холодный пот выступил на лбу... Генерал и господин Иван иногда выезжают вечером, закутанные в большие темные плащи, и дня по два-три не возвращаются домой; тогда говорят, что они уехали на охоту... Ну, что ты на это скажешь? Только смотри, не вздумай болтать об этом... Мне, быть может, не следовало говорить тебе все это, но у меня оно камнем лежало на сердце... Понимаешь, мне надо было перед кем-нибудь облегчить свою душу...

Но Люс уже только одним ухом слушал своего собеседника: его внимание было привлечено человеком, прохаживавшимся взад и вперед перед домом генерала.

— Ого! — подумал сыщик, — уж не разнюхала ли чего-нибудь полиция!

В этот момент свет фонаря упал прямо на лицо незнакомца, и Люс сразу узнал агента Фролера.

— Эге, он снова поступил на службу, а я слышал, что его отчислили за пьянство... Он, наверное, явится сюда, чтобы выведать что-нибудь у виноторговца. Но погоди, я подстрою тебе штучку! — мысленно рассуждал Люс.

— Вы знаете этого человека? — спросил он, указывая своему собеседнику на Фролера.

— Нет, я вижу его в первый раз!

— Ну, так я вам скажу, кто он! Это — сыщик, остерегайтесь его; он, наверное, придет сюда и постарается выведать у вас что-нибудь, а затем передаст все, что вы ему скажете, — и вы потеряете своих покупателей. Я его знаю!

— В таком случае, ни гу-гу!.. Сомкну рот, точно он у меня на запоре!..

— Я предупредил вас, а остальное уж ваше дело... Прощайте, хозяин... Мне пора идти.

— Так ты рассчитывай на меня; заходи завтра поутру; я тебе схлопочу место!..

Люс вышел и с порога лавки еще раз взглянул на человека, прохаживавшегося по улице.

— Это, несомненно, Фролер! Но что он делает здесь? Я это непременно узнаю...

С этими словами он прошел на улицу Фридланд и, сев там на скамеечку, продолжал наблюдать за всем, происходящим на улице Тильзит, совершенно пустынной и безлюдной в это время.

Спустя несколько минут Фролер вошел к винному торговцу и, выдавая себя за собрата, тоже торгующего напитками, попытался втянуть торговца в разговор. Но последний, предупрежденный заранее, упорно отказывался от всякой доверительной беседы. Видя, что намерение его не удастся, Фролер вышел из

лавки как бы под впечатлением новой мелькнувшей у него мысли и направился на улицу Фридланд, к той самой скамейке, где сидел Люс, делая вид, что он задремал.

Подойдя к нему, Фролер вдруг неожиданно выпалил:

— Нехорошо, патрон, бегать по следу бедняка-ищейки...

Люс разом вскочил на ноги.

— Тихо! Как ты меня узнал?

— Мне ли не узнать моего старого начальника и учителя?!

Ведь я целых четыре года работал у вас! Мог ли я вас забыть?! Да и то сказать: я не столько узнал вас, сколько действовал просто наугад... Я видел в окошко, что вы не пили, а только подпаивали виноторговца, и сразу заподозрил в этом что-то неладное, а так как я знаю в лицо всю нашу бригаду, то подумал, что это могли быть только вы, и рискнул наугад. Как видите, хитрость моя удалась.

— Только потому, что я давно уже узнал тебя и мне пришлось на ум, что ты можешь пригодиться мне. Кто прислал тебя сюда?

— Никто! Ведь я все еще в городской полиции... Проклятая служба: ни радости, ни свободы, ни наград...

— Так что же ты здесь делаешь?

— Я работаю на свой собственный страх и риск!

— Ты выслеживаешь Коррассона?

— Именно!

— Зачем?

— О, это целая история...

— Расскажи ее правдиво: это может принести тебе целое состояние!

— Состояние?!

— Да, сто тысяч франков!

— Сто тысяч франков?!

— Да, и ты их получишь через три дня, а двадцать восемь тысяч задатка — сейчас же, если хочешь!

— Говорите, что надо делать... Я готов идти в огонь и воду, чтобы заработать такие деньги!

— Надо работать для меня, — сказал Люс, — но прежде всего расскажи мне твою историю, да не пытайся провести меня; ты знаешь, что из этого ничего не выйдет!

Фролер принялся рассказывать по порядку о вчерашнем покушении, своих подозрениях относительно черного генерала и намерении снова выдвинуться благодаря этому делу.

— Да, я знаю про этот случай, — сказал Люс, обрадованный тем, что и Фролеру черный генерал показался сомнительным, — я — друг молодого графа и нахожусь здесь для того, чтобы спасти его...

— Можете вполне рассчитывать на меня, патрон!..

— Слушай, с этой минуты ты будешь работать для меня! Я полагаю, что сегодня ночью мы это дело не кончим, и потому ты завтра поутру испросишь у своего начальства, двухнедельный отпуск для получения наследства в провинции; тебя сейчас же отпустят, и тогда ты явишься ко мне на условное место, которое я назначу тебе!

— Уж не просить ли мне отставки?

— Упаси Бог! Для меня особенно важно, чтобы ты оставался на службе: может быть, твое вмешательство как агента полицейской власти для меня будет особенно ценным. Весьма возможно, что придется кого-нибудь арестовать. Не забудь иметь при себе все время бляху, а когда наше дело будет кончено, можешь делать, что тебе угодно. Как видишь, я тебе вполне доверяю, — сказал Люс, — иначе твоя песенка была бы уже спета сегодня!

— Вы можете вполне положиться на меня, патрон... Уж вас-то я бы не стал обманывать.

— Ну, теперь становись наблюдать, только не здесь, у самой стены дома, а там, в конце улицы Тильзит, а я останусь на этой скамейке. Если кто-либо выйдет из дома и я последую за ним, то ты иди за мной следом на таком расстоянии, чтобы я мог тебя позвать, но так, чтобы тебя не могли заметить.

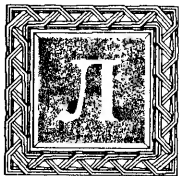
— Слушаю, патрон!

— А теперь ступай; мне больше нечего тебе сказать; надо выжидать ход событий!

Пять минут спустя оба находились на своих местах. Люс имел вид булочника, спокойно отдыхающего на одной из скамеек, а Фролер, засунувший свою фуражку в карман, стоял, как лавочник, равнодушно покуривающий у дверей своей лавки трубку перед отходом ко сну.

XII

Притон на Монмартре. — Господин Иван. — Заживо погребенный.

ЛЮС ПРЕДЧУВСТВОВАЛ, ЧТО ЭТА НОЧЬ НЕ пройдет без происшествий. У него не оставалось никаких сомнений относительно истинного назначения великолепного особняка на улице Тильзит: это было, очевидно, место собраний Невидимых в Париже, а дом Хосе Коррассона служил только прикрытием для них. Конечно, здесь собирались, совещались и останавливались только высшие члены Общества Невидимых, наемные же убийцы и другая мелкая сошка, услугами которой они пользовались, должны были собираться

где-нибудь в другом месте. Быть может, при каких-нибудь исключительных обстоятельствах могла разыгаться кровавая драма и в стенах дома, украшенного гербом Панамы, но постоянный приток подонков общества в этот великолепный дворец неминуемо должен был навлечь на него подозрение и вызвать вмешательство полиции, что, конечно, было крайне нежелательно.

Таким образом притон, в котором обитали «люди дела», то есть исполнители страшных дел, был не здесь. Главари, не имея возможности принимать их у себя, не возбудившая подозрений, должны были видаться с ними в другом месте; этим объяснялись временные отлучки хозяев из особняка на улице Тильзит.

Так как со времени вручения приговора графу и капитану прошли уже целые сутки, то в эту ночь обязательно должна была состояться встреча между Невидимыми, поскольку в их распоряжении оставалось всего только два дня.

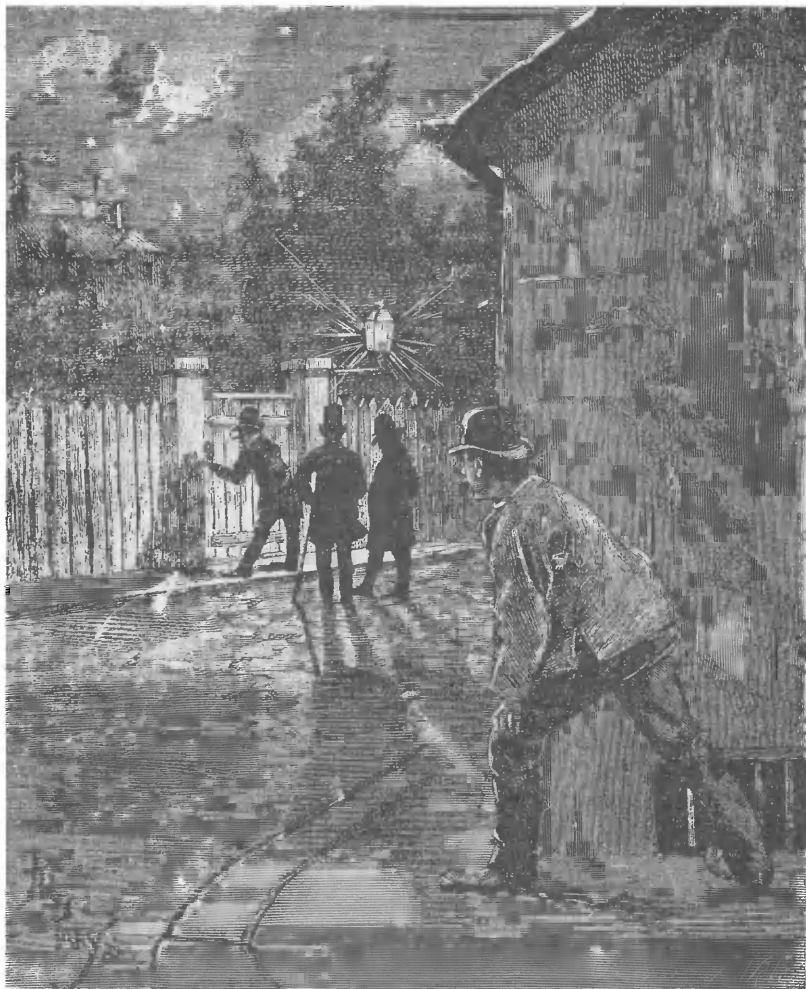
Действительно, незадолго перед полуночью маленькая служебная калитка в стене осторожно отворилась, и вышедшие из нее двое мужчин, окинув внимательным взглядом улицу, пошли прогуливающимся шагом по направлению к улице Фридланд.

Люс, заведя их издали, лег на скамейку и, закрыв лицо руками, притворился спящим; гуляющие прошли мимо него, не торопясь и разговаривая на иностранном языке, не обратив на сыщика никакого внимания, в то время как последний жадно разглядывал их между раздвинутых пальцев рук. Один из них, рослый, прекрасно сложенный человек, был не кто иной, как генерал дон Хосе Коррасон, и Люсу его лицо почему-то показалось знакомым, как будто он видел его уже не в первый раз, но для европейца все негры кажутся похожими между собой; другого же Люс узнал с первого же взгляда; это был пресловутый «человек в маске», Иванович, или, как его называли здесь, в Париже, господин Иван.

Дав им отойти на сотню шагов и убедившись, что на этой безлюдной улице он никоим образом не потеряет их из виду, Люс поднялся со скамейки и последовал за ними. Фролер со своей стороны сделал то же самое.

— А-а... Иванович, вы еще здесь, это может вам дорого обойтись! — рассуждал мысленно Люс. — После вашей вчерашней неудачной попытки вам следовало тотчас же сесть в поезд и катить в Петербург, предоставив другим привести в исполнение приговор Невидимых. Но нет, вы пожелали насладиться своей местью; вы успокоитесь лишь тогда, когда увидите труп вашего врага... Я понимаю вас, но на этот раз мы позаботимся о том, чтобы вы не могли сбежать!

Вскоре дон Хосе и Иванович зашагали быстрее; миновав бульвары Османа и Малерба, они на мгновение приостановились на

углу улицы дю Рошэ, где к ним тотчас же присоединился третий человек, низенький, толстый сутуловатый, после чего все трое продолжали свой путь и наконец добрались до улицы Лепик. Приостановившись здесь, они в течение нескольких секунд высматривали, нет ли поблизости кого-либо постороннего, а затем поспешно с озабоченным видом двинулись по улице; достигнув самой вершины холма, они свернули налево в маленькую аллею,

совершенно безлюдную, оканчивающуюся тупиком и прегражденную высоким дощатым забором, в котором была проделана калитка. Здесь-то и скрылись теперь все трое, тщательно заперев за собой калитку.

За время своей полицейской службы Люс исходил все уголки Парижа, и топография данной местности была ему давно знакома.

— Превосходно, — пробормотал он, — они сняли или купили «дом повешенных»! Значит, у нас есть время обсудить положение! Он выждал, пока подойдет Фролер.

В глубине ограды, на самом скате Монмартрского холма, стоял дом, куда вошли трое Невидимых. Дом этот во всем околотке был известен под названием «дома повешенных», потому что когда-то трое живших в нем жильцов повесились один за другим, и с того времени этот дом, не находивший больше нанимателей, получил название «дома повешенных».

— Ну что? — спросил Фролер, подкравшись к своему начальнику.

— Они здесь, — сказал Люс, — я знаю этот дом; другого выхода в нем нет. Но надо дать им время войти в дом, чтобы потом пробраться туда вслед за ними!

Ночь была темная и бурная; дул сильный ветер.

— Это хорошо, — заметил Люс, — ведь если они нас услышат или заметят, то нам не выбраться из этой ограды живыми! Надеюсь, ты имеешь при себе оружие?

— Да, казенный револьвер и каталонский нож, надежнейшая штука!

— Это не будет лишним; ведь мы не знаем, сколько их там. Ты не боишься?

Старый сыщик только усмехнулся.

— Пощупайте мой пульс, патрон, — сказал он, — разве он учащенно бьется?

— Нет, нет... Я знаю, ты не трус; иначе я не прибегнул бы к твоему содействию! Только бы их не было более трех против одного! А с двумя-тремя мы, даст Бог, справимся!

Оба сыщика подошли к ограде.

— Что, нам придется перелезть через нее? — спросил Фролер.

— Нет, у меня с собой моя связка отмычек! — заметил Люс.

Отворив дверь, он только притворил ее, но повернул ключ в замке.

— Вы запираете дверь? — спросил Фролер.

— Нет, я только замыкаю замок на случай, если кто-нибудь после нас придет, чтобы он мог подумать, что дверь была закрыта

небрежно, а не оставлена открытой. Надо все предвидеть; запереть же дверь опасно на случай, если нам с тобой придется бежать!

Войдя в ограду, они очутились в запущенном саду, почти сплошь заросшем кустарниками, сорными травами и бурьяном. В глубине сада стоял дом, темные очертания которого вырисовывались на темном фоне неба; окна первого этажа, ярко освещенные, смотрели точно волчьи глаза во мраке ночи.

Оба сыщика осторожно продвигались вперед, сдерживая дыхание и подавляя шум своих шагов на случай, если кто-нибудь оставлен на страже у входа. Но вот они дошли до ровной, гладкой площадки, где не было ни кустов, ни деревьев; очевидно, то была раньше зеленая лужайка, только посередине ее стояло большое развесистое дерево, по всей вероятности, конский каштан.

— Остановись, — сказал Люс, — и посмотрим, что нам теперь делать! Ну, скажи, что бы ты сделал теперь, если бы был один?

— Я пошел бы, наверное, за подкреплением!

— Не узнав даже, сколько их?

— Да, вы правы, я прежде всего постарался бы убедиться в численности врага и для этого влез бы вот на это дерево, а с него увидел бы, сколько их там...

— Совершенно верно, — сказал Люс, — мы это и сделаем! Ты осторожно прокрадешься к стволу, скрываясь в тени деревьев; добравшись до него, взберешься по стволу вверх, а я буду караулить и при малейшем признаке тревоги дам тебе знать; ты соскочишь — и мы вместе улепетнем; если же ты благополучно устроишься на дереве, я поспешу сделать то же самое. Ну, с Богом!

Спустя несколько секунд Фролер удобно устроился на ветвях каштана, а вслед за ним и Люс.

Ветер между тем до того усилился, что, сидя вместе, сыщики с трудом могли расслышать друг друга. С того места, где они находились, они прекрасно могли видеть все, что происходило в комнате. То, что представилось их взглядам, было столь возмутительно и ужасно, что могло бы заставить дрогнуть даже самого смелого человека.

В ярко освещенной тремя свечами, воткнутыми в бутылки, комнате почти без всякой мебели, на грубом деревянном стуле сидел привязанный к нему крепкими веревками наполовину обнаженный молодой человек с тонкими и благородными чертами лица; за его спиной стояли, держа его, два рослых парня с физиономиями заправских палачей. Тот третий, который по дороге присоединился к Ивановичу и генералу, стоял тут же с громадным охотничьим ножом в руке; Иванович читал, по-видимому, какую-то бумагу несчастному юноше, который как будто возра-

жал и отрицательно качал головой. Дон Хосе, безучастный свидетель этой сцены, стоял немного поодаль, прислонившись спиной к доске камина.

— Эти негодяи зарежут его на наших глазах, — сказал Фролер, — и мы будем смотреть на это, не сделав ничего, чтобы помешать им?!

— Если бы жизнь и судьба графа и капитана не зависела от нашей осторожности, — отвечал Люс, — я бы устроил им сюрприз. Но мы упустим случай, которого нам во второй раз не дожидаться, и, пытаясь спасти одного человека, допустим смерть двух других, рискуя при этом еще собственной жизнью!

— Мне думается, однако, что револьверный выстрел в окно мог бы изменить многое! — заметил Фролер.

— Бога ради, не вздумай этого делать! Мы не принадлежим себе в данный момент!

— Не беспокойтесь, я ничего не сделаю без вашего разрешения!..

— Боже мой! Да это — молодой атташе русского посольства: он, вероятно, отправил в министерство доклад о Невидимых, и теперь эти негодяи мстят ему.

Между тем Иванович достал из кармана часы, показал их осужденному и затем спокойно положил их на камин.

— Я бы, кажется, отдал десять лет жизни, чтобы спасти этого молодого человека! — проговорил Люс.

— А я охотно отказался бы от ожидающих меня ста тысяч, если бы только мог вырвать его из их когтей!

— Но, в сущности, — продолжал Люс, как бы внезапно озаренный новой мыслью, — ведь мы видели все, что нам нужно было видеть: Иванoviча, генерала и их трех пособников, вероятно, тех самых, которым поручено расправиться с графом и капитаном; все они здесь налицо, и теперь как раз момент действовать. Ты оставайся здесь, а я сбегая за подкреплением.

— Мои товарищи как раз недалеко: полицейский пост всего в нескольких шагах на бульваре!

— В уме ли ты? Или ты еще не знаешь этих людей? Против регулярной полиции у них все меры приняты: в момент появления полиции они выстрелом из револьвера разнесут голову пленнику, чтобы тот не мог ничего сказать, затем двое из них набросятся на своих начальников; полиция будет довольна тем, что ей удалось спасти двух из них, русского полковника и американского генерала, а Фролер и Люс должны будут поплатиться за эту штуку. Однако ты заставляешь меня терять время, тогда как для жизни этого несчастного дорога каждая секунда. Попытаемся же его спасти! Ты оставайся здесь и что бы ни случилось, не

спускайся с дерева; здесь тебя никто не заметит... Мне придется пропадать довольно долго; только бы найти карету!

— Загляните в контору Пигали; там всегда есть запряженные кареты; бегите с Богом; вернувшись, вы застанете меня на этом самом насесте!

Люс тихонько слез с дерева, в два прыжка очутился в кустах и исчез из виду. Едва только он успел скрыться, как Иванович, очевидно, не считавший излишней никакую предосторожность, подошел к окну и стал внимательно вглядываться в темноту. Убедившись, очевидно, что все обстоит благополучно, он отошел от окна и принялся ходить взад и вперед по комнате, как бы выдерживая назначенный им самим срок. По временам он останавливался перед доном Хосе и о чем-то горячо говорил с ним, сопровождая свою речь энергичными жестами, означавшими протест или отрицание.

— Уж не просит ли негр пощады для несчастного? — подумал Фролер.

Пока они разговаривали, трое приспешников, которых по лицам можно было принять за разбойников, забавлялись тем, что запускали свои громадные ножи в закрытую дверь, на которой было грубо намалевано изображение человека в натуральный рост, причем делали это с такой ловкостью, что ножи их каждый раз вонзались в область сердца.

Несчастливая жертва Невидимых была бледнее мертвеца. Чего только не пережил в эти минуты несчастный молодой человек, которого заманили сюда какой-нибудь хитростью?! За ним предательски заехал кто-нибудь из друзей, и он отправился с ним в бальном наряде, улыбающийся, с цветком в петлице, как о том свидетельствовали его фрак, сорванный в пылу борьбы, и белый цветок камелии, растоптанный на полу в нескольких шагах от него... И знать, что никто не придет его спасти, что он должен умереть здесь, как в глухом лесу, думать об отце, матери и всех, кто ему дорог и кому он мил, считая минуты и секунды... Умереть так на двадцать пятом году жизни, когда все еще манит впереди, все радует и веселит... Умереть в полном расцвете сил! Нет, это так ужасно, что никакое перо не в силах описать.

Но вот один из палачей по приказанию Ивановича приблизился к несчастному. У Фролера похолодели руки: неужели уже настал час казни?

Нет, палач был безоружен; он просто развязал и освободил правую руку несчастного, затем придвинул к нему маленький столик, положил лист бумаги и перо, потом поставил чернила и свечу и спокойно отошел в сторону.

— Ах, что за счастливая мысль пришла этому бедняге, — подумал Фролер, — он, очевидно, попросил позволить ему выразить свою последнюю волю! Пусть он только хоть четверть часа попишет, и Люс успеет прийти к нему на помощь.

Молодой человек взял перо, но когда он попробовал написать несколько слов, то рука его так сильно дрожала, что он сам не в силах был разобрать того, что выходило из-под пера.

Иванович равнодушно пожал плечами и отдал палачу какое-то приказание, которое тот собирался уже исполнить; но несчастный умоляющим жестом поднял руку, и палач по знаку Ивановича отошел в сторону.

— Да пиши же, пиши как можно дольше; в этом твое спасение! — хотел было крикнуть ему Фролер; он был один, но охотно рискнул бы жизнью, чтобы спасти несчастного, если бы не был связан словом повиноваться Люсу и если бы не сознавал, что его вмешательство будет бесполезно.

Между тем время шло; молодой человек все еще писал, слишком медленно и долго для Ивановича и палачей, которые начинали уже терять терпение, слишком быстро для Фролера, который желал бы протянуть это время подольше. Наконец Иванович подошел к столу и хотел вырвать бумагу из-под руки бедного юноши, но на этот раз ему воспротивился негр, поднесший часы к его глазам, вероятно, для доказательства, что дарованный срок еще не истек. Но, очевидно, осталось уже немного времени, так как палач, засучив рукава и вооружившись своим широким ножом, встал позади молодого человека, который в этот момент, судя по движению руки, подписывал свое имя под своей последней волей. Двое остальных бандитов, удалившись на мгновение в соседнюю комнату, вышли оттуда, неся черный гроб с большим белым крестом на крышке, и поставили его к ногам осужденного.

— Ах, негодяи, негодяи! — воскликнул Фролер, невольно хватаясь за свой револьвер, и закрыл глаза, чтобы не видеть рокового удара.

Когда спустя минуту он раскрыл их, то сцена совершенно изменилась. Трое негодяев подняли жертву со стула и теперь не только связали руки и ноги, но еще обмотали веревкой с ног до головы, как мумию, после чего по знаку Ивановича положили тело в гроб и, накрыв крышкой, стали заколачивать. Первый удар молота проник в самое сердце Фролера, так что он едва удержался на дереве.

— Боже мой! — воскликнул он подавленным голосом. — Эти звери хотят зарыть его живым.

Но что же делал в это время Люс? Где он пропадал?

ХІІІ

Спасены и отомщены. — Тайна «человека в маске».

ОКИНУВ ПРИТОН НА МОНМАРТРЕ, ЛЮС поспешил к хозяину извоза, на которого ему указал Фролер.

Здесь он потребовал экипаж и пару лучших лошадей изо всей конюшни; благодаря обещанным пяти франкам на чай спустя семь минут он уже неся по направлению к улице св.

Доминика, где рассчитывал прихватить таких ценных союзников, как Дик, канадец и гигант Лоран.

Зная, что Невидимые на этот раз решили покончить с графом, он был уверен, что для исполнения своего приговора ими избраны самые надежные люди, а потому против них следовало выставить таких же защитников. Негр Том и молодой нготак тоже были недюжинными силачами и людьми отчаянной решимости. Таким образом, захватив попутно еще графа, капитана и Литлстона и считая себя и Фролера, Люс мог противопоставить пяти Невидимым восемь человек, что до известной степени обеспечивало им успех дела.

Правда, Люсу приходилось ехать за своими союзниками довольно далеко, но ставка была так велика, что нельзя было ничем пренебрегать.

Вскочив на козлы подле возницы большого закрытого ландо, Люс сказал своему соседу:

— Мы сейчас едем на улицу св. Доминика, оттуда на улицу Капуцинок и, наконец, на Монмартр, на улицу Лепик; если ты сумеешь все это объехать менее чем за час, то останешься мною доволен!

— Но это будет зависеть от того, сколько времени вы пробудете во всех этих местах! — вполне резонно ответил кучер.

За четырнадцать минут они доехали до дома графа, но по пути городовые пытались остановить лошадей, думая, что они понесли и кучер не в состоянии справиться с ними. Лоран и его приятели спали, но при первых же словах кинулись одеваться с невероятной поспешностью и в несколько минут были готовы следовать за ним. В один момент лошади домчали их до улицы Капуцинок. Проходя мимо своего привратника, Люс крикнул ему:

— Нужно доктора, что на третьем этаже, очень спешно! — И привратник не стал его расспрашивать.

Отперев дверь комнаты, он уже с порога крикнул вполголоса:

— Тревога, господа! Живо! Они все в наших руках — и «человек в маске», и его приятель генерал, и все трое палачей; нельзя терять ни минуты: быть может, мы успеем еще спасти другую жертву этих негодяев! Захватите с собой ваши револьверы и охотничьи ножи; подробности я расскажу вам по дороге!

К счастью, граф, Дик и капитан еще не раздевались; они совершенно одетые расположились на постели, на диване и на кушетке, ежеминутно ожидая тревоги, а потому в один момент были уже на ногах. Люс снял со стены испанский пистолет с широким дулом, привезенный им из Алжира, — оружие ужасное в рукопашном бою — и спустя пять минут все сидели в ландо и мчались во весь опор на улицу Лепик.

В начале этой улицы Люс приказал кучеру остановиться, чтобы тот не знал, куда именно направлялась вся компания, и, уплатив ему двойную против обещанной сумму, быстро зашагал со своими друзьями к «дому повешенных».

Попутно Люс в отрывистых и кратких словах рассказал графу обо всем, причем последний крайне сожалел о своем разочаровании в благородном и великодушном, как ему казалось джентльмене. Но — увы! — доказательства были налицо!

Канадец чувствовал себя наверху блаженства при мысли о возможности очутиться наконец лицом к лицу с ненавистным врагом, которого они столько времени преследовали; он помолодел на целых десять лет.

— Значит, все-таки есть на свете справедливость! — воскликнул он.

Капитана же перспектива наконец-то держать в своих руках Ивановича делала свирепым и в то же время безумно счастливым!

На этот раз Люс со своей свитой без особых предосторожностей прошел через сад прямо к лужайке. Фролер, завидев союзников, поспешил слезть с дерева.

— Ну что? — спросил его Люс. — «Человек в маске» еще здесь?

— Да, но, вероятно, они скоро закончат свое дело: вы успели как раз вовремя!

— А их несчастная жертва?

— Слушайте! — сказал Фролер. — Слышите вы эти удары молотка?

— Да, что они означают?

— Они заколачивают гроб, в который положили живого человека!

— Идемте тогда, — сказал Люс, — но вступать в честный бой с этими негодяями нельзя. Мы крадучись поднимемся наверх, и

в тот момент, когда у всех револьверы будут на взводе, я разом распахну дверь: тогда мы все вместе дадим залп. Нас восемь человек: это должно произвести на них впечатление!

Буря, усилившаяся еще больше, выла и гнула деревья, которые стонали и скрипели; весь дом содрогался под яростным порывом ветра; этому шуму вторили мерные удары молотка, заглушавшие и шум шагов на лестнице, и всякий другой шум в доме.

Когда Люс убедился, что все готовы, он осторожно нажал ручку двери и смелым ударом ноги распахнул ее настежь. Стоявший впереди других негр Том и молодой нготак разом кинулись и схватили за горло двоих врагов, после чего никому уже нельзя было стрелять из опасения ранить своих. Наступила минута замешательства, которой воспользовался Иванович, чтобы опрокинуть стол, где стояли свечи. Но канадец успел уже накинуться на третьего врага, который, не имея под рукой оружия, схватился с ним врукопашную, но почти тотчас же рухнул на землю с переломанным хребтом, едва успев вскрикнуть.

Между тем Люс, не растерявшейся ни на минуту, быстро подхватил свечи прежде, чем они успели погаснуть, и поставил их на камин. При их свете он увидел, что ни один из негодяев не остался на ногах: те, на которых набросились Том и нготак, уже плавали в лужах крови с перерезанным горлом, причем нготак уже успел оскальпировать убитого им злодея, собираясь привезти домой этот кровавый трофей. Третий негодяй был убит Диком, а генерал Хосе тоже не подавал признаков жизни. Но «человек в маске» исчез.

— Ко мне! — крикнул Люс. — Негодяй ушел! — с этими словами он кинулся в смежную комнату — единственное место, куда мог убежать Иванович. Окно здесь, выходившее на крышу маленькой пристройки, было открыто настежь. Для всех стало ясно, что преследовать беглеца было уже бесполезно.

Таким образом, этот дьявольски ловкий человек опять ушел из их рук. В этот момент ужасный крик заставил всех вернуться в первую комнату, где происходила борьба.

— Не убивайте меня! Не убивайте! Я не сделал ничего дурного! — взывал дон Хосе Коррассон, которого Лоран схватил за горло. Хитрый негр нарочно притворился мертвым, чтобы воспользоваться первым удобным случаем и бежать, но Лоран вовремя помешал его бегству.

Узнав графа д'Антрэга, несчастный еще усерднее запросил пощады.

— Говорите правду, — сурово сказал молодой граф, — что бы вы сделали со мной, если бы я был один с вами вчера в экипаже?

- Мне было предписано убить вас!
- Кто устроил эту западню?
- Тот, кто сейчас только что бежал!
- Как его зовут, кто он такой?

— Это полковник Иванович, член Верховного Совета Невидимых!

— Иванович! — воскликнул Оливье. — Иванович, мой соперник и враг! О, я должен был это предчувствовать!

— Теперь моя очередь его допросить, — сказал Люс, все время пристально всматриваясь в негра.

— Как тебя зовут? — спросил он.

— Дон Хосе Коррассон!

— Нет, я спрашиваю твое настоящее имя!

— Сэм! — пробормотал несчастный.

— Тот самый, который задушил борца Тома Пауэлла, чтобы завладеть полученными от Ивановича деньгами? Да? Отвечай!

— Да... это я... Пощадите меня!

— погоди!.. Кто предательски заманил в эту западню несчастного князя Свечина?

— Я... сжальтесь! Видите, я говорю вам всю правду; я не хочу умирать... Пощадите меня!

— Пощадить убийцу и предателя!.. Нет! — воскликнул Люс и одним ударом размозжил ему голову.

Молодой русский, которого Фролер тотчас же поспешил вынуть из гроба, пожимал руки своим спасителям, не будучи в состоянии выговорить ни слова.

XIV

Общество Невидимых

АМ УЖЕ ИЗВЕСТЕН СМЕЛЫЙ ПЛАН ГРАФА д'Антрэга и его друзей — завладеть Верховным Советом Невидимых и самим Великим Невидимым во время первого общего собрания, которое должно состояться где-то на российской территории. Красный Капитан как прирожденный янки, не признававший никаких препятствий, и канадец Дик взялись набрать достаточное число авантюристов, готовых принять участие в этом опасном предприятии.

На долю Люса выпала отнюдь не легкая задача доставить всю эту компанию, насчитывающую по меньшей мере сто человек, в назначенное место к назначенному времени, и сделать это так, чтобы никто, этого не заметил не только из числа Невидимых, но и из русской полиции, самой подозрительной в целом мире.

Но прежде чем продолжать рассказ о борьбе графа с Невидимыми, необходимо сказать еще несколько слов об Обществе.

Оно, как мы уже говорили, ставило своей целью завоевание славянской расой* мирового господства.

На эту будущую роль славянства указывал еще историк Фогель: «В тот день, когда славянское царство обратит в своих вассалов мелкие придунайские княжества, оно не только уничтожит их автономию**, но и безопасность всей Европы, нарушит ее равновесие и захватит не только всю Венгрию и Империю, но и Константинополь, исконный предмет его мечтаний, эту несравненную столицу, благодаря положению которой Греческая Империя могла пережить на целых десять веков Римскую Западную Империю. Завладев Константинополем, России трудно будет помешать обосноваться также и на Адриатике; затем, став господином Босфора и Дарданелл, России ничего не будет стоить превратить Мраморное и Черное моря в громадный военный порт и с помощью греков создать самый могущественный флот в Средиземном море, который будет угрозой всей Европы, и бравировать, не рискуя, второй крымской кампанией. Считая Россию главой всего славянского мира, высшие классы этой страны, стремления которых простираются далеко за пределы их обширного отечества, мечтают сделать Россию главным центром славянства и покорить мало-помалу все пока самостоятельные южные и западные славянские народности, не стесняясь рознью вероисповеданий и традиций. Эти тенденции достаточно ясно проглядывают и в печати, и поддерживаются людьми, занимающими высокое общественное положение, даже влияют на самое правительство, неговоря уже о деятельной пропаганде в Австро-Венгрии, Немецкой Польше, Чехии, вплоть до пределов Италии. Австро-германский союз — это первая плотина, преграждающая пока путь этому потоку»...

Таково мнение хорошо осведомленного немецкого историка***.

Пропаганда этой грандиозной идеи осуществляется Обществом Невидимых, именуемых так потому, что ни один из его членов не знает других, кроме того, кто его завербовал.

* Очевидно, намек на наших славянофилов, которым мало осведомленный в русской жизни автор приписывает совсем не свойственную роль. — *Прим. перев.*

** Так немцы смотрят на роль русских; история же освобождения Сербии и Болгарии говорит совершенно другое. — *Примеч. перев.*

*** Видимо, напротив, плохо осведомленного. — *Примеч. перев.*

Лет семьдесят тому назад несколько принадлежавших к лучшим семействам России молодых людей, честолюбивых, энергичных, предприимчивых, но разорившихся, возмечтали вернуть прежний блеск своему гербу и свое прежнее положение, эксплуатируя эту политическую идею*. Воспользовавшись и их естественной склонностью своих соотечественников к тайным обществам, они решили эксплуатировать в свою пользу популярность и власть Общества Невидимых, действуя от его имени. Они вели дело с таким искусством и такой ловкостью, что лишь впоследствии, когда некоторые из их преступлений, особенно смелых и отчаянных, наконец раскрыли глаза Третьему Отделению, на котором лежит охрана внутреннего спокойствия государства, выяснилась их истинная роль. Но все-таки до главарей добратъся так и не могли и, если и догадывались о средствах, к каким они прибегали, то не сумели добыть никаких неоспоримых доказательств, которые позволили бы наложить руку на настоящих виновников. Вследствие этого дело пришлось замять, и дюжина смельчаков продолжала эксплуатировать в течение еще нескольких лет действительных членов Общества Невидимых для своих личных целей — на удовлетворения своего честолюбия и жажды роскоши.

Когда нужно было выполнить какое-нибудь решение этой компании, каждый из входивших в нее намечал кого-нибудь из наиболее фанатичных членов Общества, и последний получал предписание сделать тот или иной шаг; уверенный, что это предписание исходит от высших властей Общества, он исполнял его беспрекословно, не вникая в побудительные мотивы, а считая это несомненно необходимым для каких-нибудь высших целей Общества. Так, например, в один прекрасный день Государственный банк получил предписание перевести немедленно в Оренбург два миллиона рублей для уплаты жалованья войскам и на иные административные расходы.

Денежный транспорт сопровождали всего несколько казаков. В одном из ущелий Уральских гор транспорт вдруг наткнулся на сотню хорошо вооруженных людей. Казаки, сознавая свою малочисленность, отступили, а ящики с деньгами тотчас были перенесены на другие повозки и в несколько минут исчезли бесследно. Затем экспроприаторы тотчас же кинулись врассыпную и разбрелись по разным селениям и городам; как затем доказало

* Так, очевидно, французский автор понимает декабристское движение. — *Примеч. перев.*

следствие, ни один из них не знал, ни зачем их заставили собраться в этом ущелье, ни кому и на что были нужны эти деньги; напротив, их уверили, что нужно было похитить какие-то немецкие прокламации, имевшие целью поднять против царя какие-то вновь покоренные азиатские племена; содействуя похищению казенных денег, они простодушно полагали, что служат политическим интересам своего отечества.

Даже высокие должностные лица и люди высших придворных чинов были впутаны в действия этих мнимых Невидимых. Хотя они не были скомпрометированы деятельным участием в их делах, но присутствовали на их собраниях, поддерживали с ними связь и тем самым придавали больше веса и авторитета этой маленькой группе дерзких самозванцев.

Эта опасная компания в конце концов распалась сама собой, когда было обнаружено ее существование, но прежде, чем это случилось, дерзкие самозванцы успели совершить целый ряд самых возмутительных преступлений. В России они по преимуществу орудовали в Оренбургской губернии, где из-за ее удаленности от столицы и характера местного населения их козни должны были иметь наибольший успех.

Попытка этих мнимых Невидимых завладеть уральскими копиями, принадлежащими семье Васильчиковых, путем брака одного из них с княжной Надеждой Федоровной, единственной наследницей всех богатств отца, была одним из самых отчаянных дел этой шайки и не удалась только благодаря невероятной энергии и смелости молодого графа д'Антрэга и безграничной преданности его друзей.

XV

Оренбургские степи. — Табунщики. — Нападение волков.

ОРЕНБУРГСКАЯ СТЕПЬ — БЕЗГРАНИЧНАЯ равнина, весной покрытая высокими зелеными травами; огромные стада рогатого скота и целые табуны лошадей пасутся здесь под надзором зорких табунщиков, проводящих всю свою жизнь верхом на коне. Летом вся степь выгорает, выжигается солнцем, и тогда и люди, и жи-

вотные живут в облаках пыли, томимые нестерпимой жаждой. Во всякое время года их преследует один грозный враг — волки: они целыми стадами нападают по ночам на табуны и стада, производя среди них страшные опустошения.

Изредка в Оренбургской степи попадаются маленькие селения, обычно представляющие собой собрание жалких низких глинобитных домишек. По мере приближения к городу Оренбургу число этих селений увеличивается, преимущественно на склонах Уральских гор, что обычно означает близость какого-нибудь рудника, так как азиатский склон этих гор изобилует медью, серебром, золотом и платиной, а также драгоценными камнями.

Уральский хребет отделяет европейскую часть России от азиатской и служит водоразделом между этими частями света. С этих гор стекает великолепная река Урал, подобная великим рекам Нового Света, длиной в 2380 километров. На всем ее протяжении нет ни одного моста; только изредка, вблизи более населенных мест, действуют простые паромы.

Перевозчиками на этих паромах обычно служат ногайцы, осевшие со своими семьями здесь уже несколько веков. Некоторые из этих ногайцев очень богаты и держат целые табуны лошадей и верблюдов для сообщения между европейской и азиатской Россией. Некогда ногайцы были могущественной народностью, живущей на берегах Черного моря, но затем они рассеялись в степях, образовав кочевые орды; некоторые из них сделались оседлыми, обзавелись хозяйством и живут безбедно; другие же стали перевозчиками на Урале.

На одном из таких перевозов, в двадцати днях пути от Оренбурга, где гуртовщики гоняли стада и караваны с товарами, перевозчиком был ногаец Черни-Чаг.

Это был зажиточный человек, имевший целые табуны лошадей и свыше четырехсот голов рогатого скота.

Однажды, в конце июня, когда кругом зеленели степи, под вечер, домашние Черни-Чага собрались ужинать; женщины принесли уже большие лотки с вареным пшеном и кислым молоком и кувшины с кумысом. Вдруг на пороге раздался незнакомый голос:

— Привет вам, братия... Хлеб да соль!

Черни-Чаг поднял голову и увидел на пороге странника с котомкой за спиной и посохом в руке.

— Войди! — сказал ногаец. — Здесь и для тебя найдется кусок!

— Спасибо друг, — ответил странник, — я знаю, что твой кров гостеприимен! — и сделал ногайцу условный знак. Тот сразу понял и, встав со своего места, тотчас увлек странника за собой на другую половину дома.

— Час спасения приближается! — проговорил странник.

— Хвала Господу Богу! — ответил хозяин. — Какие у тебя вести?

— В третье воскресенье после сегодняшнего дня, — продолжал странник, — Невидимые соберутся во славу даря-батюшки и Святой Руси!

— В каком месте?

— В развалинах старого монастыря!

— В какое время?

— В одиннадцать часов вечера!

— Хорошо, я буду... Все?

— Нет! Я прямо из Астрахани, где видел Великого Невидимого; он собирался уезжать, и я удивлен, что он не прибыл.

— Он должен у меня остановиться?

— Да, и просил тебя держать наготове для него шесть свежих лошадей!

— Все будет сделано, как ты желаешь... А пароль?

— «Духоборы!»

После этого оба вернулись к остальным и принялись за ужин. Поужинав, странник взял свой посох и пошел дальше по направлению к Оренбургу. Так он шел от селения к селению, оповещая всех о близком собрании Невидимых.

Расставаясь с Черни-Чагом, странник предупредил ногайца:

— Храни тебя Бог от Черных Всадников!

— Разве они уже появились снова? — спросил перевозчик, задрожав всем телом.

— Я видел их прошлой ночью; они неслись, как призраки, на своих быстрых конях по тому берегу Урала!

— А куда они держат путь?

— Вниз по реке!

— Ну, слава Богу, быть может, они не вернутся больше сюда! Впрочем, они всегда щадили мой поселок!

— Я тебя предупредил, Черни-Чаг, береги свои золотые! — сказал прохожий.

— Чего ты не останешься здесь переночевать? Смотри, ночь надвигается, а волки рыщут по степи, как только солнце заходит!

— Я успею еще дойти до ближайшего поселка!

— Ну, так с Богом!

И перевозчик вернулся к себе в дом, хмурый и озабоченный.

Кто же были эти Черные Всадники, так сильно напугавшие его?

При крепостном праве, прекратившем свое существование лишь при императоре Александре II, все недовольные и обиженные, все жертвы сильных и богатых бежали в степи и находили себе приют и убежище в этих пустынных, бесплодных местах, где никакие власти не в состоянии были их преследовать. Обза-

дясь конем, копьём и ружьём, они становились неуязвимыми и находили себе верных союзников в степных кочевниках, вместе с которыми грабили караваны.

Иногда они собирались большими шайками и грабили даже населенные места, разоряя целые деревни. Чтобы не быть впоследствии узанными, эти люди обычно окутывали себе лицо черными покрывалами, оставляя только отверстия для глаз, и совершив свой страшный подвиг и поделив добычу, рассыпались по степи, не оставляя за собой никакого следа. Местные власти, располагая казачьими командами, редко могли что-нибудь предпринять против этих разбойничьих шаяк.

Черни-Чаг был человек недюжинный, и во многих случаях проявлял поразительную энергию и находчивость. Оставшись один после ухода странника, он прежде всего позаботился обезопасить свой дом от Черных Всадников. Он имел разрешение от оренбургского губернатора держать у себя, сколько нужно, оружия для защиты себя и своей семьи от разбоев и грабежей кочевников. Отослав женщин и детей в женское отделение, он созвал мужчин и сообщил им о грозящей всем и его дому опасности. Несмотря на страх, внушенный этой вестью, все единогласно решили защищаться до последнего, зная, что если разбойники нападут, им нечего ждать пощады.

Скоро наступила ночь; в доме все спали, кроме двух сторожевых работников, вооруженных ружьями, которым было дано по ружью, чтобы в случае тревоги оповестить всех живущих в поселке.

Окрестности потонули во мраке, но затем, когда взошла луна, серебристый свет окрасил все в мягкий однообразный бледно-желтый цвет, на фоне которого голубоватой лентой извивалась река. Малейший предмет на громадном расстоянии выделялся теперь темным пятном на этом однотонном светло-желтом фоне, и никто не мог бы приблизиться к жилищу, не будучи замеченным еще издали...

Немного после полуночи дверь дома отворилась, и Черни-Чаг вышел в сопровождении четырех человек, несших довольно большой и тяжелый сундук, служивший хранилищем драгоценностей семьи. Сюда предусмотрительный хозяин сложил все червонцы и серебряные монеты, какие только имелись в доме, а также уборы женщин, а также то, что у него было наиболее ценного — старинный, раскрашенный драгоценными камнями меч, доставшийся ему от предка, одного их ногайских ханов.

Дойдя до берега реки, люди, несшие этот сундук, очевидно, очень тяжелый, так как они сгибались под его тяжестью, поста-

вили его на землю и стали рыть яму, куда затем и опустили сундук, засыпав его землей, чтобы замести следы своей работы.

Но в то время, как они работали, зарывая сокровища в зыбкий прибрежный песок, в нескольких шагах, прижавшись к высокой траве, прохожий странник с напряженным вниманием следил за происходившим.

Отойдя всего на несколько шагов от гостеприимного крова, где он отдохнул и подкрепил свои силы пищей, он вместо того, чтобы идти дальше вдоль берега реки, воротился назад, когда стемнело, приблизился к дому и притаился в высокой траве, заранее предвидя последствия принесенных им вестей.

Как только Черни-Чаг вернулся в свой дом, мнимый странник ползком пробрался к берегу реки, достал из прибрежных тростников широкую, слегка выдолбленную дубовую доску, заостренную наподобие челнока, и, пользуясь руками в качестве весел, лежа на доске медленно поплыл к противоположному берегу...

Казалось, ночь должна была окончиться благополучно, когда около трех часов утра стражи заметили на краю горизонта черную точку, быстро увеличивающуюся и как бы несущуюся по равнине. Вскоре эта точка раздвоилась, и зоркие глаза сторожей различили двух всадников, мчавшихся по степи на быстрых конях, и множество бегущих за ними черных точек.

— За ними гонятся волки! — сказал один из них.

— Да, и им ни за что не уйти от них!

Волки в степи представляют наибольшую опасность. Они живут здесь громадными стаями и плодятся беспрепятственно; если бы они не грызлись между собой, а самцы не пожирали добрую половину детенышей, то ничего живого не осталось бы в степях.

Единственный враг, которого волки боятся, даже если их целая стая, — табунщики! Эти люди, не слезающие с коня ни днем, ни ночью, собравшись группой человек в десять-двенадцать, смело кидаются на стаю волков, и каждый удар их копыа укладывает на месте одного из этих страшных животных. И волки до того боятся их, что, завидев издали хотя бы одного табунщика, тотчас же обращаются в бегство.

Подгоняемые голодной стаей, кони неслись, как ветер, но было видно, что они выбились из сил и скоро упадут от изнеможения, не достигнув реки.

Тем не менее злополучные всадники все больше приближались к дому, и сторожа, хотя и смутно, начали уже различать их фигуры, припавшие к самым шеям своих лошадей.

Благородные животные неслись, не щадя своих сил, прямо к реке, зная, что здесь их спасение, что волки не последуют за ними в реку. Время от времени тот или другой из коней бешеным ударом копыта убивал на месте настигающего его волка, и, как только последний падал, тотчас же сотни уцелевших его сородичей с жадностью набрасывались и в один момент разрывали его в клочья.

— Сказать бы хозяину, — заметил один из сторожей, — может быть, он поможет им как-нибудь!

Но прежде чем его товарищ успел ответить, картина совершенно изменилась.

До реки оставалось уже не более версты; еще немного — и благородные животные спасут себя и своих седоков. Но и волки не зевали, и некоторые из них уже успели забежать вперед, чтобы оттуда кинуться на лошадей. Вдруг один из всадников с невероятной ловкостью перескочил со своего коня на круп коня товарища, который в этот момент, выхватив пистолет, прострелил голову лошади, оставшейся без седока, после чего та упала, точно пораженная громом. Стая волков с жадностью набросилась на нее. Но волков было слишком много, и часть стаи, не теряя времени, кинулась за вторым конем, мчавшим вперед двух всадников. Однако кратковременная задержка дала доброму коню время уйти немного вперед, и волкам пришлось снова нагонять. В каких-нибудь три минуты благородное животное донесло своих всадников до реки и кинулось прямо в Урал, под громкий вой хищников, лишившихся близкой уже добычи.

XVI

Осада в степи. — Иванович и Холлоуэй. — Отчаянное положение. — Два казака.

обрый конь, домчавший своих всадников до реки, относился к крепкой киргизской породе, и него переплыть реку не составляло никакого труда. Почувствовав, что погони за ним нет, он весело и бодро поплыл к противоположному берегу. Едва только он выскочил на берег, как оба всадника разом спрыгнули на землю и изо всех сил бросились к дому Черни-Чага, крича:

— Тревога! Полковника Ивановича осаждают волки!

В одну минуту все были на ногах. Хозяин поспешил ввести пришельцев в свой дом и, узнав с их слов о положении полковника, тотчас же приказал бить в набат.

Окрестные жители мигом прискакали на своих конях к дому старшины, и спустя десять минут пятьдесят человек, смелых и опытных, бывших табунщиков, на отличных конях, с копьями и кольями, во главе с Черни-Чагом вплавь переправились через Урал и во весь опор помчались на помощь.

Иванович, чудом спасшийся от своих врагов на Монмартре, бежав через окно из «дома повешенных», узнал от своих приверженцев, что дон Хосе Коррассон перед смертью выдал его, и потому решил, чтобы покончить наконец с графом и другими своими врагами, заманить их в уральские степи, где мнимое Общество Невидимых насчитывало наибольшее число своих самых фанатичных сторонников и где чужестранцам не будет никакой возможности ни бежать, ни скрыться. Окруженные со всех сторон жестокими сектами, лишь формально признающими власть губернаторов, затерянные в пустынных и безлюдных степях, они не найдут ни помощи, ни защиты и, несмотря на всю свою отвагу и мужество, должны будут все пасть до единого в этой неравной борьбе.

Добившись их гибели, Иванович намеривался, пользуясь своим влиянием и связями, вернуть из Сибири сосланного туда по его же ложному доносу князя Васильчикова и, выступив роли его спасителя, добиться руки его дочери, княжны Надежды; брак же с ней дал бы ему возможность присвоить себе знаменитые уральские рудники и золотые прииски ее отца, которые сделали бы его богатейшим человеком в России, а может быть, и во всем мире.

Но этого еще мало; он мыслил затем далее рассчитаться со всеми своими друзьями, предоставив им австралийские золотые прииски графа и Дика Лефошера, на которые он решил предъявить свои права. Затем, щедро и умело рассыпая золото, он надеялся добиться положения Великого Невидимого, главы Общества, что дало бы власть над всем славянским миром, власть, равную его богатству.

Во всех этих своих замыслах он открылся Холлоуэу, который, взорвав из чувства мести к Красному Капитану «Ремэмбер», явился к Ивановичу с предложением своих услуг. Будучи человеком практичным, Холлоуэй сообразил, что, содействуя планам Ивановича, он может только выиграть, так как этот человек, щедро плативший за услуги, будет в его руках, тогда как Джонатан Спайерс всегда смотрел на него, как на своего подчиненного, простого механика, с которым все счета окончены, если причитающееся ему жалование уплачено. Иванович с распростертыми объятиями встретил нового союзника, так как ряды его соратников опустели после катастрофы с «Лебедем». Теперь

ему предстояла еще одна, последняя, схватка с врагами, которая должна была во что бы то ни стало увенчаться успехом, и такой человек; как Холлоуэй, посвященный во все планы Красного Капитана и его друзей из Франс-Стэшена, был для Ивановича чрезвычайно ценным союзником. Возвращаясь вместе из Австралии, новые друзья использовали время пути для подробного обсуждения задуманного плана. Чтобы сосредоточить в одном месте известное число сторонников, они придумали съезд делегатов Невидимых и местом для этого съезда избрали уральские степи. Что же касается способа заманить туда графа и его друзей, то он не представлял никаких затруднений: со слов Холлоуэя Ивановичу было известно, что Оливье и его друзья поклялись преследовать Ивановича всюду, куда бы он ни бежал; ему оставалось только не скрывать своих следов, и эти простаки сами попадут в ловушку.

После долгих размышлений Иванович избрал местом собрания и одновременно ловушки для своих врагов развалины одного древнего монастыря. Обширные подземелья, уцелевшие от разрушения, позволяли собрать здесь несколько сот человек.

Сюда-то и предполагалось заманить графа и его друзей и, наскоро совершив суд над ними, приговорить к смерти.

Еще одна причина вынуждала Ивановича скорее кончать с этим делом: князь Свечин, атташе посольства в Париже, которому было негласно поручено специальное наблюдение за политическими настроениями живущих в Париже русских, послал в Третье Отделение обстоятельный доклад об Обществе Невидимых; необходимо было спешить, чтобы успеть вовремя прекратить преступную деятельность ложного Общества Невидимых, прежде чем имена главных участников станут известны Третьему Отделению.

Сойдя в Ливерпуле с австралийского парохода, Иванович получил шифрованную телеграмму: «Урожай превосходный в ваших поместьях в Малороссии. Вас ожидают с нетерпением, чтобы начать жатву».

В соответствии с шифром, имевшимся у Ивановича, это означало: «Крайне необходимо уничтожить доносчика, который только что выехал из своих поместий в Малороссии в Париж, иначе мы погибли».

Действительно, князь Свечин прибыл в Париж с целью продолжать свое расследование темных дел мнимого Общества Невидимых, избравших Париж центром своих преступных операций.

Иванович с Холлоуэем тотчас же направился в столицу Франции, где дон Хосе Коррассон или, вернее, негр Сэм, убийца боксера Тома Пауэлла, вступивший в ряды Невидимых, находился

уже в течение нескольких месяцев в качестве панамского по-
сланника.

Мы уже видели, как Люс и Фролер спасли от смерти князя
Свечина «в доме повешенных».

Потерпев еще раз неудачу, Ивановичу оставалось теперь
только осуществить свой коварный план в степях Урала и закон-
чить им наконец эту уже слишком долго длящуюся борьбу.

На другой день после своего бегства из «дома повешенных» он
вместе с Холлоуэем отправился из Парижа прямо в Астрахань,
где Невидимые имели великолепный дворец. Здесь и был разра-
ботан план нападения на графа и его друзей.

Граф Оливье и его друзья смогли выехать из Парижа спустя
лишь пять или шесть недель, а когда наконец прибыли в Астра-
хань, у Невидимых уже все было готово для их встречи.

Для Ивановича и его приятеля были заготовлены лихие ска-
куны-киргизы.

От Астрахани до перевоза Черни-Чага было пять дней пути,
да от перевоза еще два дня до развалин монастыря, места сбора
Невидимых.

В то же время многочисленные странники бродили по степи,
оповещая приверженцев Невидимых и сообщая им пароль; ожи-
далось, что соберется четыреста-пятьсот человек.

Единственно, чего опасался полковник, это быть настигну-
тым графом по пути к развалинам, когда борьба могла окончить-
ся плачевно для него, а он не хотел рисковать.

Однако, рассчитывая на помощь ямщиков, поскольку все они
служили Невидимым, он решил, что опасаться нечего, и вместе с
Холлоуэем и двумя казаками покинул Астрахань.

Когда они выезжали из города, какой-то человек, которого
по наружному виду и костюму можно было принять за кочевого
киргиза, осторожно высунул голову из-за каменной ограды, за
которой притаился, как будто желая убедиться, что это именно
они, а не кто-нибудь другой. Но, видимо, все-таки не доверяя
своим глазам, так как на дворе уже стемнело, он крикнул всад-
никам на киргизском языке:

— Спокойной ночи вашей милости!

Иванович на том же языке ответил:

— Спокойной ночи тому, кто мне ее желает!

Едва только он успел произнести эти слова, как киргиз со
всех ног бросился бежать по направлению к главным улицам
города.

В продолжение нескольких часов пути путники скакали в
глубоком безмолвии. Ночь близилась к концу. Иванович по вре-
менам тревожно оглядывался назад, опасаясь погони, но, убе-

дившись, что на горизонте не видно ничего подозрительного, снова успокаивался.

На первой почтовой станции он остановился на несколько минут и, вызвав ямщика, которому он посредством условного знака представился как глава Невидимых, сказал:

— Здесь должны будут проехать чужеземцы, французы! Не давай им лошадей!

— Слушаюсь! — ответил ямщик. — А если у них будет предписание от губернатора, что тогда делать?

— Ты скажешь, что все лошади угнаны по казенной надобности, и пообещаешь им других не раньше, чем на завтра!

— Слушаюсь!

— Помни же! — с этими словами Иванович снова пустил своего коня вскачь. На дальнейших станциях он снова повторил свое приказание.

Наконец наступил пятый день пути; до сих пор ничего нежелательного не случилось.

— Сегодня еще до восхода луны, — проговорил Иванович, вставив ногу в стремя, — мы прибудем к перевозу через Урал и можем уже ехать дальше не спеша!

Между тем степь постепенно принимала все более пустынный характер; почва была песчаная или солончаковая; трава здесь росла низкорослая и хилая.

— Берегитесь, — сказал один из казаков, — теперь мы в волчьем царстве!..

Лошади тоже стали беспокойны, точно они что-то чуяли: они ржали, трясли гривой и без побуждения со стороны всадников неслись стрелой вперед.

-- Кони чуют волков! — проговорил другой казак.

— Успеем мы доехать до ночи? — спросил Иванович.

-- Едва ли! — сказал казак.

— Смотрите! — крикнул вдруг другой казак, указывая своей нагайкой на едва заметную точку вдали. — Это их передовые, вышедшие на разведку!..

Все глаза обернулись в ту сторону, куда он указывал.

Впереди на большом расстоянии виднелись шесть маленьких темных движущихся точек, которые вскоре превратились в волков. Свернуть с дороги было опасно: можно было заблудиться в степи, и тогда вернуться на дорогу было бы также трудно, как разыскать иголку в песке, да, кроме того, волки были везде.

Резвые кони смело неслись вперед и громко ржали, словно вызывая волков на бой.

Волки вообще трусливы, когда их немного, и смеют только тогда, когда чувствуют численный перевес на своей стороне; на

этот раз они тоже дали громадный крик, чтобы не повстречаться с всадниками. Но, пропустив их мимо себя, они бросились нагонять путников, держась на расстоянии приблизительно десяти шагов и протяжно вой, очевидно, от голода.

— Надо их пожалеть, — сказал Иванович, — дадим им, чем утолить голод! — И, повернувшись в седле, он двумя последовательными выстрелами уложил двух волков.

Убил ли он их наповал или только ранил, трудно было сказать, но едва только они упали, как другие волки набросились на них и вмиг растерзали на части. А пока шла кровавая потеха, всадники быстро унеслись вперед.

До ближайшей остановки, по расчетам казаков, оставалось более десяти верст, и маленький отряд не успел доехать до нее, как снова показались волки.

Солнце еще не закатилось, когда протяжный грозный вой огласил воздух, доносясь издали. Всадники оглянулись и с ужасом увидели на расстоянии не более двух верст позади себя длинную волнистую линию, точно волну, катившуюся по степи и быстро надвигавшуюся на них. Это были волки. Ездоки прищипорили коней, но те и без того мчались во весь опор...

— А вот и изба! — крикнул один из казаков.

Казалось, будто и лошади поняли, что здесь спасение, и рванулись вперед с такой страшной силой, что на мгновение волки остались позади. Точно буря ворвались кони в раскрытые ворота, и два казака, мгновенно спешившись, захлопнули тяжелые дубовые ворота и заложили их засовами. Еще минута — и было бы уже поздно: вся стая ворвалась бы во двор. Теперь же она только с бешеным воем кидалась на ворота.

— Спасены! — со вздохом облегчения воскликнул Иванович, весь бледный от страха, и, шатаясь, как тяжелобольной, стал слезать с коня.

Холлоуэй, как прирожденный янки, был более храбрым, но и он откровенно сознался:

— Признаюсь, я не помню, чтобы когда-либо в жизни испытывал такой страх!

Изба, послужившая им убежищем от волков, представляла собой низкое ветхое глинобитное строение с большим просторным двором для лошадей и верблюдов, окруженным довольно высокой глинобитной же оградой. В избе была одна просторная горница для приезжих и кухня или сторожка. Некоторые части ограды прямо-таки грозили обрушиться при малейшем напоре; к счастью, волки напали со стороны ворот, а эта сторона была самая надежная.

Внутри земляные уступы давали возможность добраться до верха ограды и видеть то, что происходило извне.

Поднявшись по этим уступам, Иванович и Холлоуэй ужаснулись при виде бесчисленного количества своих врагов: их были не сотни, а тысячи; вся площадь кругом чернела голодными волками; их грозный вой оглашал воздух. Эта картина леденила душу даже самым смелым. Волки кидались на ограду с такой яростью, что некоторые из них подпрыгивали до самой ее вершины, цепляясь когтями за стены, и каждый раз куски глины обрывались, скатываясь вниз.

— Полковник, — сказал Холлоуэй, ясно отдавая себе отчет в их настоящем положении, — через два часа, самое большее, волки будут здесь, в избе, если только мы не найдем возможности заделать все эти бреши!..

— Ничего сделать нельзя! — мрачно ответил Иванович. — Вы видите, глина осыпается под их когтями, и если мы не отвлечем их внимания чем-нибудь, то к утру никто из нас не останется в живых. У нас много зарядов — попробуем позабавить их стрельбой до рассвета!

Совет был разумный.

Первый залп уложил на месте четырех волков; на них тотчас же накинута целая туча собратьев и в миг растерзала на части. Осажденные стали стрелять не переставая, но число врагов не уменьшалось.

Подгоняемые голодом волки упрямо лезли на ограду, раздирая ее когтями. Тогда осажденные, привязав к ружьям свои ножи, стали колоть и расстреливать их в упор. Но долго ли это могло продолжаться?

— Погибли! — сказал Иванович, бледный и растерянный. — Это только вопрос времени.

— Но мы можем еще забраться на кровлю дома! — заметил Холлоуэй.

— Это будет наше последнее убежище. Но, ворвавшись в ограду, волки разорвут наших коней, а затем снова накинута на стены избы, несравненно более тонкие и менее надежные, чем ограда! Ясно, что эти стены не устоят против натиска врагов!

— Что из того, лишь бы только дожидаться утра!

— Ну а как мы уйдем отсюда, не имея коней? Мы не пройдем и версты, как волки окружают нас со всех сторон! Нет, если не свершится какого-нибудь чуда, — мы все погибли!

— Может быть, можно еще попытаться как-нибудь спастись! Если бы, например, пустить двух запасных коней! — предложил один из казаков. — Я знаю этих волков: они все кинутся за ними!

— Да кони не пройдут и двухсот сажень, как волки их настигнут, и что мы тогда от этого выиграем?

— Пусть только они отойдут от избы хотя бы на двести сажень, и то хорошо! Мы с товарищем вскочим на коней и попытаемся добраться до перевоза!

— Да вы никогда не доедете туда! — сказал Иванович, — вся стая кинется за вами; они растерзают вас прежде, чем вы успеете скрыться из наших глаз!

— Бог даст! — воскликнул казак. — Может, и останемся живы!

— Но как мы выпустим лошадей, не впустив в то же время и волков? — спросил Холлоуэй.

— Это сделать нетрудно: мы взведем их на уступы, а затем, зажав им один глаз рукой, ударом хлыста заставим кинуться вперед!

— А они не переломают себе ноги при этом прыжке?

— Конечно нет: лошадь на воле делает и не такие еще прыжки!

— Так ты решился попытать счастья?

— Твердо решил! — сказал казак.

— Ладно! Отчего же не попытаться?!

Оседланных коней обоих казаков накормили овсом, политым водкой из дорожной фляги Ивановича, а пока кони ели свой овес, двух лошадей, обреченных на гибель, завели на насыпь и, завязав им глаза, вдруг вытянули хлыстом. От неожиданности, благородные животные рванулись вперед и очутились среди ошеломленных волков. Но при прыжке повязки спали с глаз лошадей, и они с молниеносной быстротой в несколько безумно смелых прыжков очутились вне площадки, занятой стаей, и неслись уже с быстротой ветра по степи, преследуемые всей стаей.

Лошадей пустили в направлении, как раз противоположном тому, где лежал перевоз, таким образом путь на время освободился. Ворота распахнули, чтобы выпустить казаков, и тотчас же снова заперли на все засовы. Затем Иванович и Холлоуэй поспешили на насыпь, чтобы следить за рискованным бегством отчаянно смелых казаков.

Увидев счастливый исход смелой вылазки казаков, Иванович хотел было предложить Холлоуэю бежать вместе с казаками, но тотчас же отверг эту мысль: так незначительны были шансы на успех. И действительно, не прошло и нескольких минут, как волки, каким-то необъяснимым образом почуявшие беглецов, кинулись за ними громадной массой в пятьсот или шестьсот голов, между тем как остальные продолжали преследовать двух выпущенных коней. Но казаки мчались, как вихрь; они успели

достаточно уйти вперед, прежде чем волки спохватились преследовать их, и потому в тот момент, когда всадники скрылись за горизонтом, волки еще не успели нагнать их.

— Они спасены! — радостно воскликнул Холлоуэй.

— Спасены!.. — Повторил за ним Иванович недоверчиво. — Вы забываете, что им придется скакать по меньшей мере два часа таким же образом, чтобы достигнуть перевоза.

XVII

Спасение. — Подвиг табунщиков.

СТАВШИЕСЬ ОДНИ, ИВАНОВИЧ И ХОЛЛОУЭЙ перенесли свое внимание на выпущенных на волю коней; отчаянно смелые животные геройски защищались, отбиваясь от волков. Не отходя далеко от ограды, они носились вокруг нее, меняя направление, причем волки постоянно сталкивались между собой,

опрокидывая друг друга, чем давали минуты передышки прекрасным скакунам.

— Они как будто стараются приблизиться к избе! — заметил Холлоуэй.

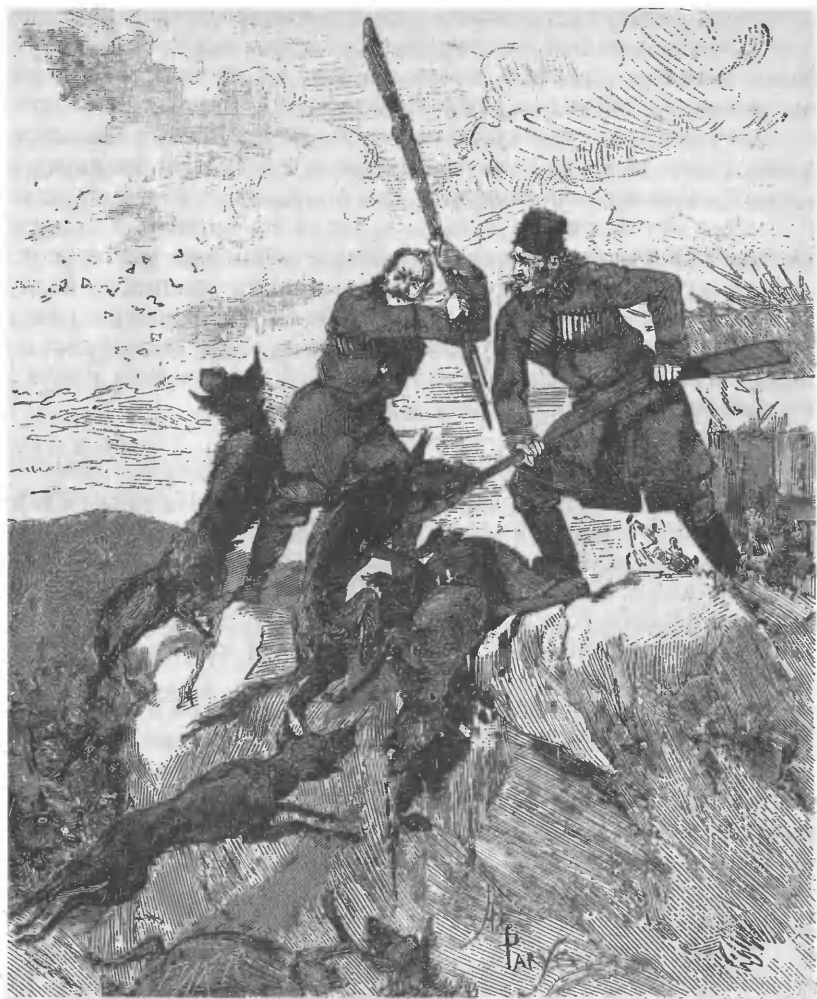
— Это вполне естественно, — проговорил Иванович, — ведь они же знают, что другие лошади здесь!

— Бедняги, — сказал янки, — они, быть может, подойдут к самым воротам, прося помощи, а мы не сможем впустить их!

— Быть может, они спасают нас, — заметил Иванович. — Если бы они неслись прямо вперед, погоня за ними продолжалась бы всего несколько минут. Но, описывая круги и постоянно шарахаясь в разные стороны, они утомляют врагов, поминутно обманывая их ожидания!

Выпущенные кони продолжали носиться кругом, проделывая самые неожиданные трюки и, по-видимому, нисколько не утомляясь этим непрерывным бегом; волки же заметно выбивались из сил, падали от усталости, метались, запыхавшись, с высунутыми языками. С каждой минутой шансы на спасение осажденных в избе увеличивались. Иванович смотрел на небо, где уже начинали бледнеть звезды и близился восход. Теперь помощь должна была прийти скоро или же не прийти совсем!

Между тем кони продолжали носиться, как вихрь, утомляя волков, и наконец, проделав обманное движение, оба скакуна вдруг ринулись прямо к избе и, с разбега перелетев через ограду, упали во дворе избы, встреченные громким радостным ржанием своих товарищей.

Даже Иванович и Холлоуэй не могли не восхититься этим подвигом благородных животных, хотя их появление в избе весьма ухудшало их положение.

Ошеломленные в первый момент, волки вскоре, однако, как будто еще больше рассвирепели и с бешенством накинулись на ограду избы, уже достаточно пострадавшую от прежних атак и грозившую теперь ежеминутно рухнуть под их напором.

Между тем со стороны перевоза все еще ничего не было видно.

— Будем стрелять без перерыва, — предложил Иванович, — чтобы помощь, если она спешит к нам, по частым выстрелам могла понять, что мы в крайней опасности и что надо спешить!

В этот момент с той стороны, с которой осажденные не защищали, стена дала достаточно глубокую и широкую трещину, и старый матерый волк, очевидно, самый смелый и сильный, вскочил через эту брешь на насыпь и скатился во двор. Холлоуэй прицелился и хотел пристрелить волка, но прежде чем он успел взвести курок, один из коней ударом копыта раздробил волку голову и переломил хребет. Возбужденные предсмертным воем своего товарища, волки с удвоенным бешенством накинулись на ограду. Казалось, минуты осажденных были сочтены. Вдруг в этот момент вдали послышались звуки трубы.

— Спасены! Спасены! — крикнул Холлоуэй.

То были табунщики во главе с Черни-Чагом. И, странное дело, при звуке этой трубы волки стали как будто нерешительными, и чем ближе звучала труба, тем более росла эта нерешительность, объясняемая страхом, который эти хищники питают к табунщикам. Наконец, еще раньше, чем грозные табунщики подоспели к избе, волки обратились в бегство. И это было как раз вовремя: пятью минутами позже спасители нашли бы только полуизглоданные трупы людей.

Холлоуэй, до конца сохранивший присутствие духа и энергию, поспешил распахнуть ворота и, вскочив на коня, присоединился, сгорая жаждой мщения, к табунщикам, которые бешено устремились на обратившуюся в бегство стаю. Погоня длилась целых два часа, и когда табунщики решили наконец вернуться в избу, то почти вся стая волков была уничтожена.

Между тем Черни-Чаг, предоставив табунщикам делать свое дело, спешился и вошел в избу приветствовать Ивановича, которого он уже знал раньше.

— Спасибо тебе, Черни-Чаг, я никогда не забуду, что ты сегодня спас мне жизнь! — проговорил Иванович.

— Я считаю себя счастливым, — сказал паромщик, — что мог оказать вам эту услугу; однако вся честь спасения принадлежит ведь вашим двум казакам!

— Я вознагражу их по заслугам, но это не умаляет твоей заслуги; без того влияния, каким ты пользуешься в своем округе, и без той энергии, с какой ты сумел собрать табунщиков и поспешить к нам на помощь, мы неминуемо погибли бы! Говори, какой ты хочешь награды!

— Если бы я осмелился...

— Говори, я тебе приказываю!

— Небо наградило меня богатством; я богатейший человек в этой стране. Царь осыпал меня своими милостями, а Бог даровал мне многочисленную семью, словом, я — счастливый человек. Но если я непременно должен высказать вам самое сокровенное мое желание, то признаюсь, что хотел бы быть назначенным смотрителем всего этого почтового тракта; это дало бы мне право на чин четырнадцатого класса, и мои дочери, будучи дочерьми чиновника, скорее нашли бы себе хороших мужей!

— А, так ты хочешь быть чиновником! — воскликнул Иванович.

— О, я знаю, что мое желание безумно: я — сын кочевника, которого и сейчас еще зовут ногойцем... Но...

— Да нет же, ты меня не понял: твоя просьба не слишком велика, наоборот, я удивлен, что ты не попросил у меня больше! Обещаю тебе, что ты будешь назначен смотрителем всего почтового тракта!

— О, ваша милость, — воскликнул обрадованный Черни-Чаг, — я, моя семья, моя жизнь и все, что я имею, принадлежат отныне вам!

В этот момент стали съезжаться табунщики, возвращавшиеся с погони за волками; у каждого из них в тороках болталось по волчьей голове.

Когда все оказались в сборе, Иванович, уже окончательно оправившийся от своего испуга, вскочил на коня, и все тронулись по направлению к развалинам монастыря.

XVIII

Заговор. — Проекты Ивановича. — Ночное совещание. — Снова странник.

ОЧЬ, СЛЕДОВАВШАЯ ЗА ВЫШЕОПИСАННЫМИ событиями, должна была иметь особое значение для Ивановича. План гибели молодого графа и его ближайших друзей, который лелеял полковник, существовал лишь в виде проекта. Правда, он созвал в монастырь лишь тех Невидимых, в которых мог быть уверен, но все же надо было предвидеть и возможные случайности. Многие могли не явиться по разным уважительным причинам; кроме того, из-за обычного добродушия русских могло случиться так, что в нужный момент в его распоряжении не окажется достаточно числа решительных людей. Впрочем, и у графа едва ли следовало ожидать большого конвоя: ведь в Астрахани ему нельзя было набрать несколько десятков людей, не возбудив внимания полиции.

Эти расчеты Ивановича, в сущности, не были лишены известного основания: граф действительно прибыл в Астрахань в сопровождении Лорана, Дика-канадца и Красного Капитана; с ними были оба сыщика, Люс и Фролер, негр Том, нготак и четверо европейцев, которых Иванович еще не знал, то есть всего человек двенадцать, решительных и беззаветно смелых. Но что могла сделать эта горстка людей против трех или четырех сотен Невидимых, на которых мог рассчитывать Иванович?!

— Они могут набрать самое большое человек двадцать висельников, больше в Астрахани взять негде! — заметил он.

— Но, быть может, они позаботились выписать людей из Европы? — проговорил Холлоуэй.

— Нет, это невероятно! — воскликнул Иванович. — Сразу видно, что вы не знаете России... А полиция?! Тут не оберешься объяснений, зачем, почему и для какой надобности понадобились графу эти люди?... Я боюсь другого!

— Чего же именно?

— наших же людей!

— Как так?! — воскликнул изумленный американец.

— А очень просто! Русский человек — фанатик, но вовсе не прирожденный убийца. Если враги станут стрелять первые, то дело пойдет на лад: наши люди не останутся в долгу, не задумаются превратить их в окрошку. Но если граф догадается сказать им: «Чего вы хотите от нас? Мы — мирные путешественники; у нас есть паспорта, подписанные высшими властями, и разрешение вашего царя-батюшки! Подумайте, что вы хотите делать!» Тогда...

— Что тогда? — спросил Иванова его собеседник.

— Тогда нам ни за что не заставить наших людей поднять на них руку. Если они не схватят и не арестуют нас, то, во всяком случае, обратятся к оренбургским властям, и наш план окончательно свести счеты с нашими врагами рухнет и, быть может, даже навлечет на меня неприятности.

— Но если граф и его друзья идут по нашим следам, то неужели они обратятся к нашим людям с такими словами?

— Вы забыли, что они рассчитывают захватить нас врасплох. И кто может знать, что они сделают, когда увидят, что на нашей стороне сила?!

— Вы поздно об этом подумали, Иванович, что же вы думали раньше?..

— У меня не было выбора... Надо было покончить с этим делом. Но я и сейчас настаиваю на своем плане, за исключением, быть может, некоторых подробностей.

— Какие же это подробности? — спросил Холлоуэй, начинавший сомневаться в смелости и решительности своего компаньона.

Иванович, по обыкновению, в решительный момент трусил, изыскивая способ подsunуть вместо себя других, а самому спрятаться за их спинами.

— Я рассчитываю на помощь Черни-Чага. Чтобы попасть в монастырь, нашим врагам придется проехать через здешний перевоз. Измученные дорогой, они захотят отдохнуть... И тогда, ничего не может быть легче, чем обезоружить ночью эту горстку друзей графа. Завладев этими господами, Черни-Чаг доставит их нам в монастырь, где мы в течение двух часов расстреляем их по приговору военного суда, состоящего, конечно, из безусловно преданных нам людей.

— Право, я должен вас поздравить! — воскликнул Холлоуэй. — Это мастерски придуманный план, который не может не удался!

— В эту ночь в моленные селения состоится совещание старшин, созданных перевозчиком Черни-Чагом по моему настоянию; священник на нашей стороне, а это большой козырь. Я виделся с ним сегодня днем и рассказал ему свою версию положения дел; графа будут судить за измену белому царю и святой Руси.

Действительно, скоро явился перевозчик и пригласил их на совещание. Здесь собравшимся в ночной тиши простодушным людям Иванович описал графа и его друзей такими извергами, что собрание единодушно поклялось во что бы то ни стало овладеть мнимыми изменниками родине и предать их суду.

Предусмотрительный Иванович не предвидел одного: какой-то человек, притаившись в церкви, все время подслушивал их разговоры, а затем, когда собрание разошлось, бросился к реке и, не переводя духа, побежал вдоль берега. Остановился он лишь на расстоянии версты от избы Черни-Чага. Здесь он поднес к губам пастушеский рожок и извлек из него два резких звука. Почти тотчас же с того берега реки раздались два таких же резких звука.

В этот момент выглянувшая из-за туч луна озарила этого человека: то был странник, предупреждавший Черни-Чага о приближении Черных Всадников.

XIX

Что случилось с Джильпингом. — Из любви к науке. — Лорд Воанго. — Проект князя Свечина. — Отъезд в Астрахань. — Деша. — Трогательный приезд.

ОЛОДОЙ ГРАФ ОЛИВЬЕ СО СВОИМ ДРУГОМ Диком Лефошером, капитаном Спайерсом и остальной свитой прибыл уже с месяц тому назад в Астрахань, куда еще раньше приехал князь Свечин, предоставивший в их распоряжение один из своих дворцов. Они намеривались направиться в киргизские степи, чтобы в последний раз сразиться со своим общим непримиримым врагом, «человеком в маске», которого они теперь, по крайней мере, знали и в лицо, и по имени. И не раз, собравшись вместе и беседуя о предстоящей им трудной задаче, они вспоминали славного Джона Джильпинга, оказавшего им не одну важную услугу в этом самом деле; вспоминались им и слова почтенного джентльмена, сказанные им при прощании:

— Будьте уверены, друзья, что, когда пробьет час расплаты и возмездия, Джильпинг будет на месте! Клянусь, что не займу своего места в палате лордов раньше, чем не увижу казни этого предателя Ивановича!

Однажды, когда все собрались для совещания в большой приемной зале дворца Свечина, граф Оливье получил телеграмму, которой тотчас же поспешил поделиться со своими друзьями. Телеграмма гласила: «Я приезжаю с Пасификом. Лорд Воанго».

Известие это было встречено общим взрывом радости.

Оставшись один в Австралии, Джон Джильпинг окончил разбор своих богатых коллекций, предназначенных для Британского музея. Но в тот момент, когда все было готово, он вдруг вспомнил, что у него нет одной маленькой зверушки, которую туземцы называют «богуи-богуи», а англичанин именовал *Lacerta gilpinensis*, род маленькой ящерицы. Этикетка уцелела, но сама ящерица исчезла. Отправить коллекции без этого редкостного животного нечего было и думать! Это была желтая ящерица с рогом на голове, еще не известная ученому миру и подробно описанная им в ученом докладе, ящерица, благодаря которой он рассчитывал обеспечить бессмертие своему имени.

И вдруг это сокровище пропало! Ему ничего более не оставалось, как заменить исчезнувший экземпляр другим. Но так как эти ящерицы встречались только в самых глухих дебрях страны нирбоа, то Джильпинг, ни минуты не задумываясь, воссел на своего осла и снова направился в глубь страны.

Спустя три месяца он снова вернулся в Мельбурн с драгоценным экземпляром ящерицы, но — увы! — она досталась ему на этот раз дорогой ценой: встреченный отрядом нирбоа и признанный бывшим кобунгом нготаков, Джильпинг был захвачен дикарями, уведен в их деревни и провозглашен кобунгом. А чтобы застраховать себя от похищения кобунга каким-нибудь из других туземных племен, нирбоа, невзирая на протесты злополучного Джильпинга, вытатуировали на его лице эмблемы своего племени — три концентрических кружками: один на конце носа, другой — вокруг губ и третий на подбородке. Как это ни странно, но доблестный англичанин скоро утешился, во-первых, потому, что он нашел свою ящерицу, а во-вторых, как человек практический, решил извлечь из этого неприятного обстоятельства небольшую для себя выгоду: она создавала ему репутацию «мученика науки».

Освобожденный нагарнуками, узнавшими о его пленении, Джильпинг поспешил вернуться в Мельбурн со своей знаменитой ящерицей и наконец отправил все свои коллекции и ученые труды в Лондон, куда вслед затем отправился и сам.

Прибытие его в Лондон было встречено целым рядом оваций, банкетов и речей. Он даже имел честь быть представленным королеве Виктории и получил титул лорда Воанго.

Тут он вспомнил о своем обещании друзьям и, проведя несколько дней в кругу родной семьи, решил, запасшись съестными припасами, отправиться в Россию, причем не был забыт и его верный Пасифик.

Прибыв в Париж, Джильпинг прежде всего наведалься к старому маркизу д'Антрэгу, от которого узнал об отъезде его сына в Астрахань.

Не теряя ни минуты времени, Джильпинг с ближайшим поездом отправился в Москву вместе со своим неразлучным Пасификом, предварительно отправив уже известную нам телеграмму.

Между тем после событий, разыгравшихся в «доме повешенных», Люс и Фролер пустились по следу «человека в маске», бежавшего с первым утренним поездом в Россию. Спустя несколько дней сыщики вернулись в Париж, прекрасно осведомленные о маршруте и намерениях Ивановича, который на этот раз, желая заманить своих врагов в глубь киргизских степей, не только не старался скрыть свои следы, а, напротив, умышленно вел себя так, чтобы можно было без труда проследить весь его путь от Парижа до Астрахани.

Но так как на этот раз желания Ивановича совпадали с желаниями Оливье и его друзей, то этот ловкий прием ничуть не

изменил намерений Оливье преследовать его по всему свету, не зная отдыха и покоя.

Когда вернувшиеся из Москвы Люс и Фролер сообщили, что развалины монастыря в уральской степи избраны местом сборища Невидимых, то им поручили набрать сотню надежных людей, вооружить их и провезти в уральские степи.

Когда было принято это решение, князь Свечин отсутствовал он усиленно хлопотал об отпуске для себя под предлогом, что его громадные поместья требуют его немедленного присутствия, а на самом деле только для того, чтобы иметь возможность присоединиться к своим новым друзьям и содействовать их планам.

Получив десятидневный отпуск, он поспешил к графу Оливье, а тот, в свою очередь, сообщил ему о тех мерах, которые были приняты им для осуществления своего плана.

Но князь, к удивлению Оливье, отнюдь не одобрил их.

— Простите, граф, — говорил он, — но вы, по-видимому, совсем не знаете России. Ваш проект совершенно неосуществим, вы только попадете в лапы нашего смертельного врага. Во-первых, я готов поручиться, что мсье Люсу, как ни велика его ловкость, никогда не удастся доставить в Астрахань, не возбудив подозрения русской полиции, сто человек иностранцев. Во-вторых, допустив даже, что каким-нибудь чудом их и удалось доставить в Астрахань, как их собрать здесь? Ведь в первый же раз, как вы вздумаете собрать где-нибудь ваших людей, тотчас нагрянет полиция, арестует их и потребует от вас объяснения ваших намерений, чего вы не можете дать. Наконец, как эти люди смогут действовать в местных условиях, совершенно незнакомых им? Далее, разве не кажется подозрительным, что гг. Люс и Фролер так легко узнали о месте съезда Невидимых, тогда как до этого времени вся русская полиция оставалась в полном неведении относительно избранного места сборища?! Что касается меня, то я глубоко убежден, что это не что иное, как ловушка, в которую Иванович решил заманить вас и из которой никто из вас не должен выйти живым!

Речь князя была встречена глубоким молчанием; все невольно сознавали, что он был прав.

Оливье совсем пал духом.

— Но что же нам делать? — печально спросил он. — Неужели отказаться от мщения?

— Совсем нет, — живо возразил Свечин. — Неисполним не сам план, а способ его осуществления. Имейте в виду, что насколько русские власти подозрительно относятся к иностранцам и даже к русским, приезжающим из другой части России, настолько беспечны по отношению к кочевникам, бродящим между Астра-

ханью и Уральском, Оренбургом, Хивой и Бухарой. Ими никто не интересуется. Все эти люди — прирожденные воры и грабители, и из них я берусь набрать для вас какой угодно отряд!

— Вы становитесь нашим провидением, князь! — воскликнул повеселевший Оливье. — Я совершенно было пал духом: ведь для меня месть Ивановичу — цель всей моей жизни!

— Я это знаю, — отвечал князь, — знаю все ваши удивительные приключения и даже больше знаю то, чего вы не знаете: те темные махинации, которые были пущены в ход, чтобы добиться ссылки князя Васильчикова в Сибирь. В свое время я помогу вам доказать его полную невиновность!

— Если в вашей власти помочь мне в этом деле, я буду вашим другом на всю жизнь!

— А разве это теперь уже не так? — улыбнулся князь. — Разве мы не друзья на всю жизнь, мой милый Оливье? Позвольте мне называть вас так и называйте меня сами не иначе, как просто Алексис! Вы спасли меня от самой ужасной смерти, и с этого момента моя жизнь, мое состояние, мое влияние в связи — все к вашим услугам.

— О, благодарю вас, мой дорогой Алексис, позвольте же мне только спросить вас об одном: каким образом князь был сослан в Сибирь?

— По личному указу государя, и только его же личный указ может его вернуть!

— Но почему же и княжна пострадала вместе со своим отцом? — спросил Оливье.

— Княжна вовсе не пострадала: ее поместили в монастырь благородных девиц, совсем не в наказание, а как сироту, до ее совершеннолетия... Когда она достигнет его, то получит право покинуть монастырь. Но не будем более касаться этих вопросов, мой милый Оливье! Я не вправе отвечать вам на все ваши вопросы теперь. Ведется следствие, и когда придет время, я буду на вашей стороне, и правда восторжествует... А пока займемся исключительно только нашим общим делом! Я сегодня же вечером еду в Астрахань, где мне надо быть несколько раньше вас, чтобы пригласить все для приема вас и ваших друзей.

Затем разговор перешел на чисто деловую почву: обсуждали количество необходимого оружия, которое следовало закупить во Франции и которое только князь Свечин мог в качестве дипломата безнаказанно провезти в Россию; затем надо было позаботиться о приобретении надлежащих паспортов для Оливье и его друзей.

Спустя три недели наши друзья были уже в Астрахани во дворцегостеприимного князя. Последний сейчас же стал развлекать их охотой, гуляньями, катаньями и обедами.

— Не надо, чтобы вас могли заподозрить в том, что вы явились сюда с какой-нибудь определенной целью, — говорил он, — старайтесь делать вид, что вы просто веселитесь и ничего более! Все остальное я беру на себя!

Астрахань — любопытный полуазиатский торговый город, а потому Оливье настолько увлекся совершенно новым для него характером этого города, его пестрыми базарами, его шумной торговлей и странной смешанной толпой на его улицах, что без особого нетерпения дожидался момента, когда нужно будет начать действовать. Напротив, Дик и капитан Спайерс изнывали от скуки. Самого князя его гости видели только за столом, где он неизменно присутствовал в роли радушного и любезного хозяина.

Что касается Люса и Фролера, то, объяснив графу, что пока их услуги не нужны, они отправились побродить по окрестностям и ознакомиться со страной как простые туристы.

Наконец столь долго ожидаемый решительный момент настал: однажды вечером, по окончании обеда, вместо того чтобы по обыкновению проститься со своими гостями, князь Свечин попросил их перейти из столовой в большую залу, куда приказал подать кофе. Все были в сборе, даже и оба полицейских агента, Люс и Фролер, как раз в этот день вернувшиеся из своих странствований.

В это время как раз подали телеграмму от Джильпинга.

— Господа, — сказал Свечин, когда радостное волнение, вызванное посланием почтенного джентльмена, несколько улеглось, — я пригласил вас сюда, чтобы сообщить о результатах моих усилий за этот месяц и вместе с вами назначить день и час нашего отправления. Но только что полученная телеграмма побуждает меня отложить мои сообщения до приезда вашего общего приятеля, принимавшего столь деятельное участие в вашей истории!

Все единогласно согласились с князем, после чего он попросил позволения удалиться, так как должен был повидаться с одним человеком, которого намеревался сегодня представить им, но ввиду изменившихся обстоятельств решил отложить и это представление до приезда мистера Джильпинга.

Спустя десять дней достопочтенный лорд Воанго, сидя на своем доблестном Пасифике, въезжал в Астрахань.

Его крупный, солидный живот и татуированный нос, и без того расцвеченный яркими красками из-за обилия поглощаемых

им спиртных напитков, были так комичны, что молодой князь с трудом удерживался от смеха. Но когда достопочтенный Джиллинг поднес ко рту свой неразлучный кларнет и, по своему обыкновению, заиграл псалом, Свечин не выдержал и разразился громким хохотом.

Когда все мало-помалу утомонились, Джиллинг пересказал своим друзьям все свои приключения со времени их отъезда из Австралии, а те со своей стороны рассказали ему обо всем случившемся с ними в Париже.

В этот же вечер должно было состояться общее совещание, отсроченное до приезда лорда Воанго. К назначенному времени все собрались в большой зале. Князь на минуту отлучился, затем вернулся в сопровождении пожилого человека лет пятидесяти, воинственного вида геркулесовского телосложения, который обвел присутствующих испытующим взглядом, но не промолвил ни слова.

— Господа, — сказал князь, — позвольте вам представить Данилова, моего старого и верного слугу, бывшего крепостного нашей семьи; он отказался от воли, чтобы неотлучно состоять при мне. Его предок спас моего предка, и его семья насчитывает так же, как и моя, десятки поколений!

XX

Данилов, степной бродяга

НЕТРУДНО ПРЕДСТАВИТЬ СЕБЕ, КАКУЮ страстную жажду мщения испытывал молодой князь Свечин по отношению к Ивановичу, заставившему его пережить самые ужасные в его жизни минуты, отчаяние и ужас в душном гробу. Кроме того, он не мог забыть, что унижался перед этим выскочкой. Ах, он все готов

отдать, чтобы только держать его в своих руках: он заставит его испытать в сто раз большее, чем испытал сам!

Свечин прибыл в Астрахань ночью: ради успеха задуманного им плана необходимо было, чтобы Иванович не подозревал о его присутствии в Астрахани. Никто не сопровождал его. Дворец князя находился на расстоянии чуть не целой версты от того дома, где остановились Иванович и Холлоуэй. В заколоченном и пустом доме Свечина жили только два человека: Иван Баринов, управляющий всеми поместьями князя на побережье Каспийского моря и на Волге, и дворовый Данилов, служивший при-
вратником в доме.

Этот Данилов был главным табунщиком, исколесившем всю степь вдоль и поперек. Когда он состарился, ему предоставили место привратника. Данилов был безгранично предан Свечиным и готов был идти на смерть по первому слову своего молодого господина.

Прибыв в Астрахань, князь, стараясь быть незамеченным, добрался до своего дворца, через маленькую калиточку в изгороди проник в свой дом и прямо прошел в кабинет Ивана Баринова, который при виде молодого князя чуть было не лишился чувств.

— Вы здесь, ваше сиятельство, и никого из нас не предупредили? Боже мой, у нас ничего здесь не приготовлено для вашего приема! — засуетился он.

— Я здесь инкогнито, Баринов, никто не должен знать о моем присутствии! — сказал князь.

— Слушаю, — проговорил Баринов, — ваша воля для меня закон; вы знаете, что на меня и на Данилова смело можете положиться!

— Я знаю вашу преданность и рассчитываю на нее, друзья; выслушайте меня. Вы, конечно, слышали о существовании Общества Невидимых. Это Общество получило такое название потому, что его главы неизвестны, о них только догадываются!

— Я что-то слышал об этом! — заметил управляющий.

— Так вот, пользуясь тем, что члены этого Общества не знают своего главаря, управляющего ими, шайка негодяев, имеющих, по-видимому, хорошие связи в высших сферах, вздумала использовать в свою пользу громадную силу, власть и капиталы этого Общества и сделала это так ловко и умело, что до сего времени не было никакой возможности уличить их. Мне было поручено проследить их в Париже, где некоторые из их действий возбуждали подозрения Третьего Отделения. Об этом проведали мнимые Невидимые и решили стереть меня с лица земли!

— Вы меня пугаете, князь! — воскликнул Баринов.

— Меня заманили в западню, — продолжал князь, — связали и отвезли в заброшенный дом на окраине города. Сюда явился мнимый генерал Хосе де Коррасон и какой-то человек в маске, который объявил, что я приговорен к смерти Верховным Советом Невидимых и что приговор этот будет немедленно приведен в исполнение: я буду живым зарыт в землю!

— Боже правый! Отчего не было при вас никого из ваших верных слуг! — воскликнул управляющий.

«Покажи мне свое лицо, негодяй, — сказал я, — чтобы мне знать, кто мой палач!»

«Пусть так, если ты этого непременно хочешь, — проговорил «человек в маске», — все равно, злоупотребить этим тебе не уда-

стся!» И он сорвал с себя маску. Представь себе мое удивление, когда я увидел перед собой отставного казачьего полковника Ивановича!

— Того самого, у которого здесь есть собственный дом?

— Ну да! Тогда я увидел, что бесповоротно погиб. Но у меня явилась счастливая мысль попросить разрешения написать последнюю волю; это дало мне возможность выиграть время, и, вероятно, этому обстоятельству я обязан своей жизнью, так как в то время, как меня уже заколачивали в заранее припасенном деревянном гробу, я вдруг услышал шум и пушечные выстрелы... Затем кто-то раскрыл мой гроб и вернул меня к жизни. Моим спасителем оказался молодой француз, граф Лорагю д'Антрэг, уже более двух лет ведущий борьбу с этими мнимыми Невидимыми, главарем которых является Иванович. Молодой граф рассказал мне свои невероятные приключения и поделился своими планами; мы с ним очень скоро сошлись. Он дал клятву преследовать Ивановича, которому тогда удалось благополучно бежать от нас, и покарать его за все злодеяния.

— Ах, князь, пусть они лучше не отваживаются преследовать Ивановича здесь, в уральских степях, где наше полудикое население всецело будет на его стороне. Заранее можно поручиться, что из этих иностранцев, которых Иванович, по-видимому, нарочно постарался заманить в степи, ни один не вернется живым на родину!

— Да, но ты забываешь, что теперь граф не один: с ним и я заодно! Я также поклялся захватить этого Ивановича живым или мертвым и учинить над ним такую же расправу, какую он хотел учинить надо мной!

— Зачем вам это, ваше сиятельство?! У вас есть свидетели, вы можете прямо обратиться к государю, и с негодеем поступят по всей строгости закона!

— Ты ошибаешься, мой добрый Барин! Эти мнимые Невидимые имеют громадные связи в высших кругах. Им уже удалось добиться ссылки в Сибирь ни в чем не повинного князя Васильчикова, отца невесты молодого графа д'Антрэга, только потому, что они зарятся на его миллионные уральские прииски и золотые россыпи. Мы не знаем, какие важные лица принимают участие в этой шайке, кто замешан в этом деле. Приятно ли будет государю узнать о причастности ко всем этим преступным деяниям лиц, близко стоящих к нему?! Во всяком случае, несомненно, что в случае огласки этого дела мнимые Невидимые найдут себе очень сильную поддержку, и в лучшем случае мы добьемся того, что Ивановича сошлют в Сибирь. Но разве я этого хочу? Нет! Никогда

в жизни я не забуду тех трех часов, которые провел перед своим гробом в двух шагах от вырытой для меня могилы, и тех нескольких минут, которые я провел в гробу, слыша, как заколачивали надо мной его крышку! Нет, я не буду иметь ни минуты покоя, пока не отомщу этому человеку!

— Да, князь, может, вы и правы... Надо обдумать, как лучше всего управиться с этим негодяем, если только позволите вашему старому слуге принять участие в ваших планах.

— Да, я именно с этой целью и рассказал тебе обо всем, мой милый Баринов!

— Но не следует ли опасаться, что смерть Ивановича вызовет жажду мести со стороны этих влиятельных и могущественных сообщников, о которых вы только что упоминали?

— Этого нечего опасаться; напротив, устранив этого человека, мы многим окажем серьезную услугу, избавив неосторожных, завлеченных им в его сети и обманутых им людей от этого Дамоклова меча, который теперь висит над ними. До тех пор, пока его ловкие махинации оставались в тайне, все были довольны, но с тех пор, как в Петербурге стали поговаривать, что какие-то смелые авантюристы, прикрываясь влиянием Общества Невидимых, злоупотребляют им в своих низких целях, большинство влиятельных лиц, впутанных Ивановичем в его дела, дорого бы дали, чтобы вырваться из когтей этого негодяя; но они боятся его!

— Понимаю, князь, но во всяком случае нужно соблюдать крайнюю осторожность! Я бы советовал воспользоваться опытом нашего Данилова. Он предан вам всей душой; к тому же степь не имеет от него тайн... В этом деле он незаменим!

— Делай как знаешь! — отвечал князь.

Управляющий поспешил вызвать Данилова, который при виде князя выразил такие знаки трогательного почтения, что князь прослезился.

Не теряя времени, Свечин сообщил ему подробности своего пленения Невидимыми, рассказал о графе и его друзьях и заявил, что хочет во что бы то ни стало овладеть Ивановичем.

Внимательно выслушав князя, Данилов ответил.

— Здесь один только человек может помочь нам. Это — атаман Черных Всадников Хашим-Баши, которому мне удалось спасти жизнь. Он в долгу передо мной и обещал помочь мне, когда бы мне это ни понадобилось!

— А где можно найти его?

— Нужно отправиться в странноприимную общину и там спросить отца Николая!

— Так идем же туда.

БЫЛА НОЧЬ. ВСЕ СПАЛО В ГОРОДЕ, КРОМЕ бродячих псов и голодных волков, которые после заката солнца обычно рыщут вокруг города. Двое мужчин, крадучись, вышли из задней калитки дворца Свечиных и темным переулком направились к окраине, где находилась странноприимная община. Молча добрались

они до громадного каменного здания, похожего скорее на неприступную крепость, чем на мирную обитель.

В России кроме обычных, узаконенных монастырей существует немало добровольных общин, не подчиняющихся никакому уставу; живут они, как правило, на пожертвования. В народе эти монастыри иногда пользуются большим уважением, а иногда к ним относятся совершенно безучастно. Нередко случалось, что под скромным одеянием таких братьев скрывались самые заправские бродяги, фальшивомонетки, грабители, беглые каторжники.

Особенно дурных слухов о странноприимной общине не было, но и хорошего говорили мало. А шепотом, украдкой передавали кое-какие темные слухи, рисовавшие жизнь ее обитателей совсем не так, как ее выставляли напоказ. Но не будем забегать вперед.

Данилов еще днем разузнал, когда ему можно видеть о. Николая. Ему назначили время от десяти до одиннадцати часов вечера. И вот он вместе со своим господином отправился на свидание.

Таинственные незнакомцы, пробиравшиеся в эту ночь к странноприимному монастырю, были именно они.

Подойдя к воротам общины, они только хотели было постучаться, как услышали позади себя шум приближающихся шагов. Они инстинктивно притаились за одной из массивных колонн входа, и почти тотчас же мимо них скользнула, как тень, какая-то мужская фигура. Незнакомец сделал несколько сильных равномерных ударов в стену, в ответ на что маленькая боковая калиточка в стене беззвучно отворилась и слабый луч света упал прямо на лицо входящего.

— Иванович! — прошептали почти в один голос князь и его слуга.

— Зачем он пришел сюда и в такое время? — сказал князь. — По-видимому, он здесь свой человек?

— Не войти ли и нам за ним? — спросил Данилов.

— Ты не думаешь, что мы, поступив так, совершим неосторожность?

— А чем мы рискуем? — спросил Данилов. — В сущности мы ведь пришли к назначенному времени; нас ждут!

С этими словами он подошел к калитке, куда прошел Иванович, и убедился, что она осталась незапертой. Он тихонько толкнул

ее, и глазам пришедших открылся длинный слабоосвещенный коридор. Они смело сделали несколько шагов вперед, а затем стали осторожно пробираться дальше. Пока они не замечали ничего особенного, но этот длинный, едва освещенный коридор, конца которого не было видно, навевал на них какое-то смутное ощущение опасности.

— Не вернуться ли нам назад? — спросил Данилов.

— Может быть, нам действительно следовало бы быть осторожнее! — согласился князь и остановился.

В этот момент до их слуха донесся шум голосов и что-то вроде криков и пения, но за отдаленностью трудно было различить, что это были за голоса.

— Это не церковное пение! — с уверенностью заметил князь.

— Да, скорее застольные песни. Слышите топот ног, словно там где-то пляшут и пируют!

— Ты прав! — сказал князь, и звуки этой пирушки побудили его идти дальше. — У тебя оружие при себе? — обратился он к Данилову.

— При себе, ваше сиятельство!

— Ну, так вперед!

И они стали осторожно продвигаться дальше. Крики и песни раздавались все громче и яснее; вскоре не осталось ни малейшего сомнения, что в общине пировала многочисленная шайка грабителей.

Еще несколько шагов — и сквозь арку, ведущую в обширное подземелье, князь и его слуга увидели около сотни бражничавших бородатых людей. Все они были уже навеселе.

Вдруг один из присутствующих громко провозгласил:

— За твое здоровье, Хашим-Баши! Так значит, я могу положиться на твое слово? Ты не забудешь того, что обещал мне?

— Ваше превосходительство, Хашим-Баши всегда держит свое слово. Будьте здоровы!

— Это голос Ивановича, — сказал князь, — этот негодяй явился сюда подговорить Черных Всадников помочь ему.

— Ваше сиятельство, Хашим-Баши встает; нам пора уходить! — прервал его Данилов.

В этот момент со всех сторон раздались сильные голоса собутыльников:

— Куда ты, Хашим-Баши?.. Останься с нами... Или тебе наскучило пить с нами!? Полно, не уходи, ты должен быть нашим атаманом и за столом, как в бою! — кричали ему со всех концов.

Но Хашим-Баши оставался непреклонен.

— Молчите, друзья! Я сейчас жду к себе гостя!

— Слышите, ваше сиятельство? Нам надо спешить! — снова шепнул князю Данилов, и оба направились к выходу, к монастырским воротам, у которых Данилов постучался довольно громко. Им отпер сам отец Николай, уже преобразившийся из Хашима-Баши в степенного инок.

— Чего вы желаете, братия? — спросил он, ласково глядя на пришедших.

— Мы желаем говорить с отцом Николаем!

— Он перед вами!

— Мы испросили разрешения повидать вас, и вы сами назначили нам это время!

— Так, так! — проговорил отец Николай. — Прошу пожаловать. Ночь прохладна; нам с вами лучше будет побеседовать в моей скромной келье, чем здесь, на дворе! Следуйте за мной!

И мнимый монах повел их в другой конец здания, противоположный тому, где его товарищи все еще продолжали свою оргию. Вскоре посетители очутились в опрятной, скромно и бедно обставленной келье обычного монастырского вида.

— Милости прошу садиться, гости дорогие! — пригласил мнимый монах. — Расскажите, что привело вас ко мне!

Данилов, назвав себя, но умолчав о князе, рассказал, что, полагаясь на обещание Хашима-Баши помочь ему в случае нужды, явился сюда по данному атаманом адресу.

— Так, так, — кивал головой мнимый отец Николай. — Ну, а скажите, какую же услугу вы просите оказать Хашима-Баши!

— Это — тайна, которую я должен сообщить только атаману! — твердо произнес Данилов.

— Митька, полно разыгрывать комедию! — вдруг воскликнул князь, все время пристально вглядывавшийся в монаха.

Тот с яростью вскочил с места.

— Кто бы ты ни был, — воскликнул он, побагровев от гнева, — ты этими словами произнес свой смертный приговор; только один человек в мире мог бы говорить со мной так... и никто другой! — и он кинулся на князя.

Но Данилов был настороже. Одним сильным движением руки он прижал к стене Хашима-Баши, промолвив:

— Стой, это — князь Свечин!

Едва только Данилов проговорил эти слова, как гнев атамана словно рукой сняло.

— Князь Свечин! Батюшка! — бормотал мнимый монах глубоко взволнованным голосом. — А я не узнал было тебя!

— А я так сразу узнал, несмотря на твое переодевание! — проговорил князь.

Грозный атаман Черных Всадников был когда-то крепостным деда Свечина. Князь, которому тогда было лет десять, не раз избавлял сорванца Митьку, так звали бойкого мальчишку, приставленного в услужение молодому барину, от грозивших ему от старого князя суровых наказаний за его многочисленные проделки.

И Митька проникся к своему заступнику чувством глубокой преданности, что, впрочем, не мешало ему впоследствии удариться в бег.

Однако чувство благодарности было еще живо в нем и теперь, и при первом же звуке голоса молодого князя он превратился в прежнего почтительного слугу.

— Что угодно приказать сиятельному князю? — спросил он.

— У меня есть непримиримый враг, с которым я решил бороться не на жизнь, а на смерть! — начал Свечин.

— Кто он такой?

— Отставной казачий полковник Иванович!

— Иванович?!

— Да, он самый, главарь шайки негодяев, которые под прикрытием Общества Невидимых обделывают свои делишки. Теперь он старается заманить нас в развалины монастыря в степи и уничтожить там так, чтобы никто даже не узнал о нашей смерти!

— Вот как... Ну, теперь я все понимаю! — сказал бывший крепостной. — Прекрасно, этот негодяй попадет в свои же сети. Не пройдет и месяца, как кони Черных Всадников снова огласят степь своим ржанием! Будьте спокойны, ваше сиятельство!..

На другой день после того, как Свечин приобрел таких союзников, как Митька, или Хашим-Баши, и его молодцы, грозу всей степи, молодой граф Оливье со своими друзьями благополучно прибыл в Астрахань.

Как мы уже видели, для сохранения в тайне приготовлений к задуманной экспедиции в степь князь Свечин счел нужным до поры до времени ничего не сообщать о плане, выработанном Даниловым и Хашимом-Баши, отложив это до того момента, когда он представит им Данилова в день приезда мистера Джильпинга. Только Люс и Фролер знали обо всем и содействовали успеху приготовлений; под всевозможными костюмами, то под видом нищих, то разносчиков или торговцев на базаре, то странников следили они за Ивановичем и Холлоуэем, и притом так зорко, что ни одно их движение не могло укрыться от ловких сыщиков.

Приготовление к экспедиции быстро продвигалось вперед.

Однако и враг не дремал. Иванович, со своей стороны, усеял весь путь по степи засадами, ловушками и западнями, так что его враги могли избежать одной из них лишь для того, чтобы попасть в другую. Он сговорился с пятью или шестью кочевыми ордами киргизов и, описав им внешние признаки графа Оливье и его друзей, которых кое-кто из кочевников мог видеть в Астрахани, пообещал за голову каждого из них крупную награду. Ценой награды он привлек на свою сторону и других кочевников. Наконец, ему взялись помогать, как мы уже знаем, табунщики во главе с Черни-Чагом и Черные Всадники во главе с Хашимом-Баши. Но именно эти излишние предосторожности на этот раз и погубили его: Черные Всадники стали орудием его гибели.

Однако эту контринтригу необходимо было держать в строжайшей тайне, так как Хашим-Баши мог располагать только какой-нибудь сотней человек, числом, в сущности, ничтожным по сравнению с количеством сторонников, которых мог в данном случае выставить против них Иванович. Но, рассчитывая на отвагу своих молодцов и тот страх, который они внушали всему населению степи, атаман не пожелал других, посторонних союзников, тем более, что привезенные князем из-за границы многозарядные ружья в крайнем случае уравнивали шансы.

Было решено, что Хашим-Баши отправится со своими всадниками к развалинам монастыря, якобы по приглашению главы Невидимых. В то же время граф д'Антрэг в сопровождении своей свиты и человек двадцати табунщиков, из которых каждый был хорошо известен Данилову, должны были не спеша проследовать степью, избегая почтового тракта, где подкупленные Ивановичем кочевники могли подстеречь путешественников и напасть врасплох.

Не доезжая несколько верст до развалин, Хашим-Баши со своими всадниками должен был остановиться в степи, чтобы дать время подоспеть князю и молодому графу со свитой. Здесь решено было всем облечься в маски Черных Всадников и двинуться прямо на монастырь, чтобы оцепить со всех сторон, когда сторонники Невидимых менее всего ожидают этого.

Этот план был всеми одобрен, и после заката солнца решено было тронуться в путь.

Молодой князь и Оливье составили на всякий случай свои завещания и вручили их Баринovu. Незадолго до заката, разбившись на небольшие кучки по несколько человек в каждой, участники экспедиции тронулись разными путями к условленному месту.

Караван, затерявшийся в степи. — Бегство Джильпинга. — Буря. — Изба Черни-Чага. — Странник.

ЕРВАЯ ЧАСТЬ ПУТИ ЧЕРЕЗ ЗЕЛЕНЬ ОКА-ан степи завершилась благополучно, без особых приключений. Маленький отряд состоял из тридцати двух человек, в том числе двадцати табунщиков и одного казака, служившего проводником. Остальные же участники экспедиции уже достаточно знакомы читателю. В

том составе, в каком выступал теперь этот маленький отряд, вооруженный усовершенствованным заграничным оружием, он мог не бояться небольших орд кочевников, постоянно рышущих по степи, но, конечно, не мог вступить в открытый бой с целым кочевым племенем. Ввиду этого наши путешественники пошли окружным путем, минуя большие дороги и почтовый тракт, по которым двигались караваны и разбойничьи шайки.

На протяжении двух третей пути до перевоза Черни-Чага местность была плодородная; всюду паслись бесчисленные стада. Здесь было сравнительно спокойно и в отношении разбойников. Последняя же часть пути пролежала уже по совершенно бесплодной песчаной пустыне, где не дай Бог быть застигнутым ураганом! Бывали случаи, что песчаный буран погребал под собой целые караваны.

За песками начинались солончаки, где кристаллическая соль, лежавшая сплошным толстым слоем, издали представлялась спокойной водной поверхностью.

Прежде чем вступить на эту часть пути, путники сделали громадные запасы свежей воды, которая здесь была более необходима, нежели съестные припасы.

Передохнув в плодородной части степи, на границе песков, в одном селе, наши путешественники уже собирались тронуться в дальнейший путь, как к Свечину подошел сельский староста.

— Ваше сиятельство, — проговорил он, — лучше бы вам не заезжать в пески: не дай Бог, случится буря, — вам тогда несдобровать!..

— Нет, мы должны ехать! — твердо ответил князь.

— Тогда хоть возьмите проводника... У нас есть тут один; зовут его Степан. Он знает эти проклятые пески, как свои пять пальцев!

Свечин посоветовался со своими друзьями и, с их одобрения, пригласил Степана, мужика лет пятидесяти, но еще бодрого и энергичного.

Руководимые им, путешественники бодро тронулись в путь. Однако на первых же порах возникло одно затруднение, о котором никто раньше не подумал, хотя его легко было предвидеть: Пасифик, привыкший идти легкой трусцой, не поспевал за горячими степными конями. Что было тут делать?

Умерить аллюр настолько, чтобы Джильпинг мог следовать за остальными, нечего было и думать; при таких условиях потребовалось бы чуть не две недели на то, чтобы добраться до перевоза, а это было все равно, что совершенно отказаться от задуманного плана.

Затруднение удачно разрешил сам же почтеннейший джентльмен, из-за которого и произошла заминка.

— Господа, — начал он, — как известно, культурные расы утратили в физической выносливости и силе то, что они выиграли в смысле интеллектуальных способностей, а потому для меня столь же невозможно нестись по степи с быстротой двадцати или тридцати верст в час, как жонглировать на площади шестипудовыми гирями!

— Совершенно верно, — согласился князь, — у каждого свои способности, милорд!

— Вы правы, господа, и пэр Англии не должен ронять своего достоинства перед лицом всякого сброда!

При этих словах англичанин метнул злобный взгляд на табунщиков, которые не могли удержаться от смеха при воспоминании о том, как досточтимый джентльмен сделал большую часть пути, лежа животом вниз на седле и обхватив обеими руками шею своего осла: пострадавшие седалищные части не позволяли ему принять сидячее положение, что чрезвычайно забавляло остальных наездников.

— Что же вы думаете делать, милый Джильпинг? — спросил его Оливье.

— Вернуться назад в село; мы еще не так далеко от него отъехали, а оттуда я отправлюсь прямо к перевозу кратчайшим путем, по почтовому тракту, с одним проводником, в удобном экипаже. Я один ничем не рискую, даже если повстречаю кочевников; кроме того, кто же посмеет тронуть английского подданного?

Проект лорда Воанго встретил всеобщее одобрение. По почтовому тракту от села до перевоза было не более двадцати миль, и Джильпинг мог свободно прибыть к перевозу одновременно со своими друзьями.

Багаж Джильпинга немедленно перегрузили на одного из вьючных коней, которого князь предоставил в его распоряжение.

Устроившись снова в седле, к которому привязали большую подушку, на спине своего Пасифика, Джиллинг шагом тронулся по направлению к селу в сопровождении Тома, слуги капитана Спайерса, которого он предпочел в качестве проводника любому из табунщиков, предложенных ему князем.

Между тем путешественники, избавившись от заботы о тучном англичанине, снова пустились прежним аллюром по степи.

Оливье чрезвычайно волновался перед отъездом из Астрахани; он получил незадолго перед тем от княжны Надежды Федоровны одну из ее редких записочек, в которых та обычно писала: «Надейся и бодрись». Но последняя записка была более знаменательной; в ней говорилось, что через шесть недель княжна достигнет совершеннолетия и что к этому времени она ждет своего жениха к себе в Петербург, чтобы вместе с ним повергнуть к ногам государя свои мольбы о помиловании ссыльного отца.

И теперь графа невольно занимала мысль, выиграет ли он последнюю ставку в борьбе с ненавистным врагом.

Что касается Красного Капитана и князя Свечина, то они так горели жаждой мести, что только и помышляли о встрече с врагом, решив или погубить самим, или уничтожить его.

Между тем наступил вечер. Нужно было дать отдых утомленным лошадям, да и люди притомились. Решили раскинуть палатки. Но тут к князю подошел Степан и с озабоченным видом заметил:

— Я думаю, господин мой, что нам лучше бы не располагаться здесь на ночь, а дать только отдохнуть коням и ехать дальше!

— Почему так? — спросил князь.

— Потому что солнце садится, точно в пламени пожара! Глядите, по всему небу протянулись багровые полосы; в эту ночь непременно поднимется буря, и горе нам, господин мой, если мы очутимся в самом столбе бурана: тогда никто из нас не доживет до утра!

— Ты прав... Но ведь за песками начинаются солончаки, где соль лежит тяжелыми пластами, там мы будем в безопасности!

— Да, только бы нам туда добраться!

— А далеко ли это отсюда?

— Да верст сорок будет; раньше чем за четыре часа нам не доскакать, а буря разыграется, быть может, через час или через два!

— Хорошо! Попробуем уйти от бурана! — и князь тотчас же распорядился не расседлывать коней, а задать им корма и затем снова отправился в путь.

Между тем небо становилось все чернее и чернее; что-то мрачное и зловещее чувствовалось в воздухе, и когда наши путники

сели на коней и тронулись вперед, частые молнии пробежали уже по небу. Кони, будто чуя беду, мчались во весь опор, без понукания и хлыста, так что у всадников захватывало дух.

Вдруг легкий ветерок, предвестник грозной бури, пахнул в лицо нашим путешественникам, но вместо прохлады от него повеяло на них палящим дыханием раскаленной печи. То было первое дуновение бурана. Все невольно содрогнулись.

— Степан! — крикнул князь. — Сколько нам еще остается времени?

— С час, не больше, господин мой! — ответил старый табунщик.

Вскоре ветер стал дуть сильнее и порывистее; послышалось какое-то глухое, еще слабое завывание, словно кто-то жалобно стонал. Но мало-помалу завывание делалось все грознее, и наконец степь наполнилась воем и свистом, словно бушующее море.

С каждой минутой ветер делался крепче, с каким-то диким бешенством он вздымал песок, хотя еще не крутил его в воздухе и не завивал в столбы. Скоро позади путешественников вырос грозный черный песчаный смерч и с невероятной быстротой начал нагонять небольшой отряд, разрастаясь с каждой минутой.

— Бога ради! — крикнул Степан. — Погоняйте коней! Гоните, что есть мочи! Еще одно усилие. Смотрите, буран уже встал..

Всадники оглянулись. Действительно, на расстоянии менее одной версты позади них несясь гигантских размеров столб высотой в пятьдесят метров, подобный туче, застилающей весь горизонт. Он несясь с ужасающей быстротой, но, странное дело, без шума и свиста... Даже рев и вой ветра вдруг смолкли, и наступила жуткая тишина, страшная тишина.

Кони рванулись вперед, напрягая последний остаток своих сил. Мрак и громадное облако пыли были до того густы, что всадники едва могли различать голову своего коня; дышать было положительно нечем; еще несколько минут этой нестерпимой пытки — и кони и люди должны были пасть от истощения и задохнуться в этом раскаленном воздухе.

Вдруг крик радости огласил воздух: конские копыта застучали по твердой почве солончака.

— Не останавливайтесь! Вперед! Вперед! — гнал товарищей Степан.

Действительно, избежать столкновения с песчаным смерчем было невозможно; оставалось только одно: чтобы столб настиг как можно дальше в песчаной степи, так как, несясь по солончаку, смерч постепенно утрачивает свою силу и затихает.

Роковой момент был уже близок, и каждый невольно спрашивал себя, что с ним будет, когда его вместе с конем накроет

песчаный смерч. Последний был теперь уже не более чем в пятнадцати метрах от них; еще несколько секунд — и все будет кончено.

— Накройте себе головы башлыками! — снова крикнул Степан.

Едва успел он произнести эти слова, как страшная ослепительная молния разом озарила степь, и оглушительный удар, потрясший всю почву, обрушился на ошеломленных всадников, которые вместе с конями скатились на землю, смешавшись в одну груду, как опрокинутые детской рукой оловянные солдатики.

Каким-то невероятным чудом весь запас электричества разрядился в смерче и моментально сбил его в каких-нибудь двадцати шагах от наших путников. Теперь на его месте образовалась высокая песчаная насыпь высотой в десять-пятнадцать метров. Если бы путники были настигнуты этой громадной массой песка, то, конечно, никто из них не уцелел бы.

Несмотря на всю силу толчка наши путешественники малопомалу очнулись и стали подниматься на ноги, причем оказалось, что, если не считать легких контузий, никто серьезно не пострадал. Когда князь Свечин и Оливье сделали перекличку, то на нее откликнулись все их товарищи.

Если бы досточтимый Джильпинг не расстался с ними заблаговременно, то, конечно, не мог бы угнаться за ними в этой бешеной скачке и неминуемо стал бы жертвой бурана вместе со своим неразлучным Пасификом. Но, к счастью, этого не случилось...

Спустя два дня маленький отряд князя Свечина добрался наконец до перевоза. Путники с наслаждением приняли предложение Черни-Чага остановиться у него в избе и отдохнуть с дороги, поистине трудной и утомительной.

Как читатель знает, старый перевозчик был телом и душой предан Ивановичу и по просьбе последнего обязался захватить в плен графа Оливье и его друзей, чтобы затем доставить их под надежным конвоем на суд Невидимых в монастырские подземелья. Теперь путешественники сами отдали себя в руки хитрого старика, и тому стоило закрыть все входы и выходы своего дома, похожего на крепость, чтобы Оливье и его друзья очутились, как в мышеловке.

План был так прост, что не мог не удался.

Но случай и тут спас князя и его друзей.

Проходя по двору, он заметил, что какой-то странник все время бродил около избы, видимо стараясь привлечь внимание молодого князя. Наконец он сделал ему какие-то знаки и достав из-за пазухи записку, проворно подложил ее под камень у самых

ворот, а сам, не оглядываясь, быстро направился к берегу реки, где вскоре скрылся в прибрежных камышах.

Заинтересованный поведением странника, Свечин понял, что оставленная под камнем записка предназначалась ему.

Он ленивой поступью прошелся по двору и, выйдя за ворота, где его за забором никто не видел, быстро нагнулся и, приподняв камень, схватил записку. Затем, внимательно осмотревшись по сторонам, развернул ее и прочел:

Доверьтесь тому страннику, который передаст вам эту записку: он из наших. Действуйте решительно, мы вас ждем.

Митька

Не давая себе труда разгадать смысл этих слов, князь взглянул в ту сторону, где скрылся странник, и увидел руку, махнувшую высоко над камышами.

Князь все тем же ленивым, беспечным шагом направился к берегу.

— Остановитесь здесь, ваше сиятельство, — вдруг раздался подле него голос, — здесь нам удобнее всего поговорить! Сделайте вид, будто любуетесь видом за рекой!

В этом месте трава и ковыль росли так густо, что Свечин не мог видеть своего собеседника.

— Кто ты такой и что значит эта записка, которую я только что прочел?

— Вы можете вполне положиться на меня: я уже более месяца слежу за всем, что здесь делается, по приказанию Хашима-Баши, — отвечал странник. — Я знаю все тайные замыслы Невидимых. Атаман ждет вас в полусутках пути отсюда; это он вручил мне эту записку, чтобы вы вполне поверили мне.

— Что же ты мне скажешь?

— Черни-Чаг предатель, ваше сиятельство! Это — приспешник Ивановича, самый преданный его клевет на всем Урале!

— Я так и думал!

— Он недаром предложил вам гостеприимство: вас хотят схватить в эту самую ночь и выдать Ивановичу!

— Ты в этом уверен?

— Клянусь всем святым, что говорю истинную правду!

— Я верю. Но что же ты мне посоветуешь сделать?

— Уезжайте, ваше сиятельство, уезжайте сейчас; изба Черни-Чага, как вы сами видите, подобна крепости, и при малейшем подозрении все выходы из нее будут разом закрыты. Кроме того,

все здешние крестьяне на стороне ваших врагов. Скорее на коней, а когда Черни-Чаг и его молодцы увидят вас с оружием в руках и на конях, то не посмеют пойти на вас со своими кольями и рогатинами!

— Это все, что ты имеешь мне сказать? — спросил князь.

— Как только вы и ваши табунщики будете все в сборе, скачите вверх по реке. В нескольких шагах отсюда я буду ждать вас, чтобы провести к атаману!

— А как тебя звать?

— Захар!

— Хорошо, Захар, я тебя не забуду!

— Спешите, сударь, спешите, не то будет поздно: Черни-Чаг, ушедший в село собирать мужиков, каждую минуту может вернуться.

Трава и тростники зашелестели, и князь увидел, как его собеседник, согнувшись дугой, бегом бросился к реке, а затем побежал вверх по течению. Тогда князь поспешно вернулся в избу, разыскал Степана и в присутствии молодого графа в кратких словах изложил ему положение дел. Решено было уехать, не теряя ни минуты; старый табунщик взялся оседлать коней, не возбудив ни в ком подозрения. С этой целью он пошел в общую заезжую избу, где находились табунщики, и стал сердито пробирать их за то, что они до сих пор еще не купали лошадей, а затем погнал их на реку. Здесь, в густых камышах, люди поспешно оседлали коней, а Степан все ходил и ворчал, чтобы отвлечь от них внимание домашних Черни-Чага.

Тем временем Оливье и князь мимоходом предупредили своих друзей, прося их быть готовыми каждую минуту вскочить на коней в полном вооружении, по возможности неожиданно для Черни-Чага и его людей. Повозка была выведена и запряжена и люди готовы, когда князь со своими друзьями вошел в общую избу. Бегло окинув взглядом своих табунщиков и опросив, все ли в сборе, князь вышел на крыльцо. Из-за кустов вывели и подвели его коня. Князь поднял вверх свой хлыст; то был сигнал к отъезду. В один момент все были в седле.

— Вперед! — скомандовал князь. — Покажем этим негодяям, что мы их не боимся!

Едва только путешественники выехали из ворот, как по дороге из села показался Черни-Чаг. Завидев князя и его людей, он весь вспыхнул от злобы и, забыв всякую осторожность, крикнул своим людям:

— Чего вы зеваете! Запирайте ворота! Живо!..

Услышав эти слова, князь дал шпоры коню и решительно подскочил вплотную к перевозчику.

— Что? — грозно крикнул он. — Что это значит?! Да разве ты смеешь помешать нам уехать, когда нам вздумается?..

Голос его дрожал от бешенства.

Перевозчик понял свою ошибку и тотчас поспешил исправить ее.

— Как, ваше сиятельство на коне, в такое время? — воскликнул он с самым неподдельным изумлением. — Верно, мухи доняли вас... Ну, я и приказал закрыть ворота...

При виде такой наглости князь подумал, что лучше оставить дело так, как есть. Быть может теперь, когда замысел его не удался, перевозчик побоится открыто выступить против них и объявить себя сторонником Ивановича, а потому молодой князь, сделав вид, что поверил Черни-Чагу, сказал:

— Если так, то нам надо извиниться перед тобой, старик, что мы так внезапно вынуждены покинуть твой гостеприимный кров! Но мы только что получили вести, которые заставляют нас сейчас же продолжать путь!

— Помилуйте, ваше сиятельство, вам ли передо мной извиняться?! Ваша воля, оставаться или уезжать... Оно, конечно, жаль, что вы нашего хлеба-соли не откушали... Но, видно, не судьба...

— Да, на этот раз никак нельзя; но на обратном пути мы твоего хлеба-соли отведаем, а теперь прощай!

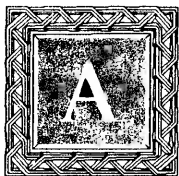
Князь прищепил коня и выехал со двора, а за ним последовали и остальные. Черни-Чаг раболепно поклонился господам, а затем, злобно хмурясь, прошел в избу.

Руководимые Захаром, наши путешественники в ту же ночь добрались до лагеря Митьки, где все до последнего обмотали свои лица черными тряпками, как Черные Всадники. На наскоро созванном совете ввиду необычайных обстоятельств решено было немедленно атаковать монастырь, прежде чем Черни-Чаг успеет известить Ивановича о случившемся.

И спустя несколько минут маленький отряд Черных Всадников, мнимых и действительных, неся уже по направлению к развалинам монастыря.

XXIII

Джилъпинг в роли Орфея

ДЖИЛЬПИНГА ВСЕ ЕЩЕ НЕ БЫЛО. ЧТО ЖЕ делал этот благородный лорд в то время, когда его друзья шли навстречу опасности? Не беспокойтесь, читатель, Джон Джильпинг не посрамил своего имени.

Благополучно возвратившись в село вместе с Томом, он терпеливо выждал, пока пронесся ураган, чуть было не погубивший его друзей, а затем, взяв опытного проводника, направился прямым путем к перевозу.

Целебная мазь из бараньего сала, яичных желтков и каких-то трав оказала благотворное влияние на поврежденные части тела британского подданного; последний значительно повеселел и, взобравшись на спину возлюбленного Пасифика, не спеша двинулся в путь.

Первую ночь пришлось ночевать в открытой степи, и Джильпинг уснул сном праведника в своей маленькой походной палатке, но каково было его изумление, когда, проснувшись поутру, он обнаружил, что его проводник исчез!

Однако, вспомнив, что в Австралии с ним и не то еще бывало, храбрый британец не пал духом, а, плотно позавтракав припасами из своей дорожной сумки, развернул карту уральских степей и с помощью своего компаса точно определил направление, по которому они должны были следовать, чтобы добраться до перевоза.

Но на этом их приключения не закончились.

Они успели уже довольно далеко отъехать от последней стоянки, как вдруг Том, немного отставший, указал мистеру Джильпингу на что-то видневшиеся вдали.

— Что там такое? — спросил Джильпинг. — Что тебя так напугало? — и вдруг сам чуть не остолбенел от ужаса: три громадных косматых медведя быстро приближались к ним, тихо ворча и мотая своими косматыми головами.

Том в испуге взобрался на вьючную лошадь и ускакал в степь. Пасифик же насторожил уши и скорее с любопытством, чем со страхом, уставился на медведей.

Не успел Джильпинг опомниться, как все медведи были уже около него; он инстинктивно поднял свой кларнет, который был у него в руках, и вдруг медведи, находившиеся уже в нескольких шагах от него, поднялись на задние лапы и встали, точно солдаты на часах. Тогда Джильпингу пришла в голову гениальная

мысль: он поднял к губам свой кларнет и принялся наигрывать шотландский национальный танец; медведи немедленно пустились в пляс, соразмеряя свои движения с темпом танца.

Достопочтенный мистер Джильпинг готов был уже приписать это магическому влиянию своей музыки, но при ближайшем рассмотрении оказалось, что медведи были снабжены ошейниками и скованы между собой довольно длинной цепью. Очевидно, это были выдрессированные животные, принадлежавшие, вероятно, какому-нибудь бродячему поводырю, застигнутому в степи недавним бураном. Хозяин их, по-видимому, погиб под песком, а животные, движимые инстинктом самосохранения, сумели спастись и теперь бродили по степи, связанные своей неразрывной цепью. Завидев Джильпинга, они побежали к нему, обрадованные тем, что снова обрели общество человека, к которому они привыкли и без которого чувствовали себя одинокими в этих степях.

У среднего медведя, кроме того, была еще обмотана вокруг шеи длинная цепь, за которую, вероятно, водил по городам свою тройку бурых погибший поводырь.

Отъехав на некоторое расстояние, Том остановился и глядел издали, что будет дальше. Джильпинг, оглянувшись, стал звать его назад, угрожая в случае неповиновения своей магазинкой.

— Ну же, слезай с коня, — крикнул ему лорд Воанго, — трус ты этакий! Разве не видишь, что здесь нет никакой опасности!

С этими словами мистер Джильпинг схватил лошадь под уздцы, а Том, соскочив на землю, поспешно спрятался за спину Пасифика.

По приказанию добродушного ученого Тому пришлось раскрыть один ящик с сухарями и предоставить содержимое в распоряжение медведей, которые принялись уписывать это угощение с величайшим аппетитом. Щедрость со стороны мистера Джильпинга настолько расположила косматых плясунов в его пользу, что когда после угощения он стал дружеским тоном уговаривать их отправляться, куда им будет угодно, они отвечали ему самым ласковым рычанием, что они никуда не желают уходить от него. Когда Джильпинг снова взобрался на своего Пасифика, чтобы продолжать путь, трое медведей побежали за ним следом, оставиваясь, когда он останавливался, и ускоряя аллюр, когда он его ускорял.

Напрасно Джильпинг старался обмануть непрошенных попутчиков, сбить их со следа или увернуться от них тем или другим путем. Это удавалось ему лишь на минуту, затем медведи опять уже бежали за ним следом, как верные собаки.

Такая привязанность была поистине трогательна. Но так не могло долго продолжаться. Джильпинг должен был спешить на выручку своих друзей, и медведи только стесняли его; кроме того, он вынужден был кормить их бисквитами, сухариками и печеньем, а пополнять эти запасы в степи было не из чего.

Что же было делать?

Джильпинг решил пуститься на хитрость.

С наступлением ночи наши путники по обыкновению разбили палатку и расположились на ночлег. Когда Джильпинг убедился, что медведи, свернувшись клубком, заснули крепким сном, он сделал знак Тому, который был уже предупрежден и держался наготове, чтобы тот сложил палатку, навьючил ее на коня, а коня взял под уздцы и тихонько, крадучись, отвел его в сторону. Сам Джильпинг с теми же предосторожностями отвел Пасифика, и только когда они были уже довольно далеко от медведей, они припустились изо всех сил.

Наши путники скакали в продолжение целых четырех часов, поминутно оглядываясь, чтобы посмотреть, не гонятся ли за ними медведи; наконец, убедившись, что медведи остались далеко позади, они снова разбили палатку и расположились отдохнуть до утра. С восходом солнца мистер Джильпинг был уже на ногах. По его расчетам, они должны были в этот же день, до наступления ночи, прибыть к перевозу. Том еще спал.

— Вставай, лентяй! — крикнул добродушный ученый. — Долго ты будешь спать?

С этими словами он вышел из палатки, но, едва переступив за ее порог, чуть было не лишился чувств от изумления: все три медведя, свернувшись клубком, мирно спали у самой его палатки, бок о бок с кротким Пасификом.

Джильпинг был тронут до слез.

— Ну, что делать, — сказал он, — видно, уж так надо. Сидя на Пасифике и сопровождаемый Томом, который будет вести за собой этих трех медведей, я совершу весьма торжественный въезд в свой милый Лондон! — И он самодовольно улыбнулся при этой мысли.

XXIV

Конец поединка. — Подземелья монастыря. — Охота на человека. — Адская машина. — Взрыв. — Час возмездия.

ванович и Холлоуэй прибыли в монастырь за несколько дней до назначенного дня торжественного собрания Невидимых.

Всегда осторожный до крайности, Иванович заранее предусмотрел возможные случайности и даже позаботился о том, чтобы обеспечить себе бегство, если его постигнет неудача.

А для более верного успеха дела они с Холлоуэем решили завершить свои подвиги устройством адской машины в подземельях монастыря, куда и намеривались заманить своих врагов.

Иванович благодаря своей близости к капитану Спайерсу приобрел основательные познания в области электричества, и потому собирался именно его использовать для осуществления своего страшного замысла. Когда план был разработан, то для Холлоуэя, специалиста этого дела, не составляло никакого труда реализовать задуманное. Изготовленный снаряд был заблаговременно отправлен в монастырь с доверенным слугой, так что обоим соучастникам преступления по приезду в монастырь оставалось только установить адскую машину в наиболее подходящем месте.

Когда оба преступника прибыли на место, навстречу им из уцелевшей кельи вышел какой-то человек.

— А, это ты, Кузьма? — спросил Иванович.

— Да, сударь, я!

Это был доверенный человек, один из тех фанатиков-простолюдинов, которыми пользовались для своих целей Невидимые; он и доставил сюда изготовленную Холлоуэем адскую машину.

— Прибыл кто-нибудь из наших братьев? — спросил его Иванович.

— Нет, я еще никого не видел.

— Странно, — заметил Иванович, несколько озабоченный, — а между тем на протяжении всего пути мы слышали, что странники оповещали жителей о предстоящем собрании Невидимых!

— У нас еще три дня до назначенного срока, сударь, и, вероятно, никто не хочет прибыть сюда раньше времени.

— Возможно! Ты знаешь выход из подземелья, что находится в десяти верстах отсюда, к западу?

— Знаю!

— Проводи туда наших двух казаков с лошадьми, оставшихся у ворот, и скажи им, чтобы они ни под каким видом не смели отходить от этого места!

— Слушаю! А мне самому прикажите вернуться?

— Да, может быть, ты понадобишься нам! А теперь скажи, где ты положил тот предмет, который мы поручили тебе доставить сюда!

— У самого входа в подземелье!

— Хорошо! Теперь иди, исполни мое приказание и не забудь вернуться под вечер; я буду тебя ждать!

Среди развалин монастыря уцелело несколько келий; Кузьма привез сюда съестные припасы и вино, так что Иванович и его компаньон могли не без удобства приятности здесь несколько дней.

Когда Кузьма вернулся, Иванович решил осмотреть подземелье, чтобы выбрать удобное место для установки адской машины. На всякий случай решено было установить ее в эту же ночь и по первому сигналу произвести взрыв; надо было предвидеть возможность прибытия графа Оливье и его друзей раньше, чем Черни-Чаг в случае неудачи возложенного на него поручения успеет дать знать об этом.

Однако, несмотря на все эти меры, Ивановича смущало то безлюдье, в каком он очутился здесь. Ни один из членов его Общества еще не явился на условное место встречи; от Черных Всадников также не было никаких вестей. Что могло означать это молчание?

Надо было спешить: с минуты на минуту могли явиться его непримиримые враги.

Захватив с собой фонарь, все трое спустились в подземелье через пещерную церковь. Пройдя по лестнице ступеней двадцать, Иванович вдруг остановился и, невольно вздрогнув, спросил:

— Вы ничего не слышали?

— Мне кажется, что-то шумит! — отвечал Кузьма.

— Э, полно, — проговорил Холлоуэй, — просто камень скатился с обрушившейся стены к моим ногам!

Удовлетворившись этим объяснением, Иванович стал молча спускаться в подземелье. Дойдя до конца лестницы, они остановились. Здесь стоял длинный ящик, вмещавший в себе адскую машину. Холлоуэй и Кузьма взяли его и понесли за Ивановичем, которому эти подземелья, по-видимому, были хорошо знакомы. Они спустились еще ниже, в просторный погреб, черное отверстие которого зияло перед ними словно раскрытая пасть. Некогда это отверстие в глубине погреба было замаскировано громадной ка-

менной глыбой, подобной тем, из каких состояли стены этого погребца. Камень этот, очевидно, вращался на могучем шарнире, но с течением времени железо заржавело, и теперь камень беспомощно лежал на земле, загромаздя собой проход в бесконечно длинную подземную галерею, служившую некогда убежищем монахам в грозную пору татарских набегов.

Едва только все трое ступили под сырые своды галереи, как какая-то четвертая фигура, отделившись от стены, стала, крадучись, следовать за ними, все время держась в тени. Вслед за ней показалась и другая фигура.

Иванович со своими пособниками пробыл около часа в подземелье, и, когда они вышли оттуда, его лицо дышало свирепой радостью...

Затем, прежде чем расстаться, полковник обратился к своему приятелю:

— Итак, решено: при первой же тревоге мы поспешим в подземелье, чтобы обмануть наших врагов, которые, конечно, кинутся за нами. Кузьма сначала будет противиться их угрозам и якобы только для того, чтобы спасти свою жизнь, укажет им, где мы схоронились! В тот момент, когда эти простофили ворвутся в погреб, где подземные ходы расходятся в разные стороны, мы, воспользовавшись их замешательством относительно направления, по которому им следует идти, соединим провода адской машины и уничтожим их всех разом... Опасно ли будет для нас с вами произвести этот взрыв?

— Не беспокойтесь, любезный мой Иванович, — сказал янки, — в этом отношении вы можете совершенно не сомневаться! Мой снаряд обратит в пыль все, что будет находиться в радиусе не более двадцати пяти метров! Как вам известно, установив снаряд, я провел от него провода на сто метров, а на таком расстоянии нам не грозит никакая опасность... Не падайте духом, мой друг! Куда девалась ваша неукротимая энергия, которая так восхищала меня раньше?!

— Признаться, Холлоуэй, я положительно не могу совладать с какими-то мрачными предчувствиями, которые осаждают меня! Мы здесь одни, а между тем сотни людей должны были собраться сюда по моему зову; что это значит, я не знаю, но что-то говорит мне, что какая-то сила, неведомая мне, становится на пути всех моих планов. Ни одного из моих приверженцев нет здесь... Черни-Чаг не подает признаков жизни, тогда как он должен был осведомлять меня обо всем, что происходит вокруг нас. А Хашим-Баши, который должен был прибыть на место раньше нас, где он? Его тоже нигде нет! Вы видите, что мои

страхи не напрасны... А это безлюдье кругом, эта торжественная, мертвая тишина среди развалин! Она давит меня...

— Все это плод воображения: у вас расходились нервы, и больше ничего! Допустим даже, что все наши планы рухнут, что все принятые нами меры ни к чему не приведут, однако я в любом случае ручаюсь, что снаряд-то не подведет нас и наши противники найдут себе могилу под развалинами монастыря!

— Хотелось бы, чтобы это было так, но мне не верится: что-то томит и гложет меня!

После этого приятели расстались, чтобы немного уснуть до утра. Только Кузьма остался на страже.

Между тем в это самое время две какие-то тени беззвучно выскользнули из пещерной церковки и понеслись по степи.

Эта ночь прошла мучительно для Ивановича; он как будто чувствовал, что возмездие приближается, и что ничто не в силах отворотить страшного наказания за все его бесчисленные злодеяния. Подобно приговоренным к смерти, которых почти всегда приходится будить, когда наступает роковой момент, Иванович под утро забылся тяжелым сном, еще более мучительным, чем бессонница. По временам неясные звуки и стоны вырывались из его уст; он простирал вперед руки, как бы отгоняя от себя страшные видения — длинные вереницы загубленных им людей...

Проснулся он, едва дыша, весь в холодном поту...

Рано утром к нему вбежал Кузьма с радостной вестью, что видны Черные Всадники; через полчаса они должны быть в монастыре!

— А! — радостно воскликнул Иванович. — Значит, мы спасены! И вместе с Холлоуэем, поспешил на полуобрушившуюся стену, чтобы насладиться отрядным зрелищем приближения своих союзников.

Но здесь им представилась странная картина. Перед ними верст на десять простиралось громадное пространство степи, и по этой зеленой равнине стройно двигался отряд всадников, в которых по черным покрывалам, окутывавшим их головы, нетрудно было признать Черных Всадников. Отряд двигался довольно быстро по направлению к монастырю, но был еще довольно далеко. А на расстоянии какой-нибудь версты от них мчался во всю мочь табунщик, за которым гнались двое Черных Всадников, стараясь отрезать ему путь.

— Ведь это посланный от Черни-Чага, — сказал Кузьма вглядываясь в табунщика. — Я его признаю... И коня также...

— Но с чего бы Черным Всадникам гнаться за ним? Неужели это какое-нибудь недоразумение?

Всецело поглощенные тем, что происходило у них на глазах, находившиеся на стене монастыря не имели даже времени основательно обсудить интересовавший их вопрос. Табунщик быстро уходил от своих преследователей, и вскоре стало ясно, что Черным Всадникам не нагнать его. Тогда, убедившись в бесполезности своих усилий, они прекратили погоню и вернулись к остальному отряду.

Между тем табунщик, словно ураган, ворвался в монастырскую ограду и вручил Ивановичу конверт, который он держал в зубах на протяжении всей погони, вероятно, чтобы в случае, если его настигнут, успеть проглотить его.

Иванович развернул записку и вдруг страшно побледнел.

Черни-Чаг писал ему:

Князь Свечин и граф, очевидно, предупрежденные кем-то, не захотели переночевать у меня и, пробыв самое короткое время, направились в лагерь Черных Всадников. Хашим-Баши — изменник и предатель... Бегите!

— Бежать! — с негодованием воскликнул Холлоуэй. — Нет! Смерть изменникам и горе вам, Иванович, если вы думаете, что эти люди оставят вас в покое!.. Ведь это борьба не на жизнь, а на смерть!

Иванович колебался.

Холлоуэй с презрительной усмешкой наблюдал за своим собеседником: ему хотелось выяснить, будет ли Иванович настолько подл, чтобы покинуть его здесь одного.

Между тем Черные Всадники неслись теперь уже во весь опор, и через пять минут бежать было бы уже поздно.

Бледный, как смерть, не произнося ни слова, Иванович, не глядя на своего сотоварища, направился к лошади табунщика, внутренне сознавая всю низость своего поступка.

Но Холлоуэй предупредил его: одним прыжком он очутился подле благородного животного и, приставив дуло пистолета к его уху, одним выстрелом уложил скакуна на месте, а затем, наведя пистолет на ошеломленного Ивановича, презрительно проговорил:

— Ни слова, ни движения, или вы мертвы! А, так вы хотели оставить меня одного! Я положительно не знаю, что меня удерживает поступить с вами точно так же, как с этим неповинным животным; это было бы прекрасным средством примирения с теми, кто теперь идет на нас. Но не бойтесь, я не способен на

подобную подлость... Еще несколько минут — и Черные Всадники будут здесь. Идемте, я вам покажу, как следует отстаивать свою жизнь, а в случае надобности уметь умереть.

— Ну, если так, то пусть будет по-вашему! — воскликнул Иванович. — Будем защищаться! Во всяком случае, наше дело еще не совсем проиграно!

В этот момент Холлоуэй остановился.

— Пусть только они потеряют хладнокровие, — пробормотал он, — пусть забудут осторожность, и тогда они — в нашей власти! С этими словами он схватил свое ружье и, положив ствол на камни полуразрушенной ограды, выстрелил.

— Попал! — воскликнул он торжествующим голосом.

И действительно, один из Черных Всадников закачался в седле и затем вдруг упал на землю.

Крик ярости огласил воздух, но отряд не остановился для оказания помощи раненому, а, напротив, с быстротой вихря понесся к монастырю.

— Ну, а теперь живо в подземелье! — крикнул Холлоуэй, и Иванович быстро последовал за ним. Не успели они скрыться в дверях храма, как в ограду ворвались Черные Всадники и мигом заняли весь двор.

В одну минуту они спешили; табунщик, присланный Черни-Чагом, спрятался в обрушившейся башне. Только один Кузьма остался посреди двора.

Хашим-Баши набросился на него и, приставив дуло своего пистолета к груди, закричал:

— Отвечай сейчас же, кто здесь стрелял?

— Товарищ Ивановича, — запинаясь, как бы с трудом выговаривал Кузьма, притворяясь, будто он едва держится на ногах от страха.

— Где они? — продолжал допрашивать Митька.

— Я не знаю!

— Ну, брат, я не стану повторять тебе трижды свой вопрос! — заревел атаман, взводя курок своего пистолета.

— Там... они там! — пролепетал Кузьма, — в подземельях пещерной церкви!

— Я так и думал! — засмеялся Хашим-Баши, которому эти места были хорошо знакомы. — Эй, Лобанов, захвати своих молодцов и скачи к выходу? Ты мне ответишь головой, если там проскользнет хоть один мышонок! Живо!

В одну секунду человек пятнадцать Черных Всадников вскочили на коней и понеслись в степь.

— Ну, а теперь за мной, в подземелье! — крикнул снова атаман. — Они, должно быть, еще недалеко... Не дадим им времени укрыться в каком-нибудь тайнике!

Как и предвидел Холлоуэй, его дерзкий выстрел взбесил врагов, лишив их всякой осторожности.

У каждого Черного Всадника имелся при себе фонарь; в одну минуту все эти фонари были зажжены — и подземелье осветилось, как днем. Черные Всадники побежали гурьбой и очутились

в большой зале, из которой подземная галерея расходилась в двух разных направлениях.

— Стой! — крикнул атаман. — Здесь нам надо разделиться: одни пойдут с князем направо, другие...

Не успел он договорить, как страшный взрыв оглушил всех, подобно тому, как это было там, в далекой Австралии, в кра-фенуа. Фонари разом погасли, и сильный ток воздуха пронесся по подземелью, опрокинув на землю всех находившихся здесь людей.

Но в следующий же момент раздался голос атамана:

— Друзья, кто-нибудь ранен?

— Нет! Нет! — послышалось со всех сторон.

— Эти негодяи подготовили нам злую ловушку; нам следовало ожидать этого. Но, благодарение Богу, беда нас миновала!

Фонари снова зажгли, и тогда можно было убедиться, что все отделались только испугом.

— Нужно посмотреть, не устроено ли там еще что-нибудь! — проговорил атаман. — Подождите меня! Я сам посмотрю! — и он направился по галерее, уходившей вправо. Не прошло и нескольких минут, как оттуда послышался его голос: сначала какие-то восклицания, а затем громкий зов. Несколько человек бросились к нему, и глазам присутствующих предстала столь ужасная картина, что ее трудно даже передать словами. Вся стена, на которую указывал атаман, была облеплена клочьями еще трепещущего человеческого мяса, а на полу лежали две головы, оторванные от корпуса, полураздавленные и расплюсченные; по ним еще можно было узнать Ивановича и Холлоуэя.

— Возмездие свершилось, — мрачно промолвил граф Оливье голосом, дрогнувшим от волнения. — И руки наши не обогрились кровью этих несчастных! Хвала небу!

По приказанию князя Свечина останки преступников были преданы земле тут же в ограде монастыря.

Нескольких слов достаточно, чтобы разъяснить ужасную развязку этой печальной драмы.

Когда Иванович еще до свидания атамана с князем Свечиным заручился поддержкой Черных Всадников, трое из людей этой шайки были отправлены в степь, чтобы оповестить сторонников Невидимых о предстоящем собрании в стенах монастыря. Но в то же время, повинуясь своему инстинкту закоренелых грабителей, они распространили слух о новом набеге Черных Всадников, зная, что каждый сколько-нибудь зажиточный человек поспешит зарыть все свое наиболее ценное имущество где-нибудь в потаенном месте. Оповестив о приближении Черных Всадников, один из посланных оставался в засаде и высле-

живал, в каком месте зарывались сокровища, после чего все трое в ночное время возвращались и вырывали клад.

Однако ограбленные жители скоро заметили эти кражи, и так как они приблизительно совпадали с приходом Черных Всадников, направлявшихся в сторону монастыря, то все невольно заподозрили в этом предполагаемом собрании Невидимых ловушку, устроенную Черными Всадниками, и решили не отправляться на собрание из опасения предоставить на разграбление хищникам свой дома и стада. Вот почему на этот раз никто из приверженцев Ивановича не пожелал явиться на его зов.

Атаман же, перейдя на сторону князя, выслушал донесение своих странников и, сообщив об изменении своих первоначальных намерений, оставил одного из них для наблюдения за избой Черни-Чага, возложив на него обязанность доносить о планах и намерениях старого перевозчика и обо всем, что ему удастся узнать и заметить. Двух остальных странников Хашим-Баши отправил в монастырь, строжайше наказав им ни на минуту не терять из виду Ивановича и его сообщников. Это и были те незнакомцы, которые прокрались накануне вслед за Ивановичем и Холлоуэем в монастырские подземелья. Поняв важность того, что им удалось выследить, они осторожно сдвинули с места адскую машину и зарыли ее под стеной, куда были проведены провода, с помощью которых следовало произвести взрыв. Они оставили провода на прежнем месте, скрыв под землей только ту часть, которая была прикреплена к снаряду. Таким образом, Иванович и Холлоуэй, сами того не зная, взорвали себя.

Совершив свое дело, оба странника поспешно добрались до выхода из подземелья в степь и, прирезав двух сторожевых казаков, спавших крепким сном у самого входа, залегли тут же, чтобы подстеречь Ивановича и его соучастника на случай, если бы тем удалось убежать. Здесь их и застал Лобанов со своим маленьким отрядом.

Возвращаясь обратно и прибыв к перевозу, граф Оливье и его друзья заметили большое стечение народа на главной площади села; по мере того, как они приближались, до их слуха стали доноситься мелодичные звуки кларнета. Вскоре они могли различить торжественные аккорды британского национального гимна «Боже, храни королеву».

— Это наш друг Джильпинг! — воскликнул Оливье и ускорил шаг. Остальные поспешили за ним.

Каково же было их изумление, когда они увидели достопочтенного Джильпинга, взобравшегося на подмости и изо всех сил дувшего в свой инструмент; впереди три ученых медведя плясали в такт торжественному мотиву... А тем временем он раздавал в

толпе щедрой рукой бесплатные библии всем желающим. Сначала жители уральских степей были крайне удивлены, получая эти дары, но затем некоторые из них стали перелистывать книгу и, пощупав ее, решили, что это прекрасный материал для изготовления пыжей для их ружей, после чего все руки стали тянуться за библиями.

Вдруг мистер Джильпинг перестал играть; у него оставалась всего только одна библия, одна-единственная. Он взял ее и, подняв высоко над головой, воскликнул:

— Вот все, что у меня осталось, леди и джентльмены, из трехсот тысяч шестисот девяноста семи библий, предоставленных мне Евангелическим обществом менее трех лет тому назад... Да, это последняя, самая последняя. Кому отдать последнюю, господи?

— Мне, мистер Джильпинг! — крикнул из толпы чей-то голос. — Я сохраню ее на память о вас!

Добродушный проповедник оглянулся и увидел перед собой весело усмевавшегося старого траппера; за ним стояли все его австралийские друзья.

— Дорогой мистер Джон, разбейте ваш кларнет; мы сражались под монастырем, а вас не было с нами! — шутливо воскликнул граф Оливье. — Но я вижу, что вы здесь соперничаете с Орфеем! — добавил он, указывая на медведей.

— Это всевышний послал мне их в степи, — сказал Джильпинг. — Ну-ка, Вилли, Джек и Джеймс, попляшите для друзей!

И медведи, успевшие уже привыкнуть к своим кличкам, пустились плясать под звуки церковных мотивов.

На другой день маленький отряд князя Свечина, пополненный лордом Воанго и его тремя косматыми друзьями, тронулся в путь по направлению к Астрахани...

Спустя три месяца небольшая группа людей разгулиwała по молу Ливерпульской гавани, в ожидании отплытия «Вечерней Звезды», превосходного пакетбота, отправляющегося в Мельбурн. По тому волнению, какое можно было увидеть на их лицах, легко было угадать, что не все они отправлялись в далекие края.

Молодая женщина, сияющая счастьем, молодостью и красотой, опиралась на руку одного из мужчин этой разнородной группы. Читатель без труда узнал бы в нем нашего друга Оливье, надежды и мечты которого наконец сбылись. Благодаря следствию, проведенному с невероятной тщательностью и добросовестностью молодым князем Свечиным, невиновность старого князя

Васильчикова была доказана, и государство не только вернуло его из Сибири, но и возвратили ему все его прежние чины и положение при дворе. После этого ничто уже не препятствовало браку молодых влюбленных.

Что касается Дика, то, несмотря на все усилия друзей, старый траппер решил вернуться в Австралию, с природой и нравами туземцев которой он уже успел свыкнуться в течение долгих лет.

Капитан же Спайерс, после того как его жажда мести была удовлетворена, искал только покоя, который мог найти лишь в тиши австралийских лесов. Поэтому с согласия Дика и он решил окончить свои дни во Франс-Стэшене, возле старого траппера.

Туземец, молодой Воан-Вах, не помнил себя от радости при мысли о возвращении на родину...

С судна подали знак близкого отплытия, и для друзей наступил момент расставания.

— Часть своего сердца я оставляю здесь! — сказал растроганный траппер, обнимая в последний раз своего возлюбленного Оливье.

— Но взамен вы увозите добрую долю нашей общей к вам любви! — сказала, улыбаясь, молодая женщина.

С пакетбота раздался пронзительный свисток, и «Вечерняя звезда» плавно тронулась, лавируя между сотнями стоящих на якоре судов, вышла в открытое море и вскоре совершенно скрылась в вечернем тумане.

Не хватало при этих проводах только одного человека — Джона Джильпинга. По несчастной случайности благородный лорд не мог отлучиться в этот день из Верхней палаты, где он теперь заседал и где именно в этот день должен был произнести свою речь.

Князь Свечин был назначен посланником в Париж. Что же касается Люса и Фролера, то, обогащенные щедротами графа д'Антрэга, они приобрели себе великолепное поместье на берегу Марны и всецело предались наслаждениям рыбной ловли на удочку.

Содержание

Пожиратели огня

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ *Роковое кольцо*

I

Оливье Лорагю д'Антрэг. — Полковник Иванович. — Тайнственная записка. — Галлюцинации. — Тайный трибунал. — Отъезд в Париж. . . . 7

II

Прогулка в Булонском лесу. — Посланец Невидимых. — «Помните, что это борьба не на жизнь, а на смерть». — Состязание. — Князь Урусов. — Ограбление. . . . 16

III

Австралийский буш. — Лесные бродяги. — Каторжники и искатели золота. — Тидана, пробивающий головы. . . . 20

IV

Мельбурн. — Залежи золота. — Встреча в «Восточной гостинице». — Новые друзья. . . . 25

V

Рассказ Дика. — Золотой грот. — Прииск самородков золота. — Уговор. — Шпион. . . . 29

VI

Отправление. — На страже. . . . 31

VII

Тревога. — Крик австралийской совы. — На разведке. — Черный Орел. — Лесовики. — Джон Джильпинг, эсквайр. — Пасифик. . . . 32

VIII

Дундарупы. — Схватка. — Ружье Тиданы. — Окружены врагами. . . 38

IX

Скальпы. — Австралийские туземцы и их войны. — Столб пыток. — Хитрости туземцев. — Отравленные источники. — Обмен крови, или кровный союз. . . . 47

X

Страшное оскорбление. — Воинственный гимн. — Джон Джильпинг играет «Боже, храни королеву». — Кораджи. — Страх и трепет нагарнуков. — Австралийские суеверия. — Кра-фенуа. — Бегство. . . . 54

	XI	
Кра-фенуа. — В недрах земли.		59
	XII	
Лабиринты кра-фенуа. — Обед. — Отец Дика и дед Оливье. — Дружественная беседа.		62
	XIII	
Пробуждение Джильпинга. — Сын и внук героя Независимости. — Заблудились. — Взрыв в недрах земли.		65
	XIV	
Невидимые. — Обсуждение. — Непреодолимые препятствия. — Обвал.		70
	XV	
Мнение Джильпинга. — Безвозвратно погибли. — Возвращение Блэка. — Последние испытания. — Дик не возвращается!		74
	XVI	
На помощь Дику. — Уход Лорана. — Застрял в туннеле.		77
	XVII	
Непреодолимый сон. — Грозное привидение. — Предотвращенная опасность. — Ужасное положение. — Всеобщее отчаяние и безнадежность.		81
	XVIII	
Расследование Дика. — На страже. — Совет лесовиков. — Возвращение Черного Орла. — Выступление из кра-фенуа. — Наконец-то спасены!		86
	XIX	
Отправление в страну нагарнуков. — <i>Urtica australis</i> . — Западня. — Пленники.		91
	XX	
Австралийские племена. — Нравы и обычаи. — Верования и суеверия. — Столб пыток.		95
	XXI	
Ночь в плену. — Человек в маске. — Оргия дундарупов. — Приготовления к пытке. — Спасены неожиданными друзьями.		103

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

В дебрях Австралии

	I	
Праздник в Мельбурне. — Боксеры. — Том Пауэлл, чемпион Австралии и Англии, и Джеймс Тайлер, чемпион Америки.		110
	II	
Искатели золота. — Проспекты Лебяжьего прииска. — Возвращение в Мельбурн. — Концессия. — Путешествие Лорана. — Сыщик и барон.		112
	III	
Человек в маске и Том Пауэлл. — Торг. — Пятьдесят тысяч долларов за один удар кулаком.		120
	IV	
Нахальный вызов. — Французское собрание.		124

V

Борьба. — Тайнственное предостережение. — Функаль и сыщик Люс. — Слишком поздно! — Победа чемпиона Франции. — Вечер в клубе. — Еще одно предостережение. — Могила Оливье.	126
---	-----

VI

Чертов кабачок. — Мистер Боб. — План Виллиго.	135
---	-----

VII

Залив Ободранных — Решение об отъезде. — Подозрения Виллиго. — Западня и освобождение.	143
--	-----

VIII

Визит в португальское консульство. — Мнимый барон де Функаль. — Тайнственный дом. — Измена. — Зажаты стеной.	151
--	-----

IX

Виллиго и Блэк. — Недоумение туземца. — Что случилось с его братом, Тиданой? — Прибытие Джильпинга. — Песня нагарнукского воина. — Советы Джильпинга.	157
---	-----

X

Чай эсквайра Джильпинга. — Блэк нашел след. — Они здесь! — Засада. — Пять трупов.	162
---	-----

XI

Часы ужасной пытки. — Человек в маске. — Отчаяние Оливье. — Страшное усилие канадца. — Спасены!	173
---	-----

XII

Жизнь в буше. — Странные феномены австралийской фауны. — Охотники.	179
--	-----

XIII

Советы Люса. — Новый прииск. — Открытие золота в Австралии. — План лесовиков. — Посещение рудников.	182
---	-----

XIV

На страже. — Крик пагу. — Смерть Менуали. — Похоронный обряд.	188
---	-----

XV

Суеверия. — Бегство пленника. — Ранчо Кэрби. — Грозящая опасность.	196
--	-----

XVI

Решение канадца. — Несчастье. — Помощь вовремя. — Исчезновение Олдхэма. — Появление Черного Орла. — Что делать?	200
---	-----

XVII

Предсказания Виллиго. — Страшная ночь. — Чертов пик. — Ночная экскурсия Виллиго.	205
--	-----

XVIII

Лесные бродяги. — Море огня. — Мщение Черного Орла.	211
---	-----

XIX

Изумление осажденных и осаждающих. — Благополучный исход нападения. — Письмо мистера Джильпинга. — Великий день Виллиго. — Месть дикаря.	216
--	-----

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ *Корабль-призрак*

I

Сессия суда в Сан-Франциско. — Капитан Джонатан Спайерс. — Убийца китайцев и мистер Джон Хэбрук Литлстон. 221

II

Мечты Красного Капитана. — Эврика. — Отчаяние. — Мысль о самоубийстве. — Еще раз человек в маске. — Чек в девять миллионов. — Номер триста тридцать третий. 234

III

Двадцать второе марта, 11 часов 27 минут вечера. — Иванович. — «Ремэмбер». — Отборный экипаж. 251

IV

Испытания. — «Лебедь» и «Оса». — Суша, небо и море. — Озеро Эйр. 257

V

Лебяжий прииск. — Взрыв. — Таинственные огни. — Франс-Стэшен. — Ночная экскурсия на озеро. — Фантастическое видение. — Русский и янки. 265

VI

Виллиго во Франс-Стэшене. — Джильпинг у нготаков. — Письмо Люса. 276

VII

Преследование на озере. — Таинственный огонь на воде. — Подводный пленник. — Призрачное судно. — Разряд электричества. — Гибель «Княжны». — План «человека в маске». 283

VIII

Разговор между Красным Капитаном и Ивановичем. — Отправление Джонатана Спайерса в Франс-Стэшен. — Новый подвиг Виллиго и Коанука. 290

IX

Размышления графа д'Антрэга. — Приготовления к празднику. — Статуя Дика. — Честолюбивые замыслы Джонатана Спайерса. — Виллиго и Коанук на страже. 296

X

Внезапное нападение. — Захват «Лебедя». — Убийство негра. — Старые знакомые. 307

XI

Происхождение Пожирателей Огня. — История колонизации Австралии. 316

XII

Нагарнуки. — Священный Огонь. — Обычай, нравы и верования нагарнуков. 320

XIII

Праздник огня. — Столб пыток. — Борьба на берегах озера. — Виллиго и Коанук ранены насмерть. 333

XIV

Письмо Джона Джильпинга. — На откорме у нготаков. — Похищение. 349

XV

Признания Оливье и Красного Капитана. — Убийца Виллиго. — Пропажа «Лебеда».	359
---	-----

XVI

Идея Джильпинга. — Подводное путешествие «человека в маске» и «Лебеда». — Последнее объявление войны.	367
---	-----

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Таинственная маска

I

Смерть Виллиго. — Похороны вождя. — Тревога в лесу. — Птица-пересмешник.	381
--	-----

II

Военный совет. — «Лебеда». — Бегство через лес. — Джильпинг исчез.	391
--	-----

III

Секрет «Лебеда». — Четыреста миль за восемь часов. — Ошеломленный Дадсон. — Разряд электричества. — Уничтожение «Надежды». — Страшные опасения.	397
---	-----

IV

Джонатан Спайерс и Джильпинг	401
------------------------------	-----

V

Приготовления. — Идея мистера Джильпинга. — На борту «Ремэмбера». — Волнения Джона Хэббука Литлстона. — Заговор.	403
--	-----

VI

Шар Джильпинга. — Военная хитрость. — Хомутов.	408
--	-----

VII

Бой. — Смерть героя. — Бегство под водой. — Последний день нготаков.	415
--	-----

VIII

Ночное нападение. — Генерал дон Хосе Коррасон. — Глаз сыщика.	424
---	-----

IX

Совещание. — Двойной смертный приговор.	431
---	-----

X

Случай с Люсом. — Секретная комната. — Каким образом избавляются от шпионов.	436
--	-----

XI

Два сыщика	444
------------	-----

XII

Притон на Монмартре. — Господин Иван. — Заживо погребенный.	450
---	-----

XIII

Спасены и отомщены. — Тайна «человека в маске».	458
---	-----

XIV

Общество Невидимых	462
--------------------	-----

XV

Оренбургские степи. — Табунщики. — Нападение волков.	465
--	-----

XVI

Осада в степи. — Иванович и Холлоуэй. — Отчаянное положение. — Два казака. 470

XVII

Спасение. — Подвиг табунщиков. 478

XVIII

Заговор. — Проекты Иванoviча. — Ночное совещание. — Снова странник. 481

XIX

Что случилось с Джильпингом. — Из любви к науке. — Лорд Воанго. — Проект князя Свечина. — Отъезд в Астрахань. — Деша. — Трогательный приезд. 484

XX

Данилов, степной бродяга 489

XXI

Странноприимный монастырь. — Отец Николай. 493

XXII

Караван, затерявшийся в степи. — Бегство Джильпинга. — Буря. — Изба Черни-Чага. — Странник. 499

XXIII

Джильпинг в роли Орфея 507

XXIV

Конец поединка. — Подземелья монастыря. — Охота на человека. — Адская машина. — Взрыв. — Час возмездия. 510

Л. Жаколио

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Том IV

Редактор
Т. Рютина

Художественные редакторы
И. Сайко, С. Шалимов

Технический редактор
Е. Серегина

Корректор
В. Лизунова

ЛР № 030129 от 02.10.91 г.

Подписано в печать 10.03.93. Формат 60х90 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 33,0. Усл. кр.-отт. 33,0. Уч.-изд. л. 33,9. Тираж 50 000 экз. Заказ 271.

Издательский центр «ТЕРРА». 109280, Москва, Автозаводская ул., 10, а/я 73.

Отпечатано с оригинал-макета на Ярославском полиграфкомбинате
Министерства печати и информации Российской Федерации,
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97.

Пуи
ЖАКОЛИО

